This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

XLIII 9/29 PSlav 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ VII. АПРѢЛЬ. 1888 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Тихія слезы. Повѣсть **І. І. Ясинскаго. (М. Бѣлинскаго).** . . . 5

II. Въ уединеніи и въ толпѣ. Стихотвореніе **Л. И. Пальмина.** . . 25

III. Переселенческая эпопея. **Я. В. Абрамова** 26

IV. Похожденія Эксцельсіора. Романъ **Бретъ-Гарта.** 77

V. Именинникъ. Романъ **Д. Сибиряка.** (*Оконч.*) 158

VI. Изъ Тардьё. Стихотвореніе **А. В. Круглова.** 185

VII. Иллюзіи доктора Фаустино. (Съ испанскаго). Романъ **Жуана Валеры.** (*Оконч.*). 186

VIII. Расплата. Повѣсть **К. В. Назарьевой.** 220

IX. Трудная обязанность. (Современная сказка). **Жака Нормана.** . 248

X. Русская живопись въ 1888 году. **В. В. Чуйко** 262

XI. Вопросы дня. **В. П. Безобразова** 291

XII. Баядера. Стихотвореніе **графа П. Д. Бутурлина.** 301

XIII. Этикетъ. (Арабеска-рококо). **Лолы Киршнеръ.** 303

(см. на оборотѣ).

№ 4 «Наблюдателя» вышелъ 15-го апрѣля 1888 года.

Подписка на 1888 г. принимается: въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (Владимірская, № 1—6); въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской, Петровскія

Современное Обозрѣніе.

СТР.

XIV. Парижскія письма. 1
Затрудненія внутренней политики.—Буланжэ и его противники; истинный характеръ буланжистскаго движенія.—Новое министерство; надежды и опасенія минуты.—Зимнія мелодіи.—Увлеченіе Россіей и русскимъ. „Revue de Paris et de St.-Pétersbourg". L'Incident Daudet-Tourguéneff. „Власть тьмы" Л. Толстаго на парижской сценѣ.—Выставка картинъ Верещагина.

XV. Медвѣжья услуга Тациту. **Ignarus**. 10

XVI. Политическая хроника 21
Первый мѣсяцъ новаго царствованія.—Два направленія германской политики.—Бисмаркизмъ и либерализмъ.—Антагонизмъ политическій и семейный.—Первые акты Фридриха III.—Рескриптъ германскому канцлеру.—Прусскія власти, не признающія новыхъ вѣяній.—Похороны Вильгельма I.—Благодарность за сочувствіе усопшему императору, высказанная Бисмаркомъ Кореѣ и всей Европѣ—кромѣ Россіи.—Можетъ ли канцлеръ выйти въ отставку?—Продолжающаяся экономическая война съ Россіей.—Полемика рейнской и петербургско-французской газеты.—Бисмарковскій кризисъ.—Романъ экс-болгарскаго князя и трехъ Викторій.—Начало и конецъ XIX столѣтія.—Франція, готовящаяся къ новой революціи.—Безтактность правительства.—Увольненіе Буланжэ отъ службы и оправданіе Вильсона.—Манифестъ Буланжэ и паденіе кабинета Тирара.—Министерство Флокэ.—Пересмотръ конституціи и распущеніе палаты.—Будетъ ли Буланжэ диктаторомъ?—Близость революціи въ Румыніи и Сербіи.—Послѣдній актъ Кобургіады въ Болгаріи.

XVII. Новыя книги: 1) **Брюхо Петербурга**. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова*. Изданіе Ф. Павленкова. 1888. 2) *М. Урсинъ*. **Очерки изъ психологіи славянскаго племени**. Славянофилы. 1887. 3) **Памяти *А.* И. Полежаева**. Біографическій очеркъ по вновь собраннымъ матерьяламъ. *П. А. Ефремова*. 1888. 38

XVIII. Наши внутреннія дѣла 43
Небольшая экскурсія въ область политики.—Цѣль этой экскурсіи.—Лучъ свѣта, брошенный новымъ германскимъ императоромъ, Фридрихомъ III, на вопросъ о высшемъ образованіи.—Необходимость усиленія воспитательнаго начала въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Слухи, возникшіе по поводу недавнихъ студентческихъ безпорядковъ.—Значеніе и характеристическія особенности этихъ слуховъ.—Нелѣпость существующаго будто бы проэкта о лишеніи профессоровъ жалованья въ случаѣ закрытія университета вслѣдствіе студентческихъ безпорядковъ.—Нѣсколько замѣчаній по поводу этого проэкта.—Докладъ профессора А. А. Исаева о главнѣйшихъ причинахъ переживаемаго нами сельско-хозяйственнаго кризиса и мѣры къ его устраненію.—Устройство переселеній земледѣльцевъ en grand.—Невозможность осуществленія этой мѣры.—Бѣглый взглядъ на мѣры къ устраненію сельско-хозяйственнаго кризиса, предлагаемыя К. И. Масляниковымъ, въ журналѣ: „Сельскій Хозяинъ".—Польза учрежденія хлѣбной инспекціи.—Способы ея организаціи.—Анализъ другихъ мѣропріятій къ устраненію сельско-хозяйственнаго кризиса.—Нѣсколько словъ по поводу дѣятельности высочайше учрежденной комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. Плеве.—Наши pia desideria.

XIX. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя"). Стихотворенія: **Ефима Простосердова** и **Е. Кара** 60

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Библіотеки и кабинеты для чтенія пользуются (по выбору) *комиссіонной уступкой* или *разсрочкой годовой платы*, но только въ томъ случаѣ, если выписываютъ *не менѣе семи годовыхъ экземпляровъ журнала.*

Книжные магазины, *выписывающіе журналъ для находящихся при нихъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія*, подчиняются тому же условію.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 4.— АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголъ Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1888.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЬ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

PSlav 475.65 (7 Ап. 4 1888)

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1888 ГОДУ (ГОДЪ СЕДЬМОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Володинъ, Г. А. Мачтетъ, (Гм), д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщиковъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зарницкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Круловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Рончеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Съверинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50 к.
Съ пер. въ другія мѣста Имперіи.	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **16 р.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра „*Наблюдателя*“: 1) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена*, 2) **Сераписъ**, *Г. Эберса*, и 3) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **3 руб. 50 коп.**

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (ул. Стремянной и Владимірской, № 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые записаны въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JAN 12 1979

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена*. Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
2) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Одинъ томъ. 1 р.
3) **Серапись**, *Георга Эберса*. Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *два* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова*. Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій*. Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

ТИХІЯ СЛЕЗЫ.

Повѣсть.

XIII.

Вѣра съ нетерпѣніемъ ждала Павла Павловича.

Когда она разставалась съ нимъ хоть на короткое время, ея чувство къ нему вдругъ выростало, она любила его еще больше. Ежели онъ не возвращался къ назначенному сроку, къ ея чувству примѣшивался неопредѣленный страхъ. Ужь не слабѣетъ ли любовь Павла Павловича? Ужь не тяготится ли онъ свой Вѣрой? Можетъ быть, она какъ нибудь не угодила ему? Что если случится встрѣтиться Павлу Павловичу съ тою барынькою, о которой онъ разсказалъ тогда въ ресторанѣ? Да полно, одна ли эта барынька можетъ стать ей на дорогѣ? Мученья ревности разрывали грудь молодой женщины; постепенно ей начинало казаться, что Павелъ Павловичъ собирается бросить ее. А чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе разростался ея страхъ; она съ ужасомъ оглядывалась на прошлое; будущее представлялось ей въ самомъ мрачномъ видѣ. Но приходилъ Павелъ Павловичъ, и вся ея тревога исчезала. Пропадалъ устрашающій образъ грядущаго, она обнимала Павла Павловича, и ей было странно, почему приходили ей въ голову всѣ эти ревнивыя, печальныя мысли. Онѣ казались ей сномъ.

Теперь повторилась съ Вѣрой обычная исторія, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Когда на другой день Павелъ Павловичъ не пріѣхалъ, и Вѣра Семеновна одна возвращалась съ пристани, губы ея дрожали отъ сдерживаемыхъ слезъ, и она закрывалась зонтикомъ, чтобы сосѣди не увидѣли ея смущеннаго лица. Она весь день провела въ своей спальнѣ, устремивъ глаза въ уголъ, между тѣмъ какъ ея мысли были далеко, далеко.

Ночью Вѣра разрыдалась. Она плакала такъ громко, что прислуга слышала въ кухнѣ ея рыданія. Но когда Вѣра убѣдила себя, наконецъ, что Павелъ Павловичъ охладѣлъ къ ней, у нея явилась потребность ободриться и утѣшиться. „Ахъ, нѣтъ, сказала она себѣ: я напрасно, должно быть, тревожусь. Лѣто, разъѣхалось все начальство. Павелъ Павловичъ долженъ писать бумаги за всѣхъ, а бумагъ много накопилось. Онъ, бѣдненькій, работаетъ, а я богъ знаетъ что объ немъ думаю. У меня нечестное воображеніе. Ни одна женщина такъ не любитъ его, какъ я, моя любовь сильнѣе; поэтому зачѣмъ же ему измѣнять мнѣ"? Она взяла свѣчу и спустилась въ кабинетъ Павла Павловича, чтобы посмотрѣть на его любимыя вещи и книги. Вѣра сѣла къ письменному столу, и ей бросился въ глаза ключъ отъ стола. Павелъ Павловичъ до сихъ поръ имѣлъ свои тайны. Онъ не всѣ письма давалъ читать Вѣрѣ и не всѣ свои бумаги. Было очень поздно; Вѣра знала, что никто не застанетъ ея въ кабинетѣ. Женское любопытство взяло верхъ надъ соображеніемъ, что не слѣдуетъ дѣлать того, что не понравилось бы Павлу Павловичу. Замокъ щелкнулъ два раза со звономъ, у Вѣры Семеновны сильнѣе забилось сердце, и она выдвинула ящикъ.

Ящикъ наполняли письма; они лежали болѣе или менѣе въ порядкѣ. Вѣра Семеновна нѣсколько разъ снималась въ этомъ году для Павла Павловича. Ея карточки лежали въ пачкѣ другихъ карточекъ, которыхъ она не видѣла прежде у Павла Павловича, но которыя, должно быть, у него давно. Она пересмотрѣла ихъ. Всѣ онѣ изображали женщинъ, всѣ женщины были хорошенькія. Одна изъ нихъ сидѣла въ короткомъ платьѣ балерины, протянувъ впередъ длинныя бѣлыя ноги и прикусивъ мизинецъ съ лукавымъ и вмѣстѣ непристойнымъ выраженіемъ лица. Вѣра выбрала свои карточки и изорвала ихъ. Ревнивое чувство опять поднялось въ ея груди, она жадно набросилась на письма. Вскорѣ ей попалось письмо матери Павла Павловича. Старушка, между прочимъ, писала: „Ты, Павликъ, въ такихъ лѣтахъ, когда у мужчины должна быть, если онъ не женатъ, какая нибудь связь съ лѣвой стороны. Я не осуждаю тебя за твою Вѣру, но я боялась интригъ, на которыя способны вообще всѣ эти женщины.

Меня обрадовало твое послѣднее письмо, гдѣ ты пишешь, что начинаешь привыкать къ мысли, что твоя Вѣра не годится тебѣ въ жены. И слава богу! Ты забылъ, что Варенька Любичъ уже почти невѣста. Пріѣзжай поскорѣй—я порадуюсь на твое счастье. А у насъ средства не велики, и съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и труднѣе содержать тебя въ Петербургѣ. За Варенькой же тридцать тысячъ"... У Вѣры потемнѣло въ глазахъ отъ этихъ строчекъ, полныхъ такого презрѣнія къ ней. Но ревность и страхъ за свое будущее дали ей силу прочитать еще нѣсколько писемъ. Одно изъ нихъ было отъ неизвѣстной особы, которая жаловалась на безсердечность Вертѣева: „я люблю тебя безъ всякой хитрости и относилась къ тебѣ съ полнымъ уваженіемъ моего сердца. Я думала, что такой блондинъ... Нѣтъ, это слишкомъ много для меня! Но ты насмѣялся надъ простодушной довѣренностью швеи. А я, слезами обливая уединенную подушку, продолжаю мечтать о твоихъ жестокихъ глазахъ". Въ другомъ письмѣ стояло: „Я приду къ вамъ съ подругой... Не знаю, чего бы я не сдѣлала для васъ". Каждое письмо отличалось своей бумагой, почеркомъ, цвѣтомъ чернилъ. Отъ иныхъ пахло духами—и тоже разными. На нѣкоторыхъ виднѣлись слѣды слезъ. Предъ Вѣрой Семеновной точно прошла толпа всѣхъ любовницъ Павла Павловича, можетъ быть, милыхъ и прекрасныхъ, но память о которыхъ уже поблекла въ его сердцѣ, какъ поблекнетъ память и объ ней. Вѣра съ ужасомъ почувствовала, что она обречена быть въ этой толпѣ. Продолжая обыскивать столъ, Вѣра нашла въ этомъ ящикѣ начало дневника Павла Павловича. Нѣсколько строкъ въ этомъ дневникѣ было посвящено ей. Но ее поразило, что онъ, Павелъ Павловичъ, почти все налгалъ. Вотъ что онъ написалъ: „Я сидѣлъ въ своей роскошно убранной комнатѣ и, обложенный своими любимыми авторами, мечталъ о прелестной дѣвушкѣ, встрѣченной мною сегодня въ гостинномъ дворѣ въ бархатной собольей шубкѣ, какъ вдругъ она сама вошла ко мнѣ и протянула ко мнѣ руки. На ней было тяжелое шолковое платье и тончайшее батистовое бѣлье, обшитое кружевами. Она отдалась мнѣ, повторяя: твоя, твоя! Вѣра, воскликнулъ я, ты кто: волшебный призракъ или живое существо"? Вѣра покраснѣла, про-

читавши этотъ отрывокъ. Зачѣмъ это Павелъ Павловичъ выдумываетъ? сказала она себѣ; взяла еще тетрадь въ красивомъ переплетѣ, на заглавномъ листѣ которой было написано по латыни: „Mea culpa“, а потомъ пониже заголовка стоялъ латинскій эпиграфъ: „lege et lege“! Вѣра ничего не поняла изъ этой латыни. У нея мелькнуло только машинально въ головѣ: „лги и лги“. Тетрадь начиналась такъ: „Принадлежа къ старинной отрасли дворянскаго рода и имѣя въ жилахъ съ женской стороны американскую кровь, я рано во всемъ разочаровался, пресытившись ласками фей нашего крѣпостнаго балета. Уже въ тринадцать лѣтъ“... Дальше тетрадь состояла изъ пустыхъ листовъ.

Стыдно и больно стало Вѣрѣ за Павла Павловича. У нея нашлось было настолько здраваго смысла, чтобы увидѣть, какъ ничтожна нравственная личность Вертѣева. Ужь не кажется ли онъ выше того, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ? Пока Павелъ Павловичъ молчитъ, мило улыбается ей, начинаетъ что нибудь значительное и не договариваетъ, прикрывая свою лѣнь презрѣніемъ къ женскому уму, который все равно его не пойметъ; пока Павелъ Павловичъ лежитъ въ небрежной позѣ на отоманкѣ и чиститъ свои серебристые выпуклые ногти, устремивъ куда-то вдаль прекрасные глаза, онъ кажется такимъ умнымъ, сильнымъ и честнымъ. А между тѣмъ вотъ что у него за душой...

Вѣра Семеновна сердито захлопнула ящикъ. Уже разсвѣло, и тусклымъ краснымъ пятномъ горѣла свѣчка въ сѣрой дымкѣ утра. Изъ окна за садомъ виднѣлась пустынная дорога, ведущая къ пристани.

Вѣра, глядя на дорогу, подумала: „а все таки я пойду сегодня встрѣчать Павла Павловича, и сердце у меня забьется отъ радости и отъ любви къ нему. Теперь я черезчуръ мрачно смотрю на все... Мнѣ надо заснуть, чтобы быть свѣжей и веселой и чтобы ему захотѣлось поцѣловать меня“.

XIV.

Второй день Вѣра провела спокойнѣе, хотя она ужь почти не сомнѣвалась въ измѣнѣ Павла Павловича. Измѣна

эта принимала въ ея воображеніи какія-то странныя, причудливыя формы. Это былъ какой-то кошмаръ. Наконецъ, вернулся Павелъ Павловичъ. Вѣра Семеновна увидѣла его и испугалась: лицо его похудѣло, оно было сожжено тоской или новой страстью.

— Что съ вами, Павелъ Павловичъ?

— Ничего. Я усталъ.

— Отчего-жъ вы не взглянете на меня?

— Что глядѣть!

— Какъ вы холодны!

Павла Павловича раздражило это. Онъ закричалъ сухимъ, злымъ голосомъ:

— Пожалуйста не приставай ко мнѣ! Можетъ быть, я не стою твоей любви, и ты хочешь меня бросить,—въ такомъ случаѣ, прошу тебя, скажи мнѣ это прямо и не затѣвай ссоры.

Вѣра замолчала. Былъ поданъ обѣдъ. За обѣдомъ продолжалось молчаніе. Вѣра разливала супъ, и только дрожали пальцы ея бѣлыхъ красивыхъ рукъ.

Послѣ обѣда, Павелъ Павловичъ заперся въ своемъ кабинетѣ, а Вѣра одна пошла на взморье.

Поднимался вѣтеръ, съ мѣрнымъ шумомъ перекатывались желтыя волны, вдали плыли корабли. Просторъ былъ необъятенъ, но Вѣрѣ казалось, что она задыхается. Ее мучила оскорбленная гордость, и она чувствовала, что любовь ея разбита.

„Я сама виновата, думала она:—Лучше было бы, еслибы я оставалась въ Новгородѣ. О, моя бѣдность“!

Она рѣшила воевать съ Павломъ Павловичемъ. Особая стыдливость чувства до сихъ поръ мѣшала ей поднимать вопросъ о бракѣ. Теперь, когда ей грозило соперничество какой-то провинціальной дѣвочки, и когда Павелъ Павловичъ видимо охладѣлъ къ ней, она не могла разсчитывать на благополучное разрѣшеніе вопроса. Однако же, вечеромъ, на балконѣ она сказала:

— Павелъ Павловичъ, если у насъ родятся дѣти, неужели у нихъ не будетъ имени?

Вертѣевъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Не пугай меня. Нѣтъ, мнѣ дорога моя свобода, доро-

жи и ты своей. Кто знаетъ, ты встрѣтишь еще человѣка, который тебѣ будетъ больше по сердцу...

Вѣра Семеновна поблѣднѣла.

— А вы можете встрѣтить другую дуру?

— Что это, сцена? гнѣвно спросилъ Павелъ Павловичъ, взялъ шляпу и ушелъ въ трактиръ.

Павелъ Павловичъ поздно пришелъ домой. Вѣра Семеновна хотѣла встрѣтить его сухо и даже въ самомъ дѣлѣ сдѣлать ему сцену. Но онъ нравился ей. Она вдругъ бросилась къ нему на шею, стала его цѣловать и попросила у него прощенья.

Когда прошелъ угаръ поцѣлуя, и Павелъ Павловичъ отправился спать въ свой кабинетъ, Вѣра, сидя на кровати, съ тоской спросила себя: „Зачѣмъ я просила у него прощенья? Да развѣ не онъ виноватъ? Но пусть онъ унижаетъ меня— я люблю его“!

То ссорясь, то снова мирясь, молодые люди прожили въ Петергофѣ лѣто, а въ августѣ мѣсяцѣ они возвратились въ городъ и поселились на прежней квартирѣ. Вѣра Семеновна разсчитывала, что она будетъ жить съ Павломъ Павловичемъ на правахъ жены. Но онъ уклонился отъ этого.

— Голубчикъ, сказалъ онъ ей:—дача показала, что мы не можемъ жить вдвоемъ безъ сценъ. Я тридцать пять лѣтъ холостякомъ и, въ концѣ концовъ, привыкъ къ своей холостой скукѣ и къ своему одиночеству. Станемъ жить, какъ въ прошломъ году: я тебѣ не мѣшаю, ты мнѣ. Я бы могъ жениться на тебѣ, и ты знаешь, нѣсколько разъ я думалъ объ этомъ. Но я этого не сдѣлаю, потому что, какъ только ты станешь моей женой, я убѣгу отъ тебя.

XV.

Вѣра Семеновна хотѣла поступить на прежнее мѣсто, но оно уже было занято. Она напечатала нѣсколько объявленій въ газетахъ и искала какихъ нибудь занятій, потому что ей было тяжело продолжать жить на счетъ Павла Павловича. Къ тому же, мать долго не высылала ему денегъ, требуя, чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней и поухаживалъ за Варенькой Любичъ. Однако, Вѣра Семеновна не нашла заработковъ.

Потребности же у нея теперь разрослись—она привыкла и къ бѣлью потоньше, и къ лакомствамъ, а начался сезонъ—она стала бывать въ театрѣ, но ужь не въ райкѣ. Она никакъ не могла обойтись безъ помощи Павла Павловича. Еще не такъ давно въ этой безпомощности она находила отраду, но теперь, по временамъ, она чувствовала, что матеріальная зависимость отъ Павла Павловича унизительна. Гордость, заснувшая въ ея душѣ подъ вліяніемъ любви, опять стала пробуждаться, съ тѣхъ поръ какъ Вѣра Семеновна изъ будущей жены была обращена въ любовницу Павла Павловича. Но гордость пробуждалась только для того, чтобъ Вѣра сильнѣе чувствовала свое униженіе. Денегъ не было, и Павелъ Павловичъ хмурился, брюзжалъ, злился. У Вѣры Семеновны порвались башмаки — онъ сдѣлалъ ей выговоръ, что на ней все горитъ. Онъ самъ дорого платилъ и покупалъ ненужныя вещи, напр., фарфоровыя и бронзовыя бездѣлушки, но укорялъ женщинъ въ расточительности, и когда Вѣра приносила ему счетъ изъ булочной или отъ портнихи, или отъ прачки, онъ высоко поднималъ свои брови и вскрикивалъ, качая головой: „Однако! Охо-хо-хо!“

Стояла грязная петербургская осень, тянулись пасмурные скучные дни. Съ утра Павелъ Павловичъ ссорился съ Вѣрой, послѣ обѣда шелъ съ нею гулять, вечеромъ опять ссорился, все больше и больше обнаруживая передъ нею свою мелочную натуру. Неизвѣстно, до чего дошло бы это. Уже Агаѳья Павловна, отъ которой ничто не могло скрыться, злорадно посматривала на Вѣру Семеновну и ждала послѣдней вспышки, за которой долженъ послѣдовать окончательный разрывъ и сокрушеніе гордыни высокомѣрной молодой женщины, какъ вдругъ пришли деньги—и Павелъ Павловичъ ожилъ, пересталъ проклинать судьбу, сталъ ласковъ съ Вѣрой. Онъ обновилъ ея туалетъ, возилъ ее нѣсколько разъ въ лучшіе рестораны. Какъ разъ въ одно время она получила изъ Новгорода, отъ своихъ родныхъ, тяжелое письмо. Вѣра со слезами показала его Павлу Павловичу.

— Вотъ, на, милочка, тебѣ двадцать пять рублей и пошли имъ, сказалъ Павелъ Павловичъ, а самъ подумалъ съ улыбкой: „ужь я начинаю содержать ея родственниковъ!“

„Какой онъ добрый, и какая я злая, что перестала ви-

дѣть въ немъ хорошаго человѣка!“ подумала Вѣра, принимая деньги, краснѣя и цѣлуя руку Павла Павловича. „Нѣтъ, надо его, голубчика, побаловать, я уничтожусь передъ нимъ, какъ въ началѣ нашей любви, и съ этой минуты у меня опять не будетъ своей воли“.

Ея ласки стали огненнѣе; она смотрѣла въ глаза Павлу Павловичу и не знала, какъ и чѣмъ ему угодить; ни въ чемъ не перечила она ему, все забыла. Онъ смотрѣлъ на нее, и въ головѣ его мелькало подозрѣніе: „Не оттого ли она стала такъ мила, что у меня завелись деньги“?

Павелъ Павловичъ стыдился открыто признаться Вѣрѣ, что она надоѣла ему, какъ и всѣ женщины. Онъ часто уходилъ изъ дому и возвращался навеселѣ. Вѣра внутренно терзалась этимъ, но она продолжала быть его безотвѣтной рабой. Она не упрекала его и даже не разспрашивала, гдѣ онъ былъ.

Однажды Павелъ Павловичъ сказалъ Вѣрѣ:

— Мнѣ скучно жить, какъ мы живемъ; хочется общества, хочется побывать гдѣ нибудь. Право, я готовъ уѣхать въ свою глушь и ухаживать за глупыми дѣвчонками, если ты не согласишься, Вѣра, принять участіе въ маленькой вечеринкѣ... Затѣваютъ мои пріятели... разумѣется, съ дамами.

— Но, можетъ быть, на меня косо посмотрятъ? возразила Вѣра, и лицо ея вспыхнуло.

— Нѣтъ! въ Петербургѣ нѣтъ такой щепетильности... Здѣсь почти всѣ браки въ родѣ нашего... Значитъ, согласна?

— Да, милый.

Павелъ Павловичъ самъ помогалъ Вѣрѣ Семеновнѣ одѣваться. Ему хотѣлось, чтобы она одѣлась къ лицу и чтобъ туалетъ ея блисталъ простотой и изяществомъ. Когда Вѣра Семеновна была совсѣмъ готова и стояла передъ зеркаломъ съ улыбкой и потупленнымъ взглядомъ, Павлу Павловичу она крѣпко понравилась. Онъ поднялъ ея подбородокъ и покрылъ дробными и сладкими поцѣлуями ея горло.

— Задушишь! проговорила она.

Они сѣли въ фаэтонъ, экипажъ покатилъ и остановился возлѣ Малаго Ярославца. Лакеи помогли Вѣрѣ Семеновнѣ и Павлу Павловичу снять шубки, и Вертѣевъ ввелъ свою даму въ небольшую ярко освѣщенную залу.

Было часовъ десять вечера. Всѣ молодые люди, собравшіеся въ Малый Ярославецъ покутить, уже явились на пиръ, и сколько молодыхъ людей, столько было и дамъ. Одна изъ нихъ сидѣла за піанино и играла двумя пальцами польку-„обезьянку“. Тутъ находились почти дѣвочки и особы толстыя, какъ купчихи, съ красивыми розовыми лицами. Маленькій черненькій человѣчекъ сидѣлъ въ углу на диванѣ и что-то разсказывалъ. Женщины живой гирляндой окружали его и поминутно смѣялись. Посреди залы тянулся большой столъ, на которомъ стояли бронзовые канделябры и были приготовлены приборы. Табачный дымъ клубами носился въ воздухѣ и затушевывалъ собою очертанія предметовъ, ослаблялъ яркость цвѣтныхъ платьевъ. Мужчины пришли въ пиджакахъ, но были и во фракахъ.

Павелъ Павловичъ представилъ Вѣру двумъ, тремъ дамамъ и подвелъ къ ней двухъ, трехъ молодыхъ людей.

— Жена моя.

Общество на минуту обратило на Вѣру Семеновну пристальное вниманіе. Всѣмъ бросилась въ глаза ея красивая наружность съ оттѣнкомъ той неуловимой прелести, которая сообщается женщинамъ только съ невинной душой. По требованію Павла Павловича, она надѣла платье съ открытымъ лифомъ; бѣлизнѣ и свѣжести ея плечей позавидовали собравшіяся сюда женщины. Павелъ Павловичъ былъ доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвела Вѣра. „Когда живешь съ нею въ четырехъ стѣнахъ, перестаешь цѣнить ее“, подумалъ онъ.

— Какая прелесть! произнесъ позади Вѣры чей-то мужской голосъ. Павелъ Павловичъ, уступи ее мнѣ!

— Тише!

Затѣмъ Павелъ Павловичъ шопотомъ прибавилъ:—Я чуть было не женился на ней.

Вѣра живо обернулась въ его сторону; она не разслышала разговора; но сердце ея безотчетно забило тревогу.

Лакеи принесли вино, водку, закуски. Вѣра удивилась, что дамы стали пить вино стаканами, а маленькая дѣвушка, которая казалась ей ребенкомъ, налила рюмку водки и выпила—впрочемъ вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

— А вы не пьете? спросила эта дѣвушка-ребенокъ. На-

прасно! Я не могу выпить больше рюмки, но это полезно. Да и становишься веселѣе.—Помолчавъ, она прибавила:—Я вижу васъ первый разъ. Меня зовутъ Полей.

Подали ужинъ. Высокій черноволосый баринъ съ блѣднымъ смуглымъ лицомъ былъ представленъ Вѣрѣ Павломъ Павловичемъ и сѣлъ возлѣ нея. По другую ея сторону сѣла Поля. Сосѣдъ Вѣры Семеновны, бывшій графъ, лишенный дворянства за поддѣлку векселя и вернувшійся изъ Сибири, велъ въ Петербургѣ разгульную жизнь, неизвѣстно на какія средства. Онъ разсказывалъ, что женился въ Иркутскѣ на старенькой купчихѣ, у которой имѣются богатѣйшіе серебряные рудники, и она отпустила его на годъ въ столицу. Его фамилія была Напраслиновъ. Въ качествѣ вѣжливаго кавалера, онъ хлопоталъ, чтобъ Вѣра Семеновна какъ можно больше ѣла.

— Какая вы счастливица! Какъ онъ разсыпается передъ вами! иронически прошептала Поля Вѣрѣ Семеновнѣ.

Ужинъ становился все оживленнѣе. Дамы хохотали—ихъ бѣлыя плечи тряслись и глаза блестѣли отъ пьяной влаги. Черненькій человѣчекъ, оказавшійся извѣстнымъ острякомъ петербургскаго полусвѣта и сотрудникомъ какой-то газеты, продолжалъ смѣшить общество, разсказывая избитые анекдоты. Когда онъ произносилъ что нибудь неприличное, нѣсколько дамскихъ ручекъ протягивалось къ нему, чтобъ зажать ему ротъ. Павелъ Павловичъ сидѣлъ противъ Вѣры, рядомъ съ толстой раскраснѣвшейся дамой и что-то нашептывалъ ей.

Блюда смѣнялись блюдами. Захлопали пробки, стали пить шампанское. Послѣ шампанскаго началось уже совсѣмъ нездоровое веселье, когда смѣшитъ всякая плоскость, и малѣйшая фраза кажется имѣющей особый, значительный, остроумный смыслъ. Бывшій графъ тѣснилъ Вѣру своими любезностями, а ея молоденькая сосѣдка разсказывала ей потихоньку біографіи дамъ, сидѣвшихъ за столомъ. „Зачѣмъ привелъ меня сюда Павелъ Павловичъ?“ думала Вѣра. Слезы навернулись у нея на глаза.

Послѣ ужина, за десертомъ, бѣлокурая дама въ розовомъ короткомъ платьѣ—„шансонетная пѣвица“, шепнула Вѣрѣ не отставававшая отъ нея Поля,—сѣла за піанино и стала пѣть: „Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ“. Послыша-

лись рѣчи, непривычныя для уха Вѣры Семеновны. Дамы стали развязнѣе мужчинъ.

Вѣра Семеновна, блѣдная какъ полотно, подошла къ Павлу Павловичу и прошептала:

— Уйдемъ отсюда! Недоставало еще этого униженія! Павелъ Павловичъ, я не могу больше...

— Кто тебя трогаетъ?

— Я уйду одна.

— Можете.

Она вышла изъ кабинета, а Павелъ Павловичъ объяснилъ встревожившейся Полѣ, что Вѣрѣ Семеновнѣ дурно.

— Какая смѣшная щепетильность! сказалъ онъ Вѣрѣ въ коридорѣ, злобно сжимая ей руку.

— Вы съума сошли! Опомнитесь! отвѣчала Вѣра Семеновна.

— Павелъ Павловичъ, предоставь мнѣ счастье проводить Вѣру Семеновну домой, промолвилъ бывшій графъ, появляясь въ коридорѣ.

— Убирайтесь прочь! вскричала Поля. Она ангелъ, не смѣйте приставать къ ней. Я сама провожу ее!

Охваченная страннымъ волненьемъ, дѣвочка бросилась къ Вѣрѣ, обняла ее за талію обѣими руками и, прижавшись къ ея груди, заплакала.

— Она пьяна — водка плачетъ! сказалъ Напраслиновъ Павлу Павловичу.

— Вѣра Семеновна, это просто скандалъ! Сейчасъ сбѣгутся люди! Скорѣй уѣзжайте домой, если не хотите оставаться!

— Не позволите?... вѣжливо продолжалъ спрашивать Напраслиновъ.

— Отстаньте отъ меня, ради бога!

Маленькая дѣвушка плакала все громче и громче.

— Началась музыка! произнесъ бывшій графъ, поворачиваясь на каблукахъ.—Поля истерична — у нея сейчасъ судороги будутъ.

Дѣйствительно, дѣвочка перестала обнимать Вѣру; въ изнеможеніи она опустилась на полъ и стала такъ болѣзненно рыдать, что изъ кабинета выбѣжала вся подгулявшая публика. Прибѣжала прислуга, отворились двери изъ дру-

гихъ кабинетовъ. Вѣра Семеновна чувствовала, что сама сейчасъ расплачется. Грудь ея уже начинала конвульсивно трепетать. Она сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, торопливо надѣла свою шубку и уѣхала домой.

Рано утромъ Вертѣевъ, возвращаясь съ кутежа, проходилъ мимо комнаты Вѣры Семеновны. Онъ отворилъ дверь и съ пьяныхъ глазъ хотѣлъ обругать ее. Вертѣевъ думалъ, что она спитъ, и намѣревался грубо разбудить. Но онъ отшатнулся, увидѣвъ, что Вѣра еще не ложилась и, безмолвная, въ горестной позѣ, сидитъ у окна съ холодными, печальными глазами.

— Пожалуйста, прости меня! проговорилъ Вертѣевъ шопотомъ, тронутый ея печалью.

XVI.

Цѣлую недѣлю не мирилась Вѣра съ Павломъ Павловичемъ. Все это время она пріискивала, что бы сказать въ его оправданіе и не находила словъ. Она не понимала, отчего захотѣлось ему такъ унизить и осквернить ея любовь. Въ конецъ измучившись, она вспомнила, что давно ужь не была въ церкви и отправилась къ вечернѣ. Въ душистомъ сумракѣ храма уныло звучало церковное пѣнье и тихо горѣли восковыя свѣчи. Вѣра стала поодаль за колонной и заплакала. Ей захотѣлось простить Павла Павловича; и, кромѣ того, она увидѣла, что онъ все таки ея единственный защитникъ и кормилецъ. Конечно, у него много недостатковъ, но въ немъ есть кое-что хорошее. Она пришла изъ церкви и, нѣкоторое время поборовшись съ собой, постучалась къ Павлу Павловичу.

Но онъ холодно принялъ ее и сталъ дѣлать выговоры.

— Что это вы вздумали? Что за блажь нашла на васъ? Согласитесь сами, вы кругомъ виноваты. Развѣ я насильно заставилъ васъ ѣхать со мной и развѣ не предупредилъ васъ, что тамъ будутъ такія же жены съ лѣвой стороны, какъ и вы?

Кровь прихлынула къ лицу Вѣры. Но она стояла молча.

— Скоро годъ, какъ я живу съ вами. Ради васъ я отка-

зался отъ всѣхъ своихъ привычекъ. Теперь я могъ бы уже быть богатымъ человѣкомъ, еслибы не вы — стоитъ только поѣхать къ матери и жениться на прелестнѣйшей дѣвушкѣ, за которой огромное приданое. Но видите, я сижу здѣсь. Мало вы мнѣ стоите? Я на васъ истратилъ, по крайней мѣрѣ, полторы тысячи! Кажется, за полторы тысячи я имѣю право требовать, чтобы вы принадлежали мнѣ, какъ мнѣ хочется, а не такъ, какъ вамъ; а не угодно—скатертью дорога. Угодно вамъ посмотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза? Я оплачиваю всѣ ваши расходы, но зато съ вашей стороны не должно быть никакихъ особыхъ претензій и вы должны помнить, что я холостой человѣкъ!

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за подбородокъ.

— Богъ съ вами, Павелъ Павловичъ, прошептала Вѣра со слезами.—Вамъ хочется принизить меня—что жъ, я не могу жить безъ васъ. Я презираю себя за это и, конечно, со мной можно обращаться, какъ съ падшей. До этого довела меня любовь моя.

Павелъ Павловичъ простилъ Вѣру и весь тотъ вечеръ провелъ съ нею. Онъ говорилъ, Вѣра молчала. Онъ велъ себя непринужденно, какъ побѣдитель; Вѣра чувствовала, что она рабыня и что ей предстоитъ воспитать въ себѣ особую рабью добродѣтель—способность безотвѣтно повиноваться, все переносить... Но приведетъ ли это къ чему нибудь?

Уйдя отъ Павла Павловича, она долго плакала. Прошелъ мѣсяцъ, и она стала неузнаваема — до того она похудѣла. Глаза ея ввалились. Ни на минуту не знала она душевнаго мира, которымъ была такъ богата до знакомства съ Вертѣевымъ. Къ роднымъ она писала короткія письма, чтобъ не выдать своего горя какимъ нибудь неосторожнымъ выраженіемъ. Характеръ у нея сталъ неровный. Ее раздражали пустяки, и она нѣсколько разъ ссорилась съ Агаѳьей Павловной. Вѣра предчувствовала, что скоро Павелъ Павловичъ совсѣмъ отшатнется отъ нея. Бывшій графъ Напраслиновъ посѣтилъ Павла Павловича и сказалъ ему по французски, при Вѣрѣ, что она подурнѣла. Она поняла, что говорятъ объ ея наружности. Съ этихъ поръ Павелъ Павловичъ нерѣдко начиналъ съ ней разговоръ объ ея блѣдности и о томъ, что молодая дѣвушка можетъ вызвать, наконецъ, отвращеніе, ежели будетъ

постоянно такъ унына. Вѣра стала обращать особенное вниманіе на свою внѣшность, а при встрѣчѣ съ Павломъ Павловичемъ улыбалась насильственной улыбкой, которая ему еще больше не нравилась. Мало по малу онъ сталъ избѣгать свиданій съ нею. Легкій кашель Вѣры, которая жаловалась на грудь, вызывалъ въ немъ непріятное чувство. Но по мѣрѣ того, какъ охладѣвалъ Павелъ Павловичъ, она становилась все требовательнѣе, ревнивѣе. Иногда она сама удивлялась, какъ быстро испортился ея характеръ и увяло ея сердце. Что-то отравило ее, но она не въ силахъ была противиться дѣйствію яда. Не сегодня, завтра кончится ея любовный кошмаръ и, съ ужасомъ ожидая конца, все больше раздражалась Вѣра, каждый день отталкивая отъ себя чѣмъ нибудь Павла Павловича. Потомъ она соображала, что поступила неблагоразумно, но все таки не могла на другой день удержаться отъ такого же точно неблагоразумнаго поступка.

Хорошенькая прачка принесла бѣлье Вертѣеву и вошла къ нему, когда онъ еще лежалъ въ постели; Вѣра Семеновна влетѣла въ комнату и выгнала дѣвушку. Старая знакомка вздумала посѣтить Павла Павловича. Вѣра Семеновна тоже внезапно отворила дверь въ комнату и, блѣдная и гнѣвная, остановилась на порогѣ, впившись глазами въ предполагаемую соперницу. Павлу Павловичу стало стыдно. Онъ побѣлѣлъ отъ злости и сказалъ:

— Что вамъ угодно? Придите потомъ. Я занятъ.

Когда его гостья ушла, онъ схватилъ Вѣру за плечи, крѣпко сжалъ ихъ своими пальцами и крикнулъ:

— Чтобъ этого больше не было!

Мокрый и грязный ноябрь былъ на исходѣ. Павелъ Павловичъ всю ночь ворочался на постели, всталъ сверхъ обыкновенія рано утромъ, и въ самомъ дурномъ расположеніи духа сѣлъ къ окну и смотрѣлъ на улицу, гдѣ въ воздухѣ кружился снѣгъ и, падая на землю, сейчасъ же таялъ. Вертѣевъ вспомнилъ, что у него нѣтъ ни копѣйки денегъ.

„Какъ глупо, какъ пошло я живу“, сталъ онъ себя упрекать.—„Ужь я не молодой человѣкъ; что за преступная безпечность! Моя любовь не только не подняла меня, но я опустился. Вѣра стала какая-то сумашедшая. Чего ей нужно отъ меня? Нѣтъ, я брошу ее! Это не любовь, а

пошлость. Поѣду въ декабрѣ домой и, право, женюсь на Варенькѣ. Молодость прошла, надо чѣмъ нибудь заткнуть пустоту жизни"!

Едва онъ успѣлъ сказать себѣ это, какъ къ нему вбѣжала съ негодующимъ лицомъ Вѣра Семеновна: она держала въ рукѣ распечатанное письмо.

— Объясните мнѣ сейчасъ, кто къ вамъ пишетъ?

Онъ взялъ письмо, пробѣжалъ его, скомкалъ и ничего не сказалъ.

— Слышите, я вамъ говорю!?

— Вѣра, ты забыла наше послѣднее условіе, произнесъ Павелъ Павловичъ и сурово посмотрѣлъ на молодую женщину.

— Какъ не стыдно вамъ! закричала Вѣра въ отчаяніи.— Вамъ назначаютъ свиданія, вы заводите связи на сторонѣ! Вы разбили мою жизнь, надругались надъ моей любовью. Какія могутъ быть условія—я не продавалась вамъ! Я полюбила васъ! Зачѣмъ вамъ хочется втоптать меня въ грязь? Боже мой, вѣдь это же низко, вѣдь это низко!

Онъ отвернулся отъ нея и сталъ пристально смотрѣть въ окно.

— Я отъ васъ не выду! объявила Вѣра рѣшительно.—Я жена ваша и хочу жить съ вами вмѣстѣ!

Она сѣла на диванъ, взяла книгу и сдѣлала видъ, что читаетъ. Попались стихотворенія того самаго молодаго поэта, которымъ въ началѣ знакомства такъ плѣнилъ ее Павелъ Павловичъ. Теперь Вѣра злобно сжимала когда-то милую книжку.

Павелъ Павловичъ всталъ, одѣлся, молча выкурилъ нѣсколько папиросъ и угрюмо смотрѣлъ на Вѣру Семеновну; въ ней все было ему ненавистно—и ея прекрасные волосы, и длинныя бѣлыя руки, и правильное худое лицо, и ея большой ростъ.

— Убирайтесь вонъ! вдругъ закричалъ Павелъ Павловичъ съ пѣной у рта.

Вѣра Семеновна съ улыбкой посмотрѣла на него; но улыбка показалась ему верхомъ нахальства. Онъ кинулся къ Вѣрѣ, схватилъ ее за горло и сталъ душить.

Вертѣевъ былъ мускулистый, сильный человѣкъ. Но теперь

онъ не могъ крѣпко сжать рукъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, въ глазахъ потемнѣло. Пальцы не слушались, безсильная ярость клокотала въ груди. Вѣра Семеновна не сопротивлялась—и это въ особенности бѣсило его. Нѣсколько разъ онъ принимался душить ее—и все безуспѣшно. Наконецъ, онъ бросилъ ее, сѣлъ къ письменному столу и закрылъ лицо руками.

Вѣра Семеновна встала съ дивана, тихо кашлянула и вышла.

Она исчезла. Четверо сутокъ подъ рядъ не возвращалась она домой. Она пріѣхала передъ вечеромъ вмѣстѣ съ маленькой истеричной дѣвушкой, съ которой она познакомилась тогда въ Маломъ Ярославцѣ, и торопливо стала укладывать свои вещи. Павелъ Павловичъ обрадовался, узнавши, что Вѣра жива: онъ боялся, что она наложитъ на себя руки. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и что-то въ родѣ любви къ Вѣрѣ опять затеплилось въ его сердцѣ. „Можетъ быть, я виноватъ передъ ней“, подумалъ онъ. Но онъ не посмѣлъ выйти къ Вѣрѣ. Вертѣеву было бы стыдно посмотрѣть ей въ глаза и онъ боялся упрековъ, которыми могла его осыпать нервная подруга Вѣры.

XVII.

Павелъ Павловичъ махнулъ рукой на Вѣру. О Вѣрѣ у него происходили разговоры съ Агаѳьей Павловной, которая доказывала, что иначе та и поступить не могла. Вертѣевъ грустилъ, пробовалъ писать стихи. Сочинилъ было: „ты меня покинула, ты, какъ зорька, сгинула“, но ничего изъ стиховъ не вышло. Точно также и страничка дневника, посвященная прощанью съ Вѣрой, оказалась неконченной. „Чудная дѣвушка, блиставшая гордостью и плѣнительнымъ тѣломъ въ теченіе долгаго ряда мѣсяцевъ, вдругъ измѣнила мнѣ. Она была женщина и не могла не измѣнить. Заѣзжій молодой сибирякъ соблазнилъ несчастную. Напрасно билась и трепетала жертва въ его рукахъ, полныхъ золота. Трогательно было наше прощанье. Вѣра! вскричалъ я со слезами“... Впрочемъ, и это начало странички Павелъ Павловичъ, подумавъ, зачеркнулъ. Встрѣчаясь съ товарищами, Павелъ Павловичъ, со скорбной улыбкой или

съ мрачнымъ огнемъ въ глазахъ, объяснялъ имъ, что теперь онъ на свѣтѣ одинъ, какъ перстъ: сердце его окончательно закалила женская измѣна; все ему наскучило, все надоѣло; напрасно онъ искалъ мирной пристани въ дѣвственной душѣ, и, заключивъ свою рѣчь восклицаніемъ: „Боже, какая грязь“!—выпивалъ рюмку водки и съѣдалъ пирожокъ.

Онъ не наводилъ справокъ о Вѣрѣ. Но до него, помимо его воли, доходили о ней кой-какіе слухи. Нѣкоторое время ея поклонникомъ состоялъ бывшій графъ Напраслиновъ, потомъ какой-то гвардеецъ и, наконецъ, ксензъ. У нея, однако, дѣла были не блестящія, ей недоставало нахальства. Съ нею постоянно жила маленькая дѣвушка; но вдругъ Поля умерла. Вѣра осталась одна; говорили, что она опустилась. Мало по малу Павелъ Павловичъ пересталъ думать о ней, рѣдко вспоминалъ. Два года прошло, и всѣ забыли Вѣру.

Между тѣмъ Павелъ Павловичъ женился, но не на Варенькѣ Любичъ, а на пожилой дамѣ, вдовѣ полковника, у которой уже слегка серебрились волосы и имѣлся каменный домъ и стотысячный капиталъ. Вдова была дама съ властительной душой и, что называется, взяла въ руки Павла Павловича. Она отпускала ему опредѣленную сумму денегъ на расходы. Имѣньице же свое онъ сейчасъ по смерти матери, которая такъ и не дождалась его пріѣзда, продалъ кулакамъ и въ тотъ же годъ прожилъ всѣ свои средства—еще до женитьбы. Павелъ Павловичъ ничего не имѣлъ своего и каждый рубль долженъ былъ выпрашивать у своей жены. Она предоставила въ его распоряженіе лошадей, франта-слугу; платье шилъ ему лучшій портной; онъ ѣлъ поварскіе обѣды, у него имѣлось все, что должно быть у богатаго человѣка; но не было свободы. За каждымъ его шагомъ ревниво слѣдила пара черныхъ сухихъ глазъ, окруженныхъ морщинами. Вертѣевъ не смѣлъ слова сказать своимъ падчерицамъ, когда онѣ пріѣзжали изъ института домой, а между тѣмъ онъ принималъ ихъ въ соображеніе, стоя подъ вѣнцомъ. Молодыхъ горничныхъ его жена не держала. Павелъ Павловичъ до того былъ стѣсненъ у себя въ домѣ, что не имѣлъ даже отдѣльной кровати. Прежде онъ любилъ играть женщинами — теперь же самъ сдѣлался игрушкой.

Но эта жизнь шла въ прокъ Павлу Павловичу: онъ полнѣлъ не по днямъ, а по часамъ, красивые глаза скоро заплыли жиромъ, и его фигура пріобрѣла тѣ очертанія, по которымъ сразу можно узнать празднаго, обезпеченнаго человѣка.

Вертѣевъ чувствовалъ себя школьникомъ, но, не смотря на строгость надзора, онъ все таки по временамъ надувалъ жену. Отправляясь въ сельско-хозяйственный клубъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ, Павелъ Павловичъ предварительно пройдется по Невскому, заглянетъ въ Пассажъ, въ гостинный дворъ—побываетъ вездѣ, гдѣ можно встрѣтить хорошенькое личико. И у него заводились случайныя знакомства, которыя утѣшали его въ супружеской неволѣ. Конечно, это бывало не часто, но тѣмъ болѣе цѣнилъ свои похожденія Павелъ Павловичъ.

Однажды весной Вертѣевъ, обрадовавшись, что жена его больна и ужь третій день не выходитъ изъ спальни, жалуясь на мигрень, пошелъ побродить по Невскому. Стояла весна, выдался свѣтлый солнечный день. Не встрѣчая хорошенькихъ лицъ, безуспѣшно дошелъ Павелъ Павловичъ до Николаевскаго вокзала; ему захотѣлось завтракать, и онъ зашелъ на вокзалъ. Въ ожиданіи завтрака, Павелъ Павловичъ, отъ нечего дѣлать, глазѣлъ на прибывавшую публику. Вдругъ на диванѣ онъ увидѣлъ молоденькую пригожую дѣвушку, которая напомнила ему своею наружностью Вѣру Семеновну. Онъ пристально сталъ смотрѣть на нее — Павелъ Павловичъ вѣрилъ еще въ обаяніе своего взгляда. На дѣвушкѣ было плохенькое пальто и на головѣ надѣтъ платочекъ, а возлѣ нея стояла коробка, должно быть, съ новенькой шляпкой, которую дѣвушка берегла. Черезъ нѣсколько минутъ, къ дѣвушкѣ подошла другая, высокая, стройная, одѣтая не то нарядно, не то убого, но въ модной шляпкѣ и въ какой-то дешевенькой матерчатой кофточкѣ, обшитой мѣхомъ. Во вновь подошедшей дѣвушкѣ Павелъ Павловичъ узналъ Вѣру Семеновну. Она мало измѣнилась за эти годы. Ему показалось даже, что у нея свѣжее лицо. У Павла Павловича дрогнуло сердце, онъ снялъ шляпу и поклонился ей.

— Узнаете? спросилъ онъ, подойдя къ Вѣрѣ Семеновнѣ.

У Вѣры Семеновны сверкнули глаза, но она поспѣшила улыбнуться и, овладѣвъ собою, сказала:

— Здравствуйте. Конечно, я узнала васъ. Вы очень подурнѣли. Это моя сестра Лизанька. Пріѣзжала въ Петербургъ жить своимъ трудомъ, да вотъ я отговорила ее, и она ѣдетъ назадъ... Ужь не бойся, Лизанька, буду высылать вамъ, что могу, пока жива. А здѣсь все волки: такую овечку, какъ ты, мигомъ сожрутъ. Правда, Павелъ Павловичъ?

— Все зависитъ отъ себя, отъ тѣхъ принциповъ... началъ Павелъ Павловичъ вѣжливо.

— Эхъ, не намъ съ вами объ этомъ говорить! прервала его Вѣра Семеновна. Что, Лизанька, гдѣ твои гостинчики? Ахъ, вотъ они, въ этомъ кулькѣ. Ты смотри, Лизанька, не забудь краски отдать Петру, а стихи Леночкѣ и скажи, что пришлю ей Пушкина. А обо мнѣ ничего жалостливаго не говори. Скажи: „служитъ“, вотъ и все! А папиросы уложила? Потапычу папиросами поклонись.

Она обняла сестру и жадно смотрѣла въ ея молодое невинное лицо.

Павелъ Павловичъ былъ разстроенъ. Онъ думалъ о томъ времени, когда любилъ Вѣру Семеновну и хотѣлъ жениться на ней (теперь ему почему-то казалось, что сама Вѣра была причиной, что онъ не женился на ней), думалъ о томъ, сколько горькихъ минутъ пережила съ тѣхъ поръ эта бѣдная женщина, а также о томъ, что не все доброе заглохло въ ея душѣ. „On revient toujours... надо будетъ ее поддержать“, подумалъ онъ.

Пробилъ звонокъ, стали садиться въ вагоны. Павелъ Павловичъ не отставалъ отъ сестеръ и присутствовалъ при ихъ прощаньѣ. Ему пріятно было смотрѣть на свѣжія розовыя губки Лизаньки. Она страстно прильнула къ губамъ сестры своимъ милымъ ротикомъ. Павелъ Павловичъ улыбался, любуясь, какъ она цѣлуется. Вѣра заплакала.

— Лизанька, я ужь никогда не увижу Новгорода. Не могу я пріѣхать туда! Я не та, что была. Смотри же всѣмъ поклонись, всѣмъ, всѣмъ! И бабушкѣ, что хотѣла выдать меня замужъ насильно! Лизанька, лучше ужъ насиліе, чѣмъ такая свобода! Покорствуй старикамъ, Лизанька, милая дѣвочка моя!

Она припала къ плечу сестры, и ее потрясали глухія рыданія. Ужь прозвонилъ второй звонокъ. Вѣра спѣшила наговo-

риться. Она улыбалась сквозь слезы, цѣловала сестру въ щеки, въ губы и въ глаза.

„У нея нѣжная душа“, мысленно замѣчалъ Павелъ Павловичъ, опираясь на свою щегольскую тросточку.

— Кому же еще поклониться, Лизанька? Если кого я забыла, вспомни! Поклонись, Лизанька, нашему убогому дому! Поклонись березынькѣ, которую мы съ тобой посадили!

Поѣздъ тронулся, на платформѣ остались Павелъ Павловичъ и Вѣра Семеновна. Она скоро успокоилась.

— Чему улыбаетесь? спросила она. Вы, должно быть, въ хорошемъ положеніи, Павелъ Павловичъ.

— Я женился... Послушайте, Вѣра... Знаете — любовь ужасно капризна.

— Я не вѣрю въ любовь.

— Однако же!

Они вошли въ залу.

— Прямо, голубчикъ, приступайте къ дѣлу. Не сердите меня. Что—я вамъ опять понравилась?

Она съ голодной тоской посмотрѣла на Павла Павловича. Его покоробилъ этотъ взглядъ. И, замѣтивъ на лицѣ Вѣры Семеновны слѣды розовой пудры, кое-гдѣ смытой недавними слезами, онъ мигомъ простылъ къ ней.

— Я спѣшу, Вѣра Семеновна! сказалъ онъ и, приподнявъ шляпу, поскорѣе ушелъ отъ нея, сѣлъ за столъ и сталъ завтракать.

Вѣра Семеновна покинула вокзалъ. Глаза ея были устремлены впередъ. Передъ нею суетился пестрый разнохарактерный людъ, въ туманной дали красовался Невскій проспектъ, сверкая своими золотыми вывѣсками и зеркальными стеклами домовъ. Вѣрѣ Семеновнѣ было тяжело и больно. Ея душа разрывалась отъ тоски по родинѣ, отъ жалости къ самой себѣ, и она забыла привѣтливо улыбаться господамъ, которые заглядывали ей подъ шляпку. Она дошла до конца Невскаго, вернулась назадъ и сумерками пришла домой. Запершись въ своей комнатѣ, она долго и горько плакала.

І. Ясинскій.

Въ уединеніи и въ толпѣ.

Какъ много свѣтлыхъ думъ и огненныхъ идей
Является порой въ тиши уединенья,
Вдали отъ шума дня и суеты людей...
Такъ много мощи въ нихъ, такъ много вдохновенья,
Такъ много чистоты младенчески-святой,
Простой, безхитростной... Въ нихъ все свѣтло и ясно,
Предъ ними такъ нелѣпъ фальшивый жизни строй,
Ихъ пламя чистое такъ свято и прекрасно,
Что, кажется, легко имъ всѣ сердца зажечь,
Что даже идіотъ пойметъ,—такъ ясно это!..
Побѣдоносная и пламенная рѣчь
Во тьму невѣжества прольетъ сіянье свѣта...
Но тщетная мечта! Лишь изъ пустыни ты
Съ пророческимъ огнемъ и пѣснью вдохновенной
Придешь на торжище вседневной суеты,—
Уста нѣмѣютъ вдругъ... Тамъ скоморохъ презрѣнный
Кричитъ, нахально-смѣлъ; ему со всѣхъ сторонъ
Такихъ же пошляковъ гремятъ рукоплесканья...
А геній будто нѣмъ, смущенъ и робокъ онъ,
И на его устахъ лежитъ печать молчанья...
Онъ чуждъ людской средѣ... Сама она дика,
Безсмысленно дика, но только дикость эта—
Какъ бы казенная... Надъ ней прошли вѣка,
Она освящена обычаями свѣта...
Твои жъ союзники, невѣдомый пророкъ,—
Лишь тишина пустынь подъ кровомъ темной ночи,
Мятежная волна, свободный вѣтерокъ,
Да божьихъ яркихъ звѣздъ таинственныя очи...

Л. Пальминъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ.

I. Постановка вопроса.

Говорить о важности переселенческаго вопроса едва ли есть надобность. Теперь уже никто не рѣшается выражать громко мысль, — которая еще недавно высказывалась съ апломбомъ,—будто великое поступательное движеніе русскаго народа на востокъ и югъ представляетъ собою лишь проявленіе страсти къ бродяжничеству. Великое значеніе переселеній, какъ соціальное (какъ средства улучшить положеніе земледѣльцевъ,—идущихъ искать новыя земли и остающихся «на старинѣ»), такъ и государственное и культурное (какъ средства укрѣпленія русской власти на окраинахъ и внесенія культурныхъ началъ гражданственности и просвѣщенія въ страны пустынныя, либо занятыя народами дикими или стоящими лишь немного выше дикарей)—слишкомъ очевидно, слишкомъ наглядно выяснилось, чтобы могло быть отвергаемо. Но если значеніе переселеній получило всеобщее—положительное или молчаливое—признаніе, то отсюда еще далеко до практической постановки переселенческаго дѣла, какой это дѣло заслуживаетъ. Напротивъ, практическая сторона переселенческаго дѣла находится у насъ въ такомъ печальномъ положеніи, въ какомъ она должна бы быть лишь только въ томъ случаѣ, еслибы это дѣло было настолько ничтожно, чтобы не заслуживать никакого вниманія. Знакомство съ тѣмъ хаосомъ, который представляетъ практика переселенческаго дѣла, съ тѣми многочисленными тормозами, которыми затрудняется его развитіе, съ тѣми безконечными, ненужными никому страданіями переселяющихся, съ тѣми неисчислимыми потерями, которыя несутъ государство и населеніе, благодаря несчастной постановкѣ переселеній, —положительно повергаетъ въ ужасъ. Противорѣчіе между важностью переселенческаго дѣла и его практическимъ осуществленіемъ слишкомъ бросается въ глаза и можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что Россія вообще полна «странностей и противорѣчій», по выраженію одного иностраннаго изслѣдователя русской жизни.

Нижослѣдующія страницы имѣютъ цѣлью выяснить все печальное положеніе переселенческаго дѣла въ настоящее время,—насколько это возможно по имѣющимся въ печати свѣдѣніямъ. Свести вмѣстѣ, въ одно цѣ-

лое разрозненныя и разбросанныя свѣдѣнія о положеніи переселенческаго дѣла, дать картину, которая доселѣ показывалась только по частямъ,— мы думаемъ, будетъ не безполезно и своевременно. Мы разсмотримъ весь ходъ переселенческаго дѣла отъ начала до конца,—начнемъ съ момента появленія у земледѣльца мысли о переселеніи и кончимъ моментомъ его устройства на новомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачнаго переселенія—моментомъ его появленія на старой родинѣ. Въ указанныхъ границахъ мы прослѣдимъ всѣ тѣ мытарства, которымъ подвергается нашъ переселенецъ и которыя составляютъ настоящую эпопею. На первый разъ мы остановимся на первомъ фазисѣ переселенческаго движенія, начинающемся съ появленіемъ мысли о переселеніи и оканчивающемся выходомъ переселенцевъ изъ роднаго села.

II. Размѣры переселеній.

Вопросъ о причинахъ, вызывающихъ переселенія, не входитъ въ программу нашей работы. Предметъ этотъ весьма обширенъ и сложенъ, и можетъ составить содержаніе особаго изслѣдованія. Мотивы, побуждающіе крестьянъ къ переселенію, крайне разнообразны и именно этимъ разнообразіемъ объясняется пестрота состава переселенческихъ группъ. Здѣсь рядомъ съ бѣднякомъ, не имѣющимъ рѣшительно ничего и идущимъ въ переселеніе потому, что ему нѣтъ никакой возможности оправиться на родинѣ, мы замѣчаемъ крестьянъ средняго достатка и даже богачей, несущихъ съ собою тысячи рублей. Въ общемъ, надо принять, что наиболѣе бѣдная часть крестьянства даетъ наименьшій процентъ переселенцевъ, ибо такимъ бѣднякамъ не съ чѣмъ подняться въ дорогу, да, кромѣ того, и числящіяся на нихъ недоимки препятствуютъ полученію нужныхъ для дороги документовъ. Если, однако, такіе бѣдняки все таки составляютъ замѣтный элементъ среди переселенцевъ, то это свидѣтельствуетъ лишь о величинѣ бѣдствующей части нашего крестьянства: даже незначительный процентъ этой части оказывается весьма большимъ абсолютно. Всего менѣе между переселенцами безземельныхъ крестьянъ, ибо такіе крестьяне не имѣютъ возможности пріобрѣсть хотя бы скромныя средства для дороги, путемъ продажи или сдачи въ долговѣчную аренду принадлежащей имъ земли. Всего чаще встрѣчаются крестьяне, владѣвшіе на старинѣ землею на полномъ правѣ собственности (дарственники, четвертные крестьяне и др.), ибо имъ всего легче покончить съ землею, какъ свободною отъ спеціальныхъ платежей (выкупныхъ и, ранѣе, оброчной подати) и притомъ отчуждаемою; къ тому же, имѣя возможность продать землю, они получаютъ бо̀льшія средства для пути, нежели крестьяне той же зажиточности другихъ разрядовъ. Именно среди такихъ крестьянъ (напр., четверт-

ныхъ) встрѣчаются переселенцы, которые изумляютъ изслѣдователей своей зажиточностью, ибо они, реализировавъ свою земельную собственность, несутъ на «новыя мѣста» 4—5 тысячъ рублей и болѣе. Большинство переселенцевъ составляютъ земледѣльцы, но между ними есть и мастеровые, давно отбившіеся отъ земли или даже никогда не бравшіеся за соху и косу. Весьма часто встрѣчаются среди переселенцевъ солдаты, ибо солдаты, являясь послѣ службы на родину, сплошь и рядомъ оказываются «отрѣзаннымъ ломтемъ» и принуждены искать «новый родъ жизни».

Разнообразный составъ переселенцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ разнообразію мотивовъ, вызывающихъ переселеніе. Тутъ и причины экономическія (безземелье или малоземелье, недостатокъ извѣстнаго рода угодій,—чаще выгоновъ и луговъ, отсутствіе заработковъ и т. д.), и мотивы чисто хозяйственные (необходимость перехода къ болѣе сложной системѣ хозяйства и невозможность такого перехода по недостатку средствъ или знаній и др.), и мотивы чисто психическіе, и причины личнаго свойства, и т. д. Естественно, что по мѣрѣ того, какъ жизнь идетъ и усложняется, усложняются и разнообразятся причины, вызывающія переселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается стремленіе къ переселеніямъ. Увеличеніе напряженности стремленія къ переселеніямъ даетъ себя знать какъ увеличеніемъ числа переселенцевъ, такъ и появленіемъ все новыхъ и новыхъ пунктовъ, въ которые стремятся переселенцы. Дѣйствительно, число переселенцевъ растетъ съ каждымъ годомъ. Вездѣ, гдѣ проходящимъ и проѣзжающимъ переселенцамъ ведется счетъ, число ихъ погодно увеличивается; кромѣ того, съ каждымъ годомъ переселенцы открываютъ для себя новые пути. Для нѣкоторыхъ мѣстностей переселенія явились такимъ крупнымъ факторомъ жизни, что увлекли уже весьма замѣтную часть населенія. Статистическія изслѣдованія, произведенныя въ Рязанской и Вятской губерніяхъ [1]), показали, что въ названныхъ губерніяхъ есть волости, изъ которыхъ выселилось со времени послѣдней ревизіи не менѣе четверти всего населенія. По отдѣльнымъ селеніямъ, процентъ выселившихся поднимается до 30—50 и даже болѣе. Бывали, наконецъ, случаи выселенія цѣлыхъ общинъ. Менѣе систематическія данныя, имѣющіяся по другимъ губерніямъ, указываютъ на то, что и въ послѣднихъ положеніе вещей разнится мало отъ наблюдаемаго въ двухъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ. И всѣ эти данныя показываютъ, что наибольшее число выселеній падаетъ на болѣе поздніе годы. Что касается пунктовъ, куда направляются переселенцы, то до середины 70-хъ годовъ главная масса пореселенцевъ шла въ южныя и юговосточныя губерніи Европейской Россіи. Что касается Сибири, то сюда,

---

[1]) *В. Н. Григорьевъ.* „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи". *Романовъ.* „Переселенія крестьянъ Вятской губерніи".

главнымъ образомъ въ Томскую губернію, шли лишь небольшія группы. Съ середины 70-хъ годовъ сибирское направленіе беретъ верхъ надъ другими, что̀ продолжается и доселѣ. Наиболѣе важнымъ пунктомъ, привлекающимъ переселенцевъ, стала южная часть Томской губерніи (округа Бійскій и Барнаульскій). Вмѣстѣ съ тѣмъ, усилились переселенія и въ другія части Сибири, вплоть до отдаленной Амурской области. Затѣмъ явились переселенія въ мѣстности Степнаго генералъ-губернаторства—Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую, и въ Туркестанскій край. Вслѣдъ за окончаніемъ послѣдней восточной войны, начались переселенія въ Закавказье, преимущественно въ Батумскую область, и затѣмъ въ Закаспійскую область. Въ послѣдніе годы происходятъ сперва на казенный счетъ, а затѣмъ на собственныя средства переселенцевъ, переселенія въ крайній пунктъ русскихъ владѣній на востокѣ—отдаленнѣйшій Уссурійскій край. Въ то же время продолжаются переселенія и въ мѣстности Европейской Россіи — южныя губерніи, Поволжье и Уфимско-Оренбургскій край, хотя всѣ эти мѣстности въ свою очередь высылаютъ переселенцевъ. Идутъ передвиженія населенія и въ другихъ направленіяхъ: изъ Привислянскаго края происходятъ переселенія въ юго-западныя и сѣверо-западныя губерніи; Прибалтійскій край выпускаетъ переселенцовъ въ губерніи Псковскую, Новгородскую, Петербургскую и Смоленскую; изъ центральныхъ губерній появляются переселенцы въ Малороссіи; на сѣверѣ переселенцы передвигаются изъ губерніи въ губернію; даже Вологодская губернія привлекаетъ переселенцевъ изъ Вятской губерніи. Наконецъ, въ послѣднее время стали являться случаи переселенія нашихъ крестьянъ въ чужіе края. Такъ, изъ Виленской губерніи было немало случаевъ переселенія бѣлоруссовъ въ Америку; въ концѣ позапрошлаго года газеты сообщали о переселеніи 70 душъ хохловъ въ Добруджу, и т. д.

III. Источники свѣдѣній для переселенцевъ.

Этотъ коротенькій очеркъ причинъ и размѣровъ переселенческаго движенія уже заранѣе можетъ дать понятіе объ интенсивности стремленія нашего крестьянства къ переселенію. Ниже мы увидимъ, какія многочисленныя препятствія встрѣчаетъ на своемъ пути, на первыхъ же шагахъ, задумавшій переселиться крестьянинъ, и если, тѣмъ не менѣе, вопреки всякимъ препятствіямъ:—экономическимъ, законодательнымъ, административнымъ и другимъ, — при первомъ же удобномъ случаѣ, при мальски благопріятныхъ обстоятельствахъ или, по крайней мѣрѣ, кажущихся таковыми — крестьяне десятками тысячъ покидаютъ насиженныя мѣста и устремляются на поиски новыхъ мѣстъ жительства, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ сильно назрѣла потребность въ пере-

селеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезность мотивовъ, побуждающихъ крестьянина перемѣнять родину, опредѣляетъ и серьезность отношенія его къ дѣлу переселенія. Покинуть родину, порвать старыя связи, разрушить старое хозяйство, каково бы оно ни было, словомъ, уничтожить весь старый обиходъ жизни и идти за тысячи верстъ создавать новую жизнь, —это слишкомъ серьезное дѣло, чтобы относиться къ нему легкомысленно. Совершенно неосновательно нерѣдко высказываемое обвиненіе переселенцевъ въ томъ, что они идутъ въ новые края, не узнавши ни дороги къ нимъ, ни условій, ожидающихъ тамъ переселенцевъ. Напротивъ, крестьяне, задумавшіе переселяться, употребляютъ всякія усилія для пріобрѣтенія необходимыхъ имъ свѣдѣній,—и если сплошь и рядомъ идутъ въ переселенія, имѣя лишь самое смутное понятіе или даже совершенно фантастическія, невѣрныя свѣдѣнія о томъ, что ихъ ожидаетъ въ новомъ краю, то причина тому не недостатокъ употребленныхъ ими усилій къ выясненію дѣла, а полная невозможность для крестьянина получить точныя свѣдѣнія о «новыхъ мѣстахъ». Обвиненіе крестьянъ-переселенцевъ въ недостаткѣ необходимыхъ для нихъ знаній тѣмъ менѣе основательно, что наше образованное общество, которое собственно и должно бы доставлять крестьянамъ-переселенцамъ нужныя свѣдѣнія, само не обладаетъ рѣшительно никакими знаніями относительно окраинъ, куда стремятся переселенцы. Если крестьянинъ-переселенецъ имѣетъ лишь смутныя свѣдѣнія, а чаще никакихъ относительно Барнаульскаго округа или Южно-Уссурійскаго края, то, спрашивается, много ли найдется среди образованныхъ людей такихъ, которые имѣли бы болѣе подробныя свѣдѣнія относительно названныхъ мѣстностей? Навѣрно можно сказать, что 999 изъ 1000 членовъ образованнаго общества не имѣютъ относительно помянутыхъ мѣстностей никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ знанія ихъ имени. Можно ли послѣ этого удивляться, что крестьянинъ, не имѣя возможности получить точныя свѣдѣнія о „новыхъ мѣстахъ“, пускается въ путь на авось, когда жизнь не ждетъ и выталкиваетъ его со старыхъ пепелищъ?

Мысль о переселеніи, какъ дѣлѣ крайне серьезномъ, дѣлѣ всей жизни, является не сразу, а растетъ постепенно, развиваясь подъ вліяніемъ возрастающихъ тягостей жизни. Къ переселенію приступаютъ только послѣ долгихъ и долгихъ попытокъ найти иной выходъ изъ тяжелаго положенія, послѣ продолжительнаго обдумыванія предпринимаемаго шага. Изслѣдователю переселеній Рязанской губерніи крестьяне весьма наглядно изобразили постепенный ростъ мысли о переселеніи, охватившей мѣстное населеніе. „Въ былое время,—разсказывали крестьяне,—здѣсь было лучше всякой Самары [2]). Земли было много; лѣсу—сколько хочешь; луга—

[2]) Подъ „самарой“ крестьяне многихъ среднихъ губерній разумѣютъ „вольныя мѣста“, вообще пункты, куда направляются переселенцы.

степь безконечная; хлѣба было невпроворотъ"... Потомъ, съ увеличеніемъ населенія, прежняя свобода стала пропадать, но все еще было просторно. Послѣ освобожденія крестьянъ, съ сокращеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, начала чувствоваться тѣснота, но жить было можно, пока земли частныхъ владѣльцевъ сдавались въ аренду по дешевымъ цѣнамъ: 7—9 рублей за десятину. Но вотъ арендныя цѣны возвысились до 18—20 руб. за десятину; лѣса кругомъ были посведены; «топки не стало; начали рожь косить пониже; соломка пошла на топку, урожаи на убыль... Не стало нашей самары; только старики вспоминаютъ о ней. Пошли слухи про новую самару—сибирскую; говорили, будто люди въ Сибирь идутъ и что тамъ самара не хуже той, что у насъ была. Дальше да больше. Пошли слухи со всѣхъ сторонъ; разно говорили, а все чаще хвалили сибирскую сторону, говорили, что стоитъ идти туда. Бывало, на базарѣ одинъ демкинскій мужикъ какъ начнетъ про сибирскую самару разсказывать (онъ нарочно ходилъ туда, а потомъ съ семьей въ Бійскій уѣздъ выписался), такъ вокругъ него толпа на полверсты стоитъ; самъ-то онъ высокій, здоровый, выше всей толпы, да еще на телѣгу взберется и кричитъ, что есть мочи,—самару расписываетъ... Думали, думали,—и стали нашихъ 13 семей собираться въ Томскую губернію» [3]).

Разъ явилась мысль о переселеніи, крестьяне употребляютъ всякія средства для того, чтобы собрать побольше свѣдѣній о «новыхъ земляхъ» и условіяхъ переселенія. Къ сожалѣнію, источники свѣдѣній, которые доступны крестьянамъ, весьма немногочисленны и крайне мало надежны. Это—«слухи,» правительственныя распоряженія, разсказы бывалыхъ людей, письма переселенцевъ и посылка ходоковъ. Къ разсмотрѣнію этихъ источниковъ крестьянскихъ знаній о переселенческомъ дѣлѣ мы теперь и перейдемъ.

IV. „Слухи".

«Слухи» — это нѣчто стихійное. Они исходятъ не отъ одного человѣка, а являются коллективнымъ созданіемъ. Ихъ распускаютъ всѣ вмѣстѣ и никто въ отдѣльности,—и потому въ высшей степени несправедливо, когда за распусканіе ложныхъ слуховъ привлекаютъ къ отвѣтственност отдѣльныхъ лицъ. Сила слуховъ—въ ихъ полномъ соотвѣтствіи съ затаенными желаніями народа, съ его нуждами и потребностями. Какъ ни кажутся нелѣпыми и вздорными постороннему человѣку эти слухи, для крестьянъ въ нихъ не только нѣтъ ничего нелѣпаго, но они кажутся наиболѣе разумнымъ разрѣшеніемъ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь у кресть-

[3]) *В. Н. Григорьевъ.* „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи". Стр. 14.

янъ оказывается недостатокъ земли, явился излишекъ населенія, а тамъ, гдѣ-то далеко, лежитъ пустая земля и нѣтъ населенія; естественно, что казна предлагаетъ пустую землю взять желающимъ. Здѣсь обѣднѣвшіе крестьяне накопляютъ только недоимку и являются бременемъ для государства, а тамъ, на просторѣ, они оправятся и будутъ полезны государству; не удивительно, что казна помогаетъ крестьянамъ переселяться на новыя мѣста, выдаетъ пособія, перевозитъ на свой счетъ и т. д. Такъ разсуждаетъ крестьянинъ,—и что же собственно въ его разсужденіи нелѣпаго? Слухи обѣщаютъ крестьянину только то, что имѣло мѣсто тогда, когда переселенческое дѣло являлось государственнымъ дѣломъ, и что имѣетъ мѣсто и теперь въ спеціальныхъ случаяхъ, какъ напр., недавно при казенной отправкѣ переселенцевъ въ Уссурійскій край. Можно ли, послѣ этого, удивляться, что крестьяне вполнѣ вѣрятъ слухамъ?

Слухи, волнующіе крестьянство, могутъ быть названы нелѣпыми только потому, что они, къ сожалѣнію, слишкомъ противорѣчатъ дѣйствительности; сами же по себѣ они не заключаютъ ничего невозможнаго, невѣроятнаго или нелѣпаго. Чтобы показать, какъ въ сущности скромны желанія крестьянъ и какъ они легко могли бы быть осуществлены, мы приведемъ нѣсколько образчиковъ «нелѣпыхъ слуховъ.» Въ 1882 г., въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, «между крестьянами распространились упорные слухи о томъ, что свободной земли въ Ставропольской губерніи очень много; земля эта казенная и нарѣзана участками; на каждую душу полагается по 15 десятинъ пахотной и луговой земли, и, сверхъ того, по прибытіи на мѣсто, переселенцамъ выдается отъ казны единовременно на каждое семейство по 300 руб. на первое обзаведеніе». Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, около 400 семействъ крестьянъ распродали свои усадьбы съ постройками и всю движимость, и отправились въ Ставропольскую губернію [4]). Въ объясненіе этого слуха должно сказать, что до 1882 г. въ Ставропольской губерніи дѣйствительно отводилась земля переселенцамъ въ размѣрѣ 15 дес. на ревизскую душу; но затѣмъ такой отводъ былъ прекращенъ, такъ какъ оставшаяся свободною казенная земля была роздана въ видѣ награды гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ. Такимъ образомъ, слухъ, волновавшій въ 1882 г. населеніе Роменскаго уѣзда, оказался просто запоздалымъ и, кромѣ того, былъ дополненъ народною фантазіею относительно 300—рублевыхъ пособій, которыя и до 1882 г. переселенцамъ въ Ставропольскую губернію не выдавались.—Другой образчикъ «нелѣпаго» слуха:—въ томъ же 1882 г., въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, и Мазовецкомъ, Ломжинской, распространились слухи о вызовѣ желающихъ переселяться въ Херсонскую губернію.

---

[4]) „Русскій Курьеръ," 1882 г., № 159.

Слухи добавляли, что изъявившимъ желаніе переселиться будутъ выдаваться даровые билеты на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и пособія, и что билеты и пособія присланы для раздачи гминнымъ войтамъ и волостнымъ старшинамъ. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ явилось множество желающихъ переселиться, которые требовали отъ войтовъ и старшинъ выдачи имъ билетовъ и пособій и долго не вѣрили заявленіямъ старшинъ и войтовъ о томъ, что у нихъ никакихъ билетовъ и пособій нѣтъ [5]). Иногда въ слухахъ, въ качествѣ раздатчика земель и пособій, является не казна, а частное лицо. Особенно часто слухи послѣдняго рода стали распространяться со времени открытія дѣйствій крестьянскаго банка. Приведемъ для образчика слухъ, волновавшій въ позапрошломъ году крестьянъ Борзенскаго уѣзда. Крестьяне разсказывали, что какой-то генералъ, престарѣлый и одинокій, получивъ по наслѣдству нѣсколько тысячъ десятинъ земли въ Донской области, распродаетъ ее по частямъ желающимъ. Само собою разумѣется, что урожайность земли и вообще удобства являются въ разсказахъ совершенно баснословными. Затѣмъ, по разсказамъ, таинственный генералъ снабжаетъ покупающихъ у него 20 десятинъ—плугомъ и волами, а пріобрѣтающихъ 10 дес.—коровой и овцами. Чтобы пріобщиться этихъ благъ, нужно только внести за каждую десятину по 3 руб.; остальныя деньги за землю уплатитъ генералу «таганрогскій» крестьянскій банкъ (очевидно, донское отдѣленіе крестьянскаго банка, находящееся въ Новочеркасскѣ). Здѣсь тоже дѣйствительность перепутана съ фантазіей и этимъ путемъ создался слухъ, который и побудилъ «записаться» на переселеніе до 200 семей [6]).

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, «необузданныя фантазіи» крестьянъ въ сущности крайне скромны. 15 десятинъ надѣла, даровой проѣздъ, пособіе на первое обзаведеніе или даже продажа земли въ кредитъ и нѣкоторое пособіе инвентаремъ—такова сущность этихъ «фантазій». Не трудно видѣть, что лишь только дѣло переселенія перестанетъ быть у насъ предоставленнымъ на волю божію и получитъ регламентацію и государственную помощь—эти требованія крестьянской «фантазіи» получатъ неизбѣжно практическое осуществленіе.

Въ настоящее время, когда скромныя желанія крестьянъ, выражающіяся въ видѣ слуховъ, къ сожалѣнію, такъ далеки отъ дѣйствительности, слухи эти, вызывая крестьянскія переселенія, разсчитанныя на предполагаемую правительственную помощь, приводятъ къ весьма серьезнымъ несчастіямъ для крестьянъ-переселенцевъ. Ежегодно тысячи семействъ, побуждаемыя слухами, подобными вышеприведеннымъ, поднимаются съ на-

---

[5]) „Современныя Извѣстія“ 1882 г., № 66.

[6]) „Заря“ 1886 г., № 78.

сиженныхъ мѣстъ, ликвидировавъ свое хозяйство, пускаются въ путь съ самыми розовыми надеждами, которыя остаются безъ осуществленія, и, разорившись окончательно, возвращаются на родину. Чтобы ближе характеризовать это въ высшей степени печальное явленіе, приведемъ нѣсколько относящихся сюда фактовъ.

Въ 1885 г., въ Радомской губерніи распространились слухи о льготахъ, которыя предоставляются правительствомъ переселенцамъ, направляющимся въ Томскую губернію. Изъ одной Клевисской гмины поднялось, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, около 130 человѣкъ, которые распродали все свое имущество и двинулись въ путь. Большинство изъ нихъ было крайне бѣдно; многіе имѣли всего 10—15 рублей. Они явились въ Варшаву уже безъ всякихъ средствъ существованія и разспрашивали, ходя по городу, гдѣ находится начальство, выдающее даровые билеты на проѣздъ въ Томскую губернію. Разспросы эти обратили вниманіе полиціи, переселенцы были задержаны и, по выдачѣ имъ пособія на продовольствіе и возвращеніе на родину, отправлены обратно, хотя дома у нихъ не осталось уже ничего, ибо все свое имущество они продали, чтобы добыть средства для переселенія [7]).

Въ томъ же 1885 г. произошла болѣе грандіозная исторія съ эстонцами, крестьянами Эстляндской губерніи. Туда проникли слухи объ обиліи свободныхъ земель въ Ставропольской губерніи и льготахъ по переселенію на нихъ. Такой запоздалый слухъ не долженъ насъ удивлять, хотя бы въ виду того, что даже въ печати до сихъ поръ, при перечнѣ мѣстностей съ свободными землями, на которыя могутъ быть направлены переселенцы, обязательно фигурируетъ и Ставропольская губернія, хотя здѣсь уже всѣ земли имѣютъ опредѣленное назначеніе. Слухъ сильно подѣйствовалъ на крестьянъ Везенбергскаго уѣзда, и въ началѣ апрѣля названнаго года 202 семейства распродали всю свою собственность и двинулись въ путь. Въ концѣ апрѣля эстонцы были уже въ Москвѣ. Бесѣдовавшіе съ ними здѣсь имѣли возможность убѣдиться въ томъ, что они не имѣютъ никакого понятія ни о краѣ, въ который направляются, ни о томъ, что ихъ ждетъ впереди. На вопросъ: «куда идете?»—они могли отвѣтить только: «туда, далеко куда-то, гдѣ тепло и хлѣба много», или: «мы не знаемъ, старшіе знаютъ». Когда, наконецъ, эстонцы достигли Воронежа, оказалось, что средствъ къ дальнѣйшему пути у нихъ не имѣется. Тогда они обратились къ мѣстнымъ властямъ и своими смутными объясненіями, повидимому, внушили послѣднимъ мысль, что переселеніе эстонцевъ начато по иниціативѣ ставропольской администраціи, почему начальникъ воронежскаго жандармскаго управленія обратился къ ставропольскому гу-

---

[7]) „Русскій Курьеръ“ 1885 г., № 255.

бернатору съ телеграммой о томъ, что на станціи «Козловъ» оставлены отъ поѣзда 630 человѣкъ переселенцевъ, слѣдующихъ въ Ставрополь и не имѣющихъ средствъ уплатить за проѣздъ. Конечно, у ставропольской администраціи не оказалось средствъ для уплаты за проѣздъ совсѣмъ неожидаемыхъ ею переселенцевъ. Когда дѣло выяснилось, были приняты мѣры для препровожденія переселенцевъ обратно на родину. Возвратились эстонцы буквально нищими [8]).

V. Правительственныя распоряженія.

Какъ мы уже высказывали выше, слухи о переселеніяхъ, о льготахъ, даруемыхъ при этихъ правительствомъ, и о благахъ, ожидающихъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, представляютъ собою коллективное созданіе. Указать человѣка, отъ котораго пошелъ слухъ первоначально, совершенно невозможно, но зато почти всегда можно добраться до обстоятельства, послужившаго поводомъ къ возникновенію слуха. Наичаще такими поводами служатъ правительственныя распоряженія, касающіяся крестьянства, въ особенности распоряженія, имѣющія то или другое отношеніе къ переселенцамъ.

Какъ извѣстно, у насъ правительственныя распоряженія распубликовываются такими способами, при которыхъ они рѣдко доходятъ до народа непосредственно, а обыкновенно достигаютъ народныхъ массъ косвенными путями, чрезъ посредство разныхъ «свѣдущихъ лицъ» самаго низшаго разбора, сплошь и рядомъ передающихъ дѣло въ самомъ извращенномъ видѣ. Но и тѣ немногія правительственныя распоряженія, которыя достигаютъ народныхъ массъ непосредственно, являются, благодаря своей редакціи, совершенно непонятными этимъ массамъ и предоставляютъ широкое поле для самыхъ произвольныхъ толкованій. Наконецъ, нѣкоторыя спеціальныя распоряженія публикуются по всей Россіи только благодаря чисто канцелярскимъ недоразумѣніямъ, и, будучи для большинства жителей Россіи настоящею китайскою грамотою, возбуждаютъ самые удивительные толки и ожиданія. Такой эффектъ вызвало, напр., объявленіе объ условіяхъ заселенія Новой Земли. Исторія эта до такой степени характерна, что ее нельзя не привести.

Правительство, желая вызвать образованіе поселенія на Новой Землѣ, рѣшилось оказывать весьма широкое пособіе каждой семьѣ, поселяющейся на этой глыбѣ вѣчнаго льда. Объявленіе объ этомъ пособіи, очевидно, могло имѣть значеніе только для рыбопромышленниковъ и звѣре-

[8]) „Недѣля“ 1885 г., № 27.

промышленниковъ Архангельской губерніи, ибо только они могли бы рискнуть поселиться на негостепріимномъ островѣ, гдѣ снѣгъ сходитъ всего на 1, много на 2 мѣсяца и гдѣ единственное возможное занятіе—морскіе звѣриные промыслы. Между тѣмъ объявленіе о вызовѣ желающихъ поселиться на Новой Землѣ было разослано общепринятымъ порядкомъ по волостнымъ правленіямъ всей Россіи и повсюду вызвало сильное движеніе среди крестьянъ. Отовсюду стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ и къ архангельскому губернатору многочисленныя прошенія отъ разныхъ лицъ и даже цѣлыхъ сельскихъ обществъ объ отводѣ имъ земельныхъ участковъ въ Новой Землѣ. Нѣкоторые даже любопытствовали узнать, по скольку десятинъ дадутъ имъ на душу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это объявленіе о Новой Землѣ вызвало цѣлый переполохъ. Такъ, въ Орелъ являлось множество крестьянъ съ прошеніями о денежномъ вспомоществованіи на переселеніе въ Новую Землю. Мѣстныя власти тщетно старались разъяснять просителямъ, что Новая Земля—ледяная глыба, населенная бѣлыми медвѣдями и совершенно непригодная къ земледѣлію. Крестьяне молча выслушивали наставленія, расходились по домамъ, наскоро распродавали имущество и двигались въ путь, избравъ почему-то первымъ пунктомъ направленія Курскъ: «тамъ видно будетъ», говорили они. Еще лучше исторія вышла въ Трубчевскѣ. Здѣсь въ одно прекрасное утро толпа крестьянъ, человѣкъ въ 600, собралась около присутствія по крестьянскимъ дѣламъ съ просьбою о выдачѣ каждому изъ нихъ по 350 руб. на переселеніе въ Новую Землю, которая въ представленіи крестьянъ оказалась ничѣмъ инымъ, какъ Землею Войска Донскаго. Кое-какъ толпѣ было разъяснено, что Новая Земля и Земля Войска Донскаго не имѣютъ ничего общаго, — и крестьяне разошлись. Но, вообще, по поводу этого «недоразумѣнія» въ Трубчевскѣ перебывало до 5000 крестьянъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ уже успѣвали «совсѣмъ приготовиться къ переселенію»: продать скотъ и земледѣльческія орудія, расплатиться съ помѣщиками и купцами-кредиторами, и даже насушить сухарей [9]).

Такія же недоразумѣнія постоянно возникаютъ и по поводу всякихъ другихъ правительственныхъ мѣропріятій по переселенческому дѣлу. И этому отнюдь нечего удивляться, ибо откуда же крестьянину и получить точныя свѣдѣнія о такихъ мѣропріятіяхъ, если даже члены интеллигентнаго общества имѣютъ о нихъ самое смутное и часто совершенно превратное понятіе? Такимъ образомъ, всякая мѣра, принимаемая правительствомъ, доходитъ до крестьянства въ превратномъ видѣ, и крестьяне ви-

---

[9]) „Русскія Вѣдомости“ 1882 г., № 150; „Голосъ“ 1882 г., № 39; „Русскій Курьеръ“ 1883 г., № 110.

дятъ въ ней лишь исполненіе своихъ желаній. Практиковавшееся въ первой половинѣ 80-хъ годовъ переселеніе на казенный счетъ ежегодно 250 семей безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ Черниговской губерніи въ Уссурійскій край—вызвало разнообразные слухи и толки и цѣлый рядъ крайне печальныхъ исторій; изъ нихъ нѣкоторыя мы будемъ имѣть случай привести ниже. Теперь ограничимся указаніемъ на два грустныхъ факта, вызванныхъ слухами, возникшими указаннымъ путемъ. Въ 1883 г. слухи о переселеніи на казенный счетъ въ Уссурійскій край достигли Константиноградскаго уѣзда Полтавской губерніи, и побудили крестьянъ готовиться къ переселенію. Не взирая ни на какія увѣренія мѣстной администраціи, что переселеніе на казенный счетъ ограничено 250 семействами и что правомъ этимъ въ указанномъ году уже воспользовались крестьяне Черниговской губерніи, не смотря также на отобраніе отъ крестьянъ подписокъ въ томъ, что имъ объявлено, что они на казенную перевозку разсчитывать не могутъ, крестьяне продолжали свои приготовленія и утѣшали себя тѣмъ, что «паны не кажуть правды: бо якъ выйдемъ вси, то панамъ никому буде робыты». Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, крестьяне за безцѣнокъ сбывали свое движимое и недвижимое имущество. Полевые надѣлы сдавались остающимся общественникамъ большею частью даромъ; за усадьбы съ избами и другими постройками брали отъ 5 до 50 рублей; десятина посѣяннаго хлѣба отдавалась отъ 3 до 6 рублей; домашній скарбъ сбывался за 10—15% стоимости. Словомъ, разореніе вышло полное. [10]) Въ Пирятинскомъ уѣздѣ той же Полтавской губерніи, тѣ же слухи вызвали исторію положительно гомерическаго характера. Въ 1885 г. крестьяннъ с. Яблоновки вычиталъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» объ упомянутой мѣрѣ ежегоднаго переселенія въ Уссурійскій край 250 семей черниговскихъ крестьянъ и разсказалъ объ этомъ нѣкоторымъ изъ своихъ односельцевъ. У крестьянъ явилась мысль, что и они, быть можетъ, могли бы получить подобное же пособіе для переселенія, и чрезъ нѣкоторое время они послали на имя министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбою о разрѣшеніи переселиться на Амуръ съ казеннымъ пособіемъ. На телеграмму послѣдовалъ отказъ чрезъ мѣстное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ. Однако, крестьяне не придали значенія этому отказу, и вскорѣ въ Петербургъ отправился отставной солдатъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ крестьянъ с. Яблоновки и многихъ сосѣднихъ хлопотать о переселеніи. Ходокъ подалъ въ Петербургѣ прошеніе, почему-то, на имя великаго князя Михаила Николаевича. Получивъ расписку, въ которой значилось, что прошеніе отъ такого-то получено, солдатъ отправился на родину, гдѣ расписка обратилась

[10]) „Южный Край“ 1883 г., № 846.

въ глазахъ крестьянъ въ *указъ* о переселеніи. Чтобы остановить движеніе, администрація выслала двухъ крестьянъ, считая ихъ распространителями ложныхъ слуховъ. Одинъ изъ этихъ высланныхъ попалъ въ Одессу и здѣсь встрѣтился съ какимъ-то евреемъ, именовавшимъ себя «присяжнымъ стряпчимъ» и взявшимся выхлопотать крестьянамъ пособіе на переселеніе. Высланный крестьянинъ поспѣшилъ увѣдомить своихъ товарищей объ открытіи столь важной персоны и предложилъ скорѣе выслать ему довѣренность, чтобы одесскій «генералъ-стряпчій», какъ его называли крестьяне, могъ приступить къ хлопотамъ. Крестьяне для совершенія довѣренностей вызвали нотаріуса въ с. Сергіевку, гдѣ всего болѣе было желающихъ переселяться. Здѣсь нотаріусъ, пробывъ трое сутокъ *подъ замкомъ*, не выпускаемый крестьянами, днемъ и ночью свидѣтельствовалъ крестьянскія подписи. Дѣло въ томъ, что на слѣдующій же день по пріѣздѣ нотаріуса въ село, разнеслась молва, что пріѣхалъ чиновникъ записывать желающихъ переселиться на Амуръ, и въ Сергіевку повалило множество народа не только изъ Пирятинскаго и другихъ ближайшихъ уѣздовъ Полтавской губерніи, но также и изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Черниговской. Нотаріуса выручилъ уже явившійся исправникъ, который долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы дать возможность нотаріусу уѣхать тайно въ Пирятинъ. Но и сюда за нимъ явилась тысячная толпа и осадила его домъ. Нотаріусъ долженъ былъ на разсвѣтѣ бѣжать тайно изъ города, и возбужденная толпа разошлась только въ виду появленія войска [11]).

Столь же многочисленныя недоразумѣнія вызвало учрежденіе переселенческой конторы въ с. Батракахъ на Волгѣ. Цѣль учрежденія конторы состоитъ единственно въ выдачѣ обращающимся къ ней справокъ объ участкахъ земли, которая могла бы быть получена переселенцами въ надѣлъ или куплена, о цѣнахъ на нее, качествахъ почвы, мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ и удобнѣйшихъ маршрутахъ для движенія переселенцевъ. Когда вѣсть объ учрежденіи конторы дошла до крестьянъ, послѣдніе увидѣли въ этой мѣрѣ вызовъ на переселеніе и положительно завалили контору письменными прошеніями и телеграммами, въ которыхъ выражались просьбы объ отводѣ земель и сообщалось о готовности просителей двинуться въ путь. Только особыя административныя мѣры пріостановили это движеніе.

Такія же недоразумѣнія возникаютъ и при всякой другой мѣрѣ правительства по переселенческому дѣлу. Вотъ, напр., какой рядъ недоразумѣній имѣлъ мѣсто въ Черниговской губерніи. Въ 1870 г. здѣсь было разослано мировымъ посредникамъ циркулярное предписаніе «разъяснить крестьянамъ порядокъ переселенія, въ видахъ устраненія неза-

---

[11]) „Кіевлянинъ“ 1885 г., № 205.

коннаго движенія лицъ, не имѣющихъ права выйти изъ своихъ обществъ». Этотъ циркуляръ во многихъ волостяхъ былъ истолкованъ въ смыслѣ вызова на свободныя казенныя земли, и въ одномъ Черниговскомъ уѣздѣ болѣе ста семействъ казаковъ и крестьянъ отправились въ путь. Въ 1875 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири обратился къ черниговскому губернатору съ просьбою разъяснить сельскому населенію, что съ ходатайствомъ о разрѣшеніи переселиться въ Амурскій край слѣдуетъ обращаться не къ нему, а къ мѣстному военному губернатору. По сообщеніи объ этомъ волостнымъ правленіямъ, многіе крестьяне стали собираться въ путь, и только когда они узнали о значительной отдаленности Амурскаго края,—остановилось движеніе. Такой же эффектъ вызывали и частныя обращенія къ крестьянамъ по переселенческому дѣлу. Такъ, въ 1880 г. статскій совѣтникъ Кулаковскій разослалъ въ волостныя правленія печатное объявленіе о вызовѣ желающихъ взять у него въ аренду 700 десятинъ земли мелкими участками въ Уфимской губерніи. Въ нѣсколькихъ уѣздахъ Черниговской губерніи это объявленіе крестьяне поняли въ смыслѣ вызова на переселеніе и приступили къ распродажѣ имущества. Движеніе прекратилось, когда объявленіе было изъято изъ обращенія и продажи пріостановлены полицейскими мѣрами [12]).

Всѣ эти факты ясно показываютъ, до какой степени несовершенна у насъ техника распространенія въ народныхъ массахъ правительственныхъ циркуляровъ съ одной стороны, а съ другой—какъ слабо еще развита въ народѣ толковая грамотность, которая давала бы возможность крестьянамъ, читая правительственныя распоряженія, видѣть въ нихъ то, что̀ дѣйствительно заключается, а не то, что желательно читающему. Ниже, однако, мы увидимъ, что съ теченіемъ времени довѣріе ко всякаго рода слухамъ ослабѣваетъ, и крестьяне начинаютъ прибѣгать къ различнымъ способамъ провѣрки этихъ слуховъ, чтобы узнать дѣйствительное положеніе вещей.

VI. Подстрекатели.

При переселенческихъ движеніяхъ, возбуждаемыхъ разнаго рода слухами, и вообще при массовыхъ переселеніяхъ, видную роль играютъ лица, носящія на оффиціальномъ языкѣ наименованіе «подстрекателей», а на народномъ—«ходоковъ», «осадчихъ«, «записчиковъ», иногда «чиновниковъ» и т. д. Лицъ этихъ должно, однако, строго отличать отъ тѣхъ «ходоковъ» и «осадчихъ», которыхъ крестьяне, желающіе переселиться, посылаютъ въ «новыя мѣста»—познакомиться съ мѣстными условіями, выхло-

[12]) „Русскія Вѣдомости“ 1882 г., № 93.

нотать пріемные приговоры или исходатайствовать отводъ земель, иногда заторговать послѣднія и т. д. «Подстрекатели» не выбираются и не посылаются крестьянствомъ, а самостоятельно выступаютъ въ роли активныхъ дѣятелей. Тогда какъ главная дѣятельность настоящихъ ходоковъ и осадчихъ, о которыхъ рѣчь ниже, происходитъ на «новыхъ мѣстахъ», «подстрекатель» дѣйствуетъ на «старинѣ», въ качествѣ вербовщика охотниковъ на переселеніе. Конечно, иногда «подстрекатель» и ходокъ совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ, но въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ—это совершенно различные типы. Офиціальный терминъ «подстрекатель» примѣняется къ лицамъ, о которыхъ мы говоримъ, въ виду того, что они признаются виновниками волнующихъ крестьянъ слуховъ и потому на нихъ возлагается отвѣтственность за вызываемыя слухами движенія [13]). Но эта квалификація глубоко несправедлива. Какъ мы уже видѣли, слухи нерѣдко являются результатомъ невѣрно понятыхъ правительственныхъ распоряженій, причемъ это непониманіе является достояніемъ не отдѣльныхъ лицъ, а всей народной массы,—и вообще слухи являются результатомъ коллективной работы множества умовъ и фантазій, а никакъ не вымысломъ единичныхъ личностей. Этимъ именно и объясняются то необычайно широкое распространеніе, какое слухи получаютъ, и та глубокая вѣра, которую они находятъ. Большинство «подстрекателей» сами люди, глубоко вѣрующіе въ то, что они проповѣдуютъ, сами захватываются общимъ движеніемъ. Но даже и тѣ изъ «подстрекателей»,

---

[13]) Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что для огромнѣйшаго большинства читателей будетъ совершенною новостью существованіе нижеслѣдующей (947) статьи „Уложенія о наказаніяхъ“: „Если кто будетъ *съ какою бы то ни было цѣлію*, посредствомъ лживыхъ обѣщаній и увѣреній, или же *инымъ образомъ*, подговаривать жителей имперіи къ недозволенному законами переходу по одиночкѣ или семействами, или же частями селеній и цѣлыми селеніями съ одного мѣста жительства на другое, тотъ за сіе, смотря по числу подговоренныхъ, по цѣли подговора и по другимъ обстоятельствамъ дѣла, подвергается: или лишенію нѣкоторыхъ, по ст. 50 уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 м. до 1 года и 4 мѣс., или же лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по третьей или пятой степени статьи 31 уложенія (т. е. на время отъ 1 до 3 лѣтъ)“. Кого только при желаніи нельзя подвести подъ эту статью? Еще любопытнѣе слѣдующая (948) статья Уложенія, въ силу которой едва ли не всѣ наши переселенцы оказываются *уголовными преступниками*: „Тѣ, которые, вслѣдствіе подговора или по собственному побужденію, будутъ, не имѣя на то права или особаго, по установленному порядку, разрѣшенія, дѣлать приготовленія къ переселенію, или же и дѣйствительно противозаконно перейдутъ на другія мѣста для жительства, подвергаются за сіе аресту на время отъ двухъ недѣль до 3 мѣсяцевъ“.

которые дѣйствуютъ изъ корыстныхъ видовъ, могутъ имѣть успѣхъ только тогда, когда они дѣйствуютъ въ тонъ общему движенію, на почвѣ уже имѣющихся слуховъ, вѣрованій и убѣжденій.

Надо замѣтить, что отличить «подстрекателей», дѣйствующихъ искренно, отъ таковыхъ же, преслѣдующихъ корыстныя цѣли, часто бываетъ весьма трудно. И потому нерѣдко случается, что люди искренніе, работавшіе исключительно для «общества», попадаютъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ вымогательствѣ и обирательствѣ довѣрившихся имъ крестьянъ,—и, наоборотъ, люди, дѣйствовавшіе исключительно изъ корыстныхъ цѣлей, являются, окруженные извѣстнымъ ореоломъ самоотверженности и преданности народнымъ интересамъ. Несомнѣнно только, что въ средѣ «подстрекателей» встрѣчаются оба типа и что преобладающимъ является типъ труженика «за міръ». «Подстрекателями», дѣйствующими ради личныхъ выгодъ, оказываются почти исключительно люди, посторонніе крестьянству, тогда какъ тѣ, которыхъ выдвигаетъ народная масса, обыкновенно работаютъ исключительно изъ желанія добра ближнимъ.

Наиболѣе вредными изъ «подстрекателей», дѣйствующихъ ради личныхъ выгодъ, являются лица, къ которымъ означенный терминъ почему-то не примѣняется и дѣятельность которыхъ остается безъ всякаго преслѣдованія. Это—землевладѣльцы, подговаривающіе крестьянъ переселяться на ихъ земли, суля при этомъ крестьянамъ всевозможныя блага, а въ дѣйствительности совершенно разоряя и закабаляя ихъ. Чтобы дать понятіе о дѣятельности этого рода, приведемъ одинъ примѣръ, имѣвшій мѣсто въ Орловской губерніи. Здѣсь, въ Мценскомъ уѣздѣ, купилъ большое имѣніе,—какъ сообщали въ свое время газеты,—«просвѣщенный и очень извѣстный въ Орловской губерніи комерсантъ Р.» «Просвѣщенность» свою комерсантъ выказалъ немедленно же. Первымъ дѣломъ, новый владѣлецъ открылъ въ имѣніи мелочную лавочку и кабакъ, гдѣ крестьяне-работники, тѣмъ или инымъ товаромъ, могли получать разсчеты за свой трудъ. Результаты такого веденія хозяйства не замедлили вскорѣ выясниться: крестьяне пропились и обнищали до того, что у многихъ перевелись телѣги, сохи и лошади, и нечѣмъ стало обработывать не только поля комерсанта, но и крестьянскіе загоны. Около этого времени, комерсантъ купилъ между Карачевомъ и Брянскомъ цѣлую область дешевой пустой земли. „Земля такого качества, что на ней хлѣбопашествомъ трудъ окупиться не можетъ, а, слѣдовательно, самому собственнику вести хозяйство наемнымъ трудомъ убыточно,—и комерсантъ рѣшилъ завести даровой трудъ. Съ этою цѣлью имъ посланы были по деревнямъ агенты съ предложеніемъ переселяться на новыя мѣста, на слѣдующихъ условіяхъ: обработывай землю сколько одолѣешь, паши, сѣй, убирай и проч., все исполу, т. е. половину урожая хозяину, половину себѣ; кромѣ того, дано будетъ на постройки лѣсу (благо, онъ тамъ ни почемъ), а по прошествіи

12 лѣтъ вся постройка идетъ въ пользу крестьянина, да на каждую мужскую душу дано будетъ въ вѣчное владѣніе по три десятины (что при покупной цѣнѣ по 20 р. за десятину, составитъ стоимость 60 р. за 12 лѣтъ труда). Все это агенты изображали въ такихъ заманчивыхъ краскахъ, сулили такое приволье и достатокъ, что даже весьма зажиточные крестьяне рѣшились переселиться. На людей напала какая-то горячка: богатые семейные дворы стали распродавать свои постройки, пасѣки, хлѣбъ и весь кормъ для скота, и все это, въ виду спѣшнаго времени, продавалось за пустяки. Лица переселенцевъ были особенно радостны: «будетъ,—говорили они,—спину гнуть, обязываясь за деньги работами господамъ!» Однако, въ слѣдующую же зиму, переселенцы вернулись на родину, побираясь христовымъ именемъ, и сообщали слѣдующее: «пріѣхали мы на пустопорожнее мѣсто, кое-что построили; затѣмъ стали гонять насъ на барщину, пахать, сѣять, молотить и всѣ барскія работы и повинности справлять подводами и чѣмъ прикажутъ, да еще харчи очень были плохи; кто имѣлъ деньжонки, тотъ ихъ прожилъ, а на заработки, хоть барщины иной день и нѣтъ, ходить не смѣй; копѣйки взять не гдѣ, а земля дюже плоха—песокъ да болото. Проработали на хозяина, поля даромъ ему обсѣяли, хлѣбъ весь въ Орелъ доставили, прожились, обносились, да всѣ по своимъ мѣстамъ и пришли: кто былъ съ достаткомъ, сталъ побираться, потому не съ чѣмъ взяться за дѣло,—избы и все хозяйство попродали; осталась одна надежда на Бога, да на добрыхъ людей» [14]).

Напрасно было бы думать, что подобные факты представляютъ особенную рѣдкость. Напротивъ, они весьма и весьма часты и иногда являются въ весьма внушительныхъ размѣрахъ. Извѣстна исторія вятскаго крестьянина Морозова, который сдѣлался однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ Уфимской губерніи, спекулируя на переселенческомъ дѣлѣ. Переселившись въ Уфимскую губернію, онъ пріобрѣлъ здѣсь землю за ничтожную сумму и затѣмъ, отправившись на родину, въ Вятскую губернію, увлекъ за собою толпу переселенцевъ, которыхъ и поселилъ на своей землѣ на крайне тяжелыхъ условіяхъ, пользуясь тѣмъ, что переселенцы не знали дешевизны мѣстныхъ арендныхъ цѣнъ. Этимъ путемъ ловкій человѣкъ разомъ достигъ двухъ цѣлей: дикій пустырь былъ обращенъ трудомъ переселенцевъ въ культурныя земли и вслѣдствіе этого поднялся въ своей стоимости въ нѣсколько разъ, а съ другой стороны владѣлецъ сразу сталъ получать доходъ, превышавшій покупную стоимость земли. На полученныя этимъ путемъ средства были пріобрѣтены новые участки земли и на нихъ снова привлечены переселенцы. Повторяя этотъ пріемъ нѣсколько

---

[14]) „Новое Время“ 1885 г., № 3021.

разъ, захудалый мужичишка превратился въ именитаго богача. Теперь на земляхъ Морозова болѣе $2^1/_2$ тыс. «временно-обязанныхъ» крестьянъ [15]).

Сравнительно съ вредомъ дѣятельности подобныхъ аферистовъ, остающихся внѣ всякаго преслѣдованія, дѣятельность преслѣдуемыхъ подстрекателей, работающихъ ради срыванія какихъ нибудь грошей, является вещью сравнительно невинною. Для характеристики этого послѣдняго типа, мы остановимся на личности пріобрѣвшаго нѣкоторую извѣстность на югѣ Россіи, капитана Вольжанскаго.

Капитанъ Вольжанскій путешествовалъ по городамъ: Одессѣ, Ольгіополю, Чигирину и др., а также по селамъ и вездѣ предлагалъ, преимущественно отставнымъ солдатамъ, но также и крестьянамъ, хлопотать за нихъ о надѣлѣ землей. Бралъ онъ за хлопоты всего по 1 р. 20 к., хлопоты свои онъ основывалъ на дѣйствительно существующихъ законоположеніяхъ и, между прочимъ, ему удалось выхлопотать для многихъ отставныхъ солдатъ 10-ой дивизіи надѣлъ землей въ Херсонской губерніи, всего до 500 десятинъ. Это обстоятельство, въ связи съ скромностью суммы, которую онъ выговаривалъ себѣ за хлопоты и на расходы, показываетъ, что въ данномъ случаѣ предъ нами едва ли профессіональный обманщикъ. А между тѣмъ онъ, для пріобрѣтенія авторитета среди своихъ кліентовъ, прибѣгалъ къ весьма непозволительнымъ средствамъ: увѣрялъ солдатъ и крестьянъ, что онъ пріятель съ управляющимъ херсонскою палатою государственныхъ имуществъ, состоитъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ министромъ государственныхъ имуществъ и даже командированъ имъ спеціально по дѣлу переселенія солдатъ и крестьянъ; показывалъ какую-то бумагу и увѣрялъ, что она «отъ самого Царя», прибѣгалъ къ составленію подложныхъ бумагъ отъ правительственныхъ учрежденій, когда нетерпѣливые кліенты обвиняли его въ медленности хлопотъ и т. д. Вольжанскаго судили три раза за обманъ солдатъ и крестьянъ, и одинъ разъ за подлоги—и во всѣхъ этихъ случаяхъ присяжные оправдывали его. Очевидно, присяжнымъ онъ отнюдь не показался обманщикомъ [16]).

Чаще «подстрекатели» корыстнаго типа довольствуются простымъ собираніемъ съ крестьянъ денегъ «на хлопоты», отнюдь не принимаясь за таковыя, да обыкновенно и не имѣя понятія о томъ, въ чемъ эти хлопоты должны состоять. Это, большею частью, грамотѣи изъ бывшихъ дворовыхъ и отставныхъ солдатъ. Такіе именно господа дѣйствовали въ 1885 г. въ Щигровскомъ уѣздѣ, гдѣ стремленіе къ выселенію въ этомъ году

---

[15]) *Н. В. Ремезовъ.* „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи". Москва. 1887. Стр. 6—12.

[16]) „Одесскій Вѣстникъ" 1886 г., № 40.

приняло было громадные размѣры. Среди крестьянъ распространился слухъ о необычайно богатыхъ земляхъ Батумской и Карской областей, гдѣ отводятся крестьянамъ по 15 дес. на душу и дается по 2 вола и 1 лошади на семью, причемъ переселяющіеся туда пользуются безплатнымъ проѣздомъ и льготою отъ податей и повинностей въ теченіе 15 лѣтъ. Слухи эти нашли опору въ разсказахъ объ удобствахъ новыхъ земель двухъ грамотѣевъ, которые выдавали себя за посланцовъ великаго князя Михаила Николаевича и составляли списки желающихъ переселиться, взимая за внесеніе въ списокъ отъ 3 до 5 рублей. Въ общемъ, эти аферисты собрали порядочную сумму, такъ какъ только въ одной волости Мелиховской записалось болѣе 300 желающихъ переселиться. Аферисты были отданы подъ судъ, и движеніе пріостановлено [17]). Въ Черниговской губерніи многіе аферисты немало поживились насчетъ крестьянъ, когда началось правительственное переселеніе въ Уссурійскій край. Явилось немало господъ, которые начали составлять списки желающихъ переселиться, выдавая себя за агентовъ правительства. Дѣятельность ихъ находила почву въ распространившемся среди крестьянъ слухѣ о томъ, что правительство еще 15 лѣтъ назадъ издало «грамоту», дозволяющую крестьянамъ переселяться въ Уссурійскій край, но помѣщики, боясь потерять рабочія руки, скрываютъ эту бумагу. Нѣкоторые изъ этихъ аферистовъ были преданы суду и осуждены, но мѣста ихъ немедленно же были заняты другими [18]). Въ Кобелякскомъ уѣздѣ дѣятельность подобнаго «записчика» привела къ крайне печальному кровавому эпизоду. Въ 1883 году, въ Кобелякскомъ уѣздѣ отставной гвардеецъ Стокозъ распространялъ слухи о томъ, что ему поручено записывать желающихъ переселиться на Амуръ, причемъ показывалъ какой-то указъ, якобы отъ имени великаго князя Михаила Николаевича, о томъ, что казна переселяетъ на свой счетъ всѣхъ желающихъ и что на Амурѣ каждому дадутъ по 100 руб., по 100 дес. земли, избу, орудія и всякаго скота по двѣ штуки. За запись Стокозъ бралъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. Желающихъ переселиться нашлось много, и они принялись продавать свое имущество. Въ одномъ селеніи, Улиновкѣ, также записалось много крестьянъ, но они рѣшились послать предварительно своего ходока для осмотра мѣстности, для чего и выбрали обществомъ отставного солдата, Могилу. Послѣдній долго отказывался, боясь, что его семья останется безъ хлѣба, пока онъ будетъ ѣздить. Тогда общество дало ему обѣщаніе сдѣлать его женѣ ссыпку хлѣба—кто по два гарнца, кто по гарнцу,—и онъ согласился. Между тѣмъ Стокозъ былъ арестованъ и посаженъ въ Кобелякахъ въ тюрьму.

---

[17]) „Русскія Вѣдомости“ 1885 г., № 54.

[18]) „Московскія Вѣдомости“ 1884 г., № 96.

«Записавшіеся на переселеніе» считали, что арестъ Стокоза воспрепятствуетъ полученію ими ожидаемыхъ благъ, и потому собрались въ большемъ числѣ въ Кобеляки за разъясненіями относительно своей дальнѣйшей судьбы и съ цѣлью просить начальство объ освобожденіи Стокоза. Пришедши въ городъ, крестьяне обратились къ тюремному надзирателю съ просьбою выпустить Стокоза; надзиратель говоритъ, что это дѣло не его, а исправника. Является исправникъ. Что произошло далѣе—объ этомъ показанія очевидцевъ расходятся. Впослѣдствіи, по обвиненію въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неповиновенію властямъ, въ данномъ случаѣ судился вышеупомянутый Могила, и показанія, данныя на судебномъ разбирательствѣ полиціею и крестьянами, рисуютъ событіе совершенно различно. Полиція показывала, что крестьяне буйствовали, что исправникъ убѣждалъ ихъ разойтись и заявилъ имъ, что если послѣ троекратнаго барабаннаго боя они не разойдутся, то будутъ разогнаны силой. Крестьяне показывали, что буйства никакого не было, что они словъ исправника не поняли и не ушли потому, «що усі стоялы—і я стоявъ». Вѣрнѣе допустить, что и полиція, и крестьяне правы въ своихъ показаніяхъ, т. е. то, что казалось буйствомъ полиціи, отнюдь не казалось таковымъ крестьянамъ и что исправникъ дѣйствительно предупреждалъ крестьянъ относительно печальныхъ послѣдствій упорства, но что крестьяне его словъ не поняли. Какъ бы то ни было, только послѣ троекратнаго боя барабана крестьяне были разогнаны прикладами, причемъ было ранено около 20 человѣкъ, изъ нихъ пять тяжело раненыхъ были немедленно отправлены въ больницу [19]).

Какъ мы уже сказали, далеко не всегда можно отличить по внѣшнимъ признакамъ «подстрекателя», дѣйствующаго изъ корыстныхъ видовъ, отъ таковаго же, работающаго для «міра». Собираніе денегъ за «записку» еще ничего не обозначаетъ, ибо деньги неизбѣжно нужны каждому работнику за «міръ» для успѣха самаго же дѣла. Не говоря уже о расходахъ по путешествіямъ мірскаго работника, деньги нужны ему на нотаріальные расходы по совершенію разнаго рода документовъ, на уплату за составленіе прошеній и совѣты свѣдущихъ людей, а то и просто на «смазку колесъ» въ присутственныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ фактъ собиранія денегъ «подстрекателями» считается положительною уликою противъ нихъ, и ихъ въ подобныхъ случаяхъ сплошь и рядомъ судятъ и осуждаютъ, какъ обманщиковъ. Мы здѣсь разскажемъ два крайне характерныхъ дѣла, по которымъ судились люди, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они работали безкорыстно для блага крестьянства и слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ вздорнымъ слухамъ и увѣреніямъ разныхъ лицъ.

---

[19]) „Русскій Курьеръ“ 1884 г., № 149. „Южный Край“ 1883 г., іюль.

Осенью 1883 года, между крестьянами нѣкоторыхъ волостей Бобруйскаго уѣзда Минской губерніи, разнесся слухъ, что правительствомъ разрѣшено переселеніе въ Амурскую область и Уссурійскій край, причемъ поселенцы имѣли получить отъ казны денежное вспомоществованіе. Очевидно, это былъ отголосокъ вышеупоминавшейся не разъ правительственной мѣры по переселенію черниговскихъ крестьянъ въ Южно-Уссурійскій край. Нашлись личности, которыя начали тотчасъ же эксплуатировать слухъ, составляя списки желающихъ переселиться и взимая за это изду. Таковы были: запасный фельдфебель Таранкевичъ, дворянинъ Вомаленовичъ и отставной рядовой Антоновъ. Что это были за личности и изъ какихъ мотивовъ они дѣйствовали, осталось невыясненнымъ, ибо они успѣли скрыться, когда началось судебное разслѣдованіе дѣла, и были не разысканы, что дало поводъ прокурору впослѣдствіи, на судебномъ разбирательствѣ нижеизлагаемой исторіи, утверждать, что помянутыя личности дѣйствовали изъ политическихъ мотивовъ. Между прочимъ, они писали крестьянамъ многочисленныя прошенія къ исправнику и губернатору о выдачѣ пособія на переселеніе. Въ числѣ лицъ, являвшихся къ исправнику съ прошеніями, былъ нѣкто Антонъ Дашкевичъ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ дворянъ-шляхтичей западнаго края, которые по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ и, не имѣя надѣльной земли, сплошь и рядомъ живутъ хуже крестьянъ. Исправникъ объяснилъ Дашкевичу, что никакого указа о переселеніи нѣтъ и никакихъ пособій не будетъ. Но Дашкевичъ, кромѣ исправника, зашелъ въ Бобруйскѣ къ проживавшему тамъ упомянутому выше Антонову. Послѣдній расписалъ ему прелести житья на Амурѣ, гдѣ колосъ пшеницы вѣситъ три фунта и урожай даетъ самъ 150, и показалъ какую-то бумагу, которая была будто бы правительственнымъ указомъ и содержала перечень льготъ для переселяющихся на Амуръ. Льготы эти были такого рода, что могли вскружить не одну крестьянскую голову. Оказывалось, что правительство принимаетъ на свой счетъ всѣ путевые расходы переселенцевъ и, кромѣ того, за все время, проведенное ими въ дорогѣ, будетъ выдавать суточныя деньги: каждому взрослому человѣку по 30 коп., каждому малолѣтнему по 40 коп. и каждой женщинѣ съ грудянымъ ребенкомъ по 60 коп. въ сутки. По прибытіи на мѣсто, каждое семейство получаетъ отъ казны на первоначальное обзаведеніе 2,800 руб.; земли будетъ дано столько, сколько каждый въ состояніи запахать, а потомъ по 9 дес. на душу; затѣмъ казна построитъ для переселенцевъ дома и снабдитъ ихъ домашнимъ скотомъ и всѣмъ нужнымъ для хозяйства; наконецъ, переселенцы въ теченіе 20 лѣтъ будутъ освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей, въ томъ числѣ и воинской. Не удивительно, что Дашкевичъ поспѣшилъ снять копію со столь пріятной «бумаги», сулившей его земледѣльческой душѣ настоящій рай. Возвратившись въ родное село, Дашке-

вичъ подѣлился радостными свѣдѣніями съ сосѣдями и прочиталъ имъ «бумагу». Вѣсть объ удивительной бумагѣ быстро облетѣла два уѣзда—Бобруйскій и Игуменскій, и отовсюду къ Дашкевичу повалилъ народъ съ разспросами о льготахъ по переселенію. Видя Дашкевича въ нѣкоторомъ родѣ посвященнымъ въ дѣло, посѣщавшіе его крестьяне стали просить — взять отъ нихъ довѣренности и хлопотать о льготахъ. Вполнѣ увѣренный въ существованіи фантастическаго указа и полагая, что мѣстныя власти, мирволя панамъ, скрываютъ указъ, Дашкевичъ согласился на просьбы крестьянъ,—и вотъ однажды въ г. Игуменѣ появилась толпа въ нѣсколько сотъ крестьянъ съ Дашкевичемъ во главѣ—съ цѣлью совершенія у мѣстнаго нотаріуса довѣренностей. Хотя въ фактѣ выдачи довѣренностей не было ничего противозаконнаго, мѣстная власть сочла нужнымъ арестовать Дашкевича. Тогда толпа сопровождавшихъ его крестьянъ, человѣкъ около 400, потребовала его освобожденія, угрожая въ противномъ случаѣ разнести домъ, гдѣ онъ содержался подъ стражею,—и власть, не имѣя на что опереться, должна была уступить и выпустила Дашкевича. По выходѣ его изъ дома, гдѣ онъ былъ заключенъ, толпа подхватила его на руки и съ криками «ура» вынесла изъ города. По возвращеніи Дашкевича домой, къ нему опять со всѣхъ сторонъ повалилъ народъ слушать указъ и «записываться на переселеніе». Ежедневно приходило человѣкъ по 50 и болѣе; цѣлые дни его изба была окружена толпою; многіе не находили мѣста у него на дворѣ и ночевали у сосѣдей. Впослѣдствіи Дашкевичъ былъ обвиняемъ въ корыстныхъ побужденіяхъ, но насколько, однако, это обвиненіе было неосновательно, видно изъ того, что у него перебывало не менѣе 3,000 человѣкъ, а когда онъ былъ арестованъ, у него оказалось всего 57 руб. съ копѣйками, причемъ происхожденіе и этихъ денегъ было вполнѣ выяснено и оказалось не имѣющимъ никакого отношенія къ его «преступной» дѣятельности. Какъ бы то ни было, Дашкевичъ былъ арестованъ, преданъ суду и осужденъ [20]).

Другой случай, еще болѣе характерный. Мѣщанинъ города Фатежа Курской губерніи, Данковъ, въ поискахъ «гдѣ лучше», добрался до города Новороссійска, Черноморскаго округа. Здѣсь онъ осмотрѣлъ мѣста, которыя, согласно правиламъ 1866 года о заселеніи Черноморскаго округа, могли быть безвозмездно отводимы переселенцамъ. Мѣста понравились Данкову и онъ рѣшился поселиться здѣсь со своею семьею. Онъ вошелъ съ просьбою къ мѣстному начальству объ отводѣ ему земли въ такъ называемомъ «Пластунскомъ» участкѣ, но въ отвѣтъ получилъ заявленіе, что въ Пластунскомъ участкѣ невозможно отвести мѣсто одному семейству, такъ какъ мѣсто

---

[20]) „Русскій Курьеръ“ 1884 г., № 16.

это пустынное, удаленное отъ всякаго жилья, но что если Данкову удастся уговорить нѣсколько семействъ поселиться на Пластунскомъ участкѣ, то имъ тамъ будетъ отведена земля. Надо замѣтить, что Данковъ представлялъ собою личность весьма недюжинную и своеобразную. Его личная неудачная жизнь заставила его задумываться надъ судьбою вообще рабочаго люда и онъ давно уже смотрѣлъ на переселеніе, какъ на средство улучшить положеніе крестьянъ-земледѣльцевъ. Не удивительно, что предложеніе начальства Черноморскаго округа найти товарищей для поселенія на Пластунскомъ участкѣ оказалось весьма по душѣ ему, и онъ заявилъ, что въ Курской губерніи легко найдти много охотниковъ переселиться на свободныя земли и просилъ только дать ему удостовѣреніе въ томъ, что въ Сочинскомъ отдѣлѣ имѣются свободныя земли, удобныя для поселенія. Такое удостовѣреніе было дано. Надо замѣтить, что при выдачѣ этого удостовѣренія произошло одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыми полна жизнь и которыя сплошь и рядомъ приводятъ къ весьма трагическимъ послѣдствіямъ. Терминъ «земли, удобныя для поселенія» — весьма неопредѣленный, и тамъ, гдѣ житель горъ признаетъ всѣ удобства для жизни, жителю равнины жизнь покажется совершенно невозможною. Земель, удобныхъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово понимается въ среднихъ и степныхъ губерніяхъ, т. е. земель ровныхъ, пригодныхъ для земледѣлія, въ Черноморскомъ округѣ крайне мало; всѣ онѣ находятся въ береговой полосѣ округа и едва ли не всѣ розданы въ награду и проданы на льготныхъ основаніяхъ разнымъ лицамъ. Остающіяся свободными земли лежатъ въ нагорной полосѣ, представляютъ значительные уклоны и дѣйствительно въ высшей степени «удобны», но только для высшей садовой и огородной лопаточной культуры, а отнюдь не для полевой, не для хлѣбопашества. Чтобы воспользоваться этими дѣйствительно благословенными землями, земледѣльцу нужно отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ полевой культурѣ на ровномъ мѣстѣ, забыть всѣ свои земледѣльческія знанія, пріобрѣсть совершенно новыя, нужныя для новыхъ условій, и устроить весь складъ своей новой жизни совсѣмъ на иныхъ началахъ. Вотъ почему всѣ попытки поселенія русскихъ крестьянъ и казаковъ въ Черноморскомъ округѣ оканчивались полною неудачею, разореніемъ поселенцевъ, ихъ вымираніемъ или бѣгствомъ изъ округа... Въ удостовѣреніи, выданномъ начальникомъ Черноморскаго округа Данкову, было прямо сказано, что въ Сочинскомъ отдѣлѣ имѣются въ значительномъ количествѣ свободныя земли «исключительно въ нагорной полосѣ», но, очевидно, послѣднія слова ничего не говорили курскимъ крестьянамъ, къ которымъ отправился Данковъ; зато много говорили имъ слова: «свободныя земли, удобныя для поселенія». Кромѣ помянутаго удостовѣренія, Данковъ запасся еще книжкою г. Верещагина: «Описаніе Черноморскаго округа», въ которой помѣщены правила 14-го марта 1866 года о заселеніи округа, нынѣ

уже не дѣйствующія, но въ 1880 г., къ которому относится разсказъ, еще имѣвшія силу закона. Правилами этими, между прочимъ, опредѣлялось, что переселенцамъ отводится въ Черноморскомъ округѣ до 30 десятинъ земли на семью. Не удивительно, что когда Данковъ явился съ помянутымъ удостовѣреніемъ и правилами на свою родину—Фатежскій уѣздъ Курской губерніи—онъ нашелъ здѣсь крайне много охотниковъ переселяться. На зовъ Данкова отозвалось до 500 семействъ, которыя поспѣшили прежде всего ликвидировать свое хозяйство—продали землю, избы, скотъ и другое имущество, не смотря на убѣжденія Данкова подождать съ продажею имущества до окончанія хлопотъ по переселенію. Между тѣмъ, на начавшееся движеніе было обращено вниманіе мѣстной администраціи и она стала ставить ему препятствія. Въ виду послѣдняго обстоятельства, Данковъ извѣстилъ начальника Черноморскаго округа о числѣ желающихъ переселиться въ округъ и просилъ его содѣйствія къ устраненію препятствій. Въ отвѣтъ на это, начальникъ округа сообщилъ Данкову, чтобы онъ ожидалъ указаній со стороны курскаго губернатора, и въ то же время просилъ послѣдняго дать знать крестьянамъ, что въ Черноморскомъ округѣ нѣтъ земли, достаточной для большаго числа переселенцевъ, и что земля эта едва ли пригодна для переселенцевъ изъ средней Россіи. Видя, что дѣло грозитъ затянуться, Данковъ снова отправляется въ Черноморскій округъ, чтобы лично хлопотать о переселеніи; хлопоты его однако не привели ни къ чему. Между тѣмъ собравшіеся въ переселеніе крестьяне, не получая извѣстій отъ Данкова, послали въ Новороссійскъ своихъ ходоковъ, которые, взглянувъ на окружающія городъ горы, буквально *перепугались* и, отказавшись даже отправиться въ глубь края для осмотра земли, вернулись на родину. Дѣло разстроилось окончательно. Данковъ вскорѣ былъ арестованъ по обвиненію его въ мошенничествѣ, просидѣлъ болѣе года въ тюрьмѣ и былъ судимъ курскимъ окружнымъ судомъ; присяжные однако оправдали его.

VII. Ходоки.

«Ходоки» и «осадчіе», въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, являются уже истинными представителями крестьянъ, задумавшихъ переселиться. Обыкновенно они выбираются,—прямо, такъ сказать, командируются своими товарищами для разслѣдованія положенія вещей на новыхъ мѣстахъ и для хлопотъ по полученію земель. Само собою разумѣется, что это почти всегда люди, наиболѣе жаждущіе переселиться, наиболѣе горячо принимающіе къ сердцу начатое дѣло. У крестьянъ, командирующимъ ходоковъ, тѣмъ болѣе основаній довѣряться таковымъ, что сами ходоки, переселяясь вмѣстѣ съ остальными товарищами, дѣйствуютъ прежде всего въ своихъ личныхъ интересахъ. Это обстоятельство, казалось бы, должно вполнѣ гарантировать

переселенцевъ, отправляющихся въ путь не раньше, какъ пославъ предварительно одного или нѣсколькихъ ходоковъ для осмотра и выбора земель. Дѣйствительность, однако, сплошь и рядомъ представляетъ примѣры крайне несчастныхъ переселеній и при соблюденіи указаннаго условія: то совсѣмъ не окажется земель, которыя, по сообщенію ходоковъ, ожидали ихъ; то земли эти предлагаются на совсѣмъ иныхъ условіяхъ; то купятъ крестьяне землю по цѣнѣ, которую опредѣлили ходоки и которая окажется чудовищно высокою, сравнительно съ дѣйствительною стоимостью земли; то, наконецъ, земля окажется совершенно неудобною. Причинъ такихъ неудачъ много. Тутъ виновато и невѣжество ходоковъ, которые попадаютъ не туда, куда нужно, минуютъ удобныя и назначенныя для переселенцевъ земли, понимаютъ совершенно превратно выдаваемыя имъ изъ присутственныхъ мѣстъ справки и т. д.; виновато и незнаніе ходоками условій новыхъ мѣстъ, для оцѣнки которыхъ они прилагаютъ мѣрки, вынесенныя съ родины. Не удивительно, что крестьянинъ Курской или Полтавской губерніи, гдѣ земли цѣнятся въ 150 и болѣе рублей за десятину, считаетъ весьма дешевою цѣною 50 руб. за десятину, которые просятъ съ него на Дону или въ Ставропольской губерніи, между тѣмъ какъ въ послѣднихъ мѣстностяхъ эта цѣна чудовищно высока. Точно также легко крестьянинъ, привыкшій сидѣть на 2—3-десятинномъ надѣлѣ внутреннихъ губерній, считаетъ благодатью 5 десятинъ въ окраинныхъ губерніяхъ, между тѣмъ какъ по мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ (напр., при переложной системѣ) на такомъ надѣлѣ положительно существовать невозможно. Наконецъ, еще болѣе виновато отсутствіе учрежденій, которыя помогали бы ходокамъ въ выборѣ мѣстъ для переселенія, сообщали бы имъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, руководили бы ими. Теперь ходокъ, попавъ въ новый край, неизбѣжно дѣлается жертвою всякаго рода случайностей: отъ случайныхъ встрѣчныхъ онъ узнаетъ о земляхъ, пригодныхъ для поселенія; на основаніи случайныхъ свѣдѣній направляется въ то или другое мѣсто для осмотра земель, видитъ часто землю при случайныхъ, особенно благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условіяхъ, попадаетъ въ руки разнаго рода аферистовъ, которые обираютъ его и сообщаютъ разныя нелѣпыя свѣдѣнія и т. д. Въ результатѣ получается, что ходоки часто дѣлаютъ и едва ли не неизбѣжно должны дѣлать серьезныя ошибки, за которыя приходится впослѣдствіи расплачиваться весьма дорогою цѣною, какъ имъ самимъ, такъ и ихъ довѣрителямъ.

Ходоки, «ходатели» или «старатели» посылаются крестьянами, желающими переселиться, весьма часто. «Иногда цѣлое общество изъ среды себя снаряжаетъ ходока, давая ему на дорогу въ Томскую губернію 70—80 руб.; тогда онъ обязанъ обстоятельно осмотрѣть мѣста и, вернувшись, разсказать объ нихъ обществу; но чаще общество только помогаетъ какому либо односельцу, и безъ того уже собиравшемуся «смотрѣть мѣста»:

давая ему 40—50 р. «помочи», оно обязываетъ его извѣстить письмами о томъ, что̀ увидитъ, а если такой ходокъ вернется на родину, то и устно передать обществу, каковы «вольныя земли». [21]) Средства, которыми располагаютъ ходоки, крайне скромны, и это обстоятельство играетъ важную роль въ дѣлѣ успѣшности исполненія ими своей миссіи, не позволяя ходокамъ побывать во всѣхъ нужныхъ мѣстахъ и вообще тормозя ихъ дѣло. «Обыкновенно ходокъ изъ средней по зажиточности семьи беретъ съ собой 30—40 рублей и съ этими скромными средствами направляется въ Томскъ пароходнымъ путемъ. До Томска обыкновенно всѣ деньги израсходованы, и «оглядчикъ» во время своихъ развѣдокъ кормится, нанимаясь въ поденныя работы; заработки же даютъ ему средства и на обратный путь». [22]) Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ многаго не узнаешь, особенно въ виду того, что узнавать все приходится случайнымъ образомъ. Живутъ ходоки на новыхъ мѣстахъ разное время, большею частью такое, въ теченіе котораго трудно что либо путемъ узнать, особенно будучи постоянно занятымъ поденною работою. Но случается, что ходокъ застреваетъ на «новомъ мѣстѣ», проживетъ на немъ нѣсколько лѣтъ и имѣетъ возможность основательно изучить условія жизни края. Такіе ходоки, дѣйствительно, впослѣдствіи могутъ принесть большую пользу своимъ односельчанамъ, явившись за ними. Но чаще такіе зажившіеся на «новыхъ мѣстахъ» ходоки остаются здѣсь совсѣмъ, прямо выписывая къ себѣ семью, и запасъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній пропадаетъ для крестьянства, кромѣ того, что такой ходокъ сообщитъ въ письмахъ. Большинство же возвращающихся на родину ходоковъ имѣетъ почти столь же скудныя свѣдѣнія о «новыхъ мѣстахъ» и условіяхъ поселенія на нихъ, какъ и до своего путешествія въ эти «новыя мѣста».

Какъ мало надеженъ способъ собиранія свѣдѣній чрезъ ходоковъ, лучше всего показываютъ факты переселенія по указанію ходоковъ, которые (факты) имѣютъ не болѣе шансовъ быть удачными, какъ и переселенія «по слухамъ» и «за другими». Вотъ для примѣра два такихъ факта. Въ 1882 г., въ г. Маріуполь явилась значительная партія переселенцевъ, обнищавшихъ до послѣдней степени, оборванныхъ, изголодавшихся, разыскивавшихъ какія-то, будто бы назначенныя имъ, земли и своего ходока. Оказалось, что переселенцы эти—крестьяне Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи. Задумавъ переселеніе, они послали ходокомъ своего общественника, отставнаго солдата. Послѣдній, пробывъ въ отсутствіи мѣсяца

---

[21]) *Григорьевъ*. „Переселенія кр-нъ Рязанск. губ.“, стр. 10. См. также ст. *Ф. Щербины*: „Переселенцы Острогожск. у.,“ стр. 6—7; „Экономическій Журналъ“ 1886 г., № 22.

[22]) *Григорьевъ*. Стр. 11.

полтора и, возвратившись, заявилъ желающимъ переселиться, что онъ былъ въ Екатеринославѣ и ему заявили губернскія власти о возможности водворенія нѣсколькихъ семействъ на казенныхъ земляхъ, находящихся въ Маріупольскомъ уѣздѣ, въ доказательство чего предъявлялъ крестьянамъ какія-то бумаги, но какія именно, отъ какого учрежденія и какого содержанія крестьяне по своей безграмотности не могли разобрать. Обрадованные крестьяне, въ числѣ 300 слишкомъ душъ, распродали свое имущество и двинулись въ путь. Вышли они разновременно и потеряли другъ друга изъ виду. Ходокъ ихъ гдѣ-то пропалъ и они стали бродить по всей Новороссіи, отыскивая другъ друга, ходока и землю. Земли, конечно, не оказалось, а когда они добрались до Маріупольскаго уѣзда, то были разорены окончательно и перебивались христовымъ именемъ [23]). Какая постигла ихъ судьба—неизвѣстно.

Другой примѣръ еще болѣе характеренъ. Здѣсь переселенцы, кажется, приняли всѣ мѣры для того, чтобы не попасть впросакъ, переселеніе совершилось, казалось бы, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, а между тѣмъ и здѣсь вышло одно несчастье для переселенцевъ: такъ безпомощенъ оказывается крестьянинъ въ дѣлѣ устройства своего переселенія при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми онъ можетъ располагать для болѣе раціональнаго выбора мѣста поселенія.

Въ 1883 г. происходило весьма крупное переселеніе изъ Фатежскаго уѣзда Курской губерніи—въ Ставропольскую. Самый ходъ переселенія былъ таковъ. Одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ везъ однажды двухъ сѣдоковъ, ѣхавшихъ изъ мѣстной хмѣлевской волости на мѣсто своего жительства въ Ставропольской губерніи. Изъ разговоровъ оказалось, что ѣхавшіе были родомъ изъ Фатежскаго уѣзда и давно уже переселились въ Ставропольскую губернію, гдѣ отлично устроились. Заинтересованный ихъ разсказами о привольномъ житьѣ въ Ставропольской губерніи, крестьянинъ пригласилъ двухъ товарищей и отправился съ ними въ благословенный край поискать свободныхъ земель. Здѣсь, на р. Кумѣ, они нашли продающееся имѣніе Масловъ Кутъ (около 3 т. дес.). «Осадчіе» тотчасъ же заключили съ владѣльцемъ запродажную запись, по которой крестьяне разныхъ селеній покупали имѣніе за круговой порукой за 80 тыс. рублей съ разсрочкой платежа на три года. Когда «осадчіе» вернулись и заявили землякамъ о заключенной сдѣлкѣ, еще 9 человѣкъ изъ разныхъ селеній отправились провѣрять удобства мѣстъ на р. Кумѣ и, возвратившись, подтвердили разсказы «осадчихъ». Подъ вліяніемъ разсказовъ ходоковъ, началось цѣлое движеніе. Поднялось въ переселеніе болѣе 1000 душъ. Переселяющіеся записывались у «осадчихъ» на из-

[23]) „Рус. Курьеръ“ 1882 г., № 143.

вѣстное количество земли, внося соотвѣтствующіе срочные платежи. Немало семей ушло, не принявъ участія въ покупкѣ земли, «на волю божію», «куда Богъ укажетъ», присоединяясь къ остальнымъ переселенцамъ [24]). Прошло два года и большинство переселенцевъ «на Куму», совершенно разоренные, потянули назадъ на родину. Причинъ тому было много. Нечего и говорить, что тѣ, которые пошли на «волю божію», попали на Кумѣ въ положеніе, гораздо худшее, чѣмъ то, въ которомъ они находились на родинѣ, будучи тамъ все же хозяевами. Но и тѣ, которые приняли участіе въ покупкѣ земли, оказались не въ лучшемъ положеніи. Прежде всего, они купили землю по чудовищно-высокой цѣнѣ. Мѣстныя цѣны не превышали 12—15 руб. за десятину, а фатежскіе переселенцы ухитрились купить землю почти по 30 руб. десятину. Привыкши къ цѣнамъ въ 100 и болѣе рублей за десятину, куряне спрошенную съ нихъ цѣну сочли необыкновенно низкою и не сообразили полной невозможности: получать съ десятины ежегодно по 10 руб. чистаго дохода (срочный платежъ первыхъ трехъ лѣтъ) при низкихъ мѣстныхъ цѣнахъ на зерновые продукты, да еще кормиться при этомъ. Затѣмъ обрадованные просторомъ ходоки не обратили вниманія на безводіе края и господство въ немъ засухъ. Раннею весною, когда ходоки осматривали землю, край былъ сплошь покрытъ веселою зеленью и немудрено, что показался имъ настоящимъ раемъ; но когда переселенцы пришли жить на мѣсто, то первые же жары превратили этотъ рай въ аравійскую пустыню.

VIII. Письма переселенцевъ.

Остановимся еще на одномъ способѣ пріобрѣтенія переселенцами свѣдѣній о «новыхъ мѣстахъ»—письмахъ лицъ, раньше переселившихся. Способъ этотъ практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Переселенецъ, поселившись на новомъ мѣстѣ, обыкновенно шлетъ своимъ роднымъ письма, въ которыхъ сообщаетъ объ условіяхъ своего новаго мѣстожительства. Письма читаются вслухъ собравшимся односельцамъ и переходятъ изъ рукъ въ руки, разнося вѣсть о «новыхъ мѣстахъ» далеко за предѣлы селенія. Такъ какъ письма пишутся людьми, осѣвшими въ краѣ, присмотрѣвшимися къ его условіямъ, даже болѣе—людьми, которые сами живутъ въ этихъ условіяхъ и сами испытали всѣ мытарства переселенчества, то этотъ источникъ свѣдѣній является наиболѣе цѣннымъ для крестьянъ, задумавшихъ переселеніе. Дѣйствительно, содержаніе переселен-

[24]) „Новости“ 1883 г., № 151.

ческихъ писемъ настолько разнообразно и обстоятельно, что удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ крестьянъ, и недаромъ они съ такимъ вниманіемъ выслушиваютъ всякое письмо, пришедшее изъ «новыхъ мѣстъ».

Переселившійся крестьянинъ по опыту знаетъ, какъ тяжело отзывается на переселенцѣ недостатокъ знаній о томъ, какіе документы нужно выправить на дорогу, что взять съ собою изъ хозяйственнаго скарба, когда выходить въ дорогу, какъ и по какому пути идти, какими льготами и облегченіями можно воспользоваться въ пути, на какихъ условіяхъ получаются земли и каковы общія экономическія, климатическія и иныя условія новаго края,—и по всѣмъ этимъ пунктамъ переселенецъ старается самымъ обстоятельнымъ образомъ — насколько это доступно при его собственныхъ знаніяхъ и пониманіи вещей—просвѣтить своихъ родныхъ и односельцевъ. Не удивительно, что письма переселенцевъ содержатъ въ себѣ дѣйствительно безцѣнныя указанія, и обстоятельно подобранная коллекція переселенческихъ писемъ могла бы дать превосходнѣйшій матеріалъ для выясненія настоятельнѣйшихъ нуждъ переселенческаго дѣла и средствъ ихъ удовлетворенія.

Письма подробно и обстоятельно указываютъ на то, какъ нужно приготовиться къ пути. Они совѣтуютъ брать переселенцамъ только необходимое количество одежды, причемъ указываютъ, какія изъ предметовъ одежды (напр., сукна, хорошіе сапоги, башмаки, полушубки) должны быть непремѣнно взяты ими, потому, что они будутъ безусловно необходимы въ пути, или потому что ихъ трудно достать на новомъ мѣстѣ жительства. Точно также въ письмахъ указывается, какіе изъ предметовъ домашняго обихода необходимо брать съ собою, и притомъ въ значительномъ количествѣ, въ виду трудности достать эти предметы на окраинахъ, куда стремятся переселенцы, или возможности выгодно сбыть ихъ на новомъ мѣстѣ: таковы гребни, гребенка, сита, рѣшета, дуги, топоры, долота, сошники, веретена, берды, прялки, иконы, кресты (на шею), и т. п. Встрѣчаются, между прочимъ, и такія оригинальныя указанія, какъ совѣты брать или не брать «сощупы», «запанья», (женскіе костюмы) и кокошники, потому что «ихъ здѣсь не носятъ,» или брать только лучшія платья, потому что «здѣсь народъ живетъ опрятный», или «у насъ ходятъ чисто, аки купцы». Для дороги рекомендуется брать побольше сухарей, и если переселенцы думаютъ ѣхать на лошадяхъ, то брать «кобылъ добрыхъ». Встрѣчаются совѣты привезть съ собою на новыя мѣста »яблочныхъ зеренъ» и даже «отъ горячки молитву». Затѣмъ письма сообщаютъ, когда всего лучше выходить переселенцамъ. «Выходите какъ можно раньше, какъ вода сольетъ,—придете къ Петрову дню и успѣете себѣ приготовить сѣна и хлѣба на весь годъ». Вообще всѣ письма совѣтуютъ ѣхать возможно раньше весною, хотя бы еще и не начиналась навигація и, слѣдовательно, не было еще возможности воспользоваться самымъ

дешевымъ способомъ сообщенія—водянымъ; «лѣтомъ пройдете дешевле,— разъясняютъ письма,—зато хлѣбъ будете покупать цѣлый годъ». Въ письмахъ указывается на то, что пришедшіе къ страдѣ могутъ заработать на новыхъ мѣстахъ хлѣбъ на продовольствіе, нанимаясь на уборку хлѣба «изъ части», а тѣ, кто придетъ къ осенней пашнѣ, могутъ произвести для себя посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ и, такимъ образомъ, сразу начать хозяйство. Слѣдующимъ важнымъ пунктомъ содержанія писемъ является указаніе пути и его условій. Правду говоря, маршруты путей, приводимые въ письмахъ, довольно неполны и не всегда толковы, но для переселенцевъ, не имѣющихъ никакого понятія о томъ, куда идти, и порою ухитряющихся изъ Саратовской губерніи идти въ Сибирь черезъ Вятскую губернію,—и неполныя указанія писемъ въ этомъ отношеніи являются истиннымъ благодѣяніемъ. Въ письмахъ сообщаются также данныя, по которымъ переселенецъ могъ бы судить о томъ, какой способъ передвиженія ему предпочесть. Въ однихъ письмахъ рекомендуются желѣзныя дороги, по которымъ можно скорѣе достигнуть новыхъ мѣстъ. Другія письма тоятъ за проѣздъ на лошадяхъ отъ самаго дома, какъ за болѣе дешевый. Обстоятельно указывается, въ какихъ пунктахъ прекращается желѣзнодорожное сообщеніе и приходится садиться на пароходы; сообщаются разстоянія между пунктами; указывается стоимость проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ; письма не забываютъ сообщить о переселенческой конторѣ въ Батракахъ, выдающей удостовѣренія о принадлежности къ разряду переселенцевъ, на основаніи которыхъ на желѣзныхъ дорогахъ взимается плата со скидкою 75%; указывается стоимость харчей въ пути и продолжительность послѣднихъ при разныхъ способахъ сообщенія; сообщаются свѣдѣнія о цѣнахъ на лошадей и телѣги въ пунктахъ, въ которыхъ выгодно или необходимо прекратить путешествіе на пароходѣ и слѣдуетъ ѣхать на лошадяхъ; наконецъ, приводятся свѣдѣнія объ общей стоимости пути для самихъ писавшихъ письма.)

Но всего подробнѣе сообщаютъ письма о томъ, какъ авторы ихъ устроились на новыхъ мѣстахъ и каковы вообще условія новаго края. (Положительно можно сказать, что этому вопросу посвящается девять десятыхъ содержанія каждаго письма. Такое предпочтительное вниманіе, оказываемое изложенію условій новаго края, вполнѣ понятно. Въ самомъ дѣлѣ: съ чѣмъ идти, когда идти и какъ идти—все это вопросы второстепенные сравнительно съ вопросомъ — стоитъ ли идти? Разъ условія новаго края оказываются особенно хороши, и переселенецъ имѣетъ всѣ шансы устроиться въ этомъ краю хорошо, — не такое ужь большо горе, если онъ пойдетъ безъ соблюденія всѣхъ необходимыхъ условій. Можно и потерпѣть въ пути, сдѣлать ту или другую ошибку, — лишь бы было изъ-за чего. Другое дѣло, если пройти 2—3 тысячи верстъ, хотя бы и съ соблюденіемъ самыхъ благоразумныхъ предосторожно-

стей, да въ концѣ концовъ попасть въ положеніе, отнюдь не лучшее сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ находился на старинѣ: тутъ ужь дѣйствительно горе великое. Вотъ почему письма переселенцевъ съ наибольшею подробностью останавливаются именно на изображеніи условій жизни новаго края.

Разсказывая о своемъ устройствѣ на новомъ мѣстѣ, переселенцы подробно излагаютъ всѣ детали своей новой жизни. Въ письмахъ сообщается о постройкѣ или покупкѣ избъ, о сдѣланныхъ запасахъ сѣна и хлѣба, о произведенныхъ посѣвахъ, объ арендѣ земли, о пріобрѣтеніи сельско-хозяйственныхъ орудій и скота и т. д., причемъ приводится и точная стоимость всего этого. Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о заработкахъ, какіе выпали на долю пишущихъ, и о томъ, куда они приписались и сколько имъ стоила приписка. Всѣ такія свѣдѣнія ужь сами по себѣ могутъ дать понятіе задумавшимъ переселяться, что ожидаетъ ихъ на новомъ мѣстѣ, но авторы писемъ этимъ не ограничиваются и подробно сообщаютъ общія свѣдѣнія объ условіяхъ новаго края. Нѣкоторыя письма представляютъ чрезвычайный интересъ въ указанномъ отношеніи, давая весьма полную и обстоятельную картину жизни края. Въ письмахъ сообщаются самыя разнообразныя свѣдѣнія о краѣ, начиная съ наиболѣе капитальныхъ сторонъ его жизни и кончая такими, которыя могутъ казаться намъ, постороннимъ людямъ, совсѣмъ не важными, но знаніе которыхъ для переселенцевъ крайне необходимо, такъ какъ иногда именно этими «неважными» обстоятельствами обусловливается выборъ мѣста для жительства. Всего подробнѣе сообщаются, конечно, свѣдѣнія, касающіяся экономическихъ сторонъ жизни, и прежде всего данныя, касающіяся земли. Многіе изъ переселенцевъ бываютъ до такой степи очарованы «новыми мѣстами», что могутъ сообщить свои впечатлѣнія только въ видѣ восторженныхъ восклицаній. «Жить можно: земли сколько хошь паши, лѣсу сколько хошь руби!» «Земли сколько хочешь паши; тоже и сѣна коси, и лѣсъ у насъ на постройку свой»! «Церкви у насъ есть, рѣчка у насъ хорошая, текучая, а о хлѣбѣ нечего говорить,—урожаи хороши всему хлѣбу, а мясное дешево». «Земля недѣленая, лѣсу и луговъ очень много, рѣчка хорошая, рыбы въ ней очень много, всякихъ ягодъ конца нѣтъ». «Удовольствіе, какое сѣно!.. Церковь—2 версты; лѣсъ—боръ 3 версты; всякія ягоды и хмѣля возлѣ деревни. Земли пахать, сколько угодно; земля и лѣса никогда не дѣлятся и объѣздчиковъ нѣтъ. Наемка дорога: уборка хлѣба—за десятину 20 пудовъ хлѣба даютъ; нѣту косцовъ хлѣбъ косить... Еще рѣки хороши, озера рыбныя; ловить рыбу очень хорошо. Мельницы водяныя, вѣтрянки и рушалки есть гдѣ строить. Хлѣба всякіе родятся». Есть и пессимистическіе отзывы въ такомъ же краткомъ родѣ: «какія есть тутъ мѣста—бугры, овраги; а луга и земля не дѣлятся; отъ церкви 10 верстъ. Такая скука»! Но большинство корреспондентовъ не довольствуется такими

восклицаніями и краткими, категорическими характеристиками, а представляетъ болѣе или менѣе обстоятельныя, положительныя данныя, на основаніи которыхъ получатели писемъ сами могли бы опредѣлить достоинства и недостатки жизни въ новомъ краю.

Прежде всего, письма даютъ общія свѣдѣнія о положеніи земельнаго дѣла въ новомъ краю. Они сообщаютъ подробно, кому принадлежатъ здѣшнія земли, на какихъ условіяхъ и какъ онѣ могутъ получаться переселенцами. Сообщается, могутъ ли быть куплены земли, при какихъ условіяхъ онѣ могутъ быть получены въ надѣлъ, каковъ размѣръ надѣла, какія цѣны на арендуемую землю, каковы сроки аренды, какіе порядки приняты населеніемъ въ земленользованіи и т. д. Затѣмъ указываются выгоды и неудобства образованія переселенцами отдѣльнаго общества или приписки къ существующимъ обществамъ—именно съ точки зрѣнія пріобрѣтенія земли. Приводятся подробныя указанія о размѣрахъ платежей какъ за землю, такъ и всѣхъ другихъ, о льготахъ по платежамъ, на которыя можетъ разсчитывать переселенецъ, о томъ, насколько легко приписаться къ обществамъ, сколько стоитъ приписка—сколько приходится заплатить обществу, сколько споить, сколько дать писарю и т. д. Затѣмъ идутъ сообщенія о почвѣ земли, причемъ подробно описываются какъ виды почвы (черноземъ, песокъ, суглинокъ и т. д.), такъ и ея состояніе («отъ сотворенія міра никѣмъ не пахана и сѣна съ нея никто не косилъ, и лѣсу никто не рубилъ») и ея пригодность къ производству культурныхъ растеній. Сообщаются даже свѣдѣнія о климатѣ, причемъ, однако, сообщенія больше ограничиваются фразами въ родѣ слѣдующихъ: «климатъ, какъ въ Россіи: также становится зима и таетъ снѣгъ: пахота до Святой и послѣ пашутъ». Приводятся указанія на естественныя произведенія почвы—ягоды, грибы и др. Особенно подробно останавливаются письма на лѣсѣ. Тутъ указывается, можно ли будетъ имѣть свой лѣсъ, или придется пользоваться чужимъ, далеко ли отстоитъ лѣсъ отъ жилья, какихъ породъ деревья, по какой цѣнѣ можно вырубать лѣсъ на дрова и пріобрѣтать строевой лѣсъ, по какой таксѣ отпускается лѣсъ изъ казны и т. д. Точно также сообщаются свѣдѣнія о рѣкахъ и озерахъ, близко ли они отъ жилья, водится ли въ нихъ рыба и какая именно, почемъ можетъ продаваться выловленная рыба и др. Сообщаются свѣдѣнія даже о дикихъ звѣряхъ, какъ хищныхъ — медвѣдяхъ, волкахъ и др.,— такъ и о кабанахъ, козлахъ, зайцахъ, а также о дикой птицѣ, о томъ, можетъ ли быть устраиваема на нихъ охота, какъ промыселъ, и даже, по какой цѣлѣ продается порохъ. Приводятся подробныя указанія относительно того, какіе хлѣба культивируются въ данной мѣстности, какія бакшевыя и огородныя растенія разводятся, что растетъ въ мѣстныхъ садахъ. Сообщаются также подробныя свѣдѣнія о мѣстныхъ пріемахъ обработки земли, причемъ переселенцевъ поражаетъ примитивность этихъ

пріемовъ. Далѣе идутъ свѣдѣнія объ урожайности, приводятся данныя относительно цѣнъ: на скотъ и продукты скотоводства, напр., на кожи; на домашнюю птицу, на рыбу и другіе съѣстные припасы вплоть до чая и сахара, а также на разнообразные предметы потребленія—различные виды одежды, посуду, всякую утварь, принадлежности хозяйства и т. д. и, наконецъ, сообщаются свѣдѣнія о цѣнахъ на трудъ—по обработкѣ земли,—стоимость годоваго рабочаго и при другихъ видахъ найма. Сообщаются свѣдѣнія о существующихъ въ данной мѣстности промыслахъ и степени ихъ выгодности, а также предположенія о томъ, насколько тотъ или другой видъ спеціальныхъ знаній можетъ оказаться пригоднымъ въ данной мѣстности. При этомъ не оставляются безъ вниманія и интеллигентныя занятія, и сообщается, насколько можно разсчитывать представителю этихъ занятій существовать въ краѣ въ качествѣ писаря или учителя.

Далѣе излагаются свѣдѣнія о бытѣ населенія. Сообщается, какія народности живутъ въ данной мѣстности и подробно излагаются особенности ихъ повседневной жизни. Описываются обстоятельно мѣстныя жилища и стоимость ихъ возведенія. Описываются также костюмы, обычаи, даже характеръ населенія («народъ ужасно добродѣтельный»; «обычай народа немного имѣетъ разницы отъ жителей Данкова, только живутъ привольно, чистоплотно и лѣнивѣй»; «жители здѣсь на Амурѣ живутъ, такъ сказать, по дворянски; ходятъ всѣ вообще, бѣдные и богатые, чисто, во всемъ бумажномъ или базарномъ»; «бабьи обряды: въ платкахъ ходятъ, въ ковѣгахъ, въ пальтахъ; сощупы не нужны здѣсь, ихъ не носятъ; запанья—тоже», и т. д., и т. д). Приводятся свѣдѣнія относительно окрестныхъ селъ и городовъ, указываются разстоянія ихъ другъ отъ друга и дѣлается ихъ краткая характеристика. Сообщаются данныя, касающіяся развитія торговли, и цѣны на всевозможнѣйшіе товары. Пересчитываются находящіеся въ окрестности заводы, фабрики, пріиски и отмѣчается степень возможности заработковъ на нихъ. Акуратно указывается также, имѣется ли въ данной мѣстности церковь и въ какомъ разстояніи отъ жилища переселенца. Наконецъ, переселенческія письма считаютъ нужнымъ отмѣтить также еще одну особенность новыхъ мѣстъ—это то, что здѣсь «господъ по селамъ нѣтъ».

Большинство авторовъ писемъ довольствуется только передачею фактовъ, предоставляя читателямъ самимъ сдѣлать выводы. Но иныя письма содержатъ въ себѣ и окончательный выводъ изъ всего переданнаго въ видѣ совѣта идти или не идти на новыя мѣста. Авторъ одного письма, напр., категорически выражается, что не идти въ переселеніе могутъ только тѣ, «которые не хотятъ въ вольной жизни жить, а въ кандалахъ скованными день и ночь быть». Другой пишетъ: «покорнѣйше прошу, не пускайте ребятъ въ тиранство (на шахты), сами на нихъ не казнитеся,

присылайте сюда глядѣть мѣста, бросьте все, идите сюда,—тутъ все, и въ 2 года отдохнете, какъ муха весной». «Идите, бога ради, отъ хлопотъ и отъ грѣховъ: ты знаешь, мы съ тобой лапти плели липовые, а у насъ ихъ не носятъ, ходятъ въ ботинкахъ». Другіе пишутъ въ иномъ родѣ: «а, во-первыхъ, тѣмъ намъ не нравится, что мы живемъ на арендованной землѣ, а, во-вторыхъ, что мы лишились своей родной стороны: ты, любезный дядюшка, принимай это въ резонтъ и не покидай родную свою сторону»! Наконецъ, третьи понимаютъ, что въ дѣлѣ столь важномъ, какъ рѣшеніе переселиться, всего лучше оставить каждаго безъ всякаго посторонняго вліянія и предоставить ему самому сдѣлать выборъ. «Вы пишете, —читаемъ мы въ одномъ письмѣ,—посовѣтовать вамъ насчетъ того, оставаться ли вамъ старшиною, или отказаться и ѣхать къ намъ? Про это мы тебѣ ничего не можемъ сказать: тебѣ самому виднѣе».

Изложенное содержаніе писемъ ясно показываетъ, что письма переселенцевъ являются самымъ надежнымъ источникомъ для ознакомленія желающихъ переселиться какъ съ новымъ краемъ, такъ и съ условіями пути въ него. И дѣйствительно, еслибы крестьяне, задумавшіе переселяться, имѣли возможность ознакомиться съ значительнымъ числомъ переселенческихъ писемъ—лучшаго руководства для нихъ и не нужно бы. Къ сожалѣнію, крестьянинъ можетъ ознакомиться съ содержаніемъ много двухъ-трехъ переселенческихъ писемъ. Правда, среди послѣднихъ встрѣчаются письма, которыя такъ обстоятельно рисуютъ картину жизни новаго края, такъ всесторонни въ дѣлѣ сообщенія необходимыхъ переселенцу свѣдѣній, наконецъ, составлены такъ умно, что приходится только удивляться тому, что подобныя письма могли быть составлены простыми крестьянами (тутъ дѣйствуетъ уже молодежь, получившая образованіе въ новой школѣ: авторы помянутыхъ писемъ—питомцы новой школы). Но такія письма рѣдки, большинство же переселенческихъ писемъ весьма неполны, и только дополняя другъ друга, могутъ дать переселенцу всѣ нужныя свѣдѣнія. Къ тому же, обыкновенно въ каждомъ районѣ циркулируютъ письма изъ одной окраины, и крестьянинъ, желающій переселиться и прибѣгающій къ переселенческимъ письмамъ за свѣдѣніями, лишенъ возможности сравнить удобства жизни въ разныхъ пунктахъ, въ которые направляются переселенческіе потоки. Затѣмъ, авторы писемъ, указывая удобства или неудобства новаго края, естественно опредѣляютъ ихъ, прежде всего, съ точки зрѣнія условій своего личнаго положенія и потому придаютъ имъ субъективную окраску, не всегда точно соотвѣтствующую дѣйствительности. Наконецъ, бываютъ случаи,—хотя, конечно, очень рѣдкіе,—намѣреннаго извращенія фактовъ: это когда переселенецъ желаетъ привлечь къ себѣ кого либо изъ родственниковъ, оставшихся на старинѣ, и изображаетъ положеніе вещей въ новомъ краю въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ.

Переселенческія письма пользуются большимъ довѣріемъ среди кресть-

янъ, но довѣріе это далеко не безусловно. Крестьяне пытаются провѣрять эти письма, посылаютъ ихъ авторамъ запросы, иногда въ видѣ цѣлой программы вопросовъ, приглашаютъ авторовъ письма пріѣхать и устно сообщить подробности о новомъ краѣ, иногда посылаютъ ходоковъ провѣрить справедливость сообщаемаго письмами и т. д. Но чаще всѣ эти способы провѣрки не даютъ ничего новаго, и задумавшіе переселиться крестьяне остаются съ тѣми свѣдѣніями о новомъ краѣ, какія почерпнули первоначально изъ одного—двухъ писемъ.

IX. Безпомощность переселенцевъ.

Къ концу концовъ, не смотря на кажущееся разнообразіе источниковъ, откуда крестьянинъ черпаетъ свѣдѣнія о новыхъ мѣстахъ и условіяхъ всего переселенческаго дѣла, свѣдѣнія эти крайне скудны и большею частью далеко не точны. Еще печальнѣе, что часто крестьяне, идущіе въ переселеніе, не имѣютъ совсѣмъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что ихъ ждетъ въ мѣстахъ вселенія. Часто идутъ «за другими», не имѣя никакого понятія о томъ, куда идутъ эти другіе. Идутъ въ ту, а не въ другую сторону, потому что какой-то прохожій или проѣзжій направилъ ихъ въ данную сторону. Въ этомъ отношеніи крайне грустныя сцены приходится отмѣчать наблюдателямъ переселенческаго движенія. Вотъ одинъ наблюдатель встрѣчаетъ на Уралѣ партію переселенцевъ съ Дона, семей въ 50, которые не имѣли точныхъ свѣдѣній о «новыхъ мѣстахъ»; у нихъ не было сходцевъ; отъ заѣзжихъ людей слышали, что жизнь вольнѣе на Амурѣ и что тамошнюю землю «одобряютъ». Однако, они не прочь приписаться и ближе, такъ какъ «въ длинномъ и продолжительномъ странствованіи они окончательно прохарчились» [25]). Другой наблюдатель встрѣчаетъ партію переселенцевъ въ Воронежской губерніи, только что выѣхавшихъ изъ роднаго села. «Куда Богъ несетъ»? спрашиваетъ наблюдатель. «Куда Богъ пошлетъ»,—отвѣчаютъ путники. «Небось на вольныя земли»? «Вотъ именно туда». «Но куда же именно»? «А кто его знаи, куда Богъ приведетъ». Наблюдатель усердно допытывается: куда же именно идутъ? и получаетъ въ отвѣтъ все одно и то же: «а кто его знаи; говорятъ,—есть такія земли, а гдѣ онѣ—Богъ доведетъ» [26]). И такія сцены встрѣчаются сплошь и рядомъ. Вотъ идетъ цѣлыхъ 50 новозокъ переселенцевъ черезъ Моршанскъ, и въ этой огромной партіи нѣтъ человѣка, который бы не то что доподлинно зналъ, куда они идутъ, но хоть

---

[25]) „Русскія Вѣдомости“ 1884 г., № 165.
[26]) „Донъ“ 1885 г., № 81.

приблизительно могъ бы опредѣлить, гдѣ онѣ, эти «вольныя земли» «Куда идете»? «На вольныя земли». «А гдѣ онѣ»? «А Богъ знаетъ,—далеко»! И этимъ исчерпываются всѣ свѣдѣнія [27]). Случается, что въ партіи и бываетъ человѣкъ, болѣе или менѣе знающій мѣста; но то, что онъ одинъ хоть что нибудь знаетъ, ставитъ цѣлую партію въ самое неустойчивое положеніе. Помретъ этотъ знающій человѣкъ дорогой, отстанетъ почему либо на пути, раздумаетъ переселяться,—и тогда цѣлая партія попадаетъ въ самое невозможное положеніе. Въ концѣ лѣта прошлаго года, въ такое положеніе попали переселенцы, шедшіе въ Закаспійскую область. Переселенцы эти вышли изъ Екатеринославской губерніи. Пошли они потому, что «вѣдь идутъ же другіе, отчего и намъ не попытать». «А тутъ подвернулся «ходатель», человѣкъ бывалый, знающій разныя новыя привольныя мѣста. Началъ насъ сманивать въ Закаспійскій край на рѣку Аму-Дарью; мѣста тамъ, говоритъ, самыя привольныя, земля богатая, урожай даетъ такой, какого вы и не видали. Вотъ и продали мы свои домишки, кое-какой скарбъ,—скотины у насъ не было, одна лошаденка,—собрали свои семейства: женъ, дѣтей и отправились. Страсть какъ измучились за дорогу, теперь ужь совсѣмъ и изъ силъ выбились, не знаемъ, какъ и быть; по дорогѣ попадались намъ мѣста хорошія, думали, было, мы уже остаться на нихъ, да «ходатель» не пущаетъ, все тянетъ впередъ на Аму-Дарью: тамъ, говоритъ, не въ примѣръ лучше. Добрались мы до Баку, а тутъ нашъ «ходатель» назадъ: «я, говоритъ, не поѣду въ Закаспійскій край; какъ знаете, такъ и дѣлайте». А что мы здѣсь будемъ дѣлать: у насъ семейства, за дорогу мы издержались; не знаемъ теперь, какъ намъ и быть; думаемъ все таки посмотрѣть эти хваленыя мѣста; пойдемъ пока одни, семейства оставимъ здѣсь, а тамъ, если найдемъ подходящее мѣсто, вернемся и заберемъ женъ и дѣтей». Такими безотрадными чертами обрисовывали свое положеніе переселенцы, жертвы своего незнанія, явившись просить указаній въ единственное прибѣжище, существующее въ провинціи для безплатнаго пріема обывательскихъ жалобъ,—редакцію мѣстной газеты [28]).

Вообще недостатокъ свѣдѣній у переселенцевъ относительно «новыхъ мѣстъ» и условій пути просто поразителенъ. Возьмемъ для примѣра разстоянія. Огромнѣйшее большинство переселенцевъ не имѣетъ относительно этого предмета рѣшительно никакого понятія. Переселенецъ спокойно говоритъ о своемъ путешествіи въ Амурскую область, какъ будто рѣчь идетъ о переѣздѣ изъ одного уѣзда въ другой. И дѣйствительно, изъ разговоровъ съ такимъ переселенцемъ оказывается, что онъ полагаетъ

---

[27]) „Русскій Курьеръ“ 1883 г., № 60.
[28]) „Каспій“ 1887 г., № 177.

мѣсто нахожденія Амурской области тотчасъ же за Ураломъ и опредѣляетъ продолжительность пути туда въ 2—3 недѣли. Бѣднята и не подозрѣваетъ, что до Амурской области полгода сухопутнаго пути и что иные идутъ туда по нѣскольку лѣтъ. Также мало знаній у переселенцевъ и относительно другихъ подробностей переселенческаго дѣла.

Однако, чѣмъ дальше идетъ время и чѣмъ больше передъ глазами у крестьянъ случаевъ неудачнаго переселенія, тѣмъ осторожнѣе становится крестьянинъ при составленіи рѣшенія переселиться. Случается, что крестьяне совсѣмъ приготовляются идти на новыя мѣста, да потомъ раздумаютъ, или обдумавши хорошенько дѣло, или узнавши какія либо новые факты относительно новыхъ мѣстъ. Такъ, крестьяне с. Хрущова (Рязанской губ.) вздумали было идти въ переселеніе и уже ходоковъ выбрали, да священникъ отговорилъ,—«больно ясную притчу сказалъ: сходи, говоритъ, на толчею да послушай; толкачъ и тотъ твердитъ: «какъ тутъ, такъ и тамъ! какъ тутъ, такъ и тамъ!» Ну, и не пошли: можетъ, и впрямь—вездѣ худое найдется.» Одинъ изъ фатежскихъ переселенцевъ, направлявшихся «на Куму», о печальной судьбѣ которыхъ говорилось выше, отказался отъ переселенія уже послѣ того, какъ далъ «осадчимъ» 150 руб. задатку; причиною отказа явилось то обстоятельство, что крестьянинъ, провѣряя разсказы осадчаго о прелестяхъ новыхъ мѣстъ, заболѣлъ на р. Кумѣ лихорадкой. «Пропадай мои денежки,—говорилъ онъ,—лучше здѣсь жить, не болѣя» [29]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ является недовѣріе ко всѣмъ практиковавшимся доселѣ способамъ собиранія свѣдѣній о новыхъ мѣстахъ и все чаще пускается въ ходъ самый надежный способъ—личный опытъ. «По мѣрѣ того, какъ вѣсти о трудности устройства на новыхъ мѣстахъ все больше проникаютъ въ среду крестьянъ,—говоритъ г. Григорьевъ,—желаніе лично увидать тѣ мѣста, куда думаютъ перебраться на жительство, растетъ все сильнѣе; теперь уже нерѣдко встрѣтить недовѣріе къ осмотру мѣстъ односельцемъ: «съ чего обманывать, а только гдѣ жъ ему знать всѣ твои обстоятельства»,—замѣчали крестьяне на нашъ вопросъ о причинѣ недовѣрія. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что иногда изъ одного селенія выходятъ по нѣскольку ходоковъ и каждый изъ нихъ присматриваетъ мѣста или только для своей семьи, или для извѣстной группы семей, которой и адресуются его письменныя или устныя извѣстія; другія же семьи ждутъ вѣстей отъ своихъ «оглядчиковъ». Трудность оцѣнить условія новыхъ мѣстъ заставляетъ крестьянъ практиковать иногда болѣе долгій, хотя и болѣе точный путь развѣдки—опытъ: случалось такъ, что отецъ посылалъ своего взрослаго сына съ тѣмъ, чтобы онъ съ своей же-

---

[29]) «Новости» 1883 г., № 151.

ной попыталъ, насколько удобно устраиваться на новыхъ мѣстахъ. «Если ты хорошо пристроишься,—пойду и я съ остальной семьей вслѣдъ за тобой» [30]). Начинаетъ практиковаться и другой способъ, главнымъ образомъ при переселеніи въ степи юго-востока—на Донъ, на сѣверный Кавказъ и др. Крестьянинъ является въ названныя мѣста изъ внутреннихъ губерній въ отхожій промыселъ, знакомится съ мѣстностью; затѣмъ онъ перебирается сюда на нѣсколько лѣтъ въ качествѣ какого либо промышленника или годоваго рабочаго у зажиточныхъ крестьянъ, казаковъ, купцовъ и т. д. Освоившись съ краемъ, скопивши нѣкоторыя средства, онъ является на родину за семьей или прямо выписываетъ ее—и переселеніе совершилось. Тутъ крестьянинъ дѣйствуетъ уже безъ всякихъ иллюзій, навѣрпяка. Часто такіе переселенцы—«степняки» или «дончаки», какъ ихъ называютъ во внутреннихъ губерніяхъ, устраиваются своимъ хозяйствомъ, а часто и съ семьей продолжаютъ жить «по работникамъ» [31]).

Такъ «навѣрняка» переселяется, во всякомъ случаѣ, лишь незначительная часть крестьянъ, идущихъ на «новыя мѣста». Большинство идетъ «на авось»—и какіе плачевные результаты имѣетъ это обстоятельство, лучше всего показываетъ тотъ фактъ, что по меньшей мѣрѣ десятая часть переселенцевъ ежегодно возвращается на родину, окончательно обнищавъ, истративши все свое достояніе и окончательно обратившись въ бездомныхъ пролетаріевъ.

X. Ликвидація хозяйства.

По естественному ходу вещей, крестьянинъ, задумавшій переселеніе, долженъ бы предварительно собрать свѣдѣнія о «новыхъ мѣстахъ», намѣтить себѣ пунктъ, куда отправляться, затѣмъ испросить разрѣшеніе на переселеніе и получить всѣ необходимые документы, выхлопотать себѣ землю на «новомъ мѣстѣ» и уже затѣмъ приступить къ ликвидаціи своего хозяйства и сборамъ въ далекій путь. Но условія нашей жизни до такой степени ненормальны, что этотъ естественный ходъ вещей почти никогда не имѣетъ мѣста въ дѣйствительности... Мы уже видѣли, что переселенцы идутъ съ родины въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ не только безъ соблюденія всѣхъ указанныхъ выше условій, но даже безъ предварительнаго выясненія, куда же именно они идутъ и что̀ можетъ ожидать ихъ впереди. Точно также переселенцы вмѣсто того, чтобы прежде покончить со всѣми хлопотами и затѣмъ уже продавать свое имуще-

---

[30]) *Григорьевъ*, стр. 110—111.

[31]) Id., 107; *Щербина*, l. c. 12—14. *Храповицкій*. Отчетъ объ осмотрѣ переселенч. сдѣлокъ.

ство, тотчасъ же послѣ того, какъ задумаютъ переселеніе, начинаютъ ликвидировать свое хозяйство и затѣмъ уже принимаются за хлопоты. Само собою разумѣется, что въ такомъ, совершенно нелѣпомъ по существу, образѣ дѣйствій переселенцевъ есть житейская логика, ибо для всякихъ «хлопотъ» переселенцу необходимы, какъ увидимъ ниже, немалыя средства, которыя и приходится получать ликвидаціей своего хозяйства.

Ликвидація хозяйственныхъ дѣлъ для переселенца—дѣло весьма сложное. Во 1-хъ, ему необходимо покрыть числящіяся на немъ недоимки по казеннымъ, земскимъ и общественнымъ платежамъ и уплатить всѣ сборы по 1-ое января будущаго года. Во 2-хъ, онъ долженъ разсчитаться съ частными долгами. Безъ соблюденія этихъ двухъ условій, переселенецъ не можетъ получить формальнаго разрѣшенія на переселеніе, не можетъ получить увольненія отъ общества. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ переселенцы идутъ, не взявъ предварительно увольненія и не получивъ формальнаго разрѣшенія, то они выполняютъ означенныя обязательства не всегда. Правда, и при выдачѣ срочныхъ паспортовъ, по которымъ отправляется бо̀льшая часть переселенцевъ, волостное правленіе требуетъ пополненія недоимокъ и сборовъ, а часто и уплаты частныхъ долговъ, но обойти это требованіе возможно, «подмазавъ» волостныя власти. Но что является совершенно неизбѣжнымъ для переселенца, это: 1) та или иная развязка съ надѣльной землей, 2) продажа усадебной осѣдлости и 3)—ликвидація движимаго хозяйства.

Общая черта ликвидаціи переселенцами своего стараго хозяйства—невыгодность ея для переселенца. Переселенцу некогда ждать выгодныхъ цѣнъ; всѣ знаютъ, что ему нужно ликвидировать свое хозяйство во что бы то ни стало, и потому даютъ самыя ничтожныя цѣны. Къ тому же, переселенія сплошь и рядомъ совершаются сгоряча, крайне спѣшно; стремленіе переселяться охватываетъ въ данномъ районѣ громадное количество лицъ, такъ что и покупать переселенческое имущество бываетъ некому. Въ результатѣ получается, что обыкновенно переселенческое имущество сбывается за совершенный безцѣнокъ, идетъ почти даромъ, и большинство переселенцевъ, даже послѣ ликвидаціи всего своего хозяйства, имѣетъ крайне ничтожныя средства для переселенія.

Съ землею переселенцы распоряжаются различно, смотря потому, на какомъ правѣ они владѣютъ ею. Всѣхъ выгоднѣе поставлены въ этомъ отношеніи крестьяне—подворные владѣльцы и такъ называемые «четвертные» крестьяне. Владѣя землей на правѣ, которое практикою признается подворно-наслѣдственнымъ и даже правомъ вѣчной собственности, такіе крестьяне могутъ продавать свои земли и этимъ путемъ пріобрѣтать бо̀льшія или меньшія средства для переселенія. Но и эти переселенцы, поставленные въданномъ случаѣ въ болѣе благопріятныя условія, получаютъ за свои земли далеко не всю ихъ стоимость. Причина тому—спѣшность

продажи и ограниченный кругъ покупателей крестьянской земли. Такимъ образомъ, напр., четвертныя земли сбываются переселенцами за 30—60 рублей, тогда какъ мѣстныя цѣны на землю въ губерніяхъ, гдѣ имѣется земля четвертнаго владѣнія (Рязанская, Тамбовская, Курская и др.), равны 75—150 рублямъ, по каковымъ цѣнамъ продаются и четвертныя земли при обыкновенномъ ходѣ вещей. [32]) Покупателями подворной крестьянской земли являются или мѣстные же крестьяне, или особые спеціалисты-скупщики. Мѣстные крестьяне были бы, конечно, рады всегда пріобрѣтать земли переселенцевъ, да, къ сожалѣнію, тому мѣшаетъ недостатокъ средствъ; такимъ образомъ, покупщиками изъ мѣстныхъ крестьянъ являются только богачи-кулаки. Какъ послѣдніе, такъ и аферисты-скупщики пользуются безъ всякой церемоніи стѣсненнымъ положеніемъ переселенцевъ и понижаютъ продажную цѣну земли до невозможности. Къ концу концовъ, въ убыткѣ остаются какъ переселяющіеся крестьяне, такъ и общества, къ которымъ они принадлежатъ и землепользованіе которыхъ отнюдь не расширяется съ уходомъ переселенцевъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства, кое-гдѣ сельскія общества принимаютъ мѣры для того, чтобы продаваемая переселенцами земля поступила въ общество. Такъ, въ Рязанской губерніи нѣкоторыя общества постановили приговоры: не выдавать увольнительныхъ свидѣтельствъ тѣмъ переселенцамъ, которые продадутъ землю внѣ общества,—и пріобрѣтаютъ переселенческія земли на общественный счетъ. Однако, недостатокъ средствъ у обществъ препятствуетъ широкому развитію указанной мѣры, и въ большинствѣ случаевъ подворная земля переселенцевъ переходитъ въ частныя руки. [33])

Какъ бы то ни было, но переселенцы, владѣющіе землею на подворномъ правѣ, имѣютъ въ землѣ болѣе или менѣе солидный источникъ для пріобрѣтенія средствъ къ переселенію. Именно этотъ классъ крестьянъ (главнымъ образомъ, крестьяне малороссійскихъ губерній и четвертные центральной черноземной полосы) и даетъ наиболѣе зажиточную часть переселенцевъ. Иначе поставлены переселенцы, не имѣющіе земли въ подворномъ владѣніи. Правда, и здѣсь возможны случаи, когда переселенцы получаютъ возможность продать свои надѣлы. Во 1-хъ, это можетъ имѣть мѣсто, когда въ переселеніе идетъ цѣлая община. Такіе случаи, конечно, крайне рѣдки и возможны лишь тогда, когда самыя общины состоятъ изъ незначительнаго числа дворовъ. У г. Григорьева мы находимъ сообщеніе объ одномъ такомъ случаѣ, когда цѣлая община, уходя въ Томскую губернію,

---

[32]) *Григорьевъ*, 142, „Русскія Вѣдомости“ 1885 г., № 215. Ст. *Уймовича*. „Съ переселенческихъ стоянокъ“. „Новости“ 1883 г,. № 151.

[33]) Григорьевъ, id.; *Воропоновъ*: „Отчетъ объ изслѣдованіи переселенческихъ покупокъ съ помощью крестьян. банка въ 1886 г.“, стр. 22.

продала всѣ свои земли богатому крестьянину. Во 2-хъ, у того же г. Григорьева находимъ описаніе болѣе сложнаго случая. Крестьяне с. Мураевки (Рязанск. губ.) получили дарственный (четвертной) надѣлъ. Когда нѣкоторые изъ нихъ вздумали переселяться, кто-то научилъ ихъ, что они могутъ продать свой надѣлъ, такъ какъ онъ данъ имъ въ даръ и выкупа за него никакого не платится. Мураевскіе переселенцы устроились слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: они передавали землю въ общество, а оно уже отъ себя вручало отдѣльнымъ своимъ членамъ (конечно, мѣстнымъ „богатѣямъ») въ вѣчное и потомственное владѣніе, обставляя эту передачу такими условіями, что фактически земля никогда не можетъ вернуться въ общество. Во всякомъ случаѣ, при этой сдѣлкѣ переселенцы получили вознагражденіе за свою долю собственности въ общественномъ земельномъ надѣлѣ [34]). Въ 3-хъ, переселенцы получаютъ возможность продать свои надѣлы при посредствѣ пресловутой 165 статьи „положенія о выкупѣ". Переселенецъ продаетъ свой надѣлъ богатому односельчанину или постороннему лицу; покупатель даетъ переселенцу средства внести выкупную сумму и доплачиваетъ ему разницу между послѣднею и продажною цѣною, послѣ чего заключается формальная купчая на имя покупателя. До сихъ поръ, этимъ способомъ продажи надѣла пользовались лишь переселенцы изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но теперь, съ переходомъ на выкупъ государственныхъ крестьянъ, онъ доступенъ и послѣднимъ. Наконецъ, въ 4-хъ, мы находимъ въ печати указаніе еще на одинъ способъ, къ которому прибѣгли переселенцы, для того чтобы продажею надѣльной земли пріобрѣсти средства для переселенія. Именно, при описанномъ выше переселеніи крестьянъ Фатежскаго уѣзда въ Ставропольскую губернію имѣли мѣсто два случая раздѣла общинной земли на подворные участки (двѣ небольшія общины государственныхъ крестьянъ, перешедшихъ въ казну отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ), чтобы дать возможность желавшимъ уйти домохозяевамъ продать свои участки [35]).

Всѣ эти случаи, однако, встрѣчаются крайне рѣдко. Обыкновенно же переселенецъ—отчудить надѣльную землю, какъ общественную, не можетъ. Въ такихъ случаяхъ, его отношенія къ надѣлу выливаются въ двѣ формы. Если переселенецъ, уходя изъ роднаго села, одновременно съ тѣмъ и отчисляется отъ общества, его надѣлъ прямо поступаетъ въ распоряженіе послѣдняго, и переселенецъ ничѣмъ не вознаграждается за потерю своего права участія въ пользованіи общинною землею. Когда же переселенецъ уходитъ по паспорту, продолжая числиться членомъ даннаго общества, онъ обыкновенно сдаетъ свой надѣлъ въ аренду кому либо изъ одно-

[34]) Григорьевъ. 147—148.
[35]) „Новости" 1883 г., № 153.

сельчанъ, а иногда и постороннимъ лицамъ, которыя обязуются уплачивать за переселенцевъ всѣ падающіе на нихъ по числу «душъ» платежи и обыкновенно даютъ нѣкоторую «доплату» въ пользу переселенцевъ. Надѣлы сдаются въ аренду на разные сроки, но чаще на довольно продолжительное время—9—12 лѣтъ. Арендная плата («доплата») чаще берется переселенцемъ за всѣ года впередъ. Само собою разумѣется, что въ виду этого обстоятельства, а также въ виду того, что переселенцу необходимо «сбыть» надѣлъ во что бы то ни стало, наконецъ, по той причинѣ, что предложеніе переселенцами надѣловъ часто превосходитъ мѣстный спросъ на нихъ,—«доплаты», получаемыя переселенцами, бываютъ крайне ничтожны, обыкновенно въ нѣсколько разъ меньше той суммы, по которой обычно «ходятъ» надѣлы. Въ послѣднее же время переселенцы часто лишаются и этой послѣдней поддержки, такъ какъ все чаще общества начинаютъ брать въ свое распоряженіе надѣлы и тѣхъ переселенцевъ, которые вышли по паспортамъ: въ этомъ случаѣ общества берутъ на себя уплату падающихъ на надѣлы платежей и сдаютъ надѣлы въ аренду уже отъ себя, обращая «доплаты» въ свою пользу [36]).

Такимъ образомъ, большинству переселенцевъ надѣльная земля или даетъ очень мало, или не даетъ ничего для удовлетворенія своихъ потребностей во время пути и для устройства на мѣстѣ. Также мало даетъ переселенцу и ликвидація своего остальнаго хозяйственнаго обзаведенія. Крестьянскія постройки и вообще стоютъ не богъ вѣсть сколько, а при продажѣ переселенцами онѣ неизбѣжно обезцѣниваются до послѣдней степени. Во-первыхъ, переселенцу нельзя ожидать выгоднаго покупателя, ему нужно продать свои постройки во что бы то ни стало. Во-вторыхъ, кому въ деревнѣ можетъ понадобиться *вторая* изба, *вторая* рига, *второй* сарай? Естественно, что переселенцы сбываютъ свои постройки по мало мальски сносной цѣнѣ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же онѣ идутъ вдвое, втрое дешевле своей цѣны, а случается—и вовсе нерѣдко,—что и совсѣмъ не могутъ быть проданы, а просто бросаются переселенцами. Также за безцѣнокъ идетъ и движимое имущество, котораго переселенецъ не беретъ съ собою. Въ этомъ отношеніи достаточно привести нижеслѣдующія характерныя слова самихъ переселенцевъ: «Какъ мы на мѣстѣ—вотъ и зажиточны; а тронулись,—куда что пошло. Наша зажиточность—въ домѣ, въ избѣ. Есть въ хатѣ домашество,—и зажиточенъ. А какъ тронулись-то мы въ путь,—куда и зажиточность пропала, не вѣдаемъ. Все какъ будто ничего, пока живешь, а распродали—и денегъ не оказалось. На деньги нѣтъ счету нашей состоя-

[36]) „Рус. Вѣд." 1885 г., № 215. Ст. *Уймовича*. „Новости" 1883 г., № 153. Ст. *Мурашкинцева*. *Григорьева*, 143—147.

тельности: чашка, ложка, кувшинъ, постель, ухватъ—продай-ка ихъ, много ли выручишь [37])».

Что же, къ концу концевъ, удастся собрать переселенцамъ отъ ликвидаціи всего своего хозяйственнаго обзаведенія? Какими средствами они могутъ располагать для осуществленія задуманнаго ими предпріятія—переселенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ данныя, собранныя многими изслѣдователями. Данныя эти мы здѣсь и приведемъ:

Григорьевъ собралъ свѣдѣнія объ 1,961 переселенческихъ семьяхъ, вышедшихъ изъ Рязанской губерніи [38]). Оказалось, что

	менѣе	50	руб.	взяли	съ	собой	415	семей, т. е.	21%
отъ	50 до	150	»	»	»	»	745	» »	38 »
»	150 »	300	»	»	»	»	438	» »	22 »
»	300 »	800	»	»	»	»	306	» »	16 »
	сверхъ	800	»	»	»	»	57	» »	3 »

Воропоновъ даетъ нижеслѣдующія данныя относительно переселенцевъ изъ разныхъ губерній, пріобрѣвшихъ землю при помощи крестьянскаго банка въ Екатеринославской, Полтавской и Херсонской губерніяхъ. Данныя эти имѣютъ однако иное значеніе, чѣмъ вышеприведенныя данныя Григорьева и нижеприведенныя данныя другихъ изслѣдователей. Именно въ то время, какъ Григорьевъ и другіе изслѣдователи даютъ намъ цифры суммъ, которыя переселенцы *понесли* съ собою въ переселеніе, Воропоновъ приводитъ данныя о суммахъ, *вырученныхъ* переселенцами отъ ликвидаціи ихъ хозяйства. Между тѣмъ переселенецъ беретъ съ собою въ переселеніе далеко не все то, что онъ выручаетъ отъ продажи своего имущества. Именно, изъ послѣдней суммы должны быть вычтены расходы по выправкѣ документовъ (весьма не малые, какъ увидимъ ниже), на содержаніе во время проживательства въ ожиданіи полученія документовъ, на уплату долговъ, на взносъ недоимокъ и платежей, снаряженіе въ дорогу и т. д. Какъ велика разница между суммою, первоначально вырученною переселенцемъ и тою, какую онъ несетъ съ собой въ переселеніе, наглядно показываютъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя Григорьеву крестьянами относительно ихъ односельца-переселенца: «избенка и прочая стройка продана за 38 р., корова—20 р., землю продали (четвертной $1^1/_2$ дес. было) по 55 р. за десятину, — *всего выручилъ 140 р.*; за лошадь далъ (безлошадный былъ) 40 р., проѣлъ до дороги близъ 50 р., да должишки были рублей на 20; *съ собой понесъ 30 р.* [39])». Сдѣлавъ эту оговорку, приведемъ самыя данныя г. Воропонова, раскиданныя въ разныхъ

---

[37]) *Уймовичъ.*
[38]) *Григорьевъ*, 45.
[39]) Id.

мѣстахъ его работы [40]), сгруппировавъ ихъ въ одну таблицу. Данныя эти относятся къ 413 семьямъ. Изъ нихъ выручили отъ продажи имущества:

менѣе 100 рублей — 52 семьи, или 12% общаго числа.
отъ 100 до 300 р. 185 » » 46% » »
» 300 » 400 » 51 » » 12% » »
болѣе 400 » 125 » » 30% » »

Мурашкинцевъ [41]) сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о суммахъ, понесенныхъ въ переселеніе вышеупоминаемыми переселенцами изъ Фатежскаго уѣзда въ Ставропольскую губернію.

Отъ 10 до 50 руб. понесли 16 семей.
» 50 » 100 » » 20 »
» 100 » 200 » » 20 »
» 200 » 300 » » 16 »
» 300 » 500 » » 15 »
Болѣе 500 » » 12 »

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» [42]) находимъ слѣдующія свѣдѣнія относительно ста семей, двинувшихся въ переселеніе въ 1885 году изъ Смирновской волости, Орловскаго уѣзда Вятской губерніи. Изъ общаго числа переселенцевъ только 2 семьи имѣли отъ 200 до 300 рублей; большинство же имѣло всего около 50 рублей на семью, но были и такія, всѣ средства которыхъ ограничивались всего 10 рублями. Самая возможность переселенія для такихъ бѣдняковъ обусловливается тѣмъ, что они ѣдутъ на пароходахъ въ качествѣ рабочихъ по нагрузкѣ и выгрузкѣ, пользуясь за свой трудъ даровымъ проѣздомъ.

Уймовичъ [43]) приводитъ данныя относительно 60 семей переселенцевъ изъ Лебедянскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Изъ нихъ одна семья имѣла 1500 р., другая 200, третья 150; остальныя ѣхали, имѣя 70, 50, 25 и даже всего 10 рублей.

Данныхъ подобнаго рода въ печати имѣется весьма много; но, полагаемъ, достаточно и приведенныхъ, чтобы видѣть, какъ ничтожны средства переселенцевъ при выходѣ изъ роднаго мѣста. А, между тѣмъ, на эти средства переселенецъ долженъ совершить длиннѣйшій путь, иногда въ нѣсколько тысячъ верстъ, и обзаводиться полнымъ новымъ хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ. Можно ли послѣ этого удивляться, что большинство переселеній совершается неудачно?

---

[40]) *Воропоновъ*. „Отчетъ объ изслѣдованіи переселенческихъ земельныхъ покупокъ съ помощью крестьянскаго банка". Стр. 56, 63, 68, 72, 77, 81, 86—7, 98, 102.

[41]) „Новости" 1883 г., № 151.

[42]) 1885 г., № 161.

[43]) „Русскія Вѣдомости" 1885 г., № 215.

Заговоривъ о средствахъ, которыми располагаютъ переселенцы, нельзя не упомянуть о помощи, которая приходитъ къ переселенцамъ извнѣ. Прежде всего, такая помощь оказывается сельскими обществами, въ составъ которыхъ входятъ переселенцы. Дѣло въ томъ, что переселенія весьма выгодны для остающихся на мѣстѣ членовъ общества. Во 1-хъ, надѣльная земля, которою пользовались псреселенцы, какъ мы видѣли, обыкновенно переходитъ къ обществамъ и увеличиваетъ площадь ихъ землепользованія; во 2-хъ, съ уходомъ переселенцевъ увеличивается площадь земель, доступныхъ арендѣ оставшихся крестьянъ, на все количество земель, состоявшихъ въ арендѣ у выселившихся домохозяевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе спроса на арендуемыя земли понижаетъ арендныя цѣны. Польза, приносимая переселеніями остающимся на мѣстѣ крестьянамъ, такъ очевидна, что она не можетъ не сознаваться ими, и кое-гдѣ сельскія общества начинаютъ оказывать помощь своимъ выселяющимся членамъ. Въ книгѣ Григорьева приведено нѣсколько подобныхъ фактовъ. Помощь общества переселенцамъ выражается или въ томъ, что оно даетъ переселенцу нѣкоторую сумму на руки, или (чаще), дозволяя ему сдать свою надѣльную землю на 1, 2 или 3 года, беретъ на себя уплату податей за него въ теченіе этого времени. Иногда само общество вызываетъ желающихъ переселиться, обѣщая «поддержать» ихъ; но обыкновенно общество оказываетъ помощь уже изготовившимся въ путь по своей иниціативѣ. Однако случаи общественной помощи переселенцамъ крайне рѣдки: изъ 261 общины, откуда свѣдѣнія о выселеніяхъ собраны Григорьевымъ, случаи помощи, оказанной обществомъ переселенцамъ, имѣли мѣсто только въ 9 [44]). Еще рѣже помощь переселенцамъ оказывается земствомъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстенъ всего одинъ подобный фактъ. Въ 1882 г. 72 домохозяина Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи обратились въ уѣздное земское собраніе съ просьбою о выдачѣ имъ 3,500 р. заимообразно для переселенія. Земское собраніе постановило: ходатайство крестьянъ удовлетворить.

XI. Выправка документовъ.

Ликвидировавъ свое имущество, задумавшій переселяться крестьянинъ приступаетъ къ хлопотамъ по полученію необходимыхъ документовъ—увольнительнаго свидѣтельства или просто паспорта. Казалось бы, получить документы изъ волостнаго правленія—дѣло не хитрое. Въ дѣйствительности же хлопоты по полученію документовъ представляютъ собою одно изъ наиболѣе тяжелыхъ мытарствъ, выпадающихъ на долю пересе-

[44]) Григорьевъ, 151—3.

ленца: онѣ отнимаютъ у него массу денегъ, заставляютъ терять дорогое время и причиняютъ ему цѣлый рядъ страданій. Чтобы дать понятіе объ этой сторонѣ переселенческихъ мытарствъ, мы приведемъ здѣсь подлинныя слова одного изъ наблюдателей этихъ хлопотъ по полученію документовъ. Рѣчь идетъ о Бирюченскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, но все, сообщаемое авторомъ, подтверждается цѣликомъ свѣдѣніями и изъ другихъ мѣстностей нашего отечества.

«Выправка документовъ въ сельскомъ и волостномъ правленіяхъ каждой семьѣ обходится въ сумму отъ 70 до 100 и болѣе рублей. Этотъ поборъ, идущій въ карманы писарей, старшинъ и старостъ, не особенно тяжелъ для богатаго крестьянина, имѣющаго въ мошнѣ 500, а иногда 2—5 тысячъ рублей (бываютъ и такіе), но для бѣдняка это—сущій непріятельскій погромъ. Мы знаемъ мужика, который прошлое лѣто потянулся за односельчанами въ Томскую губернію. Онъ имѣлъ только хатенку, кое-какой скарбъ, корову и лошадь. Хату и скарбъ онъ продалъ за безцѣнокъ, снарядилъ телѣгу и поджидалъ, пока тронутся въ путь его товарищи. У него было денегъ около ста рублей. Но онъ еще не выправилъ документы и пошелъ по начальству. Начались мытарства бѣдняка, начались поклоны, выпрашиванія, вымаливанія, угощенія и подкупы властей. Ходилъ онъ недѣли три, выхлопоталъ документы (паспортъ на шесть мѣсяцевъ); но завылъ мужикъ, когда заглянулъ въ мошну: всѣхъ денегъ осталось у него только одинъ рубль. Дѣлать было нечего. Въ деревнѣ оставаться уже нельзя было, такъ какъ ни избы, ни посѣва, ни хозяйства не было,—все было распродано. Въ его распоряженіи еще оставалось недѣли двѣ, и онъ съ женой и съ двумя ребятами пошелъ по міру собирать кусочки. Собралъ онъ мѣшковъ пять сухарей, продалъ корову и съ этими жалкими ресурсами тронулся въ путь. Печальнѣе всего то, что этотъ фактъ не единичный, а возведенъ въ систему вездѣ, гдѣ мужикъ порывается на просторъ, на вольныя земли. Какъ великъ доходъ міроѣдовъ съ переселенцевъ, видно изъ слѣдующаго. Одинъ изъ сельскихъ старостъ только за приложеніе печати подъ удостовѣреніемъ, что за выходящимъ крестьяниномъ нѣтъ никакихъ недоимокъ и не представляется препятствій къ выдачѣ изъ волостнаго правленія паспорта, съ 12—15 семействъ «заработалъ» 60 р. Сколько же «заработываютъ» сельскій и волостной писаря, старшина и прочіе міроѣды за все время, пока злополучный паспортъ попадаетъ въ руки мужика? Не могу не привести еще факта, который говоритъ самъ за себя. Одинъ изъ писарей Иловской волости за три года своего «служенія» народу «заработалъ» съ переселенцевъ болѣе 6000 руб., на которые за безцѣнокъ скупилъ земли тѣхъ же крестьянъ» [45]).

Въ той или другой формѣ, подобные факты повторяются повсемѣстно.

[45]) „Русскія Вѣдомости“ 1885 г., № 45.

XII. Административныя препятствія.

Кромѣ препятствій, представляемыхъ недостаткомъ свѣдѣній о новыхъ мѣстахъ, условіяхъ поселенія въ нихъ и путяхъ; недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и всякаго рода поборами и претѣсненіями со стороны сельскихъ и волостныхъ властей, переселенцы въ концѣ концевъ рискуютъ еще встрѣтить прямыя запрещенія двинуться съ мѣста со стороны мѣстной администраціи.

Основаніемъ для принятія мѣстною администраціею мѣръ противъ переселеній служитъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го мая 1868 года. Циркуляромъ этимъ было обращено вниманіе губернаторовъ на вредныя послѣдствія выхода крестьянъ большими партіями изъ разныхъ губерній въ составѣ цѣлыхъ семей и съ предварительнымъ полнымъ уничтоженіемъ своего хозяйства на прежнихъ мѣстахъ жительства, безъ всякихъ средствъ къ продолженію пути и безъ опредѣленныхъ видовъ на поселеніе въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Министерство, не указывая, какія именно мѣры слѣдуетъ принимать въ каждомъ частномъ случаѣ противъ указаннаго зла, просило губернаторовъ усилить наблюденіе, дабы, между прочимъ, крестьяне не были допускаемы до распродажи своего имущества, пока не получатъ окончательнаго права на выходъ изъ общества, и чтобы крестьянамъ были разъяснены законы, ограждающіе правильное переселеніе, съ предупрежденіемъ, что тѣ изъ нихъ, которымъ удалось бы, обойдя законы, уйти на переселенія, будутъ возвращены въ ихъ общества для водворенія на прежнихъ мѣстахъ жительства.

На основаніи этого циркуляра, который оставался почти безъ примѣненія до начала 80-хъ годовъ и только въ это время былъ вынутъ изъ-подъ спуда, многіе губернаторы сдѣлали частныя распоряженія по ввѣреннымъ имъ губерніямъ, толкующія приведенный циркуляръ весьма широко.

Такъ, по Тамбовской губерніи было сдѣлано распоряженіе, для предупрежденія самовольнаго переселенія крестьянъ, не выдавать паспортовъ на цѣлыя семьи и запрещать крестьянамъ продавать ихъ имущество.

Подобное же распоряженіе о невыдачѣ паспортовъ на цѣлыя семьи имѣло мѣсто въ Курской губерніи.

Въ Полтавской губерніи, въ 1886 г. волостныя правленія получили предписаніе выдавать паспорты только совершеннолѣтнимъ лицамъ мужскаго пола и не допускать продажу имущества.

Екатеринославскій губернаторъ, циркуляромъ отъ 27 апрѣля 1884 года, предлагалъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ: «усилить наблюденіе за исполненіемъ существующихъ законовъ о переселеніяхъ и вышеприведеннаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, поставить въ извѣстность

крестьянскія начальства относительно отвѣтственности ихъ за нарушеніе правилъ объ увольненіи крестьянъ, отвѣтственности какъ уголовной, такъ и имущественной, а также разъяснить крестьянамъ, что «попытки ихъ къ переселенію, безъ установленнаго притомъ правительственнаго разрѣшенія, будутъ преслѣдуемы по суду (ст. 948 улож.)».

Воронежскій губернаторъ въ 1882 г. издалъ циркуляръ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «До свѣдѣнія моего дошло, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ распространяются между крестьянами письма, полученныя, будто бы (?), нѣкоторыми отъ родственниковъ изъ Томска и другихъ сибирскихъ губерній, о многоземеліи и другихъ удобствахъ въ тѣхъ губерніяхъ, и этимъ сбиваютъ крестьянъ къ переселенію. Возлагаю лично на гг. исправниковъ строго слѣдить за появленіемъ въ селеніяхъ такихъ лицъ, и такъ какъ эти лица нарушаютъ спокойствіе населенія и возбуждаютъ къ нарушенію установленныхъ правилъ (объ увольнительныхъ свидѣтельствахъ и пріемныхъ приговорахъ), то привлекать къ отвѣтственности по закону».

Въ Лифляндской губерніи, въ 1885 г., было объявлено распоряженіе губернскаго начальства, въ силу котораго выселеніе изъ края безъ разрѣшенія губернаторовъ не дозволяется.

Въ 1884 г. скопинское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ разослало всѣмъ волостнымъ старшинамъ циркуляръ, требуя, чтобы они приняли надлежащія мѣры къ предупрежденію самовольнаго, не разрѣшаемаго закономъ переселенія.)

Мы отмѣтили лишь ничтожную долю мѣръ, принятыхъ мѣстною администраціею для воспрепятствованія переселеніямъ. Однако, общій характеръ этихъ мѣръ ясенъ и изъ того, что̀ приведено.

Иногда эти мѣры парализуютъ переселенческое движеніе населенія. Вотъ что, напр., имѣло мѣсто въ Воронежской губерніи. Переселенческое движеніе, охватившее губернію къ началу 80-хъ годовъ, было настолько сильно, что изъ одного Нижнедѣвицкаго уѣзда выселилось въ теченіе 1881 года до 700 семей; но въ слѣдующіе годы на новыя мѣста прорывались лишь отдѣльные крестьяне, состоявшіе въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ волостными и сельскими начальствами или имѣвшіе возможность хорошо заплатить за рискъ грозящей имъ отвѣтственности. Причина тому—въ распоряженіяхъ мѣстной администраціи, вышедшихъ въ 1882 году. 22-го апрѣля этого года, въ уѣздныя крестьянскія присутствія губерніи былъ разосланъ циркуляръ губернатора, требовавшій строгаго примѣненія министерскаго циркуляра о переселеніяхъ 1868 года. При этомъ оказалось, что многіе крестьяне уже распродали свое имущество и прекратили хозяйство, съ тѣмъ чтобы идти въ переселеніе; потребовалось особое ходатайство губернатора передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи выдать паспорты тѣмъ крестьянамъ, «которые съ прекращеніемъ

хозяйствъ могла дойти до разоренія и нищенства». Сообщая о томъ крестьянскимъ присутствіямъ циркулярнымъ отношеніемъ отъ 7-го мая 1882 года, начальникъ губерніи нашелъ необходимымъ снова подтвердить сказанное имъ въ циркулярѣ отъ 22 апрѣля. Такія настойчивыя напоминанія и подтверженія губернатора не остались безъ результата. Непремѣнные члены и исправники, а по ихъ приказанію и волостные старшины и сельскіе старосты зорко слѣдили за каждымъ крестьяниномъ, который начиналъ распродавать свое имущество съ цѣлью выселенія; они запрещали такую продажу и предупреждали, что паспорты такимъ продавцамъ выданы не будутъ. Все это значительно затормозило дѣло переселенія, открывъ при этомъ, конечно, широкое поле для злоупотребленій волостныхъ и сельскихъ властей [46]).

Само собою разумѣется, что всѣ эти запрещенія не только не въ состояніи уврачевать тѣ народныя боли, результатомъ которыхъ является стремленіе къ переселенію, но не достигаютъ и своей ближайшей цѣли—охраненія крестьянъ отъ безцѣльнаго разоренія. Услѣдить за всѣми попытками переселенія администрація, очевидно, не можетъ; да къ тому же и напряженное сосредоточеніе вниманія мѣстной администраціи на переселеніяхъ возможно лишь на короткое время, ибо администраціи этой и помимо переселеній много дѣла, и она естественно, чрезъ извѣстное время послѣ полученія предписанія свыше, охладѣваетъ къ дѣлу, и все начинаетъ идти обычнымъ путемъ. Даже въ періодъ, такъ сказать, «горячки» по наблюденію за переселенческимъ движеніемъ, мѣстная администрація можетъ слѣдить—да и то не всегда—только за выходомъ переселенцевъ и препятствовать таковому, но совершенно безсильна предупредить распродажу крестьянами своего имущества, слѣдствіемъ чего являются крайне печальныя явленія: крестьяне, задумавшіе переселеніе, распродаютъ все свое имущество, а когда задумаютъ отправляться, имъ не выдаютъ паспортовъ или возвращаютъ съ дороги, хотя они окончательно ликвидировали свое хозяйство, и безъ переселенія должны обратиться въ нищихъ. Для характеристики подобныхъ явленій приведемъ одинъ—два факта. Въ 1882 г. около 30 семействъ малороссовъ двинулись изъ Пирятинскаго уѣзда Полтавской губерніи—въ Кубанскую область. Распродавъ все свое имущество—землю, хаты и движимое добро и уплативъ всѣ причитающіяся съ нихъ недоимки, переселенцы двинулись въ путь. «Но не успѣли они выйти изъ предѣловъ Полтавской губерніи,—разсказываетъ очевидецъ,—какъ на нихъ наскакиваютъ урядники съ требованіемъ немедленно воротиться назадъ, такъ какъ, молъ,

---

[46]) „Русскія Вѣдомости“ 1885 г., № отъ 14 іюня. „Переселенческій вопросъ въ Воронежской губерніи“.

«начальство не велитъ пущать». Что, какъ и почему—вопросъ напрасный. И вотъ, безъ всякихъ средствъ въ настоящемъ и безъ всякой надежды въ будущемъ, поплелись эти несчастные со всѣми возами, покрытыми соломенными будками, внутри которыхъ сидѣли дѣти и лежалъ кое-какой скарбъ,—обратно на родину, гдѣ у нихъ не осталось ни пяди собственной земли, ни жилья, въ которомъ можно бы было пріютиться послѣ тяжелаго и неудачнаго путешествія. Больно было смотрѣть на этихъ оборванныхъ, полуголодныхъ людей, пришедшихъ въ полнѣйшее отчаяніе: «що теперь намъ робить, и самі не знаемо; будемъ проситься въ робітники до нашего жида—орандаря; якъ що вінъ не прийме, прийдеться съ голоду умирать» [47]). (Въ этомъ же родѣ имѣлъ мѣсто фактъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ той же Полтавской губ., гдѣ весною 1886 г. 22 семьи с. Старовѣровки, распродавъ все свое имущество и совсѣмъ изготовившись къ переселенію, были остановлены полицейскими мѣрами, благодаря чему потерпѣли окончательное разореніе [48]). И такихъ фактовъ цѣлая бездна ежегодно. Но иногда крестьяне успѣваютъ парализовать принятыя по отношенію къ нимъ полицейскія мѣры и все таки отправиться въ переселеніе. Характерная въ этомъ отношеніи исторія имѣла мѣсто въ 1881 году въ Полтавской губерніи. Нѣсколько семействъ изъ с. Подола, сребрянской волости Прилукскаго уѣзда, отправились въ переселеніе по паспортамъ, не получивъ предварительно увольненія изъ своего общества и не перечислившись на новыя мѣста. Переселенцы эти были задержаны въ городѣ Зѣньковѣ Полтавской губ.; паспорты отъ нихъ были отобраны, а имъ выдано было отъ зѣньковскаго полицейскаго управленія одно общее проходное свидѣтельство на возвращеніе домой. Въ свое время прилукскій исправникъ прислалъ въ сребрянское волостное правленіе предписаніе съ возвратомъ отобранныхъ въ Зеньковѣ отъ переселенцевъ паспортовъ и съ порученіемъ волостному правленію водворить возвращенныхъ переселенцевъ на прежнемъ мѣстѣ жительства. Каково же было удивленіе мѣстной администраціи, когда вслѣдъ за предписаніемъ исправника въ волостное правленіе пришло письмо отъ переселенцевъ, въ которомъ они сообщали, что, не смотря на отобраніе отъ нихъ паспортовъ, они благополучно прибыли въ Ставропольскую губернію и теперь оттуда просятъ выслать имъ письменные виды на проживательство на новыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, и усердіе уѣздной полиціи оказалась безрезультатнымъ.

Такова общая картина переселенческаго дѣла въ первомъ фазисѣ его

---

[47]) „Русскій Курьеръ“ 1882 г., № 154.
[48]) „Южный Край“ 1886 г., № 1820.

развитія, картина тѣхъ мытарствъ, которыя выпадаютъ на долю переселенца еще на старомъ мѣстѣ его жительства, еще до выхода въ далекій путь исканій новой родины. Какъ видитъ читатель, не весела эта картина. Полное царство хаоса, отсутствіе малѣйшаго намека на какую-либо помощь и поддержку переселенцу; его полная безпомощность разобраться въ дѣлѣ и хоть какъ нибудь, мало мальски сносно, устроиться; цѣлый рядъ страданій и лишеній, а сплошь и рядомъ полное разореніе, выпадающія на долю искателей лучшаго—таковы главные штрихи этой картины. То же неустройство, ту же безпомощность переселенца и тѣ же страданія и разореніе встрѣтимъ мы и при разсмотрѣніи дальнѣйшей судьбы переселенца—*въ пути и на новомъ мѣстѣ.*

Я. Абрамовъ.

ПОХОЖДЕНІЯ ЭКСЦЕЛЬСІОРА.

Романъ **Бретъ-Гарта.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Дѣло происходило около мыса Корріентесъ, 4-го августа 1854 года. Наступавшій день освѣтилъ сильно взволнованное море и въ немъ корабль, подвигавшійся къ Мексиканскому берегу. На востокѣ, точно привидѣніе, возвышалась снѣговая вершина Колимы; а Тихій океанъ, вздуваясь, вливался громадной полосой въ открытый Калифорнскій заливъ.

При разсвѣтѣ, можно было по кораблю замѣтить, что онъ сдѣлалъ большой и тяжелый переходъ. Онъ потерялъ одну изъ своихъ стеньгъ, и правый баканецъ висѣлъ въ бездѣйствіи. Но, тѣмъ не менѣе, клиперъ шелъ бодро, и палуба на немъ отличалась щепетильной чистотой. Не смотря на полумракъ, кромѣ двухъ вахтенныхъ, стоявшихъ у руля, на палубѣ двигалась еще третья фигура и чистила шканцы, стулья и диваньчики, очевидно, отдававшіеся въ распоряженіе пассажировъ корабля. Корабль Эксцельсіоръ, шедшій изъ Нью-Іорка въ Сан-Франциско, сдалъ свой грузъ въ Каллао и предоставилъ все свое обширное помѣщеніе въ услугамъ лицъ, ѣхавшихъ увеличить собою лихорадочно-дѣятельное населеніе Калифорніи.

Вдругъ на палубѣ произошло движеніе. Изъ нѣдръ какой-то каюты былъ данъ приказъ до такой степени неожиданный, что его пришлось повторить строже и рѣшительнѣе. На палубу выскочили еще двѣ, три тѣни, которыя наклонились надъ колесомъ, и Эксцельсіоръ тихо началъ поворачиваться и, точно раскланявшись съ берегомъ, пошелъ къ сѣверо-западу въ открытое море.

— Что еще опять выдумали? проговорилъ одинъ изъ матро-

совъ, помогавшихъ вертѣть колесо своему товарищу и уходя съ нимъ на прежнее мѣсто.

— Это не капитанъ, потому что онъ валяется пьяный, какъ стелька, и его никакимъ рычагомъ не поднимешь, отвѣчалъ товарищъ.—Это распоряженіе его помощника или, лучше сказать, пастора.

— Такъ мы не зайдемъ въ Мазатланъ?

— Какъ видишь, идемъ въ другую сторону, отвѣчалъ подошедшій третій матросъ.

— Отчего же?

Третій матросъ повернулся и указалъ назадъ. На горизонтѣ виднѣлась полоска дыма, тянувшаяся по небу.

— Кажется, пароходъ?

— Какъ видишь, несовсѣмъ безопасно.

— Развѣ и тутъ не спокойно?

— Нѣтъ, тутъ ничего... Тс!

Онъ приложилъ палецъ ко рту, хотя разговоръ они вели шопотомъ. На палубѣ показался человѣкъ, очевидно пассажиръ. Два или три матроса—негра, подошедшіе къ группѣ, тотчасъ же отошли.

Этотъ пассажиръ имѣлъ видъ человѣка акуратнаго, щепетильнаго, и не умѣвшаго еще, повидимому, привыкнуть къ свободной жизни на кораблѣ. Онъ не ходилъ, даже растопыривъ ноги, и, когда Эксцельсіоръ покачнулся отъ набѣжавшей волны, ему пришлось ухватиться за канатъ. Онъ однако же замѣтилъ, что корабль перемѣнилъ направленіе, и сильно встревожился.

— Что это такое... послушайте! зачѣмъ это мы повернули? Вѣдь мы отходимъ отъ берега! Развѣ мы не зайдемъ въ Мазатланъ?

Матросы, стоявшіе у колеса, молча смотрѣли впередъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ моряковъ ко всему, что дѣлается на сушѣ. Пассажиръ съ нетерпѣніемъ повернулся къ штурману.

— Это несправедливо, знаете? Мнѣ сказали, что мы зайдемъ въ Мазатланъ. У меня тамъ дѣла.

— Мнѣ такъ приказано, сэръ, кратко отвѣчалъ штурманъ и повернулся.

Недовольный пассажиръ настолько не пріобрѣлъ морскаго опыта, чтобы знать, что тутъ не помогутъ никакіе вопросы и никакіе разговоры даже съ самимъ капитанамъ, еслибы его можно было видѣть. Онъ сердито повернулся и пошелъ опять въ каюту.

— Вы чѣмъ-то недовольны, милѣйшій Бенксъ? Надѣюсь, вы спали хорошо? раздался около него ласковый голосъ:—или васъ раздосадовалъ поворотъ корабля? Въ открытомъ морѣ качаетъ сильнѣе.

— Это и раздосадовало меня, рѣзко отвѣчалъ Бенксъ.—Мы повернули и не зайдемъ въ Мазатланъ. Это просто скандалъ! Я хочу поговорить съ капитаномъ, я буду жаловаться... У меня въ Мазатланѣ дѣла... я жду писемъ... я...

— Дѣла—пустяки, милѣйшій мой! продолжалъ тотъ же голосъ.—Успѣете заняться своими дѣлами, когда пріѣдете въ Сан-Франциско. А письма тоже получите тамъ. Идемте на верхъ проститься съ Мексиканскимъ берегомъ... со страною Монтезумы и Пизарро. Идемте посмотрѣть на горный хребетъ, съ котораго Бальбоа смотрѣлъ на Тихій океанъ.

Этотъ новый собесѣдникъ, хотя былъ, очевидно, человѣкомъ болѣе привычнымъ къ морю, но одѣтъ точно также, какъ Бенксъ, въ самый неудобный на морѣ костюмъ. Его бѣлыя, узкія панталоны, кожаныя ботинки и наглухо застегнутый черный сюртукъ придавали ему видъ военнаго, чему вовсе, однако, не соотвѣтствовали откинутые воротнички рубашки, небрежно повязанный на шеѣ шолковый платокъ и гладко выбритое круглое, миролюбивое лицо.

Его прямые черные волосы, лоснящіеся точно отъ недавняго купанья, были откинуты назадъ и тщательно заложены за уши. Они висѣли тяжелой, полукруглой бахромой на его затылкѣ, гдѣ обыкновенно торчала высокая шляпа, сдвинутая назадъ, для того чтобы выставить на показъ его высокій лобъ. Когда онъ сѣлъ въ Каллао на Эксцельсіоръ, то по его твердой походкѣ на сходнѣ спутники его тотчасъ же вывели заключеніе, что онъ, должно быть, военный; но, встрѣтившись съ нимъ за обѣдомъ, они, глядя на его грудь и плечи, напоминающія методиста, вздумали просить его прочесть молитву. Къ довершенію всеобщаго недоумѣнія, его называли „сеньоромъ“ Перкинсомъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что онъ совершенно свободно говорилъ по испански.

Держась за мачту, онъ, какъ ораторъ, указалъ рукою на удаляющійся берегъ.

— Взгляните, сэръ. Эта одна изъ лучшихъ странъ, когда либо созданныхъ Творцомъ небеснымъ; страна съ молочными рѣками и кисельными берегами; страна, гдѣ въ одной этой цѣпи горъ заключаются продукты трехъ различныхъ поясовъ, но въ ней, тѣмъ не менѣе, живетъ угнетенный и подавленный народъ, и она полна заговорами, предразсудками, тиранiей и политическими смутами.

— Все это очень хорошо, съ досадой сказалъ Бенксъ:—но только Мазатланъ очень извѣстный комерческій портъ, съ англійскими и американскими агентами. Тамъ есть отдѣленіе бостонской фирмы Питтеръ, Поттсъ и Поттеръ. Пароходы новой компаніи останавливаются въ немъ правильно.

Кроткіе черные глаза сеньора Перкинса, точно случайно, обратились на минуту на штурмана, но затѣмъ онъ засмѣялся и вдохнулъ полной грудью соленый морской воздухъ.

— Ахъ! съ восторгомъ вскричалъ онъ:—Это лучше всѣхъ вашихъ дѣлъ на болотистыхъ берегахъ. Откройте-ка ротъ, и постарайтесь вобрать въ себя побольше чуднаго тихоокеанскаго воздуха. Развѣ не восхитительно?

— Гдѣ капитанъ? съ нескрываемымъ раздраженіемъ крикнулъ Бенксъ:—Я хочу его видѣть.

— Капитанъ, снисходительно улыбаясь и понижая голосъ, отвѣчалъ сеньоръ Перкинсъ:—кажется, страдаетъ отъ чрезмѣрнаго проявленія гостепріимства своихъ пасажировъ, и находится у себя въ каютѣ. Капитанъ этотъ, славный малый,—задумчиво продолжалъ Перкинсъ:—отличный мореплаватель и человѣкъ въ высшей степени внимательный къ своимъ пассажирамъ. Я непремѣнно предложу поднести ему благодарственный адресъ.

— Но если онъ сидитъ, запершись у себя въ каютѣ, такъ кто же отдалъ приказаніе?.. сердито началъ Бенксъ.

Сеньоръ Перкинсъ успокоительно поднялъ свою маленькую выхоленную руку.

— Позвольте, милѣйшій мой, не можетъ же капитанъ быть вездѣсущимъ. Нѣкоторыми правами несомнѣнно пользуются и другіе офицеры. Они, вѣроятно, знаютъ его желанія и намѣренія лучше насъ. Вы, дѣльцы, слишкомъ тревожитесь всякими пустяками, надо философски смотрѣть на вещи. Я, съ своей стороны, совершенно довѣряюсь этимъ людямъ. Я сажусь на пароходъ или въ вагонъ съ полнымъ довѣріемъ, и говорю себѣ: „этотъ капитанъ или этотъ кондукторъ—лицо отвѣтственное, избранное съ цѣлью заботы о моей безопасности и моихъ удобствахъ; они съумѣютъ лучше меня самого позаботиться обо мнѣ. Они безпокоятся о насъ, проводятъ дни и ночи въ заботѣ и везутъ насъ къ назначенію. Зачѣмъ же тревожиться мнѣ самому? Вѣдь я могу помочь имъ только полнымъ пассивнымъ повиновеніемъ. Зачѣмъ же...

Но тутъ онъ былъ прерванъ сильнымъ наклономъ Эксцельсіора и женскимъ возгласомъ, не то отъ испуга, не то отъ смѣха, быстрымъ топотомъ маленькихъ ножекъ по скользкой палубѣ и внезапнымъ появленіемъ хорошенькаго личика.

Онъ въ ту же минуту забылъ свою философію, а товарищъ его—свои дѣла. Оба они бросились на помощь къ хорошенькой дѣвушкѣ, хотя та держалась уже за перила.

— Миссъ Кинъ! воскликнули мужчины.

— Ахъ, Боже мой! Извините, пожалуйста, сказала молодая дѣвушка, краснѣя отъ желанія засмѣяться и отъ смущенія.—Въ каютѣ мнѣ показалось такъ душно; думая, что на верхъ взойти легко, я и вышла, а вдругъ очутилась, точно на покатой крышѣ.

— Но теперь смѣлость ваша будетъ вознаграждена, сказалъ сеньоръ, любезно помогая ей сѣсть на подвинутый имъ диванчикъ.—Тутъ вы въ безопасности, и полюбуйтесь, что за чудная картина. Смотрите, какъ восходитъ солнце.

Молодая дѣвушка посмотрѣла широко открытыми глазами на разстилавшееся передъ нею необозримое море, и съ восторгомъ, смѣнившимъ смущенную улыбку, полуоткрыла ротикъ. Появившіеся лучи солнца, освѣтивъ бѣлые хребты волнъ, окрасили весь океанъ въ розоватый цвѣтъ; темныя же части волнъ казались гранатными. Вода не перестала казаться жидкостью, и невольно являлась мысль, что волны, ударяясь о бортъ корабля, распадутся со звономъ, какъ стекло.

— Точно Синбадская Брильянтовая долина! благоговѣйнымъ шопотомъ сказала молодая дѣвушка.

— Это—боковое волненіе въ Калифорнскомъ заливѣ, какъ говоритъ штурманъ, практически замѣтилъ Бенксъ:—но я не понимаю, зачѣмъ мы...

— Калифорнскій заливъ! повторила молодая дѣвушка, и на лицѣ ея появилась тѣнь неудовольствія: — такъ развѣ мы уже близко...

— Не къ Калифорніи, прервалъ Перкинсъ:—о которой вы думаете, а къ Калифорнскому полуострову, который составляетъ часть Мексики. Онъ кончается мысомъ св. Луки, миль за сто отсюда; но намъ еще далеко до Сан-Франциско: этотъ городъ—въ верхней Калифорніи. Кажется, вы не такъ спѣшите кончить путешествіе, какъ другъ нашъ, мистеръ Бенксъ? съ отеческой простотой прибавилъ онъ.

Лицо миссъ Кинъ просіяло, но она тотчасъ же смутилась.

— Мнѣ скучно не было, поспѣшно прибавила она, и затѣмъ, желая перемѣнить разговоръ, промолвила:—Что это за полуостровъ? Я помню, что въ школѣ онъ у насъ былъ на картѣ.

— Это не важный полуостровъ, положительно заявилъ Бенксъ.—На немъ нѣтъ такого города, о которомъ вамъ приводилось бы слышать. Это нѣчто въ родѣ дикой пустыни.

— Я съ вами не согласенъ, серьезно возразилъ Перкинсъ.— Вдоль берега лежитъ нѣсколько мексиканскихъ поселеній, и страна несомнѣнно очень плодородна. Впрочемъ, можетъ быть, вамъ самимъ приведется какъ нибудь удостовѣриться въ этомъ, весело прибавилъ онъ.—Если мы не остановились въ Мазатланѣ, то можемъ зайти за водой въ какое нибудь изъ этихъ мѣстечекъ. Всѣ они — на нашемъ пути, и мы выгадаемъ три дня, которые потеряли бы зайдя въ Мазатланъ. Такъ думаетъ,—отвѣчалъ онъ на недовольный вопросительный взоръ Бенкса: — нашъ капитанъ, надо предполагать. — Онъ засмѣялся, и весело продолжалъ:— Но къ чему намъ дѣлать предположенія? Къ чему портить себѣ сюрпризъ, вѣроятно, подготовленный намъ капитаномъ? Я пытался успокоить своей философіей этого дѣльца, миссъ Кинъ, но онъ неисправимъ,—и въ настоящую минуту сокрушается, лишившись возможности получить послѣднія новыя извѣстія изъ Мазатлана и узнать биржевой курсъ, вмѣсто того, чтобы благодарить судьбу за лишній день свободы на чудномъ морскомъ воздухѣ.

Продолжая улыбаться, онъ еще больше распустилъ свой совершенно свободно завязанный галстукъ, еще болѣе вытянулъ свои байроновскіе воротнички и расправилъ грудь, вдыхая морской воздухъ. Въ настоящемъ случаѣ, дѣйствительно, можно было восторгаться пробужденіемъ природы отъ сна.

Не смотря, однако, на это, глаза миссъ Кинъ безпрестанно переходили съ разстилавшагося передъ нею морскаго вида на лѣстницу, ведущую въ пассажирскія каюты. Вдругъ она особенно пристально стала разсматривать освѣщенное море, и вслѣдъ за этимъ надъ палубой показались голова и плечи подходившаго къ маленькому обществу молодаго человѣка. Онъ очень удивился, увидавъ тутъ миссъ Кинъ въ такой ранній часъ, а миссъ Кинъ удивилась его раннему появленію, хотя феноменъ этотъ происходилъ каждый день въ продолженіе трехъ недѣль. Оба свидѣтеля, какъ прежде, такъ и теперь, поняли эту комедію и, сказавъ для приличія нѣсколько словъ, удалились, оставивъ молодыхъ людей однихъ.

Неловкость и смущеніе, которые они обыкновенно чувствовали въ началѣ своихъ бесѣдъ, сегодня продолжались нѣсколько долѣе обыкновеннаго.

— Оказывается, что мы не заходимъ въ Мазатланъ, сказала наконецъ миссъ Кинъ, не отрывая глазъ отъ моря.

— Не заходимъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Я узналъ это еще внизу, въ каютѣ, и это извѣстіе произвело тамъ взрывъ

негодованія. Кажется, Маркгемъ хочетъ снарядить депутацію и отправить ее къ капитану. Должно быть, помощникъ капитана или лицо, управляющее кораблемъ, рѣшило, что мы и безъ того потеряли слишкомъ много времени, и ведетъ судно прямой линіей на мысъ св. Луки. Этимъ мы выгадываемъ четыре дня. Вамъ, кажется, это все равно, миссъ Кинъ, не такъ ли?

— Мнѣ? все равно! живо отвѣчала дѣвушка.

— Жаль, нерѣшительно проговорилъ молодой человѣкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А вамъ плаваніе это надоѣло? спросила она.

— Нѣтъ, прямо отвѣчалъ онъ:—но это дало бы намъ четыре лишнихъ дня... четыре дня, которые мы могли бы провести вмѣстѣ...

Онъ остановился, сильно покраснѣвъ. Наступило молчаніе, и съ другой стороны палубы чуть слышно доносились голоса разсуждавшихъ о политикѣ—Перкинса и Бенкса. Миссъ Кинъ засмѣялась.

— Мы еще такъ далеко отъ Сан-Франциско, что вы, пожалуй, перемѣните ваши воззрѣнія.

— Никогда! съ жаромъ вскричалъ онъ.

Какъ бы въ подтвержденіе своего возгласа, онъ подвинулся къ ней. Она украдкой взглянула на мужчинъ, толковавшихъ о политикѣ, и незамѣтно отодвинулась.

— Знаете,—вдругъ сказала она, такъ очаровательно улыбаясь, точно хотѣла искупить свое движеніе:—мнѣ иногда не вѣрится, что я ѣду въ Сан-Франциско. Не знаю, почему не вѣрится, но я не могу представить себя тамъ.

— Я бы желалъ, чтобы вы могли представить себя тамъ, потому что ѣду туда же, отвѣчалъ онъ.

Точно не замѣчая значенія его словъ, она серьезно поклонилась ему.

— Во мнѣ ощущеніе это до такой степени сильно, что я становлюсь суевѣрной. Во время страшной бури, пережитой нами послѣ выхода изъ Каллао, я думала, что это ощущеніе было предчувствіемъ нашей общей гибели.

— Еслибы мы потонули всѣ вмѣстѣ, сказалъ онъ:—я бы не считалъ этого очень большимъ несчастіемъ. Я хорошо помню эту бурю, миссъ Кинъ. И помню...

Онъ остановился.

— Что? спросила она, поднимая въ первый разъ свои улыбающіеся глаза на его серьезное лицо.

— Я помню, что просидѣлъ всю ночь у вашей каюты, съ пробковой курткой и разными спасательными снарядами для васъ.

Я рѣшилъ скорѣе умереть, чѣмъ довѣрить васъ этимъ разбойникамъ-матросамъ.

— Какъ же могли вы не довѣрить меня? снисходительно улыбаясь, спросила миссъ Кинъ.

— Не знаю, какъ, краснѣя, отвѣчалъ онъ:—но я привязалъ бы васъ къ какому нибудь чурбану и поплылъ бы вмѣстѣ съ вами къ берегу или къ острову.

— А бѣдняжекъ, миссъ Маркгемъ и Бриммеръ, вы оставили бы на рукахъ этихъ разбойниковъ?—улыбаясь, сказала миссъ Кинъ.

— Ну, кто нибудь позаботился бы о Маркгемъ; а Бриммеръ не согласилась бы плыть съ человѣкомъ мало знакомымъ. Впрочемъ, къ чему объ этомъ говорить! съ досадой прибавилъ онъ.— Ничего не случилось и ничего не случится. Вы будете въ Сан-Франциско, хотя бы и не увидѣли меня тамъ. Вы ѣдете къ богатому брату, миссъ Кинъ, у котораго свой кругъ знакомыхъ, и который вниманія не обратитъ на бѣдняка, вашего случайнаго спутника, не принадлежащаго къ кругу знакомыхъ мистрисъ Бриммеръ, и не участвующаго въ торговыхъ дѣлахъ мистера Бенкса.

— Вы не знаете моего брата, мистеръ Бресъ.

— И вы его не знаете, миссъ Кинъ.. Вы еще вчера вечеромъ говорили, что едва его помните.

Молодая дѣвушка вздохнула.

— Я была еще очень мала, когда онъ поѣхалъ на западъ, сказала она:—но все таки могу сказать, что помню его. Я знаю только, что онъ будетъ радъ, когда услышитъ, что мнѣ было хорошо на кораблѣ, и вѣрно пожелаетъ познакомиться съ тѣми, кто былъ ко мнѣ такъ внимателенъ.

— Такъ вамъ было хорошо?

— Да, очень.—Она обернулась, и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на выходъ изъ каюты:—Всѣ были ко мнѣ такъ внимательны.

— И вы признательны всѣмъ.

— Всѣмъ.

— Одинаково?

Корабль въ это время вдругъ покачнулся, и миссъ Кинъ невольно, какъ бы хватаясь за воздухъ, подняла свою маленькую ручку, прежде лежавшую на спинкѣ диванчика, между собою и собесѣдникомъ.

Молодой человѣкъ схватилъ эту ручку.

— Одинаково? повторилъ онъ съ притворнымъ шутливымъ смѣхомъ, скрывавшимъ тревогу.—Одинаково, начиная отъ сладкаго сеньора Перкинса, который всѣмъ улыбается, и кончая мрачнымъ мистеромъ Чарльстономъ, который никому не улыбается.

Она быстро отдернула руку и встала.

— Я слышу запахъ завтрака, смѣясь, сказала она.—Не ужасайтесь, мистеръ Бресъ, но я страшно голодна.—Она взяла его подъ руку:—Помогите мнѣ сойти въ каюту.

II.

Общая каюта Эксцельсіора была очень велика, сравнительно съ объемомъ судна, и отдѣлана лучше, чѣмъ вообще отдѣлывались въ тѣ времена каюты. Черезъ небольшія окна, солнце освѣщало чисто и хорошо накрытый для завтрака столъ; и только устроенныя на столѣ перегородки для стеклянной и фаянсовой посуды и отсутствіе слабыхъ путешественницъ доказывали, что Калифорнскій заливъ даетъ себя чувствовать. Да и присутствующіе пассажиры казались утомленными и недовольными, вслѣдствіе чего разговоръ не клеился и ограничивался короткими вопросами и отвѣтами. Мистеръ Винслау не могъ выбриться, а миссъ Маркгемъ, одѣваясь у себя въ каютѣ, открыла окно, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ, но тотчасъ же пострадала отъ вторженія Тихаго океана, и принуждена была звать кого нибудь къ себѣ на помощь и переодѣться. Джекъ Кросби, одѣвшійся для перехода черезъ экваторъ въ бѣлый легкій костюмъ, дрожалъ отъ свѣжаго сѣверо-западнаго вѣтра и горевалъ, что ему не удалось купить дешевыхъ сигаръ въ Мазатланѣ. Появленіе миссъ Кинъ точно внесло съ собой струю чистаго воздуха и привело мужчинъ въ нѣкоторое смущеніе.

Только одинъ Перкинсъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Онъ уже сидѣлъ за столомъ между двумя бѣлокурыми дѣвочками Бриммеръ, за отсутствіемъ ихъ матери великодушно исполняя родительскія обязанности и накладывая имъ кушанья, и велъ политическій разговоръ съ мистрисъ Маркгемъ.

— Ахъ, моя дорогая, говорилъ онъ, намазывая на горячій сухарь масла и жидкаго меду для младшей Бриммеръ:—я право боюсь, что вы, съ свойственнымъ женщинамъ увлеченіемъ, готовы говорить противъ расы, которую мы по какому-то предубѣжденію считаемъ неспособною къ самоуправленію. Это скорѣе можно было сказать о туземцахъ стараго свѣта. Негры же между нашимъ экипажемъ...

— Они черезчуръ черны, и у нихъ предательскій видъ, возразила Маркгемъ.

— Въ этомъ я не могу съ вами согласиться и скажу, что

типъ бѣлокурыхъ англо-саксонцевъ—уже не говоря о подлыхъ грекахъ—принадлежитъ къ самымъ предательскимъ расамъ. Намъ и въ голову не придетъ, какимъ можно быть обманщикомъ и предателемъ...

— Вы не обманщикъ, а хорошій человѣкъ, перебила его маленькая Бриммеръ, нѣжно глядя на сухарь.

— Благодарю васъ, миссъ, сладко улыбаясь, сказалъ сеньоръ;— но возвратимся къ нашимъ темнымъ друзьямъ. Они, мистрисъ Маркгемъ, принадлежатъ къ древнему азіатскому типу цивилизаціи, уже выродившемуся и впавшему въ варварство, тогда какъ туземцы Новаго свѣта, нынѣ существующіе, никогда не знали его... или выродились подобно ацтекамъ. Новѣйшій же сѣверо-американскій туземецъ еще не выродился, и съ примѣсью кавказской крови, какъ мы видимъ въ туземцахъ Мексики и центральной Америки, онъ безусловно способенъ къ самоуправленію.

— Такъ отчего же онъ не можетъ добиться его? спросила Маркгемъ.

— Оттого, что онъ всегда находился въ угнетеніи у колонистовъ латинской расы; онъ былъ нѣчто въ родѣ раба въ послѣднія два столѣтія,—прибавилъ сеньоръ, слегка сверкнувъ своими кроткими глазами.

— Кто же мѣшаетъ имъ освободиться? замѣтилъ Кросби.

— Для освобожденія нужно все таки общее сочувствіе, продолжалъ сеньоръ.—Ахъ, дорогая мистрисъ Маркгемъ, еслибы они могли разсчитывать на интеллигентное сочувствіе такихъ женщинъ, какъ вы,—ихъ дѣло было бы выиграно. Вы только представьте себѣ, какъ можно было бы справедливо гордиться своимъ участіемъ въ такомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ созданія идеальной американской республики:—вѣдь тогда создалась бы республика одной крови, одной вѣры, одной исторіи.

— Что это? старикъ опять закусилъ удила? шопотомъ проговорилъ Кросби.—Вотъ уже двѣ недѣли, какъ онъ проповѣдуетъ намъ независимость центральной Америки... Въ это время наши негры могли бы устроить уже полдюжины революцій.

— Полноте! сказала миссъ Клоссъ:—онъ такой добрый. Посмотрите на него, какъ онъ снимаетъ переднички съ дѣтей и вытираетъ ихъ. Онъ обращается съ ними лучше ихъ няни и, конечно, разумнѣе матери. И разговоръ съ Маркгемъ онъ ведетъ только ей въ угоду, такъ какъ она считаетъ себя большимъ политикомъ. Онъ старается всѣмъ угодить.

— Это вѣрно, вскричалъ Бресъ, желая поддержать мнѣніе миссъ Клоссъ:—и какъ онъ ласковъ съ неграми-матросами. Я пра-

во не знаю, какъ капитанъ справился бы безъ него; онъ одинъ только и умѣетъ лепетать на ихъ языкѣ и успокоивать ихъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ совершенно спокойно пошелъ къ нимъ, когда они ссорились. По моему мнѣнію, продолжалъ молодой человѣкъ, понижая голосъ:—вы узнаете, выдя на берегъ, что онъ останавливалъ нѣсколько разъ начало рѣзни между ними.

— Я думаю, что краснорѣчіемъ своимъ онъ можетъ увлечь только женщинъ, сказалъ Винслау.—По моему мнѣнію, онъ, должно быть, или шкиперъ, или нѣчто въ родѣ моряка. Я въ этомъ убѣдился, когда, во время качки, онъ подставлялъ дамамъ чашки. Въ этомъ движеніи онъ явился настоящимъ спеціалистомъ.

— Не потому ли вы такъ поспѣшно и ушли тогда внизъ? спросилъ Брессъ, начиная горячиться.

— Сегодня стыдно сидѣть въ каютѣ, заявила миссъ Клосъ, инстинктивно понимая причины разлада и желая устранить ихъ:— Я пойду на палубу, если только смогу.

Трое мужчинъ вскочили, чтобы помочь ей, и стараніе сохранить равновѣсіе заставило ихъ прекратить споръ.

Къ полудню боковая качка прекратилась; Эксцельсіоръ сталъ равномѣрно подниматься и опускаться по отлогимъ обычнымъ волнамъ Тихаго океана; пассажиры высыпали на верхъ. Даже Бриммеръ и миссъ Чебъ вышли изъ своихъ каютъ и были очень важно посажены на импровизированный диванъ изъ подушекъ и пледовъ. Даже въ такой маленькой республикѣ равноправныхъ пассажировъ, не демократическій и любящій отличіе полъ съумѣлъ создать для себя позорныя привилегіи. Миссъ Бриммеръ, какъ дочь богатаго бостонца, сестра знаменитаго адвоката и жена счастливаго сан-франциссказо купца, имѣвшаго паи на владѣніе Эксцельсіоромъ, была признана первымъ лицомъ, и въ качествѣ перваго лица пользовалась то особымъ вниманіемъ, то ненавистью. Пассажиры другаго пола смотрѣли на Бриммеръ, какъ на хорошенькую женщину, умѣвшую при случаѣ пускать въ ходъ свои темные, съ длинными рѣсницами, глаза. Такой же хорошенькой они считали и миссъ Чебъ, пріятельницу и спутницу ея.

Между Маркгемъ, миссъ Кинъ и двумя пріятельницами хотя и не было открытой ненависти, но положительно существовало соперничество. Миссъ Кинъ была единогласно признана красавицей Эксцельсіора, чему не возражала даже Бриммеръ и ея пріятельница. Точно также всѣми единогласно было признано умственное превосходство мистрисъ Маркгемъ.

— Маркгемъ такъ умна, что я съ удовольствіемъ слушаю ваши бесѣды съ нею, говорила Бриммеръ сеньору Перкинсу:—хотя

сама и не рискую говорить съ нею. Она точно читаетъ лекціи... и, можетъ быть, пустится на это поприще въ Калифорніи. Милая Клариса, прибавила она, обращаясь къ миссъ Чебъ:—не напоминаетъ ли она вамъ ту гувернантку тёти Винтронъ, которую мы чуть было не взяли въ Парижъ, но отказали за ея дурной выговоръ.

По случаю перехода черезъ экваторъ, на Эксцельсіорѣ были устроены живыя картины, въ которыхъ принимали участіе: изображавшая Калифорнію миссъ Кинъ въ платьѣ бѣлаго цвѣта съ голубымъ, сеньоръ Перкинсъ, явившійся Нептуномъ, Маркгемъ—Амфитридой, Бриммеръ—Массачузетсомъ и миссъ Чебъ—Нью-Іоркомъ. Бриммеръ громко восторгалась, при этомъ, красотой миссъ Кинъ.

Въ настоящее утро Бриммеръ раздѣляла неудовольствіе Бенкса, что Эксцельсіоръ не зашелъ въ Мазатланъ. Она дала ему даже мѣсто около себя на подушкахъ и задумчиво высказала предположеніе, что мужъ ея будетъ огорченъ болѣе, чѣмъ она.

— Знаете, говорила она:—у Бриммера есть корреспонденты въ Мазатланѣ, и онъ несомнѣнно распорядился, чтобы тамъ былъ сдѣланъ намъ особенный пріемъ. И если, какъ я имѣю основанія бояться, тамошнія власти, зная его положеніе и мои связи, приготовились выразить намъ свою любезность, то дѣло можетъ принять несовсѣмъ пріятный оборотъ. Въ портѣ, кажется, есть командиръ, генералъ? Мужъ мой что-то говорилъ о немъ.

— Онъ навѣрное уже давно разстрѣлянъ, шутя, замѣтилъ Кросби.—Послѣ каждой революціи, обыкновенно назначается новое лицо. Если верхъ одержала противная партія, то корреспондентъ вашего мужа, вѣроятно, погибъ. Не мудрено, что капитанъ пронюхалъ о чемъ нибудь подобномъ и потому не зашелъ въ портъ. Еслибы вашъ мужъ не былъ такимъ извѣстнымъ лицомъ, мы незамѣтно проскользнули бы туда.

Бриммеръ выслушала эту рѣчь съ тонной снисходительностью, съ какой обыкновенно слушала Кросби.

— Вы серьезно такъ думаете, Кросби? и неужели побоялись бы выйти изъ вашей коюты?.. или вы шутите? Я никогда не могу васъ понять. Вѣдь это было бы ужасно!..

Миссъ Чебъ, съ свойственнымъ ей тактомъ, не дала Кросби времени отвѣтить.

— Что это? сказала она, указывая на нѣсколькихъ пассажировъ, стоявшихъ около помощника капитана и о чемъ-то съ жаромъ разсуждавшихъ.—О чемъ они толкуютъ. Подите, узнайте.

Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ Винслау отдѣлился отъ кучки и подошелъ къ нимъ.

— Вотъ такъ штука! сказалъ онъ.—Чарльстонъ пропалъ. Нигдѣ его не найдутъ! Они думаютъ, что онъ свалился за бортъ.

Крики ужаса, вырвавшіеся изъ груди Бриммеръ и Чебъ, отвлекли всеобщее вниманіе отъ внезапной блѣдности, покрывшей лицо миссъ Кинъ, невольно подошедшей къ нимъ.

— Не можетъ быть! прошептала она.

— Надо думать, что это такъ, подтвердилъ Бресъ, подошедшій вслѣдъ за Винслау:—хотя, прибавилъ онъ шопотомъ, и сердито взглянувъ на послѣдняго:—этому скоту не слѣдовало бы такъ всѣхъ пугать. Корабль опять начали обыскивать, но, кажется, надежды нѣтъ. Его не видно уже со вчерашняго вечера. Сначала думали, что онъ у себя въ каютѣ... никто его не хватился... Вы знаете, какой онъ былъ странный и молчаливый... Его хватились только, когда прислуга заявила, что его нѣтъ, и тутъ всѣ вспомнили, что не видали его цѣлый день. Какъ вы испугались, миссъ Кинъ, садитесь. Какой неосторожный этотъ Винслау.

— Всего ужаснѣе, что никто этого не зналъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала молодая дѣвушка:—что мы сидѣли тутъ, смѣялись и болтали, а онъ, можетъ, быть... Господи! что это такое?

Раздался грубый приказъ; нѣсколько матросовъ бросились къ шлюпкѣ.

— Спускаютъ шлюпку, вотъ и все; только это безполезно, сказалъ Бресъ.—Несчастіе должно быть случилось до зари, иначе вахтенный замѣтилъ бы. Вѣроятно, это было задолго передъ тѣмъ, какъ мы вышли на верхъ, тихо прибавилъ онъ:—поэтому успокойтесь, миссъ Кинъ, вы не могли этого видѣть.

— Не ужасно ли, прошептала дѣвушка:—что его даже не хватились. Но вѣдь вы-то, вдругъ прибавила она, поднявъ на Бреса свои кроткіе глаза:—должны были замѣтить его отсутствіе; и отчего это я...

Она остановилась въ смущеніи, никѣмъ не замѣченномъ вслѣдствіе возгласа Винслау:

— Капитана, наконецъ, откуда-то выудили, и онъ даетъ приказанія. Однако онъ и сегодня не похожъ на человѣка, сознательно управляющаго кораблемъ, прибавилъ онъ при видѣ коренастаго, сѣдоватаго господина съ припухшимъ лицомъ и глазами, и съ сиплымъ пьянымъ голосомъ, раздававшимся посреди матросовъ, стоявшихъ у колеса.—Кажется, онъ проклинаетъ свою судьбу, что ему приходится остановиться и не воспользоваться попутнымъ вѣтромъ.

— Но вѣдь это ради спасенія жизни человѣческой! вскричала Маркгемъ.

— Онъ очень хорошо знаетъ, что, спустивъ теперь лодку, ничьей жизни не спасешь. Онъ дѣлаетъ это для виду, чтобы успокоить васъ, дамъ, а иначе вы поднимете настоящій гвалтъ.

— Такъ вы увѣрены, что онъ потонулъ? со слезами на глазахъ, сказала миссъ Кинъ.

— Въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, отвѣчалъ Винслау.

— Я съ вами не могу согласиться, проговорилъ сладкозвучный голосъ.

Всѣ быстро повернулись къ благочестивому лицу сеньора Перкинса, только что подошедшаго къ нимъ.

— Я не согласенъ съ моимъ молодымъ другомъ, любезно продолжалъ сеньоръ:—потому что несчастіе, вѣроятно, произошло на разсвѣтѣ, когда мы были у самаго берега. Хорошій пловецъ могъ вплавь достигнуть берега, или же,—прибавилъ онъ, видя что глаза миссъ Кинъ засіяли надеждой:—его могли принять на проходившее судно. Въ это время, между нами и берегомъ виднѣлся дымъ большаго парохода.

— Парохода! съ жаромъ вскричалъ Бенксъ:—это былъ пароходъ новой компаніи, съ почтой. Какъ досадно!

Онъ жалѣлъ о неполученныхъ имъ письмахъ. Миссъ Кинъ отвернулась. Ей былъ противенъ этотъ эгоизмъ.

— Мнѣ кажется, что сеньоръ правъ, миссъ Кинъ, сказалъ Бресъ, отходя съ нею въ сторону:—и знаете, почему я такъ думаю? Онъ не оставилъ послѣ себя ничего цѣннаго и ничего, имѣющаго какое либо значеніе. Еслибы онъ хотѣлъ лишить себя жизни, то оставилъ бы письмо. Онъ, вѣроятно, бросился, чтобы вплавь достигнуть берега.

— Но зачѣмъ же онъ хотѣлъ непремѣнно сойти съ корабля? спросила дѣвушка.

— Можетъ быть, онъ увидалъ, что мы не заходимъ въ Мазатланъ, а ему необходимо было поспѣть туда. Бросился онъ, конечно, въ тотъ моментъ, когда Эксцельсіоръ поворачивался отъ города.

Молодой человѣкъ многозначительно посмотрѣлъ на нее.

— Можетъ быть, у него были причины не ѣхать въ Сан-Франциско, гдѣ наши законы очень строги. Предположите, что онъ совершилъ какое нибудь преступленіе? что онъ боялся быть узнаннымъ и схваченнымъ?

Дѣвушка приподнялась съ негодованіемъ.

— Это просто позоръ! Кто рѣшается говорить такимъ образомъ?

Бресъ весь вспыхнулъ:

— Какъ кто? всѣ, проговорилъ онъ:—весь корабль говоритъ это.

— Такъ ли? И, не зная хорошенько, живъ онъ или нѣтъ, или борется еще со смертью, люди не находятъ ничего лучшаго, какъ марать его репутацію? вскричала она, сверкая глазами.

— Я поступилъ хуже этихъ людей, краснѣя отъ негодованія, отвѣчалъ онъ.—Мнѣ слѣдовало помнить, что я говорю съ его защитницей. Извините, пожалуйста.

Онъ повернулся, а миссъ Кинъ молча прошла по другую сторону палубы и начала говорить съ Маркгемъ.

Она скоро убѣдилась, что весь корабль раздѣлялъ мнѣніе Бреса, но только слабая половина рода человѣческаго давала больше простора воображенію, и твердо рѣшила, что все несчастіе произошло отъ какой нибудь женщины. По приказанію капитана, каюта несчастнаго пассажира была заперта, и на замокъ наложена печать, которую должны были сломать сан-францисскія власти. Одинъ только Перкинсъ оставался по прежнему спокойнымъ.

— Какъ всѣ мы были счастливы до этой минуты, сказала миссъ Кинъ, поднимая на сеньора свои кроткіе глаза:—и какъ жестоко пробудились отъ нашего блаженнаго покоя. Теперь я не могу отдѣлаться отъ мысли, что это—начало нашихъ бѣдствій. Господи! что это такое?

Она вздрогнула, увидавъ черное лицо одного изъ матросовъ, точно вдругъ выросшаго изъ-подъ пола.

— Сеньоръ Перкинсъ, сказалъ онъ, прикладывая руку къ своей непокрытой головѣ.

— Вы спрашиваете меня, мой милый? отеческимъ голосомъ сказалъ Перкинсъ.

— Si, сеньоръ; помощникъ капитана желаетъ видѣть патрона, отвѣчалъ онъ по испански.

— Сейчасъ приду.

Матросъ не уходилъ. Перкинсъ подошелъ къ нему ближе. Матросъ поднялъ на него глаза и сказалъ:

— Вигиленція.

— Хорошо, ласково отвѣчалъ сеньоръ:—Извините меня, я сейчасъ вернусь, обратился онъ къ дамамъ.

— Можетъ быть, вы узнаете что нибудь о бѣдномъ Чарльстонѣ! сказала миссъ Кинъ, инстинктивно начиная надѣяться.

— Почемъ знать? отвѣчалъ Перкинсъ, махнувъ рукой, и ве-

село уходя за своимъ провожатымъ. Надо всегда надѣяться на хорошее.

Ш.

Не сказавъ болѣе ни слова со своимъ спутникомъ, Перкинсъ дошелъ до главнаго люка, въ который оба они спустились и пошли по полутемной второй палубѣ. Тутъ они прошли мимо двухъ или трехъ человѣкъ, которые, узнавъ сеньора, смутились и отошли съ полуиспуганнымъ видомъ животныхъ при видѣ своего укротителя. У носоваго люка они снова спустились и прошли мимо человѣка, повидимому, поставленнаго внизу въ видѣ караульнаго, и вслѣдъ затѣмъ увидѣли группу, освѣщенную фонаремъ. Группа состояла изъ помощника капитана, штурмана, злобнаго матроса, перувіанца, и пропавшаго Чарльстона, сидѣвшаго на полу и закованнаго въ цѣпи.

— Разсказывай все, какъ было, Іото, сказалъ помощникъ капитана перувіанцу.

— Это было, патронъ, на зарѣ, еще раньше чѣмъ мы повернули, началъ матросъ по испански:—и мнѣ показалось, точно кто-то пробирался къ носовому люку; но я не обратилъ на это вниманія. Послѣ того какъ мы порѣшили повернуть, я услыхалъ здѣсь шорохъ. Я спустился и нашелъ *его*,—прибавилъ онъ, указывая на Чарльстона.—Онъ хотѣлъ тутъ спрятаться. Около него лежалъ вотъ этотъ свертокъ. Я схватилъ его, патронъ, а онъ сталъ отбиваться и ударилъ меня вотъ сюда—онъ указалъ на свою еще влажную перевязку—и непремѣнно бросился бы за бортъ, еслибы штурманъ не услыхалъ тутъ возни и какъ разъ во время не подоспѣлъ сюда.

— Что же онъ объясняетъ?

— Онъ отказывается говорить.

— Снимите съ него кандалы, сказалъ по англійски Перкинсъ.

— Однако... возразилъ штурманъ.

— Я сказалъ: снимите кандалы, сухимъ, строгимъ голосомъ повторилъ сеньоръ.

Матросъ и штурманъ сняли кандалы. Арестантъ поднялъ глаза на Перкинса. Это былъ худощавый мужчина лѣтъ тридцати, съ бѣлокурыми волосами и впалыми щеками. Его короткая верхняя губа не закрывала зубовъ, точно отъ частаго, тяжелаго дыханія; но черты лица были правильны, а большіе голубые глаза выражали смѣлость и кротость.

— Хорошо, тѣмъ же тономъ сказалъ сеньоръ. — Теперь оставьте меня съ нимъ.

Моряки посмотрѣли другъ на друга и не знали, что̀ имъ дѣлать; но, взглянувъ на Перкинса, тотчасъ же направились къ лѣстницѣ. Не поднялся только перувіанецъ.

— Отправляйтесь! рѣзко сказалъ сеньоръ.

Матросъ злобно посмотрѣлъ на молодаго человѣка и вышелъ, ворча.

— Сказалъ ли онъ вамъ, началъ молодой человѣкъ, печально глядя вслѣдъ за матросомъ:—что я хотѣлъ подкупить его, чтобы онъ меня отпустилъ, но не могъ? Онъ просилъ слишкомъ много. Онъ думалъ, что у меня тутъ краденныя деньги или вещи, прибавилъ онъ горько усмѣхаясь и указывая на свертокъ, лежавшій подлѣ него.

— А у васъ нѣтъ денегъ? просто сказалъ Перкинсъ.

— Нѣтъ.

— Я вамъ вѣрю. А теперь, милый другъ мой, сказалъ Перкинсъ своимъ обычнымъ сладкимъ голосомъ:—такъ какъ помощникъ капитана, штурманъ и матросъ ушли, то не скажете ли вы мнѣ, почему хотѣли спрятаться?

Молодой человѣкъ поднялъ глаза на сеньора. Онъ жилъ въ продолженіе трехъ недѣль въ тѣсномъ кружкѣ, замѣтнымъ членомъ котораго былъ Перкинсъ, но теперь едва узналъ его.

— А что если я откажусь сказать? проговорилъ онъ.

Сеньоръ пожалъ плечами.

— Помощникъ капитана и штурманъ сочтутъ своимъ долгомъ свести перувіанца къ капитану и меня позовутъ въ качествѣ переводчика.

— А я брошусь за-бортъ при первой же возможности. Я сдѣлалъ бы это десять минутъ тому назадъ, но меня удержали.

Глаза его сверкнули такъ рѣшительно, что нельзя было сомнѣваться въ его словахъ.

— Я увѣренъ, что вы сдѣлали бы это, снисходительно сказалъ Перкинсъ;—но не вижу теперь въ этомъ ни малѣйшей надобности, въ особенности, если вы будете такъ добры и научите, что̀ мнѣ говорить?

Глаза молодого человѣка опустились.

— Я хотѣлъ спрятаться въ этомъ люкѣ, проговорилъ онъ,—и думалъ остаться тутъ, пока Эксцельсіоръ стоялъ бы въ Мазатланѣ. Я не зналъ, что корабль перемѣнилъ направленіе.

— А какъ, по вашему мнѣнію, объяснили бы ваше отсутствіе? ласково спросилъ Перкинсъ.

— Я думалъ, что его объяснятъ предположеніемъ, что я свалился за бортъ до прибытія нашего въ Мазатланъ.

— Такъ что лицо, которое стало бы тамъ искать, не нашло бы васъ, и васъ сочли бы погибшимъ?

— Да.—Онъ быстро поднялъ глаза на Перкинса:—Я не воръ и не убійца, почти внѣ себя сказалъ онъ:—но не хочу, чтобы меня узнали люди, которые знали прежде.

Перкинсъ посмотрѣлъ на него такъ пристально, точно хотѣлъ проникнуть въ его мысли.

— Другъ мой, весело сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія:—васъ спасла сама судьба. Повторяю—васъ спасла судьба. Будь я склоненъ къ пророчествамъ, то сказалъ бы, что вы предназначаетесь къ какому нибудь необыкновенно счастливому положенію въ жизни.

Молодой человѣкъ съ невольнымъ неудоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Вы настоящій лунатикъ. Извините меня, продолжалъ Перкинсъ, подавая руку:—вы, конечно, сами этого не знаете—люди, страдающіе этимъ недугомъ, по большей части не знаютъ объ этомъ или, по крайней мѣрѣ, не знаютъ размѣровъ своей болѣзни. У васъ она проявляется глубокой меланхоліей и боязнью общества. Въ припадкѣ лунатизма вы встали ночью, одѣлись и пошли ходить безсознательно по палубѣ; въ это время вы встрѣтили матроса, только что вышедшаго отсюда, который принялъ васъ за привидѣніе и хотѣлъ закричать, но корабль въ эту минуту сильно качнуло, и вы свалились въ открытый люкъ: отъ паденія вы лишились чувствъ и пролежали, пока васъ не нашли.

— И кто же повѣритъ такой исторіи? гнѣвно спросилъ молодой человѣкъ.

— Матросъ, который васъ нашелъ и который разсказалъ это мнѣ на своемъ животномъ нарѣчіи, затѣмъ въ свою очередь разскажетъ это капитану и пассажирамъ, ласково отвѣчалъ Перкинсъ.

— А что скажутъ двое служащихъ, бывшіе здѣсь? нерѣшительно спросилъ молодой человѣкъ.

— Это хорошіе служаки, охотно исполняющіе приказаніе своего начальства и слишкомъ хорошо понимающіе свои обязанности, для того чтобы оспаривать слова своего товарища, на основаніи которыхъ будетъ отдано приказаніе. Бруксъ, помощникъ капитана, очень умный и начитанный господинъ, но плохо знаетъ языки; Макъ-Карти знаетъ только нѣсколько испанскихъ фразъ, и не можетъ слѣдить за разсказомъ на этомъ языкѣ.

— А вы то кто же такой? болѣе спокойно сказалъ Чарльстонъ:—съ какой стати вы сдѣлаете это для незнакомаго вамъ человѣка?

— Я другъ, какъ вашъ, такъ и капитана, и другихъ пассажировъ, весело отвѣчалъ Перкинсъ.—Я вѣрю вамъ, сэръ; да еслибы и не вѣрилъ, то все таки не нахожу причины нарушать гармонію, установившуюся въ нашемъ маленькомъ обществѣ во время очаровательнаго плаванія. Случись какой нибудь скандалъ, удайся вамъ привести въ исполненіе ваше намѣреніе броситься за бортъ, то, не говоря уже о моемъ личномъ сожалѣніи, это произвело бы большое разстройство, которое никому не принесло бы пользы. Теперь же тайна ваша будетъ сохранена, потому что я даже не спрашиваю, въ чемъ она со стоитъ; мы по прежнему остаемся съ вами хорошими знакомыми, и почему же намъ не разстаться въ такихъ же хорошихъ отношеніяхъ?

Чарльстонъ посмотрѣлъ на Перкинса, и его добродушное лицо, съ минуту поколебался, и затѣмъ въ смущеніи протянулъ руку.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ:—благодарю, по крайней мѣрѣ, за то, что вы не спрашиваете моей тайны. Можетъ быть, еслибы это было только...

— Ваша тайна... то вы могли бы открыть ее, живо перебилъ Перкинсъ.—Понимаю и вижу, что вы признаёте мой принципъ. Никакой нѣтъ надобности вамъ принуждать себя къ откровенности. А теперь, мой другъ, время не терпитъ. Мнѣ надо сообщить о васъ вашимъ знакомымъ, которые ждутъ меня тамъ наверху, и я распоряжусь, чтобы васъ незамѣтно перевели въ вашу каюту, покуда почти всѣ пассажиры на верхней палубѣ. Еслибы вы позволили прислугѣ перевести васъ, какъ человѣка обезсиленнаго, это было бы еще лучше. Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что три часа, проведенные въ безсознательномъ состояніи, конечно, могли лишить васъ силъ. Доставьте мнѣ удовольствіе объявить о вашемъ избавленіи собравшимся на палубѣ пассажирамъ. Они страшно тревожатся.

— Сомнѣваюсь, иронически замѣтилъ Чарльстонъ.

— Вы къ намъ несправедливы, съ ласковымъ упрекомъ возразилъ Перкинсъ:—въ особенности несправедливы къ дамамъ.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ голосомъ помощника капитана, что̀, вѣроятно, и помѣшало Перкинсу замѣтить смущеніе Чарльстона.

Объясненіе съ помощникомъ было не продолжительно, затѣмъ Перкинсъ снова появился въ сопровожденіи двухъ человѣкъ прислуги.

— Обопритесь на этихъ людей, многозначительно сказалъ онъ Чарльстону:—и не надѣйтесь много на свои силы. Слава богу,

кости у васъ всѣ цѣлы, и вы только ошеломлены паденіемъ. Отдыхъ, я думаю, вамъ поможетъ настолько, что не придется прибѣгать къ аптекѣ. Вы можете теперь никѣмъ не замѣченнымъ добраться до вашей каюты.

Онъ пожалъ Чарльстону руку въ ту минуту, какъ прислуга повела или почти понесла его въ каюту. Перкинсъ остался немного позади и съ обычнымъ добродушіемъ смотрѣлъ вслѣдъ за нимъ. Вдругъ его кто-то нѣсколько грубо схватилъ за руку. Онъ обернулся и глаза его встрѣтились со злобнымъ взоромъ перувіанца.

— А чѣмъ же я буду удовлетворенъ? по испански сказалъ матросъ.

— Вы?

— Да, я. Кто мнѣ заплатитъ за это? онъ указалъ на перевязанную голову.

Не перемѣняя ласковаго выраженія, Перкинсъ пристально посмотрѣлъ на злобное лицо перувіанца. Глаза матроса опустились.

— Дорогой мой Іото, кротко сказалъ Перкинсъ:—я не думаю, чтобы вопросъ о личной непріятности могъ разбираться капитаномъ юридически. Впрочемъ, я объ этомъ подумаю. А пока позвольте посовѣтывать вамъ сдерживать свои порывы. Лишнее усердіе въ подчиненномъ хуже лѣни. Вообще же, сынъ мой, будь осторожѣ... и будь покоенъ. Намѣреніе у васъ было хорошее, и оно многое искупаетъ. До свиданія.

Онъ повернулся и пошелъ на верхнюю палубу. Тамъ пассажиры смутно волновались. Нѣсколько словъ, налету сказанныхъ помощникомъ капитана, произвели настоящій переполохъ. Появившійся Перкинсъ былъ тотчасъ же окруженъ и засыпанъ вопросами. Онъ разсказалъ, какой странный случай произошелъ съ Чарльстономъ, и добавилъ, что теперь ему надо только отдохнуть и больше ничего.

Извѣстіе это было встрѣчено мужчинами безъ особеннаго сочувствія и возбудило даже нѣсколько несовсѣмъ лестныхъ замѣчаній. Зато дамы готовы были бѣжать и до смерти замучить больнаго своими ухаживаніями. Происшествіе это произвело глубокое впечатлѣніе на женское воображеніе, и каждая изъ дамъ начала припоминать, что по ночамъ она слышала ходьбу и разговоры. Всего интереснѣе было сообщеніе бонны дѣтей Бриммеръ, Сусанны. Однажды ночью она была разбужена какими-то голосами и, тихонько пріотворивъ дверь, увидала фигуру, которую приняла сначала за Перкинса, но, какъ теперь убѣдилась, это былъ Чарльстонъ. Такъ какъ съ нимъ никого не было, то гово-

рилъ онъ, вѣроятно, одинъ, на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Припоминая потомъ слышанное ею, она уловила только одно слово... что-то въ родѣ женскаго имени, не то Виргинія... не то Виргиленція.

— Знаете, миссъ Кинъ, сказала миссъ Чебъ, до сихъ поръ молча слушавшая:—вѣдь вы могли бы разсказать намъ что нибудь объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Если я не ошибаюсь, только васъ однихъ онъ удостоилъ своимъ разговоромъ.

— И кажется всего одинъ разъ, слегка покраснѣвъ, отвѣчала молодая дѣвушка.—Ему случилось сидѣть около меня на палубѣ, и, должно быть, онъ заговорилъ только изъ вѣжливости. Онъ показался мнѣ очень спокойнымъ и сдержаннымъ, и говорилъ общія фразы, но весьма умно. Мнѣ онъ показался,—несмѣло продолжала она:—очень образованнымъ человѣкомъ...

— Это нисколько не мѣшаетъ ему ходить во снѣ, сказала Бриммеръ.—Кузенъ мой, кончившій курсъ въ Гейдельбергѣ, ходилъ во снѣ и говорилъ объ Европѣ.

— Не замѣтили ли вы чего нибудь страннаго въ его глазахъ, миссъ Кинъ? быстро спросила Чебъ.

Миссъ Кинъ замѣтила, что глаза у него лучшая часть лица, хотя взглядъ немного разсѣянный и печальный. Но она почему-то не захотѣла высказать этого и поспѣшно отвѣчала, что ничего не замѣтила.

— Вотъ что, рѣшительно заявила Маркгемъ:—когда онъ будетъ въ состояніи явиться въ общество, я сочту своимъ долгомъ смотрѣть за нимъ и не давать ему засыпать днемъ, для того чтобы онъ могъ крѣпче спать ночью.

— Никто лучше васъ этого не сдѣлаетъ, милая мистрисъ Маркгемъ, нѣжно сказала Бриммеръ.—Но теперь уже поздно и воздухъ становится свѣжимъ. Капитанъ Бенкеръ говоритъ, что теперь стало свѣжѣе, потому что мы подходимъ къ Калифорнскимъ берегамъ. Какъ это странно! Бриммеръ писалъ мнѣ, что въ Сакраменто было такъ жарко, что можно было что-то сдѣлать на солнцѣ съ яйцами... Я забыла только что.

— Вывести цыплятъ? проговорила миссъ Чебъ.

— Должно быть, что такъ, вставая, отвѣтила Бриммеръ.— Идемте внизъ.

Три дамы направились внизъ, но Кинъ, накинувъ на плечи платокъ, осталась наверху. Опершись подбородкомъ на руку, она наклонилась надъ темной водой. Она думала о своемъ единственномъ, краткомъ разговорѣ съ угрюмымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ теперь всѣ говорили, но котораго до сихъ поръ никто

и не замѣчалъ. Ей онъ казался настоящимъ джентльменомъ... Опыта жизни она не могла еще пріобрѣсти, потому что до настоящаго времени жила въ пансіонѣ, и, не имѣя родныхъ, не ѣздила домой. Сильныя страсти ей были знакомы только по наслышкѣ, и Чарльстонъ ей нравился потому, что не походил на другихъ. Онъ говорилъ съ нею очень мало, и говорилъ только какъ съ хорошенькой дѣвушкой, но, тѣмъ не менѣе, произвелъ на нее впечатлѣніе.

IV.

Къ полудню слѣдующаго дня, берегъ Калифорнскаго полуострова былъ виденъ съ правой стороны. Пониженная температура и сѣверо-западный вѣтеръ заставили Бриммеръ и миссъ Чебъ сойти внизъ и подумать о замѣнѣ легкихъ костюмовъ чѣмъ нибудь болѣе теплымъ. Этотъ животрепещущій вопросъ заслонилъ на время всѣ другіе вопросы, и даже Маркгемъ и миссъ Кинъ, остававшіяся въ платкахъ и шаляхъ на палубѣ, вздыхали о жаркомъ лѣтѣ. Мужчины тоже надѣли сюртуки и пальто, и только Перкинсъ по прежнему подставлялъ подъ струи свѣжаго вѣтра свою открытую шею и непокрытую голову.

Берегъ, видимый съ палубы Эксцельсіора, повидимому, оправдывалъ вполнѣ замѣчаніе, высказанное Бенксомъ наканунѣ. Надъ гаризонтомъ чуть замѣтно поднималось нѣсколько куполообразныхъ холмовъ, желтыхъ и лишенныхъ растительности, въ родѣ песчаныхъ дюнъ. Воздухъ сталъ суше, а солнце начало палить. Миссъ Кинъ подняла глаза на Перкинса съ нетерпѣніемъ, которое она, какъ балованное дитя, иногда позволяла себѣ.

— Я не очень хорошаго мнѣнія о вашемъ полуостровѣ, сказала она:—Онъ кажется такимъ плоскимъ и не интереснымъ. На другомъ берегу и даже въ морѣ было гораздо лучше.

— Вы нѣсколько поторопились высказать ваше мнѣніе, мой юный другъ, сказалъ Перкинсъ.—За этими холмами спрятаны настоящіе эдемы по климату и плодородію. Эти мѣстечки можно сравнить съ горячими углями, покрытыми пепломъ, сохраняющимъ жаръ ихъ незамѣтнымъ и неприкосновеннымъ.

— Какъ это поэтично! съ восторгомъ, сказала Маркгемъ.—Вамъ слѣдовало бы написать это стихами.

— Я это уже сдѣлалъ, скромно отвѣчалъ Перкинсъ.—Если вы позволите сегодня вечеромъ прочесть ихъ вамъ, то очень меня обяжете. Я, кромѣ того, желалъ бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы показать вамъ стихи одной очень даровитой, но

до сихъ поръ не прославившейся женщины: миссъ Эфеміи Макъ-Коркль, изъ Пеоріи въ Иллинойсѣ.

Маркгемъ слегка кашлянулъ. Талантливая Макъ-Коркль была ей извѣстна, такъ какъ Перкинсъ уже познакомилъ съ ея стихотвореніями, и однажды всѣ пассажиры разбѣжались изъ общей каюты при видѣ принесенной объемистой рукописи прелестной иллинойки. Миссъ Кинъ не могла также забыть, что была тронута, дрожащимъ голосомъ и влажными отъ слезъ глазами чтеца. Хотя она и не всегда понимала Перкинса, но настолько его любила, что не желала видѣть смѣшнымъ, и потому въ настоящую минуту кокетливо возразила:

— Вы забыли, что сначала обѣщали прочесть рукопись мнѣ съ глазу на глазъ, и что сегодня вечеромъ обязаны дать мнѣ возможность отыграться въ шахматы. Впрочемъ поступайте, какъ знаете. Всѣ мы готовы уже покинуть корабль. Бенксъ такъ одѣвается въ послѣдніе дни, точно собирается поѣхать въ городъ въ свою контору, и въ углу общей каюты пишетъ письма и сводитъ счеты. Кросби и Винслау толкуютъ о своихъ изысканіяхъ и пишутъ уставъ своего товарищества. Бресъ же пугаетъ меня, говоря, что братъ меня запретъ, чтобы лишить возможности богатыхъ золотоискателей положить къ ногамъ моимъ ихъ мѣшки съ золотомъ; а Бриммеръ и миссъ Чебъ увѣряютъ, что у меня нѣтъ приличнаго туалета, въ которомъ я могла бы сойти на берегъ.

— Вы забываете Чарльстона, съ худо скрытой горечью сказалъ Бресъ:—кажется, онъ ничѣмъ не занятъ, и, вѣроятно, вы встрѣтили въ немъ сочувствіе. Женщины любятъ праздныхъ людей.

— Если мы ихъ любимъ, то только потому, что праздные люди находятъ время забавлять насъ, отвѣчала миссъ Кинъ.—Впрочемъ, мнѣ кажется, я и сама стала ужасно нервной, и безпрестанно прислушиваюсь къ командѣ, точно боюсь, что опять что нибудь случится. Прежде я ничего подобнаго не ощущала, никогда вниманія не обращала на управленіе кораблемъ, а теперь—и ея веселый голосъ вдругъ принялъ серьезный оттѣнокъ—посмотрите на штурмана и матросовъ. Тамъ несомнѣнно что-то происходитъ или что-то готовится. На что это они смотрятъ?

Одинъ изъ матросовъ влѣзъ на мачту и пристально смотрѣлъ куда-то. Трое другихъ на палубѣ тоже смотрѣли туда. Пассажиры стали также смотрѣть и увидали что-то въ родѣ отлогаго берега.

— Что это? тутъ еще берегъ! вскричала Маркгемъ.

— Это туманъ, серьезно проговорилъ Перкинсъ.

Онъ быстро перешелъ палубу и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ помощникомъ капитана, вернулся. Миссъ Кинъ, немного успокоившаяся, тѣмъ не менѣе вопросительно смотрѣла на него, когда онъ подошелъ къ ней. Но онъ по прежнему ласково улыбался.

— Безпокоиться нечего, сказалъ онъ въ отвѣтъ на ея нѣмой вопросъ:—только туманъ можетъ задержать насъ, если намъ не удастся выйти изъ него. Вѣдь этого вы не боитесь?

— Конечно, нѣтъ, улыбаясь, отвѣчала дѣвушка.—Кромѣ того, это что-то новое. Мы испытали и вѣтры, и штили, а теперь пополнимъ свои приключенія. Но, пожалуй, это подѣйствуетъ на всеобщее расположеніе духа, продолжала она, украдкой взглянувъ на Бреса.

— Вы увидите, что это подѣйствуетъ на расположеніе экипажа, сказалъ Кросби, подходя къ разговаривающимъ.—Моряки болѣе всего на свѣтѣ ненавидятъ туманъ. Они могутъ спать во время бури, когда корабль бросаетъ во всѣ стороны, но туманъ уснуть имъ не дастъ. Съ туманомъ шутить нельзя. Вонъ и капитанъ выползъ на свѣтъ божій. Старикъ точно нездоровъ... не правда ли? Онъ теперь могъ бы и не выходить, мы врѣзываемся въ туманъ, и вѣтеръ стихаетъ.

Это было дѣйствительно такъ. Въ послѣднія минуты вся блестящая синяя поверхность моря точно была уничтожена какой-то разъѣдающей кислотой; далекая молнія горизонта, отдѣлявшаго небо отъ моря, была видна совершенно ясно, но все морское пространство до горизонта закрылось сѣрымъ туманомъ. Туманная полоса вдругъ потеряла свое сходство съ берегомъ и, какъ завѣса, стала подниматься вокругъ корабля. Вѣтеръ совершенно упалъ, и Эксцельсіоръ точно отдѣлился отъ всего живущаго.

Прежде всего, влажныя стѣны произвели полную тишину. Повисшіе паруса не хлопали, и скрипнувшій наверху блокъ заставилъ всѣхъ поднять глаза. Глухія приказанія невидимыхъ лицъ исполнялись привидѣніями, беззвучно двигавшимися по сѣрому морю, точно залившему палубу. Даже поссажиры говорили шопотомъ и задерживали дыханіе, стоя кучками и точно боясь нарушить страшное безмолвіе. Затѣмъ, нельзя было не замѣтить, что корабль куда-то идетъ вмѣстѣ съ теченіемъ, такъ какъ онъ пересталъ разрѣзать волны, и характеръ качки измѣнился настолько, что присутствующимъ иногда казалось, будто корабль несетъ куда-то съ неимовѣрной быстротой.

Капитанъ Бенкеръ стоялъ у мачты, откуда распоряженія его

передавались человѣку, стоявшему у безполезнаго колеса. Перкинсъ, стоя рядомъ съ нимъ, улыбался съ невозмутимымъ равнодушіемъ и одобрительно отвѣчалъ на полуувѣренные, полутревожные вопросы капитана.

— По картѣ мы должны быть на востокѣ отъ острова Лось Лобосъ, говорилъ онъ.—Вы не помните направленія теченія у берега, когда вы потерпѣли тутъ крушеніе?

— Вѣдь это было пять лѣтъ тому назадъ, скромно отвѣчалъ Перкинсъ:—но я помню очень хорошо, что мы держались къ западу, чтобы обойти мысъ Сентъ-Эреніо. Мнѣ помнится, что тутъ было сильное сѣверо-западное теченіе въ заливъ Балленосъ.

— И теперь мы въ него попали, рѣзко сказалъ капитанъ.— Далеко оно проходитъ отъ Сен-Рока?

— За одну или за двѣ мили. Я бы держалъ болѣе къ западу, сказалъ Перкинсъ:—и пошелъ бы...

— Я не прошу васъ потопить мой корабль, рѣзко перебилъ капитанъ.—Каковъ ходъ Бруксъ?

Моряки, стоявшіе неподалеку, быстро взглянули на Перкинса, но на его добродушномъ лицѣ не шевельнулся ни единый мускулъ, и онъ не показалъ виду, что замѣтилъ оскорбленіе. Экипажъ въ эту минуту восхищался своимъ капитаномъ, строгимъ, неустрашимымъ. Опасность вернула ему зрѣніе, голосъ и соображеніе, и обратила его опять въ смѣлаго и ловкаго моряка, какимъ его знали, и заставила команду корабля забыть несчастную слабость, уронившую капитана въ ея глазахъ.

Даже для неопытныхъ глазъ пассажировъ стало замѣтно, что Эксцельсіоръ повинуется новому и энергичному влеченію. Неровное покачиваніе кончилось и смѣнилось таинственными, правильными колебаніями, въ которыхъ, повидимому, принималъ участіе и окружающій туманъ. Тщетно спущенная лодка старалась опредѣлить направленіе корабля, тщетно капитанъ Бенкеръ, призвавъ на помощь всю свою морскую опытность, боролся противъ невидимаго врага: закутанный въ густой туманъ Эксцельсіоръ двигался, какъ тѣнь, можетъ быть, прямо къ своей гибели.

Тревога моряковъ не сообщилась однако пассажирамъ, которые выказывали боязнь, когда былъ вѣтеръ и волненіе, но думали, что туманъ можетъ быть причиною только временной остановки. Миссъ Кинъ туманъ вовсе не безпокоилъ, ей даже нравилось находиться окруженною облаками. Укачиваемая равномѣрнымъ движеніемъ корабля, она предалась пріятнымъ мечтамъ.

— Вы не боитесь, миссъ Кинъ? вдругъ произнесъ подлѣ нея чей-то голосъ.

Она слегка вздрогнула—это былъ голосъ Чарльстона. Туманъ былъ до такой степени густъ, что лицо его и фигура неясно выдѣлялись. Не отвѣчая на вопросъ, она быстро проговорила:

— Такъ вамъ лучше? Мы такъ испугались за васъ.

По его худому лицу пронеслась тѣнь негодованія и онъ молчалъ, но затѣмъ овладѣлъ собою и сказалъ:

— Мнѣ говорили, что вы всѣ были спокойны. Я самъ не думаю, чтобы опасность была очень велика. И если мы тутъ пристанемъ къ берегу...

— Такъ что же? спросила она, не подозрѣвая опасности и удивляясь его тревогѣ.

— Ну, такъ мы разстанемся только нѣсколькими днями раньше, вотъ и все...

Испугавшись больше его страннаго голоса, чѣмъ сознанія дѣйствительной опасности, она хотѣла подойти къ кучкѣ пассажировъ, но ее остановилъ рѣзкій голосъ. Между пассажирами послышался говоръ.

— Что онъ сказалъ? спросила миссъ Кинъ.—Что значитъ: „впереди буруны?“

Чарльстонъ не отвѣчалъ.

— Гдѣ они? спросилъ второй голосъ.

Говоръ продолжался. Хриплый голосъ капитана точно разрѣзалъ туманъ, крикнувъ:

— Молчите вы тамъ!

Первый голосъ негромко отвѣчалъ.

— По лѣвую сторону носа.

Снова наступило молчаніе. Снова голосъ точно машинально крикнулъ:

— Буруны!

— Гдѣ?

— По правую сторону бимсовъ.

— Мы въ какомъ нибудь проходѣ или каналѣ, спокойно сказалъ Чарльстонъ. Молодая дѣвушка осмотрѣлась кругомъ и въ первый разъ увидала, что пассажиры, повинуясь отданному, но непонятому ею приказанію, удалились всѣ въ одинъ уголъ, въ то время какъ она и собесѣдникъ ея остались незамѣченными.

Нѣсколько матросовъ, занявшихъ мѣста около шлюпокъ, еще болѣе раздѣлили ихъ отъ общества.

— Кто позаботится о васъ? нерѣшительно спросилъ онъ:— Бресъ... Перкинсъ... или...

— Никто, живо отвѣчала она.—А зачѣмъ?

— Въ случаѣ крайности, мы недалеко отъ шлюпки, и вы позволите мнѣ остаться подлѣ васъ и посадить васъ въ шлюпку.

— А другія дамы?

— Ихъ чередъ наступитъ послѣ вашего, мрачно сказалъ онъ, взявъ съ перилъ платокъ и набрасывая ей на плечи.

— Право... я не понимаю, пробормотала она, болѣе смущенная, чѣмъ испуганная.

— Мнѣ кажется, опасности большой нѣтъ, прибавилъ онъ.— Тутъ не открытое море, корабль идетъ очень тихо и буруны не разбиваются о скалы. Слушайте.

Она стала прислушиваться. Сначала она не слышала ничего, кромѣ низкаго голоса, отдающаго приказанія около колеса. Потомъ, черезъ туманъ, къ ней стали доноситься съ правой стороны звуки легкаго журчанія. Она слыхала такое журчаніе въ Нью-Портѣ въ лѣтніе вечера. Звуки эти не пугали ея, а только усиливали смущеніе.

— А вы? сказала она, ласково поднявъ на него глаза.

— Если вы всѣ уѣдете въ лодкахъ, то я думаю: мнѣ лучше остаться на кораблѣ, отвѣчалъ онъ.

Миссъ Кинъ молчала. Корабль тихо двигался впередъ, и безмолвіе нарушалось только звяканьемъ цѣпей. Лотовой выкрикивалъ, что вода не глубока, и чуть-чуть потемнѣвшій туманъ доказывалъ, что Эксцельсіоръ вошелъ въ проходъ, окруженный землею. Движеніе корабля ослабѣвало, море стало точно отливать. Вдругъ корабль обдало теплой волной налетѣвшаго воздуха. Наступило гробовое молчаніе и затѣмъ налетѣла новая волна, принесшая съ собой отраженные звуки колоколовъ.

Капитанъ повернулся къ Перкинсу и вопросительно взглянулъ на него. Тотъ еще болѣе сдвинулъ шляпу на затылокъ, отеръ лобъ и задумался.

— Донъ Розаріо, это слишкомъ далеко на югъ, задумчиво сказалъ онъ:—а затѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, есть еще миссія Сан-Карлосъ, но та далеко въ глубинѣ страны. Несомнѣнно только, что звонятъ въ католической церкви.

Капитанъ обратился къ Брукеру. Команда снова раздалась по палубѣ, и затѣмъ послышался звукъ цѣпей, плескъ воды, и Эксцельсіоръ закачался и остановился на якорѣ, брошенномъ въ тихомъ заливѣ.

Миссъ Кинъ такъ внимательно вслушивалась въ звонъ колоколовъ, что совершенно забыла о присутствіи молодаго человѣка, и теперь обернулась къ нему. Но его уже не было. Опасность, которой онъ боялся и о которой смутно говорилъ, по его мнѣ-

нію, прошла. Воспользовавшись замѣшательствомъ, происшедшимъ отъ спуска лодки и отъѣзда помощника капитана на изслѣдованія, онъ ушелъ въ каюту. Лишь только якорь былъ спущенъ, напряженное состояніе пассажировъ кончилось, и они разошлись по палубѣ. Маркгемъ и Бресъ подошли къ миссъ Кинъ.

— Какъ мы боялись за васъ, сказала Маркгемъ:—пока не увидали, что вы не остались безъ покровителя. Разскажите, что онъ говорилъ? Онъ вѣрно считалъ опасность весьма значительной, если рѣшился нарушить приказанія Перкинса и выйти на палубу? Что онъ говорилъ?

Вспомнивъ, съ какимъ презрѣніемъ Чарльстонъ говорилъ о спасеніи другихъ дамъ, миссъ Кинъ немного смутилась. Смущеніе ея еще болѣе усилилось при мысли, что на нее обращены ревнивые взоры Бреса.

— Можетъ быть, онъ вообразилъ, что теперь ночь, и во снѣ пошелъ прогуляться по палубѣ, насмѣшливо замѣтилъ Бресъ.—А теперь, вѣроятно, вернулся къ себѣ въ постель?

— Онъ очень вѣжливо предложилъ мнѣ свои услуги и просилъ позволеніе остаться, чтобы спустить меня въ лодку, отвѣчала оправившаяся миссъ Кинъ, обращаясь къ Маркгему.—Сколько я помню, подобное же предложеніе мнѣ дѣлали и другіе, вполнѣ проснувшіеся люди, прибавила она, бросивъ недовольный взглядъ на Бреса.

— Трудно утверждать, чтобы тѣ люди дѣйствовали во снѣ, шопотомъ возразилъ Бресъ.

— Всѣ мы, здѣсь бывшіе, дѣйствовали, какъ во снѣ, живо сказала Маркгемъ:—никто не знаетъ точно, гдѣ мы; единственный человѣкъ—Перкинсъ—могъ бы отвѣтить намъ, но онъ уѣхалъ на разслѣдованіе съ помощникомъ капитана.

— Мы не болѣе какъ за милю отъ берега и отъ католической церкви, сказалъ подошедшій Кросби.—Я только что оставилъ Бриммеръ, ревностную католичку; она совершенно поражена звономъ колоколовъ и умоляла капитана пустить ее на берегъ къ вечернѣ. Это мысль не дурная, еслибы мы только знали, гдѣ мы. Но отправиться впотьмахъ въ незнакомую мѣстность, несовсѣмъ ловко, не правда ли? Что это такое?

Съ невидимаго берега доносились стройные звуки звонкихъ дискантовъ и грустно замирали въ туманѣ надъ Эксцельсіоромъ. Казалось, что звуки дрожали въ густомъ влажномъ воздухѣ. Два, три матроса набожно перекрестились, другіе пассажиры не рѣшались прерывать молчанія и только смотрѣли другъ на друга, снова начавъ прислушиваться. Но наступила безусловная тишина.

Тишина эта была нарушена плескомъ воды и ударами веселъ возвращавшейся лодки. Туманъ сталъ отдѣляться отъ воды, и лодку ясно было видно уже за нѣсколько саженей отъ корабля: въ ней сидѣло, кромѣ помощника капитана и Перкинса, еще двое незнакомцевъ. Всѣ бросились къ тому мѣсту, гдѣ должна была пристать лодка. Гребцы подняли весла и ждали, пока шли переговоры между лодкой и кораблемъ. Вдругъ раздалась команда и послышался неожиданный гулъ выстрѣла изъ осьмифунтовой корабельной пушки; капитанъ Бенкеръ и штурманъ подошли къ боковой лѣстницѣ, и пассажиры въ первый разъ услыхали, что Экцельсіоръ принимаетъ важныхъ гостей, въ ту минуту поднявшихся на палубу.

V.

По наружности новоприбывшихъ гостей можно было заключить, что одинъ изъ нихъ былъ представителемъ военной власти, а другой—духовной. Это было видно по ихъ одеждѣ—давно забытымъ, старомоднымъ костюмамъ, напоминавшимъ маскарадъ, но соотвѣтствующимъ настоящему таинственному происшествію. На гостѣ, который ступилъ первымъ на палубу, была надѣта мягкая шляпа съ широкими полями, отдѣланная золотымъ кружевомъ и съ длиннымъ перомъ, приколотымъ къ приподнятому полю. Коротенькій плащъ чернаго тонкаго сукна, накинутый на одно плечо, не прикрывалъ полукафтана изъ буйволовой кожи и короткихъ брюкъ, съ нашитыми на лампасахъ крупными серебряными пуговицами, вправленныхъ въ высокіе, доходившіе до бедръ, желтые сапоги. Широкая зеленая шолковая перевязь шла наискось по груди, и на ней сбоку висѣла длинная шпага съ ивовымъ эфесомъ, изъ котораго кокетливо выглядывалъ кружевной носовой платокъ. Стройная фигура, несмотря на сѣдоватые волосы и усы, держалась прямо. По морщинистому лицу, этому человѣку можно было дать лѣтъ шестьдесятъ. Поднявшись на палубу, онъ вдругъ остановился на вытяжку и при этомъ звякнулъ громадными шпорами. За нимъ слѣдовало духовное лицо такихъ же лѣтъ, но чисто выбритое и одѣтое въ черную шолковую сутану, съ такимъ же поясомъ, и въ старомодную шляпу съ полями, совершенно загнутыми съ боковъ,—въ классическую шляпу оперная „Дона Базиліо“. За нимъ показалось веселое лицо Перкинса, сіяющее любезностью, подобающею церемоніймейстеру.

— Если эта парочка явилась изъ береговаго цирка, то я

возьму два билета на ея представленія прошепталъ, Кросби, отличавшійся смѣлостью сужденій.

— Мнѣ выпала невыразимая честь, сказалъ Перкинсъ, обращаясь къ капитану Бенкеру и граціознымъ движеніемъ руки указывая на странныя фигуры:—представить васъ знаменитому дону Мигуэлю Бріонесъ, коменданту президіи Тодосъ-Сантосъ, въ настоящую минуту закрытой туманомъ и высокопреподобному и благочестивому падре Эстебану, изъ миссіи Тодосъ-Сантосъ. Если я скажу вамъ,—продолжалъ Перкинсъ, слегка возвысивъ голосъ, для того чтобы его могли слышать и пассажиры:—что за весьма немногими исключеніями, туманъ закрываетъ постоянно входъ въ миссію и президію, и что послѣдній разъ корабль могъ войти сюда только тридцать пять лѣтъ тому назадъ, то вы поймете, почему эти высокопоставленные господа согласились пренебречь формальностями, въ силу которыхъ вы бы должны были сдѣлать имъ первый визитъ, но пріѣхали сами. Знаменитый комендантъ былъ настолько любезенъ, что ради васъ отмѣнилъ портовыя правила и позволилъ вамъ запастись топливомъ и водою.....

— О какихъ портовыхъ правилахъ онъ говоритъ? съ раздраженіемъ спросилъ капитанъ.

— Мексиканскіе уставы запрещаютъ иностраннымъ кораблямъ имѣть сношенія съ берегомъ, любезно отвѣчалъ Перкинсъ.

— Никогда я объ нихъ не слыхалъ. Когда они были обнародованы?

Перкинсъ повернулся и сказалъ нѣсколько словъ коменданту, стоявшему поодаль и съ достоинствомъ молчавшему.

— Въ 1792 году.

— Въ какомъ?.... Да что онъ рехнулся, что ли? проговорилъ Бенкеръ.—Знаетъ ли онъ, какой теперь годъ?

— Знаменитый комендантъ не нуждается въ указаніяхъ по этому вопросу, спокойно отвѣчалъ Перкинсъ.—Такъ какъ съ 1792 года сюда заходили только два корабля, и то мексиканскія суда, — уставъ этотъ и не былъ примѣненъ. Знаменитый комендантъ говоритъ, что правило, о которомъ онъ упоминалъ, ему было приказано особенно строго примѣнять къ кораблю „Колумбія“, принадлежавшему генералу Вашингтону.

— Генералу Вашингтону! вскричалъ Бенкеръ, сердито глядя на Перкинса.—Что это за штуки? Не хотите ли вы сказать, что они не знаютъ исторіи послѣ нашей старой революціонной войны? Неужели они ни отъ кого не слыхали о Соединенныхъ Штатахъ? Не слыхали и о Калифорніи, которую мы отобрали отъ нихъ въ послѣднюю войну?

— Какъ мы разбили ихъ на-голову, прошепталъ Кросби, глядя на коменданта.

Перкинсъ примиряющимъ образомъ поднялъ руку.

— Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, президія и миссія Тодосъ-Сантосъ не имѣли сношеній съ внѣшнимъ міромъ, улыбаясь, сказалъ онъ.—Отдѣленныя вѣчнымъ туманомъ отъ пути изъ океана и отрѣзанныя съ другой стороны отъ всего свѣта совершенно голой, непроходимой степью, онѣ полюбили свое невольное, но не несчастное отчужденіе отъ остальнаго міра. Войны, поражавшія родъ людской, смуты, нарушившія благоденствіе ихъ собственнаго народа на материкѣ, не коснулись ихъ на этомъ берегу. Предоставленныя самимъ себѣ, онѣ создали безупречную Аркадію и идеальную общину на протяженіи двадцати квадратныхъ миль. Зачѣмъ разстраивать намъ ихъ невинное довольство и безмятежное счастье разоблаченіями, которыя не улучшатъ, а только ухудшатъ ихъ настоящее блаженное состояніе? Зачѣмъ мы станемъ разсказывать имъ о послѣднемъ политическомъ и международномъ эпизодѣ, послужившимъ намъ на пользу, а имъ въ позоръ? Сообщеніе это можетъ не только испортить наше положеніе, какъ гостей, но и помѣшать намъ запастись топливомъ и водой.

Онъ остановился и, не давъ капитану сказать что либо, обернулся къ коменданту и, проговоривъ нѣсколько фразъ по испански, снова обратился къ капитану Бенкеру:

— Я сказалъ ему, что вы до глубины души тронуты любезностью его, какъ представителя великой мексиканской націи. Онъ тѣмъ же отвѣчаетъ на ваши братскія чувства, и предлагаетъ президію и всѣхъ ея обитателей къ услугамъ вашимъ и вашихъ друзей—пассажировъ, въ особенности этихъ дамъ,—сказалъ Перкинсъ, быстро повернувшись къ дамамъ и приподнимаясь на кончикахъ своихъ изящныхъ сапоговъ:—бѣлыя ручки ихъ онъ цѣлуетъ, и къ ногамъ ихъ кладетъ преданность мексиканскаго кабалеро и офицера.

Онъ рукою указалъ на коменданта, выступившаго впередъ, и махнувшаго перомъ своей шляпы по полу передъ каждой дамой поочередно. Оправившись немного, онъ съ бо́льшей чопорностью поклонился мужчинамъ, выдернулъ изъ эфеса шпаги свой носовой платокъ, граціозно отеръ себѣ ротъ, покрутилъ кончикъ длиннаго сѣдаго уса и снова принялъ гордый видъ.

— Преподобный отецъ, продолжалъ Перкинсъ, поворачиваясь къ священнику:—очень сожалѣетъ, что правила его ордена не дозволяютъ ему предложить этимъ дамамъ свою миссію. Но онъ

надѣется встрѣтить ихъ въ президіи и предлагаетъ имъ свои совѣты и услуги, когда бы они ни понадобились.

Отецъ Эстебанъ сопровождалъ слова оратора любезной улыбкой. и, подойдя къ пассажирамъ, сталъ предлагать мужчинамъ старинную табакерку, а, проходя мимо дамъ, благочестиво улыбался и приподнималъ немного руку, сложенную какъ бы для благословенія. Бриммеръ пришла въ восторгъ, хотя немного изумилась, получивъ отъ священника отвѣтъ на составленную ею французскую фразу, и тотчасъ же имъ завладѣла; но комендантъ позвалъ его съ собою—вернуться на берегъ.

— Какой милый человѣкъ, сказала Бриммеръ, въ ту минуту какъ пушка снова загрохотала въ честь отъѣзжавшихъ гостей:—милый, какъ и вообще всѣ духовныя лица. Онъ говоритъ, что донъ Мигуэль не знаетъ французскаго языка, но секретарь его говоритъ по французски и намъ не будетъ трудно объясняться.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ хотите сойти на берегъ? спросила миссъ Кинъ.

— Непремѣнно,—важно отвѣчала мистрисъ Бриммеръ—было бы въ высшей степени невѣжливо и даже обидно не принять приглашенія. Вы представить себѣ не можете, до какой степени испанцы строго придерживаются этикета. Кромѣ того, онъ, можетъ быть, слышалъ о мистерѣ Бриммеръ.

— Такъ какъ послѣднія извѣстія имъ были получены въ 1792 году, то съ тѣхъ поръ онъ могъ и забыть о немъ, серьезно отвѣчалъ Кросби.

— Предки Бриммера прибыли въ Америку задолго до 1792 года, поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что эти господа о нихъ слышали, сказала Бриммеръ:—я это говорю на тотъ случай, если вы не шутите, Кросби. Говоря съ вами, никогда нельзя быть увѣреннымъ въ этомъ.

— Мистрисъ Бриммеръ совершенно права: намъ всѣмъ надо будетъ отправиться. Это не одна только формальность, сказалъ Перкинсъ, вернувшійся къ дамамъ, я съ своей стороны обѣщалъ коменданту привезти васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ миссъ Кинъ:—если только вы позволите, мнѣ сопровождать васъ. Донъ Мигуэль особенно просилъ объ этомъ.

Легкая краска польщенной гордости покрыла щеки молодой дѣвушки, но затѣмъ она тотчасъ же обратилась къ Бриммеръ.

— Намъ лучше отправиться всѣмъ вмѣстѣ, не правда ли? сказала она.

— Какъ видите, побѣды ваши начались, судорожно улыбаясь,

сказалъ Бресъ.—Теперь вамъ нечего смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ, что васъ ожидаетъ въ Сан-Франциско.

Миссъ Кинъ окинула быстрымъ взоромъ вокругъ себя, съ слабой надеждой—она хорошенько не сознавала, почему—что Чарльстонъ слышалъ приглашеніе маркиза. Точно также она не понимала, почему огорчилась, не видя его. Во время присутствія странныхъ гостей, онъ не выходилъ на палубу; точно также его не было и въ лодкѣ, въ которой она ѣхала, черезъ полчаса послѣ того, на берегъ. Или онъ уѣхалъ въ другой лодкѣ, или исполнилъ намѣреніе и остался на кораблѣ.

Лодки пошли къ невидимому берегу, управляемыя капитаномъ Бенкеромъ, помощникомъ его, и Перкинсомъ. Воздухъ сталъ гораздо теплѣе и поднимавшійся туманъ пріятно прохлаждалъ лица. Миссъ, откинувшись назадъ, сидѣла въ мечтательномъ настроеніи духа. Мѣстами туманъ становился до того непроницаемымъ, что они теряли изъ виду передовую лодку, и шли точно въ открытомъ морѣ, ничего не видя кругомъ. Войдя въ слой густаго тумана, они вдругъ врѣзались килемъ въ песокъ и увидали ровную полосу берега, по которой шагали ноги съ туловищами, закрытыми непроницаемымъ туманомъ. Ихъ высадили изъ лодокъ и они, пройдя нѣсколько шаговъ, вышли изъ области тумана и увидали передъ собою живописно одѣтыхъ людей, съ факелами въ рукахъ, освѣщавшихъ узкую улицу, поднимавшуюся въ гору. Полусвѣтъ отъ наступившихъ сумерекъ ослабѣвалъ еще болѣе отъ тумана, въ видѣ свода, прикрывавшаго улицу.

Какой-то человѣкъ въ зеленой куртклѣ, очевидно изъ начальствующихъ лицъ, подошелъ къ гостямъ и, перекинувшись съ Перкинсомъ нѣсколькими словами, въ то время какъ пассажиры Эксцельсіора сходились изъ разныхъ лодокъ, любезно пошелъ впередъ, указывая дорогу вдоль стѣнъ укрѣпленій. Вскорѣ они дошли до низенькой двери, у которой стояла стража, тоже въ зеленыхъ курткахъ, и проводникъ сказалъ ей пароль: „Богъ и Свобода“. Пароль этотъ повторился внутри темнаго двора, окруженнаго низенькими галлереями, по которымъ стояла, въ видѣ почетной стражи, дюжина туземцевъ мѣстнаго типа въ зеленыхъ курткахъ и со старинными кремневыми ружьями.

— Комендантъ, сказалъ Перкинсъ:—просилъ меня передать капитану Бенкеру свои извиненія, что онъ не встрѣчаетъ его и спутниковъ пушечными выстрѣлами; но пятидесятилѣтній безмятежный миръ, и постоянные влажные туманы привели единственную пушку укрѣпленія въ такое состояніе, что онъ не рѣшается салютовать ею своимъ почтеннымъ гостямъ. Онъ предоставляетъ

президію въ ваше распоряженіе, чтобы вы осмотрѣли ее, пока еще свѣтло, а онъ будетъ ждать васъ въ замкѣ.

Предоставленные самимъ себѣ члены общества, какъ школьники, вырвавшіеся на свободу, разсыпались во всѣ концы по двору и галлереямъ, и рады были, послѣ мѣсяца заключенія на кораблѣ, расправить свои ноги.

Всюду виднѣлись живописныя развалины, все было запущено, но не лишено особенной прелести; углы зданій закруглились, трещины заросли роскошными кустами. Со стѣнъ крѣпости висѣли ползучія растенія, а въ самой цитадели восторжествовавшая природа подняла, какъ знамя, роскошную пальму. Бронзовая, давно забытая и оставленная безъ употребленія, пушка скатилась внизъ и одно колесо ея красовалось наверху, а другое уперлось въ камень. Зато надъ крѣпостью и кругомъ ея природа устроила непреодолимое укрѣпленіе изъ тумана.

Перкинсъ, исполняя должность чичероне, не измѣняя добродушнаго настроенія и указывая на опустошенія, совершенныя временемъ, говорилъ:

— Вслѣдствіе своего естественнаго изолированія во время послѣдней войны, имъ не нужно было укрѣплять свою крѣпость. А это орудіе,—продолжалъ онъ, останавливаясь около шестифунтовой бронзовой пушки, очевидно видавшей въ своей жизни лучшіе дни:—вѣроятно, та самая пушка, изъ которой донъ Мигуэль опасался салютовать.

— Однако, когда же намъ дадутъ обѣдать? замѣтилъ Кросби. —Надо надѣяться также, что старый донъ-Кихотъ выведетъ намъ одну изъ своихъ сеньоритъ. Хотѣлось бы увидать кого нибудь изъ хористокъ, что̀ такъ мило пѣли.

— Вы вѣрно хотите сказать: изъ мальчиковъ, замѣтила Бриммеръ, такъ какъ въ католическихъ церквахъ хоры составляются изъ мальчиковъ... Впрочемъ вы, можетъ быть, опять шутите?.. И, обратившись къ Перкинсу, она прибавила:—если донъ Мигуэль вдовецъ, то, конечно, у него должны быть дочери или свояченицы, которыя могутъ принять насъ. Даже священникъ... и у него могутъ быть племянницы. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это вопросъ серьезный... можемъ ли мы принять его гостепріимство? Спросите у него, прибавила она, указывая на сопровождавшаго ихъ человѣка въ зеленой куртке.

Перкинсъ немного сконфузился и сказалъ:

— Повторите вашъ вопросъ и я переведу его.

— Спросите у него, есть ли въ президіи женщины?

Перкинсъ отвелъ солдата въ сторону и затѣмъ повернулся къ Бриммеръ.

— Онъ говоритъ, что у нихъ четыре женщины: жена булочника, жена сѣдельнаго мастера, дочь трубача и племянница повара.

— Но вѣдь не можемъ же мы дѣлать визитъ имъ! сказала Бриммеръ.

— Можетъ быть, нерѣшительно началъ Перкинсъ:—мнѣ слѣдовало предупредить васъ, что старинныя испанскія понятія объ этикетѣ очень строги. Жены чиновниковъ и высшаго класса не показываются первыя иностранцамъ, если только онѣ не коротко знакомы.

— Дѣло вовсе не въ этомъ, сказалъ Винслау.—Я узналъ всю исторію. Это просто курьезъ. Бенксъ, болтая о насъ всякую всячину, сказалъ, что мужья этихъ дамъ крупные купцы, а такъ какъ здѣшняя аристократія считаетъ торговлю чѣмъ-то унизительнымъ, то и находитъ, что жены ихъ не могутъ быть съ нами знакомы. Ни съ кѣмъ изъ насъ, кромѣ—миссъ Кинъ. Ее считаютъ особой порядочной. Она будетъ познакомлена съ дамами коменданта и съ сестрами алькада.

— Ничего подобнаго не случится, съ негодованіемъ вскричалъ миссъ Кинъ.—Если эти дамы не могутъ быть приняты вмѣстѣ со мною, то мы всѣ вернемся на корабль.

Она проговорила это такъ горячо и съ такой рѣшительностью, что всѣ присутствующіе были удивлены. Перкинсъ задумчиво посмотрѣлъ на нее, а Бресъ, Кросби и Винслау взглянули съ восхищеніемъ; дамы же выразили сомнѣніе и безпокойство.

— Тутъ есть, должно быть, какое нибудь недоразумѣніе, кротко сказалъ Перкинсъ:—я справлюсь.

Отсутствіе его длилось только нѣсколько минутъ. Когда онъ вернулся, лицо его сіяло.

— Это совсѣмъ курьезное недоразумѣніе. Нашъ практичный другъ, Бенксъ, стараясь произвести впечатлѣніе на секретаря коменданта, немного понимающаго по англійски, разсказалъ, что Бриммеръ занимается крупными комиссіонными дѣлами, изъ чего тотъ заключилъ, что онъ просто ростовщикъ; разсказы о кожевенной торговлѣ Маркгема онъ понялъ такъ, что Маркгемъ—скорнякъ, а Бенксъ, гордившійся своей хлѣбной торговлей, не больше какъ булочникъ.

— А что же онъ думаетъ о васъ? спросилъ Кросби: — намъ бы всѣмъ было любопытно знать это.

— Боюсь, что они не сдѣлали мнѣ чести и не спрашивали

обо мнѣ, съ невозмутимымъ добродушіемъ сказалъ Перкинсъ:— бываютъ люди, которыхъ, какъ открытую книгу, могутъ читать всѣ. Я изъ числа такихъ людей. Назовите меня всемірнымъ гражданиномъ, привязаннымъ къ молодымъ народамъ, путешественникомъ, всюду чувствующимъ себя дома; восторженнымъ наблюдателемъ и сторонникомъ смѣлыхъ мужчинъ, преданнымъ рабомъ прелестныхъ женщинъ, и вы однимъ словомъ опредѣлите пассажира нашего Эксцельсіора.

Въ первый разъ миссъ Кинъ замѣтила легкую иронію въ живой рѣчи Перкинса. Приближеніе дона Мигуэля и падре Эстебана съ нѣсколькими дамами быстро измѣнило направленіе ея мыслей. Подошедшія дамы показались ей слишкомъ просто и неряшливо одѣтыми, какъ показались и ея спутницамъ. Но, при дальнѣйшемъ наблюденіи, она нашла ихъ болѣе женственными, чѣмъ ея соотечественницы, о чемъ, конечно, она никому не сообщила. Ихъ статныя фигуры были одѣты въ широкія, бѣлыя, довольно короткія юбки, а на плечи и на голову накинуты легкія покрывала. Бриммеръ тотчасъ же замѣтила ихъ туалеты и прошептала:

— Хоть бы онѣ одѣлись получше!

— Право онѣ, кажется, даже безъ корсетовъ, отвѣчала Маркгемъ.

Послѣ представленія, начался разноязычный разговоръ: по французски между падре и Бриммеръ, и на ломаномъ англійскомъ между миссъ Чебъ, миссъ Кинъ и секретаремъ коменданта, съ примѣсью латинскихъ фразъ Кросби, и помощью, въ крайнихъ случаяхъ, Перкинса. Съ наступленіемъ сумерекъ, общество прошло черезъ низенькую караульную комнату и вошло въ галлерею втораго двора, застроеннаго съ трехъ сторонъ, и выходившаго четвертой стороной на большую площадь маленькаго городка. Кругомъ площади чуть виднѣлись въ сумеркахъ красныя черепичныя крыши. На веранду былъ поданъ шеколадъ и маленькія печенья съ пряностями, въ ожиданіи офиціальнаго обѣда. Миссъ Кинъ пользовалась особеннымъ вниманіемъ своихъ хозяевъ, какъ дамъ такъ и мужчинъ, къ немалому ея смущенію. Донна Изабелла, сестра алькада, отвела ее даже въ сторону и съ простодушіемъ начала предлагать ей на ломаномъ англійскомъ языкѣ вопросы:

— Вѣдь миссъ Кинъ не имя. Донна Кинъ тоже ничего не значитъ?

— Ну, такъ вы можете звать меня Элеонорой, если хотите, улыбаясь, сказала Кинъ.

— Донна Элеонора... такъ... это хорошо! какъ ребенокъ, всплеснувъ руками, сказала донна Изабелла.—Но кто вы такія?

— Извините, пожалуйста, съ удивленіемъ сказала Кинъ:—я васъ не понимаю.

Видя, что гостья смотритъ на нее съ удивленіемъ, донна продолжала:—Ахъ, Пресвятая Богородица! Отчего друзья ваши съ вами такъ вѣжливы? Отчего всѣ васъ любятъ?

— Вы находите? проговорила миссъ Кинъ, покраснѣвъ отъ смущенія. — Я думаю потому, что они считаютъ меня хорошенькой.

— Хорошенькой? Ахъ, да, вы хорошенькая! серьезно глядя на нее, сказала донна Изабелла.—Но это еще не все.

— А что же еще? спросила миссъ Кинъ.

— Вы... вы знатная особа.

VI.

Ужинъ былъ поданъ въ комнатѣ, выходившей въ галлерею и освѣщенной висячими фонарями изъ полированнаго рога и дюжиной восковыхъ церковныхъ свѣчей. Комната, хотя была и велика, но низка, и походила на пещеру. Двѣ печи согрѣвали ее, но топились изъ другихъ комнатъ.

Когда все общество собралось къ столу, то, при таинственномъ полумракѣ странной комнаты, бархатные кафтаны, золотые кружева, серебряныя пуговицы и красные пояса хозяевъ казались гораздо умѣстнѣе модныхъ, новѣйшихъ туалетовъ гостей, и потеряли свой театральный характеръ. При этой обстановкѣ, странными и смѣшными казались скорѣе пассажиры Эксцельсіора. Парижскій туалетъ Бриммеръ показался миссъ Кинъ провинціальной претензіей, ея собственная хорошенькая зуавка и черная шолковая юбка пугали ее своей эксцентричностью, а костюмы Маркгемъ и миссъ Чебъ непріятно дѣйствовали своей вычурностью и пестротой въ сравненіи съ атласными мантильями и черными кружевами сеньоритъ. Мужчины-пассажиры въ своихъ простыхъ туалетахъ очень проигрывали при сравненіи съ живописными костюмами хозяевъ-испанцевъ. Капитанъ Бенкеръ, сидя рядомъ съ домомъ Мигуэлемъ, казался невозможнымъ въ своей короткой суконной морской жакеткѣ и высокихъ крахмальныхъ воротничкахъ рубашки.

Подъ впечатлѣніемъ хорошаго вина изъ мѣстнаго винограда и шампанскаго, привезеннаго капитаномъ съ корабля, контрастъ между новыми людьми и старинными сгладился, и церемонныя отношенія прекратились. Пассажиры стали разговорчивѣе, а комендантъ и друзья его слушали ихъ съ бо̀льшей симпатіей. Со-

блазнъ разсказать о прогрессѣ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы пассажиры Эксцельсіора могли устоять противъ него. Само собою разумѣется, что въ пылу разговора американцы близко касались послѣдней войны и завоеваній Соединенныхъ Штатовъ у Мексики, и въ особенности Кросби позволилъ себѣ нѣсколько непозволительныхъ шутокъ, но такъ какъ переводъ на испанскій языкъ лежалъ на обязанности миролюбиваго Перкинса, а на французскій — мистрисъ Бриммеръ и миссъ Кинъ, то всякая опасность недружелюбной вспышки была устранена. Донъ Рамонъ Рамиресъ, алькадъ еще молодой, очень благовоспитанный, сидѣлъ рядомъ съ миссъ Кинъ и говорилъ съ нею съ серьезнымъ и дѣтскимъ любопытствомъ, трогательнымъ по своему чистосердечію. Онъ предлагалъ иногда вопросы до такой степени простые и непонятные при его очевидномъ умѣ, что, отвѣчая, она старалась понизить голосъ изъ боязни, что соотечественники ея разсмѣются. Ей невольно представлялось, что все населеніе Тодосъ-Сантоса ничто иное, какъ кучка затерявшихся, забытыхъ родителями дѣтей, выросшихъ въ полнѣйшемъ незнаніи свѣта.

Комендантъ полуофиціально выпилъ за здоровье капитана Бенкера, не вставая съ своего мѣста.

Въ отвѣтъ на этотъ тостъ, капитанъ, къ немалому ужасу миссъ Кинъ, поднялся. Онъ, по своему обыкновенію, уже выпилъ лишнее, и теперь хотѣлъ непремѣнно вознаградить себя за долгое молчаніе на кораблѣ и сказать рѣчь. Онъ говорилъ неясно, безтолково и безтактно, и на долю Перкинса опять досталось перевести рѣчь такъ, чтобы никто не былъ задѣтъ. Онъ исполнилъ свою задачу съ такимъ совершенствомъ, что вызвалъ рукоплесканія не только иностранцевъ, не понимавшихъ по англійски, но и своихъ соотечественниковъ, не понимавшихъ по испански. „Я чувствую", прибавилъ Перкинсъ:—„что неумѣло передалъ краснорѣчіе храбраго мореплавателя. Мой несчастный переводъ не могъ передать выраженія его голоса, дрожавшаго иногда отъ волненія, а иногда замиравшаго отъ смущенія передъ лицомъ такихъ знаменитыхъ хозяевъ; его жестовъ и покачиванія всего тѣла, когда онъ, высказывая свои чувства, невольно переносился мысленно на волны океана, съ которымъ ему приходилось такъ много бороться въ своей жизни".

Когда подали кофе и лакомства, краснорѣчіе Перкинса превозлошло все, что онъ до сихъ поръ проявилъ. Высказавъ свой восторгъ хозяевамъ на ихъ языкѣ, онъ обратился къ своимъ соотечественникамъ съ сладкимъ спокойствіемъ:

— Ну, а вы, друзья мои, какъ себя чувствуете? Мы очутились у той пристани, къ какой стремились, не у цѣли нашего тщеславія, не въ гавани нашихъ надеждъ, а у береговъ увядающаго прошлаго, „у береговъ всесокрушающаго времени", какъ говоритъ Лонгфелло, даровитый нашъ соотечественникъ. Мы очутились въ мѣстности, гдѣ не слышно шума новѣйшаго прогресса, а раздается только нѣжная мелодія умирающаго рыцарства и господствуетъ затишье церковнаго покоя. Вмѣсто поспѣшныхъ ударовъ молота и дыма высокихъ фабричныхъ трубъ, мы видимъ развалины укрѣпленій воинственной эпохи и полуразрушившуюся церковь старинной миссіи. Передъ концомъ нашего, полнаго приключеній, плаванія, подъ управленіемъ вѣрной руки и зоркаго ока славнаго мореплавателя, капитана Бенкера, мы своротили немного въ сторону, чтобы на минуту взглянуть на заросшую тропу давно прошедшаго, образъ котораго теперь мы видимъ передъ собою. Какъ я уже сказалъ, путь нашъ приходитъ къ концу, и на настоящее случайное сборище мы можемъ смотрѣть, какъ на прощальный пиръ. Плаваніе наше было благополучно. Я не говорю объ удачной спекуляціи достойнаго супруга прелестной дамы, очаровательнымъ обществомъ которой мы всѣ пользовались— нужно ли объяснять, что рѣчь идетъ о Квинсѣ Бриммерѣ, эсквайрѣ изъ Бостона (громкія рукоплесканія)?—Успѣшное выполненіе имъ контракта съ перувіанскимъ правительствомъ и выгрузка военныхъ запасовъ въ Каллао подавили возстаніе инсургентовъ Квинквинамбо? Я не указываю на нашего дальновиднаго друга м-ра Бенкса (рукоплесканія), который, закупивъ въ Каллао весь хлѣбъ и отправивъ его въ Калифорнію, въ полномъ смыслѣ слова заставилъ положить оружіе революціонную партію въ Ареквинѣ!... Не стану говорить объ отношеніяхъ торговли и политики: это дѣло исторіи. Позвольте мнѣ лучше поговорить о нашемъ небольшомъ обществѣ, о нашей пловучей Аркадіи... или, лучше сказать, о нашемъ Олимпѣ. Гдѣ найдемъ мы другую Минерву, подобную мистрисъ Маркгемъ, другую талію, подобную миссъ Чебъ, другую такую Юнону, какъ мистрисъ Бриммеръ; другую такую царицу любви и красоты какъ... какъ... продолжалъ любезный Перкинсъ, эффектно останавливаясь, и низко раскланиваясь передъ миссъ Кинъ (продолжительныя рукоплесканія), какъ та особа, которую запрещаетъ мнѣ назвать ея дѣвственная скромность? Гдѣ найдемъ мы болѣе достойныхъ смертныхъ, которые умѣли бы поклоняться этимъ богинямъ такъ, какъ наши молодые друзья: красивый Бресъ, энергичный Винслау, шутливый Кросби. Припомнимъ наши концерты, наши живыя

картины, наши литературныя чтенія, которымъ придавала такъ много прелести геніальная миссъ Макъ-Коркль изъ Пеоріи, въ Иллинойсѣ, своими стихотвореніями (комичный жестъ ужаса Кросби); я невольно принужденъ цитировать талантливое произведеніе этой женщины:

Я перенесть готова всѣ терзанья
Отъ думы вѣчной, отъ любви,
Чтобы въ борьбѣ тяжелаго страданья
Мой Ульрикардо...

— Кто это Ульрикардо? съ притворной серьезностью спросилъ Кросби, на что дамы крикнули ему: тсъ!

— Мнѣ слѣдуетъ отвѣтить на насмѣшливый вопросъ нашего друга, добродушно проговорилъ Перкинсъ.—Хотя меня и не зовутъ Ульрикардо, но въ стихотвореніяхъ допускается нѣкоторая вольность. Это поэтическое произведеніе посвящено лично мнѣ, прибавилъ онъ, слегка покраснѣвъ отъ смущенія, не укрывшагося отъ вниманія дамъ.—Знакомство мое съ миссъ Макъ-Коркль ограничивалось только перепиской. Мы никогда не видали другъ друга, и поэтому я смѣло готовъ былъ прочесть ея воззваніе комнѣ, въ ознаменованіе сегодняшняго торжественнаго собранія.

За этой рѣчью послѣдовали рукоплесканія и чоканье стаканами, во время которыхъ Перкинсъ незамѣтно выскользнулъ изъ комнаты. Простоявъ нѣсколько минутъ съ другими гостями, курившими на галлереѣ, онъ прошелъ въ укрѣпленіе. Тамъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ бы въ глубокомъ размышленіи, пока не дошелъ до того мѣста, гдѣ обвалившаяся стѣна образовала спускъ въ ровъ. Пройдя вдоль рва, онъ повернулъ за уголъ и вышелъ на морской берегъ, откуда донесся шумъ веселъ. Услыхавъ свистъ Перкинса, лодка тотчасъ же подошла къ нему, и онъ, не говоря ни слова, шагнулъ въ нее. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ веселъ, Перкинсъ увидалъ, что туманъ не очень густъ, потому что вскорѣ сталъ виденъ зеленый огонь отъ корабельнаго фонаря. Черезъ десять минутъ, онъ уже былъ на палубѣ, гдѣ стоялъ помощникъ капитана, окруженный встревоженнымъ экипажемъ.

— Все выгружено? спросилъ Перкинсъ.

— Остается выгрузить еще только одну лодку, которая ждетъ вашихъ окончательныхъ распоряженій, отвѣчалъ штурманъ.— Матросы выражали нѣкоторое неудовольствіе, шопотомъ прибавилъ онъ.—Повидимому, они ничего не хотятъ выпускать изъ рукъ, насмѣшливо засмѣявшись, прибавилъ онъ.

Перкинсъ загадочно улыбнулся.

— Очень жаль, что имъ придется разочароваться. А кто тамъ въ лодкѣ? вдругъ спросилъ онъ.

Помощникъ капитана взглянулъ по указанію Перкинса.

— Это Іото. Онъ хочетъ ѣхать на берегъ, и говоритъ, что вамъ его не удержать.

Перкинсъ подошелъ къ борту.

— Иди сюда! сказалъ онъ матросу.

Перувіанецъ всталъ, но не поднялся совсѣмъ.

— Такъ ты говоришь, что поѣдешь на берегъ? ласково сказалъ Перкинсъ.

— Да, патронъ.

— Зачѣмъ!

— За нимъ.... за этимъ воромъ.... за убійцей, который ударилъ меня сюда, сказалъ онъ, указывая на голову. Онъ ускользнулъ опять.... съ своимъ сокровищемъ.

— Ты совсѣмъ глупъ, милѣйшій Іото. Онъ не воръ, и у него нѣтъ никакого сокровища. Въ тюрьму здѣсь посадятъ тебя, а не его.

— Это вы такъ говорите, сердито сказалъ матросъ.—Можетъ быть, тутъ меня выслушаютъ... ради чего нибудь другаго, многозначительно прибавилъ онъ.

— И ради этого ты готовъ бросить наше дѣло?

Матросъ пожалъ плечами.

— А почему бы и не такъ?—Онъ посмотрѣлъ на двухъ своихъ товарищей, тоже подошедшихъ къ лѣстницѣ.—Можетъ быть, и другіе поѣдутъ со мною, тѣ кто не хотятъ, чтобы добычу отправляли на берегъ.

— Выходи сюда, сказалъ Перкинсъ, наклоняясь черезъ перила и пристально глядя на перувіанца.

Матросъ не тронулся съ мѣста. Но рука Перкинса вдругъ ухватила его за шиворотъ, приподняла и въ тотъ же мигъ около его горла что-то блеснуло.

Страшный ножъ до рукоятки вошелъ въ горло.

Матросъ, не крикнувъ, пошатнулся, развелъ руками и упалъ между лодкой и кораблемъ.

— Ребята! сказалъ Перкинсъ съ милой улыбкой, обращаясь къ людямъ, стоявшимъ вокругъ него и, при слабомъ свѣтѣ фонаря, казавшимся мертвецами:—когда я садился на этотъ корабль, доставившій помощь нашимъ угнетателямъ въ Каллао, я рѣшился захватить его мирнымъ путемъ, не нарушая спокойствія, не отнимая имущества ни въ чемъ неповинныхъ матросовъ, ввѣрившихъ себя кораблю, и не подвергая опасности вашу жизнь

и свободу. Но я не имѣлъ въ виду измѣнниковъ! Кровь, пролитая сегодня, пролилась помимо моего желанія, и по необходимости. Никто, кромѣ самого убитаго, не виноватъ въ этомъ.

Онъ замолчалъ и отошелъ отъ трапа, какъ бы давая дорогу желающимъ.

— Я не прошу, спокойно продолжалъ онъ:—смотрѣть на то, что я сдѣлалъ, какъ на угрозу и на предостереженіе. Вы можете поступать точно также, какъ хотѣлъ поступать онъ, прибавилъ Перкинсъ, указывая рукою на трапъ и на пустую лодку.—Вы можете нарушить наше условіе и сойти съ корабля, и я даю слово, что не пошевельнусь, чтобы остановить васъ. Но если вы останетесь со мною,—сказалъ онъ, вдругъ повернувъ къ нимъ лицо, точно такое же блѣдное, какъ и ихъ лица:—то клянусь вамъ всемогущимъ Богомъ, что всякій, кто вздумаетъ не исполнять или нарицать отдаваемыя мною приказанія, умретъ такой же смертью, какъ сейчасъ умерла эта собака! Рѣшайтесь.... но скорѣе!

Помощникъ капитана подошелъ первый. Не говоря ни слова, онъ сталъ рядомъ съ Перкинсомъ. Матросы въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не знали, на что рѣшиться, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ, крикнувъ на непонятномъ языкѣ, бросился передъ Перкинсомъ на колѣни и прошепталъ: „простите!“ За нимъ послѣдовали и другіе, изъ которыхъ многіе ловили руку, только что пролившую кровь, и покрывали ее поцѣлуями.

— Простите, патронъ! мы принадлежимъ вамъ.

— Не мнѣ, а государству! холодно отвѣчалъ Перкинсъ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ прежней веселости на мертвенномъ лицѣ.—Довольно! Идите по мѣстамъ.—Онъ проводилъ матросовъ глазами и потомъ обратился къ помощнику капитана:—Нагружайте послѣднюю лодку вещами пассажировъ и потомъ доложите мнѣ.

Съ этой минуты, кораблемъ сталъ управлять совсѣмъ иной духъ. Матросы перестали ходить медленно и ихъ охватила лихорадочная энергія. Лодка была скоро нагружена и тотчасъ же отошла къ берегу. Въ туманномъ мракѣ иногда слышался звонъ цѣпей, поскрипываніе блоковъ и затѣмъ равномѣрные взмахи веселъ. По мѣрѣ сгущенія тумана и мрака, звуки стали менѣе явственны и потомъ совсѣмъ затихли.

Но на берегу, во дворѣ президіи, виднѣлся свѣтъ, слышался смѣхъ, доносившійся изъ комнаты, гдѣ гости только что отужинали. Потомъ послышались звуки гитары и хлопанье подъ тактъ ладошами, доказывавшіе, что въ заключеніе пира танцовали характерный фанданго. Капитанъ Бенкеръ не могъ уже стоять на ногахъ, такъ что его пришлось уложить въ постель, въ

комнатѣ коменданта, которому онъ клялся въ вѣчной дружбѣ и союзѣ. Другіе гости далеко за полночь разошлись по различнымъ угламъ президіи. Дамы приняли предложеніе алькада и помѣстились у него. Стѣны его вычурной гасіенды выходили одной стороной на площадь, а другой—въ садъ миссіи.

Въ одно изъ глубокихъ оконъ гасіенды миссъ Кинъ смотрѣла въ окутанный мракомъ садъ. Она никакъ не могла заснуть въ старинной гостинной, любезно предложенной ей, вслѣдствіе того, что пожелала спать одна и отказалась отъ комнаты свей повой подруги, донны Изабеллы. Событія этого дня произвели на нее болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ на другихъ ея спутницъ. Вся эта странная исторія о забытомъ, отдаленномъ поселеніи, казавшаяся другимъ пассажирамъ смѣшнымъ и забавнымъ происшествіемъ, дѣйствовала на нее подавляющимъ образомъ. Оставшись одна, она мысленно перенеслась въ далекое прошлое и старалась представить себѣ жизнь этого узника, забывшаго свѣтъ и забытаго имъ; она старалась представить себѣ эти годы уединенія посреди развалинъ, отчужденія, убившаго даже всякое честолюбіе. Эту жизнь она сравнивала съ замкнутой жизнью въ модномъ пансіонѣ и раздумывала, что̀ вышло бы изъ нея, еслибы она воспитывалась здѣсь. Ей припомнилось счастливое невѣжество донны Изабеллы и она вздрогнула, хотя сама въ то же время съ дѣтскимъ любопытствомъ осматривала старинную обстановку комнаты. А эти люди считали ее какимъ-то высшимъ существомъ?

Изъ глубокой амбразуры окна ей были видны вершины персиковыхъ и оливковыхъ деревьевъ. Слабый свѣтъ заслоненной туманомъ луны придавалъ какой-то покойный, кроткій характеръ саду миссіи. Ей представлялось даже, что церковь полна чего-то таинственнаго. Вдругъ она вздрогнула, замѣтивъ тѣнь у стѣны, около ея окошка... затѣмъ она увидѣла, что это тѣнь мужчины. Онъ тихо пробирался къ церкви, точно отыскивая въ ней спасенія, и, посмотрѣвъ во всѣ стороны, поднялъ глаза на ея окно. Она невольно откинулась назадъ, забывъ въ эту минуту, что свѣча ея потушена, и что ее нельзя было видѣть. Но зато она увидѣла его, и въ ту же минуту узнала Чарльстона.

Такъ и онъ сошелъ на берегъ, и сошелъ потихоньку: всѣ другіе пассажиры думали, что онъ на кораблѣ. Но что онъ тутъ дѣлалъ?.. и зачѣмъ не явился съ другими къ ужину? Она понимала, что онъ могъ не желать быть съ другими, вслѣдствіе своего необщительнаго характера, но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало остаться на кораблѣ, а не блуждать ночью по городу, рискуя быть арестованнымъ. Ей вдругъ пришла мысль, что онъ

могъ ходить въ припадкѣ своей несчастной болѣзни, и она хотѣла уже разбудить всѣхъ и бѣжать къ нему на помощь. Но его движенія не походили на сонныя движенія лунатика. Еще другая мысль удержала ее; онъ взглянулъ на ея окно. Развѣ онъ зналъ, что она тутъ? Чувство смутнаго стыда заставило ее покраснѣть. Онъ дошелъ въ это время до угла зданія и скрылся изъ виду. Она отошла отъ окошка. Нѣчто въ родѣ материнскаго чувства жалости вызвало слезы на ея глаза, когда она, наконецъ, легла на постель и забылась въ крѣпкомъ снѣ.

Къ разсвѣту поднялся вѣтеръ надъ сіявшимъ городомъ и надъ тихими водами залива. Вѣтеръ зашумѣлъ и въ листьяхъ сада миссіи, разогналъ туманъ съ обѣихъ колоколенъ и очистилъ рѣзкія очертанія разрушившихся укрѣпленій. Онъ пронесся по тихимъ водамъ залива, гдѣ спокойно въ прошлую ночь стоялъ на якорѣ Эксцельсіоръ, и на цѣлую милю очистилъ море отъ тумана. Но заливъ былъ пустъ... Корабль ушелъ.

VII.

Миссъ Кинъ разбудили поспѣшные толчки въ плечо, и она проснулась съ тревожнымъ чувствомъ. Открывъ глаза, она была ослѣплена яркимъ дневнымъ свѣтомъ и увидала около своей постели блѣдную Бриммеръ, въ испанскомъ дезабилье.

— Вставайте и одѣвайтесъ скорѣе, милая, торопливо проговорила она, въ то же самое время внимательно осматривая лежавшую на стулѣ одежду Кинъ:—и благодарите Бога, что вамъ есть во что одѣться, у васъ простое платье, а не то, что мое бальное. Случилось что-то ужасное, и одинъ Богъ вѣдаетъ, увидимъ ли мы когда нибудь хоть тряпку изъ своихъ туалетовъ.

— Что же случилось? съ нетерпѣніемъ вскричала Кинъ, садясь на постель и пугаясь больше непривычнаго туалета Бриммеръ, чѣмъ ея непонятныхъ рѣчей.

— Да! что случилось? Никто не знаетъ этого подробно, но случилось что-то ужасное... рѣзня, или кораблекрушеніе, или разбой? Слышите, другъ вашъ комендантъ собираетъ войска. Алькадъ созываетъ совѣтъ; Бенксъ бѣснуется и бѣгаетъ, отыскивая какого нибудь парохода—точно здѣшніе обитатели слыхали когда нибудь о пароходахъ!.. а капитанъ Бенкеръ, обезумѣвъ отъ ярости и вина, заболѣлъ бѣлой горячкой, и сидитъ запертый въ своей комнатѣ! Эксцельсіоръ ушелъ... Одинъ Богъ знаетъ, куда.

— Ушелъ! повторила Кинъ, поспѣшно одѣваясь.—Не можетъ

быть! Что сказалъ вамъ отецъ Эстебанъ? Что говоритъ донна Изабелла?

— Вотъ въ этомъ-то и заключается весь ужасъ нашего положенія! Эти дураки воображаютъ, будто все это произошло вслѣдствіе какой-то революціи между нами, какъ бываетъ между ихъ несчастными правительствами. Мнѣ кажется, что этотъ младенецъ Изабелла воображаетъ, что тутъ замѣшаны король Георгъ и Вашингтонъ; во всякомъ случаѣ они желаютъ знать, чью сторону вы примете! Поэтому, ради бога, въ успокоеніе ихъ скажите, что всѣ мы принимаемъ одну и ту же сторону... я хочу сказать, чтобы они не воображали, что вы и Маркгемъ пойдете противъ миссъ Чебъ и меня.

Не зная смѣяться или плакать надъ несвязными рѣчами Бриммеръ, Кинъ поспѣшно кончала свой туалетъ, какъ вдругъ дверь распахнулась и въ комнату вбѣжали донна Изабелла и сестра ея Жуанита. Обѣ мексиканки бросились на шею къ миссъ Кинъ и потомъ вдругъ отступили, выражая смущеніе и глубокое почтеніе.

— Пожалуйста, спросите у нихъ, потому что я не смѣю, прошептала Бриммеръ, стараясь запахнуть свою мантилью:—Господи, какое это старье, неужели они не одолжатъ мнѣ дня на два чего нибудъ поприличнѣе?

— Развѣ сеньора не слыхала, что всѣ вещи ея и другихъ сеньоръ и сеньоровъ найдены на берегу, въ цѣлости и сохранности?

— Нѣтъ, живо проговорила Бриммеръ.

— Да, да, отвѣчала Изабелла.—Вѣдь вы не изъ революціонной партіи?

Бриммеръ бросила умоляющій взоръ на Кинъ, и поспѣшно вышла изъ комнаты. Кинъ хотѣла тоже послѣдовать за нею, но дѣвицы Рамиресъ съ трагизмомъ бросились къ ней на грудь и, сдѣлавъ таинственный жестъ молчанія, прошептали:

— Не бойтесь ничего, ваше высочество! Мы ваши... мы готовы умереть за васъ... что бы ни рѣшили доннъ Рамонъ, или комендантъ, или аюнтоміенто! Довѣрьтесь намъ, ваше высочество.

— Что случилось? вскричала миссъ Кинъ, теперь дѣйствительно встревожившаяся. Вырвавшись изъ объятій, она хотѣла идти.—Ради бога, пустите меня! Мнѣ надо кого нибудь видѣть! Гдѣ же... гдѣ Маркгемъ?

— Маркгемъ? Это такая суровая?.. вотъ такая? проговорила донна Изабелла, дѣлая ужасное лицо.

— Ну, да, невольно улыбаясь, сказала Кинъ.

— Она арестована.

— Арестована! вспыхнувъ отъ негодованія, вскричала Кинъ.— За что? Кто же смѣлъ арестовать ее?

— Комендантъ. Она везетъ посланіе... депешу отъ инсургентовъ.

Не говоря болѣе ни слова и чувствуя, что не можетъ выносить долѣе неизвѣстности, Кинъ вырвалась изъ рукъ дѣвушекъ и, не смотря на ихъ крики и мольбы, побѣжала въ другія комнаты. Она тотчасъ же увидала, что Бриммеръ куда-то вышла. Съ пылающими щеками и сверкающими глазами пробѣжала она по двору и вышла на площадь. Ею руководила только одна мысль—увидѣть коменданта и просить его освободить ея друга. Она не размышляла, какъ она это сдѣлаетъ и какіе приведетъ аргументы. Она даже не подумала обратиться за содѣйствіемъ къ Бресу, Кросби, или кому нибудь изъ пасссажировъ. Она почему-то вполнѣ была увѣрена, что теперь происходитъ кризисъ, поборотъ который она можетъ только одна.

На площади кишила странная толпа туземцевъ и солдатъ; все это были люди темно-бронзоваго цвѣта, вооруженные страннымъ старинным оружіемъ и одѣтые въ давно забытые костюмы. Никого изъ пассажировъ Эксцельсіора не было между ними, но это нисколько не удивило ея, она понимала, что произошла какая-то катастрофа, гораздо болѣе важная, чѣмъ представляла ее себѣ Бриммеръ. Высоко поднявъ голову и сверкая глазами, рѣшительно пошла она по площади. Толпа разступалась, пропуская эту хорошенькую дѣвушку. Кое-кто изъ толпы пошелъ за нею, и когда она подошла къ караулу, стоявшему у воротъ, солдаты не только не остановили ея, но отдали даже честь, и она прошла, сопровождаемая толпой народа, и остановилась передъ изумленнымъ комендантомъ.

— Я желаю видѣть мистрисъ Маркгемъ и узнать, по какому праву она арестована, смѣло сказала миссъ Кинъ.

— Сеньоръ комендантъ не можетъ говорить съ вами до тѣхъ поръ, пока вы не распустите вашихъ сторонниковъ, перевелъ ей секретарь слова коменданта.

Она хотѣла уже сказать, что толпы этой не знаетъ, и не собирала ея, но инстинктивно остановилась.

— Почемъ я знаю, можетъ быть и меня арестуютъ точно также, какъ арестовали моего друга, быстро проговорила она.— Она также невинна, какъ и я.

— Комендантъ даетъ слово гидальго, что вы не будете арестованы.

Она намѣревалась по первому впечатлѣнію подойти къ двери и просить толпу удалиться, но дипломатическій тактъ удержалъ ее.

— Можете сами просить ихъ удалиться, я не могу отвѣчать за нихъ, сказала она.

Секретарь вышелъ въ галлерею и перекинулся нѣсколькими словами съ людьми, стоявшими впереди толпы. Миссъ Кинъ, стоя за секретаремъ, очаровательно улыбнулась имъ, и дружески махнула рукой. Толпа выразила свой восторгъ, испугавъ ее криками: „да здравствуетъ королева американская!“ послѣ чего комендантъ увелъ ее въ комнату.

— Вы желаете знать, въ чемъ обвиняется сеньора Маркгемъ? любезно спросилъ комендантъ.—Она получила письмо отъ пирата... Перкинса.

— Пирата Перкинса?!—съ негодованіемъ повторила Кинъ.

— Отъ морскаго разбойника, написавшаго это письмо. Прочтите его, Мануэль.

Секретарь отвелъ свои глаза отъ пылавшаго личика молодой дѣвушки, слегка откашлялся и затѣмъ сталъ читать слѣдующее:

„Съ корабля флота независимаго штата Квинквинамбо: „Эксцельсіоръ“, августа 8-го 1854 г. капитану Бенкеру.—Милостивый государь...“

— Но вѣдь это же письмо адресовано не къ вамъ? съ негодованіемъ остановила его Кинъ.

— Капитанъ Бенкеръ сошелъ съ ума, серьезно сказалъ комендантъ.—Читайте!

Краска сбѣгала съ лица дѣвушки, по мѣрѣ того какъ секретарь монотоннымъ голосомъ читалъ:

„Имѣю честь увѣдомить васъ, что 8-го іюля 1854 г., въ первый годъ независимости Квинквинамбо, корабль Эксцельсіоръ былъ присужденъ федеральнымъ совѣтомъ Квинквинамбо къ секвестру за то, что онъ помогалъ врагамъ, доставляя имъ снаряды и продовольствіе, и дѣйствовалъ противъ законовъ народныхъ. Въ силу этого секвестра, вышеупомянутый корабль былъ захваченъ мною вчера. Товары и вещи, принадлежащіе вамъ и пассажирамъ, по моему распоряженію, благополучно сложены на берегу пристани Тодосъ-Сантосъ. По приказу федеральнаго совѣта, имущество частныхъ лицъ не можетъ быть конфисковано.

„Беру на себя смѣлость просить васъ передать при семъ прилагаемый документъ въ казначейство конфедеративнаго штата Квинквинамбо, дону Мигуэлю Бріонесу, въ уплату за продоволь-

ствіе, кое-какіе припасы и за орудіе, которое служило для торжественныхъ салютовъ въ Тодосъ-Сантосѣ. *Вишленція!*

Вашъ покорный слуга

Леонидъ Боливаръ Перкинсъ,

Главнокомандующій сухопутными и морскими силами независимаго штата Квинквинамбо".

Не смотря на испугъ при сознаніи, что страшная катастрофа теперь совершилось, миссъ Кинъ не забыла однако цѣли, ради которой пришла къ коменданту.

— Но какое же отношеніе можетъ имѣть ко всему этому Маркгемъ?

— Она отказывается выдать намъ свою переписку съ пиратомъ Перкинсомъ, возразилъ секретарь. Миссъ Кинъ смутилась. Неужели Маркгемъ и прежде знала, кто такой въ дѣйствительности Перкинсъ?

— Но отчего же, въ такомъ случаѣ, вы не арестовали мужчинъ? гнѣвно вскричала она:—тутъ есть и Бенксъ, и Кросби, и Винслау, и Бресъ.

— Они уже арестованы и препровождены въ Сандтъ-Антоніо, за милю отсюда, отвѣчалъ секретарь.—Для ихъ обвиненія достаточно факта сознанія, что ихъ правительство захватило мексиканскую провинцію Калифорнію, и что они ѣхали туда, чтобы вступить во владѣніе ею.

Сердце миссъ Кинъ упало.

— Но все это вы знали уже вчера, проговорила она,—и война наша съ Мексикой кончилась много лѣтъ тому назадъ.

— Мы узнали это только вчера вечеромъ на пиршествѣ, и совсѣмъ бы не узнали, еслибы въ вашей партіи не произошло раскола.

Миссъ Кинъ теперь поняла слова донны Изабеллы. Какъ это ни было безсмысленно, но испанцы очевидно думали, что въ Соединенныхъ Штатахъ произошла революція, что пассажиры Эксцельсіора принадлежали къ двумъ различнымъ партіямъ, и что во главѣ одной изъ нихъ стоялъ неукротимый Перкинсъ. Благоразумно ли было разувѣрять ихъ въ этомъ? Она вспомнила о просьбѣ Бриммеръ стоять на одной сторонѣ съ нею и тотчасъ же сообразила, что изъ этого можно извлечь пользу для своихъ соотечественниковъ. Но которую сторону могъ принять Тодосъ-Сантосъ? этого сразу рѣшить она не могла, но тотчасъ же составила планъ спасенія своихъ соотечественниковъ. Сомнѣнія ея быстро пришли къ концу. Комендантъ и секретарь перекинулись между собой нѣсколькими словами:

— Комендантъ готовъ исполнить требованіе донны Элеоноры, сказалъ секретарь:—если она отвѣтитъ на одинъ вопросъ.

— Что такое? со страхомъ проговорила она.

— Можетъ быть, сеньоръ Перкинсъ возлюбленный сеньоры Маркгемъ?

Не смотря на опасность, не смотря на неопредѣленность судьбы ея соотечественниковъ, Кинъ съ трудомъ удержалась отъ искушенія разразиться хохотомъ. Желаніе это выразилось у нея, однако, въ подергиваніи лица, не укрывшемся отъ вниманія коменданта и его секретаря.

— Можетъ быть, тихо отвѣчала она.

Коменданту этого было совершенно достаточно. Темныя вѣки его сложились, придавъ лукавое выраженіе лицу; секретарь сладко осклабился.

— Что прикажете дѣлать?... таковъ ужь свѣтъ, сказалъ комендантъ.—Мы это понимаемъ... Идемте!

Онъ повелъ ее по галлереѣ, и вдругъ открылъ маленькую окованную дверь. Что бы миссъ Кинъ ни представляла себѣ о заключеніи своей подруги, она далека была отъ дѣйствительности, и при видѣ пріятнаго солнечнаго свѣта, сквозившаго сквозь зелень, вполнѣ успокоилась. Маркгемъ была заключена въ старый гласисъ, который превратился въ прелестнѣйшій садъ, спускавшійся прямо къ морю. Посреди сада стояла бесѣдка, и плѣнница, сидя подъ растеніями, висѣвшими съ бастіона, спокойно писала, положивъ свой дорожный бюваръ на колѣни и поставивъ дорожный мѣшокъ у ногъ. Посреди роскошныхъ тропическихъ растеній стоялъ сундукъ довольно внушительныхъ размѣровъ. Единственнымъ доказательствомъ лишенія свободы могъ служить краснокожій солдатъ, но и тотъ, положивъ ружье около Маркгемъ, расчищалъ мотыкой черезчуръ заросшія дорожки сада.

Съ крикомъ радости, Кинъ бросилась въ объятія подруги. Комендантъ и секретарь деликатно отошли въ сторону.

— Я нашла все, моя милая, въ томъ видѣ, въ какомъ оставила, даже туфли, сказала Меркгемъ.—Они ничего не забыли.

— Но вы арестованы! вскричала дѣвушка.—Что это значитъ?

— Ничего не значитъ, душа моя. Я высказала имъ свой образъ мыслей, сказала Маркгемъ: — написала шесть страницъ губернатору Мазатлана и полный отчетъ Маркгему обо всемъ, что случилось.

— И они получатъ это черезъ тридцать лѣтъ! съ жаромъ вскричала миссъ Кинъ.—Гдѣ письмо отъ Перкинса? И ради бога скажите мнѣ: подозрѣвали ли вы о томъ, что съ нами произошло?

— Нисколько. Это сумасшедшій, душа моя. И я увѣрена, что до сумасшествія довела его эта женщина изъ Иллинойса своими стихотвореніями. Можетъ ли быть что нибудь смѣшнѣе... и позорнѣе, какъ это воззваніе къ Ульрикардо? Я не удивилась, что онъ такъ покраснѣлъ.

Кинъ нахмурила брови отъ досады. Или всѣ съ ума сошли, или послѣдняя катастрофа подѣйствовала на разсудокъ ея соотечественницъ. Передъ нею стояла умная Маркгемъ, и въ такую страшную минуту думала, какъ и Бриммеръ, о пустякахъ, повидимому, не понимая факта, что они брошены на берегъ, къ враждебнымъ имъ людямъ, и отрѣзаны полувѣкомъ отъ всего міра.

— А что касается письма, спокойно сказала Маркгемъ:—такъ вотъ оно. Это письмо самаго дружескаго характера.

Кинъ взяла письмо. Оно было написано мелкимъ, почти женскимъ почеркомъ.

„Полночь, на Эксцельсіорѣ.

„Другъ мой. Когда вы получите это письмо, я, вѣроятно, опять буду посреди величественной стихіи, такъ много восхищавшей насъ. Я отправляюсь освобождать одинъ изъ тѣхъ народовъ, исторію котораго такъ часто разсказывалъ вамъ, и къ судьбѣ котораго вы не разъ высказывали сочувствіе. Чтобы мотивы, въ силу которыхъ мнѣ пришлось такъ неожиданно покинуть васъ, не были ложно перетолкованы, я принужденъ объясниться. Позвольте мнѣ вкратцѣ заявить вамъ, что мысль выгрузить васъ и ваши вещи и покинуть ваше милое общество явилась мнѣ вслѣдствіе нашего неожиданнаго или, лучше сказать, Богомъ опредѣленнаго прибытія въ президію. Необходимость дѣйствовать, не теряя времени, лишила меня возможности довѣриться вамъ, или даже просить вашего содѣйствія. „Умъ хорошо, а два лучше“, говоритъ пословица, и почемъ знать? можетъ быть, вдвоемъ мы съумѣли бы сдѣлать все гораздо лучше. Сначала я хотѣлъ высадить васъ въ Мазатланѣ, далеко уступающемъ по климату и мѣстности Тодосъ-Сантосу, хотя болѣе доступномъ для всего, но присутствіе тамъ американскаго парохода придало бы дѣйствіямъ моимъ непріятную всѣмъ намъ гласность. Пользуясь своимъ знаніемъ береговыхъ условій полуострова и полнымъ извинительнымъ незнаніемъ капитана Бенкера, я успѣлъ черезъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ направить корабль въ незнакомый портъ на мало посѣщаемомъ, вслѣдствіе постоянныхъ тумановъ, берегу. Тутъ помогъ случай, о которомъ, дорогой другъ, мы такъ часто съ вами говорили. Мы попали въ неизвѣстное теченіе и были приведены въ заливъ

Тодосъ-Сантосъ. Вы знаете мое мнѣніе о безконечной мудрости и благости случайностей, хотя часто не раздѣляли его. Можетъ ли быть что либо выше случая, забросившаго насъ сюда? На берегу, интереснomъ въ историческомъ отношеніи, съ превосходнымъ климатомъ, съ гостепріимными обитателями, замкнутомъ отъ внѣшнихъ сношеній и лишенномъ всякаго компрометирующаго вліянія, вы можете быть счастливы съ вашими юными соотечественниками. Изъ разсыпающихся развалинъ прошлаго вы можете создать новую колонію, цѣлую Аркадію, съ зачатками новѣйшей цивилизаціи. Деньги ваши, которыя, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ моихъ матросовъ, мнѣ удалось спасти, помогутъ прожить безъ нужды въ продолженіе многихъ лѣтъ. Еслибы я не посвятилъ себя на освобожденіе Квинквинамбо, я охотно раздѣлилъ бы съ вами жизнь въ этомъ раю. Но, говоря блестящимъ стихомъ миссъ Макъ-Коркль, я скажу:

Нѣтъ, не держи меня! душею окрыленной
Я унесусь въ тотъ край освобожденный!

„Осмѣливаюсь поручить вашему вниманію двѣ ненапечатанныя рукописи этой даровитой женщины. Опасность, сопряженная съ моей настоящей миссіей, превратности морскихъ и сухопутныхъ битвъ, запрещаютъ мнѣ рисковать и лишать потомство такихъ геніальныхъ произведеній. Вы, другъ мой, сохраните себя для будущаго, не лишаясь въ то же время наслажденія черпать время отъ времени изъ этого источника Парнаса.

„Прощайте, другъ мой. Смотрю кругомъ себя въ знакомой каютѣ, и чувствую, что въ ней недостаетъ вашего милаго образа. Я, какъ Язонъ, чувствую себя одинокимъ на Аргосѣ, когда товарищи его остались на берегу. Я увѣренъ только, что никакія Цирцеи не погубятъ ихъ. Осматривая каюты, для того чтобы увѣриться, что приказанія мои исполнены и всѣ вещи перевезены, я нашелъ въ вашей каютѣ шпильку изъ каменнаго угля, подобную тѣмъ, которыми вы всегда защпиливали ваши волосы. Позвольте мнѣ оставить ее, въ знакъ памяти о той, чью милую головку она когда-то украшала! Прощайте, мой другъ.

Преданный вамъ Леонидъ Боливаръ Перкинсъ“.

— Ну, что? съ нетерпѣніемъ спросила Маркгемъ, видя, что миссъ Кинъ, какъ статуя, стоитъ съ письмомъ въ рукахъ.

— Это какой-то кошмаръ!.. Я тутъ ничего не понимаю. Человѣкъ, написавшій это письмо, должно быть, помѣшанный... но онъ не пиратъ, не воръ... хотя...

— Онъ-то пиратъ! съ негодованіемъ вскричала Маркгемъ:— тутъ ничего подобнаго нѣтъ! Это не его вина!

— Не его вина? повторила Кинъ:—неужели и вы помѣшались?

— Нѣтъ... не помѣшалась. Развѣ вы не понимаете, что корабль скомпрометированъ по милости Бенкса и Бриммера и по милости пьянаго капитана, допустившаго овладѣть своимъ судномъ. Перкинсъ—освободитель, патріотъ—рисковалъ и собою, и своимъ дѣломъ, желая поступить съ нами великодушно. Развѣ вы этого не видите? Пусть Бенксъ и Бриммеръ называютъ его пиратомъ! Мнѣ очень хочется высказать коменданту мое мнѣніе о нихъ!

— Полноте! проговорила Кинъ, вдругъ вспомнивъ подозрѣнія коменданта:—ради бога оставьте; вы сами не знаете, что говорите! Смотрите! они разговариваютъ съ человѣкомъ, который только что вошелъ?

Комендантъ и секретарь его подошли къ нимъ.

Оба они сдѣлались еще серьезнѣе прежняго; но на дамъ не смотрѣли уже прежнимъ подозрительнымъ взглядомъ.

— Сеньоръ комендантъ говоритъ, что вы свободны, сеньоры, и проситъ васъ только рѣшить: желаете ли вы быть его гостями, или гостями алькада. Кромѣ того, въ настоящее время онъ не можетъ позволить вамъ имѣть какія либо сношенія съ арестованными въ Сантъ-Антоніо.

— Еще какія нибудь новости, тихо проговорила Кинъ, предчувствуя что-то дурное.

— Есть! къ берегу прибило тѣло, брошенное съ Эксцельсіора.

Обѣ женщины поблѣднѣли.

— Въ карманѣ убитаго человѣка найдено обвиненіе противъ какого-то сеньора Чарльстона, который спрятался на кораблѣ и не сошелъ на берегъ вмѣстѣ съ другими пассажирами, а бѣжалъ потихоньку и спрятался теперь гдѣ-то на Тодосъ-Сантосѣ.

— И вы его подозрѣваете въ этомъ гадкомъ преступленіи? вскричала Кинъ, забывъ отъ негодованія всякое благоразуміе.— Вы ошибаетесь. Онъ также невиненъ, какъ и я.

Комендантъ и секретарь улыбнулись.

— Сеньоръ комендантъ вѣритъ вамъ, сеньора Элеонора: сеньоръ Чарльстонъ неповиненъ въ тиранствѣ. Но онъ несомнѣнно стоитъ во главѣ оппозиціи!

VIII.

Джемсъ Чарльстонъ, войдя въ кусты, въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ и оглянулся на только что пройденный имъ

садъ. Въ концѣ сада шла живая изгородь изъ кактуса, которую ему, судя по его изорванному платью, вѣроятно, пришлось перелѣзать. Съ одной стороны сада шла низенькая стѣна дома алькада, совершенно теперь темная, а персиковыя деревья были такъ стары, что вѣтви ихъ заслоняли дорожки, извивавшіяся между фиговыми деревьями. Кое-гдѣ надъ непроницаемой зеленью качались величественныя пальмы. Изъ окружавшихъ, неизвѣстныхъ ему, кустовъ распространялся чудный запахъ.

Спокойствіе и безмолвіе этого заглохшаго сада благодѣтельно подѣйствовали на него и успокоили тревогу. Онъ пошелъ далѣе вдоль стѣны и ощупалъ рукою дверь, которая при его толчкѣ безшумно отворилась въ темныя сѣни. Не размышляя, онъ вошелъ, и увидалъ, что коридоръ круто поворачивалъ въ сторону. Онъ повернулъ и вступилъ въ придѣлъ церкви миссіи. Неугасимая лампада, висѣвшая передъ образомъ Божіей Матери, слабо освѣщала единственное окно за высокимъ алтаремъ; другая лампада висѣла въ аркѣ и освѣщала проходъ въ домъ священника. При свѣтѣ этихъ лампадокъ, Чарльстонъ могъ разсмотрѣть грубую отдѣлку и слинявшую позолоту украшеній церкви. Стѣны были выкрашены не то въ мавританскомъ, не то въ индѣйскомъ вкусѣ. Живопись, виднѣвшаяся кое-гдѣ, носила отпечатокъ далекой страны. Въ церкви пахло ладаномъ, и Чарльстонъ ощутилъ такое блаженное чувство покоя, что невольно сѣлъ на грубую скамью и облокотился на перила. Долго ли онъ сидѣлъ тутъ, онъ сказать не могъ. Слабое щебетаніе птицъ вдругъ разбудило его. Взглянувъ наверхъ, онъ увидалъ, что птички летали надъ нимъ въ куполѣ, освѣщаемомъ розоватымъ свѣтомъ утренней зари.

Въ коридорѣ послышался шорохъ и тихія, но тяжелые шаги. Онъ задрожалъ при видѣ вошедшаго въ церковь, того самаго священника, котораго онъ видѣлъ на Эксцельсіорѣ. Падре былъ одинъ. При видѣ незнакомца, изодраннаго и растрепаннаго, онъ невольно остановился и поспѣшно взглянулъ на тяжелыя серебряныя украшенія алтаря. Чарльстонъ замѣтилъ это и горько улыбнулся.

— Не безпокойтесь. Я искалъ тутъ только пріюта.—Онъ говорилъ по французски, такъ какъ слышалъ, что падре говорилъ на этомъ языкѣ съ Бриммеръ. Священникъ, быстро взглянувъ на него, увидѣлъ свою ошибку. Онъ торжественно поднялъ руку къ алтарю.

— Вы правы. Гдѣ же вамъ его искать, какъ не здѣсь, въ президіи?

Отвѣтъ былъ такъ неожиданъ, что Чарльстонъ замолчалъ.

— А если я искалъ именно церкви? сказалъ онъ.

— Вы прежде всего сказали бы мнѣ, отчего вы ее ищете, ласково отвѣчалъ падре.

Чарльстонъ нерѣшительно посмотрѣлъ на него, и затѣмъ сказалъ съ безнадежнымъ отчаяніемъ человѣка, рѣшившагося на все.

— Я пассажиръ съ корабля, на которомъ вы вчера были. Я сошелъ на берегъ съ намѣреніемъ спрятаться тутъ гдѣ нибудь, до выхода судна въ море. Если я скажу вамъ, что не скрываюсь отъ правосудія, что я не виновенъ ни въ чемъ передъ пассажирами и не намѣренъ сдѣлать что нибудь дурное, а желаю только спрятаться отъ нихъ на двадцать четыре часа,—то вы изъ этого поймете, что ничѣмъ не рискуете, давъ мнѣ пріютъ. Болѣе ничего сказать я не могу.

— Но я не видѣлъ васъ съ другими пассажирами ни на кораблѣ, ни на берегу, проговорилъ священникъ.—Какимъ же образомъ вы попали сюда?

— Я приплылъ до ихъ пріѣзда. Я не зналъ о ихъ намѣреніи выйти на берегъ и думалъ, что выду одинъ, и слѣдовательно мнѣ незачѣмъ будетъ прятаться. Но счастье мнѣ не благопріятствуетъ, съ горькой усмѣшкой прибавилъ онъ.

Священникъ взглянулъ на его одежду, очевидно побывавшую въ водѣ, но молчалъ:

— Вы думаете, я лгу?

Старый священникъ поднялъ голову и руку.

— Не мнѣ, а Богу.

Молодой человѣкъ тоже поднялъ голову и бросилъ гнѣвный взоръ кругомъ себя. Но тишина и покой подѣйствовали на него благотворно, и онъ глядя, на священника, серьозно сказалъ:

— И Богу не лгу.

— Такъ зачѣмъ же таить что либо отъ него здѣсь? ласково проговорилъ священникъ.

— Я вѣдь не католикъ, и не вѣрю въ исповѣдь, мрачно сказалъ Чарльстонъ, отворачиваясь.

Падре Эстебанъ положилъ свою большую смуглую руку на плечо молодаго человѣка. Это кроткое прикосновеніе заставило его опять сѣсть на прежнее мѣсто.

— Вѣдь вы ищете пріюта въ этомъ святилищѣ, которое прежде всего требуетъ открытой души. Куда бы вы ни пошли: въ домъ ли алькада, или въ хижину туземца, вы должны были бы разсказать какую нибудь исторію. Передъ врачемъ, котораго вы просили бы исцѣлить васъ, вы не стали бы скрывать ни своей раны, ни симптомовъ, ни причины болѣзни, ласково прибавилъ онъ,

видя, что Чарльстонъ хочетъ возражать.—Ваше желаніе будетъ исполнено. Вы останетесь здѣсь. Я буду вашимъ врачемъ, и залѣчу ваши раны; можетъ быть, я не съумѣю найти средства противъ неизвѣстнаго мнѣ яда, но въ такомъ случаѣ вы простите меня, сынъ мой, и поможете мнѣ отыскать его. Я дамъ вамъ отдѣльную келью, въ которой вы можете пробыть до отхода корабля. А потомъ...

Онъ поспѣшно опустился на скамейку рядомъ съ молодымъ человѣкомъ, и, взявъ его за руку, заглянулъ ему въ лицо, точно читая въ его глазахъ.

— А потомъ... Ну, да... что же потомъ? Чарльстонъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ. Онъ припомнилъ тихій садъ, навѣявшій покой на его душу, вспомнилъ, какъ далекъ отъ всего свѣта этотъ чудный уголокъ; вспомнилъ о своемъ горькомъ прошедшемъ и подумалъ о томъ, что произойдетъ, если его забудутъ и онъ все забудетъ и начнетъ новую жизнь, среди незнакомыхъ ему людей, тоже забытыхъ всѣми. Поднявъ опять глаза на падре Эстебана, онъ, вставая, спросилъ:

— Мы одни?

— Одни. До обѣдни еще полчаса, отвѣчалъ священникъ.

— Исторія моя не долга, поспѣшно проговорилъ молодой человѣкъ, точно боясь измѣнить свое рѣшеніе:—Ну, такъ выслушайте меня... я не совершилъ никакого преступленія и никому не сдѣлалъ зла; болѣе того: это касается только меня и...

— Одной женщины, кротко добавилъ священникъ.—Садитесь, сынъ мой.

Онъ успокоительно поднялъ руку, какъ врачъ, удачно отгадавшій болѣзнь. Чарльстонъ помолчалъ немного, потомъ поспѣшно продолжалъ:

— И одной женщины, отравившей мнѣ всю жизнь, разбившей мое будущее, испортившей мою молодость; женщины, добившейся моей любви только для того, чтобы втоптать ее въ грязь, женщины, которая должна бы быть мнѣ самымъ близкимъ человѣкомъ въ мірѣ и которая между тѣмъ далека отъ меня, какъ преисподняя ада; женщины, отъ которой я бѣжалъ, готовый перенести позоръ и даже смерть, только бы не встрѣчаться съ нею болѣе, женщины—моей жены!

Онъ остановился отъ недостатка воздуха; глаза его горѣли, зубы сжимались. Эстебанъ вынулъ изъ кармана табакерку и большой носовой платокъ. Сильно высморкавшись, онъ понюхалъ табаку и спряталъ табакерку.

— Плохо, сынъ мой, наставительно проговорилъ онъ:—это всеобщая людская слабость. Продолжайте!

— Пять лѣтъ тому назадъ я въ первый разъ встрѣтилъ ее, женою другаго. Не осуждайте меня, то не была преступная страсть; мнѣ казалось это чувство простой дружбой, къ женщинѣ умной и красивой. Я былъ тогда еще студентомъ и жилъ съ нею въ одномъ домѣ, въ университетскомъ городѣ. Прежде чѣмъ я заговорилъ съ нею о любви, она повѣрила мнѣ тайну своей несчастной брачной жизни, разсказала о грубости, даже жестокости своего мужа. Человѣкъ и менѣе меня влюбленный могъ убѣдиться въ справедливости ея словъ, могъ видѣть контрастъ между грубымъ, чувственнымъ, неделикатнымъ человѣкомъ и изящной и умной женщиной. Я повѣрилъ. Уже гораздо позднѣе узналъ я, что бракъ ея не былъ результатомъ ошибокъ молодости; а заключенъ по обоюдному согласію, чтобы спасти ея репутацію. Но я безумно любилъ ее; и когда она получила, наконецъ, разводъ съ нелюбимымъ мужемъ, я думалъ, что она устроила это изъ любви ко мнѣ. Въ то время я не зналъ, что они устроили разводъ, точно также, какъ и бракъ, съ обоюднаго согласія.

„Я былъ единственнымъ сыномъ матери-вдовы, которая инстинктивно, съ первой же минуты, возстала противъ моей любви къ этой женщинѣ, и все, что она тогда предсказывала, дѣйствительно случилось. Къ несчастью, какъ она, такъ и знакомые мои были настолько безтактны, что прямо высказывали, будто разводъ устроенъ исключительно съ цѣлью поддѣть меня, какъ богатаго жениха. Этотъ аргументъ заставилъ меня защитить любимую женщину. Однимъ словомъ, я женился, не только вопреки противодѣйствію моихъ родныхъ, но вслѣдствіе его.

„Мать моя, вѣроятно, примирилась бы съ этимъ бракомъ, но жена никогда не могла простить ей несогласія на мою женитьбу и, боясь, чтобы мать не одержала верхъ, навѣки поссорила насъ. Обладая небольшимъ капиталомъ, оставленнымъ мнѣ отцомъ пополамъ съ матерью, я увезъ жену въ одинъ изъ западныхъ городовъ. Капиталъ нашъ скоро истощился отъ долговъ ея прежняго мужа, которые она приняла на себя, чтобы получить разводъ. Я же, получивъ хорошее воспитаніе, началъ давать уроки музыки, языковъ и писать въ журналахъ. Жена моя сначала помогала мнѣ писать, но я скоро убѣдился, что она добивалась только извѣстности, не обладая ни малѣйшимъ дарованіемъ. Она довольно легко писала сантиментальные стихи и помѣщала ихъ въ журналахъ; но вовсе не пользовалась успѣхомъ. Это однако не мѣшало ей продолжать писать, и она не обращала ни малѣйшаго

вниманія, даже когда надъ ней смѣялись прямо въ глаза. Наконецъ, я дошелъ до того, что не могъ заплатить одного долга ея мужа и получилъ анонимное письмо съ угрозой. Я далъ это письмо ей, и оно вызвало сцену, показавшую мою глупость. Жена обвинила меня въ своемъ разводѣ и говорила, что я обманулъ ее, выдавая себя за богатаго человѣка. Въ пылу гнѣва, выказавшаго мнѣ ея настоящій характеръ, она предложила мнѣ развестись съ нею, какъ развелась съ первымъ мужемъ. Тутъ я въ первый разъ узналъ, что она любила другаго, и думала, что громкій бракоразводный процессъ обратитъ на нее вниманіе общества и заставитъ говорить объ ней...

„Она въ то же время и лгала, продолжалъ Чарльстонъ. Она клялась, что я ударилъ ее! Можетъ быть... Богъ знаетъ! Но ей не удалось передъ судомъ обвинить меня въ жестокомъ обращеніи. Судья вынесъ убѣжденіе, что я помѣшанъ, но никакъ не грубъ, и ей было отказано въ просьбѣ о разводѣ.

„Нечего разсказывать вамъ, что друзья мои, такъ сильно возстававшіе противъ моего брака, умоляли меня теперь позволить ей разорвать его. Но я отказалъ. Клянусь вамъ, что я отказалъ не отъ любви къ ней, такъ какъ присутствіе ея доводило меня до бѣшенства; не изъ чувства мести или ревности, потому что я благословилъ бы того человѣка, который избавилъ бы меня отъ нея, и заставилъ бы ее забыть. Но я не могъ вынести мысли занять роль ея перваго мужа въ этой отвратительной комедіи. Я не хотѣлъ искупить свою свободу такой цѣной. Мнѣ говорили, что я могъ получить разводъ и снова сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ. Но вѣдь въ своихъ собственныхъ глазахъ я не сдѣлался бы свободнымъ. Я чувствовалъ, что кандалы, которыя я добровольно надѣлъ на себя, могутъ быть разбиты только смертью; я зналъ, что жена всегда будетъ камнемъ висѣть у меня на шеѣ.

„Узнавъ о моемъ рѣшеніи, она стала таскать изъ мести имя мое по грязи, въ которую сама окунулась. Подъ тѣмъ предлогомъ, что ей недостаетъ денегъ, которыя я могъ удѣлять ей, она, пользуясь своей красивой внѣшностью и нѣсколько сомнительнымъ талантомъ, начала играть на любительскихъ спектакляхъ и, наконецъ, поступила на сцену. Она открыто появлялась всюду въ сопровожденіи своего любовника, который хотѣлъ заставить меня дать ей разводъ. Вдругъ она исчезла, и я уже думалъ, что она меня забыла. Въ это время я досталъ себѣ въ Нью-Іоркѣ мѣсто. Однажды вечеромъ я отправился въ театръ, гдѣ давалась комическая опера и гдѣ появилась какая-то новая актриса, прозванная западной Таліей, о красотѣ и эксцен-

тричныхъ костюмахъ которой говорилъ весь городъ. Въ этой звѣздѣ безстыдной наготы я узналъ свою жену, и, мало того, она узнала меня. На слѣдующій же день, кромѣ обыкновеннаго объявленія о представленіи, была сообщена „настоящая" фамилія актрисы, а въ газетахъ появилась сочувственная статья и разсказъ о ея несчастномъ бракѣ. Я отказался отъ своего мѣста и, воспользовавшись предложеніемъ одного стариннаго пріятеля, рѣшился потихоньку уѣхать къ нему въ Калифорнію. Мать моя умерла съ горя, я былъ одинъ на свѣтѣ. Но жена моя какъ-то узнала о моемъ намѣреніи, и когда я пріѣхалъ въ Каллао, то услыхалъ тамъ, что она поѣхала за мною черезъ Панамскій перешеекъ и, вѣроятно, встрѣтитъ меня въ Мазатланѣ, гдѣ мы должны были остановиться. Мысль о самоубійствѣ преслѣдовала меня въ продолженіе всего этого несчастнаго пути; и только предположеніе, что самоубійство мое она выставитъ, какъ сознаніе виновности, остановило меня.

Падре Эстебанъ снова положилъ руку свою къ нему на плечо.

„Самъ Богъ спасъ васъ отъ гибели души и тѣла, кротко сказалъ онъ.

„Когда мы подошли къ Мазатлану, я задумалъ спрятаться гдѣ нибудь на Эксцельсіорѣ, до выхода корабля изъ порта, въ надеждѣ, что исчезновеніе мое объяснятъ случайнымъ паденіемъ въ море. Мнѣ дѣйствительно удалось спрятаться, но меня нашли въ ту самую минуту, когда корабль измѣнилъ свой курсъ, и скрываться мнѣ было не для чего. Такъ какъ въ Мазатланѣ мы не остановились, то никто ничего не заподозрилъ, и, найдя меня спрятавшимся объяснили все тѣмъ, что я лунатикъ. Я избавился отъ встрѣчи съ этой женщиной въ Мазатланѣ, но зналъ, что она станетъ преслѣдовать меня и въ Сан-Франциско. Судьба, случайно закинувшая насъ въ никому неизвѣстный портъ, снова зажгла во мнѣ надежду. Въ то время, какъ вы съ комендантомъ поднимались на Эксцельсіоръ, я вылѣзъ изъ окна каюты въ воду и, умѣя хорошо плавать, благополучно доплылъ до берега. Я сидѣлъ, спрятавшись, у берега, пока не увидалъ подошедшихъ лодокъ съ пасажирами, и послѣ этого пробрался въ миссію. Въ садъ къ вамъ я перелѣзъ черезъ изгородь и лежалъ подъ деревьями до тѣхъ поръ, пока всѣ голоса не стихли. Ночью я прошелъ по тропинкѣ до какой-то стѣны, а въ этой стѣнѣ оказалась дверь, которая отворилась, лишь только я толкнулъ ее. Я вошелъ и очутился здѣсь. Остальное вамъ извѣстно.

Онъ говорилъ съ поспѣшностью и жаромъ человѣка, который старался не столько произвести впечатлѣніе на своего слушате-

ля, сколько, высказавшись, облегчить свое сердце. Хотя разсказъ на чужомъ языкѣ не могъ отличаться краснорѣчіемъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ тронулъ священника. Эстебанъ всталъ и, протянувъ обѣ руки, сказалъ:

— Сынъ мой! Церковь, къ которой вы обратились за пріютомъ, не допускаетъ развода. Женщина, сдѣлавшая жизнь вашу несчастною, не могла быть вашей женой. До тѣхъ поръ пока живъ ея первый мужъ, она его жена, связанная съ нимъ узами, нерасторжимыми никакимъ людскимъ закономъ.

IX.

Черезъ часъ послѣ обѣдни, отецъ Эстебанъ спокойно помѣстилъ Чарльстона въ комнатку, въ родѣ кельи. У священника служила индіянка, баснословной старости и поразительной чистоплотности, два краснокожихъ мальчика, помогавшихъ ему служить въ церкви, садовникъ и конюхъ. Старуха и мальчики, конечно, знали о присутствіи иностранца въ домѣ, но, по приказанію священника, никому объ этомъ не говорили; а садовникъ и конюхъ, по своимъ занятіямъ, не касались домашней жизни падре. Старикъ, служа обѣдню, былъ сильно взволнованъ, но такъ какъ въ церкви, кромѣ простаго народа, никого не было, то волненія его никто и не замѣтилъ.

— Ложитесь, сказалъ падре, указывая Чарльстону на небольшую постель въ углу кельи,—и постарайтесь возобновить силы, потерянныя отъ безсонной ночи. Мануэла принесетъ ваше платье, когда оно будетъ высушено и выглажено; а пока надѣньте одежду Пепито. Я отправлюсь къ коменданту и къ алькаду, чтобы узнать, что̀ намѣрены дѣлать ваши соотечественники, когда пойдетъ корабль, и замѣчено ли ваше отсутствіе. Ну, миръ съ вами, сынъ мой. Мануэла, сдѣлай для кабалеро все, что нужно, и лишняго не болтай.

Падре Эстебанъ не прочь былъ украсить еще какими нибудь подробностями разсказъ своего гостя. Ему не разъ приходилось выслушивать исповѣдь молодыхъ людей, влюбленныхъ въ чужихъ женъ, но онъ въ первый разъ слышалъ, чтобы можно было до такой степени терзаться отъ ненависти и презрѣнія къ своей женѣ. Неужели, думалъ онъ:—всѣ американскіе мужья такъ щепетительно-добросовѣстны? Трудно этому повѣрить, глядя на американокъ съ ихъ свободнымъ обращеніемъ. Или этотъ молодой человѣкъ меня обманываетъ, или онъ составляетъ исключеніе.

А если онъ дѣйствительно исключеніе? Доброму отцу Эстебану не приходилось трудиться въ забытомъ Тодосъ-Сантосѣ надъ обращеніемъ кого либо въ католицизмъ. Туземное бронзовое населеніе было вовсе не вольнодумнаго характера; принужденное самой природой спокойно жить на одномъ мѣстѣ, оно легко усвоивало привычку иногда посѣщать церковь и звать къ умирающимъ добраго падре. Но обратить въ лоно католической церкви закоренѣлаго, пылкаго, нервнаго иностранца—было дѣломъ, надъ которымъ стоило потрудиться! Какую славу можно было бы придать церкви въ Тодосъ-Сантосѣ съ такимъ помощникомъ, какъ этотъ американецъ.

Мечтая такимъ образомъ, падре вышелъ на главную улицу городка. По обѣимъ сторонамъ ея шли низенькіе домики съ красными черепичными кровлями. Погруженный въ думы, онъ сначала не замѣтилъ, что улица совершенно пуста, и, взглянувъ въ конецъ ея, увидѣлъ на площади густую толпу народа. Заливъ въ этотъ день былъ чистъ отъ тумана, и на немъ, кромѣ двухъ-трехъ мѣстныхъ рыбацкихъ лодокъ, не было ничего. Корабль исчезъ.

Падре перевелъ духъ отъ чувства радости и съ удовольствіемъ понюхалъ табаку; но вскорѣ радостное чувство его смѣнилось изумленіемъ при видѣ вооруженнаго коннаго отряда, посреди котораго онъ узналъ пассажировъ Эксцельсіора, ѣхавшихъ по два человѣка въ рядъ и окруженныхъ двойнымъ рядомъ драгунъ съ обѣихъ сторонъ.

По знаку священника, начальникъ отряда остановилъ своего коня, и весь отрядъ, къ немалому удивленію арестантовъ, почтительно поклонился. Въ Тодосъ-Сантосѣ духовная власть пользовалась, очевидно, перевѣсомъ надъ военной. Въ сердцахъ арестантовъ вспыхнуло чувство надежды.

— Что здѣсь дѣлается? спросилъ падре Эстебанъ.

— Революція, ваше преподобіе; революція между американцами и воровство салютной пушки изъ президіи,—дѣло серьезное. Комендантъ послалъ за вашимъ преподобіемъ. А я везу этихъ господъ въ Сантъ-Антоніо, гдѣ они будутъ ждать рѣшенія суда.

— А корабль?

— Ушелъ, ваше преподобіе. Одна изъ партій захватила его, оставивъ другую на берегу.

— А эти люди кто же такіе?

— Это разбойники, ваше преподобіе: по крайней мѣрѣ, они сознались, что вели войну съ Мексикой и взяли Калифорнію.

Священникъ отъ изумленія и огорченія не могъ произнести ни слова. Бенксъ, пользуясь молчаніемъ, подвинулся впередъ.

— Кто нибудь изъ васъ спросите его, сказалъ онъ, обращаясь къ Бресу и Кросби: — когда кончится этотъ проклятый фарсъ; и гдѣ найти намъ начальника... главнаго зачинщика этой глупой комедіи?

— Надо высказать это деликатнѣе, пролепеталъ Винслау.— Вы ужь надѣлали намъ хлопотъ съ вашимъ языкомъ.

Кросби съ минуту колебался, и наконецъ сказалъ по французски:

— Когда же кончится эта дурацкая комедія... и кто у васъ тутъ антрепренеромъ?

Священникъ удивился. Эти американцы—навѣрно люди болѣе спокойные и не такіе раздражительные, какъ его гость. У него вдругъ мелькнула мысль.

— Много ли народу осталось на кораблѣ? вѣжливо спросилъ онъ.

— Да никого, кромѣ Перкинса и разбойничьяго черномазаго экипажа.

— И проклятаго Чарльстона, прибавилъ Винслау.

Священникъ навострилъ уши.

— Чарльстона? повторилъ онъ.

— Да, такого же пассажира, какъ мы сначала предполагали. Но теперь думаемъ, что онъ съ самаго начала участвовалъ въ заговорѣ, съ трудомъ перевелъ Кросби.

— Въ особенности, если принять во вниманіе его странное исчезновеніе,—замѣтилъ Бресъ по англійски, не обращая вниманія, что падре его не понимаетъ:—то легко можно допустить, что они съ Перкинсомъ сговаривались захватить „Эксцельсіоръ".

— Ну, что намъ теперь за дѣло до Чарльстона; онъ уѣхалъ, а мы сидимъ тутъ! сердито проговорилъ Бенксъ.—Спросите лучше у этого священника, какъ у честнаго человѣка и христіанина, въ какую яму мы попали? Далеко ли до ближайшаго населенія?

Кросби предложилъ вопросъ, а начальникъ отряда закурилъ папиросу.

— Ближайшаго населенія тутъ нѣтъ. Наше населеніе кончается въ Сантъ-Антоніо.

— А что же за нимъ?

— Океанъ.

— А съ юга?

— Пустыня... непроходимая пустыня.

— А съ сѣвера и съ востока?

— Тоже пустыня.

— Какъ же вы ѣздите отсюда?

— Мы никуда не ѣздимъ.

— Какимъ же образомъ происходятъ ваши сношенія съ Мексикой, съ вашимъ правительствомъ?

— Посредствомъ кораблей.

— А когда можетъ прійти корабль?

— Это неизвѣстно.

— Прошу васъ передать коменданту, что все это беззаконно, и что я буду жаловаться нашему правительству, поспѣшно продолжалъ Бенксъ.

— Я поговорю съ комендантомъ, серьезно сказалъ священникъ.

— И скажите ему, что если онъ тронетъ хоть волосокъ съ головы нашихъ дамъ, то мы стащимъ съ него всю его гриву, съ жаромъ вскричалъ Бресъ.

Даже дипломатическій переводъ Кросби не смягчилъ этихъ словъ.

— Мексиканскіе солдаты не воюютъ съ женщинами, холодно отвѣчалъ священникъ.—Прощайте, господа!

Отрядъ тронулся далѣе. Пассажиры Экцельсіора, не умолкая, жаловались, сѣтовали и негодовали.

— И, къ довершенію всего, у насъ нѣтъ съ собою ни одного револьвера, съ отчаяніемъ говорилъ Бресъ.

— Каждый изъ насъ можетъ отнять по ружью у этихъ смуглыхъ чучелъ, сказалъ Кросби, съ презрѣніемъ глядя на драгунъ.

— Зачѣмъ? Даже еслибы они не стали сопротивляться и не разстрѣляли насъ, и мы не сочли бы подлымъ бросить женщинъ однихъ, куда мы можемъ бѣжать? рѣзко спросилъ Бенксъ.—Потерпимъ хоть до тѣхъ поръ, пока не получимъ ультиматума отъ этого осла коменданта. Я не думаю, чтобы они стали спѣшить съ рѣшеніемъ нашей участи.

— По моему мнѣнію, намъ надо подчиняться обстоятельствамъ, прибавилъ Винслау.

Мало по малу американцы замолкли. Туманъ поднялся и заслонилъ палящее солнце, пропускавшее сквозь него желтоватый цвѣтъ; заливъ совершенно былъ чистъ, но у входа въ него туманъ стоялъ непроницаемой стѣной. По одну сторону узкой дороги шли хлѣбныя поля, покрывавшія небольшіе холмы. Бенксъ, какъ спеціалистъ, былъ пораженъ роскошью хлѣбовъ.

— Тутъ довольно зерна на тысячу Тодосъ-Сантосовъ; и обработываются поля такимъ примитивнымъ орудіемъ,—продолжалъ онъ, указывая на простую деревянную соху съ желѣзными наконеч-

никами, которая лежала у дороги. Проѣзжавшая скрипучая телѣга тоже поразила его своими простыми самодѣльными колесами. Хлѣбныя поля пересѣкались роскошнѣйшими рощами апельсинныхъ, лимонныхъ и фиговыхъ деревьевъ. Земля, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней, очевидно улыбалась съ благодарностью и осыпала плодами и цвѣтами. Постоянный туманъ орошалъ землю и, не давая солнцу выжигать ее, помогалъ растительности.

Проѣхавъ два часа, отрядъ сталъ подниматься въ гору, и остановился на площадкѣ, заросшей какими-то тропическими кустами и высокими деревьями. Посреди площадки стояла небольшая часовня, окруженная персиковыми деревьями. Около дороги виднѣлись осыпавшіяся шахты какихъ-то давно заброшенныхъ копей. Кросби внимательно посмотрѣлъ на нихъ и, дотронувшись до руки офицера, указалъ внизъ.

— Платиновая руда, многозначительно сказалъ по испански офицеръ.

— Руда..... серебряная, кажется, сказалъ Кросби, обращаясь къ американцамъ.—Это... знаете... хорошо... весело! продолжалъ онъ, обращаясь къ офицеру и размахивая руками.

— En tiempos passados, важно отвѣчалъ офицеръ.

— Что онъ такое говоритъ? спросилъ Винслау.

Но Кросби не успѣлъ еще дать отвѣта, какъ офицеръ знакомъ приказалъ имъ сойти съ лошадей. Они слѣзли, а лошадей ихъ тотчасъ же отвели въ небольшую ложбину, откуда слышалось журчаніе воды. Оставшись одни, американцы осмотрѣлись кругомъ. Отрядъ остановился на краю глубокой пропасти, которою кончалась дорога, и представившійся видъ поразилъ ихъ.

Площадка, на которой они стояли, вдругъ обрывалась, и за нею, какъ за крутымъ берегомъ, тянулось безконечное пространство—цѣлое море блестящаго песку. На страшномъ песчаномъ морѣ не было никакой растительности, и море это тянулось во всѣ стороны, насколько могъ видѣть глазъ.

— Это конецъ поселенія, сказалъ Кросби:—и они привезли насъ сюда, чтобы показать, что намъ невозможно отъ нихъ бѣжать. Но что они дѣлаютъ? прибавилъ онъ, оборачиваясь. —Право они, кажется, намѣреваются уѣхать и оставить насъ тутъ.

Товарищи его тоже обернулись. Это было совершенно вѣрно: драгуны хладнокровно скакали обратно, по той же самой дорогѣ, и уводили съ собой лошадей, на которыхъ ѣхали американцы.

— Это любопытно, проговорилъ Кросби.—Они выгнали насъ сюда, какъ скотину на пастбище.

— Можетъ быть, здѣсь это считается тюремнымъ заклю-

ченіемъ, сказалъ Бенксъ:—конечно, въ эту сторону намъ не уйти, прибавилъ онъ, указывая на пустыню:—а за ними безъ лошадей тоже не поспѣть.

— Да и тамъ дорога вѣрно охраняется стражей, сказалъ Винслау.

— Надо какъ нибудь до вечера скоротать время, сказалъ Бресъ:—а потомъ ворваться въ Тодосъ-Сантосъ, достать оружіе и соединиться съ дамами.

— Дамамъ навѣрное хорошо, съ нетерпѣніемъ вскричалъ Кросби:—и съ ними, конечно, обращаются безъ насъ еще гораздо вѣжливѣе. Не лучше ли, вмѣсто безполезной тревоги о нихъ, осмотрѣться здѣсь и подумать какъ устроиться? Я чертовски голоденъ; вѣдь не думаютъ же они уморить насъ голодомъ, а если и думаютъ это, то я вовсе не намѣренъ подчиняться имъ, авось можно что нибудь купить или украсть. Ну, идемте. Около этой старой часовни навѣрно растутъ какіе нибудь плоды, а въ кустахъ около хижинъ я видѣлъ даже куръ. Прежде всего посмотримъ, нѣтъ ли тутъ кого нибудь изъ людей. Я не вижу ни единой души.

Площадка, дѣйствительно, оказалась безлюдной. Они кричали совершенно напрасно, и голоса ихъ разносились по воздуху. Разбросанныя хижины они осмотрѣли всѣ подъ рядъ. Двери оказались отпертыми, и въ хижинахъ стояло по простой кровати, по скамейкѣ и столу; все было безукоризненно чисто. Послѣ этого, они, пошли осматривать часовню. Она была самой простой и грубой постройки, но подсвѣчники, распятіе и чаша для святой воды были изъ чистаго, грубо обдѣланнаго, серебра. Всѣмъ имъ пришла одна и та же мысль... о заброшенномъ рудникѣ.

Бананы, апельсины и персики росли около часовни, окруженные живой изгородью кактуса, и утолили на время ихъ голодъ и жажду. Послѣ этого, они направились къ продолговатому зданію, похожему на больничный баракъ. Тутъ тоже обитателей не было никакихъ; но обстановка была нѣсколько лучше: въ длинной комнатѣ, выходившей на галлерею, стояло рядомъ нѣсколько очень чистыхъ постелей, прислоненныхъ къ заново выбѣленной стѣнѣ. Стоявшіе тутъ же столы и скамейки отличались замѣчательной чистотой. Къ немалому изумленію американцевъ, они нашли рядомъ кухню и кладовую полную всякой провизіей. Крикъ Винслау, вышедшаго на маленькій дворикъ, заставилъ всѣхъ его товарищей броситься къ нему. Имъ представилось еще болѣе удивительное зрѣлище. Весь ихъ багажъ и вещи изъ каютъ корабля лежали тутъ, акуратно сложенные на телѣгѣ

первобытнаго устройства, очевидно, привезенной сюда рано поутру.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, проговорилъ Бресъ, тщательно осмотрѣвшій вещи и совершенно успокоившійся:—они привезли только нашъ багажъ. Дамы, должно быть, уже выбрали свои вещи.

— Вѣдь Кросби сказалъ, что дамамъ навѣрное хорошо, замѣтилъ Бенксъ: — и право я думаю, что и мы можемъ отлично устроиться тутъ въ одиночествѣ. Я воспользуюсь этимъ случаемъ и хорошенько осмотрю всю мѣстность кругомъ. Мнѣ думается, что въ этой покинутой странѣ имѣются источники, которые можно будетъ эксплуатировать.

— А я взгляну на пріиски, отыгравшіе свою роль, сказалъ Кросби:—если ихъ разработывали также хорошо, какъ здѣсь обработываютъ землю, то въ нихъ оставлено добра на половину.

— Все это очень хорошо, проговорилъ Бресъ, вынимая камень ярко-краснаго цвѣта:—но вотъ эта штука, найденная мною, роли своей еще не отыграла, да и здѣсь ей цѣны не знаютъ. Это киноварь... ртутная руда... съ громаднѣйшимъ процентомъ, и если ее здѣсь такъ много, какъ видно по первому взгляду, то вы на нее будете въ состояніи купить всѣ здѣшніе серебряные рудники.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бросилъ бы въ почтовый ящикъ, какъ это дѣлается въ Калифорніи, заявленіе, и требовалъ бы правъ, въ качествѣ человѣка, открывшаго руду, совершенно спокойно сказалъ Бенксъ.—Вѣдь мы не знаемъ, какъ наше дѣло кончится. Насъ могутъ еще долго не выпустить, и если правительство продастъ дешево, то, купивъ этотъ участокъ, вы сдѣлаете хорошую спекуляцію. Учредимъ между собою нѣчто въ родѣ Эксцельсіорской компаніи и выпустимъ паи.

Четыре американца серьезно посмотрѣли другъ на друга. Уѣхавшій Эксцельсіоръ и его разбойничій экипажъ были забыты, даже событіе этого утра, т. е. ихъ арестъ, неувѣренность въ будущемъ и фактъ, что они попали въ руки враждебной партіи—все показалось имъ только вступленіемъ въ новую, открывшуюся передъ ними, жизнь. Они вдругъ сдѣлались гораздо серьезнѣе, чѣмъ до того времени... чѣмъ были даже въ минуту опасности.

— Не вижу причинъ, почему бы намъ этого дѣйствительно не сдѣлать, быстро подтвердилъ Бресъ.—Мы ѣхали въ Калифорнію, для того чтобы сдѣлать нѣчто въ этомъ родѣ, и надо сказать, что, найди мы такое мѣсто въ Сакраменто или на Американской рѣчкѣ, мы были бы довольны. Намъ надо сначала

устроиться здѣсь, потомъ заняться развѣдками, а затѣмъ ужь вступить въ переговоры съ правительствомъ. Я готовъ предложить ему кругленькую сумму за этотъ пригорокъ и его окрестности.

— Противъ этого можно возразить однако: можетъ быть, правительство имѣетъ въ виду что нибудь другое. Знаете, съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ сюда, я не могу никакъ отдѣлаться отъ мысли, что насъ помѣстили въ какой-то карантинъ. Уединенность этого мѣста, госпитальный характеръ построекъ и мѣры, принятыя этими людьми для полнѣйшаго нашего удаленія отъ нихъ, что нибудь да значатъ. Я читалъ гдѣ-то, что въ такихъ отдаленныхъ тропическихъ мѣстахъ всегда устраиваются помѣщенія для больныхъ эпидемическими и заразными болѣзнями. Я, господа, вовсе не хочу пугать васъ: но мнѣ думается, что мы попали въ какой-то лазаретъ, и что безпокоить насъ тутъ часто не будутъ.

X.

Не смотря на свое обѣщаніе и на приглашеніе въ совѣтъ, отецъ Эстебанъ, разставшись съ арестованными американцами, не пошелъ все таки къ коменданту. Частью изъ желанія узнать поточнѣе о прошломъ Чарльстона, прежде чѣмъ начать переговоры, которые могли касаться его; частью вслѣдствіе намека Бреса, насчетъ возможности дурнаго обращенія съ прелестными американками, и также разсчитывая, что Бриммеръ могла нуждаться въ немъ при настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ,—добрый падре направился къ дому алькада.

Бриммеръ, въ красивомъ утреннемъ туалетѣ, полулежа въ индійскомъ гамакѣ, въ галлереѣ, гдѣ сидѣла и миссъ Чебъ, вздрогнула при появленіи патера. Точно также вздрогнулъ и алькадъ, сидѣвшій около нея. Эстебанъ самъ смутился; но Бриммеръ быстро пришла въ себя и съ обычной наивностью заговорила:

— Я знала, что вы придете, а еслибы не пришли, я собралась бы съ духомъ и пошла бы съ миссъ Чебъ къ вамъ въ миссію, кокетливо сказала она. — Хотя донъ Рамонъ былъ ко мнѣ въ высшей степени внимателенъ и добръ, но, знаете, трудно обойтись безъ духовнаго утѣшенія, не смотря на то, что между нами несомнѣнно должно существовать разногласіе въ мнѣніяхъ. Надѣюсь, что съ вами я могу говорить совершенно свободно, какъ говорила бы съ своимъ другомъ. Разскажите же мнѣ прямо, что такое случилось? Разскажите все. Боюсь, что донъ Ра-

монъ не все сообщилъ по добротѣ своей. Я, съ своей стороны, откровенно разсказала все. Разсказала, кто такой мистеръ Бриммеръ, но думаю, что здѣсь о немъ никто не слыхивалъ, хотя въ вашей библіотекѣ должны быть справочныя книги и въ нихъ вы навѣрное прочтете о немъ. О другихъ пассажирахъ ничего сказать не могу, развѣ только, что Бриммеръ не позволилъ бы мнѣ ѣхать съ непорядочными людьми. Конечно... я должна сознаться... что во мнѣ являлось сомнѣніе насчетъ способности капитана Бенкера дѣлать выборъ пассажировъ, выборъ общества. Онъ, можетъ быть, очень хорошій морякъ, но мало знаетъ свѣтъ. Относительно другихъ пассажировъ могу сказать, что я ровно ничего не знаю. Я никакъ не могу допустить, чтобы Кросби вступилъ въ какую нибудь сдѣлку съ своей совѣстью. А относительно миссъ Кинъ скажу, что никакъ не ожидала отъ нея, чтобы она до такой степени могла забыться, чтобы произносить рѣчи къ уличной толпѣ, хотя другъ ея, мистрисъ Маркгемъ, о чемъ я уже говорила дону Рамону, открытая сторонница правъ женщинъ и привыкла обращаться къ публикѣ съ подмостковъ, на которыхъ читаются лекціи.

— Можетъ ли это быть? съ ужасомъ вскричалъ донъ Рамонъ, не скрывая своего отвращенія къ Маркгемъ и восхищенія къ очаровательной Бриммеръ: — Развѣ женщина можетъ быть ораторомъ?

— Не въ свѣтскомъ обществѣ, вздохнувъ, отвѣчала Бриммеръ. — Я не припомню, чтобы когда нибудь встрѣчала эту даму. Она не бываетъ въ нашемъ обществѣ... въ высшемъ кругу.

Алькадъ обмѣнялся взглядомъ съ падре.

— А? такъ у васъ существуютъ круги, и она, можетъ быть, изъ другаго кружка?

— Несомнѣнно, быстро отвѣчала Бриммеръ.

— Позвольте, вѣжливо замѣтилъ падре:—вѣдь вы говорите о вашихъ спутникахъ по кораблю. Не знали ли вы нѣкоего Чарльстона, который находится, какъ полагаютъ, на кораблѣ Эксцельсіоръ, и принадлежитъ, можетъ быть, къ партіи, захватившей его?

— Чарльстонъ?.. очень можетъ быть; но о немъ я право ничего не знаю, небрежно проговорила Бриммеръ—даже во время нашей невольной совмѣстной жизни на морѣ, намъ приходилось быть разборчивыми, и мы съ нимъ не знались. Онъ былъ знакомъ только съ одной Кинъ.

— А она теперь здѣсь? живо спросилъ падре.

— Нѣтъ, она въ президіи вмѣстѣ съ другомъ своимъ Маркгемъ. Комендантъ отдалъ въ ихъ распоряженіе свой домъ, ска-

залъ донъ Рамонъ, быстро взглянувъ на Бриммеръ:—Неизвѣстно, кѣмъ онъ былъ плѣненъ болѣе: очаровательной ли ораторшей, или восхитительной предводительницей толпы?

— Маркгемъ замужняя женщина, строго замѣтила Бриммеръ:— и, конечно, свободна поступать, какъ ей угодно; но про миссъ Кинъ нельзя этого сказать. Я не нашла бы приличнымъ позволить миссъ Чебъ принять гостепріимство холостаго человѣка, и не могу понять, какъ она отказалась отъ общества и покровительства вашихъ очаровательныхъ сестеръ.

Священникъ всталъ и съ официальной вѣжливостью извинился, что ему надо идти въ совѣтъ.

— Я не надѣялся имѣть удовольствіе встрѣтиться здѣсь съ своимъ коллегой, прибавилъ онъ, съ улыбкой обращаясь къ алькаду.

— Я уже сообщилъ свое мнѣніе коменданту, въ смущеніи отвѣчалъ алькадъ:—и присутствіе мое на совѣтѣ врядъ ли будетъ нужно.

Глаза Бриммеръ сверкнули при этомъ такъ, что могли обжечь кого угодно.

— Мой визитъ къ вамъ, отецъ Эстебанъ, ласково проговорила она,—только на время отложенъ...

— А въ ожиданіи его я все таки воспользовался удовольствіемъ видѣть васъ здѣсь, сказалъ священникъ, кланяясь дамамъ.

Эстебанъ, направляясь въ президію, размышлялъ такъ:

Эту дамочку не трудно обратить въ нашу церковь, но только она внесетъ съ собой ненужный элементъ, а теперь мнѣ надо поговорить съ прелестной ораторшей.

Онъ вошелъ въ низенькую калитку президіи. Никакого караула нигдѣ не стояло, точно также и въ караульной комнатѣ никого не было, но когда священникъ вышелъ на галерею, то вдругъ остановился, услыхавъ звуки гитары. Чей-то монотонный голосъ—очевидно, голосъ коменданта—раздавался высокимъ речитативомъ.

Падре поспѣшно прошелъ караульную комнату и открылъ дверь въ садикъ. Тутъ удивленнымъ глазамъ его представилась поразительная группа. Маркгемъ сидѣла подъ тѣнью пальмы, на своемъ сундукѣ, какъ на тронѣ, и ласково смотрѣла на серьезное лицо коменданта, который помѣстился у ея ногъ съ гитарой и очевидно разучивалъ какой-то романсъ. Его адъютантъ сидѣлъ подлѣ него и раздѣлялъ восторгъ своего начальника къ прелестной гостьѣ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, миссъ Кинъ и секретарь вели оживленный разговоръ съ низенькимъ, корена-

стымъ въ родѣ Санчо-Пансо, человѣкомъ, въ которомъ падре узналъ мѣстнаго доктора.

При появленіи преподобнаго отца, комендантъ вздрогнулъ, офицеръ всталъ, и даже секретарь и докторъ смутились.

„Я положительно всюду являюсь сегодня лишнимъ", подумалъ духовный отецъ, но миссъ Кинъ прервала его размышленія, подходя къ нему съ добродушно протянутой рукой.

— Какъ я рада, что вы пришли, сказала она съ очаровательной лаской: — вы поможете мнѣ убѣдить этихъ господъ, что капитанъ Бенкеръ боленъ отъ волненія, подѣйствовавшаго на него и душевно и тѣлесно, и что кровопусканіе не только не поможетъ ему, но повредитъ.

— Въ жилы больнаго проникъ горячечный жаръ, пылко заговорилъ маленькій докторъ:—и кровопусканіемъ надо выпустить кровь эту изъ его жилъ.

— Онъ только бѣснуется отъ раскаянія, что по своей винѣ потерялъ корабль и не предупредилъ предательства, сказала Кинъ.

— Онъ помѣшанный и лишитъ себя жизни, если не успокоить его горячки, настаивалъ докторъ.

— И вы навѣрное убьете его этимъ, смѣло говорила молодая дѣвушка.—Ему, какъ несчастному, но честному человѣку, легче убить самого себя, чѣмъ впасть въ безпомощное состояніе отъ вашего кровопусканія. Будь я на его мѣстѣ, я сорвала бы повязку.

Она энергично махнула своей маленькой красивой ручкой, стоя съ засверкавшими глазами, съ раскраснѣвшимися щеками, съ раздувшимися ноздрями и съ полуоткрытымъ ртомъ. Мужчины переглянулись и съ неподдѣльнымъ восторгомъ посмотрѣли на нее. По ихъ простому разумѣнію, это была олицетворенная, прелестная и торжествующая, анархія и революція.

— Ахъ, это правда, сказалъ по испански секретарь дону Эстебану:—она не знаетъ страха! Она оставалась съ сумашедшимъ одна въ комнатѣ, когда никто не рѣшался войти къ нему! Она отняла у него ножъ... чтобы больной не нанесъ себѣ раны.

— И онъ узналъ ее! А власть ея извѣстна! прибавилъ комендантъ, подходя къ разговаривающимъ.

— Отецъ Эстебанъ! сказала дѣвушка, кроткими умоляющими глазами глядя на старика:—вы поможете мнѣ спасти капитана? Его убиваетъ и доводитъ до безумія отчаяніе. Подумайте, онъ опозоренъ и къ довершенію всего запертъ, слѣдовательно лишенъ всякой возможности возстановить свое доброе имя, лишенъ средствъ преслѣдовать человѣка, который отнялъ у него все.

— Да онъ вѣдь и не можетъ сдѣлать ничего! Корабль ушелъ, возразилъ комендантъ.

— Корабль ушелъ, но океанъ остался, сказала миссъ Кинъ.

— Но вѣдь у него нѣтъ даже лодки.

— Онъ можетъ найти или сдѣлать лодку.

— А туманъ скрываетъ пароходъ.

— Онъ можетъ пройти тамъ, гдѣ прошелъ Эксцельсіоръ, или погибнуть. Вы не знаете моихъ соотечественниковъ, сеньоръ комендантъ, съ гордостью добавила она.

— Нѣтъ... извините! Они теперь въ Сантъ-Антоніо... булочникъ, шутникъ и оба молодыхъ человѣка, которые копаютъ землю. Они уже принялись тамъ за это. Я знаю отъ офицера, который только что вернулся.

Миссъ Кинъ прикусила свои хорошенькія губки.

— Они думаютъ, что тутъ произошло какое нибудь недоразумѣніе. Могутъ ли они повѣрить, что ихъ намѣренно оскорбляютъ, спокойно сказала она.—Можетъ быть, оно и къ лучшему, что они не вѣрятъ.

— Они просили меня засвидѣтельствовать вамъ ихъ почтеніе, сеньора,—любезно проговорилъ падре:—и они значительно успокоились, когда я увѣрилъ ихъ, что вы не будете терпѣть ни въ чемъ недостатка, находясь у этихъ господъ.

Кинъ подняла глаза на священника, который, не смотря на свой долголѣтній дипломатическій опытъ, сконфузился.

— Такъ, значитъ, вы видѣли ихъ? проговорила она:—знали, что они совершенно невинны и что арестуютъ ихъ напрасно?

— Я видѣлъ не всѣхъ ихъ, кротко сказалъ священникъ. Между ними нѣтъ... одного Чарльстона. Не правда ли?

При правдивомъ характерѣ миссъ Кинъ, нельзя было не покраснѣть, отвѣчая. Она никому не говорила еще о томъ, что видѣла молодаго человѣка въ саду миссіи.

— Правда. Но я не понимаю, какое онъ можетъ имѣть отношеніе къ судьбѣ дѣвушки?

— Большое. Мнѣ говорили, что только вы однѣ пользовались довѣріемъ этого человѣка.

— Кто смѣетъ говорить это? вскричала миссъ Кинъ по англійски, совершенно забываясь отъ негодованія.

— Такую вещь могла сказать только Бриммеръ. Я готова побиться объ закладъ, замѣтила Маркгемъ.

— Я васъ прошу только, продолжалъ священникъ, не обращая вниманія на перерывъ:—сказать мнѣ, что вы знаете о планахъ этого Чарльстона... о его сообществѣ съ сеньоромъ Пер-

кинсомъ, или—онъ многозначительно прибавилъ:—или о его оппозиціи. Это необходимо для справедливаго отношенія ко всѣмъ.

Успокоившись, что вопросъ не касался тайнаго пребыванія Чарльстона въ Тадосъ-Сантосѣ, ей одной извѣстнаго, миссъ Кинъ хотѣла уже сказать, что она ничего не знаетъ о сношеніяхъ Чарльстона съ Перкинсомъ, но остановилась, сконфузившись.

— Я не могу торопить васъ отвѣтомъ, ласково проговорилъ священникъ:—Но увѣренъ, что вы не утаите ничего, что могло бы бросить свѣтъ на эту печальную исторію и возстановить доброе имя вашего друга Чарльстона.

— Если вы спрашиваете, думаю ли я, что Чарльстонъ принималъ участіе въ заговорѣ, то я, не задумавшись, скажу, что нѣтъ. И болѣе того, я думаю, что онъ скорѣе спрыгнулъ бы съ корабля въ море, чѣмъ согласился на такое позорное дѣло, громко сказала она.

— Такъ вы думаете, что у него не было другихъ причинъ покинуть корабль? тихо сказалъ священникъ.

— Положительно, нѣтъ.—Она остановилась, но, встрѣтивъ пристальный взглядъ священника, почувствовала досаду.—Какія же могутъ быть у него причины? холодно прибавила она.

Лицо отца Эстебана просіяло.

— Я спрашиваю, только предполагая, что вамъ причины эти должны быть извѣстны. Благодарю васъ и за то, что вы мнѣ сказали, а взамѣнъ обѣщаю вамъ поговорить съ комендантомъ относительно капитана Бенкера. Прощайте, дочь моя! сказалъ онъ, взявъ подъ руку дона Мигуэля и направляясь съ нимъ въ караульную комнату. Секретарь на минуту остановился.

— Не бойтесь, прошепталъ онъ миссъ Кинъ по англійски.—Я, Рей Санчезъ, выпущу вашего капитана изъ его комнаты.

Съ этими словами онъ вышелъ.

— Что скажете? проговорила Маркгемъ, оставшись вдвоемъ съ дѣвушкой.—Я отказываюсь понимать логику Тодосъ-Сантоса. Мнѣ ясно только одно, что эти взрослыя дѣти воображаютъ, будто несчастный Чарльстонъ бунтуетъ противъ правительства Соединенныхъ Штатовъ, представителемъ котораго они считаютъ сеньора Перкинса и „Эксцельсіоръ“... Ну, представьте себѣ это!

— Но вѣдь Перкинсъ подписался офицеромъ флота Квинквинамбо! съ удивленіемъ замѣтила миссъ Кинъ.

— Эти дураки твердо увѣрены, что Квинквинамбо—одинъ изъ нашихъ штатовъ. Не забывайте, что они не знаютъ ничего, что происходило за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Я увѣрена, что они никогда не слыхивали о флибустьерахъ, подобныхъ Перкинсу, да

еслибы и слыхали, то не могли бы понять. Я отказалась отъ намѣренія просвѣтить ихъ, и думаю, что они благодарны за это. У нихъ отъ просвѣщенія головы трещатъ.

— А у меня такъ отъ всѣхъ этихъ вещей закружилась голова. Ради бога, скажите мнѣ еще: какую роль, по ихъ мнѣнію, играю я въ этомъ фарсѣ? спросила Кинъ.

— Вы—другъ и сообщникъ Чарльстона, отвѣчала Маркгемъ.— Вы и онъ — два красивыхъ соотечественника, — не краснѣйте только—преданныхъ другъ другу и готовыхъ умереть за свою родину, сопротивляясь Перкинсу и такимъ слабодушнымъ индиферентнымъ людямъ, какъ Бриммеръ, миссъ Чебъ, бѣдный капитанъ и всѣ мужчины, которыхъ они отвезли въ Сантъ-Антоніо.

— Не можетъ быть! проговорила Кинъ, чувствуя въ то же время, что это не только можетъ быть, но что она сама помогала этимъ людямъ утвердиться въ ихъ заблужденіи. — А вѣдь васъ они считаютъ... сообщницей Перкинса.

— Нѣтъ, съ полусерьезною улыбкой отвѣчала Маркгемъ.— Мнѣ такой чести не дѣлаютъ. Мнѣ дозволяется быть отвергнутой дульцинеей Перкинса, покинутой имъ, обласканной изъ состраданія вами, и обращенной, наконецъ, на путь истинный. Вотъ все, что я могла понять изъ англійскихъ разговоровъ секретаря.

— Все это моя вина, дорогая, сказала Кинъ, обнявъ Маркгемъ и спрятавъ лицо свое у нея на плечѣ:—они намекали мнѣ на это, и я почти согласилась, изъ желанія спасти васъ. Пожалуйста, простите.

— Не думаете ли вы, что я порицаю васъ, дорогая Элеонора, сказала Маркгемъ.—Ради бога, согласитесь на всякое, самое безобразнѣйшее и невозможное условіе, какое они вздумаютъ предложить, лишь бы только намъ выбраться отсюда. Я начинаю думать, что общество, собравшееся на Эксцельсіорѣ отличалось разнохарактерностью, и главнѣйшими нашими бѣдствіями мы обязаны этому. Мы забыли, что попали теперь въ руки оригинальныхъ святыхъ, такихъ же безпорочныхъ и прямолинейныхъ, какими были наши праотцы, незнакомыхъ ни съ нашимъ прошлымъ, ни съ нашими обычаями. Они повѣрили намъ на слово, а мы постоянно забывали, что они составляютъ большинство. Нельзя же намъ надѣяться уничтожить въ двадцать четыре часа невѣжество, въ которомъ они пребывали въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. Что касается меня, я и не пыталась уничтожить его. Я желала бы, чтобы эти простые люди сами составили мнѣніе обо мнѣ а не спрашивали его у Бриммеръ или Винслау. Они, кажется, начинаютъ боготворить васъ, и отлично; не возставайте

противъ этого. Еслибы Бриммеръ держала языкъ за зубами, а мужчины вели себя поумнѣе, то можно было бы ждать спокойно нашего освобожденія.

— Бѣдный капитанъ Бенкеръ, проговорила Кинъ.

— Какъ ни тяжело это говорить, но все таки мнѣ думается, что держать его подъ замкомъ даже лучше для него. Онъ можетъ надѣлать въ городѣ хлопотъ. А пока пойдемте къ себѣ въ комнаты. Теперь, должно быть, всѣ отдыхаютъ, и можно надѣяться, что часа на два насъ оставятъ въ покоѣ.

— Я сейчасъ приду, сказала Кинъ.

До тонкаго ея слуха долетѣли звуки приближавшихся голосовъ. Въ ту минуту, какъ Маркгемъ скрылась изъ виду на галлереѣ, комендантъ съ секретаремъ и офицеромъ показались изъ караульной комнаты. Секретарь, проходя мимо Кинъ, успѣлъ, церемонно раскланиваясь, шепнуть ей:

— Когда заблаговѣстятъ къ вечернѣ, я буду ждать васъ у дверей его тюрьмы.

Эстебанъ, выдя изъ президіи, поспѣшилъ къ себѣ въ миссію, съ смутнымъ опасеніемъ, что его странный гость могъ исчезнуть. Пройдя по тихому коридору и отворивъ дверь въ келью, онъ успокоился, увидавъ, что молодой человѣкъ спитъ крѣпкимъ сномъ. Тишина церковныхъ зданій успокоила и усыпила его.

Падре съ чувствомъ сожалѣнія посмотрѣлъ на голыя стѣны и на красивое лицо спящаго; но вслѣдъ затѣмъ онъ разбудилъ молодаго человѣка, и быстро, даже рѣзко началъ разсказывать ему о томъ, что случилось въ это утро.

Молодой человѣкъ горько засмѣялся.

— Какъ видите, сказалъ онъ:—самъ Богъ противъ меня, хотя нѣсколько часовъ тому назадъ я осмѣливался надѣяться, что онъ привелъ меня на лоно покоя и забвенія.

— Да сказали ли вы правду Ему и мнѣ? сурово спросилъ священникъ:—или вы, какъ политическій изгнанникъ, воспользовались слабостью старика и сочинили ему цѣлую исторію о какой-то сантиментальной страсти?.

— Что вы хотите сказать? проговорилъ Чарльстонъ въ негодованіи.

Священникъ вынулъ изъ кармана сложенную бумагу и развернулъ ее передъ глазами разгнѣваннаго гостя.

— Припомните, что вы говорили мнѣ сегодня ночью, въ церкви, и выслушайте, кто вы такой въ дѣйствительности,—выслушайте изъ устъ правителей Тадосъ-Сантоса.

Разглаживая бумагу, онъ прочелъ слѣдующее.

„Совѣту, экстраординарно созванному въ президіи Тадосъ-Сантосъ, было доложено, что иностранное судно Эксцельсіоръ, взбунтовавшись, высадило своего капитана и пассажировъ и ушло изъ залива. По произведенному дознанію открыто, что вышеупомянутое судно, принадлежавшее иностранной державѣ, участвовало не разъ въ войнѣ съ Мексикой и было послано для занятія одной изъ ея сѣверныхъ провинцій. Но Богъ свободы и справедливости заговорилъ въ сердцахъ нѣкоторыхъ патріотовъ—а именно, героя сеньора Діего Чарльстона и несравненной донны Элеоноры—и придалъ имъ силу и смѣлость возстать противъ тираніи и несправедливости своихъ притѣснителей, и лучше умереть или покинуть судно, чѣмъ сдѣлаться сообщниками злодѣевъ вмѣстѣ съ нейтральными и безразличными лицами, какъ ремесленники: Бресъ, Бенксъ, Винслау и Кросби, и аристократки, по фамиліи: сеньора Бриммеръ и сеньора Чебъ. Въ силу этихъ соображеній, Совѣтъ Тадосъ-Сантоса постановилъ, что патріоты: сеньоръ Діего Чарльстонъ, донна Элеонора и дуэнья Сузанна Маркгемъ, особенно привязанная къ особѣ донны Элеоноры,—должны пользоваться пріютомъ, помѣщеніемъ, гостепріимствомъ, покровительствомъ, дружбой и союзомъ. Противъ сеньора Перкинса и его, неизвѣстныхъ намъ, соумышленниковъ объявляются война, преслѣдованіе и смерть. Сторонники же нейтралитета, Бресъ, Бенксъ, Кросби и Винслау, помѣщаются на испытаніе въ лазаретъ Сантъ-Антоніо, съ воспрещеніемъ выходить изъ предѣловъ его, пока Совѣтъ не присмотрится къ нимъ. Далѣе Совѣтъ постановилъ, что капитанъ Бенкеръ, командовавшій прежде Эксцельсіоромъ, а нынѣ сошедшій съ ума, какъ человѣкъ невмѣняемый и обиженный Богомъ, долженъ быть оставленъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему не вернется разсудокъ,—и подвергнутъ обыкновенному лѣченію и гуманному уходу. По распоряженію Совѣта, слѣдуютъ подписи:

„Донъ Мигуэль Бріонесъ, комендантъ".

„Падре Эстебанъ, изъ французскаго ордена".

„Донъ Рамонъ Рамиресъ, алькадъ поселенія Тадосъ-Сантосъ".

XI.

Кончивъ читать эту бумагу, Эстебанъ отложилъ ее въ сторону и устремилъ взглядъ на молодаго человѣка. Чарльстонъ съ презрительной досадой встрѣтилъ этотъ взглядъ.

— Что вы скажете на это? спросилъ священникъ, недовольный выраженіемъ лица у гостя.

— Скажу, что это замѣчательная нелѣпость; по крайней мѣрѣ, нелѣпо все, касающееся меня. Еслибы я былъ тѣмъ, чѣмъ меня тутъ представляютъ, то зачѣмъ бы я обратился къ вамъ съ

моимъ лживымъ разсказомъ о „сантиментальной страсти"? Я могъ бы вмѣстѣ съ своей сестрой-патріоткой открыто просить вашего покровительства, прибавилъ онъ съ горькимъ смѣхомъ.

— А затѣмъ, что тогда вы еще не знали рѣшенія совѣта, сказалъ священникъ.

— Но теперь я знаю и отказываюсь отъ вашего гостепріимства.

— Вы отказываетесь? повторилъ падре.

— Да, отказываюсь.—Онъ направился къ двери.—Прежде, однако, чѣмъ уйти, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за нѣсколько часовъ отдыха и пріюта, данныхъ вами человѣку, который, можетъ быть, несетъ на себѣ проклятіе, но никогда не былъ обманщикомъ. Я нисколько не порицаю васъ за то, что вы усомнились въ человѣкѣ, говорящемъ, какъ съумасшедшій, но не отличающемся храбростью. Прощайте!

— Куда же вы идете?

— Не все ли равно, куда? Существуютъ покровительства и пріюты болѣе надежные, чѣмъ тѣ, которыя предлагаетъ совѣтъ Тадосъ-Сантоса.

Онъ отвернулся, но все таки Эстебанъ успѣлъ замѣтить въ глазахъ его тотъ же взглядъ безнадежности, который поразилъ его ночью въ церкви. Падре сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и положилъ свою мягкую руку на плечо Чарльстона.

— Посмотрите на меня. Не отворачивайтесь, потому что я вѣрю вашему разсказу.

Не поднимая глазъ, молодой человѣкъ снялъ руку священника съ своего плеча, слегка пожалъ ее и опустилъ.

— Благодарю, сказалъ онъ:—за то, что вы не пачкаете моего добраго имени. Но теперь мнѣ все равно. Прощайте.

Онъ взялся за ручку двери, но священникъ снова удержалъ его.

— Если я говорю вамъ, что вѣрю вашей исторіи, то говорю для того, чтобы сказать вамъ болѣе. Я думаю, что самъ Богъ направилъ ваши стопы въ свой пріютъ, чтобы въ немъ вы могли сложить ваше бремя и сдѣлаться Его пріемнымъ сыномъ. Я предлагаю вамъ Его именемъ пріютъ не на одинъ день или одну ночь, но навсегда; предлагаю вамъ мѣсто, гдѣ бы вы могли укрыться не отъ мужчины или женщины, а отъ самого себя, отъ вашего слабаго *я*, болѣе для васъ роковаго, чѣмъ все другое. Я предлагаю отворить передъ вами двери не только этой скромной кельи, но роскошныхъ палатъ Всевышняго. Вы будете раздѣлять жизнь со мною, будете однимъ изъ моихъ помощниковъ; будете помогать мнѣ успокоивать души ближнихъ,

какъ я успокоиваю теперь вашу душу. Если вы желаете быть забытымъ, можете спрятаться ото всѣхъ, живя со мною. Вы будете моимъ сыномъ, товарищемъ, другомъ; пока я живъ, я всѣмъ буду дѣлиться съ вами, а послѣ меня вы можете занять мое мѣсто и продолжать мою работу.

— Вы ошибаетесь, холодно сказалъ молодой человѣкъ:—Я обратился къ вамъ за земной помощью и благодарю васъ за то, что̀ вы для меня сдѣлали; я не настолько смѣлъ, чтобы просить бо̀льшаго, и не считаю себя личностью, которая стоила бы труда быть обращенной. Я человѣкъ слабый, но все таки не настолько, чтобы пользоваться добротой совѣта Тадосъ-Сантоса или его духовнаго главы.—Онъ открылъ дверь въ садъ.—Забудьте и простите меня, отецъ Эстебанъ, и позвольте проститься съ вами.

— Стойте! вскричалъ священникъ, становясь передъ Чарльстономъ.—Если вы не хотите выслушать меня во имя всемогущаго и вездѣсущаго Отца, то во имя вашего покойнаго отца я приказываю вамъ остаться. Въ настоящую минуту я заступаю мѣсто человѣка, котораго никогда не зналъ—чтобы остановить сына его отъ безумія и преступленія. Взгляните на меня, какъ на того, кого вы любили, и позвольте старику, у котораго могъ бы быть сынъ вашихъ лѣтъ, воспользоваться правомъ поддержать васъ отеческой рукой.

Наступила минута молчанія.

— Чего вы отъ меня хотите? сказалъ Чарльстонъ, вдругъ поднявъ на старика глаза, влажные отъ слезъ.

— Дайте мнѣ честное слово, что въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ вы не примите никакого рѣшенія, не посовѣтовавшись со мною. Вамъ незачѣмъ сидѣть тутъ заключеннымъ въ четырехъ стѣнахъ, но только не совѣтую вамъ показываться въ многолюдныхъ мѣстахъ, чтобы не наткнуться на какую нибудь исторію.

— Даю, сказалъ Чарльстонъ.

Онъ повернулся и протянулъ Эстебану обѣ руки, но старикъ не взялъ ихъ, а раскрылъ свои объятія, и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ голова молодаго человѣка лежала на груди падре. Священникъ ласково поднялъ его голову.

— Подите прогуляйтесь по саду, пока я буду служить вечерню;—воздухъ теперь такъ хорошъ; и подумайте обо всемъ. Помните, что вы можете принять гостепріимство совѣта безъ малѣйшаго обмана. Вѣдь вы не сочувствовали ни лицамъ, захватившимъ Эксцельсіоръ, ни другой побѣжденной партіи, такъ какъ готовы были бѣжать и отъ той, и отъ другой. Изъ всѣхъ лицъ,

выброшенныхъ на берегъ въ Тадосъ-Сантосѣ, вы для насъ самый симпатичный. У васъ нѣтъ причинъ любить своихъ соотечественниковъ, вы бросили ихъ для насъ. Идите, сынъ мой, и подумайте о томъ, что я говорилъ вамъ. Я приду за вами къ вечерней трапезѣ.

Чарльстонъ, поникнувъ головой, пошелъ нетвердыми шагами въ верхнюю часть сада. Онъ не могъ еще прійти въ себя. Старая мысль о самоубійствѣ возникла въ немъ при оскорбительныхъ упрекахъ священника, но воспоминаніе о покойномъ любимомъ отцѣ тотчасъ же уничтожила ее. Послѣ продолжительныхъ душевныхъ страданій, онъ страстно жаждалъ покоя, и точно боясь, ради этого покоя, пойти на уступки, ускорилъ шаги: чтобы отойти подальше отъ миссіи, онъ быстро прошелъ въ конецъ сада. Тутъ за стѣною шелъ спускъ къ морю; тутъ же онъ въ первый разъ увидѣлъ, спускавшійся по другую сторону холма, Тадосъ-Сантосъ съ его красными черепичными кровлями. Здѣсь онъ могъ бы найти покой, не будь тутъ его противныхъ соотечественниковъ. Какъ онъ ненавидѣлъ ихъ всѣхъ! Въ ту же минуту онъ увидалъ на улицѣ позади себя одну изъ своихъ соотечественницъ..... Это была миссъ Кинъ, которая иногда, повидимому, жалѣла его, и имя которой, по какой-то странной случайности, стояло рядомъ съ его именемъ. Онъ не могъ преодолѣть мысли объ ея красотѣ и смутился. Еслибы ему пришлось принять смѣшную роль, навязанную ему совѣтомъ, то дѣлить эту роль съ такой дѣвушкой все таки было отрадно. Глупость, изобрѣтенная совѣтомъ Тадосъ-Сантоса, можетъ быть, могла принести пользу ей... и въ такомъ случаѣ имѣлъ ли онъ право изобличать эту глупость? Ему слѣдовала бы сначала поговорить съ нею... но какъ объяснить ей свое настоящее положеніе? Приливъ горечи повергъ его снова въ отчаяніе.

Полумракъ спускался на поселеніе. Чарльстонъ повернулся къ морю и, спускаясь внизъ, набрелъ на тропинку, по которой шелъ наканунѣ, около дома алькада. Тутъ онъ сидѣлъ, спрятавшись, и мечталъ, что останется на берегу одинъ.... а теперь! До слуха его вдругъ донеслись голоса и смѣхъ. Голоса эти онъ слышалъ прежде. Удивляясь, что они доносятся до него такъ ясно, онъ теперь только въ первый разъ замѣтилъ, что стоитъ около полусгнившей калитки, въ которую былъ виденъ дворъ сосѣдняго дома. Онъ увидалъ, что Бриммеръ и миссъ Чебъ стояли на галлереѣ и хохотали съ кучкой мексиканцевъ. Въ душѣ у него закипѣло чувство отвращенія и злобы. Неужели послѣ всего, что онъ испыталъ, ему придется вернуться къ этому кружку? Ихъ пустой смѣхъ насмѣшливо отдавался у него въ ушахъ, когда онъ

пробирался къ морскому берегу. Посмотрѣвъ въ узенькую улицу и убѣдившись, что въ ней никого нѣтъ, онъ быстро перешелъ ее и отправился по берегу, между стѣнами укрѣпленій и моремъ.

Какъ спокойно было море, полузакрытое туманомъ. Какъ хорошо было бы броситься въ его объятія и успокоиться навѣки! А не лучше ли переплыть эту туманную стѣну и броситься тамъ, для того чтобы его тѣло не было выброшено на берегъ точно также, какъ было выброшено тѣло несчастнаго убитаго перувіанца?

Что это такое?.... чьи-то шаги по камнямъ! Онъ быстро оглянулся. Чья-то фигура, прячась, пробиралась къ морю. Чарльстонъ въ одинъ мигъ узналъ капитана Бенкера.

Появленіе капитана произвело на Чарльстона такое впечатлѣніе, какого не произвели бы никакія убѣжденія. Онъ забылъ, на какой мысли остановился и бросился къ капитану, дошедшему уже до самаго моря. Но въ эту минуту капитанъ спустился въ какой-то ровъ и пропалъ изъ виду. Неподалеку отъ этой ложбины онъ увидалъ рыбацкую лодку, качавшуюся въ крошечномъ заливѣ, и одинокаго рыбака, чинившаго на грязномъ берегу сѣти.

Чарльстонъ ужъ хотѣлъ повернуться и пойти обратно, какъ увидалъ капитана пробиравшагося на четверенькахъ къ беззаботному рыбаку. Не успѣлъ Чарльстонъ крикомъ предупредить несчастнаго, какъ капитанъ Бенкеръ бросился на рыбака, опрокинулъ его на землю, быстро завернулъ въ сѣти и совершенно запуталъ. Оттолкнувъ онѣмѣвшую отъ страха жертву въ сторону, онъ побѣжалъ къ лодкѣ, но Чарльстонъ однимъ прыжкомъ подскочилъ къ нему и схватилъ его за плечи.

— Капитанъ Бенкеръ, что вы дѣлаете?—Бенкеръ тихо и безъ особеннаго испуга повернулся къ нему. Чарльстонъ отступилъ при видѣ стеклянныхъ, безсмысленныхъ глазъ капитана.

— Да, меня зовутъ капитаномъ Бенкеромъ, шопотомъ проговорилъ сумашедшій.—Лемуэлемъ Бенкеромъ изъ Нантукетта. Тише! не будите его! прибавилъ онъ, указывая на рыбака:— я усыпилъ его! Я капитанъ Бенкеръ. Старый пьяница Бенкеръ... укравшій судно у своихъ хозяевъ... я хочу украсть теперь лодку.. ха ха! ха!.. Пустите меня!

— Капитанъ Бенкеръ, сказалъ Чарльстонъ, не пуская сумашедшаго въ воду.—Посмотрите на меня. Развѣ вы меня не знаете?

— Знаю, знаю! Вы одна изъ собакъ старика Бенкера, выброшенныхъ на берегъ Перкинсомъ; я же одна изъ взбѣсившихся собакъ Перкинса,—онъ меня потому и заперъ. Но мнѣ удалось выскользнуть! знаете? Вѣдь это она меня выпустила. Она думала, что я отправлюсь навѣстить молодыхъ людей въ Сантъ-Антоніо, а

я иду искать въ туманѣ корабль. Я выброшу за бортъ Перкинса, помощника и штурмана. Пустите же меня!

Онъ отбивался что̀ было мочи. Чарльстонъ, боясь выпустить капитана, и желая освободить запутаннаго имъ рыбака, только могъ просить послѣдняго распутаться самому. Но, парализованный отъ страха, несчастный не смѣлъ пошевельнуться, и только смотрѣлъ на борющихся. Наконецъ, Чарльстону удалось поставить капитана на колѣни.

— Слушайте, капитанъ! Мы отправимся вмѣстѣ, понимаете. Я помогу вамъ... но намъ надо достать лодку покруннѣе этой!...

— Они не дадутъ, таинственнымъ шопотомъ проговорилъ капитанъ.—Развѣ вы не слыхали, что̀ говорили въ совѣтѣ... судохозяева?.. Они говорили, что я потерялъ корабль, и навѣки обезчещенъ изъ-за рома!.. всему виною ромъ! а вѣдь ромъ необходимъ, и тамъ у насъ на Эксцельсіорѣ его нѣтъ.

— Да, да, успокоительно говорилъ Чарльстонъ:—но въ большой лодкѣ и ромъ есть. Идемте со мной. Распутаемъ этого человѣка, и онъ проводитъ насъ къ своей большой лодкѣ.

Это предложеніе было крайне неудачно, потому что капитанъ, слушавшій его съ болѣзненнымъ напряженіемъ и позволившій взять себя за руку, вспомнилъ о рыбакѣ. Онъ крикнулъ и впалъ въ прежнее безумное состояніе.

— Измѣна! Всѣ на палубу! крикнулъ онъ и, оттолкнувъ Чарльстона, бросился въ воду.

— Помогите! закричалъ молодой человѣкъ, бросаясь за нимъ: Онъ сумашедшій! Онъ убьетъ себя!

Вода была не глубока, они оба пошли по ней, и въ одно время достигли лодки; но капитанъ успѣлъ уже занять мѣсто на кормѣ и отвязать веревку, когда Чарльстонъ опять схватилъ его.

— Послушайте меня, капитанъ. Я поѣду съ вами. Я знаю дорогу черезъ туманъ. Понимаете? я проведу васъ.

Чарльстонъ приходилъ теперь въ отчаяніе не за себя, а за другаго; онъ во что бы ни стало хотѣлъ спасти сумашедшаго отъ несчастія.

Бенкеръ, повидимому, началъ поддаваться.

— Идите впередъ, тихо сказалъ онъ.

Чарльстонъ выпустилъ его и, держась за лодку, выплывшую на болѣе глубокое мѣсто, пошелъ къ носу. Онъ только что хотѣлъ взобраться на лодку, какъ отчаянный крикъ съ берега заставилъ его остановиться и взглянуть, но не такъ скоро, чтобы уберечь себя. Сумашедшій со всего размаха хватилъ

его весломъ, но попалъ не въ голову, а въ плечо и въ руку, и опрокинулъ его.

Падая, онъ слышалъ хохотъ сумашедшаго, и затѣмъ, какъ ключъ, пошелъ ко дну. Но тотчасъ же всталъ на ноги и увидалъ, какъ капитанъ, сдѣлавъ нѣсколько ударовъ веслами, былъ уже такъ далеко, что догнать его было трудно. Тѣмъ не менѣе, Чарльстонъ хотѣлъ броситься за нимъ, но застоналъ отъ боли въ безсильно повиснувшей рукѣ. Не болѣе какъ черезъ минуту, ему пришлось убѣдиться, что онъ не могъ не только преслѣдовать капитана, но едва ли могъ самъ выбраться на берегъ. Теряя чувства, онъ сознавалъ, что тонетъ.

Съ этой мыслью онъ началъ бороться за спасеніе своей жизни, и тотъ самый человѣкъ, который такъ желалъ смерти, теперь болѣе всего желалъ добраться до берега. Онъ плылъ отчаянно и раза два коснулся ногою дна, но затѣмъ его снова относило волной. Наконецъ, нога его коснулась дна, и, помогая себѣ руками, онъ пошелъ къ берегу. Упавъ на лежавшія сѣти, въ которыхъ рыбака уже не было, онъ слышалъ бой барабана, звуки различныхъ голосовъ, и затѣмъ лишился чувствъ.

Пришелъ онъ въ себя уже въ караульной президіи. Въ числѣ лицъ, окружавшихъ его, онъ узналъ чопорнаго коменданта, симпатичнаго Эстебана и пострадавшаго рыбака. Когда онъ открылъ глаза и хотѣлъ приподняться на локти, рыбакъ съ крикомъ благодарности бросился передъ нимъ на колѣни и, поцѣловавъ его безпомощно свѣсившуюся руку, вскричалъ:

— Онъ живъ! Слава всѣмъ святымъ! живъ нашъ герой! нашъ славный американецъ... благородный рыцарь, который спасъ меня отъ сумашедшаго!

— Кто вы такой и откуда явились? строго спросилъ комендантъ у Чарльстона.

Чарльстонъ не отвѣчалъ, священникъ наклонился впередъ и смотрѣлъ на него не то со страхомъ, не то съ тревогой. Въ эту минуту, въ дверяхъ послышался шумъ, и разступившаяся толпа пропустила миссъ Кинъ, въ сопровожденіи Маркгемъ. Глаза дѣвушки встрѣтились съ глазами молодаго человѣка, и она, бросившись къ нему, невольно вскрикнула:

— Чарльстонъ!

— Чарльстонъ! повторила толпа, выдвигаясь впередъ.

Комендантъ поднялъ руку, какъ бы прося смолкнуть, и затѣмъ тихо снялъ свою шляпу съ перомъ. Всѣ присутствующіе тотчасъ же обнажили головы.

— Да здравствуетъ нашъ храбрый и благородный союзникъ, донъ Діего! да здравствуетъ прелестная донна Элеонора!

Лицо священника приняло печальное выраженіе. Онъ посмотрѣлъ на Чарльстона и потомъ на миссъ Кинъ.

— Такъ вы согласны! прошепталъ онъ.

Чарльстонъ быстро взглянулъ на Элеонору Кинъ.

— Я согласенъ!

Конецъ первой части.

ИМЕНИННИКЪ.

Романъ.

XXI.

Анна Ивановна почти не выѣзжала и время отъ времени бывала только въ театрѣ, чтобы посмотрѣть новую пьесу. Жизнь ея сосредоточивалась въ своихъ четырехъ стѣнахъ, и самымъ большимъ развлеченіемъ было то, когда завертывала Володина. Эта дѣвушка оставалась все такой же сѣрой и все также занималась въ теребиловской школѣ. Она приходила вечеромъ, усталая и грустно-серьезная, и Аннѣ Ивановнѣ доставляло удовольствіе ухаживать за этой, убивавшейся на работѣ, труженицей. Да, все кругомъ давно измѣнилось; недавніе герои Мохова, поддавшіеся вѣянію шестидесятыхъ годовъ, какъ-то исчезли, а Володина оставалась все тою же, какою была десять лѣтъ назадъ. Теребиловская школа давно пережила періодъ своей популярности и была забыта. Земское пособіе больше не выдавалось, и школа существовала изо дня въ день на частныя средства, добываемыя подпиской, концертами и любительскими спектаклями. Анна Ивановна отдавала сюда все, что могла тратить на наряды и удовольствія, а генеральша и Прасковья Львовна одолѣвали моховскую публику подписками и спектаклями.

Сближеніе Анны Ивановны съ Володиной произошло незамѣтно, благодаря именно теребиловской школѣ, причемъ связующимъ живымъ звеномъ являлся Пружинкинъ. Женщины сошлись, и такъ пріятно проводили вечера за чтеніемъ и хорошими разговорами. Въ Володиной жила несокрушимая вѣра въ свое дѣло, и она относилась ко всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ относятся доктора къ эпидеміямъ, или обыкновенные люди къ погодѣ:—нужно выждать время. Именно эта вѣра всегда успокоивающимъ образомъ дѣйствовала на Анну Ивановну, и она чувствовала себя хорошо въ присутствіи Воло-

диной, которая сдѣлалась для нея необходимою. Она посылала за ней свою лошадь и выбѣгала встрѣчать въ переднюю. Эта привязанность возбуждала въ Прасковьѣ Львовнѣ ревнивое чувство, обнаруживавшееся разными придирками.

— Зачѣмъ вы бываете у генеральши, Володина?—часто приставала Прасковья Львовна.

— А что такое?

— И вы спрашиваете?.. Было время, когда я сама увлекалась этой женщиной, но теперь... Одинъ Вертеповъ чего стоитъ!.. Помилуйте, вертятъ столы, распѣваютъ душетеребительные романсы, и вообще свинство... да.

— Я этого не нахожу, — невозмутимо отвѣчала Володина:— Софья Сергѣевна осталась той же Софьей Сергѣевной, какою мы всѣ знали ее тогда, а въ ея личныя дѣла я не путаюсь.

— Вы вообще миритесь со всѣмъ и всѣми... Напримѣръ, Курносовъ: растолстѣлъ, добился инспекторства и теперь донимаетъ ребятишекъ разной канцелярщиной. Представьте себѣ, онъ является въ орденахъ!.. А Ефимовъ и Петровъ?..

— Это все частные случаи, Прасковья Львовна... Будутъ другіе люди и сдѣлаютъ свое дѣло. Вся наша ошибка въ томъ, что мы навязываемъ другимъ, чего въ нихъ нѣтъ, а потомъ плачемся. Лично для меня достаточно, если разъ я убѣдилась, что это хорошо, а то—нѣтъ, и, слѣдовательно, должна сообразно съ этимъ затрачивать свои силы.

Не смотря на эти маленькія разногласія, въ общемъ всѣ трое составляли коллективное цѣлое, представляя маленькій островокъ, устоявшій отъ общаго крушенія. Спеціально-женская консервативная сила дѣлала здѣсь свое хорошее дѣло, сохраняя устойчивое равновѣсіе. Какъ бы въ доказательство своихъ убѣжденій, Володина, время отъ времени, приводила въ злобинскій домъ то курсистку-бестужевку, то остановившуюся проѣздомъ въ Моховѣ женщину-врача, то какого-нибудь необыкновеннаго учителя или интеллигентнаго рабочаго. Вѣдь это было то же самое, но въ другой формѣ, и въ свою очередь должно уступить со временемъ чему нибудь новому, болѣе пригодному и цѣлесообразному. Важно то, что истинное и плодотворное общественное движеніе никогда не умираетъ, а только мѣняетъ форму.

Однажды въ мартѣ мѣсяцѣ, когда на улицѣ мела весенняя вьюга, въ злобинскій домъ толкнулся Пружинкинъ. Дѣло было вечеромъ, и старикъ, по обыкновенію, предварительно завернулъ къ Маѳѣ Петровнѣ, поговорилъ о разныхъ пустякахъ, а потомъ послалъ Агашу узнать, можно ли будетъ видѣть „барышню“. У

Анны Ивановны сидѣли Володина и Прасковья Львовна; поэтому она просила провести Пружинкина прямо въ гостинную. Старикъ вошелъ съ озабоченнымъ лицомъ и, поздоровавшись съ дамами, вполголоса проговорилъ:

— А мнѣ, Анна Ивановна, словечко-съ одно нужно бы вамъ сказать...

— Говорите... У меня секретовъ нѣтъ.

— Такъ-съ...

Пружинкинъ осторожно оглянулся и прежнимъ полголосомъ проговорилъ:

— Павелъ Васильичъ умираютъ...

Въ первый моментъ Анна Ивановна не поняла даже роковаго смысла этой роковой фразы и какъ-то по дѣтски спросила:

— То есть, какъ это умираетъ?..

— А такъ-съ, обнакновеннымъ образомъ: воспаленіе легкаго и прочее такое. Ужасъ, какъ разгасило... Можно сказать, безъ памяти лежатъ третьи сутки.

— Кто же его лѣчитъ? вмѣшалась Прасковья Львовна съ особенной энергіей, какъ заслышавшій трубу боевой конь.

— Какъ же, лѣчимъ-съ... Я и Чалко.

— Какой Чалко?

— Ну, фельдшеръ нашъ...

— А доктора почему не приглашаете?..

— Да ужь такъ... Отъ смерти не вылѣчишь, да и самъ Павелъ Васильичъ не пожелали-съ.

— Вздоръ!..

— Ужь это какъ вамъ будетъ угодно-съ, а Чалко отлично все знаетъ...

Вытерши лицо платкомъ, Пружинкинъ посмотрѣлъ на Анну Ивановну какимъ-то безпомощнымъ взглядомъ, а потомъ, точно въ свое оправданіе, прибавилъ:

— И Окуневъ, и Корольковъ то же самое говорятъ-съ...

— Глупости!.. ругалась Прасковья Львовна.—У васъ тамъ и о. Евграфъ тоже въ доктора попадетъ... Развѣ такъ можно?.. Ну, гдѣ у васъ умъ, Егоръ Андреевичъ?.. Притомъ, можно ли слушать бредъ больнаго... Да я сама сейчасъ же отправлюсь къ Сажину и все устрою.

Прасковья Львовна взялась уже было за шляпку, но Анна Ивановна ее остановила:—нужно подумать, а потомъ уже предпринимать что нибудь. Лучше всего обратиться къ Глюкозову, а потомъ... Анна Ивановна не договорила, что̀ потомъ, и только опустила глаза. Пружинкинъ отвернулся, чтобы вытереть непро-

шеную слезу. Володина наблюдала происходившую сцену съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ и только внимательно посмотрѣла на свои худыя руки.

Всѣ эти годы, о Сажинѣ въ злобинскомъ домѣ не было сказано двухъ словъ, точно онъ не существовалъ, а теперь одно это имя произвело сильное волненіе. Пружинкинъ едва „очнулся“ и сейчасъ же отправился на свой постъ. Его не удерживали. Анна Ивановна проводила старика до передней и вернулась съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Изъ понятной деликатности, я никогда не говорила *о немъ* при васъ, голубчикъ,—встрѣтила ее Прасковья Львовна:—но теперь уже дѣло прошлое, а право будетъ жаль, если нашъ именинникъ такъ глупо умретъ...

— Это геніальный человѣкъ!.. заявила Володина.

— Конечно, у него были свои слабости и недостатки, но если сравнить Сажина съ другими... вслухъ думала Прасковья Львовна, надѣвая шляпку задомъ напередъ.—Обратите вниманіе, какъ онъ живетъ: вѣдь нужно выдержку, чтобы похоронить себя заживо въ четырехъ стѣнахъ?.. Да, да... Въ немъ было всегда что-то такое особенное... Помните, какъ онъ тогда вышелъ изъ земства?.. Онъ одинъ зналъ, что будетъ дальше... Ему негдѣ было развернуться и показать себя въ настоящую величину. Понимаете: негдѣ!.. Бродить по колѣна въ обыкновенныхъ глупостяхъ—это надоѣстъ кому угодно, и онъ выбралъ лучшее... Я отлично знаю и Окунева, и Королькова: это все трагическіе русскіе люди, какъ и нашъ именинникъ. Имъ некуда дѣваться, негдѣ приложить свои силы... Нужно быть жалкой посредственностью, чтобы мириться со всякой гадостью... наконецъ, въ немъ сказалось слишкомъ серьезное и глубокое чувство—я въ этомъ убѣждена.

— Неужели онъ умретъ?.. спрашивала Володина.

— Прасковья Львовна, нельзя ли будетъ пригласить къ больному вашего мужа? спрашивала Анна Ивановна, не слыхавшая этихъ разсужденій.

— Это я сейчасъ устрою... Они тогда были врагами, но это пустяки: я прикажу мужу сейчасъ же ѣхать. Смерть всѣхъ примиряетъ.

Послѣднее слово заставило Анну Ивановну вздрогнуть: неужели смерть?.. И такъ неожиданно... Что такое смерть? Ахъ, да, какъ умиралъ Боря... цвѣты... похоронное пѣніе... волны ладана... погребальныя свѣчи... Да, нужно доктора, а потомъ, кто будетъ заботиться о больномъ? Вѣдь уходъ прежде всего, а въ сажинскомъ домѣ всего одна женщина. По воспоминаніямъ дѣтства, Анна

Ивановна относилась къ сажинской экономкѣ съ брезгливымъ недовѣріемъ, безсознательно усвоивъ взглядъ матери.

— Нужно его спасти!.. провозгласила Прасковья Львовна, дѣлая энергичный жестъ:—Мы были такъ несправедливы... да. Я первая сознаюсь въ этомъ... Помните, Володина, какъ Сажинъ черезъ Пружинкина посылалъ деньги въ школу, а мы возвратили ихъ ему?..

Анна Ивановна была рада, когда ея друзья наконецъ ушли. Ей необходимо было остаться одной, чтобы сообразить что-то, одуматься... Она запомнила, какъ Пружинкинъ глоталъ слезы и что-то хотѣлъ ей сказать въ передней, но только махнулъ рукой и выбѣжалъ въ двери. Какой хорошій старикъ этотъ Пружинкинъ, и какъ беззавѣтно онъ любитъ Павла Васильевича!.. Какое-то неиспытанное чувство овладѣло душой, и Анна Ивановна никакъ не могла успокоиться. Она выпила два стакана холодной воды, хотѣла дочитать начатую книгу, но строчки прыгали и печатныя страницы застилались туманомъ. „Павелъ Васильичъ умираютъ-съ!.. неотступно стучала въ головѣ Анны Ивановны одна и та же фраза, заставляя ее вздрагивать. Онъ умираетъ безпомощный, одинокій, оставленный всѣми и забытый.

За вечернимъ чаемъ, Марѳа Петровна нѣсколько разъ взглядывала на дочь своимъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ, и беззвучно жевала сухими губами. Анна Ивановна два раза роняла чайную ложку, опрокинула на столъ свою чашку, и вообще имѣла самый безпокойный видъ. Она была рада, что мужъ разсказывалъ все время Марѳѣ Петровнѣ о какомъ-то скандалѣ въ клубѣ, а сама думала: гдѣ теперь докторъ Глюкозовъ? Можетъ быть, онъ уѣхалъ по больнымъ, и Сажинъ по прежнему остается на попеченіи одного Чалки.

— Ты, кажется, сегодня несовсѣмъ здорова? освѣдомился Куткевичъ, когда Анна Ивановна два раза отвѣтила ему невпопадъ.

— Да... У меня голова болитъ.

Когда Анна Ивановна торопливо вышла изъ столовой, Марѳа Петровна проводила ее прищуренными глазами и строго покачала головой, но Куткевичъ ничего не желалъ замѣчать и благодушествовалъ, развалившись въ креслѣ.

Мужъ всегда говорилъ Аннѣ Ивановнѣ „ты“, но сейчасъ это маленькое слово обидно рѣзнуло ее по уху. „Ты, кажется, сегодня несовсѣмъ здорова?“ А кому какое дѣло до ея здоровья, до всего, что̀ касалось ея... Она ждала только момента, когда останется одна, совсѣмъ одна; вѣдь это великое счастье—быть одной. Въ восемь часовъ Куткевичъ уѣзжалъ въ клубъ, и Анна Ива-

новна съ какимъ-то страхомъ думала о томъ, какъ онъ непремѣнно отыщетъ ее, чтобы поцѣловать въ лобъ, какъ всегда дѣлалъ при выходѣ изъ дому. Изъ бывшей своей комнаты она посмотрѣла черезъ голый садъ на сажинскій домъ; въ кабинетѣ Сажина свѣтился слабый огонекъ... Какъ давно не смотрѣла она въ эту сторону и какъ больно отозвались въ душѣ эти двѣ свѣтлыя точки, глядѣвшія на нее. Спускались сѣрыя сумерки, и мокрыми хлопьями падалъ послѣдній снѣгъ. Верхушки березъ были затканы вороньими гнѣздами. Гдѣ-то далеко прозвонилъ запоздалый колоколъ, оставившій въ воздухѣ долгій, умирающій звукъ. Послышавшіеся осторожные шаги заставили Анну Ивановну вздрогнуть—это шелъ мужъ прощаться.

— Я вернусь, Annette, около часа... — говорилъ онъ, шаркая ногами.

Послѣдовалъ обычный супружескій поцѣлуй, какъ печать на казенной бумагѣ, и Анна Ивановна вздохнула свободно. Что же дальше?.. Да, гдѣ теперь докторъ Глюкозовъ, и отчего Прасковья Львовна не ѣдетъ сообщить, какъ все устроилось? Въ душѣ Анны Ивановны защемило такое нѣжное и хорошее чувство къ больному, но потомъ она вдругъ вся похолодѣла отъ нахлынувшихъ воспоминаній... Вотъ онъ изъ этого сада такъ постыдно бѣжалъ тогда отъ генеральши... Онъ погубилъ ея жизнь, какъ и свою... Припавъ мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ самому стеклу, Анна Ивановна опять смотрѣла въ потемнѣвшій садъ, на двигавшуюся сѣтку падавшаго снѣга, на потонувшія вдали двѣ свѣтлыя точки. Вѣдь также темно и въ жизни, и также изъ невѣдомой глубины манятъ къ себѣ блуждающіе огоньки...

XXII.

На старинныхъ часахъ съ кукушкой пробило девять часовъ. Прасковьи Львовны все не было.

— Ты куда это собралась, на ночь глядя? окликнула Марѳа Петровна, настигнувъ Анну Ивановну въ передней, когда она надѣвала пальто.

— Мнѣ нужно... къ Прасковьѣ Львовнѣ,—спокойно отвѣтила Анна Ивановна.—Лошадь вернулась изъ клуба?..

Ей было душно въ комнатахъ... Холодный воздухъ сразу оживилъ ее, и она съ удовольствіемъ дохнула всей грудью. Мокрый снѣгъ покрывалъ все кругомъ бѣлымъ саваномъ. Когда кучеръ подалъ, Анна Ивановна проговорила:

— Къ Прасковьѣ Львовнѣ.

Выѣхавъ изъ воротъ, Анна Ивановна задумалась—ей вдругъ не захотѣлось ѣхать къ Глюкозовымъ. Кучеру было приказано ѣхать на Консисторскую и остановиться на углу Гаврушковскаго переулка. Снѣгъ все шелъ колебавшимися въ воздухѣ крупными хлопьями. Пѣшеходовъ не было видно, и глухо дребезжали одни извощичьи разбитые экипажи. Анной Ивановной вдругъ овладѣло такое хорошее и радостное чувство, какого она еще никогда не испытывала.

— Ты подождешь меня здѣсь... твердо проговорила она кучеру, выходя изъ экипажа.

— Слушаю-съ... отвѣтилъ старикъ-кучеръ, жившій у Злобиныхъ лѣтъ двадцать.

Анна Ивановна торопливо пошла по мокрому тротуару, прямо къ сажинскому дому, до котораго отъ угла было шаговъ двѣсти. Прежнее бодрое чувство усилилось отъ ходьбы и какого-то дѣтскаго чувства полной свободы. Фонари едва мигали, и въ темнотѣ ее никто не узнаетъ. У подъѣзда она позвонила твердой рукой и вышедшему на звонокъ Семенычу проговорила коротко:

— Проведи меня къ Василисѣ Ивановнѣ...

— Они чай кушаютъ-съ,—докладывалъ Семенычъ, почтительно забѣгая по коридору впередъ бочкомъ. — Вотъ сюда направо.

Въ распахнутую Семенычемъ дверь, на Анну Ивановну пахнуло знакомымъ воздухомъ, какой застаивается въ такихъ маленькихъ комнаткахъ. На шумъ показалась сама Василиса Ивановна, повязанная темненькимъ платочкомъ. Увидѣвъ Анну Ивановну въ шубѣ, покрытую хлопьями снѣга, старушка сдѣлала шагъ назадъ и всплеснула молча руками. Семенычъ помогъ гостьѣ снять шубу и, сдѣлавъ налѣво кругомъ, удалился.

— Анна Ивановна Злобина... отрекомендовалась гостья, входя въ гостинную.

Василиса Ивановна узнала ее по какому-то инстинкту и, махнувъ рукой, тихо заплакала. Она поняла, зачѣмъ пришла эта поздняя гостья... Въ гостинной на столѣ стоялъ остывшій самоваръ, въ углу теплилась лампадка. На особомъ столикѣ кучкой стояли какіе-то пузырьки съ лѣкарствами. Аннѣ Ивановнѣ хотѣлось что нибудь сказать плакавшей старушкѣ, но она чувствовала, что голова у нея кружится, и что-то давитъ горло.

— Анна Ивановна, голубушка... шептала Василиса Ивановна, не вытирая катившихся слезъ.—Вотъ какъ Господь привелъ свидѣться!..

— Докторъ былъ?

— Заѣзжалъ, а тамъ теперь фершелъ... Плохъ Павелъ-то Васильичъ, всего разварило. Ахъ, Господи, да какъ это вы-то, моя голубушка... Докторъ и слушалъ, и стукалъ, а лѣкарства не далъ... А какъ Павелъ-то Васильичъ тосковалъ въ послѣднее время!..

Василиса Ивановна задушевно и горько выговаривала все, что у нея накипѣло на душѣ, и вытирала передникомъ катившіяся по сморщенному лицу слезы. Старое представленіе о „сажинской наложницѣ“ исчезло само собой, и Анна Ивановна, поддаваясь безотчетному чувству, поцѣловала убивавшуюся старушку — ей хотѣлось утѣшить ее и приласкать.

— Матушка, Анна Ивановна! не осудите старуху на глупомъ словѣ: думала я объ васъ не одинъ годъ и ждала... только не судилъ Богъ по моему, какъ я загадывала. Теперь-то ужь все можно сказать: не къ чему таиться! Былъ грѣхъ... Хотѣлось мнѣ послужить вамъ на старости лѣтъ, порадоваться... А вы-то вотъ какъ пришли къ намъ!..

Сначала Анна Ивановна не поняла смысла этихъ безсвязныхъ рѣчей, а потомъ съ грустной улыбкой проговорила:

— Зачѣмъ, Василиса Ивановна, вы говорите это...

— Сердце выболѣло, голубушка... Да и Павелъ Васильичъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ,—оно ужь все заодно.

— Докторъ сказалъ?

— Нѣтъ, докторъ молчитъ, а у меня душа ноетъ... чувствую...

Присѣвъ на диванъ, Анна Ивановна подробно разспросила про болѣзнь Сажина и все время всматривалась въ лицо Василисы Ивановны, въ которомъ чувствовалось что-то такое знакомое и близкое. Да, эта старушка понимала ее—понимала, что привело ее сюда и что она сейчасъ чувствуетъ. То, что, казалось, было похоронено навѣки и скрыто отъ всѣхъ глазъ, вырвалось наружу вотъ здѣсь, въ этой маленькой комнатѣ.

— Можно будетъ мнѣ взглянуть на больнаго? тихо спросила Анна Ивановна послѣ длинной паузы.

— Можно, можно, моя голубушка... Я провожу васъ...

Онѣ поднялись по узкой лѣсенкѣ прямо въ столовую, гдѣ горѣла лампа и было совсѣмъ пусто. Проходя по коридору, Анна Ивановна въ отворенную дверь увидала Окунева и о. Евграфа, споривших вполголоса о чемъ-то. Бильярдъ служилъ имъ вмѣсто классной доски, и Окуневъ, отложивъ мѣломъ по зеленому сукну двѣ параллельныя линіи, шопотомъ говорилъ:

— Понимаете: одиннадцатая теорема Эвклида—это исходный пунктъ новой математики... да. Центръ внѣ окружности... тѣло, ограниченное выпуклыми поверхностями, обращенными внутрь..

— Какъ поврежденные... прошептала Василиса Ивановна.— Все у нихъ тары да бары.

Окуневъ замѣтилъ Анну Ивановну, прищурилъ глаза и даже фукнулъ носомъ—появленіе неизвѣстной женщины нарушило его математическія соображенія. Въ залѣ было совсѣмъ темно, и только въ пріотворенную дверь кабинета выползала широкая полоса зеленоватаго цвѣта. Стеариновая свѣча, защищенная зеленымъ шолковымъ абажуромъ, стояла на письменномъ столѣ. У внутренней стѣны на кровати бѣлѣла неподвижная масса, а около нея въ двухъ креслахъ, другъ противъ друга, сидѣли Чалко и Пружинкинъ. Больной тяжело дышалъ, и слышно было, какъ что-то хрипѣло и клокотало у него въ груди. Появленіе Анны Ивановны заставило Пружинкина вскочить, точно въ дверяхъ стояло привидѣніе. Чалко тоже сдѣлалъ движеніе всѣмъ корпусомъ и неловко заерзалъ въ креслѣ, а потомъ около стѣнки благополучно выбрался въ залу и только тамъ вздохнулъ свободнѣе, какъ человѣкъ, благополучно отдѣлавшійся отъ большой опасности.

— Плохъ-съ.. говорилъ Пружинкинъ движеніемъ головы и рукъ.

Анна Ивановна заняла мѣсто Чалки у изголовья больнаго, который лежалъ съ закрытыми глазами. Лицо было багрово-красное, сквозь запекшіяся губы вылетала съ сухимъ свистомъ горячая струя воздуха, грудь быстро поднималась. Ею вдругъ овладѣло невыразимое чувство жалости къ этому безпомощному человѣку, сгоравшему лихорадочнымъ огнемъ. Вотъ эта голова, изъ которой фонтаномъ била живая, искрившаяся огнемъ, мысль; вотъ эти воспаленные, потухающіе глаза, эти безсильныя руки съ напружившимися жилами, и грудь, задыхавшаяся отъ недостатка воздуха!.. Анна Ивановна инстинктивно набрала всей грудью воздуха, точно хотѣла помочь дыханію больнаго, поправила резиновый мѣшокъ со льдомъ, скатившійся на подушку и, приложивъ руку къ горѣвшему лбу, прислушивалась къ этой молчаливой борьбѣ жизни и смерти. Да, все кончено, и нѣтъ больше мѣста для обыденныхъ разсчетовъ и соображеній.

— Плохо-съ... прошепталъ голосъ Пружинкина надъ самымъ ухомъ Анны Ивановны.

Василиса Ивановна стояла по прежнему въ дверяхъ и наблюдала происходившую сцену. Она видѣла, какъ больной тяжело раскрылъ глаза и быстрымъ испуганнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на наклонившееся надъ нимъ лицо—онъ узналъ ее и что-то хотѣлъ сказать, но изъ груди вырвалось всего одно слово:

— Прощайте... прощайте...

— Мы будемъ еще жить... долго жить... шептала Анна Ивановна, поправляя прилипшіе ко лбу его волосы.

— Нѣтъ... кончено...

Больной хотѣлъ сказать еще что-то, сдѣлалъ безпокойное движеніе головой и безсильно закрылъ глаза, погрузившись въ прежнее полузабытье. Пружинкинъ и Василиса Ивановна вышли изъ комнаты. Глаза больнаго опять раскрылись и съ тревогой искали дорогаго лица, но оно уже наклонилось и шептало о жизни, о прощеніи, о будущемъ. Жизнь, молодая и полная силъ, была тутъ рядомъ. и чья-то маленькая ласковая рука опять лежала на горѣвшей головѣ.

— Прощайте... благодарю...

— Нѣтъ, вы должны жить...

Въ столовой Анну Ивановну ожидали подробные разсказы о результатахъ докторскаго діагноза: поражено правое легко● но есть надежда на благополучный исходъ. Знакомые неотлучно дежурятъ при больномъ и ужь постараются поднять его на ноги. Въ дверяхъ столовой на мгновеніе показались рыжіе усы Окунева, и Анна Ивановна почувствовала на себѣ пристальный взглядъ тайнаго врага. Но ей было не до того—нужно было уходить... Какъ во снѣ, она сошла по лѣстницѣ внизъ, простилась съ Василисой Ивановной и, когда стала надѣвать шубу, почувствовала, какъ Пружинкинъ цѣловалъ у нея руку.

— Ангелъ прилетѣлъ... нашъ ангелъ... шепталъ старикъ.

Василиса Ивановна убѣжала въ свою спальню и, упавъ на кровать, плакала съ тяжелыми всхлипываньями. Да, она, эта желанная гостья, приходила—закрыть ему глаза... На улицѣ шелъ тотъ же снѣгъ и также печально мигали рѣдкіе фонари, когда Анна Ивановна торопливо шла по тротуару къ своему экипажу. За ней шелъ Пружинкинъ и повторялъ:

— Какъ-же это, Анна Ивановна, дома-то... Ахъ, ты, Господи, еще непріятность выдетъ.

— Идите, Егоръ Андреевичъ, назадъ, а то еще простудитесь,—спокойно отвѣчала Анна Ивановна, чувствуя себя необыкновенно легко.

— Нѣтъ, дома-то... Марѳа Петровна...

— Ничего, пустяки...

Кучеръ сдѣлалъ видъ, что ничего особеннаго не замѣтилъ, и только нерѣшительно повернулъ голову, ожидая приказанія ѣхать къ Глюкозовымъ.

— Домой... коротко отвѣтила Анна Ивановна на этотъ нѣмой вопросъ.

У нея мелькнула малодушная мысль внушить кучеру, что они-де ѣздили къ Прасковьѣ Львовнѣ, но этотъ обманъ оттолкнулъ ее. Къ чему?.. Глюкозова могла заѣхать къ нимъ въ это время, и обманъ раскрылся бы самъ собой. Притомъ ей рѣшительно все равно: да, она была въ сажинскомъ домѣ, что же изъ этого?.. Прежнее хорошее чувство овладѣло ей, и она удивлялась, какъ все это вышло само собой. Вѣдь она выѣхала изъ дому съ намѣреніемъ ѣхать къ Прасковьѣ Львовнѣ. Нѣтъ, она должна была видѣть его, и онъ не умретъ...

Глюкозова, дѣйствительно, заѣзжала къ Злобинымъ, и Марѳа Петровна встрѣтила дочь въ передней—она знала все черезъ Агашу, которую посылала до сажинскаго дома.

— Гдѣ ты была, голубушка? какъ-то зашипѣла старуха.

— У Сажина... коротко отвѣтила Анна Ивановна и даже улыбнулась.

— Вотъ какъ...

— Да, такъ... Можете донести объ этомъ по принадлежности: мнѣ все равно.

Спокойный тонъ испугалъ Марѳу Ивановну, и она даже отшатнулась отъ дочери, какъ отъ сумашедшей. Анна Ивановна вызывающимъ взглядомъ смотрѣла на мать и опять улыбалась.

— Хорошо, хорошо, голубушка,—забормотала старуха, размахивая руками.—Ужо посмотримъ, какъ будешь съ мужемъ-то разговаривать... Ишь, какую прыть напустила!..

— Это ужь мое дѣло, а вы не рѣшитесь ему ничего сказать по привычкѣ всѣхъ обманывать... Да и мнѣ все равно: говорите... жалуйтесь... Прислуга знаетъ и разболтаетъ все безъ васъ, такъ что вамъ не о чемъ заботиться.

— Да ты въ своемъ ли умѣ?.. Какія ты слова говоришь матери?..

Но Анна Ивановна не слыхала этихъ возгласовъ—она думала о томъ, что Василиса Ивановна отлично знаетъ не только ея прошлое, но и настоящее. Да, это ясно изъ того участія, съ какимъ она отнеслась къ ней. Изъ своей комнаты Анна Ивановна опять долго смотрѣла черезъ садъ на свѣтившіяся окна сажинскаго дома и теперь отлично представляла себѣ всю обстановку. Ей дѣлалось жутко и хорошо, когда она перебирала въ умѣ подробности этого визита: какъ задушевно и тепло встрѣтили ее всѣ, точно хозяйку дома... Вѣдь она могла быть хозяйкой этихъ пустыхъ комнатъ, въ которыхъ жизнь совсѣмъ замерла, и, можетъ быть,

тамъ кипѣли бы теперь другая жизнь. Недаромъ плакала Василиса Ивановна...

XXIII.

Первые теплые дни въ Моховѣ устанавливались только въ концѣ мая. Въ городскомъ саду, опушенномъ первой весенней зеленью, по утрамъ можно было встрѣтить каждый день Сажина, который гулялъ здѣсь въ обществѣ Пружинкина или кого нибудь изъ своихъ друзей послѣдней формаціи. Онъ только что успѣлъ подняться съ постели и ходилъ, опираясь на палку. Лицо вытянулось и поблѣднѣло, глаза казались больше.

— Ничего-съ, все форменно будетъ, Павелъ Васильичъ,—говорилъ Пружинкинъ, поддерживая Сажина за локоть.—Другая болѣзнь намъ же на пользу, говоритъ Чалко. Кровь полируется.

Сажинъ задумчиво улыбался и не спорилъ. Онъ переживалъ то хорошее чувство, какое приносится выздоровленіемъ, и съ каждымъ днемъ испытывалъ новый приливъ силъ. Теперь онъ съ удовольствіемъ выслушивалъ болтовню Пружинкина, толковалъ съ нимъ о его проэктахъ и теребиловскихъ злобахъ дня, спорилъ съ Окуневымъ о математической точкѣ, которую невозможно „ни изобразить, ни представить въ воображеніи“. Но эти моменты оживленія иногда смѣнялись тяжелымъ раздумьемъ, находившимъ на него безъ всякой видимой причины. Сажинъ не слыхалъ вопросовъ, забывалъ своихъ собесѣдниковъ и только теръ рукой сморщенный лобъ, точно стараясь что-то припомнить. Да, онъ смутно, какъ во снѣ, видѣлъ молодое женское лицо, которое наклонялось надъ его изголовьемъ, и не рѣшался спросить Пружинкина или Василису Ивановну: было это галлюцинаціей или... Отъ этого вопроса его удерживала мысль: а если ничего подобнаго не было, тогда онъ будетъ лишенъ возможности даже думать на эту тему, заставлявшую его переживать такія хорошія минуты.

Разъ, когда Сажинъ и Окуневъ гуляли на большой липовой аллеѣ, въ глубинѣ этой аллеи показалась женская фигура. Окуневъ тяжело замолчалъ и нахмурился, точно предчувствуя опасность, которая приближалась къ нимъ такой граціозной и легкой походкой.

— Вотъ чортъ несетъ... ворчалъ онъ, дергая себя за усы. А впрочемъ до свиданья, Павелъ Васильичъ.

— Куда это вы? удивился Сажинъ.

— Нужно...

Круто повернувшись, Окуневъ сердито зашагалъ къ выходу—онъ узналъ Анну Ивановну и спасался самымъ постыднымъ бѣг-

ствомъ, какъ искушаемый бѣсомъ пустынникъ. А она уже подходила къ Сажину и первая протянула ему руку.

— Какъ я рада, что вижу васъ здоровымъ... проговорила она, складывая зонтикъ.

— А я... нѣтъ, я въ неоплатномъ долгу у васъ, Анна Ивановна.

— Ничего, какъ нибудь сосчитаемся... Не хорошо то, что мнѣ же первой и пришлось васъ отыскивать. Да, я васъ искала... чтобы высказать много-много...

Изумленіе Сажина смѣнилось томительнымъ и сладкимъ чувствомъ: онъ могъ смотрѣть на нее, могъ слушать звукъ этого голоса, а тамъ хоть умереть... Вѣдь онъ не видалъ ея много лѣтъ и теперь находилъ, что она въ десять разъ лучше того, чѣмъ была. Изъ-подъ широкополой лѣтней шляпки на него смотрѣло свѣжее и молодое лицо, полное какой-то тревоги и ожиданія,—это лицо наклонялось надъ нимъ тогда, въ чемъ онъ больше не сомнѣвался. Она шла рядомъ съ нимъ по той же аллеѣ, гдѣ они гуляли когда-то подъ звуки музыки, и также хорошо смотрѣла на него.

— Вы, можетъ быть, устали? спрашивала она притихшимъ голосомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ...

— Да, такъ мнѣ необходимо было видѣть васъ, чтобы сказать все... Скажите, почему вы похоронили себя на пять лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ? Неужели достаточно было одной неудачи, чтобы бросить все... Писаря и кабачики гораздо выдержаннѣе и теперь завладѣли всѣмъ.

— Имъ, значитъ, и книги въ руки...

— Вы говорите это такъ спокойно... Значитъ, все, что было раньше, все это говорилось и дѣлалось какъ-то такъ, безъ всякаго основанія. Можетъ быть, дѣлалось изъ самаго непростительнаго эгоизма.

Сажинъ горько улыбнулся и не отвѣчалъ, наблюдая золотыя полоски свѣта, бродившія въ зелени молодой травы и по песку дорожки.

— А было время, когда на васъ молились, когда ожидали отъ васъ очень многаго... продолжала Анна Ивановна.—А теперь?..

— Мнѣ трудно говорить на ходу... Сядемте,—тихо отвѣтилъ Сажинъ.

Они сѣли на зеленой скамьѣ. Анна Ивановна чертила на пескѣ зонтикомъ параболы. Сажинъ нѣсколько разъ съ трудомъ перевелъ духъ и послѣ длинной паузы началъ:

— Вы правы, и я то же самое передумалъ много разъ... Знаете, когда меня выкинули изъ земства, я, конечно, обвинилъ всѣхъ другихъ и былъ глубоко убѣжденъ, что меня рано или поздно призовутъ. Да...

Съ перерывами и паузами Сажинъ передалъ содержаніе того внутренняго процесса, какой онъ пережилъ за все это время своего добровольнаго затворничества. Сначала онъ заперся изъ гордости, потомъ наступилъ періодъ сомнѣнія и, наконецъ, сложилось новое міросозерцаніе, если можно примѣнить здѣсь это громкое слово.

— Въ самомъ дѣлѣ, вглядываясь въ Пружинкина, я увидѣлъ въ немъ своего двойника, — говорилъ Сажинъ, начиная увлекаться.—Та же непрактичность, та же дѣтская вѣра въ несбыточное... Въ немъ только больше цѣльности и крови. Дальше явились уже абсурды: на Руси нѣтъ даже подлецовъ въ чистомъ видѣ, а все это такъ, какъ-то зря... Въ большинствѣ случаевъ, сами по себѣ, это—очень милые и безвредные люди, если отнять отъ нихъ полосу спеціальнаго помѣшательства. Какой нибудь консисторскій повытчикъ, полицейскій зубокрушитель, просто маленькій семейный тиранъ—всѣ они люди, какъ люди.

— Остается только перенести все это на нашихъ хорошихъ людей?..

— Къ сожалѣнію, да!.. Нѣтъ почвы подъ ногами и не за что ухватиться, когда въ самомъ себѣ чувствуешь эту роковую раздвоенность. Посмотрите, сколько на Руси толпится совершенно ненужныхъ людей, и притомъ это не какіе нибудь обсѣвки, а самые способные и талантливые... Это наше спеціально-русское явленіе.

— Трагическіе люди, какъ называетъ Прасковья Львовна...

— Именно... хотя, по моему, вѣрнѣе было бы назвать ихъ именинниками. Это очень меткое слово, лично для меня имѣвшее роковое значеніе... У насъ въ каждомъ дѣлѣ такъ: сначала именины, а потомъ тяжелое похмѣлье.

— Вы несправедливы... тихо заговорила Анна Ивановна, дѣлая порывистое движеніе.—Да, несправедливы. Все это мертвыя выкладки, оторванныя отъ жизни. Всякій можетъ ошибаться и падать, но за вычетомъ этихъ ошибокъ остается то доброе и вѣчное, къ чему хорошіе люди всегда стремились душей и будутъ стремиться. И поэтому стоитъ жить... да, стоитъ.

Голосъ у нея дрогнулъ и порвался. Сажинъ молчалъ, подавленный тѣмъ, что шевельнулось у него глубинѣ души,—передъ ними развертывалась широкой лентой та же аллея, по которой они когда-то гуляли подъ руку...

— Стòить жить... да!.. повторила Анна Ивановна задыхающимся голосомъ. Что же вы молчите, дрянной эгоистъ?..

— Анна Ивановна, что̀ вы дѣлаете... прошепталъ Сажинъ, опуская голову. Знаете, я такъ недавно увѣренъ былъ въ своей смерти и даже желалъ ея... Зачѣмъ вы тогда приходили и зачѣмъ теперь говорите все это?.. У меня кружится голова...

— Я хочу спасти васъ... да, спасти. Страшно ничтожество, страшна пустота... Одинъ часъ счастья лучше десятковъ лѣтъ гнилой, проклятой жизни. Я хочу видѣть васъ такимъ, какимъ знала тогда...

Она придвинулась къ нему и взяла его за руку. Сажинъ чувствовалъ, какъ эта маленькая рука дрожала.

— Анна Ивановна...

— Послышался неопредѣленный сухой смѣхъ, а когда онъ взглянулъ ей въ лицо—оно отвѣтило ему восторженной, счастливой улыбкой. Большіе темные глаза такъ и горѣли, ротъ былъ полуоткрытъ.

— Мнѣ подъ тридцать лѣтъ, а я еще не начинала жить... шептала она со слезами въ голосѣ.—Я никого не обвиняю, но мнѣ хочется жить... день, часъ жить это все ровно. Пять лѣтъ идетъ моя пытка... нѣтъ, казнь. Я поддавалась иллюзіямъ своего курятника, наконецъ, просто плыла по теченію, а это ужасно... Да, ужасно! И весь ужасъ своего положенія я поняла только тогда, когда услышала о вашей болѣзни... Вѣдь достаточно нѣсколькихъ дней, чтобы человѣка не стало—для чего же тогда жить?.. Я не знала, что иду тогда къ вамъ, и пришла, какъ не знала этого сегодня... Есть вещи сильнѣе насъ. У меня нѣтъ больше силъ... я задыхаюсь...

Она сорвала шляпку съ головы и хотѣла еще что-то сказать, но Сажинъ привлекъ ее къ себѣ и по отечески поцѣловалъ въ лобъ. У него кружилась голова отъ прилива безумія, а она прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ, точно хотѣла прирости.

— Да, стòить жить... шопотомъ повторялъ Сажинъ.

— Завтра вы придете сюда ровно въ одиннадцать часовъ... нѣтъ, лучше въ часъ. Что же вы молчите?.. А то я могу пройти къ вамъ въ домъ... Испугались, Павелъ Васильевичъ?.. Мнѣ все равно, и нисколько не страшно...

Придете?..

— Да...

— Нѣтъ, повторяйте за мной: я приду завтра въ часъ въ городской садъ и буду здѣсь терпѣливо ждать васъ, Анна Ивановна, вотъ въ этой самой аллеѣ...

— Я приду завтра въ часъ...

— Довольно... вѣрю...

Въ боковой аллеѣ, на скамейкѣ сидѣла Прасковья Львовна и самымъ скромнымъ образомъ занималась отчасти ботаникой, отчасти минералогіей и даже зоологіей. Кругомъ нея валялись разорванные въ мелкіе клочья листочки сирени, скрученная въ развивавшуюся спираль трава, а зонтикъ ковырялъ въ пескѣ и нѣсколько разъ гонялся неудачно за пролетавшей мимо зеленой мухой. Все это, взятое вмѣстѣ, доказывало только нетерпѣніе Прасковьи Львовны, которая не умѣла ждать. Она пришла въ садъ вмѣстѣ съ Анной Ивановной и, время отъ времени, сквозь листву аллеи наблюдала сидѣвшую далеко отъ нея парочку. Однако они совсѣмъ забыли объ ея существованіи, и Прасковья Львовна сгорала желаніемъ выйти изъ своей засады.

— Помилуйте, да въ это время можно, по крайней мѣрѣ, десять разъ исповѣдаться!.. ворчала она, поднимаясь съ мѣста.

Въ самый рѣшительный моментъ, когда Прасковья Львовна хотѣла уже идти, она взглянула направо и тамъ, въ другой боковой аллеѣ, увидѣла мужскую фигуру, которая очень внимательно наблюдала ее сквозь рѣдкую весеннюю зелень. Прасковья Львовна даже присѣла со страху,—ей показалось, что это былъ г Куткевичъ. Въ слѣдующій моментъ она разсмотрѣла бродившаго по аллеѣ Окунева и ругалась вслухъ.

— Вотъ еще скотина!.. Вѣдь ушелъ изъ сада, а тутъ точно изъ-подъ земли выросъ...

Они стали наблюдать другъ друга и со сдержанной злобой дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ. Это нѣсколько развлекло Прасковью Львовну, и она съ новымъ ожесточеніемъ принялась рвать траву и даже бросала камешками въ воображаемаго непріятеля. Когда показалась Анна Ивановна, Прасковья Львовна пошла къ ней на встрѣчу и на ходу говорила:

— Что же вы это со мной-то дѣлаете, голубчикъ?.. Вѣдь я тутъ могла умереть напрасной смертью... Битый часъ сидѣла, какъ лягушка.

Анна Ивановна, вмѣсто отвѣта, горячо расцѣловала Прасковью Львовну и, закрывъ глаза, нѣсколько секундъ безмолвно ее обнимала.

— Значитъ, хорошо, что я не выкатила къ вамъ? спрашивала Прасковья Львовна, растроганная этой нѣжностью.

— Да, хорошо... Впрочемъ, я не знаю, что говорю...

— А меня такъ и подмывало... Я все сказала бы имениннику, рѣшительно все!.. А тутъ еще навязался Окуневъ: бродитъ вонъ по той аллеѣ, какъ волкъ...

— Какой Окуневъ?..

— Ахъ, Боже мой... Да тотъ самый, который ходилъ давеча съ Сажинымъ! Ну, ужь въ слѣдующій разъ, благодарю покорно, я не буду разыгрывать Марту... И я подозрѣваю, что этотъ Окуневъ ужасно глупъ!..

Анна Ивановна не понимала ни одного слова изъ этой болтовни и шла изъ сада, крѣпко опираясь на руку своей дуэньи.

— Ну, что онъ? спрашивала ее Прасковья Львовна въ третій разъ.

— Кто?

— Ахъ, Господи!.. Вы меня сегодня возмущаете, голубчикъ.

— Виновата: стоитъ жить...

XXIV.

Въ кабинетѣ Сажина произошло маленькое недоразумѣніе. Сейчасъ послѣ завтрака, хозяинъ выразилъ нѣкоторое безпокойство и два раза посмотрѣлъ на часы.

— Господа, вы меня извините... говорилъ онъ, отыскивая шляпу.—Мнѣ необходимо сходить по дѣлу. Всего на часъ, много на два...

— Пожалуйста... брякнулъ Окуневъ, стараясь не смотрѣть на вертѣвшаго головой Пружинкина.

Вышла неловкая сцена, точно Сажинъ хотѣлъ скрыться отъ своихъ друзей потихоньку. Пружинкинъ не могъ понять, какъ это Павелъ Васильевичъ пойдетъ одинъ. Окуневъ молчалъ и только закручивалъ свои рыжіе усы.

— Во всякомъ случаѣ, я скоро вернусь... говорилъ Сажинъ, по пути разсматривая свою фигуру въ зеркалѣ.

Друзья такъ и остались при собственномъ недоумѣніи, а Сажинъ торопливо шагалъ по направленію къ городскому саду: онъ боялся опоздать и еще разъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось полчаса. День былъ солнечный, и Сажинъ сильно задыхался. Но вотъ и садъ, обыкновенно пустой въ это время. Пробѣжавъ центральную площадку, Сажинъ въ завѣтной липовой аллеѣ носомъ къ носу встрѣтился въ Прасковьей Львовной, которая видимо его поджидала.

— Вы акуратны, какъ гимназистъ... встрѣтила она его, протягивая руку.—Ну, здравствуйте; что вы такъ дико смотрите на меня?.. Не бойтесь, не продамъ... Я пришла сюда на свиданіе по порученію извѣстной вамъ особы, которая послала мнѣ записку... Позвольте, гдѣ она у меня?

Въ карманѣ нигдѣ записки не оказалось, и Сажинъ растерянно смотрѣлъ, какъ Прасковья Львовна ощупывала себя. Онъ не ожидалъ именно этой встрѣчи и не зналъ, какъ себя держать съ недавнимъ врагомъ.

— Ахъ, какая проклятая память! вскричала она, дѣлая энергическій жестъ.—Оставила въ своей комнатѣ на столикѣ... Да, теперь отлично помню. Но это все равно—эта особа просила вамъ передать, что она сегодня не можетъ пріѣхать и еще... позвольте... что она такое пишетъ? Послушайте, будетъ самое лучшее, если мы поѣдемъ сейчасъ же ко мнѣ... Это послужитъ кстати доказательствомъ, что вы не сердитесь на меня. Не правда ли?..

— Было бы удобнѣе, еслибы вы постарались припомнить... настаивалъ Сажинъ.

— Помню, что есть что-то такое, но эти записочки пишутся такими экивоками, что мудреца сведутъ съ ума... Вѣрно одно, что дѣло идетъ о васъ.

Не дожидаясь согласія, Прасковья Львовна подхватила Сажина подъ руку и потащила изъ сада. Онъ не сопротивлялся и покорно выслушивалъ сыпавшуюся на него болтовню.

— Во-первыхъ, я не только не сержусь на васъ, но даже считаю себя виноватой предъ вами,—объясняла Прасковья Львовна на ходу.—Въ сущности мы всѣ одинаково виноваты... Но вы-то хороши, милый человѣкъ!.. Хоть бы одно слово все время... Ну, скажите откровенно, легко женщинѣ первой прійти на свиданіе, первой протянуть руку и первой начать объясненія?... Да... А вы именно поставили такъ ту особу, о которой я говорю...

— Позвольте, мы, кажется, не понимаемъ другъ друга, Прасковья Львовна?

— Не притворяйтесь, пожалуйста... о чемъ вы могли вчера толковать битый часъ?.. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла, а только поставьте себя въ положеніе женщины, которая даже въ такомъ исключительномъ случаѣ должна принимать на себя починъ...

— Все таки, я не понимаю, для чего вы все это говорите, Прасковья Львовна? удивлялся Сажинъ, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— И вы спрашиваете?.. Вы, значитъ, не хотите видѣть той великой въ своей чистотѣ женской души, которая жертвуетъ всѣмъ для... ахъ! для этого нѣтъ словъ, а можно только чувствовать.

Они взяли перваго попавшагося на глаза извощика и отправились на окраину, гдѣ желтой однообразной полосой тянулась казенная больница. На правомъ крылѣ помѣщалась квартира Глюко-

зовыхъ, и уже издали пахнуло специфической лѣкарственной струей. Прасковья Львовна нетерпѣливо дернула за ручку звонка и съ самымъ торжественнымъ видомъ вошла въ переднюю. Что поразило Сажина, такъ это голосъ о. Евграфа, доносившійся изъ кабинета—онъ о чемъ-то по обыкновенію спорилъ.

— Сюда... коротко пригласила Прасковья Львовна гостя въ небольшую залу, въ которой Сажинъ успѣлъ замѣтить уголъ рояля.

Когда-то онъ бывалъ здѣсь, но теперь совсѣмъ забылъ обстановку. Въ залѣ, на сѣромъ диванчикѣ, обитомъ выцвѣтшимъ репсомъ, сидѣла Анна Ивановна. Она смущенно поднялась при появленіи Сажина и молча протянула ему руку.

— А я не утерпѣла: соврала... каялась Прасковья Львовна, довольная своей выдумкой.—Хотѣла испытать его чувства. Да и что за свиданья въ городскомъ саду, куда бѣгаютъ одни гимназисты... Можно попасть въ очень непріятную исторію.

— У васъ неистощимая фантазія, Прасковья Львовна... проговорилъ Сажинъ, прислушиваясь къ голосамъ въ кабинетѣ.

— Хорошо, хорошо... Я не буду вамъ мѣшать и скромно удаляюсь.

Исполнить это благочестивое намѣреніе ей помѣшалъ умоляющій взглядъ Анны Ивановны, которая еще не проронила ни одного слова. Сажинъ тоже чувствовалъ себя неловко, что уже окончательно возмутило Прасковью Львовну.

— Что же, прикажете мнѣ за васъ объясняться? бранилась она, размахивая руками.—По моему, господа, прежде всего вамъ, нужно куда нибудь уѣхать... Да, да. Не спорьте: въ Крымъ, на Кавказъ, въ Италію. Путешествія имѣютъ глубокій философскій смыслъ... Да и необходимо встряхнуться отъ домашней паутины. Послушайте, Павелъ Васильевичъ, что вы смотрите на меня такими глазами? Анюта сегодня объяснилась съ г. Куткевичемъ... Все кончено.

Однимъ словомъ, языкъ Прасковьи Львовны выговаривалъ все, что давило Сажина цѣлую ночь, и о чемъ онъ не рѣшился бы спросить Анну Ивановну. Все вышло какъ-то само собой... На лицѣ Анны Ивановны онъ прочиталъ свой приговоръ и горячо поцѣловалъ ея руку.

— Ну, дѣти мои, обнимитесь-же... шептала Прасковья Львовна, напрасно стараясь сдержать душившія ея слезы.

Но они и не думали обниматься, слишкомъ счастливые налетѣвшимъ вихремъ. Въ дверяхъ залы, въ это время, появился о. Евграфъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ на взволнованную Прасковью

Львовну: кажется, ничего особеннаго не случилось? Недоумѣніе о. Евграфа послужило счастливой развязкой общаго напряженнаго состоянія, тѣмъ болѣе, что о. Евграфъ въ своей святой простотѣ не подозрѣвалъ даже ничего особеннаго въ этомъ появленіи Сажина именно здѣсь, у Глюкозовыхъ, и во встрѣчѣ его съ Анной Ивановой. Вошелъ и самъ докторъ Глюкозовъ, высокій и плотный господинъ съ серьезнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Сажинъ первый протянулъ ему руку и проговорилъ:

— Мы теперь постараемся быть совсѣмъ здоровыми людьми, докторъ...

— О, да... Это самое непремѣнное условіе общаго благосостоянія,—подтвердилъ о. Евграфъ:—Mens sana in corpore sano.

Такимъ образомъ состоялось примиреніе, и докторъ Глюкозовъ объяснилъ появленіе Сажина именно этимъ обстоятельствомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу дальновидныхъ и подозрительныхъ людей. Отецъ Евграфъ торжествовалъ, счастливый общимъ мирнымъ настроеніемъ.

За обѣдомъ толковали о земскихъ дѣлахъ, и Сажинъ говорилъ съ небывалымъ одушевленіемъ. Онъ очень коротко и остроумно представилъ пройденный моховскимъ земствомъ опытъ и тѣ поправки, которыя необходимо внести.

— Да, эти писаря и кабачики ужь слишкомъ... соглашался Глюкозовъ.—Дѣйствительно, нужно что нибудь такое... да. Во всякомъ случаѣ, это сила, съ которой приходится считаться...

Анна Ивановна почти не принимала участія въ общемъ разговорѣ, точно боялась проснуться отъ охватившаго ее счастливаго сна. Ей было непріятно, что Прасковья Львовна осыпала ее всевозможными знаками участія: заглядывала ей въ глаза, ловила подъ столомъ ея руку и жала съ институтскимъ азартомъ, и т. д. Голосъ Сажина отдавался у нея въ ушахъ, какъ призывный звукъ—да, она его любитъ и всегда любила. Подъ конецъ обѣда, когда Прасковья Львовна не преминула сказать нѣсколько прочувствованныхъ словъ о „подлецѣ“, Анна Ивановна вдругъ поблѣднѣла—ей нужно было возвращаться домой... Сажинъ понялъ это движеніе и смотрѣлъ на нее такимъ хорошимъ, полнымъ сочувствія, взглядомъ. Да, онъ болѣлъ душой за нее и раздѣляль ея тревогу.

Послѣ обѣда, мужчины ушли въ кабинетъ курить, а дамы остались въ гостинной.

— Ну, что, голубчикъ?... шептала Прасковья Львовна, обнимая свою задушевную гостью.—А онъ любитъ васъ... Вотъ и разгадка его сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ. Вы теперь счастливы?..

— Да...

Сажинъ вошелъ въ гостинную и сѣлъ на кресло около Анны Ивановны. Присутствіе Прасковьи Львовны его стѣсняло, но онъ преодолѣлъ себя и заговорилъ:

— Анна Ивановна, сейчасъ небходимо обдумать, что дѣлать.. Я не хочу подставлять васъ подъ обухъ. Самое лучшее, какъ мнѣ кажется, уѣхать изъ Мохова на время...

— Нѣтъ, я не согласна бѣжать... отвѣтила спокойно Анна Ивановна, опуская глаза.—Мужъ уже знаетъ, что я ухожу, мать тоже.

— Что же она? вступилась Прасковья Львовна.

— Обыкновенная исторія: упреки, брань, угрозы... Мужъ грозитъ не выдавать вида на жительство, а мать проклинаетъ впередъ. Но это все равно... Было бы странно ожидать отъ нихъ чего нибудь другаго. Я ухожу изъ дому, а не бѣгу. Мои личныя отношенія никого не касаются...

— Подлецы, подобныя г. Куткевичу, обыкновенно хватаются въ такихъ случаяхъ за единственное средство: отнимать у матери дѣтей,—говорила Прасковья Львовна;—но у васъ, къ счастью, нѣтъ этой петли... Г. Куткевичъ можетъ грозить только тѣмъ, что по этапу вытребуетъ васъ на мѣсто жительства...

Счастье имѣло свою тѣнь, но Анна Ивановна съ истинно женскимъ героизмомъ шла на встрѣчу опасности съ открытымъ лицомъ. Она была даже рада этому случаю, точно хотѣла купить дорогой цѣной свободу. Приходилось начинать жить снова, а для этого она чувствовала въ себѣ достаточно силы.

— Относительно подробностей мы договоримся въ слѣдующій разъ, а сегодня я не могу,—сказала она на прощанье Сажину.

Онъ хотѣлъ ее проводить, но она запретила съ печальной улыбкой:—Послѣ, послѣ, а теперь не до того.

Когда она ушла, Прасковья Львовна строго взглянула на Сажина и заговорила:

— Вотъ она русская женщина... Смотрите и казнитесь.

Сажинъ вернулся въ гостинную и, сидя въ креслѣ, ничего не отвѣчалъ. Ему было и жутко, и хорошо. Онъ сравнивалъ себя съ нею и мучился угрызеніями совѣсти. Что онъ такое?.. Можетъ ли онъ вознаградить хоть сотой долей за это налетѣвшее счастье? Въ ней каждое движеніе такъ просто и естественно, какъ въ растеніи:—нѣтъ ни одной фальшивой ноты или вынужденнаго штриха, а онъ полонъ мучительной раздвоенности и сомнѣній. Каждый шагъ впередъ выкупался внутреннимъ разладомъ и разными побочными внушеніями. Не было этой цѣль-

ности и крѣпости чувства. И теперь, когда замеръ шумъ ея шаговъ, Сажинъ вдругъ почувствовалъ поднимавшееся въ глубинѣ души знакомое чувство, и его душой овладѣлъ страхъ... Какъ она посмотритъ на него, когда первый пылъ страсти минуетъ?

— Что же вы молчите, Павелъ Васильевичъ? спрашивала его Прасковья Львовна, принимая вызывающую позу.—Вы недовольны? Вамъ мало этого?..

— Я?.. Что́ я хочу?.. спрашивалъ Сажинъ въ свою очередь и горько усмѣхнулся.

— О чемъ вы еще думаете?..

Онъ не понималъ ея вопроса и смотрѣлъ куда-то въ пространство.

— Думали ли вы о томъ, что намъ, женщинамъ, некого любить?.. говорила Прасковья Львовна, краснѣя отъ волненія.—Некого!.. Въ другомъ мы любимъ наше неудовлетворенное чувство, потому что въ наши руки любимый человѣкъ поступаетъ инвалидомъ... Женщина отдаетъ все и получаетъ плату стертой монетой, вышедшей изъ употребленія. Въ этомъ—величайшее и непоправимое зло...

— Что же дѣлать?...

— Ахъ, я сама не знаю...

Сажинъ отвернулся. Потомъ онъ быстро поднялся, какъ-то наловко сунулъ холодную руку своей собесѣдницѣ и, пошатываясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты. Прасковья Львовна проводила его глазами, пока Сажинъ дошелъ до угла—онъ шелъ съ опущенной головой, какой-то разслабленной, колеблющейся походкой.

XXV.

Въ злобинскомъ домѣ происходила та скрытая семейная драма, какими полно наше тревожное время. Анна Ивановна на отрѣзъ объявила мужу, что жить съ нимъ не будетъ и навсегда уходитъ изъ дому. Это извѣстіе сначала ошеломило Марѳу Петровну, а потомъ она приняла сторону зятя и напала на дочь съ особеннымъ раскольничьимъ ожесточеніемъ, и даже бросалась на нее съ кулаками. Самъ г. Куткевичъ пробовалъ нѣсколько тоновъ: уговаривалъ жену, грозилъ ей и даже плакалъ.

— Понимаете ли вы, что я жить не могу больше съ вами... коротко объясняла Анна Ивановна.—У насъ противоположные вкусы, потребности и мысли.

— Ты влюблена въ кого нибудь?.. догадывался г. Куткевичъ.

— Это мое дѣло... Въ качествѣ оскорбленнаго мужа, вы можете меня стрѣлять, рѣзать и водворять на мѣсто жительства этапнымъ путемъ... Мы никогда не понимали другъ друга и не поймемъ...

— Я тебя лишу наслѣдства! кричала Марѳа Петровна.

— Мнѣ ничего не нужно.

— Прокляну!..

— Это дѣло ваше.

— Куда же ты уходишь?...

— Я?.. Въ народныя учительницы.

За Анной Ивановной, конечно, слѣдили, караулили ея каждый шагъ и донимали по мелочамъ; но она была спокойна, какъ всегда, и только въ крайнихъ случаяхъ запиралась на ключъ въ своей комнатѣ или уходила къ Прасковьѣ Львовнѣ. Имя Сажина скоро всплыло наружу и стало повторяться на всѣ лады, особенно Марѳой Петровной, которая впадала въ какое-то бѣшеное состояніе. Г. Куткевичъ принялъ огорченный видъ напрасной жертвы и запирался въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, въ качествѣ обиженнаго, напивался пьянымъ. Къ женѣ онъ сталъ относиться съ затаенной злобой, хотя ѣлъ по прежнему прекрасно. Вся эта комедія вызывала въ душѣ Анны Ивановны гадливое чувство и органическое отвращеніе, которое не знаетъ пощады. Она удивлялась самой себѣ, что могла жить въ этой обстановкѣ, гдѣ все—фальшь, ложь и обманъ.

— Мама, вы напрасно огорчаетесь,—говорила она матери:—Г. Куткевичъ останется съ вами и будетъ полезенъ въ вашихъ дѣлахъ. Можете даже открыть ссудную кассу...

— И будемъ жить, а ты ступай къ *тому*...

Завертывавшій на минутку Пружинкинъ имѣлъ самый жалкій видъ и покорно выслушивалъ ядовитую брань Марѳы Петровны, сыпавшуюся на него градомъ. Улучивъ минутку, онъ шопотомъ докладывалъ Аннѣ Ивановнѣ:

— А Павелъ-то Васильичъ все собираются куда-то... Книжки свои укладываютъ, бумаги сбираютъ, настоящее землетрясеніе. И Окунева съ Корольковымъ порѣшили-съ... Тѣ было по старому къ нему, а у Павла Васильича ужь свое на умѣ. Встрепенулись, какъ орелъ...

О сути дѣла Пружинкинъ ничего не зналъ, хотя имѣлъ всѣ основанія догадываться. Онъ съ особенной пытливостью останавливался на выраженіи лица Анны Ивановны и угнетенно вздыхалъ, придавленный своими тайными „теребиловскими“ соображеніями. У старика даже навертывались слезы при мысли, что вотъ Павелъ Васильевичъ—возьмутъ да и уѣдутъ...

Но домашнія непріятности и передряги не такъ страшили Анну Ивановну, какъ встрѣча съ Сажинымъ. Ею овладѣвалъ непреодолимый страхъ за него, и она успокоивалась только въ его присутствіи. Порывъ энергіи, подхватившій его, смѣнялся иногда припадками малодушія и сомнѣній. Разъ, когда они сидѣли вдвоемъ въ гостинной Глюкозовыхъ, Сажинъ взялъ Анну Ивановну за руку и проговорилъ:

— Знаете, какое у меня общее чувство?.. Мнѣ кажется, что все это творится во снѣ... На самого себя я начинаю смотрѣть какъ-то со стороны. Да... Иногда дѣлается даже неловко.

— Я испытываю нѣчто подобное...

— И вамъ не бываетъ страшно?..

— Нѣтъ... т. е., какъ сказать...

— Понимаю: у васъ есть достаточное количество отрезвляющихъ обстоятельствъ... Приходится отстаивать себя, а у меня вся работа происходитъ внутри и не имѣетъ никакого внѣшняго регулятора. Такъ, я недавно сижу у себя въ кабинетѣ, задумался, и вдругъ вижу и васъ, и себя:—это не галлюцинація, а что-то неуловимо-тонкое. И я увѣренъ, что дѣйствительно видѣлъ самого себя... Вотъ этотъ взглядъ со стороны и перепугалъ меня.. Въ самомъ дѣлѣ, то чувство, которое соединяетъ людей—святое чувство, и его можно провести черезъ всю органическую природу. И мнѣ казалось, что я вижу вашу душу со всей чистотой помысловъ, со здоровой честностью и могучимъ чувствомъ. Да... Дальше мнѣ казалось, что вы, дѣлая рѣшительный житейскій шагъ, не отдаете себѣ отчета въ немъ. Всякій человѣкъ имѣетъ право дышать, свободно двигаться и любить... Но жизнь сложилась для васъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ, заставляя наростать неудовлетворенное чувство съ болѣзненной силой. Вотъ гдѣ разгадка того, что вы пришли тогда ко мнѣ, больному, а потомъ въ садъ... Однимъ словомъ, вы обманываете саму себя и обманываете совершенно серьезно.

— Это фантазія, конечно?

— Дайте мнѣ кончить. Такъ вотъ все это я и видѣлъ, и мнѣ сдѣлалось страшно, что можетъ наступить день, когда вы проснетесь и увидите свою послѣднюю ошибку. Позвольте, позвольте... Прасковья Львовна говоритъ то же самое, но только въ болѣе общихъ чертахъ. Хорошо... Мнѣ сдѣлалось тяжело, и тяжело не за себя, а за васъ. Признаюсь, что потомъ явились соображенія эгоистическаго склада: я опять одинъ, брошенный, забытый и т. д.

— Вы просто больны, Павелъ Васильевичъ...

— Ахъ, не прерывайте!.. замѣтилъ Сажинъ и даже поморщился—онъ и сейчасъ говорилъ о себѣ и Аннѣ Ивановнѣ, какъ о чемъ-то постороннемъ и далекомъ.—Мнѣ сдѣлалось жаль себя... Только человѣкъ началъ подниматься на ноги, и вдругъ барометръ падаетъ—спасенія нѣтъ. Хорошо... Но тутъ мнѣ пришла такая мысль, которая заставила похолодѣть. Мнѣ показалось, что *я*, тотъ другой *я*, котораго я наблюдалъ, *не любитъ* васъ... Онъ поддался этому чувству и увлекся. Но въ немъ, въ глубинѣ его души, я видѣлъ ужаснувшую меня пустоту: ему нечѣмъ было отвѣтить на святое и могучее чувство. Притча о погибшей и возвращенной овцѣ хороша, но здѣсь она неумѣстна. Да, именно здѣсь нуженъ высокій подъемъ всѣхъ силъ, а главное — чистая, великая въ своей простотѣ, душа... Я не умѣю передать вамъ все это въ той мѣрѣ, какъ видѣлъ тогда, но я ужаснулся, точно совершалъ святотатство... Сами люди исчезли изъ поля зрѣнія, а оставалось то общее и великое, что было до насъ и что переживетъ всѣхъ насъ. А *я*, наблюдавшій все это, сознавалъ, что еще никогда такъ не любилъ васъ, какъ въ этотъ моментъ, потому что чувствовалъ самого себя лучшимъ, чѣмъ былъ прежде, и готовъ былъ молиться на васъ... Не правда ли, какъ все это походитъ на горячечный бредъ: и любитъ, и не любитъ, и какой-то нелѣпый страхъ...

Такой разговоръ повторился, и Анна Ивановна убѣдилась, что эти разсужденія составляютъ только признакъ общаго ненормальнаго состоянія. Сажину нуженъ былъ отдыхъ и покой прежде всего, а потомъ все это пройдетъ. Прасковья Львовна замѣчала то же самое и торопила отъѣздомъ—куда? это рѣшительно все равно. Сажинъ не возражалъ противъ такого рѣшенія и соглашался на все. Онъ чувствовалъ себя несправедливо-счастливымъ и покорялся. Встрѣчи и разговоры съ Анной Ивановной по прежнему происходили у Глюкозовыхъ. Она приходила сюда, такая счастливая, ласковая, и встрѣчала Сажина такимъ покорнымъ взглядомъ...

— Что это они какіе странные? спрашивалъ жену докторъ Глюкозовъ, обратившій, наконецъ, вниманіе на своихъ гостей.

— А кто ихъ разберетъ... уклончиво отвѣчала Прасковья Львовна, слишкомъ занятая своими собственными дѣлами, чтобы обращать еще вниманіе на мужа.

— Можно со стороны подумать, что они влюблены.

— Я этого не замѣчаю.

Впрочемъ, сомнѣвавшагося доктора успокоилъ о. Евграфъ, который тоже ничего особеннаго не замѣчалъ, какъ и Прасковья Львовна.

Назначенъ былъ и день отъѣзда. Вида на жительство Куткевичъ женѣ не выдалъ, поэтому Сажинъ рѣшилъ провести первое время у одного стараго знакомаго, который жилъ въ Пятигорскѣ, а тамъ начать процессъ. Это обстоятельство придало ему силъ, какъ всякая борьба. О, онъ добьется своего и Анна Ивановна будетъ свободна!.. Бодрое и хорошее настроеніе не оставляло его до послѣдняго момента.

Наканунѣ отъѣзда, Окуневъ и Корольковъ сидѣли въ кабинетѣ Сажина за полночь и толковали о разныхъ посторонних матеріяхъ. Сажинъ говорилъ съ оживленіемъ и строилъ планы будущаго. Пружинкинъ скромно слушалъ его, сидя въ уголкѣ, и тяжело вздыхалъ.

— Я уѣзжаю ненадолго, самое большое—на годъ, повторялъ Сажинъ нѣсколько разъ съ особенной увѣренностью.—А потомъ обязательно вернусь сюда... Необходимо встряхнуться.

— Такія комбинаціи есть даже въ механикѣ,—философствовалъ Окуневъ, шагая по кабинету.

По плану отъѣзда, Сажинъ и Анна Ивановна должны были явиться утромъ къ Глюкозовымъ, гдѣ ихъ уже будутъ ждать лошади. Прасковья Львовна почти не спала всю ночь, ожидая этого момента, и встала чуть-свѣтъ. День выдался сѣренькій, съ накрапывавшимъ дождемъ—для отъѣзда примѣта хорошая. Къ восьми часамъ она испытывала лихорадку и для успокоенія выпила даже рюмку коньяку. Въ девять ровно пріѣхала Анна Ивановна, уходившая навсегда изъ родительскаго гнѣзда, въ чемъ была.

— Гдѣ Павелъ Васильевичъ? кинулась къ ней Прасковья Львовна.

— Я столько же знаю, какъ и вы...

— Однако, это странно!..

Анна Ивановна присѣла въ гостинной, не снимая шляпы и перчатокъ, а Прасковья Львовна послала какого-то больничнаго солдата къ Сажину узнать, что и какъ. Но этого посланца предупредилъ Пружинкинъ, летѣвшій въ больницу на извощикѣ. На старикѣ лица не было.

— Что случилось?..

Онъ не могъ говорить отъ волненія и молча подалъ Аннѣ Ивановнѣ узенькій конвертъ съ запиской. Сажинъ писалъ:

„Въ послѣдній разъ простите меня, дорогая Аня... Схожу со сцены, потому что такъ нужно. Когда нибудь вы поймете меня.. И тамъ, откуда нѣтъ возврата, вашъ „именинникъ“.

Сажинъ въ это утро застрѣлился. Онъ совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ путь и даже одѣлся по дорожному, а потомъ

присѣлъ къ столу, написалъ записку и попросилъ Пружинкина свезти ее Аннѣ Ивановнѣ сейчасъ же. Когда Пружинкинъ надѣвалъ въ передней калоши, въ сажинскомъ кабинетѣ раздался роковой выстрѣлъ...

— Эхъ, Павелъ Васильичъ, Павелъ Васильичъ, немножко бы подождать!! повторялъ нѣсколько дней неутѣшный Пружинкинъ, оплакивавшій своего патрона искренними слезами:—Эхъ, Павелъ Васильичъ...

Черезъ годъ избушка Пружинкина на Дрекольной улицѣ была снесена, а на ея мѣстѣ выросъ небольшой полукаменный флигелекъ въ три окна. Въ нижнемъ этажѣ поселился самъ Пружинкинъ съ глухой Акимовной и состарившимся Орликомъ, а вверху Анна Ивановна съ Володиной—обѣ были преподавательницами въ теребиловской школѣ. О. Евграфъ, навѣщавшій „учительшъ“, задумчиво замѣчалъ:

— Что же? могій вмѣстити, да вмѣститъ!..

Д. Сибирякъ.

Конецъ.

Изъ Тардьё.

Нѣтъ, не мечемъ добудется спасенье,
И счастье намъ дается не мечемъ;
Свободы свѣтъ и жизни обновленье
Внесется въ міръ не палачемъ!
Вложи свой мечъ: „подъявшій мечъ погибнетъ!“
Не проливай во имя правды кровь!..
И если міръ всего, какъ жаждешь ты, достигнетъ—
Достигнетъ онъ черезъ любовь!
Любовь, готовую на жертвы и страданье,
И величавую въ смиренной правотѣ,
Любовь, сносящую беззлобно бичеванье,
Распятую за правду на крестѣ!
Лишь съ высоты его, и лишь въ вѣнцѣ терновомъ
Мысль обаятельно-прекрасна и сильна,
И только лишь она, въ своемъ днижень новомъ,
Посѣетъ истины святыя сѣмена.
Не бойся, что они развѣются вѣтрами,
Что если ты умрешь—погибнутъ и они...
О, нѣтъ—взгляни:
Распятъ Христосъ; замучены врагами
Его ученики—глашатаи добра...
А мысль великая сіяетъ надъ вѣками,
Не побѣжденная позорными крестами,
Ни пыткою, ни пламенемъ костра!

А. Кругловъ.

ИЛЛЮЗІИ ДОКТОРА ФАУСТИНО.

Романъ Жуана Валеры.

(Съ испанскаго).

XX.

Въ одиннадцать часовъ вечера Фаустино вернулся отъ матери въ свою комнату; онъ ждалъ Марію въ половинѣ двѣнадцатаго и отпустилъ Респектильо на весь вечеръ, сказавъ, что раздѣнется самъ. Онъ хотѣлъ, по приходѣ „вѣчной подруги", запереть дверь на ключъ. Кромѣ того, онъ запретилъ слугѣ входить къ нему въ комнату безъ зова. Такимъ образомъ, докторъ думалъ, что принялъ всѣ предосторожности для сохраненія тайны. Но Розита, придя раньше, спряталась въ его комнатѣ за тяжелыя драпировки, отдѣлявшія кабинетъ Фаустино отъ спальни.

Когда Розита увидѣла, что ея возлюбленный вошелъ веселый въ свою комнату, ею овладѣла такая ярость, что она едва не выдала своего присутствія. Между тѣмъ Фаустино сѣлъ читать, но безпрестанно отрывалъ глаза отъ книги, посматривая на дверь.

На часахъ пробила половина двѣнадцатаго. Докторъ всталъ съ своего мѣста, но въ это время дверь тихо отворилась и вошла Марія; она бросилась къ своему возлюбленному, и тотъ страстно обнялъ ее и покрылъ ея лицо горячими поцѣлуями.

Розита потеряла всякое самообладаніе. Ей казалось, что существо, которое Фаустино держалъ въ своихъ объятіяхъ, имѣло что-то сверхъестественное; но все таки появленіе женщины возбудило въ ней такую ревность, что она не помнила себя. Она вышла изъ своей засады и, какъ тигрица, бросилась на любовниковъ, разъединила ихъ и разразилась упреками противъ Фаустино, который съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Несчастный! Такъ-то ты платишь за мою любовь? Къ чему ты такъ гнусно обманулъ меня? Почему ты не приберегъ всѣ

твои громкія фразы и льстивыя слова, какими одурачилъ меня, для этой низкой твари? А ты, негодная....

И, прежде чѣмъ Фаустино пришелъ въ себя и успѣлъ сказать что нибудь, Розита схватила со стола подсвѣчникъ и, поднеся свѣчу къ самому лицу Маріи, пристально посмотрѣла на нее. Глаза ревнивицы метали молніи, но, взглянувъ на свою соперницу, она разразилась громкимъ смѣхомъ. Казалось, ненависть подкрѣпила ея память; она узнала Марію, которую не видѣла съ самаго дѣтства.

— А! Теперь я знаю тебя, жалкая тварь. Ты вполнѣ достойна этого негодяя. Ты Марія ла Сека. Гдѣ ты пряталась съ тѣхъ поръ, какъ твоя мать отправилась въ адъ? А твоего вора-отца еще не повѣсили?

И Розита, поставивъ свѣчу, бросилась на Марію, точно хотѣла разорвать ее.

Марія стояла безмолвная, серьезная и грустная, какъ воплощеніе страданія и гордости. Безъ сомнѣнія, Розита прибила бы ее, еслибы Фаустино не схватилъ за руку разъяренную дѣвушку и не оттащилъ отъ ея соперницы.

— Какимъ образомъ ты попала сюда? спросилъ Фаустино. Какъ ты пробралась ко мнѣ?

Розита начала кричать отъ злости.

— Молчи!—остановилъ ее докторъ,—или я не ручаюсь за себя!

— Я не стану молчать, измѣнникъ! Я не хочу этого. Ты, рыцарь нищенства съ неоплатными долгами, сдѣлалъ, конечно, подходящій выборъ.

Фаустино стоило немало труда удержаться, чтобы не зажать ротъ этой мегерѣ. Не отвѣчая ни слова, докторъ дотащилъ Розиту до двери, желая позвать слугу безъ шума и не оставляя двухъ соперницъ вмѣстѣ. Фаустино догадался, что обязанъ этимъ сюпризомъ Респектильо и что тотъ долженъ быть дома. Дѣйствительно, слуга явился на зовъ вмѣстѣ съ Яцинтою, которая, точно также какъ и Респектильо, думала, что оказала большую услугу доктору и Розитѣ, и надѣялась увидѣть свою госпожу вполнѣ счастливою.

Съ невыразимымъ ужасомъ взглянула Яцинта на сцену, представившуюся ея глазамъ. Докторъ стоялъ блѣдный, съ искаженными чертама лица. Свободною рукою онъ схватилъ Респектильо и сказалъ:

— Зачѣмъ ты привелъ эту женщину въ мой домъ? Сейчасъ открой дверь и выведи ее вонъ безъ шума.

Респектильо повиновался. Яцинта послѣдовала за нимъ, также

какъ и докторъ, продолжавшій держать Розиту крѣпко за руку. Пока они шли къ выходной двери, молодая дѣвушка сказала Фаустино:

— Выпусти мою руку! Ты готовъ меня раздавить. Что я тебѣ сдѣлала, что ты такъ со мною обращаешься? Развѣ я тебя не любила? Какъ могъ ты бросить меня для этой твари, дочери разбойника! Предоставь ее своей судьбѣ, и я сдѣлаюсь твоею рабою, буду цѣловать твои ноги. Я все прощу тебѣ. Прости также и люби меня.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Фаустино. Я не люблю тебя и никогда не любилъ. Уходи скорѣй домой!

Эти слова окончательно взбѣсили Розиту и она потеряли всякое самообладаніе:

— Несчастный,—вскричала она,—ты еще вспомнишь меня, я отомщу тебѣ!

Респектильо отворилъ ворота, вывелъ Яцинту и, взявъ Розиту изъ рукъ доктора,—вывелъ и ее. Фаустино заперъ за ними дверь и вернулся въ свою комнату къ Маріи.

Онъ не нашелъ уже дѣвушки у себя; на письменномъ столѣ лежала записка:

— Я должна оставить тебя. Прощай!—теперь, быть можетъ, навѣки!

— Ты не оставишь меня!—сказалъ докторъ вслухъ. Я не пущу, я съумѣю удержать тебя!

Фаустино, конечно, отгадалъ, откуда приходила Марія. Онъ выбѣжалъ на дворъ и направился къ небольшой двери въ стѣнѣ, имѣвшей сообщеніе съ замкомъ.

Дверь была заперта и ключъ отъ нея, вѣроятно, хранился у Маріи. Оставалось только выломать дверь, что и удалось Фаустино послѣ нѣсколькихъ сильныхъ толчковъ. Онъ вошелъ въ какое-то темное пространство и направился со свѣчею въ рукахъ по длинному коридору. Но вдругъ свѣча погасла и Фаустино очутился въ совершенной темнотѣ, и даже не зналъ, какъ найти дорогу назадъ.

XXI.

Онъ шелъ ощупью вдоль стѣны, думая найти выходъ, но тамъ не было ни окна, ни отверстія, сквозь которое могъ бы проникнуть свѣтъ полнаго весенняго мѣсяца. Сквозной вѣтеръ въ коридорѣ производилъ странный шумъ, а множество крысъ, встревоженныхъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, бѣгали по темному пространству. Вдругъ вблизи послышались тяжелые шаги. Докторъ старался пристальнѣе вглядѣться въ темноту, но достигъ только

того, что искры всѣхъ цвѣтовъ запрыгали у него въ глазахъ; затѣмъ ему показалась какая-то женская фигура, точно призракъ; она принимала лицо то Койи, то Маріи. Однако докторъ вскричалъ безстрашно:—кто тутъ?!

Едва онъ возвысилъ голосъ, какъ существо, которое онъ чувствовалъ вблизи, подошло близко къ нему. Доктору показалось, что чья-то мохнатая голова легла ему на плечо. Фаустино, не смотря на все свое благоразуміе, подумалъ о чортѣ. Пока онъ оставался въ нерѣшительности, мохнатое чудовище издало звукъ и Фаустино громко засмѣялся:

— А, Фаунъ, ты здѣсь, а я принялъ тебя за самого чорта!

Это была красивая собака, послѣдовавшая тихо за своимъ господиномъ и, вѣроятно, боявшаяся раньше заявить о своемъ присутствіи.

Собака пошла впередъ, фыркая и обнюхивая дорогу, какъ бы желая вывести своего господина изъ затруднительнаго положенія. Вскорѣ Фаустино замѣтилъ, что Фаунъ сталъ подниматься, затѣмъ въ темный коридоръ сталъ проникать свѣтъ; докторъ почувствовалъ свѣжій воздухъ и скоро очутился невдалекѣ отъ башни, соединяющейся съ церковью. Къ несчастью, отсюда не было двери во внутренность церкви. Фаунъ, однако, снова пустился на поиски и привелъ доктора на другой дворъ, находившійся внутри замка и поросшій травою. Ему даже показалось, что тамъ раздаются шаги женской ножки, и онъ не обманулся. Марія дѣйствительно избрала эту дорогу.

Собака вскорѣ замѣтила радость своего господина и быстрѣе побѣжала впередъ. Фаустино вошелъ въ церковь, приказавъ собакѣ лежать у входа, но вскорѣ опять вернулся и направился къ двери, ведущей въ ризницу, думая, что Марія, вѣроятно, прошла здѣсь; но эту дверь трудно было отпереть, она не поддавалась никакимъ усиліямъ. Фаустино сталъ стучать въ дверь, но никто не откликался. Онъ закричалъ, но опять безъ успѣха. Докторъ потерялъ терпѣніе и сталъ еще громче стучать; но никто не слыхалъ его. Тогда онъ нѣсколько разъ закричалъ:

— Патеръ Пиннонъ! Вы оглохли?—Зовъ оказался напраснымъ. Не послѣдовало никакого отвѣта. Вдругъ ему пришла мысль, что онъ сдѣлалъ глупость, избравъ эту дорогу. Фаустино опасался, что пока онъ тутъ стучитъ, Марія успѣетъ убѣжать изъ дома патера черезъ другую дверь, выходившую на улицу. Съ этою мыслью онъ побѣжалъ обратно по той дорогѣ, пока не очутился у дверей своего дома. Респектильо, увидѣвъ своего господина, блѣднаго, со свѣчею въ рукахъ, подумалъ, что онъ сошелъ съ ума.

Фаустино сорвалъ со стѣны свою шляпу и приказалъ Респектильо и вѣрной собакѣ слѣдовать за нимъ. Въ одно мгновеніе онъ достигъ воротъ дома патера Пиннона и сталъ стучать.

Быть можетъ, съ этой стороны было слышнѣе, или патеръ Пиннонъ успѣлъ проснуться, но вскорѣ онъ показался въ окнѣ и спросилъ:

— Кто стучитъ въ такой поздній часъ?

— Это я—отвѣчалъ докторъ.—Развѣ вы меня не узнаёте?

— Ахъ, это вы! Развѣ у васъ случилось какое нибудь нечастіе?

— Нѣтъ, но мнѣ нужно съ вами поговорить.

Вскорѣ дверь отворилась. Патеръ Пиннонъ былъ единственный монахъ, оставшійся изъ стараго монастыря. Онъ былъ когда-то настоятелемъ богатой церкви, составлявшей гордость своего мѣстечка вмѣстѣ съ богатыми сокровищами, хранившимися въ массивныхъ шкафахъ и нишахъ ризницы. Прихожане были въ восторгѣ отъ своего духовнаго отца, не только вслѣдствіе его добродѣтелей, но и вслѣдствіе его веселости и непринужденнаго юмора.

— Что требуетъ донъ Фаустино отъ своего капеллана?—спросилъ патеръ, когда докторъ вошелъ въ комнату.

— Патеръ,—отвѣчалъ тотъ,—скажите мнѣ безъ всякихъ изворотовъ: кто такая Марія? Вы это знаете. Марія прячется здѣсь. Я долженъ ее видѣть, имѣю право требовать ее.

— Сынъ мой, какое безуміе!...

— Отвѣчайте мнѣ,—повторилъ докторъ:—кто такая Марія?

— Сынъ мой!—сказалъ патеръ,—гнѣвайся сколько хочешь, но я считаю своею обязанностью не отвѣчать тебѣ. Марія ушла и я не скажу тебѣ, куда. Я не хочу, чтобы ты слѣдовалъ за нею. Вчера она мнѣ поклялась въ своихъ грѣхахъ. Я наложилъ на нее эпитемью, она должна удалиться. Кромѣ того, у нея есть еще болѣе важныя причины оставить это мѣсто.

— Что за причины? Ни одна изъ нихъ не имѣетъ никакого значенія,—гнѣвно сказалъ докторъ.

— Однако, сынъ мой, есть лицо, которому судьба дала власть надъ нею, но Богъ отнялъ у него право употребить эту власть—въ наказаніе за его пороки. Я знаю, что именно это лицо ищетъ ее, открыло ея убѣжище и можетъ причинить ей немало вреда, поэтому-то она и принуждена была бѣжать. Болѣе я ничего не могу и не долженъ говорить.

— Я бы защитилъ ее, патеръ! Никто не осмѣлился бы отнять ее у меня.

— И подъ какимъ именемъ я могъ бы отдать Марію подъ твою защиту?

— Подъ именемъ законной жены.

— Я, конечно, не остановился бы ни предъ какимъ препятствіемъ и повѣнчалъ бы Марію съ тобою, лишь бы только загладить ужасную вину, но Марія уклоняется отъ этого и не желаетъ быть твоей женою. Она считаетъ своею обязанностью уйти— и ушла.

— Гдѣ она? Скажите мнѣ?

— Не могу.

— Вы меня обманываете. Она еще здѣсь.

— Довольно глупостей, донъ Фаустино!—сказалъ патеръ обиженнымъ тономъ:—въ моихъ словахъ ты не долженъ сомнѣваться, я говорю, что она ушла.

— Тогда и я также уйду отсюда въ этотъ поздній часъ и отправлюсь искать ее, найду и приведу обратно.

— Дѣлай, что хочешь, но все будетъ напрасно. Подумай только объ одномъ, что Хозелито эль Серо бродитъ здѣсь по сосѣдству и ты рискуешь попасться въ его руки.

— Я отправлюсь, хотя бы мнѣ пришлось попасться въ руки самого дьявола.

— Пресвятая Дѣва! Да въ умѣ ли ты?

Фаустино ничего болѣе не слышалъ и не видѣлъ, а бросился изъ дома патера. Тотъ однако думалъ, что докторъ отложитъ намѣреніе преслѣдовать Марію и, вполнѣ убѣжденный въ этомъ, спокойно пошелъ спать.

Четвертъ часа спустя, Фаустино отправился, вооруженный кинжаломъ и пистолетомъ, на своемъ конѣ, котораго онъ велѣлъ осѣдлать, и поѣхалъ по направленію къ городу, лежавшему на разстояніи трехъ миль отъ Виллабермеи.

Докторъ предполагалъ, что Марія отправится въ почтовомъ дилижансѣ, который въ двѣнадцать часовъ ночи шелъ черезъ Виллабермею, а оттуда она могла ѣхать въ Севилью, Кордову или Малагу. Еслибы доктору удалось застать Марію въ городѣ, онъ достигъ бы своей цѣли.

Однако, было уже два часа ночи, и Марія могла легко ускользнуть. Фаустино пришпорилъ лошадь и поскакалъ галопомъ.

Нѣсколько времени спустя, онъ замѣтилъ, что его лошадь была уже вся въ мылѣ и сильно утомлена; тогда онъ разсудилъ, что еслибы ему пришлось пожертвовать лошадью, и тогда бы онъ не могъ догнать кареты, опередившей его на два часа. Чтобы доѣхать до города съ разсвѣтомъ, ему нельзя было гнать лошадь во весь

опоръ, а слѣдовало дать ей бѣжать ровною рысью. Докторъ рѣшился быть благоразумнымъ и ѣхать медленнѣе, не смотря на свое нетерпѣніе. Онъ думалъ, тотчасъ по прибытіи, обыскать весь городъ и надѣялся найти тамъ Марію.

По обѣимъ сторонамъ дороги, по которой ѣхалъ Фаустино, тянулись оливковые лѣса. Полный мѣсяцъ серебрилъ блѣдными лучами окрестность. Докторъ, погруженный въ невеселыя думы, не замѣтилъ, какъ пять всадниковъ выѣхали изъ чащи и загородили ему дорогу. Онъ не успѣлъ опомниться, какъ послышалось:

„Стой!“

Въ то же мгновеніе онъ увидѣлъ, что четыре пистолета были направлены на него. Онъ обернулся и увидѣлъ еще трехъ человѣкъ, загораживавшихъ ему дорогу и также прицѣлившихся въ него изъ пистолетовъ.

— Сдавайся или умри!—закричалъ одинъ изъ всадниковъ.

Разбойники были такъ близко отъ Фаустино, что бѣгство было невозможно, но нашъ герой помнилъ только объ одномъ, что его задержали на дорогѣ и онъ можетъ опоздать, а потому рѣшился на отважный шагъ. Онъ направилъ дуло пистолета на близь стоящаго разбойника и вскричалъ:

— Прочь съ дороги, или я тебѣ размозжу голову! Съ этими словами онъ пришпорилъ лошадь, желая пробиться черезъ цѣпь разбойниковъ.

Въ это время послышался голосъ:

— Не убивайте его! Это мой землякъ, донъ Фаустино.

Докторъ, услышавъ эти слова, остановился, но вдругъ чьи-то сильныя руки схватили его, сорвали съ сѣдла и повалили на землю; желая освободиться, Фаустино нажалъ курокъ и выстрѣлилъ, но далъ промахъ; его связали и атаманъ шайки сказалъ:

— Сеньоръ, донъ Фаустино, вы мой плѣнникъ. Дайте мнѣ честное слово, что не сдѣлаете попытки бѣжать, а послѣдуете за мной, куда я васъ поведу, и не станете въ насъ стрѣлять. Ваша милость можетъ тогда опять сѣсть на лошадь, и эти господа будутъ обращаться съ вами съ должнымъ уваженіемъ.

Фаустино принужденъ былъ покориться. Только что онъ далъ требуемое обѣщаніе, какъ его тотчасъ развязали, подвели ему лошадь и онъ сѣлъ на нее; затѣмъ, окруженной разбойниками, направился по тропинкѣ, указанной атаманомъ.

XXII.

Прошла недѣля со времени описанныхъ событій, а въ Вил-

лабермеѣ все еще никто не зналъ, куда дѣвался Фаустино. Напрасно его мать старалась всѣми силами открыть убѣжище своего возлюбленнаго сына.

Розита изъ ревности распространила слухъ, что Фаустино воспылалъ страстью къ Маріи и поступилъ въ шайку разбойника Хозелито. Разореніе дома Мендоза способствовало къ убѣжденію туземцевъ въ томъ, что Фаустино надоѣла скучная жизнь въ замкѣ и онъ рѣшился на отчаянный шагъ.

Донъ Жуанъ Кризостомо дѣлалъ всевозможныя попытки успокоить Розиту, откровенно заявившую отцу, что она бы лучше желала быть дочерью разбойника Хозелито, чѣмъ нотаріуса; потому что первый непремѣнно отмстилъ бы за свою дочь, еслибы ее оскорбили. Донъ Кризостомо не хотѣлъ стоять въ глазахъ своей дочери ниже разбойника и принялся за дѣло. Почтенный нотаріусъ послалъ сказать Респектильо, что кредиторы дона Фаустино не хотятъ ждать болѣе и даютъ ему десятидневный срокъ, въ продолженіе котораго онъ долженъ все уплатить, въ противномъ случаѣ нотаріусъ принужденъ будетъ пустить все имущество Лопесъ де-Мендоза съ аукціознаго торгу.

Розита, однако, на этомъ не успокоилась: она продиктовала рѣзкое письмо доннѣ Аннѣ, въ которомъ еще разъ грозила ей аукціономъ, въ случаѣ если кредиторы не будутъ удовлетворены въ срокъ. Нотаріусу пришлось, по настоянію дочери, подписать это письмо.

Респектильо, какъ только получилъ это извѣстіе, отправился въ домъ нотаріуса и старался смягчить разъяренную дѣвушку. Когда онъ убѣдился, что мягкостью ничего нельзя сдѣлать, то попробовалъ пристыдить Розиту, но та выгнала его изъ дому. Между тѣмъ донна Анна была въ сильной тревогѣ. О сынѣ она ничего не знала и стала опасаться за его жизнь. За все, что у нея оставалось въ домѣ и что можно было продать—пришлось бы выручить около десяти тысячъ реаловъ; но что значили эти деньги, когда требовалось сто шестьдесятъ тысячъ? Бѣдная женщина перерыла всѣ шкапы и комоды, собрала уцѣлѣвшее серебро и оставшіяся золотыя вещи, полагая превратить ихъ въ деньги, но и за нихъ нельзя было выручить болѣе двѣнадцати тысячъ реаловъ. Тогда она превозмогла гордость и написала своей единственной подругѣ, доннѣ Арацеллѣ, изобразивъ въ самыхъ яркихъ краскахъ свое безвыходное положеніе и прося ея помощи.

Респектильо было поручено передать письмо; онъ отправился верхомъ, чтобы какъ можно скорѣе привезти обратный отвѣтъ. Всѣ жители Виллабермеи раздѣлились на два лагеря:

одни вполнѣ одобряли справедливую месть Розиты, другіе находили ея поступокъ низкимъ. Всѣ говорили объ этомъ происшествіи, спорили, дѣлали различныя предложенія и отпускали остроумныя шутки. Патеръ Пиннонъ явился усерднѣйшимъ защитникомъ Мендоза; онъ, вмѣстѣ съ тамошнимъ врачемъ, каждый день навѣщалъ донну Анну, которая не въ состояніи была перенести обрушившееся на нее горе и заболѣла. Вицента ухаживала за своею госпожею. Пиннонъ нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ, куда могъ дѣваться Фаустино, и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что неосторожный докторъ попалъ въ руки разбойника Хозелито; но онъ старался скрывать отъ донны Анны свои мысли. „Я непремѣнно извѣщу Марію,—думалъ патеръ,—она теперь, слава богу, въ безопасномъ мѣстѣ. Надѣюсь, что намъ удастся освободить бѣднаго Фаустино".

XXIII.

Между тѣмъ Фаустино, очатившись плѣнникомъ у Хозелито, узналъ, что разбойникъ искалъ свою дочь и имѣлъ намѣреніе силою заставить ее уйти изъ дома патера Пиннона, гдѣ она скрывалась и о чемъ Хозелито провѣдалъ отъ своихъ шпіоновъ. Пиннонъ и Марія узнали объ угрожавшей имъ опасности, и молодая дѣвушка ушла отъ патера, но никто не зналъ, куда.

Хозелито подвергъ доктора строгому допросу, такъ какъ атаману была извѣстна любовь его дочери къ Фаустино и онъ не могъ себѣ объяснить причину ночнаго путешествія молодаго человѣка. Сначала Фаустино не упомянулъ объ исчезновеніи Маріи, но когда Хозелито хотѣлъ двинуться со своею шайкою къ Виллабермеѣ, чтобы захватить свою дочь, докторъ объявилъ ему, что Маріи тамъ нѣтъ. Хозелито, убѣдившись, что докторъ говоритъ правду, долженъ былъ примириться съ мыслью о невозможности захватить Марію, такъ какъ она избрала для себя другое болѣе безопасное убѣжище. Поэтому Хозелито отложилъ нападеніе на Виллабермею, а большею частію рыскалъ со своею шайкою по окольнымъ дорогамъ и во время своихъ переѣздовъ бралъ съ собою и Фаустино, такъ что докторъ рѣшительно не зналъ даже, въ какой части Андалузіи они находятся. Хозелито, однако, сдержалъ слово и предоставилъ полную свободу Фаустино: онъ имѣлъ право ѣздить, прогуливаться, и даже брать оружіе, но его постоянно сопровождали два разбойника. Докторъ нѣсколько разъ просилъ написать своей матери, но въ этомъ ему было отказано

все же, съ нимъ обращались съ большимъ уваженіемъ и вниманіемъ. Иногда нѣкоторые изъ разбойниковъ, съ атаманомъ во главѣ, уѣзжали на нѣсколько дней и, вернувшись тихо, разговаривали со своимъ начальникомъ и дѣлили полученныя деньги.

Однажды ночью, разбойники вмѣстѣ съ ихъ плѣнникомъ остановились ночевать въ богатой фермѣ, гдѣ было нѣсколько отдѣльныхъ, просто убранныхъ, комнатъ. Фаустино получилъ также отдѣльную комнату, но прежде чѣмъ лечь спать, къ нему явился Хозелито и объявилъ, что желаетъ съ нимъ поговорить.

— Я не имѣлъ вовсе намѣренія захватить васъ, — началъ разбойникъ:—я искалъ дочь и встрѣтилъ неожиданно васъ; я узналъ васъ и вы должны благодарить Бога за это, иначе тѣло ваше было бы склевано воронами. Сегодня же я хочу поговорить съ вами серьезно и сдѣлать вамъ нѣкоторыя предложенія.

Оба сѣли за столъ. Наружность Хозелито не соотвѣтствовала званію бандита. Онъ былъ красивъ, высокъ, строенъ, съ черными волосами, въ которыхъ серебрилось нѣсколько сѣдыхъ волосъ; выраженіе сѣрыхъ глазъ было мягко и даже нѣсколько грустно.

— Я былъ предназначенъ для иной жизни, не для той, какую веду теперь. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Девятнадцати лѣтъ я поступилъ послушникомъ въ монастырь въ Виллабермеѣ. Патеръ Пиннонъ, вѣроятно, хорошо помнитъ то время: онъ очень любилъ меня тогда, потому что у меня былъ хорошій голосъ и я прекрасно помнилъ всѣ церковные псалмы; я былъ тогда добръ и кротокъ; почтенный патеръ всегда говорилъ, что изъ меня выдетъ святой человѣкъ. Быть можетъ, я и сдѣлался бы праведникомъ, еслибы не увидѣлъ Жуаниты. Эта молодая дѣвушка часто приходила со своею матерью, донною Пѣтра, въ церковь. Эта женщина была очень горда. Она считала себя дворянкою, и не безъ причины, такъ какъ ея мать была сестрою вашего дѣда, сеньоръ Фаустино. Бѣдный послушникъ имѣлъ смѣлость поднять глаза на родственницу Мендоза.

— Чья вдова была донна Пѣтра?—спросилъ докторъ.

— Разбогатѣвшаго погонщика муловъ,—отвѣтилъ Хозелито. Впрочемъ, это все равно. Я безумно влюбился въ Жуаниту. Однако мои жгучіе взгляды зажгли и въ сердцѣ дѣвушки такую же любовь; мы стали говорить другъ съ другомъ въ церкви, но такъ осторожно, что донна Пѣтра и не подозрѣвала нашего знакомства. Мы прекрасно понимали другъ друга. Ночью я уходилъ изъ монастыря, перелѣзалъ черезъ стѣну и прокрадывался къ моей возлюбленной. Такъ прожили мы нѣсколько времени, вполнѣ

наслаждаясь своею таинственною любовью, какъ вдругъ, во время одного праздника, красота Жуаниты произвела сильное впечатлѣніе на помѣщика сосѣдняго округа. Донна Петра изъявила согласіе на бракъ дочери, молодая дѣвушка не осмѣлилась сопротивляться матери, но сообщила мнѣ о своемъ горѣ. Мы порѣшили вмѣстѣ бѣжать. Въ ночь, назначенную для бѣгства, я имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ женихомъ моей возлюбленной въ то время, какъ перелѣзалъ черезъ стѣну; тотъ сильнымъ толчкомъ повалилъ меня на землю. Я быстро вскочилъ и оттолкнулъ отъ себя противника; онъ снова бросился на меня. Тутъ меня охватила такая ярость, что я стремительно бросился на него и кинжаломъ, который всегда бралъ съ собою изъ предосторожности, разомъ убилъ соперника; онъ, мертвый, упалъ къ моимъ ногамъ. Это произошло такъ быстро, что слуга, слѣдовавшій за моимъ противникомъ, не успѣлъ даже подойти на помощь къ своему господину; увидѣвъ его мертвымъ, онъ закричалъ: „Убійцы! разбойники!“ Я до того перепугался, что не имѣлъ силъ бѣжать. Народъ сбѣжался изъ сосѣднихъ домовъ, меня арестовали, предали суду, который и постановилъ посадить меня на всю жизнь въ тюрьму. Тутъ я совершенно забылъ добрыя наставленія монастырской братіи, узналъ покороче дурныя стороны жизни и вывелъ заключеніе, что я родился подъ несчастною звѣздою и долженъ все время бороться съ злымъ рокомъ. Однажды, когда я работалъ съ четырьмя товарищами, намъ удалось бѣжать. Конечно, ради нашего спасенія, намъ пришлось убить сторожа, вздумавшаго мѣшать побѣгу. Съ тѣхъ поръ я занимаюсь этимъ незавиднымъ ремесломъ. Жуанита умерла въ то время, какъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ. Послѣ нея осталась дочь Марія. Я обожаю мою дочь, донъ Фаустино, и люблю ее сколько ради ея самой, столько же и изъ воспоминанія о Жуанитѣ. Марія же стыдится меня и не хочетъ видѣть. Люди, учившіе ее всему хорошему, забыли внушить ей любовь къ отцу. Кто бы я ни былъ, но все же ея отецъ. Вѣдь существуетъ же заповѣдь: „Чти отца твоего и матерь твою.“

Многое бы съумѣлъ сказать Фаустино противъ этого, но онъ предпочелъ молчать.

XXIV.

— Вы мнѣ ничего не отвѣчаете, сеньоръ Фаустино,—продолжалъ атаманъ послѣ небольшой паузы.—Вы, вѣроятно, полагаете, что моя дочь права, избѣгая и ненавидя меня, даже, быть можетъ,

презирая; но какъ я ни стараюсь разобрать свои поступки относительно дочери, все таки нахожу, что я не заслужилъ ни ненависти, ни презрѣнія. Со мной случилось то, что должно было случиться; это была предопредѣленная мнѣ судьба. Изъ меня, конечно, вышелъ бы святой, какъ предсказывалъ патеръ Пиннонъ, еслибы я не встрѣтилъ Жуаниты. Дьяволъ воспользовался этимъ случаемъ и погубилъ меня; я никакъ не могъ этому воспрепятствовать.

Затѣмъ Хозелито сталъ говорить о разореніи дома Мендоза и мести Розиты, о чемъ сообщили его шпіоны. Это извѣстіе сильно поразило Фаустино, а болѣзнь матери опечалила его. На его глазахъ показались слезы.

— Мужчина никогда не долженъ плакать, замѣтилъ Хозелито. Хотите отмстить, я помогу вамъ. Покончите съ вашимъ прошедшимъ. Храбро объявите имъ войну. Вы будете не первый владѣлецъ майората, перешедшій на нашу сторону. Одно ваше рѣшительное слово—и вы будете здѣсь повелителемъ. Черезъ три, четыре дня, мы можемъ уже быть во владѣніяхъ почтеннаго нотаріуса и устроить ему такой праздникъ, о которомъ онъ не забудетъ всю жизнь. Мы уничтожимъ всѣ его посѣвы и виноградники, а если хотите сожжемъ и его домъ.

— Хозелито,—сказалъ Фаустино,—у всякаго человѣка свой особый образъ мыслей. Не хочу утверждать, чтобы вы были виноваты, но я совершенно другаго мнѣнія о вашемъ ремеслѣ. Нотаріусъ требуетъ своего и имѣетъ на это полное, неотъемлемое право. Я не вижу въ его поступкѣ ничего возмутительнаго и не имѣю причины мстить ему.

— Мнѣ больно слышать ваши слова,—возразилъ Хозелито. Я не хотѣлъ бы огорчить моего плѣнника, но долженъ высказать всю правду: вы отрицаете нанесенное вамъ оскорбленіе только для того, чтобы избѣгнуть опасности мстить за него.

Кровь бросилась въ голову доктора; онъ забылъ, что Хозелито ходилъ постоянно вооруженнымъ, и достаточно было одного знака разбойника, чтобы покончить съ домомъ Фаустино.

— Я не прощаю никакихъ оскорбленій, а въ особенности отъ васъ! внѣ себя вскричалъ докторъ. Хозелито въ первый моментъ гнѣва схватился за пистолетъ, но потомъ опомнился и сказалъ:

— Хорошо. Теперь мнѣ приходится прощать оскорбленіе вмѣсто того, чтобы мстить за него. Не будемъ больше спорить. Но я долженъ напомнить вамъ о данномъ словѣ: вы обѣщали не дѣлать попытокъ къ бѣгству, не поднимать противъ насъ оружія, слѣдовать за мною и повиноваться мнѣ.

— Это нисколько не противорѣчитъ ни моей чести, ни моимъ принципамъ.

— Совершенно вѣрно. Но если вы не хотите вступить въ нашу службу, я долженъ удержать васъ при себѣ въ качествѣ заложника.

— Что это значитъ?

— Это ясно, какъ день. Я желаю, чтобы моя неблагодарная дочь вернулась ко мнѣ, и если она не придетъ изъ любви ко мнѣ, то сдѣлаетъ это изъ любви къ вамъ, а, слѣдовательно, я буду держать васъ въ своей власти. Когда Марія будетъ здѣсь, я опишу ей ту роскошную и блестящую жизнь, которую она можетъ вести въ полной безопасности, и спрошу ее, почему она не желаетъ меня видѣть?

Это было логично. Фаустино не сомнѣвался, что Марія придетъ спасти его. Но эта мысль опечалила доктора: онъ находилъ, что на него падетъ вина въ томъ, что женщина, удачно до сихъ поръ скрывавшаяся отъ отца, котораго она боялась и съ которымъ не хотѣла дѣлить плоды его грабежей, теперь попадетъ въ его власть.

Вскорѣ послѣ этого разговора, Фаустино замѣтилъ по движенію, происходившему въ шайкѣ, что кого-то ожидаютъ, и онъ подумалъ, что, вѣроятно, Марію.

— Было десять часовъ вечера. Слышался приближающійся топотъ копытъ и затѣмъ всадники остановились у воротъ. Хозелито со своей шайкой и докторъ вышли на дворъ фермы. Одинъ бандитъ подвелъ къ атаману двухъ человѣкъ; первый изъ нихъ былъ слуга, другой, вѣроятно, его господинъ, закутанный въ плащъ; лица его не было видно, а только изъ, подъ широкихъ полей надвинутой на лобъ шляпы сверкали черные глаза. Повернувшись къ Хозелито, прибывшій сказалъ:

— Отведи меня въ особую комнату, мнѣ надо съ тобой поговорить.

Эти слова были сказаны съ гордостью и такъ повелительно, что начальникъ шайки, узнавъ новоприбывшаго по голосу, почтительно повиновался. Ихъ разговоръ продолжался около часу; затѣмъ незнакомецъ уѣхалъ въ сопровожденіи своего слуги.

— Сеньоръ Фаустино,—сказалъ Хозелито,—не угодно ли вамъ послѣдовать за мною.

Въ той самой комнатѣ, въ которой атаманъ разговаривалъ съ незнакомцемъ, сидѣлъ теперь и докторъ, которому Хозелито сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Всѣ мои планы разрушены. Есть высшая сила, волѣ ко-

торой я принужденъ подчиниться. Марія жива, но для меня и для васъ она умерла. Мы никогда ея не увидимъ. Теперь вы мнѣ совершенно безполезны. Я обѣщалъ человѣку, съ которымъ говорилъ въ этой комнатѣ, дать вамъ свободу. Я сдержу слово. Желаете вы тотчасъ ѣхать?

— Я хочу какъ можно скорѣе увидѣться съ матерью, спасти ее и хоть нѣсколько утѣшить. Я хотѣлъ бы тотчасъ уѣхать.

Доктору не удалось узнать, кто былъ этотъ незнакомецъ, которому онъ обязанъ своею свободою; относительно же судьбы Маріи, Хозелито не могъ или же не хотѣлъ сообщить ему ничего болѣе. Атаманъ приказалъ осѣдлать гнѣдую лошадь доктора и далъ ему двухъ провожатыхъ. На прощаніе Хозелито дружески пожалъ руку Фаустино, которую тотъ ему протянулъ.

Черезъ три дня пути, всадники достигли мѣстечка, находившагося близъ Виллабермеи, и тутъ провожатые разстались съ своимъ плѣнникомъ.

Было прекрасное весеннее утро. День только что занимался; Фаустино, простившись съ своими спутниками, поѣхалъ одинъ и пришпорилъ лошадь, такъ какъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть мать. Дѣйствительно, онъ скоро достигъ роднаго городка и своего дома. Было еще рано, но ворота оказались отворенными; это удивило доктора, его сердце сжалось отъ дурнаго предчувствія. Фаунъ первый встрѣтилъ его, но только жалобно завизжалъ. Когда же Фаустино дошелъ до комнаты матери, къ нему на встрѣчу вышла донна Арацелла и заключила его въ свои объятія.

— Сынъ мой!—воскликнула почтенная дама,—гдѣ ты пропадалъ столько времени? слава богу, что ты живъ и здоровъ.

— Какимъ образомъ вы здѣсь, тетушка? Что такое случилось?

— Твоя мать больна, сынъ мой!

— Не скрывайте ничего отъ меня, тетушка: гдѣ моя мать? Я долженъ идти къ ней.

— Только не теперь... Она спитъ...

— Спитъ?.. Нѣтъ, она умерла!—воскликнулъ онъ внезапно:— Бѣдная матушка умерла!

— Донна Арацелла ничего не отвѣтила, а только залилась слезами. Докторъ хотѣлъ было направиться въ комнату матери; но Вицента удержала его, сказавъ:—Ее здѣсь нѣтъ!—Потомъ она повела его въ большую залу; тамъ у дверей стоялъ патеръ Пиннонъ.

— Пустите меня войти туда и взглянуть на нее.

— Не ходи туда и не нарушай ея покоя, молись Богу за ея душу.

Фаустино, рыдая, упалъ на руки патера.

— Она умерла! повторялъ докторъ.

— Она скончалась, какъ святая,—сказалъ патеръ.

— Я несчастный жалкій человѣкъ! Я убилъ ее своимъ безразсудствомъ! Боже мой, почему ты не посылаешь мнѣ смерти!

— Молись, сынъ мой,—сказалъ патеръ:—молись за свою мать, молись и за самого себя; молитва—единственное утѣшеніе въ скорби.

— Да,—сказалъ Фаустино,—я обреченъ на скорбь и страданіе, но у меня нѣтъ вѣры.

Въ ужасѣ отшатнулся отъ него патеръ и затѣмъ загородилъ ему дорогу въ комнату покойницы. Однако Фаустино поспѣшилъ въ залу, посреди которой, на высокомъ катафалкѣ, лежала его мать.

Онъ молча преклонилъ колѣни, прося прощенія у усопшей; потомъ всталъ и, склонясь надъ лицомъ покойницы, долго глядѣлъ на дорогія черты и затѣмъ съ глубокою скорбью вскричалъ:

— Матушка, дорогая матушка!

Респектильо, стоявшій у тѣла, и вошедшіе вслѣдъ за Фаустино патеръ, Арацелла и Вицента—немогли удержаться отъ слезъ.

XXV.

Докторъ сталъ перебирать въ умѣ всю жизнь своей матери и нашелъ, что какъ его отецъ, такъ и онъ самъ отравляли все существованіе бѣдной женщины.

Донна Анна съ ея умомъ и образованіемъ принуждена была жить въ Виллабермеѣ, гдѣ не встрѣчала никого, кто бы могъ понять ее. Грубый мужъ не умѣлъ цѣнить ея. Онъ не выказывалъ ни малѣйшаго расположенія къ женѣ, хотя бы даже за то вниманіе и заботы, которыми она окружала его; онъ даже никогда не говорилъ съ нею долѣе пяти минутъ, постоянно кутилъ гдѣ нибудь на сторонѣ съ разными лицами, раздавалъ имъ подарки, устраивалъ празднества и разстроилъ свое состояніе неумѣлымъ веденіемъ дѣлъ. Такимъ образомъ, донъ Франциско Лопесъ де-Мендоза надѣлалъ кучу долговъ.

Фаустино, вмѣсто того, чтобы исправить ошибки отца, еще болѣе разорилъ имѣніе, хотя не столько большими расходами, сколько своею небрежностью, полною неспособностью и незнаніемъ практической жизни. Его легкомысленное поведеніе возбудило гнѣвъ Розиты и, къ несчастію, все это обрушилось на голову донны Анны и нанесло ей смертельный ударъ, усиленный тре-

вогой, которую испытывала бѣдная женщина, не зная, куда дѣвался ея сынъ. Фаустино обвинялъ во всемъ одного себя и оставался неутѣшенъ; у него было только двѣ личности, которыхъ онъ любилъ отъ всего сердца: его мать и Марія. Первая умерла, а со второю онъ былъ разлученъ навсегда непреодолимыми препятствіями.

Донна Арацелла оказала большую услугу своей любимой подругѣ: она вручила Респектильо всѣ имѣющіяся у нея наличныя деньги, а такъ какъ послѣ продажи драгоцѣнныхъ вещей и серебра все еще недоставало значительной суммы для уплаты долга, то донна Арацелла заложила одно изъ своихъ имѣній, лишь бы уплатить этотъ долгъ. Донна Анна незадолго до смерти узнала о поступкѣ кузины, и отъ души поблагодарила ее, когда та пріѣхала ухаживать за нею во время болѣзни; донна Арацелла приняла послѣдній вздохъ своей кузины и закрыла ей глаза.

Однако докторъ считалъ благородный поступокъ тетки униженіемъ для себя, сознавая, что все это обязанъ былъ сдѣлать онъ, какъ сынъ и наслѣдникъ. Смерть донны Анны поразила нотаріуса и причинила ему угрызенія совѣсти. Въ городѣ мало кто любилъ его. Не смотря на свое богатство, онъ былъ очень скупъ и никогда не помогалъ никому. Даже враги дома Мендоза, поддерживавшіе прежде месть дона Кризостомо, теперь, послѣ смерти несчастной женщины, отвернулись отъ нотаріуса, находя, что у него нѣтъ ни чести, ни совѣсти.

Розита наружно казалась совершенно спокойною, какъ будто не сдѣлала ничего дурнаго, тогда какъ въ глубинѣ сердца у ней появилось что-то въ родѣ раскаянія; но она старалась подавить это чувство, считая себя оскорбленною докторомъ.

Огорченный смертью матери, Фаустино не хотѣлъ оставлять дома и не имѣлъ никакого желанія заниматься дѣлами. Онъ попросилъ патера Пиннона и Респектильо отправиться къ нотаріусу, заплатить долги и снять запрещеніе съ его имѣнія и дома. Розита приняла довѣренныхъ Фаустино и сосчитала деньги; когда молодая дѣвушка осталась съ патеромъ Пинноном, тотъ сказалъ ей:

— Теперь ты получила всѣ деньги и должна быть довольна; тебѣ заплатили.

— Оскорбленіе, нанесенное мнѣ Фаустино, не можетъ быть оплачено денежными счетами.

— Ты нераскаянная грѣшница!—отвѣтилъ патеръ.—Меня обвиняютъ въ излишней строгости, но я долженъ сказать тебѣ: ты больше виновата, чѣмъ Фаустино, и если ты его любила, то не должна была поступать такъ грубо.

Три недѣли спустя послѣ смерти донны Анны, тетушка Арацелла вернулась домой. Чтобы нѣсколько уменьшить свой долгъ теткѣ, Фаустино обѣщалъ присылать въ уплату часть своихъ доходовъ. Со слезами и съ горячими объятіями разстались тетка и племянникъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Виллабермеи, куда поѣхалъ ее проводить Фаустино.

Во время своего пребыванія у племянника, донна Арацелла сообщила ему, хоть и безъ всякихъ вопросовъ съ его стороны, о кузинѣ Констанціи, которая была очень счастлива. Маркизъ обожалъ ее, счастіе улыбалось ей и все дѣлалось согласно ея волѣ. Они жили въ настоящее время въ Лондонѣ, гдѣ у маркиза, состояніе котораго растетъ съ каждымъ днемъ, есть какія-то дѣла.

Только о Маріи докторъ не могъ добиться никакого толку отъ патера Пиннона.

— Все, что мнѣ извѣстно,—говорилъ настоятель,—это то, что она любитъ тебя всѣмъ сердцемъ, но обстоятельства сложились такъ, что ей необходимо было оставить тебя и вамъ, быть можетъ, никогда не придется увидѣться.

Итакъ Фаустино остался одинъ на свѣтѣ и сильно скучалъ. Респектилью старался иногда развлекать своего господина, но остроты вѣрнаго слуги и его веселые анекдоты не вызывали даже улыбки на лицѣ доктора. Наконецъ, онъ не въ состояніи былъ выносить одиночества; людей онъ ненавидѣлъ, родныхъ не было по сосѣдству; и онъ опять предался своей любимой фантазіи—войти въ сношеніе съ душами умершихъ и постараться силою твердой воли вызвать ихъ передъ собою матеріализованными. Его фантазія играла до такой степени, что часто ночью ему казалось, будто Койя выходила изъ темной рамки портрета и приближалась къ нему, нашептывая странныя рѣчи, неуловимыя для слуха, но проникавшія прямо въ сердце и порождавшія новыя тревоги, новыя сомнѣнія... Иногда ему являлся и призракъ Маріи; Фаустино страстно бросался къ нему, но она исчезала и онъ съ отчаяніемъ опускалъ руки.

Такъ прошло шесть мѣсяцевъ послѣ смерти донны Анны; Фаустино рѣшился ѣхать въ столицу попытать счастья. Онъ предоставилъ Респектилью управленіе имѣніемъ, взялъ съ собою двѣнадцать тысячъ реаловъ, простился съ патеромъ Пиннономъ и отправился въ Мадридъ. Тамъ онъ остановился въ скромной гостинницѣ, гдѣ за недорогую плату имѣлъ комнату, постель, отопленіе, освѣщеніе, завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

XXVI.

Доктору пришлось привыкать къ новой столичной жизни Тамъ, въ родномъ городѣ, всѣ его знали и уважали въ немъ потомка старинnаго рода. А здѣсь, въ столицѣ, онъ терялся въ толпѣ такихъ же искателей труда и извѣстности, какъ онъ самъ. На него никто не обращалъ вниманія и почти всѣ его иллюзіи разбивались одна послѣ другой о неумолимую дѣйствительность практической жизни.

Онъ помѣстилъ нѣсколько лирическихъ произведеній въ столичныхъ газетахъ и журналахъ, но на его стихи никто не обратилъ вниманія. Докторъ хотѣлъ написать и нѣсколько драматическихъ произведеній, но у него недоставало терпѣнія и онъ всегда останавливался на третьей или на четвертой сценѣ. Невѣрная муза измѣняла ему и въ этомъ. Онъ хотѣлъ сдѣлаться ораторомъ, говорить рѣчи въ Атенеумѣ, но и это также ему не удалось. Наконецъ, Фаустино предложили редактировать небольшую газету. Но такъ какъ онъ ничего не смыслилъ въ политикѣ, то надѣлалъ кучу непростительныхъ промаховъ и, кромѣ того, былъ до такой степени лѣнивъ, что спѣшная редакціонная работа казалась ему мученьемъ и онъ отказался отъ этого занятія.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Фаустино метался отъ одного дѣла къ другому, самъ не зная, чего хочетъ и что ему нужно. Онъ былъ пустой мечтатель, задавался несбыточными проэктами, которыхъ никогда не приводилъ въ исполненіе и не доводилъ до конца. Онъ былъ недоволенъ государственнымъ режимомъ, но и въ этомъ отношеніи никто бы не угодилъ ему; онъ бранилъ одинаково и монархію, и республику, свободу и насиліе.

Главною мечтою доктора было заняться философіею и удивить свѣтъ новою системою своего собственнаго изобрѣтенія. Но годы шли да шли, а мечтатель оставался все тѣмъ же Фаустино, какимъ былъ и въ Виллабермеѣ. Видя полную неудачу во всемъ, онъ наконецъ пришелъ къ тому заключенію, что мужчина достигаетъ полной зрѣлости только въ пятьдесятъ лѣтъ; онъ пріостановилъ свои философскія работы въ ожиданіи наступленія этого возраста, когда онъ будетъ въ состояніи затмить собою Канта и Гегеля.

Спустя нѣсколько времени, Фаустино задумалъ появиться въ аристократическихъ кружкахъ столицы; это ему легко было сдѣлать, благодаря знатному имени; хотя образъ Маріи и жилъ еще въ сердцѣ доктора, какъ пріятное воспоминаніе, но

все же онъ сталъ ухаживать за красивыми женщинами, думая черезъ нихъ получить общественное положеніе. Конечно, было очень трудно добиться милости какой нибудь вліятельной дамы, и Фаустино не находилъ такой, которая могла бы ему проложить дорогу къ блестящей будущности. Онъ былъ бѣденъ, нѣсколько робокъ и не успѣлъ прославиться ни блестящимъ умомъ, ни ученостью, ни любовными похожденіями, чтобы приковать къ своей особѣ вниманіе столичной львицы, имѣющей связи.

Однако Фаустино по временамъ одѣвался изящно и со вкусомъ, посѣщалъ балы и театры, проигрывалъ за карточнымъ столомъ по тысячѣ реаловъ; но это продолжалось недолго, такъ какъ его карманы пустѣли очень скоро. Онъ опять скрывался со сцены большаго свѣта на неопредѣленное время, и о немъ забывали.

Изъ доходовъ Виллабермеи, какъ сообщалъ Респектильо своему господину, приходилось платить проценты по закладнымъ, и управляющій могъ высылать доктору только по тысячѣ реаловъ въ мѣсяцъ; этихъ денегъ обыкновенно хватало Фаустино на три-четыре дня, а потомъ онъ оставался безъ реала въ карманѣ. Когда дѣла доктора уже сильно запутались, онъ порѣшилъ сдѣлать то, что дѣлаютъ другіе вначалѣ—пріискать себѣ какое нибудь мѣсто. Вскорѣ онъ опредѣлился въ одно изъ министерствъ съ жалованьемъ въ восемьсотъ реаловъ въ годъ—и это было все, чего онъ достигъ послѣ семнадцатилѣтняго пребыванія въ столицѣ.

Онъ оказался плохимъ чиновникомъ, но друзья старались поддержать его всѣми силами. Фаустино, однако, стыдился показаться въ Виллабермею простымъ министерскимъ чиновникомъ, почтому что его считали въ родномъ городѣ чудомъ учености и талантовъ; онъ намѣревался тогда только посѣтить родное гнѣздо, когда добьется какого нибудь лучшаго назначенія въ министерствѣ. Такъ достигъ онъ сорокалѣтняго возраста и, не смотря на всѣ невзгоды судьбы, продолжалъ утѣшаться своими иллюзіями. Каждый вечеръ онъ откладывалъ до слѣдующаго дня продолженіе своего „трактата по философіи“, который долженъ былъ удивить міръ, а самъ между тѣмъ отправлялся въ театръ или въ гости. Онъ почему-то не терялъ надежды, что рано или поздно люди будутъ ему завидовать, и эти надежды служили ему утѣшеніемъ и развлеченіемъ.

XXVII.

Нотаріусъ донъ Жуанъ Кризостомо Гутіеррезъ умеръ тихою

и спокойною смертью. Патеръ Пиннонъ, присутствовавшій при его послѣднихъ минутахъ, сказалъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Покойный оставилъ послѣ себя громадное наслѣдство, такъ что, по раздѣлѣ его между дѣтьми, каждая изъ дочерей получила столько, что могла считаться богатою женщиною.

Романцита была давно замужемъ за домомъ Геронимо; онъ съ большимъ успѣхомъ шелъ по избранной имъ дорогѣ врача. У нихъ не было дѣтей, которые пополняли бы ихъ счастье, но, тѣмъ не менѣе, они не жаловались на судьбу. Розита все еще была такъ граціозна, такъ скромна и такъ богата, что у нея не было недостатка въ искателяхъ ея руки. Отъ нея вполнѣ зависѣло сдѣлать болѣе или менѣе приличную партію.

Быть можетъ, вслѣдствіе воспоминанія о Фаустино, или по другой причинѣ, но Розита отказывала всѣмъ женихамъ. Она почти не измѣнилась наружностью, такъ какъ была настоящая брюнетка, а подобныя лица не скоро старѣются. Въ тридцать восемь лѣтъ Розита казалась еще настолько молодою и свѣжею, что могла прельстить любаго франта. Однако она скоро измѣнила свои убѣжденія, ей захотѣлось уѣхать подальше изъ Виллабермеи, жить въ большомъ городѣ и насладиться жизнью, пока ея красота окончательно не поблекла.

Между искателями руки Розиты былъ нѣкто донъ Клаудіо Мартинесъ, ярый консерваторъ и депутатъ округа Виллабермеи. Онъ говорилъ большія и громовыя рѣчи о сельскомъ хозяйствѣ; вообще это былъ человѣкъ практическій, съумѣвшій нажить милліонное состояніе. Когда этотъ донъ Мартинесъ посватался за Розиту, ему было уже пятьдесятъ лѣтъ; но это былъ еще красивый хорошо сохранившійся мужчина, веселаго и добродушнаго нрава; онъ всегда хорошо относился къ своимъ избирателямъ, исполнялъ ихъ порученія, такъ что его очень любили во всемъ округѣ. Всякій разъ, когда онъ возвращался изъ Мадрида, его встрѣчали съ восторженными овиціями.

Однако, успѣхи искателя руки Розиты не ослѣпляли гордую дѣвушку: она вполнѣ понимала, что донъ Клаудіо былъ самый обыкновенный дюжинный человѣкъ. Въ то время, какъ Фаустино былъ изящнымъ кавалеромъ, донъ Клаудіо могъ только исполнить честолюбивыя желанія, которыя такъ долго составляли завѣтную мечту Розиты. Она смотрѣла на этотъ союзъ, какъ на дѣловую сдѣлку, въ которой обѣ стороны могутъ выиграть. Конечно, Розита не любила дона Клаудіо, но рѣшилась быть его женой.

Розита жила уже нѣсколько лѣтъ въ Мадридѣ, гдѣ блистала нарядами и остроуміемъ. Домъ Клаудіо составлялъ центръ

хорошаго буржуазнаго общества, а его жена была королевою этого кружка. Клаудіо поставилъ себѣ задачею сдѣлаться большимъ капиталистомъ и не упускалъ случая, когда представлялась возможность увеличить свое состояніе. Розита также, сколько могла, помогала въ этомъ своему мужу. Фаустино никогда не бывалъ въ домѣ Розиты, но, встрѣчаясь съ нею на улицѣ или въ театрѣ, кланялся ей, и она постоянно отвѣчала на его привѣтствіе, но онъ никогда не подходилъ къ ней и не вступалъ въ разговоръ со своею прежнею возлюбленною.

Хозелито, игравшій немаловажную роль въ нашемъ романѣ, бросилъ свое неблаговидное занятіе: онъ сдѣлался опорою всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, отдалъ двѣ трети своего имущества нуждающимся, а на остальное жилъ бѣдно, принужденный скрываться отъ властей. Въ цѣломъ округѣ не было человѣка, который бы не относился съ должнымъ почтеніемъ къ бывшему атаману разбойниковъ; ему давали убѣжище отъ преслѣдованія властей и даже защищали его, когда это требовалось. Но одинъ шпіонъ поступилъ въ банду Хозелито и измѣнически убилъ атамана ночью, когда тотъ спалъ, а самъ бѣжалъ.

О Маріи не было никакого извѣстія. Какъ ни домогался докторъ узнать что нибудь отъ патера Пиннюна, тотъ упорно хранилъ полное молчаніе.

XXVIII.

Маркизу Гвадальбарбо наскучило жить въ Парижѣ и Лондонѣ. Онъ вздумалъ вернуться на родину въ свое имѣніе и, кромѣ того, провести нѣсколько времени въ столицѣ Испаніи. Въ Мадридѣ у него былъ прекрасный старинный дворецъ; тамъ были: дорогая мебель, цѣнныя картины, мраморныя и бронзовыя статуи, великолѣпные ковры, японскія и севрскія вазы, рѣдкія книги; комнаты были обиты дорогою шолковою матеріею, залы украшены богатыми орнаментами, потолки расписаны знаменитыми художниками.

Семнадцать лѣтъ прошло почти безслѣдно для Констанціи: ея красота нисколько не потеряла прежней прелести и привлекательности; мужъ обожалъ ее. Мужчины преклонялись передъ нею, женщины завидовали. У очаровательной маркизы было двое сыновей, изъ которыхъ старшему минуло шестнадцать лѣтъ. Въ Мадридѣ Констанція произвела сильное впечатлѣніе своимъ изяществомъ, своими туалетами и брилліантами; кромѣ того, она пользовалась вполнѣ заслуженною репутаціею добродѣтельной

женщины; она любила своего мужа, доставлявшаго ей всѣ удобства жизни и исполнявшаго всѣ ея желанія. Маркиза побывала во всѣхъ главныхъ городахъ Европы и вездѣ пріобрѣла славу изящной, умной и добродѣтельной женщины. Она возбуждала всеобщее удивленіе въ Баденѣ, Спа и Трувиллѣ, точно также, какъ въ аристократическихъ салонахъ Сен-Жерменскаго предмѣстья и во дворцахъ у лордовъ Англіи и Шотландіи. У Констанціи было множество пріятельницъ въ Берлинѣ, Петербургѣ, Ниццѣ, Флоренціи и Римѣ; съ этими дамами она была въ перепискѣ. Однако, вся эта суета надоѣла маркизѣ и она пріѣхала отдохнуть въ Мадридъ. Здѣсь у Констанціи были разъ въ недѣлю пріемные дни, на которые собиралось лучшее аристократическое общество; каждый день у нея обѣдало нѣсколько близкихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ генералъ Пересъ, часто посѣщавшій домъ очаровательной маркизы. Этотъ генералъ считался непогрѣшимымъ политикомъ и отъ него вполнѣ зависѣло министерство. Въ свѣтѣ его считали извѣстнымъ Донъ-Жуаномъ, а на полѣ битвы—непобѣдимымъ Цезаремъ.

Этотъ великій генералъ и политикъ влюбился до безумія въ красивую маркизу; онъ преслѣдовалъ ее всюду и бросалъ на нее пламенные взгляды; этотъ Донъ-Жуанъ не вѣрилъ въ добродѣтель женщинъ и былъ вполнѣ убѣжденъ, что все зависитъ отъ большей или меньшей силы воли и твердости характера: одну побѣдить легче, другую труднѣе. Констанція относилась холодно къ настойчивому ухаживанію генерала; онъ даже позволялъ себѣ относиться къ маркизу съ видомъ покровительства, что сильно возмущало Констанцію.

На пріемныхъ вечерахъ маркизы Гвадальбарбо появлялся нерѣдко и Фаустино, кромѣ того обѣдавшій у своей кузины постоянно разъ въ недѣлю. Докторъ составлялъ совершенную противоположность съ генераломъ: былъ скроменъ, тихъ, молчаливъ и не осмѣливался бросить на свою очаровательную кузину страстныхъ взглядовъ. Скромность Фаустино нравилась Констанціи и пріобрѣла ему симпатію маркиза, который даже находилъ его вполнѣ умнымъ человѣкомъ; маркиза мало по малу стала находить въ своемъ кузенѣ одни только достоинства и сравнивала его со львомъ, которому обрѣзали когти; она считала его ученымъ, которому не дали хода, геніемъ, котораго задержали въ его полетѣ. Вспомнилось изящной, холодной маркизѣ то чудное время ея молодости, когда Фаустино клялся ей въ любви и говорилъ страстныя рѣчи, полныя несбыточныхъ надеждъ и иллюзій.... И ей казалось, что она виновата въ томъ, что мечты ея кузена

разлетѣлись въ прахъ: онъ не могъ идти по избранному имъ пути; у него не было дружеской руки, которая поддержала бы его въ трудныя минуты, утѣшила бы въ горѣ. Какое-то необъяснимое состраданіе закралось въ душу Констанціи и она въ первый разъ созналась себѣ, что только изъ тщеславія и любви къ роскоши предпочла маркиза своему кузену. И въ сердцѣ прекрасной Констанціи произошла большая перемѣна; она однако не кокетничала съ Фаустино и по прежнему любила только своего мужа. Докторъ же такъ былъ обиженъ судьбою, такъ обманутъ несбывшимися мечтами, что не смѣлъ даже поднять глазъ на свою кузину. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы такая блестящая женщина могла полюбить его, послѣ того какъ изъ всѣхъ его иллюзій о счастьѣ и славѣ ничего не вышло. Однако Констанціи, вѣроятно, сильно надоѣли ухаживанія и страстные взгляды генерала Переса, и она рѣшилась отомстить ему. Еслибы она вздумала кокетничать съ какимъ нибудь высокопоставленнымъ лицомъ, это возбудило бы гнѣвъ отвергнутаго обожателя и разожгло бы еще болѣе его страсть. Конечно, чтобы оскорбить самолюбіе генерала, нужно было выбрать скромнаго и неизвѣстнаго соперника. Констанція намѣтила своего кузена.

XXIX.

Маркизъ, самъ того не подозрѣвая, способствовалъ приведенію въ исполненіе плана своей жены. Гордость, высокомѣріе и самомнѣніе выдающагося генерала сильно возмущали маркиза и онъ едва могъ это выносить. Онъ всегда удивлялся прогрессу Англіи и былъ недоволенъ безпорядкомъ и отсутствіемъ здравомыслія въ своемъ отчествѣ. Онъ крайне удивлялся, что такія личности, какъ Пересъ, нисколько не стыдились своей бездарности, а какъ бы выставляли ее на показъ.

Маркизъ принадлежалъ къ числу людей, предпріятія которыхъ всегда вполнѣ удаются и которые въ то же время не могутъ упрекнуть себя ни въ какомъ дурномъ поступкѣ; онъ былъ очень самолюбивъ, ненавидѣлъ выскомѣрныхъ глупцовъ и относился снисходительно къ личностямъ, обиженнымъ судьбою. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Фаустино, котораго онъ полюбилъ отъ всей души.

Между тѣмъ генералъ Пересъ не унимался въ своихъ искательствахъ и день ото дня становился назойливѣе. Констанція выходила изъ себя и не могла дождаться минуты, когда ей удастся наказать этого ненавистнаго поклонника.

Фаустино предполагалъ, что кузина гордилась вниманіемъ такого высоко-поставленнаго лица, какъ генералъ Пересъ, хотя и не подозрѣвалъ между ними интимныхъ отношеній; всякій разъ, когда генералъ подходилъ къ Констанціи, докторъ оставлялъ ихъ вдвоемъ, не желая мѣшать ихъ разговору. Подобная скромность выводила маркизу изъ себя. Вслѣдствіе этого, Констанція старалась быть какъ можно любезнѣе со своимъ кузеномъ: нѣжно смотрѣла на него, крѣпко жала ему руку и при каждомъ удобномъ случаѣ льстила ему въ глаза,—но онъ считалъ все это за состраданіе и доброту съ ея стороны; онъ воображалъ, что кузина хотѣла ободрить его и возвысить до себя.

Маркиза, между тѣмъ, сердилась на скромность Фаустино, точно также, какъ на назойливость Переса; чтобы хоть нѣсколько ободрить кузена, Констанція утроила свою любезность къ нему. „Моя кузина желаетъ, думалъ Фаустино, сдѣлать изъ меня ширмы и прикрыть свои отношенія къ генералу". Докторъ понималъ, что она не можетъ любить его, но съ удовольствіемъ вспоминалъ о прежней любви, о тайныхъ свиданіяхъ у рѣшетки сада; ему даже казалось, что въ сердце его снова вернулась прежняя любовь къ Констанціи. Проницательная маркиза тотчасъ замѣтила перемѣну въ своемъ кузенѣ, отъ нея не укрылись его нѣжные, полные благодарности взгляды, и она торжествовала заранѣе полную побѣду.

Докторъ занимался по пяти часовъ въ день въ министерствѣ, а остальное время проводилъ въ своей скучной комнатѣ, если не отправлялся къ Констанціи или въ театръ. Въ домѣ маркизы, Фаустино чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, тамъ встрѣчала его всегда почтительная прислуга и радушные хозяева. Въ роскошной обстановкѣ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, отправлялся къ кузинѣ.

Разъ какъ-то вечеромъ у маркизы, генералъ Пересъ обратился къ хозяйкѣ съ слѣдующими словами:

— Я попросилъ бы васъ, маркиза, принять меня когда нибудь безъ постороннихъ лицъ: мнѣ такъ много нужно вамъ высказать; прошу васъ, выслушайте мои оправданія и не осуждайте меня.

— Но, генералъ,—отвѣчала Констанція,—я вовсе не осуждаю васъ и рѣшительно не понимаю, на что вы жалуетесь.

— Вы слишкомъ жестоки и смѣетесь надо мною.

— Я не смѣюсь надъ вами.

— Почему же вы не принимаете меня, когда я захожу днемъ.

— Потому что я принимаю только по вторникамъ; въ этотъ день я всегда васъ приму.

— Вотъ то-то и есть—вы примете меня, какъ и всякаго другаго.

— Но какое же право имѣете вы требовать другаго пріема.

— Неблагодарная! А моя дружба, мое удивленіе, моя любовь къ вамъ,—развѣ не даютъ мнѣ никакого права?..

— Тѣмъ хуже для васъ. Стало быть, мнѣ опасно принимать васъ—смѣясь, сказала маркиза.

— Вотъ вы опять смѣетесь надо мною.

— Я не смѣюсь надъ вами, но и принять васъ не могу, чтобы не дать пищи пересудамъ, такъ какъ вы открыто за мною ухаживаете.

— Никто не осмѣлится васъ осуждать. Примите меня только; въ этомъ никто не увидитъ ничего дурнаго:—всѣ васъ считаютъ женщиною выше всякихъ сплетенъ.

— Хорошо, генералъ,—отвѣтила она,—я приму васъ завтра отъ двухъ до трехъ.

— Меня одного?

— Да, васъ одного.

— На слѣдующій день генералъ явился въ назначенный часъ; онъ много говорилъ Констанціи о своихъ чувствахъ, о своей преданности, о любви; но маркиза отвѣчала, что она хотя и уважаетъ генерала, но никого никогда не любила, кромѣ мужа, и надѣется, что никогда и не полюбитъ.

Однако генералъ не потерялъ надежды и былъ твердо убѣжденъ, что Констанція рано или поздно, но непремѣнно полюбитъ его.

Однажды послѣ обѣда, пока маркизъ бесѣдовалъ съ гостями, Констанція завела съ докторомъ слѣдующій разговоръ:

— Неужели, Фаустино, ты составилъ обо мнѣ дурное мнѣніе и полагаешь, что я тщеславна и принимаю ухаживанія генерала? Къ чему мнѣ этотъ генералъ? Тысячу разъ я говорила тебѣ, что онъ мнѣ надоѣлъ и я не могу выносить его присутствія, а ты этому не вѣришь.

— Хоть я и рискую навлечь твой гнѣвъ, Констанція,—возразилъ докторъ,—но никакъ не могу согласиться что генералъ ужь такъ надоѣлъ тебѣ; думаю, что и ты далеко не такъ сурово обходишься съ нимъ, какъ говоришь, иначе онъ не сталъ бы такъ настоятельно ухаживать за тобою.

— Онъ не принимаетъ въ разсчетъ моей холодности и все надѣется завоевать мою благосклонность.

— Еслибы ты захотѣла, то могла бы удалить его отъ себя.

— Я этого хочу,—отвѣчала Констанція,—и даже разсчитываю на твою помощь.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Для меня нѣтъ больше счастья, какъ оказать какую нибудь услугу моей очаровательной кузинѣ, которая такъ любезна со мною.

— Это очень мило съ твоей стороны. Ты знаешь, какъ я благодарна за твою дружбу; какъ ты великодушенъ, Фаустино! Ты имѣлъ бы полное право сердиться на меня.

— За что же? Я нахожу, что ты была вполнѣ права и хорошо сдѣлала, разставшись со мною. Было бы большимъ безумiемъ соединить твою судьбу съ моею; несчастіе преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу. Впрочемъ, я не жалуюсь. Не будемъ больше говорить объ этомъ, скажи лучше, что ты мнѣ прикажешь дѣлать?

— Я ничего не приказываю, а прошу только тебя зайти ко мнѣ завтра, часа въ три; только не опоздай.—Констанція назначила кузену прiйти за полчаса до прихода генерала.

Она приняла своего кузена въ небольшой гостинной, гдѣ обыкновенно проводила время, когда оставалась одна, занимаясь чтеніемъ, рукодѣльемъ или прiемомъ самыхъ близкихъ прiятельницъ. На окнахъ жалузи были опущены и въ комнатѣ господствовалъ полумракъ; цвѣты распространяли въ гостинной легкій ароматъ.

Докторъ осыпалъ кузину комплиментами; она смѣялась и нѣжно смотрѣла на собесѣдника. Они не говорили о любви, а только о неизмѣнной дружбѣ; и во имя этой добродѣтельной дружбы, этого чистаго чувства, Фаустино взялъ руку Констанціи и покрылъ ее поцѣлуями. Въ это время раздался звонокъ. Маркиза засмѣялась.

— Это ужасный генералъ,—сказала она.

Докторъ, сидѣвшій слишкомъ близко къ Констанціи, отодвинулъ стулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала, засмѣявшись, маркиза,—не удаляйся, пододвинься ближе, пусть онъ взбѣсится.

Фаустино повиновался и пододвинулся къ кузинѣ. Слуга доложилъ о генералѣ, который вошелъ съ торжествующимъ видомъ.

Констанція покраснѣла съ досады при входѣ генерала. Фаустино также смутился. Генералъ замѣтилъ это и, не смотря на свою привычку вращаться въ свѣтѣ, не могъ скрыть гнѣва. Разговоръ тянулся вяло и холодно; вообще генералъ относился всегда къ Фаустино, какъ къ бѣдному родственнику, котораго изъ состраданія принимали въ домъ и кормили. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, генералъ обратился къ доктору:

— Я никакъ не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить.

— Почему-же, генералъ?—спросилъ Фаустино.

— Я думалъ, что вы въ эти часы на службѣ.

— Сегодня я устроилъ себѣ маленькій праздникъ, желая развлечь кузину; она нѣсколько разстроена.

Генералъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою необыкновенное усиліе, чтобы не разразиться гнѣвомъ, но сдержалъ себя.

— Это меня очень радуетъ; я не зналъ, что вы обладаете даромъ прогонять дурное расположеніе.

— Онъ очень любезенъ,—вмѣшалась кузина,—хотя судьба постоянно преслѣдовала его. Теперь у него—незначительное мѣсто, но онъ обладаетъ большими знаніями.

— Моя кузина слишкомъ добра, возразилъ Фаустино:—расположеніе ко мнѣ заставляетъ ее приписывать мнѣ такія качества, какихъ у меня вовсе нѣтъ.

— Повѣрьте мнѣ, генералъ,—начала опять Констанція,—я говорю правду. Фаустино одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Испаніи, онъ симпатичный поэтъ, философъ...

— Констанція, пощади меня, ты говоришь о такихъ талантахъ, которыхъ никто не открылъ во мнѣ, кромѣ тебя; ты снисходительно относишься къ моимъ недостаткамъ, потому что знаешь меня съ дѣтства.

Маркиза и докторъ продолжали въ такомъ тонѣ разговоръ, такъ что генералъ не выдержалъ и сказалъ съ иронією:

— Я очень сожалѣю, что пришелъ не во время, маркиза, такъ какъ, вѣроятно, прервалъ философско-поэтическую лекцію вашего кузена.

— Генералъ,—сказалъ докторъ,—я никогда не читалъ никому никакихъ лекцій, а тѣмъ болѣе моей кузинѣ.

— Я могу подтвердить это, сказала Констанція:—но еслибы онъ и вздумалъ этимъ заняться, вы, генералъ, ничего не потеряли бы, послушавъ подобную лекцію.

Генералъ не могъ владѣть собою и сказалъ рѣзко:

— Я не признаю поэзіи, маркиза, такъ какъ я самъ настоящая проза, и потому ухожу, чтобы не мѣшать вамъ,—мое почтеніе, маркиза.

Фаустино поднялся съ своего мѣста и почтительно поклонился генералу.

— Цѣлую вашу руку,—насмѣшливо сказалъ генералъ.

— А я вашу,—отвѣтилъ Фаустино.

— Да хранитъ васъ Богъ, генералъ,—ласково сказала Констанція, желая хоть нѣсколько смягчить гнѣвъ генерала.

По его уходѣ, Констанція и Фаустино разразились громкимъ

смѣхомъ; но, нѣсколько минутъ спустя, ихъ веселость исчезла и они серьезно посмотрѣли другъ на друга. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; докторъ снова взялъ руку Констанціи и маркиза не отнимала ея, какъ и прежде; опять прошло нѣсколько минутъ; Фаустино страстно прижималъ руку кузины къ своимъ губамъ и покрывалъ ее горячими поцѣлуями. Констанція опомнилась, отдернула руку и сказала.

— Иди, Фаустино, мы останемся хорошими друзьями.

Докторъ повиновался, понявъ, что кузина говорила серьезно. Онъ всталъ и почтительно поцѣловалъ протянутую ему руку.

Генералъ продолжалъ по прежнему посѣщать пріемные вечера маркизы, не желая показать передъ свѣтомъ своего пораженія, но вернулся къ своей прежней привязанности, Розитѣ, которая великодушно простила своему невѣрному поклоннику временное увлеченіе блестящею маркизою. Разсчетливая женщина нуждалась во вліяніи генерала.

Фаустино также посѣщалъ маркизу только въ пріемные дни. Его любовь къ кузинѣ, погасшая семнадцать лѣтъ тому назадъ, теперь воскресла съ новою силою, но должна была оставаться чистою и возвышенною изъ уваженія къ маркизѣ. Такъ думалъ докторъ, такъ разсуждала и Констанція.

Прошелъ мѣсяцъ, въ продолженіе котораго докторъ ни разу не видѣлъ Констанціи съ глазу на глазъ. Но однажды вечеромъ маркиза чувствовала себя нездоровою и не велѣла никого принимать; между тѣмъ пришелъ Фаустино, и прислуга, думая, что распоряженіе маркизы не относится къ ея родственнику, приняла его и провела въ ту самую гостинную, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ докторъ встрѣтился съ генераломъ. Констанція была одна и скучала. Появленіе кузена нѣсколько смутило ее, но потомъ она успокоилась и завела разговоръ съ Фаустино о его незавидной судьбѣ.

— Тутъ ничѣмъ не поможешь,—сказалъ докторъ:—кто желаетъ многаго, тотъ не получаетъ ничего. У меня не было ни силы воли, ни энергіи для достиженія желаемаго. Кромѣ того, я потерялъ вѣру въ самого себя и въ тѣхъ, кого любилъ.

— Неужели ты никого не любишь и никому не вѣришь? Это ужасно!

— Я хотѣлъ любить, я любилъ, но разсчетливость убила эту любовь. Недавно я почувствовалъ, что она снова воскресла во мнѣ, но теперь презрѣніе опять убьетъ ее.

— Если ты дѣйствительно любишь,—отвѣтила Констанція, дѣлая усиліе надъ собою,—твоя любовь должна быть сильна, и тебѣ

не станутъ отвѣчать презрѣніемъ. Вспомни, что̀ сказалъ поэтъ: „Любовь порождаетъ любовь".

— Да, но въ данномъ случаѣ я, вѣроятно, составлю исключеніе; я любилъ тебя когда-то, Констанція, а ты меня не любила. Теперь я люблю тебя еще больше, а ты по прежнему не любишь меня.

Констанція вздрогнула. Какая-то невѣдомая сила тянула ее къ Фаустино, а между тѣмъ она должна была заставить молчать свое сердце. Собравъ всѣ силы, она сказала сколько можно спокойнымъ голосомъ:

— Фаустино, я поступила очень дурно, отвергнувъ тогда твою любовь, но согласись, что теперь сдѣлаю еще хуже, если отвѣчу на твои чувства.

— Я не требую ничего, Констанція. Сердцу нельзя приказывать. Ты можешь не любить меня, но я же люблю тебя, какъ безумный!

Фаустино упалъ къ ногамъ маркизы.

— Встань, успокойся, приди въ себя. Можетъ войти кто нибудь.

— Люби меня, Констанція.

— Я люблю тебя! прошептала она, сама не зная, что̀ говоритъ.

Фаустино страстно обнялъ ее.

Вдругъ она испустила крикъ и оттолкнула Фаустино отъ себя.

Они не слышали, какъ маркизъ вошелъ въ комнату. Онъ казался веселымъ и довольнымъ, какъ всегда.

— Констанція, дитя мое,—сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ,—лучше ли тебѣ? Я очень тревожился и нарочно вернулся раньше обыкновеннаго.

— А, Фаустино, ты здѣсь? — привѣтствовалъ онъ доктора, и протянулъ гостю дрожащую руку, холодную, какъ ледъ.

Констанція почувствовала—точно кто ей сдавилъ горло; но все же отвѣтила мужу:

— Мнѣ лучше!

Маркизъ или ничего не видѣлъ, или не хотѣлъ говорить изъ состраданія, чтобы не мучить несчастныхъ.

Затѣмъ онъ предложилъ какой-то пустой вопросъ, всталъ и ушелъ, сказавъ, что его ждутъ у министра.

Констанція и Фаустино снова остались вдвоемъ. Они были въ отчаяніи, вполнѣ сознавая, что этимъ поцѣлуемъ оскорбили довѣріе маркиза и его любовь къ женѣ. Оба сидѣли молча, погруженные въ невеселыя мысли; наконецъ, маркиза пришла въ себя и сказала:

— Иди теперь, Фаустино! Я погибла!

— А, быть можетъ, онъ ничего не видѣлъ... Конечно, ничего.. Богъ заступится за насъ!...

— Богъ!—прервала маркиза,—скажи лучше: дьяволъ.

— Только бы ты не пострадала отъ этого.

— Прошу тебя: уходи, оставь меня одну.

Докторъ повиновался. Онъ шелъ домой убитый, измученный. Когда онъ повернулъ за уголъ, къ нему подошелъ какой-то человѣкъ; онъ узналъ тотчасъ маркиза Гвадальбарбо.

— Я ждалъ тебя,—сказалъ маркизъ,—слѣдуй за мною.

Докторъ послѣдовалъ за нимъ; невдалекѣ стояла карета маркиза.

— Садись,—сказалъ онъ доктору. Тотъ повиновался.

— На виллу! — приказалъ маркизъ слугѣ, сѣвъ подлѣ Фаустино.

Карета покатилась. Оба не сказали ни слова всю дорогу. Докторъ хорошо понялъ, что маркизу все извѣстно.

Вилла отстояла въ полумили отъ Мадрида. Пріѣхавъ туда, маркизъ приказалъ освѣтить гостинную и пригласилъ въ нее поздняго гостя. Когда слуга, зажигавшій свѣчи, удалился, оставивъ господъ однихъ, маркизъ подошелъ къ большому шкафу, вынулъ оттуда ящикъ, а изъ него два пистолета, и положилъ ихъ на столъ. Потомъ, обратясь къ Фаустино, сказалъ:

— Ты разбойникъ, котораго я имѣю право застрѣлить, какъ собаку. Ты укралъ у меня любовь жены, измѣнилъ моей дружбѣ и употребилъ во зло мое довѣріе. Однако, я хочу бороться съ тобою равнымъ оружіемъ. Я не хочу, чтобы узнали, что я тебя убилъ и за что убилъ. Моя честь не должна быть запятнана. Наша дуэль произойдетъ безъ свидѣтелей; моя прислуга насъ не выдастъ; лакей, сопровождавшій меня сюда, и человѣкъ, присматривающій за этимъ домомъ,—англичане; они служатъ мнѣ нѣсколько лѣтъ и я могу имъ вполнѣ довѣриться. Выбери одинъ изъ этихъ пистолетовъ, я возьму другой. Теперь слѣдуй за мною. Онъ отворилъ дверь, ведущую въ садъ.

Все было тихо. Полная луна выплыла изъ облаковъ и освѣтила лица противниковъ.

— Мы отойдемъ подальше отъ дома,—сказалъ маркизъ,—чтобы не слышно было выстрѣловъ, мы выстрѣлимъ въ одно время. Если ты почувствуешь, что твоя рука дрожитъ, предупреди меня, я подожду стрѣлять, пока ты не успокоишься. Наши шансы должны быть равны.

Они подошли къ небольшой площадкѣ.

— Констанція невинна!—сказалъ Фаустино.

— Я знаю это, продолжалъ маркизъ и потому обратился къ тебѣ, а не къ ней.

Маркизъ отсчиталъ шаги и оба заняли свои мѣста.

— Впередъ!—скомандовалъ мужъ Констанціи. Оба подняли пистолеты и подошли ближе.

Маркизъ пользовался славою хорошаго стрѣлка и, зная свое преимущество, не хотѣлъ первый сдѣлать выстрѣлъ.

Въ то время тысячи разнородныхъ мыслей бродили въ головѣ Фаустино: неужели ему нужно убить этого человѣка, котораго онъ такъ жестоко оскорбилъ? Онъ никогда не простилъ бы себѣ подобной подлости. Онъ бросилъ въ сторону пистолетъ; отъ паденія оружія послѣдовалъ выстрѣлъ, но не задѣлъ никого. Вдругъ раздался второй выстрѣлъ. Фаустино закричалъ: Боже мой!—и упалъ на землю.

Маркизъ бросился къ нему и хотѣлъ поднять его; Фаустино былъ весь въ крови. Маркизъ сталъ звать на помощь. Слуги скоро явились. Съ ихъ помощью, маркизъ уложилъ раненаго въ карету, наскоро перевязавъ ему рану, и поскакалъ съ нимъ въ городъ. Тамъ онъ сдалъ его на руки опытному хирургу, который нашелъ, что хотя пуля и попала въ грудь, но все же онъ надѣется на выздоровленіе раненаго.

Маркизъ, по зрѣломъ обсужденіи, оправдалъ мысленно Констанцію, и она по прежнему заняла мѣсто въ его сердцѣ. Только Фаустино былъ принесенъ въ жертву семейному спокойствію.

XXX.

Такъ какъ Фаустино не занималъ въ столицѣ важнаго поста и не былъ извѣстнымъ лицомъ, то его, конечно, мало кто зналъ и мало кто имъ интересовался.

Немногія лица, знавшія Фаустино, приходили освѣдомляться о его здоровьѣ, но имъ говорили, что онъ опасно боленъ и они довольствовались подобнымъ отвѣтомъ. Квартирная хозяйка, полюбившая Фаустино, ухаживала за нимъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Маркизъ пріѣзжалъ два раза освѣдомляться о его здоровьѣ и врачъ успокоилъ его надеждою на благополучный исходъ. На слѣдующій день послѣ дуэли, хозяйка явилась къ Фаустино и сказала ему, что его спрашиваетъ какая-то дама.

— Кто такая?—спросилъ раненый.

— Она, кажется, француженка. Донна Этельвина...

Фаустино подумалъ, что Констанція перемѣнила фамилію для безопасности.

— Пригласите эту даму,—сказалъ больной.

Въ его комнату вошла граціозная маленькая женщина съ большими черными глазами.

— Однако, вы скоро забываете вашихъ друзей, донъ Фаустино!—заговорила она.

— Простите, но право... началъ онъ.

— Я Манолилья, бывшая камеръ-юнгфера маркизы. Неужели вы меня совершенно забыли? Фаустино вспомнилъ о мимолетной страсти Респектильо къ этой камеристкѣ.

— Да, вспомнилъ,—отвѣтилъ онъ.

— Меня зовутъ теперь Этельвина, такъ какъ Манолилья слишкомъ праздничное имя. Я долго служила у маркизы, затѣмъ вышла замужъ, потомъ овдовѣла; царство небесное моему мужу! На сбереженныя деньги я открыла модный магазинъ, и еслибы вы не были такимъ мечтателемъ, то знали бы, что меня считаютъ одною изъ лучшихъ модистокъ въ Мадридѣ.

— Очень радъ,—но что васъ привело ко мнѣ?

— Я пришла отъ маркизы. Ей нельзя прійти самой, это можетъ ее компрометировать.

Докторъ вздохнулъ.

— Я принесла вамъ письмо отъ нея; можете ли вы прочитать его, не утруждая себя?

— Да,—отвѣтилъ Фаустино.

Манолилья передала письмо. Онъ прочиталъ слѣдующее:

„Фаустино! Мнѣ извѣстно твое благородство. Какъ я благодарна тебѣ! Ты спасъ мою честь и сохранилъ мнѣ уваженіе отца моихъ дѣтей. Я любила тебя, а теперь люблю въ тысячу разъ болѣе. Хотя мой мужъ увѣрялъ меня, что тебѣ не угрожаетъ никакая опасность, но, чтобы имѣть о твоемъ здоровьѣ вѣриыя свѣдѣнія, посылаю къ тебѣ Манолилью. Я должна остерегаться и потому не могу сама прійти. Не изъ эгоизма я поступаю такъ, а изъ благодарности къ маркизу, которому я много обязана; онъ такъ добръ, такъ счастливъ тѣмъ, что вѣритъ въ мою любовь, и я не хочу отнимать отъ него этой вѣры. Мы должны скрывать нашу любовь и поступать такъ, чтобы намъ не пришлось краснѣть за наше чувство. Дай богъ, чтобы мои строки успокоили тебя и пролили бальзамъ на твои раны; желаю тебѣ скораго выздоровленія. Любящая тебя Констанція.“

Фаустино не понялъ хорошенько цѣли письма. Вѣдь маркизъ

зналъ все и въ доказательство этого пустилъ своему сопернику пулю въ грудь.

Манолилья взяла прочитанное письмо изъ рукъ Фаустино, разорвала его на мелкіе кусочки и бросила; преданная женщина боялась, что въ случаѣ смерти раненаго это письмо можетъ кому нибудь попасть въ руки и компрометировать ея бывшую госпожу. Затѣмъ посланная простилась съ больнымъ и ушла.

Когда врачъ пріѣхалъ навѣстить Фаустино, комната еще была наполнена запахомъ крѣпкихъ духовъ.

— Что за запахъ?—обратился эскулапъ къ хозяйкѣ:—кто здѣсь былъ? Неужели вы хотите уморить его?

Врачъ запретилъ пускать постороннихъ къ больному и освѣдомился: нѣтъ ли у Фаустино въ Мадридѣ близкихъ друзей или родныхъ. Хозяйка сообщила врачу, что у больнаго есть управляющій въ его старомъ замкѣ въ Виллабермеѣ и еще, что онъ часто говорилъ о патерѣ Пиннонѣ, который живетъ также въ его родномъ городѣ. Врачъ послалъ телеграмму Респектильо и патеру, извѣщая ихъ объ опасной болѣзни Фаустино.

Между тѣмъ больному становилось все хуже; онъ потерялъ сознаніе, съ нимъ сдѣлался бредъ; ему поперемѣнно представлялись лица—то Маріи, то Кой, то Констанціи. Но мало по малу бредъ сталъ проходить и больной ясно увидѣлъ у своей постели красивую молодую дѣвушку, похожую на Марію.

— Кто ты такая?—спросилъ взволнованнымъ голосомъ Фаустино.

— Я Ирена,—отвѣчала дѣвушка. Въ это время, въ комнату вошла другая женщина; больной сталъ пристально вглядываться въ нее и воскликнулъ!

— О, моя возлюбленная!—Марія, жена моя!

Обѣ женщины наклонились надъ нимъ, поцѣловали его и умоляли быть какъ можно спокойнѣе!

Для квартирной хозяйки Фаустино наступили хорошіе дни: вмѣсто прежнихъ жильцовъ, у нея поселился богатый землевладѣлецъ, донъ Жуанъ Фернандесъ со своею племянницею, донною Маріею и ея дочерью Иреною. Фернандесъ нажилъ громадное состояніе во время морскихъ путешествій и вернулся милліонеромъ въ Виллабермею. Онъ усыновилъ свою племянницу, донну Марію, и жилъ долго вмѣстѣ съ нею и съ ея дочерью Иреною въ Америкѣ. Потомъ онъ много путешествовалъ съ ними по Италіи, Франціи, Германіи и Англіи. Они находились въ Парижѣ, когда получили телеграмму отъ патера Пиннона, въ которой сообщалось объ опасной болѣзни Фаустино. Они поспѣшили въ Мадридъ и поселились въ одной квартирѣ съ больнымъ.

Марія и Ирена съ радостью сообщили Фернандесу, что Фаустино пришелъ въ себя; онѣ считали это признакомъ скораго выздоровленія.

На слѣдующій день, больному опять стало хуже. Врачъ осмотрѣлъ его и сообщилъ Фернандесу, что положеніе раненаго безнадежно.

Донъ Жуанъ сообщилъ объ этомъ Маріи.

Больной и самъ нисколько не сомнѣвался въ своемъ положеніи; передъ смертью онъ выразилъ желаніе обвѣнчаться съ Маріею и узаконить свою дочь Ирену. Патеръ Пиннонъ благословилъ союзъ Фаустино съ Маріею; всѣ присутствующіе при этой грустной церемоніи плакали, глядя на исхудалое лицо умирающаго новобрачнаго.

Послѣднія слова Фаустино были обращены къ Маріи, тотчасъ по окончаніи вѣнчанія.

— О, возлюбленная жена моя!

И онъ испустилъ духъ. Это была его послѣдняя иллюзія.

До сихъ поръ стоитъ гордый замокъ Мендоза и въ немъ висятъ портреты предковъ. Донъ Жуанъ Фернандесъ купилъ этотъ замокъ, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы онъ перешелъ въ чужія руки. Респектильо женился на Яцинтѣ и остался по прежнему управляющимъ замка. Онъ до сихъ поръ хранитъ докторскую шляпу Фаустино и его парадные костюмы, которые съ большимъ удовольствіемъ показываетъ всѣмъ желающимъ посмотрѣть.

Конецъ.

РАСПЛАТА.

Повѣсть.

I.

Вѣра Ивановна Залевская, красивая и замѣчательно хорошо сохранившаяся женщина, лѣтъ сорока, сидѣла за роялемъ и играла старинную мелодичную пьесу. Ея миловидное, овальное лицо оживилось и голубые, нѣсколько грустные глаза сдѣлались влажными. Увлеченная музыкой, Вѣра Ивановна не слыхала, какъ на порогѣ комнаты появилась молодая дѣвушка съ короткими вьющимися волосами, хорошенькая, съ симпатичнымъ, смѣлымъ выраженіемъ лица,—и вздрогнула отъ неожиданности, когда вошедшая заговорила:

— Ой, мама, какую же ты старину играешь! Охота себѣ нервы разстраивать. Опять захвораешь!

— Какъ ты меня испугала, Лара! въ волненіи произнесла Залевская.—Я не слыхала, какъ ты вошла.

— Еще бы тебѣ слышать, мама! Ты находилась въ какомъ-то трансѣ. Я съ полчаса за тобою наблюдала и удивлялась, признаюсь. Какъ это ты можешь такъ увлекаться?

— А я тебѣ удивляюсь, Лара, и вообще всей молодежи.. Вы стали такъ практичны, разсчетливы и разсудительны, точно старики. По моему, это очень печально. Пройдетъ юность—помянуть нечѣмъ.

— Зато и каяться не въ чемъ, мамочка, спокойно возразила Лара и, отойдя отъ матери, сѣла въ низенькое кресло у камина.

Залевская промолчала. Въ словахъ дочери ей почудился намекъ, и она съ тревогой посмотрѣла вслѣдъ молодой дѣвушкѣ, не рѣшаясь продолжать разговора.

— Мама, ты сегодня никуда не собираешься? черезъ мгновенье спросила Лара, протягивая ноги на рѣшетку камина.

— Нѣтъ, а что?

— Сейчасъ все объясню, только скажи еще: Артемій Николаевичъ пріѣдетъ вечеромъ?

— Да, онъ обѣщалъ..... Непремѣнно будетъ.

— Вотъ это отлично! Мамочка, голубушка, я пойду къ Наташѣ Скворцовой, а когда пріѣдетъ Артемій Николаевичъ, скажи ему, чтобы онъ сію минуту туда отправлялся.... Скажешь?

Живые, бойкіе глаза Лары свѣтились и веселая улыбка блуждала на губахъ. Вѣра Ивановна съ удивленіемъ пожала плечами.

— Я скажу, Лара, если ты хочешь, только не думаю, что Демьяновъ поѣдетъ къ Скворцовымъ.... У него сегодня дѣло въ судѣ, онъ навѣрное утомленъ... Да и наконецъ, что ему за удовольствіе сидѣть со стариками.

— Ужь передай только, мама, увидишь, какъ онъ обрадуется! воскликнула дѣвушка.—Демьяновъ очень, очень любитъ бывать у Скворцовыхъ...

— Мнѣ кажется, ты ошибаешься, дружокъ... Если онъ это и сказалъ когда нибудь—то просто изъ любезности. Положимъ, родители Наташи—добрые и милые старики, но всякій разъ когда мы тамъ бывали—Артемій Николаевичъ сидѣлъ, какъ въ воду опущенный. Недавно я его какъ-то приглашала поѣхать вмѣстѣ такъ онъ даже руками замахалъ.

Лара громко засмѣялась.

— Понятное дѣло, мама! Когда ты тамъ, Артемій Николаевичъ тоже со стариками сидитъ,—ну, ему и скучно. Онъ при тебѣ никогда, никогда такой веселый не бываетъ! Я его вчера спросила у Скворцовыхъ: отчего онъ у насъ пасмурный, вялый, а у нихъ—всѣхъ занимаетъ и является главнымъ лицомъ?—Онъ мнѣ сказалъ, что тебѣ нервы разстраиваетъ всякій шумъ.... И въ самомъ дѣлѣ, ты вѣдь не любишь, когда у насъ собирается молодежь!..

— Я не люблю *вашей* молодежи, которая такъ шумитъ и кричитъ, возразила Вѣра Ивановна.—А ты развѣ вчера..... тоже была у Скворцовыхъ?

— Да, мамочка, была!.. Тебѣ не разсказывалъ Артемій Николаевичъ? Такъ курьезно случилось. Я иду домой съ курсовъ, разсчитываю пообѣдать и засѣсть за работу, вдругъ Демьяновъ нагоняетъ меня на своей лошади. Ты знаешь, мама, у него пролетка на резиновыхъ шинахъ, прелесть... Онъ предлагаетъ: „хотите прокатиться?“ Я, конечно, согласилась, и мы помчались... буквально помчались, мама! Я говорила, что люблю быструю ѣзду и онъ обѣщалъ кучеру десять рублей на водку, чтобы тотъ лихо

прокатилъ, но не опрокинулъ. Всю дорогу мы хохотали. Такъ весело было, чудо!

— Гдѣ же вы обѣдали? дрогнувшимъ голосомъ спросила Вѣра Ивановна и отвернулась, чтобы скрыть смущеніе, овладѣвшее ею.

— Цѣлая исторія, мамочка, продолжала дѣвушка откровеннымъ и простодушнымъ тономъ.—Сначала мы рѣшили было не говорить тебѣ... Артемій Николаевичъ боялся, что ты разсердишься, но я сказала, что смѣшно дѣлать тайну... Мы обѣдали въ ресторанѣ, мама!.. На берегу Невы, гдѣ-то среди лѣса... совсѣмъ поэтическая обстановка. И какой обѣдъ онъ заказалъ, роскошь просто. Намъ подавали всякіе деликатесы, все, что мнѣ давно хотѣлось попробовать. Онъ былъ такой веселый, милый...

— Кто это „онъ“? рѣзко спросила Залевская, ощущая зависть и раздраженіе, выроставшія съ каждымъ мгновеніемъ.

— Я говорила про Артемія Николаевича... Вѣдь я же съ нимъ была,—удивляясь вопросу матери, возразила дѣвушка.

— Знаю, слышу. Но у человѣка есть имя, фамилія... Говорить „онъ“—не принято.

Лара пожала плечами. Теперь она раскаивалась, что нарушила обычай и начала разсказывать такъ искренно. „Демьяновъ былъ правъ“! подумала она. Недавнее оживленіе исчезло и дѣвушка замолчала.

— Ну, что же дальше, Лара? Что же ты ничего не говоришь? нетерпѣливо спросила Залевская.

— Да ничего больше, неохотно отвѣчала дѣвушка.—Послѣ обѣда, поѣхали назадъ въ городъ... но вмѣсто дома очутились у Скворцовыхъ...

Вѣра Ивановна быстрыми шагами ходила по комнатѣ. Въ обширной и хорошо убранной гостинной было темно, и только красноватый отблескъ кокса, горѣвшаго въ каминѣ, освѣщалъ лица обѣихъ женщинъ. Откинувшись на спинку кресла, Лара задумчиво смотрѣла на синія струйки огня, причудливо скользившія по раскаленной массѣ топлива, Залевская съ досадливымъ чувствомъ поглядывала на дочь.

— И ты мнѣ до сихъ поръ ничего не сказала... не сочла нужнымъ? начала Вѣра Ивановна тономъ выговора.

— Объ чемъ, мама?

— Еще спрашиваетъ? О вашей полоумной, дикой, шальной прогулкѣ...

— Я же тебѣ сейчасъ разсказывала...

— Сейчасъ! Ровно черезъ сутки, да и то, благо, къ слову пришлось, а то сговорились... тайкомъ...

Залевская задыхалась отъ тщетнаго усилія овладѣть своимъ волненіемъ. Рѣзкія ноты и обидныя слова вырывались помимо воли и еще болѣе раздражали ее. Лара поднялась съ кресла и съ молчаливымъ вопросомъ взглянула на мать.

— Я никогда не лгу, серьезно произнесла она,—и скрывать что бы то ни было считаю унизительнымъ для себя лично. Я начала тебѣ разсказывать все подробно, какъ было—ты сама помѣшала окончить. Сообщить раньше—я не могла. Вчера ты уже спала, когда я вернулась, а сегодня некогда было: я только что пришла съ курсовъ.

— О, я не сомнѣваюсь, ты всегда права!..

Лара вспыхнула отъ негодованія и глаза ея сверкнули. Но она мгновенно побѣдила себя, вспомнивъ нервность матери, ея слабое здоровье и болѣзненную раздражительность.

— Мамочка, милая, ну чего ты разсердилась! ласково спросила она, обнимая мать.

— Ахъ, оставь меня, пожалуйста! уклоняясь, возразила Залевская.—Я не люблю этого... притворства!..

— Притворства? Позволь, мама; я многое готова перенести отъ больнаго человѣка; но все таки... нельзя же, пользуясь родствомъ, оскорблять...

Вѣра Ивановна опомнилась и, какъ утопающій, схватилась за соломенку.

— Да, притворство, повторила она.—Какъ иначе назову я твой поступокъ... Дѣлать то, что̀ мнѣ не нравится, доставлять огорченіе и въ то же время обнимать!

— Что же я сдѣлала такое, спрашивается?

— Ты не знаешь? Какъ по твоему: прилично выкидывать подобныя вещи, какъ это катанье за городъ вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ? Я тебѣ сотни разъ говорила, что дѣвушка *должна* вести себя прилично; я осуждала твоихъ пріятельницъ, которыя ходятъ въ гости къ студентамъ и ведутъ себя, какъ бурши, и вдругъ моя дочь... Ты не знаешь, что Артемій Николаевичъ имѣетъ массу знакомыхъ и теперь всюду пойдутъ сплетни, толки... Не тебя станутъ осуждать, а меня, мать!.. Скажутъ: мадамъ Залевская вниманія не обращаетъ на дочь. А что̀ я могу сдѣлать, что? Я говорю, прошу—меня не хотятъ слушать...

Вѣра Ивановна заплакала, а Лара, растерянная и недоумѣвающая, стояла посреди комнаты и съ изумленіемъ смотрѣла на мать.

„Она не здорова... у нея нервы разстроены“... вспомнилось дѣвушкѣ, и чувство сожалѣнія побѣдило сознаніе оскорбленнаго достоинства.

— Мамочка... мама... успокойся... начала она ласковымъ тономъ, и хотѣла снова обнять Вѣру Ивановну, но та гнѣвно оттолкнула ее и, не помня себя, громко и злобно крикнула:

— Оставь меня! Слышишь, оставь! Я не хочу съ тобою говорить! Уйди! Господи, неужели я даже этой милости не стою...

Лара молча вышла изъ комнаты.

II.

Часъ спустя, Залевская съ ужасомъ вспомнила происшедшую сцену, стараясь оправдать себя. Но это не удавалось ей.

Какъ нарочно, вспоминались такіе эпизоды, которыхъ стыдилась Вѣра Ивановна и, ломая руки, она повторяла:

„Теперь Лара догадается!.. Навѣрное!.. Если прежде она только подозрѣвала—теперь будетъ убѣждена. Какъ она взглянетъ... *Что* я могу сказать ей“?

Стремленіе найти какое нибудь извиненіе заставило Залевскую обратиться къ прошлому и, сравнивая его съ настоящимъ, она начинала обвинять Демьянова и мысленно твердила, что это онъ виноватъ во всемъ.

„Зачѣмъ онъ ухаживаетъ за дѣвочкой, зачѣмъ кружитъ ей голову?“ лихорадочно думала она, перескакивая съ одного предмета на другой.—„Развѣ не вижу я, не замѣчаю! Лара увлечена имъ... У Скворцовыхъ—говоритъ—веселый, душа общества, а у насъ вялый и молчаливый. *Я* виновата; о, конечно, меня обвинятъ! *Я* мѣшаю всѣмъ, надоѣдаю!.. Изъ-за меня подруги не бываютъ у Лары и она цѣлые дни пропадаетъ изъ дому. Но Артемій?... Каковъ? Увезти дѣвчонку обѣдать въ ресторанъ вдвоемъ, потихоньку... Очень благородно!.. Вѣдь не ревность же говоритъ во мнѣ, нѣтъ, нѣтъ“... старалась убѣдить себя Вѣра Ивановна, хотя сердце ея щемило злобное чувство.—„Я возмущена, какъ мать... Погодите, Артемій Николаевичъ, я съ вами поговорю“!..

Залевская быстро ходила по комнатѣ. Ея лицо горѣло румянцемъ и глаза сверкали. Время отъ времени, она приближалась къ окну и смотрѣла на улицу, нетерпѣливо ожидая пріѣзда Демьянова, слагая въ умѣ тѣ язвительныя фразы, которыми она его встрѣтитъ, и обдумывая тѣ возраженія, которыя ей придется дѣлать въ отвѣтъ на его холодно-спокойныя или насмѣшливыя замѣчанія.

— Попросите сюда барышню, приказала она горничной, вошедшей въ комнату.

— Онѣ къ Скворцовымъ поѣхали. Не велѣли ждать къ чаю.

Горничная ушла. Вѣра Ивановна бросилась на диванъ и нѣсколько мгновеній пролежала молча, подавленная и изнеможенная.

„Такъ и есть, такъ и есть, шептала она.—У нихъ условленное свиданіе... Она нарочно отправилась пораньше, а онъ обѣщалъ пріѣхать, и вотъ... не ѣдетъ... Нѣтъ, не могу я переносить такого положенія. Если онъ хочетъ разорвать нашу связь, то пусть... пусть! Мнѣ все равно!... Я даже рада... Но смѣяться надъ собою я не позволю...

Слезы безсильнаго отчаянія катились по лицу Залевской. Она шептала, что хочетъ разрыва, и въ то же время съ ужасомъ думала о возможности его, ощущая приливъ мучительной тоски и страха.

Звонокъ въ передней и знакомые быстрые шаги заставили ее подняться съ дивана и торопливо оправить прическу. Показать Демьянову свое волненіе, слезы — нѣтъ, ни за что! Она будетъ горда; она съумѣетъ пристыдить его...

Высокій мужчина, съ красивымъ лицомъ и холоднымъ, нѣсколько надменнымъ выраженіемъ глазъ, вошелъ развязной походкой, какъ свой человѣкъ и желанный гость въ домѣ. Онъ положилъ шляпу на столъ, бросилъ въ нее перчатки и, потирая руки, спросилъ:

— Одна? Ларисы Алексѣевны нѣтъ?

— Какъ видите, едва пожимая руку Демьянова, отвѣчала Залевская.

— Она, значитъ, у Скворцовыхъ?

— Не знаю... Да, она у Скворцовыхъ и поручила передать, что ожидаетъ васъ тамъ, гдѣ такъ весело и пріятно... Отправляйтесь!... Желаю удовольствія! язвительно произнесла хозяйка дома.

Демьяновъ съ изумленіемъ взглянулъ на Вѣру Ивановну. Онъ только сейчасъ замѣтилъ ея возбужденное состояніе.

— Что съ тобою, Вѣра? тихо спросилъ онъ, оглядываясь на дверь столовой, гдѣ прислуга накрывала чай.—Ты, кажется, опять не здорова?

— Вполнѣ здорова!

— Но ты такъ странно сказала... Ты не довольна чѣмъ нибудь? Тебя кто нибудь огорчилъ, разсердилъ?

— Какая трогательная заботливость!

Артемій Николаевичъ пожалъ плечами. Сцены ревности, которыя ему приходилось переживать постоянно, давно уже надоѣли,

особенно теперь, когда исчезла мало по малу страстная привязанность и остался лишь долгъ, самый тяжелый для порядочнаго человѣка — нравственный долгъ, когда люди, ничѣмъ уже въ сущности не связанные, являются рабами пережитой и выдохшейся любви.

Нѣсколько мгновеній въ гостинной царила полная тишина.

Вѣра Ивановна тяжело и порывисто переводила дыханье, ожидая бурнаго объясненія и готовясь къ нему. Но Демьяновъ спокойно сидѣлъ въ креслѣ, протянувъ ноги, и курилъ папиросу. Его невозмутимость еще болѣе раздражала Залевскую, и она дѣлала надъ собою серьезное усиліе, чтобы не бросить собесѣднику рѣзкаго вызова или укора.

— Такъ до свиданія, Вѣра, я поѣду къ Скворцовымъ, холодно сказалъ Артемій Николаевичъ, вставая и берясь за шляпу.

— Къ Скворцовымъ? упавшимъ голосомъ повторила Залевская.

— Вѣдь ты сама передала мнѣ желаніе Ларисы Алексѣевны. Я знаю, она ждетъ меня... Мы условились...

Демьяновъ неторопливо надѣвалъ и застегивалъ перчатки. Вѣра Ивановна съ изумленіемъ смотрѣла на него.

— Ты спѣшишь къ Скворцовымъ, потому что *она* тебя ждетъ? И у тебя хватаетъ дерзости.. нахальства...

— Я ухожу, Вѣра!..

Демьяновъ направился къ дверямъ. Залевская поняла, что онъ приведетъ въ исполненіе свою угрозу и, мгновенно сообразивъ весь ужасъ послѣдующаго, возможность крупной ссоры, даже разрыва, молящимъ голосомъ, въ которомъ звучали рыданья, позвала:

— Артемій! Вернись!.. Одно слово!

— Зачѣмъ? сурово спросилъ онъ:—чтобы выносить снова нелѣпыя сцены, выслушивать безсмысленные упреки? Не имѣю желанія. Ты, очевидно, больна и я сейчасъ пошлю за докторомъ.

— Нелѣпыя сцены! Ты меня нарочно терзаешь... мучишь, а потомъ издѣваешься надо мною... Я не могу такъ!.. Это не жизнь, а каторга! истерически рыдая, говорила она.

— Прощай!

Демьяновъ взялся за ручку дверей, но Вѣра Ивановна удержала его.

— Останься, я прошу,—задыхаясь, шептала она:—полчаса не больше! Мнѣ нужно поговорить, объясниться... Я не стану плакать, честное слово, не--стану... Останься! Вѣдь я такъ страдаю.

— Кто же виноватъ, что ты сама создаешь себѣ всякія страсти и терзанія, смягченнымъ тономъ возразилъ онъ.—Я оста-

нусь, Вѣра, и не полчаса, а цѣлый вечеръ, если только ты не будешь глупить и дразнить себя небылицами. Вѣдь у меня тоже нервы есть и надо ихъ пощадить... добавилъ Демьяновъ, бросая на диванъ шляпу и перчатки.

Лицо Залевской просіяло. Теперь она съ умиленіемъ и благодарностью смотрѣла на любимаго человѣка и, въ припадкѣ нѣжности, прижимая его руку къ груди, повторяла:

— Вѣдь я тебя такъ люблю, Артемій... Такъ люблю!...

— И потому считаешь себя вправѣ доставлять мнѣ всякія непріятности... Ну, скажи, сдѣлай милость, что̀ случилось?

Разстались мы вчера въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа, и вдругъ сегодня—буря, громъ и молнія...

— Ты не знаешь, *что̀* меня взволновало?

— Рѣшительно не понимаю...

— Съ кѣмъ ты вчера ѣздилъ за городъ, обѣдалъ въ ресторанѣ и былъ такъ веселъ, обаятеленъ?

Демьяновъ громко разсмѣялся.

— А, Лариса тебѣ разсказала! Значитъ, она осталась довольна?

— Въ восторгѣ, но я... я положительно возмущена.

— Чѣ-мъ? добродушно протянулъ Демьяновъ и, взявъ руки Вѣры Ивановны, крѣпко поцѣловалъ ихъ одну за другою. Неужели тутъ можно видѣть что нибудь дурное? Ларисѣ давно хотѣлось побывать за городомъ, пообѣдать въ ресторанѣ, и когда мы случайно встрѣтились на улицѣ, я предложилъ ей прокатиться. Просто и естественно! Лариса не ребенокъ... Она—самостоятельная дѣвушка.

Гнѣвъ и досада Залевской исчезали, хотя на душѣ оставалось какое-то затаенное недовольство и желаніе оправдать свою подозрительность.

— И это все... правда?

— Вѣра, опять! Развѣ я тебѣ лгалъ когда нибудь?

— Знаю, знаю! Но пойми: все такъ складывается, какъ нарочно... Цѣлый часъ Лара трещала, восторгалась тобою, потомъ поручаетъ передать, чтобы ты ѣхалъ къ Скворцовымъ; говоритъ, что тебѣ тамъ особенно весело, когда нѣтъ меня; затѣмъ, ты являешься, и первое слово: гдѣ Лариса Алексѣевна?.. Я ѣду *къ ней... Она* ждетъ... Понятно, мнѣ богъ вѣсть какія мысли пришли въ голову...

— Напримѣръ? закусивъ нижнюю губу, спросилъ Демьяновъ.

— Ты самъ не знаешь? Ахъ, Артемій, я давно хотѣла спросить тебя, поговорить... что̀ у васъ съ Ларой?

Эти слова Залевская вымолвила едва слышно и устремила на Демьянова пытливый взглядъ.

— Странный вопросъ! Что же можетъ быть между нами? хмуря брови, воскликнулъ Артемій Николаевичъ.

— Это не отвѣтъ. У насъ совсѣмъ, совсѣмъ измѣнились отношенія, съ тѣхъ поръ какъ Лара стоитъ между нами,—оживляясь, произнесла Вѣра Ивановна.—Конечно, я понимаю,—прежняго чувства ко мнѣ у тебя нѣтъ и быть не можетъ. Ты исполняешь свой долгъ, ты относишься ко мнѣ съ жалостью. О, я такъ несчастна... Я бросила мужа, разбила семью, разорвала всѣ связи во имя своей любви, и вотъ награда... Одинокая, нищая... Да, нищая... безъ твоей помощи мнѣ придется съ голоду умереть...

— Вѣра, въ чемъ ты меня обвиняешь? За что терзаешь меня? Вѣдь это же невозможно, наконецъ,—хрустнувъ пальцами, произнесъ онъ.—Во все время нашей близости, я никогда и ничѣмъ не оскорблялъ тебя, не доставлялъ *серьезныхъ* огорченій, не лгалъ, какъ тысячи мужей.—За ревнивыя же вспышки, за неосновательныя подозрѣнія—я отвѣчать не въ силахъ. Исполняю долгъ, съ горечью продолжалъ онъ:—да, я принялъ на себя извѣстную обязанность и несу ее.

Залевская, грустно качая головой, слушала Демьянова. Она понимала, что такъ разсуждать можетъ только человѣкъ, давно утратившій любовь къ женщинѣ и остающійся близкимъ лишь въ силу принципа „порядочности“. Она задумчиво слѣдила за рослой и красивой фигурой Демьянова, вспоминая минувшіе дни своего счастья, купленнаго такою дорогою цѣной.

— Я удивляюсь вамъ, женщинамъ, заключилъ Артемій Николаевичъ.—Вы считаете человѣка порядочнымъ, честнымъ, и въ то же время допускаете, что онъ способенъ совершить подлость, гадость... Курьезная логика...

— Въ дѣлѣ любви... Какая тамъ логика!...

Демьяновъ остановился противъ Залевской и горячо, съ убѣжденіемъ, точно стремясь увѣрить себя самого, заговорилъ:

— Подумай, что ты сказала, подумай! Лариса *твоя* дочь, дочь Алексѣя Михайловича, когда-то бывшаго моимъ лучшимъ другомъ... Или ты полагаешь, у меня мало укоровъ на совѣсти за все былое, за то, что твой мужъ умеръ въ сумашедшемъ домѣ,—и ты думаешь, я позволю себѣ ухаживать за Ларисой? Да она сама съ презрѣніемъ...

Демьяновъ принужденно засмѣялся и, отойдя къ камину, опу-

стился въ кресло. Его тонкія губы были сжаты и глубокая морщина сдвинула характерныя брови.

— Чувство не подчиняется разсудку... Ты можешь влюбиться, какъ бы поддразнивая себя саму, замѣтила Залевская.—Я тебѣ не мѣшаю... Будь счастливъ, моя жизнь окончена...

— Умоляю, оставь эти жалкія слова! Я ихъ довольно наслушался... Довольно! Нѣтъ, подобное отношеніе отжило свое время, продолжалъ онъ, овладѣвая собою. — Любовь *должна* повиноваться голосу разсудка, иначе... иначе до абсурда можно дойти!

— Ты прежде высказывалъ иное мнѣніе...

Демьяновъ какъ бы не слыхалъ справедливаго упрека Вѣры Ивановны и, глядя на огонекъ камина, говорилъ, точно разсуждая вслухъ:

— И какая путаница произошла изъ этого, такъ сказать, „свободнаго отношенія", когда люди вдругъ почувствовали, что семья, обязанности, долгъ,—все это консервативныя оковы, которыя нужно сбросить, чтобы приблизиться къ идеалу либеральнаго человѣка, когда пустую размолвку супруги раздували до серьезныхъ размѣровъ; когда бракъ потерялъ всякое значеніе и порядочные, честные люди утверждали, что надо отдавать своихъ дѣтей въ воспитательные дома. Эта вакханалія не могла долго тянуться, но мы теперь несемъ ея послѣдствія. Да, повѣтріе свободной любви породило самое унизительное рабство...

— Ты раскаиваешься въ прошломъ? Сожалѣешь? звенящимъ и напряженнымъ голосомъ спросила Залевская, ревниво охранявшая поэтическое воспоминаніе о своемъ романѣ.

— Конечно, сожалѣю! Да и ты сама, Вѣра... Развѣ теперешняя жизнь тебя удовлетворяетъ? Нѣтъ. Надѣюсь, мы прожили бы лучше и счастливѣй, еслибы все сладилось иначе. Мы могли бы встрѣтиться свободными, жениться, имѣть семью, а не вести это дикое существованіе... Играть роль состарившихся Юліи и Ромео, лгать постоянно и вездѣ...

Мало по малу Залевская и Демьяновъ договорились до соглашенія. Вѣра Ивановна созналась, что ея жизнь кажется ей неполной и тягостной; что каждый возрастъ имѣетъ свои потребности и семейный режимъ представляетъ много симпатичнаго. Теперь они дружно и откровенно высказывали свои сожалѣнія о прошломъ, и,—какъ люди, вмѣстѣ переживавшіе весну и лѣто жизни,—съ грустью бесѣдовали о грядущей осени, одинокой и печальной, съ укорами совѣсти, съ безплодною горечью.

— И все это *онъ*, онъ виноватъ! со вспыхнувшей энергіей,

воскликнула Вѣра Ивановна.—Мужъ хотѣлъ отомстить... наказать насъ... Далъ разводъ, лишивъ права вступить въ бракъ; поручилъ мнѣ Лару—а состояніе отдалъ въ распоряженье опекунамъ, назначивъ мнѣ гроши... А еще ты всегда защищалъ его, Артемій! Нѣтъ, онъ былъ злой, нехорошій человѣкъ!...

— Онъ былъ правъ, тихо напомнилъ Демьяновъ.

— Ахъ, полно, пожалуйста: я говорю не о законѣ! Съ его-то стороны, это была безсмысленная злоба. Волчій паспортъ... вѣчное вдовство... и зачѣмъ? Ему-то что?

— Залевскій боялся за Лару. Не хотѣлъ, чтобы у нея былъ отчимъ...

— И что же, развѣ вышло лучше? Дѣвочка выросла въ чужомъ домѣ, у старой дѣвы, сестры отца, помѣшанной на какихъ-то дикихъ воззрѣніяхъ... Мы съ нею совсѣмъ чужды... мы понимать другъ друга не умѣемъ.

„И слава богу"! хотѣлъ сказать Демьяновъ, мысленно сравнивая характеры дочери и матери, но во время удержался.

— Я прежде, ты знаешь, не любила Лару, впадая въ откровенность, продолжала Залевская. Она—счастливица. Ей и состояніе, и фамилія, и дворянство, все, а нашему бѣдному Колѣ—ничего... Хорошо, что онъ умеръ, бѣдняжка... Жить безправнымъ изъ-за дикаго каприза—ужасно... Теперь я люблю Лару,—да, люблю, повторила она,—но я просто не умѣю съ нею ладить. Кромѣ того, ради нея намъ постоянно приходится стѣсняться и это меня злитъ, раздражаетъ... Днемъ ты занятъ въ судѣ, съ кліентами, пріѣдешь вечеромъ и поговорить по душѣ нельзя: или гости, или Лариса...

— Что же съ этимъ дѣлать! Я предлагалъ тебѣ послѣ смерти мужа жить вмѣстѣ, открыто—ты не рискнула... Побоялась злыхъ языковъ...

— Не правда! Я не могла согласиться! Ларѣ было уже десять лѣтъ и почтенная тетушка представила бы ей этотъ фактъ въ такомъ ужасномъ видѣ... И какой ты странный! Прежде ты одобрялъ мой поступокъ.

— И теперь я не порицаю, а только...

— Что только?

— Если ты отказалась тогда, отъ совмѣстной жизни ради дочери то теперь ты обязательно должна быть осторожна...

Ты не хочешь, надѣюсь, чтобы Лариса догадалась о нашемъ прошломъ?

— Ни за что на свѣтѣ!

— Въ томъ то и дѣло, а между тѣмъ ты ведешь себя такъ неблагоразумно, что вся исторія можетъ обнаружиться... Мнѣ все равно,—поспѣшилъ онъ добавить на подозрительный взоръ Залевской:—я напоминаю въ твоихъ интересахъ.

— Что же я такое дѣлаю? обидчиво спросила Вѣра Ивановна.

— Массу неосторожностей, массу! То ты мнѣ руку жмешь подъ столомъ, то влюбленными глазами смотришь, но что̀ всего безтактнѣе—это твои ревнивыя выходки...

Артемій Николаевичъ ожидалъ вспышки раздраженія и ошибся.

Залевская печально взглянула на него, и кротко, какъ человѣкъ, сознающій свою вину, заговорила:

— Ахъ, еслибы кто могъ понять мое положеніе!.. Вѣдь я сама себѣ дѣлаюсь гадка и противна! Ты избаловалъ меня своею любовью, нѣжностью, и прежде, играя въ обществѣ извѣстную роль, мы отдыхали наединѣ. Теперь между нами третье лицо—постоянно, всегда!.. Вы разговариваете, спорите, смѣетесь, а у меня, каюсь, разгорается злоба и досада... Что же мнѣ дѣлать, если я вижу въ Ларѣ не дочь, а соперницу... Помоги мнѣ, Артемій! Научи, что̀ дѣлать...

Демьяновъ былъ подавленъ этимъ признаніемъ.

— Я вспоминаю *свою* мать, свою тетку, другихъ женщинъ прежняго времени и ужасаюсь... *Я не умѣю быть матерью*! Ахъ, Артемій, еслибы ты зналъ, какая это мука!.. Я неспособна обращаться съ Ларой ровно и мягко: я придираюсь къ ней, говорю рѣзкости, а потомъ, сознавая, что обидѣла ее, пользуясь старшинствомъ, начинаю заискивать, даже льстить, стараюсь угодить дорогимъ подаркомъ или позволяю Ларѣ что нибудь такое, что̀ всегда запрещала... Понятно, Лара не можетъ уважать меня, да и я сама себя не уважаю...

— Общее горе! вымолвилъ Демьяновъ, щуря глаза.—Въ шестидесятыхъ годахъ мы съ какимъ-то злорадствомъ топтали въ грязь семейныя традиціи, осмѣивали ихъ, и теперь, естественно, пожинаемъ плоды...

Залевская продолжала бичевать себя, находя какое-то жгучее наслажденіе въ тѣхъ короткихъ и простыхъ фразахъ, которыми Демьяновъ старался успокоить ее, подбодрить, напомнить, что сознаніе—шагъ къ исправленію. Она перебирала мелочные факты будничной жизни и горячо винила себя, хотя подкладкою этихъ обвиненій являлся упрекъ тому, кто довелъ ее до такого положенія. Даже въ рѣдкія минуты раскаянья Вѣра Ивановна не могла не осуждать другихъ, и эта нотка прорывалась все громче и яснѣе.

Артемій Николаевичъ серьезно внималъ ея горькимъ жалобамъ

и душевно сожалѣлъ ее. Пустенькая, нервная и легкомысленная бабенка—гдѣ ей было справиться съ жизнью въ тотъ переходный періодъ, когда падали натуры и покрупнѣе, увлеченныя новымъ движеніемъ! Да, она такая же жертва семейной неурядицы, какъ и всѣ мы, думалъ онъ.—Расшатали зданіе, разрушили, а оно, падая, безпощадно давило своихъ враговъ...

— Да, да, семья великое дѣло, замѣтилъ Демьяновъ, когда его собесѣдница нѣсколько успокоилась.—Теперь, когда приближается старость—это особенно чувствуется... Въ обществѣ нужны бойцы, дѣятели; тамъ—гоньба за рублемъ, вражда, клевета; а тутъ хочется *своего* угла, тихой привязанности, милаго лепета дѣтей... Среди этихъ естественныхъ друзей можно дѣйствительно набраться силъ... Но для насъ съ тобою, Вѣра, это счастье заказано. Мы оборвали всѣ цвѣты и плодовъ ждать не смѣемъ...

— Ты можешь... У тебя еще все впереди...

— Это какимъ образомъ? грустно усмѣхаясь, проговорилъ онъ.

— Полюбить кого нибудь... Жениться... глухо вымолвила Вѣра, впервые высказывая то опасеніе, которое томило ее въ послѣднее время.

— Никогда! Тѣ упреки, что̀ отравили мою молодость, я ихъ еще не забылъ. Смерть Алексѣя Михайловича одинокимъ и забытымъ, раннее сиротство Лары, твое безправное положеніе, наконецъ, нашъ ребенокъ Коля... подобныя испытанія не вычеркиваются изъ памяти... А теперешняя неурядица, твой разладъ съ дочерью,—развѣ это все не моя вина? Ты думаешь, можно похерить эти пятнадцать лѣтъ жизни, и, бросивъ женщину, отдавшую мнѣ молодость, красоту, даже семью,—завести новое гнѣздышко? Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ... подобныя связи, какъ зародышъ смертельной болѣзни, нельзя уничтожить; для честныхъ людей—онѣ крѣпче брачныхъ узъ.

Залевская прильнула къ груди Демьянова и онъ спокойно, какъ отецъ или братъ, гладилъ ея волосы, ея разгорѣвшуюся щеку. Вѣра Ивановна совершенно оживилась и просіяла. Ея страхи разсѣялись и пробудилось желаніе показать великодушіе.

— Что же ты къ Скворцовымъ, Артемій? Поѣзжай, милый...

— Ты серьезно хочешь, чтобы я поѣхалъ, или это опять капризъ...

Залевская зажала ему ротъ рукой.

— Перестань! молчи! Я... я излѣчилась, Артемій... Прости, милый, мою дикую выходку... И... и не бросай меня, золотой мой, ненаглядный!

Черезъ нѣсколько минутъ, они разстались и Демьяновъ поѣхалъ къ Скворцовымъ.

— Онъ еще любитъ меня... любитъ! шептала Вѣра, оставшись одна.

III.

Въ квартирѣ Скворцовыхъ царствовало самое непринужденное веселье. Старики, родители Наташи, сидѣли въ задней комнатѣ и играли въ ералашъ съ двумя болванами, а молодежь—два студента, Лара Залевская и Наташа, бойкая и живая, но некрасивая дѣвушка—помѣстились въ столовой за чайнымъ столомъ и громко разговаривали и смѣялись.

Молодой человѣкъ, съ рыжеватой бородой, худощавый и юркій, очень забавно передавалъ сцену, происшедшую на экзаменѣ. Всѣ слушали довольно внимательно и, когда онъ окончилъ, громко засмѣялись, потому что юноша добавилъ хвастливымъ тономъ:

— Да, эта исторія мнѣ чуть было не обошлась дорого; хотѣли выслать...

— Зачѣмъ вы лжете, Вальковъ? рѣзко замѣтила Наташа.— Этотъ случай я слышу ровно десять разъ, отъ разныхъ лицъ, и всегда одно и то же: разсказчикъ, онъ же герой, онъ же и жертва, счастливо избавляется отъ опасности. Кто повѣритъ, что за такіе пустяки станутъ преслѣдовать!

— Помилуйте, я доказалъ профессору, что онъ аза въ глаза не знаетъ. Вѣдь это кретинъ какой-то... Онъ сейчасъ, понятно, къ ректору... И...

— Охота вамъ говорить съ нимъ, шепнулъ Наташѣ, подходя за стаканомъ чаю, другой гость, студентъ-технологъ Космовскій,—юноша съ красивымъ, симпатичнымъ лицомъ, въ вышитой русской рубашкѣ:—вѣдь у него горделивое помѣшательство начинается. Вчера онъ насъ всѣхъ въ лоскъ уложилъ, разсказывая, что на послѣднемъ диспутѣ въ университетѣ ему удалось провалить докторанта по математикѣ. Потѣха! Хотите, я его заведу...

— Ну его! И такъ надоѣлъ... Скажите лучше: придетъ Кирьяновъ?

— Обязательно, отвѣчалъ Космовскій.

— Вотъ онъ меня интересуетъ...

— Да, это человѣкъ...

Молодые люди бесѣдовали вполголоса, и Вальковъ, пользуясь молчаніемъ Лары, невыносимо надоѣдалъ ей, восхваляя свою та-

лантливость и разсказывая, что его во всѣ журналы приглашали сотрудничать, но онъ отказывается.

— Почему же? удивилась Залевская. Это такая симпатичная дѣятельность...

— Я не сочувствую вполнѣ ни одному изъ нашихъ журналовъ, горделиво потрясая гривой длинныхъ волосъ, заявилъ Вальковъ. На компромиссы *я* не способенъ... Доставлять выгоды и поднимать въ глазахъ общества журналъ, который *я* считаю вреднымъ—не честно. Нѣтъ, пусть онъ гибнетъ... *Я* не дамъ своего труда, мой послѣдователь тоже, и силою протеста мы его уничтожимъ...

Въ передней раздался звонокъ. Всѣ стихли, прислушиваясь и стараясь угадать, кто пришелъ.

— Вѣрно Артемій Николаевичъ! Вѣдь онъ хотѣлъ быть, Лара? спросила Наташа.

— Да... нѣтъ... не знаю! смутившись, отвѣчала дѣвушка и отошла отъ стола, въ темный уголъ комнаты.

— Пожалуй, Кирьяновъ! Нѣтъ, онъ говорилъ, что попозже придетъ, когда мастерскую закроетъ, замѣтилъ Космовскій.

— Можетъ, Раичка? Она собиралась... воскликнулъ Вальковъ.

Дѣйствительно въ комнату вошла Раичка Устинова, недурненькая высокая дѣвушка, съ коротко остриженными волосами, въ красной кумачной косовороткѣ, перетянутой у пояса широкимъ кожанымъ кушакомъ, съ папиросой въ зубахъ и съ вычурно рѣзкими манерами, которыя она видимо подчеркивала, какъ бы говоря: „смотрите, какъ я опрòстилась“.

— Здравствуй, Наташа... А, и ты здѣсь, Космачъ... Фу, Валекъ собственной персоной! Зачѣмъ ты позвала этого дурака, Наташа? Очень нужно! Претитъ мнѣ его глупая морда. А вы тоже изволили пожаловать, Лариса Алексѣевна! Чудеса!... Наше безпутное сборище посмотрѣть пожелали?.. Что же, поучайтесь, дай богъ на здоровье!.. А „самого“ нѣтъ еще?

— Раичка, хочешь чаю? Садись! приглашала Наташа, спасая Залевскую отъ своей бурной гостьи.

— Погоди,—ну тебя съ чаемъ! Не охотница... Что же ты, Космачъ, не здороваешься, вѣдь мы съ тобою брудершафтъ пили, должны лобызаться.

Космовскій, краснѣя, поцѣловался съ Раичкой. Вальковъ звучно захохоталъ, но Наташа и Лара не поддержали его: имъ обѣимъ стало неловко за выходку Устиновой, но та, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала громко разсуждать и размахивать руками.

— Тебѣ, Валекъ, этого самаго деликатеса ни—ни... Хоть мы съ тобою тоже брудершафтъ пили, но впредь до исправленія не дерзай... Ты что надѣлалъ у Бѣльскихъ, а? Я, говоритъ, въ городъ долженъ по дѣламъ ѣхать на два дня... Тебя, какъ добраго человѣка, отпустили, а ты, словно воришка—взялъ да и сбѣжалъ... Изъ-за тебя мальчуганъ провалился на экзаменѣ... годъ потерялъ... Знаешь ли, Валекъ, такъ поступаютъ одни негодяи.

— Ха, ха, ха, Раичка—въ роли проповѣдницы! Это забавно! стараясь повернуть дѣло въ шутку, грохоталъ Вальковъ, но его опять не поддержали и теперь уже симпатично смотрѣли на Устинову, грозно сверкавшую глазами и ерошившую свои волосы.

— Перестань! Сейчасъ же отвѣчай: какъ смѣлъ такъ сдѣлать? Говори: сколько денегъ получилъ?

— Я... я... никому не позволю вмѣшиваться въ мои дѣла! заносчиво началъ Вальковъ.

— Нѣтъ, вы должны, вступился Космовскій.

— Ясное дѣло, долженъ, подтвердила Наташа.

Вальковъ взглянулъ на Лару, разсчитывая встрѣтить сочувствіе, но та промолчала и молодой человѣкъ, желая сохранить достоинство, произнесъ развязно:

— Удивляюсь, Раичка, вамъ какая забота? Бабье любопытство... Ну, если такъ хочется знать—скажу... сорокъ рублей взялъ.

— Сорокъ рублей! повторила Устинова,—а эти Бѣльскіе—голыши просто... Мать акушерка и четверо дѣтей на рукахъ. У старшаго сына передержка, и этотъ вотъ самый плюгай мелкимъ бѣсомъ разсыпался. За 40 рублей обѣщалъ на ноги поставить мальчика, а самъ сбѣжалъ съ урока... Я нарочно, братцы, сюда пришла, рѣшайте, что̀ съ нимъ сдѣлать. Такъ я этого дѣла не брошу...

— Устинова, вы забываетесь... Хотя вы женщина...

Всѣ присутствующіе молчали. Ни у кого не хватало духа сказать то слово, что̀ просилось на языкъ. Раичку всѣ знали за правдиваго человѣка, а Валькова—за шалопая, но противъ товарища рука не поднималась.

— Не хотите говорить, ну и чортъ съ вами! послѣ недолгаго колебанія, произнесла Раичка.—Я вотъ что надумала: Бѣльской отдать деньги въ складчину,—а его, Валькова, торжественно изгнать вонъ отсюда... Кто согласенъ, вставай...

Мгновенно, какъ одинъ человѣкъ, всѣ встали. Вальковъ растерянно оглядѣлся и, отыскавъ глазами шляпу, направился къ

ней. Его руки тряслись и по лицу катились капли холоднаго пота. Онъ чувствовалъ себя неловко, но старался сохранить достоинство и, какъ бы уступая грубой силѣ, произнесъ:

— Я ухожу самъ... Оставаться здѣсь послѣ того, что̀ позволяетъ себѣ эта особа—я не намѣренъ... Но, господа, добавилъ Вальковъ, обращаясь къ Ларѣ и Наташѣ—я сохраняю за собою право представить вамъ объясненія. Мало ли какія причины могли меня *заставить* поступить такъ. Мы еще посмотримъ, чья правда окажется.... бросилъ онъ, кивая головой въ сторону Раички.

Когда шаги юноши затихли, Наташа замѣтила:

— Ужь ты его слишкомъ строго, Раичка... Можетъ быть, у него и въ самомъ дѣлѣ существуютъ оправданія...

— Ври больше! Если я сказала — значитъ вѣрно.... Небось поджалъ хвостъ... испугался... Я еще про него и другіе фокусы узнала, да вотъ доказательства соберу—и на судъ товарищей. Пускай выгонятъ негодяя... Ну, давай теперь чаю...

— Извините, вмѣшалась Лара,—но мнѣ кажется: изгонять такихъ людей, какъ Вальковъ, изъ среды товарищей и лишать ихъ образованія — значитъ губить окончательно, безповоротно... Его еще можно исправить, мнѣ кажется... Увлеченіе...

— Ну, барышня? Будто? Вы такъ полагаете? насмѣшливо щуря глаза, воскликнула Раичка.—Попробуйте... Займитесь!

Лара вспыхнула. Высокомѣрное обращеніе Устиновой, считавшей себя умнѣе всѣхъ—всегда возмущало ее.

— Я вовсе не намѣревалась брать на себя такого серьезнаго дѣла, но если вы обращаетесь къ суду товарищей Валькова, чтобы тѣ наказали его, то мнѣ кажется, отчего бы не попробовать сначала исправить его, повліять добрымъ словомъ... примѣромъ...

Поднялся споръ. Наташа поддерживала Лару, а Космовскій стоялъ на сторонѣ Раички, говоря, что безнравственность въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ.

Молодежь горячилась и перебивала другъ друга. Среди этого шума никто не замѣтилъ, какъ вошелъ Кирьяновъ, а вслѣдъ за нимъ Артемій Николаевичъ и еще юноша, Петровскій, въ новенькомъ студенческомъ мундирѣ.

Молодая хозяйка перезнакомила гостей и принялась наливать чай, а Раичка, обращаясь исключительно къ Петровскому, но желая привлечь вниманіе пришедшихъ, начала громко и хвастливо разсказывать свой подвигъ.

— Встрѣтили Валька? Это я его отсюда выгнала!..

— А что онъ сдѣлалъ? спросилъ Петровскій.

Раичка объяснила въ рѣзкихъ выраженіяхъ, не щадя отсутст-

вующаго и нѣсколько раздувая его поступокъ. Космовскій, Лара и Наташа дружно вступились. Имъ всѣмъ одинаково не нравилась ненужная болтливость Устиновой, тѣмъ болѣе, что Кирьяновъ пришелъ въ первый разъ и съ какимъ-то изумленіемъ вслушивался во всѣ разговоры.

Сидя за стаканомъ чая, Кирьяновъ пытливо и послѣдовательно всматривался въ лица окружающихъ. Космовскаго онъ встрѣчалъ и раньше; Петровскій—не представлялъ ничего интереснаго, а Раичка, съ ея вызывающими манерами и желаніемъ, во что бы то ни стало, обратить на себя вниманіе представляла слишкомъ шаблонную фигуру. Демьяновъ видимо заинтересовалъ Кирьянова и онъ охотно прислушивался къ его словамъ, а также съ любопытствомъ поглядывалъ на Лару и Наташу, стараясь опредѣлить, къ какому типу принадлежатъ обѣ дѣвушки.

Взоры Залевской и Кирьянова нѣсколько разъ встрѣчались; Лару тоже интересовалъ новый посѣтитель, о которомъ она много слыхала,—но она чувствовала себя нѣсколько разочарованной. Наружность Кирьянова представлялась самой обыкновенной, и только глаза его, сѣрые и большіе, блестѣвшіе энергіей—привлекали вниманіе.

— Я не сочувствую вашему подвигу, Устинова, вмѣшался Кирьяновъ.—Скажите, какой толкъ—опозорить человѣка?

— А по вашему нужно оставить негодяя безнаказаннымъ? Какая же польза, спрашивается, быть честнымъ, если всѣмъ одна цѣна, что подлецу, что герою...

— Ограбилъ бѣдную женщину!

— Студентомъ стыдно называться! раздавались голоса...

Демьяновъ вмѣшался въ разговоръ. Сидя возлѣ Лары, онъ началъ доказывать, что во времена его студенческаго бытья, судъ товарищей имѣлъ большое значеніе. Дѣвушка заинтересовалась и Артемій Николаевичъ разсказалъ случай съ Ребровымъ, привлекшій общее вниманіе.

Хвастунъ-студентъ коснулся чести дѣвушки и товарищи дружно вступились. Назначили сходку, судъ, и когда Ребровъ нахально подтвердилъ сказанное, ему предложили дилемму: считать себя негодяемъ или подлецомъ.

— Но за что же, помилуйте? искренно удивляясь, спросилъ Петровскій. Можетъ быть, онъ былъ правъ... Это дѣйствительно случилось...

Демьяновъ и Кирьяновъ молча переглянулись.

— Ему сказали,—продолжалъ Артемій Николаевичъ, обращаясь исключительно къ Ларѣ, но отчетливо, почти наставительно объ-

ясняя фактъ—что хвастаться такими вещами можетъ только негодяй, если даже это правда; но если онъ солгалъ, то это подло...

— Ну, и что же? Чѣмъ окончилось дѣло? спросилъ Космовскій.

— Интересно, какъ вы поступили! съ насмѣшкой спросила Раичка. Вѣдь студенты вашего времени были удивительные люди!.. Идеалы... Соль земли! Теперь все дрянцо, а тогда, что̀ ни студентъ—герой! иронизировала Устинова.

— Мы постановили—не разговаривать съ Ребровымъ въ теченіе четырехъ лѣтъ...

— Выдержали?

— Обязательно. Положеніе Реброва было очень некрасивое и являлось извѣстнымъ примѣромъ...

— Извините, изящно щелкая каблуками, возразилъ Петровскій, выходя на средину комнаты и слегка рисуясь—я не вижу здѣсь никакого смысла,—практическаго, пояснилъ онъ. Вѣдь Ребровъ навѣрное окончилъ курсъ, получилъ мѣсто и преспокойно благодушествуетъ... Очень ему нужно—говорятъ съ нимъ или нѣтъ... У насъ теперь совсѣмъ даже не принято общаться съ товарищами... Каждый имѣетъ свой кругъ знакомыхъ, который для него важенъ, и сходиться, не зная людей...

Раичка сцѣпилась съ Петровскимъ и безпощадно отщелкивала его, а Кирьяновъ, Лара и другіе продолжали разговоръ.

— Вы не знаете, что̀ сталось съ Ребровымъ впослѣдствіи? спрашивала Лара.—Интересно бы прослѣдить жизнь такого человѣка.

— Знаю. Эта печальная исторія имѣетъ даже эпилогъ, пояснилъ Демьяновъ.—По окончаніи курса, онъ сталъ проситься въ помощники присяжнаго повѣреннаго, но комисія не приняла его, руководствуясь взглядомъ: разъ сдѣлалъ подлость—сдѣлаешь и еще, такъ какъ университетская исторія широко разнеслась и за Ребровымъ оказались еще кое-какія художества посущественнѣе... Затѣмъ, многообѣщающій юноша исчезъ изъ Петербурга, но года два тому назадъ, проѣздомъ черезъ В—ю губернію, я узналъ, что Ребровъ живетъ въ В. и сдѣлался такимъ мазурикомъ, такимъ аспидомъ, что вокругъ него стонъ стоитъ. Онъ обираетъ крестьянъ на строго законномъ основаніи и богатѣетъ...

— Вотъ видите, замѣтилъ Кирьяновъ, — развѣ вы достигли цѣли? Исправить человѣка вамъ не удалось; а кто знаетъ: можетъ быть, жестокій, хотя и вполнѣ справедливый судъ товарищей толкнулъ его на этотъ путь, озлобилъ... Вѣдь Ребровъ былъ еще молодъ... Его можно было исправить добрымъ словомъ... совѣтомъ...

— Вотъ и я то же говорила! вставила Лара.

Завязался горячій споръ. Демьяновъ доказывалъ, что пріемъ Кирьянова возможенъ только въ теоріи, а на практикѣ никто не захочетъ и слушать наставленій, тогда какъ приговоръ товарищей имѣетъ воспитательное значеніе.

— Развиваетъ страхъ и скрытность—не болѣе! Что важнѣе по вашему: опозорить человѣка и доказать его нравственное паденіе, или подойти къ упавшему и поднять его, исправить?—Мнѣ кажется—послѣднее, а если такъ, то выводъ ясенъ... Всѣ эти суды, горячія, обличительныя фразы—все это порывы кипучей молодой силы, стремящейся показать себя. Благородная рисовка! Воплощеніе идеала—вотъ наша задача. Мы должны *себя* исправить и тогда, повѣрьте, *все* вокругъ насъ сдѣлается лучше... Показывать свою чистоту на счетъ другихъ—не симпатично. Я бы посмотрѣлъ на этихъ судей, когда они сойдутъ съ каѳедры... Вся разница въ томъ, что одинъ попался, а другой нѣтъ.

— Вы забыли, г. Кирьяновъ: я вамъ говорилъ, что за Ребровымъ оказались другіе проступки... болѣе важные...

— Тогда слѣдовало *заставить* его уйти изъ университета.— Я противъ полумѣръ... Или серьезное воздѣйствіе, или помощь.

Наташа подозвала зачѣмъ-то Демьянова, а Лара осталась рядомъ съ Кирьяновымъ въ уголкѣ комнаты. Они бесѣдовали, какъ старые знакомые, хотя видѣлись впервые, и дѣвушка чувствовала себя удивительно легко. Между ними быстро установилось взаимное пониманіе и то состояніе, когда люди, симпатизируя другъ другу, спѣшатъ выяснить свои убѣжденія и взгляды, какъ бы провѣряя ихъ.

— Наша-то барышня—бѣлоручка приспособила себѣ добраго молодца, работничка! насмѣшливо воскликнула Раичка. — Надо быть, крайности всегда сходятся...

— Вы хотите сдѣлаться сельской учительницей, говорилъ Кирьяновъ,—это доброе, симпатичное дѣло, но, Лариса Алексѣевна, провѣрили ли вы свои силы? Дѣйствительно ли вы любите это занятіе?

— Я не ребенокъ, Матвѣй Петровичъ!

— Вижу и вѣрю. Вы переживаете такой возрастъ, когда сила рвется наружу, когда хочется труда, дѣла, которое поглотило бы. Но вспомните, сколько изъ вашихъ сверстницъ возвратилось оттуда, обозленныя неудачей, разочарованныя, потерявшія почву...

— Что же изъ этого? Не умѣли взяться... Мы слишкомъ многимъ обязаны народу и нашъ долгъ принести жертву...

— Полноте, Лариса Алексѣевна, не говорите этого! Развѣ

лишь *тамъ* нужна жертва? Слава богу, пилигримство въ деревню, на поклоненіе мужику, начинаетъ мало по малу исчезать. Одно время, это было какимъ-то повѣтріемъ. Не идешь въ народъ — значитъ подлецъ! Идешь—герой.

— Но вѣдь народное образованіе, развитіе... начала Лара...

— Я его страстно желаю, горячо перебилъ Кирьяновъ, но нѣсколько иначе смотрю на вещи. Пусть сельскимъ учителемъ является человѣкъ простой, горячо любящій свое дѣло, но привычный къ нуждѣ и лишеніямъ. Онъ выдетъ побѣдителемъ тамъ, гдѣ вы, дѣвушка избалованная жизнью, станете медленно и, главное, безполезно погибать. Дѣвушка съ высшимъ образованіемъ, съ развитымъ вкусомъ, съ широкими запросами поселяется въ курной избѣ и очень часто не выдерживаетъ тягостной обстановки. Оно и вполнѣ естественно. Патти или Рубинштейнъ не сдѣлаются народными учителями; они нужны на иномъ поприщѣ... Рядовыхъ прогресса у насъ больше, чѣмъ коноводовъ...

— Откровенно говоря, согласилась дѣвушка, тряхнувъ кудрявой головкой:—меня не особенно-то прельщаетъ деревня. Я и не знаю ея, никогда не бывала и даже боюсь, справлюсь ли, но жить въ Петербургѣ, ничего не дѣлая—считаю не честнымъ...

— Вы боитесь обратиться въ Раичку, въ эту живую прокламацію, которая блуждаетъ изъ кружка въ кружокъ, всюду фразируя, ничего абсолютно не дѣлая и вѣчно чѣмъ нибудь возмущаясь. Она хорошая, добрая и честная дѣвушка, но... ее заѣла фраза, рисовка, подъ видомъ простоты, желаніе прослыть героиней, вершительницей. Полноте, Лариса Алексѣевна, у васъ иной типъ. Ваше положеніе прекрасно, добавилъ Кирьяновъ черезъ мгновеніе:—у васъ, я слышалъ, хорошія средства, вы свободны, образованы и можете энергично отдаться дѣлу. А сколько его подъ руками, полезнаго, симпатичнаго... Была бы охота!

— Дѣло? Да гдѣ же оно? Нѣтъ, вы ошибаетесь, Матвѣй Петровичъ, наше положеніе тѣмъ и ужасно, что интеллигентной женщинѣ *нечего дѣлать*.... Вы улыбаетесь? Да, да! Мы получаемъ образованіе, но намъ даже не довѣряютъ преподаванія въ младшихъ классахъ гимназій, не даютъ мѣста даже классныхъ дамъ! говорила Лариса, повторяя жалобы своихъ подругъ.

— Вы серьезно объ этомъ разсуждаете или — простите!— повторяете жалобы близорукихъ людей? Нѣтъ дѣла! Да вы не хотите его видѣть, потому что оно скромно и просто.... Если вы ставите вопросъ принципіально и желаете широкаго доступа для интеллигентной женщины въ сферу общественной жизни—я съ вами согласенъ. Да, я тоже горячо желаю, чтобы дѣвочку и лѣ-

чила, и воспитывала, и учила женщина; но когда мнѣ повторяютъ банальную фразу: „нечего дѣлать, не допускаютъ“ и т. д.—досадно дѣлается.... Толцыте и отверзится....

— Протестъ? Наши и то хотятъ подать адресъ.

— О, только не фразы, только не безполезная шумиха, которая все и всегда губила! Зачѣмъ? Лучшая проповѣдь — само дѣло.—И Кирьяновъ просто, безъ всякой рисовки набросалъ общую картину современнаго положенія. Онъ говорилъ, что раздавшійся кличъ—„въ народъ“—сгубилъ массу молодежи. Одни возвратились со скрученными руками, другіе вовсе не возвратились... Недовольство росло; исчезала вѣра въ возможность народнаго развитія, и идеальный „мужичокъ“, возбуждавшій пылкія надежды, потерялъ свое очарованіе, когда съ нимъ сошлись лицомъ къ лицу.... Приносить пользу и поучать, когда человѣкъ относится подозрительно—мудрено, а между народомъ и интеллигенціей давно разверзлась пропасть взаимнаго непониманія.

— Если въ васъ жива *идея*, продолжалъ Матвѣй Петровичъ, наклоняясь къ дѣвушкѣ и не желая привлекать общаго вниманія къ своей бесѣдѣ,—если вы вѣрите въ нее и хотите служить ей, то весь вопросъ въ томъ: какъ проводить въ жизнь свои убѣжденія?... Вы считаете себя въ долгу передъ народомъ, но позвольте: развѣ народъ только тамъ, въ глухой деревнѣ, за сохою? Почему цѣлый классъ людей, бьющихся и погибающихъ на вашихъ глазахъ, не стоитъ вниманія, помощи, поддержки? Я говорю о ремесленникахъ, о мастеровыхъ, о тѣхъ дѣтяхъ народа, которыхъ ежегодно сотнями отрываютъ отъ родныхъ полей и везутъ въ центры, отдавая къ хозяину на выучку. Замѣтьте, большіе города привлекаютъ обычно цвѣтъ населенія, его лучшія и способныя единицы. Таковъ законъ тяготѣнія. И вотъ эти лучшія силы обречены на гибель. Кто не знаетъ, что творится въ мастерскихъ,—этихъ клоакахъ всяческой заразы?! Несчастный ребенокъ впитываетъ въ себя всѣ столичные міазмы, спивается, развращается и, что всего ужаснѣе, возмужавъ въ этой сферѣ, онъ является въ родную деревню своего рода новаторомъ, вноситъ заразу и порчу нравовъ. Ему нашъ мужичокъ *повѣритъ*. Это—свой, по духу и крови. Такимъ путемъ, изъ года въ годъ, по селамъ и деревнямъ идетъ, широко распространяясь, торжество порока. Мы хлопочемъ научить грамотѣ деревенскаго мальчугана, забывая, что отсутствіе книгъ, тяжкая работа и нужда—сильные враги просвѣщенія; но мы не шелохнемся, зная, что здѣсь, въ столицѣ, возлѣ насъ, въ каждомъ громадномъ домѣ, на чердакахъ и въ подвалахъ — живутъ и страдаютъ тысячи дѣтей, оторван-

ныхъ отъ семьи, забитыхъ и жалкихъ, но жадно любящихъ живое слово, стремящихся выбиться изъ мучительнаго положенія. Но рутина сильна! Во имя „*народа*"—мы готовы на жертвы, *во имя человѣка*—мы глухи....

— Но что же можно сдѣлать, скажите? Я понимаю вашу мысль и симпатизирую, но.... для меня не ясно....

Кирьяновъ задумался. Онъ закусилъ клокъ бороды и разсѣянно смотрѣлъ на группу шумящей молодежи, спорившей съ Демьяновымъ.

Красивый адвокатъ ловко и спокойно отражалъ бурныя выходки неутомимой Раички, доказывающей, что всѣ адвокаты—народъ безпринципный, алчный и вредный. Высказывать свою profession de foi среди возбужденной, привыкшей къ фразамъ молодежи—ему не хотѣлось.

— Значитъ, по вашему, можно защищать каждое дѣло? Каждое? яростно налетала Раичка, желая уколоть Демьянова.

— У насъ состязательный процессъ, спокойно возражалъ Артемій Петровичъ,—и по смыслу закона, по сущности судопроизводства, каждый преступникъ долженъ имѣть защитника...

— И вы станете распинаться за вора, за мазурика?

— Не распинаться, а постараюсь найти и истолковать все, что возможно, въ его пользу. Каждый преступникъ — продуктъ среды и всякое преступленіе имѣетъ извѣстное оправданіе...

— Эдакъ вы и доносчика будете обѣлять? Э-эхъ, софисты!

Демьяновъ спокойно и снисходительно сталъ объяснять Раичкѣ всю непригодность въ данномъ случаѣ того избитаго словечка, которымъ она хотѣла сразить противника. Предполагая въ ней образованную собесѣдницу, онъ ссылался на философовъ сѣдой старины, на ихъ опредѣленія софистовъ въ противоположность Платону.

Пользуясь вспышкою общаго оживленія, Кирьяновъ заговорилъ съ Ларой, объясняя свою мысль.

IV.

Коснувшись вѣчныхъ идеаловъ правды и красоты, упомянувъ о стремленіяхъ прогрессивныхъ людей, Матвѣй Петровичъ продолжалъ тихимъ и убѣжденнымъ тономъ:

— У насъ образовалось два теченія, двѣ тенденціи и обѣ, какъ мнѣ кажется, не исчерпываютъ предмета. По одной, насъ призываютъ учиться мудрости у народа, забывая все, что добыто

цивилизаціей, что̀ мы усвоивали въ продолженіе цѣлаго вѣка. По другой, смѣлые люди рѣшаютъ: „бей въ зубы мужика, но заставь его думать по нашему, потому что нѣтъ истины, кромѣ истины и насъ, пророковъ ея“... Простаго, скромнаго дѣла никто не хочетъ и, пожалуй, не замѣчаетъ.

Лариса не поняла значенія словъ Кирьянова и оживленно прервала его:

— Простаго дѣла! Въ томъ-то и суть, что не всѣ имѣютъ на него право. Возьмите мое положеніе: служить въ конторѣ, брать переводы, переписку, уроки—меня каждый обвинить можетъ, зачѣмъ я у бѣдняка кусокъ хлѣба отнимаю, и дѣйствительно, имѣя средства, я не должна забывать этого. Идти же въ сельскія учительницы позволяется всякой, богатой и бѣдной; даже богатыя пользуются бо̀льшимъ уваженіемъ...

— Это и привлекаетъ, вѣроятно? съ грустной усмѣшкой спросилъ молодой человѣкъ.—Удивительно, право, какое рабство царствуетъ у насъ, ка̀къ наше общество, даже молодежь, дисциплинированы, какъ спѣшатъ покориться модѣ...

— Нѣтъ, не модѣ, Матвѣй Петровичъ! Намъ хочется идейнаго труда...

— Кто же мѣшаетъ заняться имъ? Возьмите кустарей, кружевницъ, что ли, которыя нищаютъ годъ отъ года, потому что у нихъ нѣтъ возможности совершенствоваться, улучшать свои произведенія, вводить новые образцы, имѣть сбытъ. Развѣ помощь, имъ оказанная, не будетъ идейнымъ трудомъ? Устройте ремесленную школу, пріютите около себя десятокъ дѣвочекъ, научите ихъ подходящему дѣлу, не забывая, конечно, о нравственномъ воспитаніи, и обязательно отправьте назадъ на родину. Что изъ этого будетъ? Громадная польза, отвѣчаю я. Возвратившись домой, эти дѣвушки сдѣлаются хозяйками, женами и матерями, и все то, что вы вложили въ нихъ *здѣсь* — онѣ передадутъ *тамъ*, передадутъ простымъ и понятнымъ языкомъ, чего вы,—какъ бы ни *опростились*,—никогда не достигнете. Еслибы вамъ удалось охранить полсотни дѣвочекъ отъ растлѣвающей среды магазинныхъ „мадамъ“, научить ихъ подходящему дѣлу и повліять на ихъ юныя сердца, то, умирая, вы могли бы сказать: я прожила недаромъ... Наша нравственность слагается не только силою убѣжденій: примѣръ и привычка—могучее орудіе; но мы легкомысленно оставляемъ его въ рукахъ нашихъ враговъ,—и смотрите, какіе блестящіе результаты: бѣдность растетъ, пьянство увеличивается... Подгородныя деревни поражаютъ паденіемъ нравовъ и чтобы добиться развитія народа, чтобы сѣмя знанія упало на добрую почву—надо

подготовить ее. Поднимите благосостояніе народа, и онъ самъ потянется къ свѣту знанія, самъ станетъ просить образованія, а пока—это Сизифова работа.

— Конечно, для буржуазіи очень выгодно держать народъ въ полномъ невѣжествѣ! замѣтилъ Космовскій.

— Что вы называете Сизифовой работой? спросила Наташа.

— Нѣтъ, вы видно консерваторъ! крикнула Раичка и отвернулась, какъ бы считая унизительными дальнѣйшіе разговоры; но молодежь, заинтересованная Кирьяновымъ, сдвинулась ближе, и Матвѣй Петровичъ, въ общихъ чертахъ, объяснилъ свою мысль.

— Я называю современнымъ Сизифомъ нашего сельскаго учителя, говорилъ онъ.—Человѣкъ работаетъ, душу отдаетъ своему дѣлу и радуется, надѣясь, что вноситъ свѣтъ въ глухую деревню, а на повѣрку получается печальная картина. Деревня остается по прежнему глухою. Лучшіе ученики, получивъ самое ничтожное развитіе, начинаютъ враждебно относиться къ родной нивѣ и бѣгутъ отъ земли. Тяжелая работа отца, его нужда и грязь обстановки—претятъ его душѣ, и онъ стремится уйти въ Питеръ, гдѣ говорятъ, есть „легкія деньги“, гдѣ люди „ни съ чего богатѣютъ“. И вотъ мы видимъ: малоспособные грамотѣи забываютъ науку и черезъ пять, шесть лѣтъ строки не прочтутъ; кто побойчѣе, поумнѣе — уходитъ въ центры, или дѣлается кулакомъ, кабачикомъ въ своей округѣ, а деревня-то, деревня, во имя которой вы, молодежь, отдаете свои силы, которую вы идеализируете, остается такою же глухою, какъ и прежде. Камень Сизифа скатился назадъ, или, перейдя гребень горы, упалъ въ пропасть, *но съ другой стороны.*

Вновь коснувшись стремленія приносить *дѣйствительную* пользу, Кирьяновъ указывалъ на различные способы подъема, народнаго благосостоянія и рядомъ, какъ на неизбѣжный и обязательный элементъ—на развитіе нравственности. Онъ говорилъ, что пора бросить нелѣпое дѣленіе народа на городской и деревенскій, причемъ, въ глазахъ молодежи одни являются какъ бы пасынками, а другіе—родными сыновьями; говорилъ, что городъ заражаетъ деревню, потому что мы не хотимъ вліять на населеніе центровъ и легкомысленно относимся къ дѣлу, требующему нашей помощи.

— Я не противъ школы и букваря, заключилъ онъ, — но я нахожу, что въ одной грамотѣ спасенья нѣтъ. Нужно общее развитіе, нуженъ подъемъ нравственнаго строя. Помните, что каждый питерщикъ является въ родное село проповѣдникомъ и носителемъ истины... Ему повѣрятъ на слово, а васъ и слушать не

захотятъ. Вы—врагъ, котораго и скрутить бываетъ не безвыгодно, а тотъ—своя кровь. И если до сихъ поръ деревня развращается, благодаря городскому наплыву, если семейныя традиціи и нравственность отрицаются наравнѣ съ зипуномъ и сарафаномъ—то это все результаты современнаго положенія. Сизифова работа! Нѣсколько развитый мальчикъ попадаетъ изъ деревни въ городъ, развращается, впитываетъ въ себя столичную гниль и несетъ ее въ родное село,—а тамъ опять готовятъ учениковъ, предназначая ихъ для той же роли...

— Вы рисуете очень грустную картину, замѣтила Наташа:— Ужасно, если это такъ. Но я все таки вѣрю, что задача народнаго учителя—великое дѣло. Частности ничего не доказываютъ...

— Что же можно дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Какъ же это вы станете исправлять народную нравственность? Да васъ тоже не захотятъ слушать!

Поднялся горячій споръ,—и гулъ молодаго говора стоялъ въ воздухѣ. Кирьянову пришлось оправдываться, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду указывать на средство спасенія. Онъ только отвѣчалъ на вопросъ Залевской и упомянулъ о скромномъ, простомъ дѣлѣ, благодаря которому можно принести пользу.

Молодежь горячилась, возражала; но Матвѣй Петровичъ продолжалъ отстаивать свою идею, говоря, что огражденіе и нравственное воспитаніе обширнаго класса учениковъ и ученицъ въ ремесленныхъ мастерскихъ — это первый шагъ, а послѣдующіе ясны и понятны. Стоитъ только *пожелать* приносить пользу, помириться съ ролью скромнаго дѣятеля.

— Не пора ли намъ, Лариса Алексѣевна? напомнилъ Демьяновъ, подходя къ дѣвушкѣ и съ досадой замѣчая, что она глазъ не сводитъ съ Кирьянова.

— Да, да, поѣдемте... Пора уже! А онъ очень интересенъ! шепнула Лара, указывая на Матвѣя Петровича.

— Вполнѣ согласенъ, хотя его идея представляется довольно призрачной. Общія основанія, конечно, симпатичны, но на практикѣ—едва ли достижимы...

Залевская начала прощаться, но Наташа не позволила ей ѣхать безъ ужина.

— Помогайте-ка накрывать, господа! крикнула молодая хозяйка, и всѣ гости принялись хлопотать вокругъ стола, принося изъ кухни тарелки, хлѣбъ, закуски, вино и пиво.

Молодежь суетилась, шумѣла, роняла разные предметы, и Наташа, боясь, что старики проснутся, умоляла быть потише. Демья-

новъ задумчиво слѣдилъ за стройной фигурой Лары и нервно вздрагивалъ, когда ихъ взгляды встрѣчались.

— Я позвала къ намъ Кирьянова, сказала Лариса.—Какъ вы думаете, мама разсердится? Ужь вы заступитесь, если что... я прямо на васъ свалю—такъ и знайте!

Артемій Николаевичъ улыбнулся. Онъ молча готовъ былъ принести всякую жертву для этой милой дѣвушки, и она инстинктивно угадывала его настроеніе, ощущая радостное состояніе духа.

Ужинъ прошелъ очень оживленно. Выпитое вино и пиво возбудило нервы, и даже франтикъ Петровскій началъ громко разсуждать. Онъ съ ироніей относился къ профессорамъ, называя ихъ тупицами, узкими формалистами, и въ заключеніе замѣтилъ:

— Я рѣшилъ на другой факультетъ перебраться. Ничего здѣсь путнаго не добьешься!

— На какой же вы предполагаете? освѣдомился Демьяновъ.

— О, я хорошую штуку придумалъ. На восточный!

— Склонность къ лингвистикѣ?

— На кой тутъ прахъ склонность! Вѣдь на юридическомъ окончишь — безъ куска хлѣба насидишься. Въ адвокаты — такъ ужь теперь ни прежнихъ дѣлъ, ни былыхъ гонораровъ не получишь... вы у насъ все предвосхитили. Въ чиновники—обидно, да и содержаніе нищенское!...

— А восточный факультетъ что вамъ доставитъ? дѣловито спросилъ Космовскій.

— Во-первыхъ, тотъ курсъ всего три года; во-вторыхъ, стипендій много и все хорошія, а самое-то главное, что, перейдя въ драгоманскіе классы—получаешь 35 р. ежемѣсячно, въ ожиданіи мѣста. Не шутка,—сами понимаете! Надо поступать на отдѣленіе арабскаго языка и тогда скорѣе получишь должность, а жалованье тамъ приличное... Тысяча восемьсотъ рубликовъ золотомъ... Золотомъ! повторилъ онъ и вкусно прищелкнулъ языкомъ.

— Эдакую сумму и въ нашемъ дѣлѣ можно получить, возразилъ Космовскій, не желая признать себя побѣжденнымъ. Мнѣ вотъ одинъ горный инженеръ разсказывалъ... Его товарищъ всего-то два года курсъ окончилъ — двѣнадцать тысячъ жалованья, квартира... процентъ... высчитывалъ юноша по пальцамъ, съ выраженіемъ зависти.

— Будетъ вамъ, грошовники! крикнула Раичка.—Еще студенты! Съ ученической скамьи не соскочили, а уже захлебываются отъ жадности. Давайте пѣть лучше.!. Устинова встала, стиснула руки и съ горькимъ отчаяньемъ въ голосѣ и глазахъ, горячо, съ неподдѣльною искренностью вымолвила:—И какъ же вы мнѣ глу-

боко, глубоко противны! Какъ вы измельчали. Карьера, деньги— вотъ вашъ божокъ!

Нѣсколько мгновеній всѣ молчали. Одни почувствовали справедливость брошеннаго упрека; другіе, хотя и сознавали его справедливость, но изъ деликатности не поддерживали Раичку, хотя у всѣхъ одновременно мелькнула мысль, что Устинова близко къ сердцу приняла этотъ характерный разговоръ, что онъ доставляетъ ей дѣйствительное страданіе. Пять минутъ спустя, Раичка, лихо запѣвала: „Проведемте, друзья", и сочиняла подходящіе куплеты, касаясь злобы дня, а молодежь одушевленно вторила ей, забывая въ эти минуты все практичное и наносное...

К. Назарьева.

(*Окончаніе будетъ*).

ТРУДНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ.

(Современная сказка).

Жака Нормана.

... Четыре... пять... шесть... семь... Семь часовъ!

Каждое утро, при послѣднемъ ударѣ, Жозефъ Бланше акуратно вставалъ съ постели.

Часъ на туалетъ, часъ на чтеніе газеты, полчаса на завтракъ—и въ десять часовъ безъ пяти минутъ, послѣ небольшой прогулки, всегда по тѣмъ же самымъ улицамъ, онъ являлся въ музей города, гдѣ служилъ сторожемъ, и здоровался съ привратницей:

— Добрый день, m-me Гуарригъ.

— Здравствуйте, m-r Бланше.

Слѣдовало неизмѣнно нѣсколько замѣчаній о погодѣ, и Бланше входилъ въ картинную галерею музея, какъ разъ когда часы били десять.

Шестидесяти лѣтъ, высокій, сухой, блѣдный, въ скромной полувоенной формѣ сторожей при казенныхъ заведеніяхъ, Бланше вовсе не походилъ на классическій типъ отставнаго унтеръ-офицера, весельчака и балагура. Онъ не курилъ, не пилъ вина, не любилъ крѣпкихъ словечекъ; говорилъ онъ медленно и не громко, лысина придавала ему почтенный видъ, а кольцо на мизинцѣ и серебряное, висѣвшее на груди, pince-nez скрашивали его фигуру оттѣнкомъ скромной и вполнѣ приличной щеголеватости. На лицѣ его, имѣвшемъ меланхолическое выраженіе, усиливаемое еще робкимъ, словно нерѣшительнымъ взглядомъ глазъ, замѣтны были слѣды пули, когда-то пробившей ему щоки и выбившей по два зуба съ каждой стороны. Дѣйствительно, не смотря на свой невоинственный видъ, Бланше служилъ въ артиллеріи, сдѣлалъ нѣ-

сколько кампаній и вышелъ въ отставку съ орденомъ Почетнаго Легіона и медалью за военныя заслуги, не считая еще двухъ медалей за крымскую и итальянскую войну. Ордена свои Бланше носилъ съ особымъ кокетствомъ, къ которому пріучили его былые успѣхи у женщинъ, игравшихъ значительную роль въ его жизни. И хотя онъ остался холостякомъ, но въ свое время имѣлъ немало похожденій. Однако и безъ того неразговорчивый, Бланше былъ на этотъ счетъ положительно непроницаемъ и только отмалчивался, снисходительно улыбаясь, когда m-me Гуарригъ пыталась наводить разговоръ на эту интересовавшую ее тему. Скромность, даже скрытность въ этомъ отношеніи Бланше положительно считалъ своимъ долгомъ.

Долгъ, обязанность!—вотъ въ самомъ дѣлѣ два слова, управлявшія всею жизнью Бланше. Къ послушанію, дисциплинѣ онъ имѣлъ какое-то врожденное влеченіе. Ребенкомъ, онъ первый приходилъ въ школу и послѣднимъ уходилъ изъ нея. Боязнь не выучить урока рѣшительно его удручала, и онъ вставалъ ночью, чтобы еще разъ вытвердить его, а идя въ школу, все повторялъ урокъ про себя. И онъ отлично выучивалъ урокъ, но въ моментъ отвѣта неминуемо путался изъ боязни отвѣтить невполнѣ хорошо, и учитель со стыдомъ отсылалъ его на мѣсто, приписывая лѣности то, что было лишь избыткомъ усердія и повиновенія.

Въ полку Бланше испытывалъ тѣ же волненія, увеличиваемыя еще боязнью отвѣтственности. Самое ничтожное приказаніе получало въ его глазахъ громадное значеніе, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ дослужился до званія унтеръ-офицера. Тутъ уже приходилось отвѣчать не только за себя, но и за другихъ. Ученья на казарменномъ дворѣ и на полигонѣ, выправка солдатъ, чистка лошадей—сколько со всѣмъ этимъ хлопотъ и безпокойства! Въ особенности чувствовалъ онъ себя несчастнымъ, когда наканунѣ какого нибудь важнаго смотра, капитанъ, ближайшій его начальникъ побатареѣ, призывалъ его къ себѣ и надававъ, въ послѣдній разъ массу совѣтовъ, инструкцій и порученій, говорилъ въ концѣ концовъ:

— Такъ смотрите же, Бланше,—не сбейтесь завтра, не

спутайте чего нибудь. Ужь я на васъ надѣюсь... надо постараться!

Эта, возлагаемая на него начальникомъ, надежда въ особенности его угнетала. Онъ припоминалъ и повторялъ про себя всѣ слова капитана, записывалъ даже ихъ на бумажкѣ, не спалъ, разумѣется, всю ночь и чувствовалъ себя рѣшительно несчастнымъ до тѣхъ поръ, пока капитанъ не говорилъ ему по окончаніи смотра:

— Ну, Бланше, спасибо: все сошло хорошо.

Зато и батарея, гдѣ служилъ Бланше, считалась недаромъ образцовою въ цѣломъ корпусѣ; начальство, увѣренное въ исправности и исполнительности Бланше, отличало его и любило; товарищи уважали и даже побаивались.

Свою исполнительность и безусловное преклоненіе предъ даннымъ ему приказаніемъ Бланше лучше всего выказалъ въ сраженіи при Гравелотѣ, гдѣ онъ поступилъ, какъ истинный герой—съ спокойнымъ, даже нѣсколько наивнымъ самоотверженіемъ. Два орудія батареи, при которыхъ находился и Бланше, выѣхали на позицію къ опушкѣ лѣса, значительно выдвинувшись впередъ и, тотчасъ же замѣченныя непріятелемъ, подверглись губительному огню двухъ соединенныхъ батарей. Бывшій при орудіяхъ лейтенантъ упалъ однимъ изъ первыхъ.

— Бланше—успѣлъ прошептать онъ, умирая—примите команду и держитесь до послѣдняго человѣка... Понимаете ли —до послѣдняго!

Бланше невольно вздрогнулъ: не отъ страха, разумѣется, —объ опасности онъ и не думалъ—но отъ возложенной на него отвѣтственности. Уже не исполнять приказанія другаго, а распоряжаться по собственному усмотрѣнію, притомъ въ рѣшительный моментъ битвы, измѣнять положеніе орудій, провѣрять прицѣлъ, командовать выстрѣлами—съумѣетъ ли онъ честно и толково выполнить все это? Изъ всего приказанія, даннаго умирающимъ лейтенантомъ, Бланше понравилось только одно—держаться до послѣдняго человѣка. Это, по крайней мѣрѣ, просто, ясно и не вызываетъ никакихъ сомнѣній.

И успокоенный мыслью, что главную цѣль приказанія

онъ во всякомъ случаѣ съумѣетъ выполнить безошибочно, Бланше началъ распоряжаться хладнокровно, методически, какъ на ученьѣ. Воодушевленная его примѣромъ, артиллерійская прислуга лихо и безтрепетно исполняла свое дѣло. Но сосредоточенный огонь непріятеля былъ слишкомъ губителенъ и двумъ орудіямъ не подъ силу было бороться съ лившимся на нихъ свинцовымъ ураганомъ. Скоро одна пушка была подбита, но и съ уцѣлѣвшею оставшіеся люди, окровавленные и задымленные, боролись также мужественно. Объ отступленіи Бланше не пришло и въ голову: приказъ данъ, объ чемъ же тутъ разговаривать?

Въ эту минуту, къ ихъ позиціи во весь опоръ подскакалъ адьютантъ.

— Сумашедшіе!.. Да отступайте же, чортъ васъ побери!.. Васъ всѣхъ тутъ перекрошатъ...

— Приказано было держаться до послѣдняго человѣка, въ сознаніи своей правоты отвѣчалъ Бланше, вытянувшись передъ офицеромъ:—а насъ еще четверо остается—какое же тутъ отступленіе?...

II.

Итакъ, ровно въ 10 часовъ, Бланше входилъ обыкновенно въ картинную залу музея, который весь состоялъ изъ четырехъ комнатъ. Вынувъ изъ кармана свой цвѣтной платокъ, онъ акуратно складывалъ его и клалъ на стулъ съ деревяннымъ сидѣньемъ—единственную мебель въ этомъ океанѣ навощеннаго паркета—и затѣмъ садился ровно до полудня. Съ полудня до часу слѣдовала прогулка по заламъ, съ заложенными за спину руками, 240 шаговъ въ каждую сторону, отъ „Похищенія сабинянокъ“—громаднаго холста, пожертвованнаго музею министерствомъ, до не менѣе внушительныхъ фресокъ Поншабана—лучшей славы мѣстнаго муравейника. Далѣе, до четырехъ часовъ, слѣдовали неизмѣнно правильныя порціи отдыха и прогулки, ровно по часу каждая. Правилами службы воспрещалось спать и даже читать, и Бланше не читалъ и не спалъ. Обязанности его состояли въ надзорѣ за сохранностью сокровищъ музея и въ сообщеніи посѣтителямъ требуемыхъ ими указаній. Но хотя городъ Х. довольно значителенъ и населенъ, однако посѣщеніе му-

зея не было, повидимому, въ обычаѣ мѣстныхъ жителей, и зачастую Бланше такъ и уходилъ домой съ закрытіемъ музея, не видавъ ни одного посѣтителя. И онъ сидѣлъ или ходилъ въ этомъ холодномъ молчаніи обширныхъ залъ, равнодушно посматривая на картины, которыя зналъ всѣ наизусть, почти ни о чемъ не думая, но нисколько не скучая, совершенно довольный, даже счастливый своимъ положеніемъ. Ему приказано оставаться въ музеѣ и ничего не дѣлать—и онъ добросовѣстно исполнялъ это приказаніе, сознавая, что оно вовсе не трудно, ничуть не отвѣтственно и притомъ даетъ ему возможность честно заработать кусокъ хлѣба.

Съ первымъ ударомъ четырехъ часовъ, Бланше снималъ со стула свой платокъ, тщательно укладывалъ его въ карманъ и неспѣшно, съ сознаніемъ исполненнаго долга, спускался съ лѣстницы музея.

— Добрый вечеръ, m-me Гуарригъ, неизмѣнно привѣтствовалъ онъ привратницу.

— До свиданія, m-r Бланше, отзывалась та всегда одними и тѣми же словами.

Вернувшись домой, въ свою крошечную квартирку, Бланше скромно обѣдалъ съ племянникомъ Шарло, сыномъ своего умершаго брата. Мать его, выдя за другаго, почти бросила ребенка и Бланше оказался его единственнымъ покровителемъ. Онъ взялъ мальчика къ себѣ, отдалъ въ школу, воспитывалъ, какъ умѣлъ, и заботился о немъ, какъ о родномъ сынѣ. Онъ считалъ это своею обязанностью и исполнялъ ее также честно и неуклонно, какъ всякую другую. Но заработокъ сторожа въ музеѣ былъ слишкомъ нозначителенъ, концовъ съ концами не удавалось сводить при всемъ стараніи, и Бланше былъ чрезвычайно доволенъ, когда ему удалось получить еще и вечернія занятія,—должность швейцара въ городскомъ театрѣ. Здѣсь служба тоже была нетрудная и, главное, не отвѣтственная, чего Бланше именно и добивался. Онъ отворялъ двери, указывалъ какъ пройти въ тотъ или другой ярусъ, въ кассу или куда нибудь еще нужнѣе, разъяснялъ посѣтителямъ тѣ или другія маленькія недоразумѣнія относительно билетовъ и мѣстъ... да вотъ и все, что онъ обязанъ былъ дѣлать.

III.

Уже пятнадцать лѣтъ велъ Бланше такое монотонное, но счастливое существованіе, не нарушаемое ни малѣйшимъ экстраординарнымъ событіемъ, когда однажды вечеромъ, по окончаніи представленія, директоръ театра Сильвіани, бывшій теноръ, отказавшійся отъ сцены по причинѣ непомѣрной толщины, пригласилъ его въ свой кабинетъ. Бланше явился немедленно, но нѣсколько робѣя при мысли: не сдѣлалъ ли онъ какого промаха по должности, достаточно ли усердно исполнялъ свою обязанность.

— Вотъ что, любезный, обратился къ нему директоръ— вы, я знаю, старый солдатъ, человѣкъ честный и исполнительный.

Бланше съ гордостью выпрямился.

— Слѣдовательно, положиться на васъ можно. Но возьмете ли вы на себя исполнять обязанность, хоть и нетрудную, но требующую хладнокровія и чрезвычайно отвѣтственную?

Бланше обдало холодомъ при указаніи на большую отвѣтственность, но, не зная, въ чемъ дѣло, онъ промолчалъ, только поклонившись.

— Вы знаете, что во исполненіе изданныхъ полиціею новыхъ правилъ (эти слова директоръ произнесъ съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ), я вынужденъ былъ сдѣлать въ зданіи театра много измѣненій и перестроекъ. Между другими улучшеніями (и улыбка директора была уже прямо насмѣшлива) мнѣ пришлось даже вывести особую новую лѣстницу прямо на площадь изъ галереи верхняго яруса. Вотъ тутъ-то мнѣ и нуженъ человѣкъ вѣрный и исполнительный. Дверь на эту лѣстницу обыкновенно заперта, но при малѣйшей тревогѣ ее слѣдуетъ отпереть. Вотъ ключъ отъ нея; согласны ли вы взять на себя эту обязанность?

Бланше даже почувствовалъ, что капли пота показались на его лбу. Какъ? на него возлагается такая страшная отвѣтственность, жизнь сотенъ людей передается въ его руки!.. Разумѣется, довѣріе директора чрезвычайно лестно и не хо-

тѣлось бы обидѣть его отказомъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ всегда добръ и ласковъ со служащими, но нечего и думать — отъ такой страшной обязанности слѣдуетъ отказаться... И Бланше хотѣлъ уже произнести слова отказа, какъ Сильвіани предупредилъ его, небрежно вертя ключъ на кончикѣ пальца.

— Понятно, что эта обязанность требуетъ неусыпнаго вниманія, произнесъ онъ, а потому васъ снизу переведутъ въ верхній ярусъ и вы получите 20 франковъ въ мѣсяцъ прибавки.

Эти слова направили мысли Бланше уже въ другую сторону. Лишнихъ 20 франковъ въ мѣсяцъ — большое подспорье, особенно теперь, когда Шарло все что-то похварываетъ, можетъ быть, отъ недостатка тѣхъ или другихъ удобствъ, отъ слишкомъ грубой для него пищи. А съ этой прибавкой можно будетъ иной разъ и побаловать мальчика, купить ему леденцовъ или картинку (старикъ все думалъ лишь о Шарло, позабывая о себѣ)... И потомъ самая вѣдь простая обязанность: открыть дверь, когда понадобится — только и всего. Да и понадобится ли? Пожары въ театрахъ бываютъ такъ рѣдко... Нѣтъ,—и для Шарло, и для себя самого отказаться невозможно; это было бы просто недостойною слабостью.

— Я согласенъ, господинъ директоръ, произнесъ онъ, однако все еще колеблющимся голосомъ,—и принялъ ключъ изъ рукъ Сильвіани.

Странное дѣло—ключъ этотъ показался ему какъ-то особенно тяжелъ и холоденъ.

IV.

Со слѣдующаго же вечера, Бланше водворился на новомъ мѣстѣ, въ галереѣ верхняго, четвертаго яруса. Въ теченіе всего спектакля онъ долженъ былъ сидѣть около двери лицомъ къ сценѣ, которую, впрочемъ, съ его мѣста не было и видно. Но все помѣщеніе для зрителей, до нижнихъ ложъ и партера, было передъ нимъ, какъ на ладони, и ни малѣйшее движеніе среди этой густой и разнообразной толпы не могло ускользнуть отъ его вниманія. Дверь, охраняемая Бланше, вела на вновь устроенную лѣстницу, ведущую прямо на

площадь; дверь эта была плотно заперта и надъ нею горѣлъ газовый рожокъ за матовымъ стекломъ, на которомъ была сдѣлана крупными буквами четкая надпись:

„Выходъ на случай опасности“.

Отъ мѣста, занимаемаго Бланше, до этой двери былъ всего одинъ шагъ. Стоило только встать и протянуть руку съ ключемъ. Всегда акуратный и заботливый, Бланше прежде всего попробовалъ, какъ дѣйствуетъ ключъ—и все оказалось превосходно: ключъ свободно входилъ въ замочную скважину и дверь отворялась легко, безъ всякаго шума. Бланше даже улыбнулся—такъ все это было просто и нетрудно—и внутренно попрекнулъ себя за тѣ колебанія, съ которыми принялъ на себя новую обязанность.

Однако уже на другое утро, расхаживая по заламъ музея, онъ принудилъ себя взглянуть на дѣло и съ противоположной точки зрѣнія. Что ни говори, а отвѣтственность тяжела, громадна... Разумѣется, когда наступитъ требуемый моментъ, при первомъ же признакѣ малѣйшей опасности, онъ быстро, не колеблясь и не волнуясь, исполнитъ свой долгъ. Шагъ къ двери, поворотъ ключа—и дверь распахнута и зрители поспѣшно, но безъ всякаго замѣшательства, начнутъ спускаться по лѣстницѣ. А онъ, спокойный и внимательный, останется у двери послѣднимъ, какъ капитанъ на палубѣ своего корабля, и сойдетъ по лѣстницѣ только тогда, когда во всемъ ярусѣ не останется ни одного человѣка... Все это прекрасно—тотчасъ же поднимались въ немъ понятныя опасенія—но, строго говоря, развѣ можно быть совершенно увѣреннымъ, что въ требуемую минуту все сойдетъ именно такъ гладко и ничто не помѣшаетъ ему исполнить свою обязанность? Паника овладѣваетъ толпою такъ быстро; что̀ если зрители побросаются со своихъ мѣстъ прежде, чѣмъ онъ, Бланше, замѣтитъ приближеніе опасности, почувствуетъ запахъ дыма? До двери всего одинъ шагъ—но дадутъ ли ему возможность сдѣлать этотъ шагъ? Встать со стула, шагнуть, вынуть ключъ, повернуть его въ замкѣ—на все это нужно время; положимъ секунды, части секундъ, но ихъ-то всегда и не хватаетъ когда надобно... А затѣмъ и это: вотъ онъ первый у двери, рука уже опущена въ карманъ за ключемъ, но Боже

мой!—ключа этого нѣтъ, и дверь нельзя отворить, а сотни людей давятъ другъ друга, задыхаются и гибнутъ!

И Бланше, весь похолодѣвъ, моментально останавливался въ своей прогулкѣ по музею и судорожно ощупывалъ карманы. Но нѣтъ, ключъ тутъ, онъ еще не потерянъ—и Бланше вздыхалъ глубоко и устало, какъ бы проснувшись послѣ кошмара.

И снова, и снова овладѣвалъ имъ этотъ кошмаръ, и ребяческая боязнь потерять ключъ захватывала ему дыханіе, заставляла вскакивать и шарить по карманамъ...

Когда пробило наконецъ четыре часа, Бланше машинально подошелъ къ стулу, сбираясь привычнымъ движеніемъ снять съ него свой платокъ. Но онъ такъ и остановился съ протянутой рукой: платка на стулѣ не было,— Бланше забылъ его положить, первый разъ за всѣ пятнадцать лѣтъ своей службы въ музеѣ.

V.

Домой Бланше вернулся, какъ въ лихорадкѣ. Положительно ему слѣдовало отвѣчать отказомъ на предложеніе директора; онъ не разсчиталъ своихъ силъ, слишкомъ понадѣялся на свое хладнокровіе. Да, но 20 франковъ въ мѣсяцъ лишнихъ... но забота о Шарло... Отправляясь спать, Бланше подошелъ къ кровати мальчика. Тотъ уже спалъ, разметавшись, и старикъ тщательно укрылъ его и осторожно поцѣловалъ въ голову, едва касаясь губами.—Вотъ и одѣяльце у него плохенькое, печально подумалось ему; пожалуй, онъ зябнетъ ночами... Изъ первой же получки прибавочныхъ денегъ и можно бы справить новое...

Ну, что бы тамъ ни было, а отказаться и невозможно, и позорно. Ему, старому служакѣ, не исполнить даннаго приказанія! Вздоръ! можно себя принудить, пріучить къ этой мысли и въ какую нибудь недѣлю освоиться съ нею какъ нельзя лучше...

Бланше легъ на свою жосткую койку, но сонъ былъ далекъ отъ него, и едва лишь начиналъ онъ забываться, какъ

всякій разъ передъ нимъ вырисовывалась все та же неумолимо яркая, фатальная надпись.

„Выходъ на случай опасности".

Только подъ утро заснулъ старый солдатъ, но весь слѣдующій день и дома, и на улицѣ, и въ музеѣ онъ думалъ все объ одномъ и томъ же, и даже губы его беззвучно шептали все одни и тѣ же слова: „выходъ... на случай... опасности".

Эти слова онъ вертѣлъ и переворачивалъ на всѣ лады, словно всматриваясь въ ихъ внутренній смыслъ.

— Всякій театръ непремѣнно долженъ сгорѣть рано или поздно—вѣдь это ужь извѣстно. Слѣдовательно, къ этому несчастію надо вполнѣ быть готовымъ и—кто знаетъ?—оно, можетъ быть, очень близко. Да что жъ—пожалуй, и лучше: пусть оно приходитъ; по крайней мѣрѣ, можно видѣть, какъ все это произойдетъ, убѣдиться, что всѣ мѣры предосторожности приняты. Во всякомъ случаѣ, легче перенести самую опасность, нежели каждый день, каждую минуту ожидать ее, волноваться, изнывать, терять энергію и силы... Право, если-бы стоило только пожелать, чтобъ это случилось,—не стоило бы и откладывать, лишь бы поскорѣй развязаться!...

— Которыя тутъ, укажите пожалуйста, фрески Поншабана?

Бланше вздрогнулъ и поднялъ голову — передъ нимъ стоялъ коротенькій толстякъ, добродушный флегматикъ, повидимому, достаточно наивный, для того чтобы интересоваться фресками Поншабана.

Въ самомъ дѣлѣ... да, это въ музеѣ... посѣтитель... Какъ все это смѣшивается!... И, направивъ толстяка любоваться фресками, Бланше снова погрузился въ свои тяжелыя, нерадостныя думы.

Мало по малу, въ силу неослабѣвающихъ побужденій какой-то болѣзненной, психопатической честности и исполнительности, одно только желаніе поселилось въ мозгу дѣйствительно страдавшаго, даже похудѣвшаго старика. Чего бы не далъ онъ за увѣренность, что въ минуту опасности честно и правильно исполнитъ свой долгъ! Одинъ шагъ, одинъ поворотъ ключа, всего „два темпа", говоря военнымъ языкомъ. Но сдѣлать ихъ какъ слѣдуетъ, а, главное, во-вре-

мя и, прежде всего, какъ можно скорѣе, сейчасъ же—вотъ чего неотступно, патологически желалось бѣдняку.

Существованіе Бланше было видимо надломлено; изъ спокойнаго человѣка онъ сдѣлался убитымъ, изъ молчаливаго нѣмымъ. Въ театрѣ онъ помѣщался на своемъ посту блѣдный, неподвижный, съ какою-то злобой оглядывая расположенные передъ его глазами спины и затылки зрителей верхняго яруса. Да, онъ начиналъ искренно ненавидѣть эту сытую, равнодушную толпу людей, приходившихъ, какъ ему казалось, позабавиться не однимъ только театральнымъ зрѣлищемъ, но и тѣми муками, которыя каждый вечеръ долженъ былъ переносить Бланше изъ-за нихъ же, по ихъ же милости... И что же жалѣть ихъ, еслибы дѣйствительно случился пожаръ: это баранье стадо получило бы лишь то, чего заслуживало. Притомъ пожаръ далъ бы чудесный случай Бланше провѣрить себя, испытать на дѣлѣ свое хладнокровіе и исполнительность. И старикъ искренно и горячо желалъ въ такія минуты пожара, готовъ былъ молиться о томъ, чтобы зданіе театра занялось со всѣхъ четырехъ сторонъ. Но пожаръ—увы!—не вспыхиваетъ отъ одного желанія... Такъ хоть бы ложный страхъ зрителей, фальшивая тревога, какъ это часто случается. Результатъ былъ бы вѣдь тотъ же: роль Бланше начиналась не при пожарѣ только, но и при одной лишь опасности. А какая была бы эта прекрасная проба, какая блестящая репетиція настоящаго пожара!... Такъ нельзя ли помочь такой тревогѣ, нельзя ли умышленно произвести панику среди публики? Разумѣется, можно, и даже очень легко. Стоитъ только Бланше въ срединѣ представленія крикнуть: пожаръ!—и дѣло обойдется превосходно. Всѣ вскочутъ, заволнуются, но Бланше уже у своей двери, мигомъ распахиваетъ ее настежъ, а затѣмъ мало по малу все успокоивается и пьеса продолжается своимъ порядкомъ.

Идея эта безумна, жестока. Бланше еще имѣетъ силы оцѣнить ее по достоинству. Онъ борется съ нею, отгоняетъ отъ себя, но она возвращается все упорнѣе и побѣдоноснѣе, и бѣднякъ чувствуетъ, что скоро уже придетъ тотъ вечеръ, когда она завладѣетъ имъ вполнѣ и вырветъ у него изъ горла страшное восклицаніе, несущее съ собою всѣ ужасы смерти и отчаянія. Этотъ вечеръ, наконецъ, наступилъ. Бланше

явился въ театръ гораздо раньше обыкновеннаго и долго сидѣлъ въ пустой, полутемной еще залѣ, волнуясь, мучаясь, десятки разъ порываясь убѣжать прочь, чтобы спастись отъ овладѣвшаго имъ соблазна.

Обычнымъ порядкомъ освѣтился и наполнился театръ, явились музыканты, заигралъ оркестръ, пьеса началась. Снова передъ глазами Бланше размѣстились ненавистные ему спины и затылки; зрители были, разумѣется, спокойны и довольны, какъ всегда, знакомые перебрасывались веселыми привѣтствіями, улыбались другъ другу.

— Подождите, друзья мои, чуть не шепталъ Бланше, сверкая глазами.—Будете ли вы также довольны черезъ четверть часа!

Онъ разсчиталъ, что надо дождаться финала перваго акта, когда всеобщее вниманіе обратится исключительно на сцену и, слѣдовательно, тревога будетъ неожиданнѣе, а паника глубже и грандіознѣе.

И вотъ, выбравъ для этого, лучшій по его мнѣнію, моментъ, Бланше вскочилъ со стула и громче даже, чѣмъ ожидалъ, кинулъ въ лицо всей этой довольной, нарядной толпѣ короткое, ужасное слово:

— Пожаръ!...

Все произошло, какъ разсчитывалъ и какъ не разъ уже представлялъ себѣ Бланше. Еще съ незамершимъ крикомъ на губахъ онъ былъ у завѣтной двери и еще, казалось, быстрѣе повскакала, заволновалась, точно застонала публика и въ верхней галереѣ, и во всемъ театрѣ. Въ это короткое мгновеніе Бланше былъ доволенъ собою какъ нельзя больше: онъ сознавалъ, что не потерялъ ни хладнокровія, ни разсудительности и что обязанность свою исполнилъ безупречно. Вотъ онъ уже у двери,—секунда, и онъ достанетъ ключъ, отворитъ дверь и спасетъ всю порученную его отвѣтственности публику верхняго яруса.

Рука уже въ карманѣ, гдѣ всегда лежитъ ключъ, но что же это значитъ?—ключа тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ другихъ карманахъ.... Вотъ что онъ предчувствовалъ, чего боялся, что *зналъ* еще въ ту минуту, когда принималъ ключъ изъ рукъ директора! Возможно это или нѣтъ, потерянъ ли

ключъ, забытъ дома или украденъ—все равно, но его нѣтъ, и теперь все погибло...

И въ смертельномъ ужасѣ со вставшими дыбомъ остатками волосъ на головѣ, Бланше прислонился къ двери, точно стараясь выдавить ее жалкими усиліями своего безсильнаго тѣла.

Толпа мечется вокругъ него, обезумѣвшія отъ страха лица мелькаютъ передъ его глазами, слышатся восклицанія:

— Дверь... дверь! Гдѣ же ключъ? Отворите, выломайте ее!..

Сдѣлавъ послѣднее усиліе воли, Бланше хочетъ остановить, успокоить толпу.

— Стойте.... погодите! хрипло кричитъ онъ. Опасности нѣтъ.... никакого пожара. Это я закричалъ нарочно—только чтобъ видѣть, попробовать.....

Но прерывающійся голосъ его теряется въ морѣ стоновъ и криковъ. И кто могъ бы остановить толпу, обезумѣвшую отъ ужаса, потерявшую всякое сознаніе дѣйствительности? Въ этотъ моментъ потухаетъ въ залѣ и газъ, словно мракъ намѣренно спускается на тѣ сцены смерти и муки, которыя слишкомъ тяжело видѣть и невозможно описывать.

Бланше, однако, знаетъ свой долгъ до конца. Погубивъ всѣхъ, онъ, разумѣется, обязанъ и самъ погибнуть. И, съ нечеловѣческимъ усиліемъ пробившись сквозь кишащую во мракѣ толпу до барьера галереи, онъ бросается внизъ головой, какъ въ пропасть, съ алчнымъ желаніемъ смерти.

....Четыре.... пять.... шесть.... семь часовъ....

Ясный, привычный бой часовъ, знакомая комната....Такъ это былъ сонъ? О, слава богу!—какая ужасная ночь.....Еще разъ повторится этотъ сонъ—и сумашествіе близко. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ мірѣ онъ не оставитъ у себя больше этотъ страшный ключъ, онъ долженъ сегодня, сейчасъ же отказаться отъ своей тяжелой обязанности.

И, едва давъ себѣ трудъ кой-какъ одѣться, Бланше бросился на квартиру директора театра, заставилъ разбудить его, не смотря на раннюю пору и возвратилъ, почти бросилъ ему ключъ, путаясь въ словахъ и повторяя, что онъ не хочетъ больше этой каторги.

Разбуженный не во время директоръ, сонный и растрепанный, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на солдата и тутъ же

гнѣвно объявилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ и совсѣмъ отказываетъ ему отъ службы при театрѣ.

Тяжело было старику лишиться мѣста, но онъ готовъ былъ и не на такія лишенія, только бы сбросить съ себя эту проклятую обязанность.... Теперь онъ былъ свободенъ и счастливъ.

А черезъ нѣсколько дней, когда онъ по обыкновенію входилъ, въ 10 часовъ безъ пяти минутъ, въ зданіе музея, m-me Гуарригъ, вся взволнованная, даже не кончивъ своего туалета, остановила его на лѣстницѣ.

— Какое несчастье, какое ужасное бѣдствіе! затараторила она, не давъ Бланше времени произнести обычное утреннее привѣтствіе.

— Въ чемъ дѣло, m-me Гуарригъ?

— Такъ вы еще не знаете? Читайте же, читайте скорѣе!....

Бланше взялъ изъ ея рукъ маленькій листокъ мѣстной газетки и методически—какъ все, что онъ дѣлалъ—надѣвъ свое серебряное pince-nez, сталъ читать.

Въ газетѣ сообщалось, что въ минувшую ночь въ театрѣ произошелъ страшный пожаръ, почти уничтожившій зданіе и стоившій многихъ человѣческихъ жертвъ, не смотря на всѣ, только что передъ тѣмъ введенныя въ театрѣ, мѣры предосторожности. Въ особенности, много погибло народа изъ числа зрителей галереи 4-го яруса, такъ какъ тамъ хотя и была сдѣлана новая лѣстница именно на случай пожара, но особо приставленный сторожъ былъ задавленъ обезумѣвшей толпой, не успѣвъ открыть дверь, ведущую на эту лѣстницу.

Бланше невольно вздрогнулъ: кстати съумѣлъ онъ удалиться, во-время успѣлъ снять съ себя свою тяжелую обязанность....

РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ ВЪ 1888 ГОДУ.

Съ наступленіемъ офиціальной весны, въ Петербургѣ открылись,—какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ,—художественныя выставки. Ихъ сразу открылось нѣсколько, въ необычномъ количествѣ: передвижная, академическая, акварельная; г. Маковскій выставилъ отдѣльно свою картину «Смерть Іоанна Грознаго» и взимаетъ налогъ съ публики также отдѣльно. Передъ самымъ окончаніемъ зимняго сезона была выставка общества архитекторовъ, затѣмъ появилась картина г. Семирадскаго, а въ концѣ великаго поста откроется, говорятъ, выставка французскихъ художниковъ, и ихъ произведенія, какъ кажется, уже ѣдутъ. Итакъ, собственно русская живопись попала, на этотъ разъ, между двухъ огней: ей предшествовала выставка общества архитекторовъ, на которой оказалось много произведеній первоклассныхъ художниковъ современной Европы; за нею послѣдуетъ выставка французскихъ художниковъ, которые, конечно, точно также постараются не ударить лицомъ въ грязь. Положеніе для русской живописи неудобное и невыгодное: публика только что изощрила свой вкусъ на такихъ шедеврахъ, какъ картина Кнауса: «Ich kann warten», и ждетъ такихъ же художественныхъ впечатлѣній отъ французовъ; а между тѣмъ, въ промежутокъ, ее угощаютъ «этюдами» да «эскизами», пейзажами съ «заглохшимъ мѣстомъ», да мотивами: «восходъ солнца». Понятно, она недовольна,—недовольна собственно русской живописью, а не иностранной. Конечно, она прилежно ходитъ на передвижную и академическую выставки, платитъ свою обычную дань, но ропщетъ и остается равнодушна къ успѣхамъ отечественнаго искусства. Можетъ быть, она не права; можетъ быть, къ иностранному искусству она примѣняетъ одну мѣрку, а къ русскому—другую; все это можетъ быть, — вопроса этого я здѣсь не касаюсь. Я только сообщаю фактъ недовольства публики,—фактъ, засвидѣтельствованный даже г. Стасовымъ.

Періодическая печать въ свою очередь переводитъ это недовольство на болѣе сознательный языкъ. Критики (за исключеніемъ опять таки г. Стасова: онъ, какъ извѣстно, «единственный»... въ своемъ родѣ) недовольны господами художниками, господа художники—недовольны критиками. Ничего, впрочемъ, нѣтъ удивительнаго въ этомъ; такъ всегда водилось на бѣломъ свѣтѣ: никакія реформы, «сближенія», никакіе «обмѣны мыслей»

не устранятъ антагонизма, — такъ сказать, естественнаго, стихійнаго,— существующаго между печатью и художниками. И та и другіе, я думаю, правы.—Какъ бы ни былъ талантливъ критикъ, какъ бы онъ ни былъ компетентенъ въ предметѣ, о которомъ пишетъ, его отзывъ, даже самый хвалебный, будетъ непріятенъ художнику,—непріятенъ уже потому, что критикъ *судитъ*, а не просто восхищается, а въ сужденіи есть всегда извѣстная доля оговорокъ, на томъ простомъ основаніи, что не бываетъ совершеннаго произведенія искусства. Но если даже и устранить вопросъ о совершенствѣ, — недовольство художника все таки понятно: онъ такъ много думалъ о своей картинѣ, такъ всецѣло слился съ нею (я говорю о художникѣ, который дѣйствительно любитъ свое искусство, а не просто ремесленничаетъ), такъ много хотѣлъ сказать ею, такъ всесторонне обсуждалъ малѣйшую подробность, что картина невольно приняла въ его глазахъ совершенно не тотъ обликъ, не то значеніе, которые она имѣетъ въ дѣйствительности. Въ 1866 году я писалъ по этому поводу: «Всякій художникъ,—съ какимъ бы талантомъ, съ какимъ бы общимъ и техническимъ образованіемъ, съ какими бы художественными идеалами онъ ни выступалъ,—всегда вѣритъ въ свое дѣло и убѣжденъ, что произведеніе, опредѣлившееся въ образныхъ формахъ въ его творческой фантазіи, исполнено имъ именно такъ, какъ оно должно было быть исполнено при тѣхъ техническихъ средствахъ, которыми онъ обладаетъ. Онъ не можетъ допустить, чтобы образъ или впечатлѣніе, поразившіе его въ природѣ или въ жизни, лелѣянные имъ иногда подолгу, съ любовью выроставшіе и развивавшіеся почти безсознательно для него самого,—чтобы такой образъ или такое впечатлѣніе не вышли, въ окончательномъ исполненіи, въ томъ самомъ органически-законченномъ и цѣльномъ видѣ, въ какомъ они были задуманы самимъ художникомъ. Но вотъ онъ встрѣчаетъ неодобрительный отзывъ, ему указываютъ на тѣ или другіе недостатки его произведенія,— и онъ естественно приходитъ къ убѣжденію, что критикъ легкомысленно рубитъ сплеча или судитъ о дѣлѣ, котораго не понимаетъ, или просто смотритъ съ фальшивой, односторонней, узкой точки зрѣнія, которая затемняетъ передъ нимъ внутреннюю красоту, обнаруживающуюся въ произведеніи. Если критикъ добросовѣстно и умно отнесся къ дѣлу, то со стороны художника почти всегда существуетъ недоразумѣніе. Художникъ принимаетъ во вниманіе только сущность своей натуры, тѣ влеченія, которыя направляютъ его талантъ въ ту или другую сторону,—въ сторону реалистическаго изображенія художественнаго образа, или въ сторону идеализаціи; онъ признаетъ законность и необходимость впечатлѣній, поразившихъ его помимо его воли, и находитъ, что критикъ не оттѣнилъ или оттѣнилъ недостаточно ярко эти особенности его таланта. Но онъ забываетъ, что критикъ только примѣняетъ къ данному случаю общіе эстетическіе принципы и, примѣняя ихъ, судитъ объ относительномъ достоин-

ствѣ произведенія, только отчасти принимая во вниманіе исключительныя особенности художественной натуры, и, когда указываетъ на эти особенности, то почти всегда принужденъ бываетъ прійти къ заключенію, что онѣ вредятъ общему впечатлѣнію или вводятъ рѣзкій диссонансъ въ гармонію цѣлаго. Что критикѣ всегда присущъ въ извѣстной долѣ субъективный элементъ, что ея голосъ, поэтому, никогда не можетъ быть окончательно рѣшающимъ,—въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакаго сомнѣнія; но въ общемъ это не важно, ибо дѣло критики, собственно говоря, заключается не въ томъ, чтобы раздавать похвальные листы или порицанія, а въ томъ, чтобы выяснить въ общемъ синтезѣ тѣ художественныя задачи, которыя ставитъ сама жизнь и которыя, слѣдовательно, рано или поздно должны играть преобладающую роль въ искусствѣ».

Вотъ этого-то именно наши художники и не хотятъ никакимъ образомъ понять. Они все еще увѣрены, что дѣло критики—реклама ихъ произведеній, что критика должна облегчать сбытъ ихъ картинъ, что она должна восхвалять ихъ и пѣть имъ хвалебные гимны. Но чуть только критикъ захочетъ быть самостоятельнымъ и вознамѣрится примѣнить ту или другую эстетическую теорію къ даннымъ произведеніямъ искусства,—господа художники въ негодованіи обвиняютъ критиковъ въ невѣжествѣ или въ недобросовѣстности и рѣшаютъ, что критика только вредитъ истиннымъ интересамъ искусства. Но очевидно, что «истинные интересы искусства»—только приличная фраза, за которой скрываются «дѣйствительные» интересы господъ художниковъ. Мои слова могутъ показаться жестокими и несправедливыми по отношенію къ нашимъ художникамъ, но я, къ сожалѣнію, ничего не выдумываю и въ подтвержденіе моихъ словъ сошлюсь на отчетъ г. Мясоѣдова, читанный имъ недавно на общемъ собраніи «товарищества передвижныхъ выставокъ». Давно уже въ русской печати не появлялось ничего болѣе безтактнаго и въ то же время болѣе «откровеннаго». Судите сами.

Въ своемъ офиціальномъ отчетѣ г. Мясоѣдовъ даетъ слѣдующій аттестатъ русской художественной критикѣ: «не одинакое вліяніе на наше дѣло оказывала печать столичная и провинціальная; послѣдняя относилась къ нему почти всегда сочувственно. Выставки возбуждали иногда большія, не укладывающіяся въ газету, статьи, которыя печатались отдѣльными брошюрами, производившими самое лучшее впечатлѣніе (на кого: на общество или на художниковъ?) по языку и отношенію къ искусству, совершенно свободному отъ чуждыхъ ему соображеній. Иначе отнеслась печать столичная. Серьезныя, уважающія себя и слово литературныя силы, къ сожалѣнію, рѣдко выступали на поприще эстетической критики, и мы не можемъ не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ спокойное и резонированное отношеніе къ нашему искусству было бы во всякомъ случаѣ полезно и ему, и обществу, принужденному довольствоваться той нездоровой пищей, ко-

торую ему доставляетъ пресса. *Жестокіе* нравы, господствующіе въ ней, отражаются въ тѣхъ статьяхъ, которыми газеты ежегодно привѣтствуютъ открытіе выставокъ. Благодаря жестокости (?) этихъ статей, ихъ небрежному отношенію (къ чему?), отсутствію любви и знанія, получается нѣчто весьма отдаленное отъ того, что̀ принято называть эстетической критикой. Часто трудно себѣ объяснить надобность, во имя которой эти статьи появляются въ свѣтъ, такъ какъ нѣсколько уязвленныхъ или раздутыхъ самолюбій въ результатѣ едва ли помогутъ обществу и художникамъ уяснить себѣ задачи искусства. Оставляя прессу по мѣрѣ ея способностей (?) пользоваться шириной предоставленной ей (кѣмъ?) свободы, перехожу къ другимъ невеселымъ вопросамъ, поставленнымъ намъ жизнью».

Послѣдняя фраза—неподражаемый въ своемъ родѣ шедёвръ. Г. Мясоѣдовъ оставляетъ прессу ея способностямъ, онъ позволяетъ ей высказывать свое мнѣніе, онъ думаетъ, что это право обсуждать вопросы искусства предоставлено кѣмъ-то прессѣ, октроировано ей, можетъ быть, тѣми же самыми художниками! Это и наивно выше всякой мѣры и, въ то же время, мало вразумительно. Его іереміады, касающіяся печати, не менѣе наивны. Г. Мясоѣдовъ, въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ отчета, все время смѣшиваетъ «наше дѣло», т. е. дѣло товарищества передвижныхъ выставокъ съ искусствомъ вообще и его интересами, въ сущности, не зная, о чемъ собственно онъ говоритъ: о дѣлахъ ли товарищества, которыя страдаютъ отъ *жестокихъ* нравовъ прессы, или объ искусствѣ, которое будто бы преслѣдуется этою прессою. Это—или очень искусно, или очень неумѣло. Искусно—потому что внушаетъ публикѣ, что дѣло товарищества и интересы искусства—одно и то же, а это можетъ быть товариществу очень выгодно; неумѣло,—потому что кто же въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что интересы искусства неразрывно связаны съ процвѣтаніемъ дѣлъ товарищества! Я думаю однако, что г. Мясоѣдовъ наивно убѣжденъ, что дѣла товарищества и интересы искусства, если и не одно и то же, то во всякомъ случаѣ совершенно нераздѣльны, и потому, говоря о дѣлахъ товарищества, онъ подразумѣваетъ интересы искусства и наоборотъ. Наивно! Но что мое предположеніе справедливо, это я заключаю изъ тона, въ которомъ написаны эти строки, тона докторальнаго, немного филистерскаго, самоувѣреннаго, чрезвычайно важнаго; точно г. Мясоѣдовъ рѣшаетъ міровыя дѣла или, какъ это недавно сдѣлалъ князь Бисмаркъ, распоряжается судьбами Европы. Отчетъ хвалитъ провинціальную печать и порицаетъ столичную. Въ провинціи г. Мясоѣдовъ отыскалъ какихъ-то глубокомысленныхъ эстетиковъ, пишущихъ цѣлыя брошюры о выставкахъ, эстетиковъ, излагающихъ свои мысли прекраснымъ языкомъ и говорящихъ объ искусствѣ безъ «чуждыхъ ему соображеній». Мы съ охотой готовы вѣрить г. Мясоѣдову. Жаль только, что онъ не привелъ, по крайней мѣрѣ, заглавій этихъ брошюръ; тогда мы имѣли бы случай познакомиться съ мясоѣдов-

ской эстетикой. Жаль также, что слава этихъ эстетиковъ не проникла въ Петербургъ и скрывается неизвѣстно гдѣ, въ какой-то глуши. Что же касается столичной печати, то г. Мясоѣдовъ рѣшительно не одобряетъ ея жестокихъ нравовъ и скорбитъ объ этомъ, говоря, что эта печать питаетъ общество и художниковъ «нездоровой пищей». Мы, однако, не совсѣмъ это понимаемъ, такъ какъ зачѣмъ же господамъ художникамъ питаться нездоровой столичной пищей, когда у нихъ есть здоровыя провинціальныя блюда, съ соусомъ восхваленій, въ разныхъ брошюрахъ? И все это говорится голословно, такъ сказать, смаху, безъ малѣйшаго указанія, на какія именно статьи намекаетъ г. Мясоѣдовъ. Я понимаю, что въ отчетѣ было бы неудобно и неумѣстно входить въ препирательства съ газетами, но въ такомъ случаѣ слѣдовало вовсе умолчать о печати, дѣло которой никоимъ образомъ не касается дѣлъ товарищества. Печать дѣлаетъ свое дѣло (хорошо ли, дурно ли—все равно), а товарищество—свое. Печать высказывается не только по отношенію къ передвижнымъ выставкамъ, но также по отношенію и ко всякимъ выставкамъ; это—ея право и этимъ правомъ она пользуется всегда и вездѣ, такъ что товарищество, какъ и всякій художникъ, какъ и всякое художественное учрежденіе, подчинено тѣмъ же общественнымъ условіямъ, которымъ подчинены всѣ художники во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ искусство и печать. Эти условія не могутъ быть измѣнены по желанію, они общи для всѣхъ,—и для академіи, и для передвижниковъ,—слѣдовательно, не могутъ оказывать какого либо исключительнаго вліянія на дѣла товарищества, а разъ они не оказываютъ такого вліянія, значитъ и говорить о нихъ въ отчетѣ не приходится. Но, сколько можно догадываться, г. Мясоѣдовъ имѣетъ въ виду мелкую столичную печать и на нее обрушиваетъ свои громы. Что эта печать, дѣйствительно, не блещетъ глубокомыслiемъ, что она, за малыми исключеніями, легкомысленна и невѣжественна,—съ этимъ нетрудно согласиться. Но это еще ровно ничего не доказываетъ. Гдѣ же нѣтъ такой печати? Вездѣ она есть: и во Франціи, и въ Германіи, и въ Англіи, и въ Италіи. Въ Европѣ, пожалуй, еще хуже чѣмъ у насъ; тамъ, кромѣ легкомыслія и невѣжества, процвѣтаетъ еще продажность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но все это—необходимое зло, съ которымъ приходится мириться, или—вѣрнѣе—зло, которое можно игнорировать, въ особенности почтенному товариществу, несомнѣнно много поработавшему на пользу русскаго искусства, товариществу, существованіе котораго не можетъ же зависѣть отъ тѣхъ или другихъ нелѣпыхъ выходокъ невѣжественныхъ журналистовъ. Все это легко можно было сообразить, а сообразивши—умолчать въ отчетѣ, изъ благоразумія и такта, о печати; но видно «уязвленное самолюбіе» взяло верхъ надъ тактомъ и благоразумiемъ.

Въ отчетѣ встрѣчаются и другіе курьезы. Говоря о причинахъ воз-

никновенія товарищества (оно было ссновано, какъ извѣстно, въ 1870 году), г. Мясоѣдовъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ русское искусство «древнѣйшаго» періода, т. е. до 1870 года. «Наши великія имена, наши свѣтила періода подражанія были до такой степени свободны отъ условій времени и мѣста, что произведенія ихъ можно было отнести къ всякой эпохѣ и школѣ, исключая той, къ которой они дѣйствительно принадлежали. Думаю, что ихъ успѣхъ и слава въ значительной долѣ обусловливались удовлетвореніемъ господствовавшихъ тогда запросовъ на прекрасное, возвышенное, классическое, достиженіе которыхъ считалось возможнымъ при соблюденіи завѣтовъ и рецептовъ, выписанныхъ во времена давнопрошедшія изъ-за границы. Иногда являвшіяся русскія картинки терпѣлись, какъ родъ забавный, хотя и низкій. Пейзажъ тоже не ушелъ отъ вліянія этого воззрѣнія, и природа Россіи мало привлекала глазъ художника и любителя».

Нужно обладать необыкновеннымъ самообольщеніемъ, нужно совершенно забыть исторію русскаго искусства, чтобы говорить такимъ развязнымъ тономъ о прошломъ. Неужели же г. Мясоѣдову неизвѣстны имена Ѳедотова, Венеціанова, Иванова, и ихъ значеніе? Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ наивно думаетъ, что настоящее русское искусство возникло только съ 1870 года, когда было основано товарищество передвижныхъ выставокъ? Неужели же ему незнакомы даже элементарные законы исторической критики, изъ которыхъ слѣдуетъ, что искусство не нарождается ни съ того, ни съ сего, а что оно есть органическій продуктъ времени и общественной культуры; что оно зависитъ, слѣдовательно, отъ извѣстныхъ существующихъ въ обществѣ потребностей, и что искусство всегда и вездѣ только удовлетворяетъ этимъ потребностямъ? Что оно удовлетворяло имъ при Брюловѣ въ такой же мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ теперь при г. Мясоѣдовѣ,—это также должно быть ему извѣстно. Неужели, наконецъ, ему неизвѣстенъ законы преемственности формъ и задачъ, законы, основанные на традиціи, о которой господа русскіе художники ничего знать не хотятъ?

Но положимъ, что «древнѣйшій» періодъ русскаго искусства ничего не стоитъ, съ точки зрѣнія г. Мясоѣдова; посмотримъ, какъ онъ характеризуетъ современное русское искусство, которое ему ближе и понятнѣе. «Въ то время, когда мы рѣшились пойти своей дорогой, не было уже недостатка въ людяхъ, сдѣлавшихъ (sic) себѣ нѣкоторую извѣстность работами самостоятельнаго характера, а за ними вслѣдъ пробивались молодые побѣги, стремившіеся къ свѣту и правдѣ. Новыя общественныя условія, одновременно отодвинувшія меценатство на второй планъ, освободили мѣсто, къ счастію, не оставшееся пустымъ. Мецената замѣнилъ любитель, не платоническій любитель и знатокъ, но любитель-покупатель, любитель-коллекторъ, симпатизирующій всему отечественному и совершенно свобод-

ный отъ культа формы или стиля, главнымъ образомъ цѣнящій въ искусствѣ его живое начало. Запросы его встрѣтили отвѣтъ въ томъ, что не умѣло или не желало улечься въ одобренныя формы. И въ русской школѣ образовалось небольшое самостоятельное теченіе, которому любители писать о художествахъ усвоили потомъ названіе *новаго искусства*, не поясняя, что должно означать это названіе. Мнѣ кажется, что новость его заключается, главнымъ образомъ, въ его искренности; оно рѣшилось говорить о томъ, что ему близко и хорошо извѣстно, съ чѣмъ оно родилось и выросло; оно рѣшилось быть правдивымъ или, какъ принято говорить, реальнымъ, не допускать поддѣлокъ и подражаній, не желая казаться болѣе того, чѣмъ оно есть, при помощи чужихъ пьедесталовъ. Во имя этой наклонности къ искренности, новое искусство навлекло на себя немало упрековъ и порицаній,—упрековъ въ крайнемъ реализмѣ, отсутствіи высшихъ стремленій, отвращеніи ко всему прекрасному и идеальному и т. д. Въ этихъ упрекахъ сказывалось то древнее воззрѣніе на искусство, которое отводило ему роль утѣшителя въ скорбяхъ, вытекающихъ отъ излишества благъ міра, роль забавы досужихъ людей, лучшаго, послѣ мебели, украшенія барскихъ стѣнъ и проч. Товарищество, сложившееся послѣ перелома, объединило почти все, что умѣло или только хотѣло быть искреннимъ и правдивымъ по мѣрѣ силъ и таланта. Это произошло само собой въ силу обязательства, которое оно на себя приняло,—знакомить Россію съ русскимъ искусствомъ, а не съ тѣми имитаціями, которыя, какъ бы ни были искусны, останутся безслѣдными для русской школы. Но реальное направленіе мало по малу проникло почти всюду, не только въ сознаніе художниковъ, но также и въ сознаніе публики, которая начала относиться къ искусству съ меньшей легкостью и предъявляла болѣе серьезныя требованія. Подъемъ національнаго чувства въ Россіи создалъ новыя точки опоры и далъ доступъ новому искусству на всѣ выставки, не исключая выставокъ академіи художествъ. Послѣднія потерпѣли въ свою очередь замѣтное измѣненіе, потерявъ казенный распорядокъ, въ которомъ авторы произведеній играли пассивную роль, и, перейдя черезъ нѣсколько метаморфозъ, эти выставки приняли до извѣстной степени общественный характеръ, при которомъ нашли мѣсто для участія въ устройствѣ ихъ и распорядкѣ сами авторы».

Вотъ вамъ и эстетическое profession de foi товарищества передвижныхъ выставокъ; оно любопытно и характерно. Признаюсь, мнѣ давно уже не приходилось читать ничего болѣе курьезнаго, болѣе наивнаго, болѣе незрѣлаго. Изъ этого profession de foi оказалось, что *новое* искусство народилось въ Россіи въ 1870 году, втораго ноября, вмѣстѣ съ офиціальнымъ уставомъ товарищества передвижныхъ выставокъ. Особенности этого новаго искусства: искренность, реализмъ, правда, русская природа и русская жизнь, отсутствіе высшихъ стремленій и,—я бы приба-

вилъ отъ себя,—погони за новымъ. «Древнее» искусство ничего этого не имѣло; оно было подражательно, неискренно, лживо, не реально и было утѣшителемъ въ скорбяхъ, вытекающихъ изъ излишества благъ міра сего. Побойтесь Бога, г. Мясоѣдовъ или, по крайней мѣрѣ, приведите вашу память въ нѣкоторый порядокъ. Какъ! Ивановъ—художникъ не искренній? Ѳедотовъ—лживый шутъ и утѣшитель въ скорбяхъ? Венеціановъ—художникъ безъ чувства русской природы? Щедринъ, Левицкій, Шебуевъ, Кипренскій—подражители? Но, можетъ быть, вы говорите не только о русской школѣ, можетъ быть, вы имѣете такое своеобразное представленіе и о всей вообще европейской живописи? Въ такомъ случаѣ, вы неизлѣчимо больны и съ вами, очевидно, разговаривать не приходится. Предполагать что истинный художникъ,—когда бы и гдѣ бы онъ ни былъ,—можетъ быть не искреннимъ, не правдивымъ, не реальнымъ,—значитъ не имѣть ни малѣйшаго понятія не только объ исторіи искусства, но даже о художественномъ чувствѣ вообще. По вашему, Леонардо да Винчи не искренъ и не правдивъ, потому что онъ писалъ мадоннъ, вмѣсто кухарокъ и деревенскихъ бабъ; Микель Анджело—не реаленъ, потому что написалъ Страшный Судъ; не искренни и не реальны—Рембрандтъ, Рубенсъ, Мурильо, Дюреръ, а въ ближайшее къ намъ время,—Корнеліусъ. Деларошъ, Делакруа... Правда, эти великіе художники не писали мадоннъ нынѣшняго жанра изъ народнаго быта или изъ быта кисейныхъ барышень; у нихъ были задачи совершенно не реальныя,—исторія, религія, государство; эти задачи поглощали ихъ жизнь, и имъ, конечно, некогда было заниматься «сценами», да «эскизами», да «этюдами». На нынѣшней передвижной выставкѣ есть хорошенькая картинка г. Харламова: «Мыльные пузыри»;—вотъ этими-то мыльными пузырями они считали бы, вѣроятно, современное реальное, искреннее, новое искусство, которое съ такой наивностью восхваляетъ г. Мясоѣдовъ.

Еслибы все это мы читали гдѣ нибудь въ мелкой печати, писанное какимъ нибудь «скворкой», который никогда не заглядывалъ въ эрмитажъ, который никогда не слыхалъ о Рафаэлѣ, никогда не совалъ своего носа въ какую-нибудь путную книжку, то мы бы не удивлялись: онъ на то и скворка мелкой газетки, чтобы ничего не знатьи быть свободнымъ отъ всякихъ знаній; но говоритъ все это извѣстный художникъ, и говоритъ не какъ свое личное мнѣніе, а, такъ сказать, въ офиціальномъ отчетѣ почтеннаго художественнаго товарищества,—значитъ излагаетъ взгляды этого товарищества на искусство, задачи, которыя оно преслѣдуетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какія задачи преслѣдуетъ товарищество передвижныхъ выставокъ? Имѣетъ ли оно какое либо эстетическое знамя? Какой школы въ русскомъ искусствѣ оно является представителемъ? Объ этомъ въ отчетѣ г. Мясоѣдова мы не встрѣчаемъ ни одного слова, а между

тѣмъ это-то именно и было бы особенно интересно. Товарищество имѣетъ свою исторію, оно возникло, какъ понятное и нормальное явленіе,—и въ этомъ его заслуги. Но, когда оно возникло,—ясно ли оно сознавало свои цѣли и стремленія; успѣло ли оно, по крайней мѣрѣ, уяснить себѣ ихъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ своего существованія?

Товарищество передвижныхъ выставокъ возникло, какъ протестъ противъ академической рутины. Нѣсколько даровитыхъ художниковъ (Крамской, Шишкинъ, Корзухинъ и пр.), еще раньше оставившіе академію, потому что она требовала отъ нихъ возвышеннаго стиля, въ то время какъ они стремились въ жанру и пейзажу,—образовали свой кружокъ и стали работать самостоятельно. Конечно, шагъ былъ рискованный, но онъ увѣнчался успѣхомъ; они пріобрѣли извѣстность и заявили себя талантливыми и добросовѣстными художниками. Тѣмъ не менѣе, двери академическихъ выставокъ были для нихъ закрыты, и вотъ въ нихъ-то средѣ и возникла мысль основать товарищество передвижныхъ выставокъ. Товарищество было основано, разрѣшено правительствомъ, и съ тѣхъ поръ начинается уже офиціальная, такъ сказать, исторія его. Въ чемъ же заключались задачи и цѣли товарищества?

Задачи и цѣли товарищества были и остались до сихъ поръ чисто практическія: устраивать ежегодныя выставки картинъ своихъ членовъ и образовать, такимъ образомъ, общій капиталъ, который бы, въ случаѣ надобности, могъ служить для поддержки нуждающихся членовъ или ихъ семей. Само собою разумѣется, что и въ художественномъ смыслѣ направленіе товарищества приняло нѣсколько другой характеръ, чѣмъ направленіе академіи, строго консервативное и нѣсколько рутинное. Русское искусство стало ближе къ жизни, въ него вошли новые художественные элементы, пейзажъ и жанръ заняли выдающееся мѣсто; нестѣсненные никакими требованіями академическаго стиля, члены товарищества были свободнѣе въ выборѣ сюжетовъ для своихъ картинъ и въ манерѣ трактовать ихъ. Эта свобода принесла свои плоды. Таланты молодыхъ художниковъ развивались нормальнѣе и быстрѣе; многіе изъ нихъ заявили себя первоклассными художниками, и дѣла товарищества пошли отлично. Косвеннымъ путемъ вліяніе товарищества отразилось на академіи; академія, въ виду нарождающагося новаго художественнаго центра, пришла къ необходимости нѣкоторыхъ уступокъ въ преподаваніи; съ другой стороны, «академія,—говоритъ отчетъ,—найдя нашу цѣль и наши старанія заслуживающими подражанія, устроила съ своей стороны въ посѣщаемыхъ нами городахъ передвижныя выставки, имѣвшія большой успѣхъ. Волею какой-то злой судьбы, выставки эти появляются одновременно съ нашими въ тѣхъ же городахъ. Эта прискорбная случайность создаетъ намъ положеніе антагонизма, котораго мы старательно избѣгали въ теченіе 15 лѣтъ, и даетъ поводъ печати и обществу дѣлать сопоставленія, ненужныя намъ и ничего не прибавляющія къ

достоинству академіи художествъ». Фактъ, сообщаемый здѣсь отчетомъ, дѣйствительно, любопытенъ *). Оказывается, что между академіей и товариществомъ, дѣйствительно, существуетъ соперничество, не на словахъ только, но и на дѣлѣ, соперничество невыгодно отзывающееся на академіи. Но соперничество это, имѣя характеръ чисто практическій, не касается направленія. Я хочу сказать, что, въ смыслѣ художественной школы, товарищество не выдѣлилось изъ общаго теченія русскаго искусства; оно не стало во главѣ какой либо опредѣленной, самостоятельной художественной школы, оно не несетъ съ собой никакого опредѣленнаго эстетическаго знамени, оно не является представителемъ такого художественнаго теченія, такого эстетическаго идеала, который бы указывалъ на интенсивную творческую дѣятельность художниковъ, составляющихъ ядро товарищества. Товарищество возникло, какъ протестъ противъ академической рутины, и въ этомъ смыслѣ оно сдѣлало блистательно свое дѣло, и займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской живописи. Но этого мало. Если оно хочетъ сохранить свое вліяніе, оно должно заявить,—не на словахъ, но главнымъ образомъ на дѣлѣ,—свой положительный, художественный идеалъ, а этого идеала, очевидно, у товарищества нѣтъ. Русское общество, слѣдившее съ большимъ интересомъ за дѣятельностью передвижниковъ, не замѣтило этого идеала, такъ что невольно является вопросъ: какимъ образомъ антагонизмъ между академіей и товариществомъ, имѣвшій свои дѣйствительныя причины при возникновеніи товарищества, сохранился до сихъ поръ? На этотъ вопросъ едва ли кто либо можетъ отвѣчать. Вѣдь свобода, которой добивались передвижники, давнымъ давно сдѣлалась общимъ достояніемъ, значитъ, и причина антагонизма исчезла сама собой съ теченіемъ времени. Соперничество продолжаетъ существовать только на практической почвѣ, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы товарищество и впредь имѣло право претендовать на исключительное положеніе и считало себя представителемъ такой художественной школы, которая, будто бы, не находитъ себѣ мѣста въ академіи? А между тѣмъ, въ обществѣ и до сихъ поръ сохранилось мнѣніе, будто бы товарищество представляетъ изъ себя нѣчто особенное, что оно—представитель того самого національнаго искусства, о которомъ всѣ говорятъ, не зная однако, въ чемъ оно заключается и какъ его формулировать.

---

*) Другой фактъ, приводимый г. Мясоѣдовымъ, еще любопытнѣе. Въ послѣдніе годы, картины, предназначенныя на выставку, подчинены контролю цензуры, что принесло курьезныя послѣдствія: картины, пропущенныя въ одномъ городѣ, оказывались неудобными въ другомъ. Благодаря личному мнѣнію одного и того же лица, которому поручалось цензированіе выставки, нерѣдко происходили замедленія, дорого обходившіяся товариществу.

Указываемый мною фактъ очень любопытенъ и представляетъ собою феноменъ, свойственный исключительно лишь русскому обществу. Въ Европѣ, гдѣ художественная жизнь сложнѣе, интенсивнѣе и неизмѣримо богаче, ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть. И тамъ существуютъ самостоятельныя художественныя общества, но они возникаютъ всегда на почвѣ нарождающихся новыхъ художническихъ идеаловъ и преслѣдуютъ цѣли не меркантильныя, не лавочныя, а художественныя. Таковъ былъ кружокъ прерафаэлистовъ въ Англіи, таковъ кружокъ современныхъ импрессіонистовъ во Франціи, таковъ былъ наконецъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, кружокъ нѣмецкихъ «назарянцевъ» съ Овербекомъ и Корнеліусомъ во главѣ. Насколько мнѣ извѣстно, во всей исторіи русскаго искусства вы не встрѣтите ни одного подобнаго факта, даже въ самыхъ мелкихъ размѣрахъ. Происходитъ ли это отъ того, что мы вообще не реформаторы, что мы до сихъ поръ не внесли ничего въ общую сокровищницу европейскаго искусства, или отъ того, что мы гораздо практичнѣе европейцевъ,—не знаю. Думаю, что обѣ эти причины играютъ въ извѣстной мѣрѣ роль въ разсматриваемомъ нами фактѣ. Недавно г. В. Соловьевъ въ замѣчательной статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», усомнился въ русскомъ творчествѣ; можетъ быть, почтенный авторъ поставилъ вопросъ слишкомъ общо, рѣшилъ его слишкомъ узко и недостаточно фактично обосновалъ свое мнѣніе, но по отношенію къ русскому искусству я думаю, что онъ до извѣстной степени правъ. Дѣйствительно, въ русскомъ искусствѣ чувствуется недостатокъ творчества, оно гораздо болѣе подражательно, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, и не прежде только, но и теперь,—въ эпоху самобытности, провозглашаемой г. Стасовымъ. Возьмите какую угодно изъ европейскихъ школъ живописи,—итальянскую, французскую, испанскую, англійскую, нѣмецкую, бельгійскую,—вы сейчасъ же отличите характерныя особенности каждой изъ нихъ, даже въ томъ случаѣ, если вы—и не богъ знаетъ какой тонкій знатокъ. Бретона или Бастьенъ-Лепажа вы никоимъ образомъ не смѣшаете съ англійскимъ Милле или съ Альма-Тадема; Пилоти или Кнауса не смѣшаете съ Жеромомъ или съ Мессонье. Разница между ними объясняется не столько индивидуальностью каждаго художника, сколько извѣстнымъ національнымъ складомъ, извѣстной манерой письма и рисунка, извѣстнымъ отношеніемъ къ сюжету, извѣстнымъ выборомъ его. О русской школѣ этого никакъ нельзя сказать. У насъ нѣтъ *своей* манеры,—общей, національной; во всемъ русскомъ искусствѣ чувствуется что-то неясное, не опредѣлившееся, не выдѣлившееся изъ первобытнаго художественнаго синкретизма. Возьмите первый попавшійся русскій пейзажъ или жанръ (конечно, не исключительно этнографическій),—вы найдете въ немъ, можетъ быть, большія достоинства, но не найдете того неуловимаго нѣчто, что отличаетъ одну національную школу отъ другой. Въ одной картинѣ вы отыщете немного итальянскую манеру, въ другой—чуточку испанской,

въ третьей—кое-что нѣмецкое, въ четвертой (и чаще всего),—весьма много французскаго, того французскаго, что̀ становится уже шаблоннымъ и пошловатымъ. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія; исключенія существуютъ и въ русской живописи, но они,—какъ и всегда,—только подтверждаютъ общее правило. Однимъ словомъ, въ русскомъ искусствѣ самобытность и творчество не выступаютъ особенно ярко. Помнится, въ 1878 году, въ Парижѣ нѣчто подобное высказалъ мнѣ И. С. Тургеневъ. У г-жи Віардо онъ мнѣ показывалъ небольшую картинку очень извѣстнаго русскаго художника. Восхищаясь удивительнымъ совершенствомъ техники, я выразилъ сожалѣніе, что этотъ художникъ, при такомъ крупномъ талантѣ, не написалъ до сихъ поръ ни одной настоящей картины, въ строгомъ смыслѣ этого слова, что онъ ограничивается портретами, этюдами головъ или очень незатѣйливыми композиціями безъ всякаго содержанія.—«Вы напрасно удивляетесь,—отвѣчалъ мнѣ И. С.:—онъ дѣйствительно очень талантливъ, но совершенно лишенъ творческой фантазіи. Съ нами почти всегда такъ бываетъ. У насъ—бездна высоко-талантливыхъ людей, но имъ недостаетъ одного качества, создающаго великихъ художниковъ,—творческой фантазіи; этюдъ старика или дѣвочки-цыганки русскій художникъ напишетъ такъ, какъ не напишетъ, можетъ быть, никакой итальянецъ или французъ, а создать картину—не создастъ, а если и создастъ, то нѣчто странное, недодуманное. Выдумки у насъ нѣтъ».—Этими словами И. С., можетъ быть, лучше, чѣмъ кто либо изъ его критиковъ, опредѣлилъ размѣры и своего собственнаго таланта. Что же касается до художника, о которомъ мы говорили, то онъ много изучалъ Рембрандта и отчасти усвоилъ себѣ его манеру; затѣмъ нѣсколько бездѣлушекъ написалъ въ стилѣ Теодора Руссо и теперь чаще всего пишетъ въ современной итальянской манерѣ; но до сихъ поръ мнѣ не случалось встрѣтить ни одной его картины, въ которой онъ былъ бы русскимъ художникомъ, хотя бы въ самой незначительной степени. Это то же, что̀ по другому поводу и въ видѣ особенной похвалы говорилъ Достоевскій въ своей рѣчи о Пушкинѣ, восторгаясь особенностью Пушкина создавать образы и картины изъ чуждой ему жизни, ассимилировать въ себѣ элементы всякой другой національности, такъ что не остается ничего своего, русскаго, въ созданномъ такимъ образомъ представленіи. По отношенію къ Пушкину это несправедливо; у Пушкина національный элементъ выступаетъ очень ярко и никогда не стушевывается даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Каменный Гость», «Сцена изъ Фауста», «Скупой рыцарь»: это можно было бы доказать цитатами. Но Достоевскій вѣрно замѣтилъ одну особенность русской натуры: усвоивать себѣ внѣшность всякой другой національности и иногда до такой степени, что положительно является оптическій обманъ. Есть, правда, и русская манера въ искусствѣ, но, къ несчастью, она отличается не положительными, а отрицательными качествами,—чѣмъ-то неуклюжимъ въ письмѣ и краскахъ, грубымъ, неряшливымъ.

За примѣрами ходить недалеко, но я ихъ не привожу; укажу только на картину г. К. Маковскаго: «Смерть Ивана Грознаго».

К. Маковскій — членъ товарищества передвижныхъ выставокъ, но почему-то свою послѣднюю картину онъ выставилъ отдѣльно. По отношенію къ техникѣ, картина отличается большими достоинствами; въ техническомъ смыслѣ она написана превосходно, съ большимъ вкусомъ: вкусу, можетъ быть, даже больше, чѣмъ правды. Но г. К. Маковскій возъимѣлъ несчастное намѣреніе написать историческую картину, и это намѣреніе сильно повредило ему: въ картинѣ нѣтъ ничего не только историческаго, но даже и просто драматическаго. Напримѣръ, картина такъ странно написана, что невозможно опредѣлить хотя сколько нибудь точно, какой именно моментъ художникъ выбралъ. Извѣстно, что Иванъ Грозный игралъ въ шахматы съ Бѣльскимъ; ему сдѣлалось дурно, послали за докторомъ, но было уже поздно,—онъ умеръ. Во время игры въ шахматы и, слѣдовательно, въ моментъ смерти присутствовали Борисъ Годуновъ и шутъ. Еслибъ художникъ выбралъ именно этотъ моментъ, то онъ бы не могъ помѣстить въ своей картинѣ другихъ лицъ, — царевича Ѳедора, его супругу, старуху-няньку; между тѣмъ въ картинѣ эти лица находятся; значитъ, надо полагать, художникъ взялъ другой, позднѣйшій моментъ, т. е. тотъ моментъ, когда явился докторъ, когда вѣсть о смерти царя уже распространилась, когда узнали объ этомъ царевичъ, его супруга, нянька, духовенство. Но если художникъ выбралъ этотъ второй моментъ, то какимъ образомъ могло случиться, что старуха-нянька въ моментъ смерти царя могла оказаться въ такомъ пышномъ нарядѣ, и всѣ другія лица разодѣты, какъ съ иголочки, въ парадныхъ нарядахъ, точно собрались на пиръ? Какимъ образомъ, съ другой стороны, могло случиться, что въ лицѣ Бориса Годунова и шута такъ много страха, удивленія, ужаса, мысли о будущемъ? Вѣдь между моментомъ смерти, когда каждый изъ нихъ могъ все это перечувствовать, прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса; съ фактомъ смерти они во всякомъ случаѣ имѣли время примириться, такъ что на лицахъ ихъ не могло застыть въ такой интенсивности это чувство. Значитъ, въ своей картинѣ, г. К. Маковскій изобразилъ и не моментъ смерти, и не послѣдующій затѣмъ моментъ, имѣвшій уже болѣе офиціальный, чѣмъ драматическій характеръ. Онъ, не мудрствуя лукаво, соединилъ оба момента; первый моментъ—для того чтобы имѣть случай выразить чувство скорби и страха на лицахъ Бориса Годунова и шута, написать борьбу смерти и жизни на лицѣ царя; а второй,—для того чтобы обстановку сдѣлать болѣе торжественной, красивой, чтобы блеснуть своимъ умѣніемъ писать костюмы и матеріи.—Я указываю только на одну эту подробность, не имѣя намѣренія входить въ болѣе подробный разборъ картины. Но не могу, кромѣ того, не прибавить, что въ картинѣ г. К. Маковскаго нѣтъ ничего историческаго. Историческою картина бываетъ не потому только, что въ ней

изображена сцена изъ жизни историческаго лица; исторической она становится только съ того момента, когда въ ней выдвигается на первый планъ историческая важность сцены, т. е., когда сцена трактована такъ, что въ ней ярко, отчетливо отмѣченъ ея историческій характеръ, тѣ историческія послѣдствія, которыя влечетъ за собой эта сцена. Смерть Ивана Грознаго, конечно,—высоко-историческій моментъ, но г. К. Маковскій понялъ этотъ моментъ, какъ частный фактъ, и не указалъ въ немъ его историческаго значенія. Но если это такъ, то въ чемъ же г. Маковскій выразилъ свое творчество въ этой картинѣ? Зачѣмъ онъ ее писалъ? Что хотѣлъ ею сказать?—На всѣ эти вопросы можетъ быть одинъ только отвѣтъ: г. К. Маковскій любитъ старые боярскіе костюмы, онъ можетъ выписывать ковры, парчи, кокошники: вотъ онъ и задумалъ вторично угостить публику всѣмъ этимъ, а что касается собственно содержанія, то не все ли равно? Для этого годится всякая сцена XVI столѣтія, а смерть Ивана Грознаго—и тѣмъ болѣе, потому что тутъ много лицъ, слѣдовательно, много самыхъ разнообразныхъ и самыхъ роскошныхъ костюмовъ.

Обратите вниманіе на другія картины нынѣшнихъ выставокъ,—передвижной и академической:—г. Глоба («Митрополитъ совершаетъ посвященіе Іоанна Грознаго въ схиму»), г. Майзана («Смерть Іоанна Грознаго»), г. Шаховскаго («Семейство Годуновыхъ»), г. Венига («Послѣднія минуты семейства Годуновыхъ»), г. Неврева («Ярославъ Мудрый напутствуетъ дочь свою Анну въ замужство французскому королю Генриху I-му»), — вездѣ вы встрѣтите полнѣйшее непониманіе историческаго момента, полнѣйшее безсиліе осмыслить драму, придать ей историческій интересъ и человѣческое значеніе. Я, конечно, не сравниваю этихъ картинъ съ картиной г. К. Маковскаго; у г. Маковскаго прекрасный рисунокъ, удивительный колоритъ, костюмы поразительны, общій тонъ картины чрезвычайно пріятенъ, радуетъ взоръ; но, за исключеніемъ этихъ качествъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность г. Маковскаго, — во всемъ остальномъ (а это остальное и есть самое важное) онъ также безнадежно безсиленъ, какъ и упомянутые мною художники. К. Маковскій и Невревъ—передвижники, остальные историческіе живописцы участвуютъ на академическихъ выставкахъ, а какая между ними, позвольте васъ спросить, разница? Почему г. Невревъ, напримѣръ, принадлежитъ «новому» искусству, а г. Венигъ—«древнѣйшему»,—слѣдуя терминологіи г. Мясоѣдова? Оба они совершенно въ одинаковой мѣрѣ безсильны, оба — рутинеры, оба придерживаются однихъ и тѣхъ же пріемовъ, оба имѣютъ весьма смутное понятіе объ исторической картинѣ и ея значеніи. Но, можетъ быть, г. Маковскій — представитель «новаго» искусства, слѣдовательно, только онъ и представляетъ «направленіе» товарищества, а г. Невревъ попалъ въ члены товарищества случайно, что настоящее его мѣсто—академія? Ничуть не бывало. Рядомъ съ г. Маковскимъ, на

передвижной выставкѣ мы имѣемъ такого мастера, какъ г. Рѣпинъ, который не имѣетъ ничего общаго съ г. Маковскимъ; мы имѣемъ г. Сурикова, который не имѣетъ ничего общаго ни съ г. Рѣпинымъ, ни съ Маковскимъ. Точно также и на академической выставкѣ: рядомъ съ г. Бакаловичемъ, (который могъ бы составить компанію съ г. Бронниковымъ—членомъ товарищества), мы имѣемъ г. Голынскаго; рядомъ съ г. Орловскимъ—г. Айвазовскаго. И все таки академическая выставка представляетъ больше единства; за исключеніемъ начинающихъ только художниковъ, которыхъ неопытность слишкомъ очевидна, или за исключеніемъ такихъ бездарностей, которыя неизвѣстно съ какой стати фигурируютъ на выставкѣ,—манера письма, художественный пріемъ, техника на академической выставкѣ не такъ разнообразны, не такъ разношерстны, какъ на передвижной. У гг. передвижниковъ, напротивъ того, эта разношерстность прямо бросается въ глаза. Г. Бронниковъ пишетъ въ одной манерѣ,—иностранной, — а г. Суриковъ въ другой, спеціально русской, если вѣрить г. Стасову; г. Ярошенко принадлежитъ къ одной школѣ, г. Прянишниковъ,—къ совершенно другой и т. д. Даже тщательностью выбора передвижная выставка не особенно отличается отъ академической; какъ на одной, такъ и на другой,—вы можете встрѣтить картины ниже всякой возможной критики (укажу на передвижной выставкѣ картины г. Дубовскаго или портретъ работы г. Сурикова; на академической—картины г. Дмитріева-Оренбургскаго или класснаго художника 2 степени г. Ѳедорова). Итакъ, въ чемъ же заключается разница между академіей и товариществомъ, разница въ пріемахъ, въ направленіи, въ школѣ, на которую напираетъ отчетъ г. Мясоѣдова?

Г. Мясоѣдовъ, какъ мы видѣли, отвѣчаетъ на это банальными фразами ничего не означающими. Если ужь разница замѣчается въ «новомъ» и «древнемъ» искусствѣ, то надо бы было, по крайней мѣрѣ, намекнуть, въ чемъ же состоитъ «новизна» искусства передвижниковъ. Вѣдь нельзя же говорить, что «новое» искусство искренно, что оно реально, что оно воспроизводитъ «русскую» природу и наводняетъ рынокъ «русскими» картинами. Все это фразы, или ничего не означающія, или требующія толковаго и обстоятельнаго объясненія.

Замѣчательно, что г. Стасовъ,—единственный критикъ, признаваемый товариществомъ передвижныхъ выставокъ, ихъ porte-voix, если можно такъ выразиться,—довольствуется точно такими же туманными фразами, также недоволенъ другими критиками и публикой, также много кричитъ о новомъ искусствѣ, о русской школѣ, объ искренности, о національности, и также мало поясняетъ эти выраженія. О печати, напр., г. Стасовъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ общемъ же, рецензенты (замѣтимъ, принадлежащіе, въ большинствѣ случаевъ, не къ маленькой, а къ крупной прессѣ) хоромъ пѣли о невѣжествѣ, о недомысліи нашихъ художниковъ, почему и

спѣшили подавать имъ разные полезные совѣты по части рисунка, колорита, композиціи, содержанія, тоновъ; они повторяли, что съ каждымъ годомъ *новая* наша школа все болѣе и болѣе падаетъ, выставки съ каждымъ годомъ становятся все хуже и хуже, что вся наша живопись—одно школьное упражненіе, машинальное списываніе живой, но не осмысленной дѣйствительности. Вотъ чѣмъ русская пресса, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, угощала нашихъ живописцевъ, да еще какихъ,—почти всегда самыхъ лучшихъ, самыхъ высокихъ. Исключенія въ прессѣ бывали, но ихъ было, сравнительно, немного, всего болѣе въ провинціальной печати... Отчего такая нелюбовь къ передвижникамъ? Отчего такая нескончаемая на нихъ аттака? Оттого, что большинство пишущихъ у насъ объ искусствѣ пишутъ о немъ совершенно случайно, экспромтомъ, какъ написали бы сейчасъ же, съ большимъ удовольствіемъ, про выставку собакъ, огурцовъ или половыхъ щетокъ, если пришла бы оказія. Оттого, что большинству этихъ пишущихъ нѣтъ никакого дѣла до того искусства и тѣхъ художниковъ, о которыхъ они берутся писать; у насъ нѣтъ тутъ ни любви, ни знанія, ни понятія какого бы то ни было... Мнѣ очень жаль, что надо все это говорить, вмѣсто того, чтобы прямо разбирать нынѣшнюю выставку, да что дѣлать, по неволѣ такъ заговоришь, когда посмотришь, какъ у насъ встрѣчаютъ и провожаютъ «передвижниковъ»,—это собраніе талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ, мужественно столпившихся въ одну дружную и дружественную группу и выдерживающихъ, вотъ уже почти 20 лѣтъ, всякія невзгоды».

Во-первыхъ: все это фразы, не имѣющія ни малѣйшей реальной подкладки; г. Стасовъ любитъ говорить такими фразами, можетъ быть, потому, что онъ любитъ кипятиться, негодовать, проклинать и восторгаться. Не правда, будто бы общество наше относилось и относится равнодушно къ передвижникамъ. Еслибы это такъ было, то товарищество давнымъ давно уже и не существовало бы, а погибло, благодаря равнодушію публики. Между тѣмъ оно процвѣтаетъ; публика относится къ нему сочувственно, и, можетъ быть, повѣривъ на слово г. Стасову, продолжаетъ еще вѣрить, что оно есть «наша новая школа». Не правда также и то, будто бы ужь такъ огульно печать обрушивается на почтенное товарищество; напротивъ того, почти всегда наша крупная пресса относилась и относится къ передвижникамъ съ уваженіемъ и даже, можетъ быть, преувеличиваетъ ихъ значеніе. Что въ этомъ хвалебномъ хорѣ бываютъ диссонансы,—это вѣрно; но неужели же эти диссонансы могутъ до такой степени печалить г. Стасова, что онъ чуть ли не ежедневно повторяетъ печатно свои іереміады; неужели онъ серьезно думаетъ, что онъ одинъ только не грѣшитъ, и что всѣ эти рецензенты, которые съ нимъ не согласны, непремѣнно и невѣжды, и недобросовѣстны, и не имѣютъ ни

малѣйшей любви къ русскому искусству? Все это также дѣтски-наивно, какъ и отзывы г. Мясоѣдова о «новомъ» и «древнемъ» искусствѣ.

Но, оставимъ рецензентовъ и посмотримъ, каковъ самъ по себѣ г. Стасовъ въ качествѣ критика. Въ томъ же самомъ фельетонѣ, изъ котораго я сдѣлалъ вышеприведенную выписку («Новости», № 66), мы встрѣчаемъ всегдашніе перлы критической манеры г. Стасова. Съ нею не мѣшаетъ познакомиться,—хотя бы для назиданія рецензентовъ, у которыхъ есть родственныя черты съ г. Стасовымъ. «Гостинный дворъ въ Москвѣ», г. Прянишникова, для г. Стасова—«одно изъ капитальнѣйшихъ созданій всей русской школы»; «Осужденный» г. Вл. Маковскаго—«chef d'oeuvre» русской живописи; «Не ждали» г. Рѣпина—«величайшая по глубинѣ и содержанію картина»; «Боярыня Морозова» г. Сурикова, портреты Листа, Глинки, г. Бѣляева, работы г. Рѣпина — г. Стасовъ считаетъ «лучшими, совершеннѣйшими, крупнѣйшими созданіями, которыми во вѣки вѣковъ будетъ гордиться русское искусство». — Таковъ всегдашній критическій пріемъ г. Стасова, другаго онъ не знаетъ и, кажется, не признаётъ; по крайней мѣрѣ, во всемъ томъ, что онъ до сихъ поръ писалъ,—а пишетъ онъ около сорока лѣтъ подъ рядъ, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла,—только этотъ пріемъ и виденъ. Въ томъ же фельетонѣ онъ обмолвился фразой, которая съ удивительной рельефностью изображаетъ этотъ пріемъ. Фразу я привожу цѣликомъ, дословно, чтобы не лишать читателя истиннаго удовольствія познакомиться съ г. Стасовымъ во всемъ его непосредственномъ критическомъ видѣ. Дѣло касается портретовъ графа Л. Толстаго и его изображенія на полѣ, пашущимъ, работы все того же г. Рѣпина. Вотъ эта удивительная, единственная въ своемъ родѣ фраза: «Мнѣ казалось, что и для очень многихъ, какъ и для меня, будутъ дороги эти *великолѣпные* портреты великаго писателя, изображенія *безконечно правдивыя* и талантливыя, изображенія, передающія всю *глубину* и *необычайность* этой *несравненной* натуры, изображенія, передающія и *необычайный* взглядъ, и *безконечно простую* позу, и всю фигуру этого человѣка!..» Въ десяти газетныхъ строкахъ, т. е. 350 буквахъ,—семь эпитетовъ въ самой превосходной степени,—совершенно необычайныхъ, чрезвычайныхъ изумительныхъ, поразительныхъ, безконечно глубокихъ, безконечно несравненныхъ и... совершенно безсмысленныхъ! Читаемъ г. Стасова,—и не вѣримъ своимъглазамъ. Какимъ образомъ могло случиться, что этотъ почтенный писатель, стяжавшій себѣ громкую извѣстность съ «древнѣйшихъ» временъ, какъ единственный художественный критикъ въ Россіи,—какимъ образомъ могло случиться, что этотъ почтенный писатель всю свою жизнь занимался простой рекламой, ничѣмъ даже и не маскируя ея! Такой критическій пріемъ нельзя иначе назвать, какъ рекламой, если, конечно, не предположить, что г. Стасовъ,—въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—наивенъ, какъ пятилѣтній ребенокъ. Но предположить этого невозможно: г. Стасовъ

—весьма почтенныхъ лѣтъ, человѣкъ, кромѣ того, чиновный и можно даже сказать—сановный въ нѣкоторомъ смыслѣ. Какой же онъ ребенокъ?

Съ самаго дня основанія товарищества передвижныхъ выставокъ, г. Стасовъ взялъ это товарищество подъ свое спеціальное покровительство, и вотъ уже почти двадцать лѣтъ не пропускаетъ ни одного, даже самаго ничтожнаго случая, чтобы не трубить о своихъ пріятеляхъ на всѣхъ перекресткахъ. А трубитъ онъ удивительно,—громко, звучно, съ засосомъ, отъ всей души, съ какимъ-то, можно сказать, дикимъ задоромъ, ругая мимоходомъ тѣхъ художниковъ, которыхъ онъ не любитъ, и сыпля эпитетами во всѣ стороны съ неустанной энергіей. И этотъ задоръ, эта беззастѣнчивость въ литературныхъ пріемахъ, это постоянное, оглушительное и назойливое галдѣніе производятъ свое дѣйствіе. Читатель ошеломленъ отъ шумныхъ фразъ, отъ поразительныхъ эпитетовъ, отъ рѣшительности приговоровъ, никогда ничѣмъ не мотивированныхъ, отъ самоувѣренности, съ которой все это говорится, — и приходитъ къ убѣжденію, что г. Стасовъ въ самомъ дѣлѣ великій критикъ. Читатель—чиновникъ или дѣлецъ, пустяками ему некогда заниматься, а пустяками онъ прежде всего считаетъ искусство, пустяками, конечно, пріятными, но недостойными размышленій истинно дѣлового человѣка. Вотъ онъ и судитъ по первому впечатлѣнію, а такъ какъ первое впечатлѣніе было ошеломляющее, то онъ и рѣшаетъ, что г. Стасовъ — критикъ ошеломляющій, въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться.

Я нѣсколько разъ задавался неблагодарною, но, можетъ быть, полезною цѣлью выяснить себѣ, опредѣлить художественный идеалъ г. Стасова. Я разсуждалъ такъ: г. Стасовъ—признанный художественный критикъ, его рѣшенія совершенно безапеляціонны, чрезвычайно прямолинейны, но въ то же время удивительно странны. Во всемъ этомъ слѣдуетъ разобраться, ибо учиться никогда не мѣшаетъ. Г. Стасовъ, напримѣръ, рѣшаетъ (не приводя, разумѣется, въ доказательство никакихъ, абсолютно никакихъ резоновъ), что картина г. Сурикова «Боярыня Морозова»—«лучшее, совершеннѣйшее, крупнѣйшее созданіе, которымъ во вѣки вѣковъ будетъ гордиться русское искусство». Я очень радъ, что г. Стасовъ признаетъ въ г. Суриковѣ недюжинный талантъ, я и самъ того же мнѣнія; но такая рѣшительная аттестація таланта г. Сурикова нѣсколько смущаетъ меня. Г. Суриковъ—разсуждаю я—еще очень молодой художникъ; «Боярыня Морозова»,—вторая по счету картина его. Неужели—думаю я себѣ—г. Суриковъ такъ, сразу, сдѣлался великимъ художникомъ и для этого ему не понадобилось ни опытности, ни работы надъ собой, ни испытаній, ни радостей, доставляемыхъ жизнью, ни даже простаго, но обстоятельнаго знакомства съ техникой своего искусства? Г. Суриковъ, по аттестату г. Стасова, создалъ «лучшее» произведеніе,—значитъ, лучше этого произведенія еще и не было во всемірномъ искусствѣ во всѣ времена: ка-

кой, однако, великій художникъ г. Суриковъ! Онъ выше Рафаэлей, Винчи, Микель-Анджело, Рембрандтовъ, Рубенсовъ e tutti quanti! Г. Суриковъ, кромѣ того, создалъ «совершеннѣйшее» произведеніе, значитъ всѣ извѣстныя намъ произведенія—не совершенны? Послѣднее, конечно, справедливо, ибо совершенства нигдѣ не бываетъ,—это мы знаемъ еще изъ прописей; но какимъ-же образомъ г. Суриковъ могъ создать «совершеннѣйшее» произведеніе? На этотъ вопросъ, конечно, не отвѣтитъ г. Стасовъ. Но если допустить, что это такъ, то г. Суриковъ—самый поразительный феноменъ, какого еще не было ни въ какомъ искусствѣ: вѣдь и на солнцѣ есть пятна, и вдругъ г. Суриковъ—безъ пятенъ, которыя и у Шекспира находятся. Неужели г. Суриковъ—выше Шекспира? Все это внушаетъ мнѣ самыя серьезныя сомнѣнія въ компетентности г. Стасова. Къ счастью, мнѣ во-время приходитъ въ голову мысль, что всѣ эти ошеломляющіе и безсмысленные эпитеты, можетъ быть, употреблены г. Стасовымъ такъ себѣ, безъ всякаго разбора, безъ обсужденія того, что̀ они изъ себя изображаютъ, что все это — только manière de parler, чтобы достойно прославить г. Сурикова. Но и это объясненіе невполнѣ удовлетворяетъ меня; недоумѣнія продолжаютъ осаждать.—А что—думаю я себѣ—если г. Суриковъ и въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что онъ—единственный въ своемъ родѣ фениксъ и приметъ всѣ эти глупыя, безсмысленныя фразы за чистую монету? Онъ — начинающій художникъ, но онъ молодъ, искрененъ, преданъ своему искусству, вѣритъ въ себя. Представьте себѣ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ убѣдится, что онъ—не только великій, но и величайшій художникъ, какого еще свѣтъ не создавалъ, да и не создастъ никогда? Вѣдь такое убѣжденіе будетъ гробомъ его таланта, онъ «отцвѣтетъ, не успѣвши разцвѣсть». Неужели г. Стасовъ съ такимъ легкимъ сердцемъ можетъ губить людей, въ которыхъ онъ прозрѣваетъ крупныя силы, и на которыхъ возлагаетъ свои лучшія надежды?

Не справившись съ этимъ вопросомъ, я однако пришелъ къ предположенію, что у г. Стасова должны же быть хоть какія нибудь художественные идеалы; когда онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что г. Суриковъ—крупный талантъ, то обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое знаніе того, что такое крупный и что̀—мелкій талантъ; въ противномъ случаѣ никакое сужденіе не было бы возможно; значитъ, у г. Стасова есть хоть какая нибудь мѣрка для таланта. Само собой разумѣется, что эта мѣрка должна обнаружиться въ литературныхъ произведеніяхъ г. Стасова: невозможно въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы человѣкъ, который пишетъ чуть ли не полвѣка, не успѣлъ высказаться по предмету, который долженъ быть ему всего дороже. И вотъ я предпринялъ неблагодарный трудъ проштудировать произведенія г. Стасова; читалъ его статьи о живописи, архитектурѣ, поэзіи, музыкѣ, скульптурѣ; статьи о былинахъ, по археологіи и исторіи искусства, и пришелъ къ несомнѣнному для меня выводу,

что г. Стасовъ такъ-таки и не открылъ человѣчеству своей тайны. Вездѣ я встрѣчалъ ошеломляющіе эпитеты, шумиху фразъ; я видѣлъ, что г. Стасовъ вездѣ и всегда кипятится или восторгается до небесъ, или ругаетъ ругательски; а зачѣмъ, по какому поводу, на какомъ основаніи—такъ и неизвѣстно. И я пришелъ къ заключенію, что въ г. Стасовѣ говоритъ не мысль, а темпераментъ,—темпераментъ борца за все, что хотите, лишь бы только бороться, упражнять свои мышцы, употреблять въ дѣло свои голосовыя связки, молодечествовать. На почвѣ этого темперамента выростаютъ, точно грибы, кое-какія положенія, отъ которыхъ онъ,—надо правду сказать,—никогда не отступаетъ, но которыхъ въ то же время и никогда не объясняетъ. Положенія эти слѣдующія: искренность, правда, простота, реализмъ, національность въ искусствѣ. Слова все хорошія, но надо же въ нихъ какъ нибудь разобраться и увидѣть, какое содержаніе здѣсь заключается. Г. Стасовъ наивно предполагаетъ, что эти положенія или, вѣрнѣе, слова могутъ играть роль принциповъ въ художественной критикѣ, но онъ ошибается. Это не принципы, а просто безсодержательные ярлыки, которые могутъ обманывать зѣвакъ, но которые разлетаются въ прахъ, какъ только внимательно разсмотришь ихъ. Искренность, правда, простота,—синонимы въ эстетическомъ смыслѣ; что̀ искренно, то и правдиво, просто и наоборотъ; но это не принципы, а эпитеты, примѣнямые нами къ тому или другому произведенію для выраженія нашего личнаго чувства, нашего субъективнаго впечатлѣнія; ими мы какъ бы говоримъ, что настроеніе, выраженное художникомъ въ его произведеніи, соотвѣтствуетъ нашему личному настроенію, въ то время какъ мы смотримъ на его произведеніе. Ни больше, ни меньше. Если настроеніе художника вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему,—мы говоримъ, что онъ искрененъ, правдивъ, простъ. Послѣдній эпитетъ—простота—болѣе содержателенъ, но и онъ не имѣетъ объективнаго значенія въ критикѣ. Простота есть сложное и, въ сущности, смутное понятіе; для актера Александринскаго театра, — который простъ, ибо его общественная культура сомнительна,—Росси искусственъ, кривляется, позируетъ; но Росси, въ качествѣ итальянца съ южнымъ темпераментомъ, въ дѣйствительности, также простъ, какъ и нашъ актеръ, только его простота принимаетъ не тѣ формы; нашъ актеръ—неуклюжъ, угловатъ, Росси—изященъ. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, мы имѣемъ одинаково искреннее проявленіе натуры, національнаго темперамента; но считать итальянца искусственнымъ на томъ только основаніи, что его темпераментъ—не нашъ, согласитесь сами, нелѣпо. Съ другой стороны, Гомеръ также простъ и безыскусственъ, какъ наши былины; Шекспиръ, напротивъ того, далеко не простъ: его языкъ — метафориченъ въ высшей мѣрѣ, фигураленъ, изысканъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Шекспиръ — искусственъ и лживъ? Изъ этого слѣдуетъ только одно: Гомеръ принадлежитъ одной культурѣ, а Шекспиръ—другой. Реализмъ, точно также,

не есть эстетическій принципъ, а вывѣска, которая очень часто мѣняется. То, что сегодня реально, завтра будетъ не реально, въ этомъ убѣждаетъ насъ каждая страница исторіи искусства. Тиціанъ для насъ—идеалистъ, а для своихъ современниковъ онъ былъ чистѣйшимъ реалистомъ. Вспомните исторію романтизма: въ тридцатыхъ годахъ Викторъ Гюго казался отчаяннымъ реалистомъ, съ которымъ не могли помириться классики; а теперь кто же его считаетъ реалистомъ? Реализмъ—не принципъ, а относительная точка зрѣнія, мѣняющаяся съ измѣненіемъ нравовъ, быта, строя мысли,—и ничего больше. Въ свою очередь и національность въ искусствѣ—весьма сомнительный эстетическій принципъ. Въ сущности, всякое искусство на извѣстной степени своего развитія національно; національность—форма, въ которой оно обнаруживается. Бѣлинскій проповѣдывалъ, что «національность есть односторонность». Противоположная сторона національности есть «общее», въ смыслѣ «общечеловѣческаго». Такимъ образомъ, національность не есть заслуга, а лишь необходимая принадлежность творчества. Но г. Стасовъ понимаетъ національность въ искусствѣ не такъ. Онъ ее видитъ только въ національномъ сюжетѣ. Съ этой точки зрѣнія, «Боярская свадьба» г. К. Маковскаго, его «Русалки»—національно-русскія картины, хотя г. Стасовъ и не считаетъ ихъ почему-то таковыми; а «Каменный Гость» Пушкина, знаменитая картина Иванова, «Мефистофель» г. Антокольскаго—произведенія космополитическія, слѣдовательно никуда негодныя; тѣмъ не менѣе, г. Стасовъ считаетъ ихъ великими произведеніями искусства. Во всякомъ случаѣ, національность въ искусствѣ или совершенно нужно устранить, чтобы не путаться вѣчно въ противорѣчіяхъ, или дать такое точное опредѣленіе національности, благодаря которому всякія противорѣчія исчезли бы сами собой.

Вотъ и весь, если не ошибаюсь, теоретическій багажъ г. Стасова. Онъ не великъ, какъ видитъ читатель; съ нимъ не далеко уѣдетъ обыкновенный критикъ, но г. Стасову все трынъ-трава. Сѣвъ на своего кукольнаго Пегаса, г. Стасовъ мчится по горамъ и долинамъ русскаго искусства, ломая одно, поддерживая другое, ругаясь, восторгаясь и крича,—и думаетъ, что онъ дѣло дѣлаетъ...

Въ видѣ иллюстраціи критическихъ пріемовъ г. Стасова, позвольте вамъ представить нѣсколько образчиковъ. Оно будетъ и кстати, такъ какъ дѣло касается нынѣшнихъ выставокъ. Картину г. Савицкаго «На войну» г. Стасовъ считаетъ великимъ произведеніемъ. Вотъ какъ онъ отзывается о ней: «что̀ тутъ уложилось вѣрныхъ людскихъ типовъ, правды національной и психологической, что̀ тутъ есть трагическихъ, раздирательныхъ сценъ прощанія, беззаботной удали, солдатскаго залихватства, женской граціи и красоты въ простой молодой русской крестьянкѣ, какая наивность и простодушіе въ старикахъ и дѣтяхъ, какое повсюду движеніе, жизнь, какое разнообразіе волнованія сѣраго люда, какая разношерстность интересовъ и

какая правда ихъ выраженія у Савицкаго! Все это для большинства летитъ мимо, незамѣченное, не останавливающее на себѣ вниманія. Но отчего? Оттого, что у насъ «знатоковство» уже слишкомъ велико и всякій считаетъ обязанностью его показать; а показать-то особенно нечего: такъ всѣ вкусы перепорчены на всякихъ сахарныхъ, льстивыхъ, фальшивыхъ иллюстраціяхъ, на которыхъ мы возрастаемъ теперь отъ младыхъ ногтей... Всякій, кто приходитъ на выставку, ищетъ прежде всего того, къ чему онъ привыкъ дома по фальши этихъ ужасныхъ иллюстрацій и картинокъ. Гдѣ онъ ея не найдетъ, тамъ все ему ни почемъ, тамъ все ему сѣро, не важно, не интересно. Такъ вотъ и съ картиной Савицкаго: нѣтъ въ ней лжи и сиазливости иллюстрацій и иностранныхъ картинокъ, — и тогда она уже для большинства очень мало значитъ. Но, между тѣмъ, эта картина, которая является важной страницей въ исторіи русскаго искусства, не смотря даже на свой сѣренькій, синеватенькій колоритъ».—Въ послѣдней фразѣ нѣтъ даже предложенія, такъ что не знаешь, что собственно хотѣлъ сказать г. Стасовъ; зато онъ много наговорилъ, выругался и вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ въ несомнѣнный восторгъ. Такова всегдашняя «критика» г. Стасова: обругаетъ, придетъ въ восторгъ, ничего путнаго не скажетъ и уйдетъ—дѣло, молъ, сдѣлалъ. Вотъ хоть бы о картинѣ г. Савицкаго. Далъ ли онъ хоть малѣйшее понятіе о картинѣ, разсказалъ ли ея содержаніе, указалъ ли на ея особенности, объяснилъ ли, почему эта картина—важная страница въ исторіи русскаго искусства? Ничего этого онъ даже и не подумалъ сдѣлать, а—главное—обругалъ нѣмцевъ и французовъ. А между тѣмъ картина г. Савицкаго интересна и могла бы дать поводъ любопытнымъ критическимъ соображеніямъ. Въ смыслѣ типовъ, разнообразія, движенія, картина дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, но скомпанована она несовсѣмъ удачно, группы тѣснятся на маленькомъ пространствѣ, очевидно, недостаточномъ для такого количества людей; художникъ не обратилъ вниманія на воздушную перспективу, и поэтому картина плоска, не рельефна. Колоритъ картины,—какъ вѣрно замѣтилъ г. Стасовъ,—сѣрый, но это не мѣшаетъ ей быть пестрой и походить на коверъ. Кромѣ того, и цѣлости въ картинѣ нѣтъ; художникъ весь ушелъ въ подробности и не связалъ эти подробности общей идеей. Вѣдь нельзя же назвать общей идеей то, что всѣ эти люди отправляются на войну и прощаются съ своими родными и знакомыми: этого слишкомъ мало для картины, а другой идеи нѣтъ; это только намекъ на картину, а не картина. Къ сожалѣнію, это почти всегдашній недостатокъ талантливаго художника: онъ прекрасный наблюдатель живыхъ людей, но плохой мыслитель; онъ чудесно видитъ внѣшность, но не замѣчаетъ въ ней гармоніи; типы—не средство для него, а цѣль. Поэтому, всѣ его картины—только намекъ.

«Какая живая, какая правдивая сцена,—говоритъ г. Стасовъ о картинѣ г. В. Маковскаго: «Передняя консисторіи»,—сколько разнообразія

сколько характеровъ? Гдѣ вы видали у Вл. Маковскаго, а—пожалуй—и гдѣ угодно, этого военнаго франта, юношу съ коками на лбу, въ пенснэ, лопочущаго своими красными губами сѣдому чиновнику, съ подвязанными щеками, который, заложивши руки подъ фалды фрака, такими зоркими глазами экзаменуетъ молоденькую дамочку, которую требуется, можетъ быть, развести или повѣнчать, и которая застыдилась, зарумянилась и опустила свою головку и глаза внизъ? Гдѣ вы видали такого бурсака семинариста, громадину—облома, съ рыжими кудряшками на головѣ, про котораго старичокъ отецъ его, священникъ, что-то усердно толкуетъ другому учтивому старцу-чиновнику? Гдѣ вы видали этихъ умильныхъ, подобострастныхъ священниковъ и дьяконовъ, у самаго входа объясняющихъ свое дѣло коренастому столоначальнику? Гдѣ вы видали этого громовержца, отца-протопопа съ портфелемъ подъ мышкой, уже съ мѣховой шапкой на головѣ, надменно выслушивающаго сѣдаго священника просителя. А потомъ, всѣ эти остальные просители, чающіе движенія воды, смиренно, на лавкѣ,—какіе чудесные и новые типы; гдѣ вы ихъ еще видали?» Устраните описаніе картины, и вы получите фразу: «какая живая, какая правдивая сцена, сколько разнообразія, сколько характеровъ»,—т. е. буквально то же самое, что̀ г. Стасовъ говорилъ о картинѣ г. Савицкаго. Гдѣ же разница въ сужденіи? Ея нѣтъ. Г. Стасовъ восхищается типами, характерами, разнообразіемъ; ничего другаго онъ не видитъ. Говоря о картинѣ г. Савицкаго, онъ не спросилъ себя: есть ли въ ней идея? Точно также и теперь, говоря о картинѣ г. В. Маковскаго, онъ не спрашиваетъ себя: есть ли въ ней идея? А въ дѣйствительности, было бы интересно спросить художника; что̀ онъ хотѣлъ выразить своей «Передней»? если онъ скажетъ, что хотѣлъ изобразить только нѣсколько типическихъ физіономій, то на это ему можно было бы отвѣтить, что для картины этого мало: типы, характеры—только матеріалъ для картины, а не картина. Представьте себѣ беллетриста, который задумалъ бы написать разсказъ или очеркъ, взявъ содержаніемъ картину г. В. Маковскаго, съ намѣреніемъ ничего отъ себя не прибавлять. Вышелъ бы не разсказъ, не очеркъ, а нѣсколько характерныхъ отдѣльныхъ лицъ, безъ всякой между собой связи, т. е. нѣчто совершенно безсмысленное, безцѣльное, ненужное. Къ несчастію, наши жанристы, даже самые талантливые, именно такъ понимаютъ жанровую картину, и г. Стасовъ также ее понимаетъ. Умѣетъ художникъ наблюдать характеръ и типъ,—и довольно; собери нѣсколько такихъ типовъ и характеровъ откуда попало, помѣсти ихъ въ одну кучу, въ одномъ опредѣленномъ пространствѣ, обозначь это пространство словомъ «Передняя»,—и дѣло въ шляпѣ. Довольно ли этого? На мой взглядъ это меньше, чѣмъ ничего. Такой художникъ можетъ обнаружить большую виртуозность въ фигурахъ, но виртуозность меня не интересуетъ,—вѣдь и г. К. Маковскій тоже виртуозъ,—меня интересуетъ живая идея, которую несетъ въ своей

груди художникъ, а если этой идеи у него нѣтъ, то какой же это художникъ? Онъ только риторъ и ремесленникъ. О г. В. Маковскомъ я этого не скажу; очень часто въ его картинкахъ проскальзываетъ мысль, иногда очень недюжинная,—драматическая или комическая. И на нынѣшней выставкѣ есть нѣсколько такихъ картинъ: напримѣръ: «Подъ хмѣлькомъ», «Рыбачки», «Свадебный поѣздъ». Но всѣ эти идеи не особенно важныя. Его картинка можетъ доставить удовольствіе на нѣсколько минутъ, но ее скоро забудешь, потому что она охватываетъ только самый незначительный, самый узкій кругъ явленій жизни. Такой жанръ я бы охотно сравнилъ съ нашими разсказцами, да очерками. Всѣ начинающіе, подающіе надежды беллетристы обыкновенно, начинаютъ съ нихъ но никогда на «очеркахъ» не останавливаются, если у нихъ есть какія-нибудь высшія задачи. Съ нихъ началъ и Тургеневъ, но окончилъ соціальными романами. Увѣрены ли вы, что Тургеневъ былъ бы теперь для насъ великимъ художникомъ, еслибы забастовалъ «Записками Охотника?» А очерки эти связаны большой, однако, жизненной идеей,—протестомъ противъ крѣпостнаго права. Точно также и жанристъ, который вѣчно изображаетъ типики да характерцы. Мы его сравниваемъ съ какимъ нибудь авторомъ очерковъ, которые читаемъ, можетъ быть, съ удовольствіемъ, но о которыхъ мы и не вспомнимъ на третій день, потому что въ этихъ очеркахъ мысль бѣдна и незначительна. Г. Стасовъ жалуется на иностранныя иллюстраціи и картинки, ласкающія диллетантскіе вкусы и извращающія понятія. Все это справедливо; но развѣ не то же самое дѣлаетъ и онъ, когда восторгается виртуозностью художника въ изображеніи типовъ и характеровъ? Развѣ это не та же фальшь, не то же извращеніе понятій, не тѣ же диллетантскіе вкусы? Онъ восторгается «Передней», но не замѣчаетъ, что выраженіе всѣхъ этихъ лицъ форсировано, искусственно преувеличено художникомъ для бо̀льшей экспрессіи, что въ дѣйствительности всѣ эти лица въ передней консисторіи никогда бы не обнаружили такой интенсивности въ выраженіи. Это все тотъ же трафаретъ. Индивидуальное выраженіе, какъ результатъ характера и минутнаго настроенія, преувеличить, обособить, обобщить и придать ему характеръ типичности,—вотъ обыкновенный пріемъ жанриста, который имъ пользуется почти всегда; онъ его выработалъ въ себѣ продолжительнымъ упражненіемъ, такъ что въ картинѣ вы видите не живую наблюдательность, а просто манеру, и все это г. Стасовъ принимаетъ за чистую монету! Въ жару пріятельской рекламы, г. Стасовъ ставитъ даже г. В. Маковскаго выше Кнауса. Не смотря на «необычайность», высказываемыхъ имъ мнѣній, я думаю, что въ данномъ случаѣ почтенный критикъ просто обмолвился и съ удовольствіемъ взялъ бы назадъ свою фразу. Г. В. Маковскій выше Кнауса?! Помилуйте, да тутъ смысла нѣтъ. Вспомните хоть картинку Кнауса: «Ich kann warten»,—которой мы восхищались еще такъ недавно,

вѣдь это цѣлая драма, цѣлая полоса жизни, схваченная съ удивительнымъ чувствомъ правды, безъ малѣйшаго желанія рисоваться своимъ умѣньемъ. Не тотъ или другой типъ изобразилъ Кнаусъ въ этой картинкѣ, а цѣлую область чувства, глубокаго, искренняго, осѣвшаго въ душѣ, если можно такъ выразиться; тутъ сказались не наблюдательность болѣе или менѣе глубокая и тонкая, а внутренній синтезъ, цѣлая глава изъ психологіи. Гдѣ же что либо подобное вы найдете у г. В. Маковскаго? — Похвалы г. Стасова и его рекламы,—только медвѣжья услуга, которую онъ оказываетъ почтеннымъ и талантливымъ художникамъ, которые могли бы обойтись и безъ этихъ рекламъ.

Г. Рѣпинъ, какъ извѣстно, любимецъ г. Стасова: онъ съ нимъ носится какъ съ писаной торбой, славословитъ его на всѣхъ перекресткахъ, обременяетъ его своими похвалами. На этотъ разъ онъ его хвалитъ сравнительно меньше, но все таки хвалитъ довольно своеобразно. „Про такой превосходный портретъ,—говоритъ онъ,—какъ портретъ г-жи Ковалевской, написанный Рѣпинымъ же, никто не промолвитъ ни слова, никто не видитъ и не понимаетъ всей его художественности, всей его простоты, его правды, всей его рельефности. Про портретъ поэта Фофанова, такой оригинальный по позѣ и взгляду, по необыкновенно—выпуклой живописи, —тоже никто ни слова! Что же касается до «Монахини», которая и сама прелестна, да и прелестно написана Рѣпинымъ, то этотъ портретъ, конечно, немного больше другихъ портретовъ Рѣпина обращаетъ на себя вниманіе. Но какъ онъ ни прекрасенъ, какъ ни интересенъ, развѣ можно сравнить его съ портретомъ Льва Толстаго? За этотъ одинъ можно отдать десять тѣхъ. Великая душа, глубина чувства и построенія, сила взгляда и натуры,—развѣ могутъ идти въ сравненіе съ какою бы то ни было прелестью внѣшности, съ какою бы то ни было прелестью техническаго положенія? Не наши доки глухи и слѣпы ко всему, они только проповѣдуютъ невѣжественную мысль, что художникъ пишетъ для публики и, значитъ, долженъ писать такъ, какъ публикѣ нравится, а не ему, и не такъ, какъ нужно его таланту и натурѣ»!—Зачѣмъ все это писано—неизвѣстно. Никто г. Рѣпина не игнорируетъ, всѣ отдаютъ справедливость его несомнѣнно крупному таланту, всѣ обращаютъ самое серьезное вниманіе на произведенія, выставляемыя имъ; никто не требуетъ, чтобы онъ писалъ такъ, какъ хочетъ публика. Но г. Стасовъ кипятится, яростно бросается на воображаемыхъ враговъ г. Рѣпина и борется съ мельницами. Въ дѣйствительности же, на нынѣшней передвижной выставкѣ, публика интересуется больше всего портретами гр. Л. Толстаго и г. Фофанова. Портретъ г. Фофанова дѣйствительно замѣчателенъ; лицо, поза, взглядъ несомнѣнно идеализированы отчасти, но эта идеализація сдѣлана съ удивительнымъ вкусомъ и поразительнымъ талантомъ. Портретъ гр. Л. Толстаго написанъ въ совершенно другой манерѣ; онъ эскизенъ, широко

набросанъ грубыми мазками, и недоконченъ. Очень можетъ быть, что художникъ приноровилъ свою манеру къ оригиналу; тонкая, нѣжная, кисть не идетъ къ грубымъ чертамъ лица гр. Л. Толстаго; грубые мазки и эскизность только бы исказили лицо Фофанова. Эти мысли, вѣроятно, руководили г. Рѣпинымъ, когда онъ писалъ тотъ и другой портретъ; но мнѣ кажется, что въ этой разницѣ въ манерѣ существуетъ и нѣчто другое. Насколько было можно замѣтить по послѣднимъ произведеніямъ г. Рѣпина, онъ ищетъ чего-то новаго, оригинальнаго, и въ неувѣренности колеблется между одной и другой манерой. Мнѣ кажется, что голый реализмъ первоначальной манеры теперь уже не удовлетворяетъ его; онъ ищетъ чего-то болѣе идеальнаго, поэтическаго, даже отчасти—символическаго. Въ портретѣ Листа этотъ символизмъ отразился довольно ясно; въ портретѣ Глинки, напротивъ того, скрывался чистый реализмъ, безъ всякаго «подъема». То же самое и теперь: чистый реализмъ, исканіе психологической правды, это—портретъ Л. Толстаго; поэтическое настроеніе выразилось въ портретѣ Фофанова, въ которомъ проглядываетъ чуточку и символизмъ. Этотъ портретъ производитъ впечатлѣніе не столько индивидуальностью поэта, сколько характеромъ вообще, поэта «не отъ міра сего», поэта, погруженнаго въ свои поэтическія грезы, естественно поднимающаго взоры къ небу. Портретъ очень поэтиченъ, прелестенъ, даже по бѣлому фону, который такъ гармонически сливается съ лицомъ и бѣлокурыми волосами. Въ немъ нѣтъ психологической глубины, но есть несомнѣнно поэзія. Не то портретъ гр. Л. Толстаго: онъ вѣрно передаетъ глубину натуры писателя, но—надо правду сказать,—небреженъ по живописи. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что онъ только намѣченъ и эскизно набросанъ, но во всякомъ случаѣ онъ производитъ впечатлѣніе чего-то недоконченнаго и недосказаннаго. Бѣлый бликъ на лбу,—рѣзкій, большой, ничѣмъ необъяснимый, совершенно портитъ лицо, на мой взглядъ.

О картинѣ г. Ярошенко: «Всюду жизнь» г. Стасовъ выражается такъ: «Въ этой картинѣ я бы нашелъ довольно много, чего нельзя одобрить: изображеніе нѣмецкой какой-то средневѣковой Мадонны, сантиментальной и задумчивой, съ узкими ущипнутыми губами, вмѣсто неизвѣстной и неопредѣленной каторжницы; изображеніе какого—то рубенсовскаго «мужчины» вмѣсто одного изъ русскихъ ссыльныхъ, какого бы онъ склада и характера ни былъ; наконецъ, колоритъ, похожій на акварель гольбейновскаго времени! Но, рядомъ съ этими недостатками, какой чудесный, какой глубокій сюжетъ, какая сцена, какіе типы въ двухъ-трехъ остальныхъ ссылаемыхъ! Великолѣпно»!—Этотъ отзывъ очень характеренъ и является какъ бы образчикомъ сужденій г. Стасова. Ему не нравится изображеніе ссылаемой женщины и ссылаемаго мужчины. Правда, они не типичны, т. е., другими словами, всѣ они не представляютъ изъ себя тѣхъ

шаблонныхъ лицъ, которыя считаются типами русскаго простонародья. Это не типы,—правда; въ особенности не типы, заѣзженные нашими художниками, но такія лица несомнѣнно встрѣчаются въ русскомъ народѣ; изъ этого вовсе не слѣдуетъ, однако, чтобы г. Ярошенко подражалъ Гольбейну или Рубенсу; онъ выбралъ эти лица, а не шаблонные типы, потому что они болѣе подходили къ задуманной имъ сценѣ, а вовсе не изъ сантиментальности. И такъ, мое мнѣніе о картинѣ г. Ярошенко совершенно расходится съ мнѣніемъ г. Стасова: я вполнѣ признаю, что г. Ярошенко правъ, когда выбралъ эти лица, а не другія—шаблонныя; но я ни въ какомъ случаѣ не могу оправдать идею его картины, идею, которою такъ восхищается г. Стасовъ и кричитъ: «великолѣпно»!—какъ будто этимъ все сказано. Идея эта или слишкомъ много говоритъ, или не говоритъ ровно ничего. Если комментировать идею заглавіемъ картины «Всюду жизнь»,—то я, признаюсь, не знаю, въ чемъ она заключается. Жизнь, конечно, есть всюду, но это не идея, а только сообщеніе факта. Если же это сообщеніе факта есть результатъ душевнаго настроенія ссылаемыхъ, то въ такомъ случаѣ идея мнѣ кажется сантиментальной: конечно, заключенному въ тюрьмѣ завидно смотрѣть на свободныхъ птицъ, подбирающихъ зерна у его окна; онъ, конечно, можетъ погружаться въ невеселыя думы по этому поводу, но его думы будутъ обращены не на самую жизнь, а на свободу, которой онъ лишенъ. Онъ, можетъ быть, подумаетъ: «Всюду свобода, и только я, несчастный, лишенъ ея», но онъ никогда не скажетъ: «Всюду жизнь»! потому что въ этомъ восклицаніи не будетъ никакой опредѣленной мысли, никакого опредѣленнаго чувства. Значитъ, не всюду жизнь, а всюду свобода. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мысль мнѣ кажется неясной, расплывчатой, не столько правдивой, сколько сантиментальной. Въ ней есть что-то дряблое, чувствительно-изысканное, навязанное; въ ней нѣтъ ни энергіи, ни характера. Картина не приподнимаетъ чувство зрителя, а подавляетъ его. И это почти всегда бываетъ съ тенденціозными картинами, которыя пишутся всегда съ тѣмъ, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе; въ дѣйствительности, впечатлѣніе, ощущаемое зрителемъ, бываетъ не то, которое хотѣлъ произвести художникъ; и это понятно, потому что слишкомъ опредѣленная, подчеркнутая идея не вяжется съ эстетическимъ чувствомъ, и зритель, инстиктивно недовольный ищетъ выхода въ предположеніяхъ, которыя уносятъ его въ совершенно другую сторону отъ «идеи» художника.

Вотъ, кажется, и все, что̀ представляетъ болѣе или менѣе замѣчательнаго выставка передвижниковъ. Академическая выставка гораздо разнообразнѣе, значительно богаче количествомъ, и въ общемъ интереснѣе, хотя на этой выставкѣ есть такія слабыя вещи, какихъ нѣтъ на передвижной. Въ академіи въ особенности интересенъ отдѣлъ пейзажа. Кондратенко, Орловскій, Галимскій, Крачковскій, Крыжицкій, Куріаръ, Ме-

щерскій, Ткаченко, и нѣкоторые другіе выступили съ пейзажами, обращающими на себя вниманіе. Между ними есть вещи превосходныя: но гг. Мещерскій и Лагоріо слишкомъ прилизаны; а двѣ марины г. Орловскаго менѣе удачны, чѣмъ его прошлогоднія картины. Пейзажей на академической выставкѣ много, можетъ быть, даже слишкомъ много. Русскіе художники плодовиты, но не разнообразны, они какъ-то всѣ сбиваются на одну колодку. Выдумаетъ г. Куинджи какое-нибудь необыкновенное ночное освѣщеніе, — и всѣ пейзажисты давай ему подражать. Подражаніе, разумѣется, хуже оригинала, и публика, которой надоѣло смотрѣть на одно и то же, отказывается и отъ подражателей, и отъ оригинала. «Выдумки», какъ говорилъ Тургеневъ, у нашихъ пейзажистовъ мало; чаще всего они подражаютъ другъ другу, а натуру мало наблюдаютъ. Точь въ точь какъ съ нашими лирическими поэтами. Затянетъ одинъ, который поталантливѣе, грустную ноту, и всѣ начнутъ грустить въ стихахъ. Даже противно станетъ. Пейзажи, какъ и лирическія стихотворенія, только тогда цѣнятся, когда они ярко, оригинально, искренно передаютъ чувство, а подражаніе чувству—никуда не годится. Петрарка — великій лирическій поэтъ, ему прощаютъ даже нѣкоторую изысканность въ выраженіи чувства, а всѣ петраркисты — совершенно невозможны. Точно то же и въ пейзажѣ: Коро, Добаньи, Теодоръ Руссо, Гюэ — прелестны, ихъ картинами нельзя налюбоваться, потому что они искренни, потому что въ природѣ они объективируютъ свое личное чувство, а посмотрите на ихъ подражателей,— все кажется фальшиво, манерно, безсодержательно.

Вообще, подражательность губитъ насъ. Возьмите хотя бы сюжеты изъ античной жизни. На академической выставкѣ, картинъ на эти сюжеты великое множество, но съ удовольствіемъ вы будете смотрѣть только на четыре картины г. Бакаловича. А почему? Не только потому, что г. Бакаловичъ крупный талантъ, но также и потому, что онъ никому не подражаетъ, что онъ самъ по себѣ. Собственно иниціатива этого спеціальнаго жанра принадлежитъ не г. Бакаловичу. Первый ввелъ его у насъ, если не ошибаюсь, Семирадскій, нѣкоторыя изъ его картинъ въ этомъ родѣ очень интересны. Но г. Бакаловичъ такъ усовершенствовалъ этотъ жанръ, придалъ ему такую чарующую оригинальность, такую жизненную правду, что сразу завоевалъ себѣ извѣстность и занялъ первое мѣсто. Прежде всего, въ картинахъ г. Бакаловича бросается въ глаза удивительная техника, изумительно тонкая и совершенная; освѣщеніе, мраморъ, вазы, костюмы,—все это поразительно по отдѣлкѣ. Кромѣ того, есть еще не только чувство изящнаго, но и поэтическое чувство; свои сценки изъ древне-греческой и древне-римской жизни онъ окружаетъ такою поэзіей, что зритель невольно останавливается и начинаетъ переживать эту давно уже прошедшую жизнь. Изъ подражателей г. Бакаловича можно указать на гг. Свѣдомскаго и Лосева. Оба ниже всякой

критики. Г. Свѣдомскій выставилъ картину подъ заглавіемъ «Amor». Представьте себѣ террасу на берегу моря; въ профиль къ зрителю, на мраморной скалѣ сидитъ женщина въ греческомъ костюмѣ, у ногъ ея—мужчина, тоже въ греческомъ костюмѣ, держитъ ее за руку и смотритъ ей въ лицо; на террасѣ —кактусы, цвѣты, позади группа женщинъ съ лирами въ рукахъ. Въ лицѣ сидящей женщины выражена не любовь, а какое-то отупѣніе, какое-то безсмысліе. Все это плоско, безсодержательно, фальшиво и преплохо написано. О г. Лосевѣ и того сказать нельзя. Объ его картины просто безобразны и ихъ мѣсто—гдѣ хотите, только не на академической выставкѣ. Обыкновенный жанръ на выставкѣ процвѣтаетъ, и тутъ есть вещи положительно хорошія, между которыми на первомъ планѣ стоятъ картины г. Ковалевскаго; его колоритъ нѣсколько тусклъ и сѣръ, рельефности мало, — но движенія много и типъ прекрасно схваченъ.

Въ общемъ, итоги русской живописи за 1888 годъ не особенно блестящи. Общій уровень безспорно не дуренъ, безусловно плохихъ вещей очень мало; но нѣтъ значительныхъ произведеній искусства, такихъ, которыя будили бы мысль, тревожили чувство, возбуждали интересъ. Представьте себѣ, что вы просматриваете литературные журналы за годъ. Вамъ попадаются и повѣсти, и разсказы, и романы, и критическія статьи, и публицистика, и статьи по внутреннимъ вопросамъ. Всего этого много и для хорошаго чтеца есть чѣмъ заняться, а все таки вы ни на чемъ не остановитесь. Заглянете въ одну, другую повѣсть, попробуете читать романъ, попробуете критическую статью—и бросите: все кажется неинтереснымъ, вялымъ, шаблоннымъ, хотя все—литературно и недурно написано. Нѣтъ ни Гончарова, ни Достоевскаго, ни Тургенева, ни Толстаго. Вотъ это-то и печально въ русской современной живописи: въ ней нѣтъ пока еще ни Гончарова, ни Достоевскаго, ни Тургенева, ни Толстаго. Можетъ быть, когда нибудь они и появятся, кое-какія надежды есть, — особенныя надежды внушаетъ г. Рѣпинъ;—но пока это только надежды и намъ приходится ждать. Что же? Будемъ ждать, но не будемъ вѣрить на слово г. Стасову и утѣшаться нелѣпою мыслью, что мы своимъ искусствомъ затмимъ весь міръ. Такая мысль нелѣпа, самонадѣянна и вредна.

В. Чуйко.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Еще о нашихъ бумажныхъ деньгахъ.

Многое недосказанное нами въ предъидущей статьѣ *) побуждаетъ насъ вернуться къ тому же предмету, который продолжаетъ быть главною заботою публики. Въ этой статьѣ мы могли представить только самый сухой скелетъ предмета—сущность теоріи государственныхъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ и ихъ болѣзненнаго состоянія; она недостаточно, можетъ быть, разъясняетъ для большинства публики отдѣльные пароксизмы этого недуга, которые ее всего болѣе занимаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, насъ побуждаютъ снова заговорить о нашихъ бумажныхъ деньгахъ нѣкоторыя сужденія объ нихъ нашей печати. Мы преждевременно порадовались въ предъидущей статьѣ прекращенію невѣжественныхъ толковъ о нашемъ бумажномъ денежномъ обращеніи, причинахъ его разстройства и способахъ исправленія. Эти толки возобновились; затемняя понятія публики, они составляютъ несомнѣнное затрудненіе къ принятію нужныхъ мѣръ правительствомъ, которое, какъ это по всему видно,—и, между прочимъ, по опубликованнымъ документамъ финансоваго управленія,—вполнѣ сознаетъ недостатки нашей денежной системы и необходимость ихъ устраненія.

Не должно забывать, что съ разстройствомъ бумажнаго денежнаго обращенія, въ особенности, когда оно такъ продолжительно, какъ у насъ (болѣе 30 лѣтъ), связывается множество здоровыхъ и нездоровыхъ, крупныхъ матерьяльныхъ интересовъ, которые не могутъ не относиться враждебно къ исправленію денежной системы. Такъ напр., всякое обезцѣненіе бумажнаго рубля, выражающееся въ паденіи иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, равняется возвышенію таможенныхъ налоговъ, и не можетъ не быть пріятно для фабрикантовъ, покровительствуе-

*) См. „Наблюдатель“ № 3 текущаго года.

мыхъ этими налогами. Колебанія цѣны бумажныхъ денегъ и лажа звонкой монеты необходимы для чрезвычайно разросшейся у насъ и за границей спекулятивной и биржевой дѣятельности, имѣющей единственнымъ своимъ предметомъ эти колебанія, которыя не могутъ не исчезнуть съ устройствомъ правильной денежной системы и съ постоянствомъ цѣны бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Можно быть увѣреннымъ, что какъ только приступятъ, малѣйшимъ образомъ, къ мѣрамъ, нужнымъ по этой части, такъ въ этомъ особомъ спекулятивномъ мірѣ, который публика не умѣетъ и не всегда можетъ различать отъ правильной торговли и правильной спекуляціи,—поднялись бы вопли негодованія. Отсюда стали бы распространяться и въ иностранной печати всякія лжетолкованія о положеніи нашихъ финансовъ и принимаемыхъ мѣрахъ. Въ этомъ случаѣ, вредъ отъ иностраннаго газетнаго шума для нашихъ бумажныхъ денегъ можетъ быть гораздо значительнѣе, нежели тотъ, который, по мнѣнію иныхъ, онъ наноситъ имъ теперь, составляя будто бы единственную причину ихъ обезцѣненія.

Нужно много самоотверженія, мужества, и въ особенности непоколебимости убѣжденія для исправленія давно попорченной бумажной денежной системы. Кромѣ противодѣйствія со стороны паразитныхъ интересовъ, которые водворяются на почвѣ всякихъ пороковъ и съ которыми можно не считаться, трудная борьба неизбѣжна для каждаго государственнаго дѣятеля, который выступаетъ на это поприще, вслѣдствіе тѣхъ значительныхъ жертвъ, которыя требуются отъ государственныхъ финансовъ, и, стало быть, отъ государства и отъ народа, для исправленія этого зла. Если, въ недавнее время, въ Италіи такъ легко и быстро былъ устраненъ принудительный курсъ бумажныхъ денегъ и возстановлено совсѣмъ правильное бумажно-денежное обращеніе, то здѣсь замѣчательному искусству министровъ финансовъ, Селлы и Мальяни, могущественно содѣйствовало убѣжденіе всего итальянскаго общества въ крайней настоятельности этого дѣла. Въ Италіи издавна процвѣтала экономическая наука; едва ли есть общество, въ большинствѣ котораго были бы такъ распространены здравыя экономическія понятія. Впрочемъ, и тамъ дѣло не обошлось безъ борьбы для финансоваго управленія. Въ такой борьбѣ за возстановленіе правильной бумажной денежной системы въ Австріи, погибъ ея министръ финансовъ Брукъ въ серединѣ 50-хъ годовъ.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что хотя нашъ бумажно-денежный недугъ весьма подобенъ бывшему итальянскому, какъ

и всѣмъ такимъ разстройствамъ бумажнаго денежнаго обращенія въ другихъ странахъ Европы, но недостатки нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ гораздо сильнѣе и сопряжены съ условіями ихъ исправленія гораздо болѣе трудными (мы это увидимъ ниже), не смотря на бѣдность и политическую слабость Италіи, сравнительно съ Россіей.

Первое условіе,—conditio sine qua non,—исправленія всякаго зла, какъ и всякой физической болѣзни, это ясное сознаніе его сущности и причины. И тутъ, безъ правильнаго діагноза, невозможна никакая терапія; послѣдняя безъ первой можетъ скорѣе только повредить. Распространеніе въ публикѣ здравыхъ научныхъ понятій о коренныхъ недостаткахъ нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ—слѣдуетъ признать первымъ условіемъ ихъ излѣченія. Составленіе проэктовъ для упорядоченья нашей денежной системы, хотя бы и болѣе здравомысленныхъ, чѣмъ многіе оглашавшіеся знахарскіе рецепты на это, уже потому излишне, что необходимыя мѣры по этой части, достаточно ясныя и извѣстныя въ своемъ общемъ направленіи, зависятъ въ частностяхъ и подробностяхъ, которыя только и интересны для знающихъ людей, отъ *каждаго отдѣльнаго момента* времени, когда они будутъ принимаемы, и могутъ быть опредѣлены только самими государственными людьми, дѣйствующими и приводящими ихъ въ исполненіе. Эти финансовые проэкты не составляютъ впрочемъ призванія серьезной печати, которая болѣе всего обязана только подготовлять умственную почву для просвѣщенныхъ финансовыхъ мѣропріятій и разрушать общественные предразсудки, преграждающіе къ нимъ пути. Вслѣдствіе этихъ предразсудковъ, остались безплодными достаточно извѣстные, неоднократно возникавшіе въ нашей правительственной сферѣ, проэкты оздоровленія нашей бумажной денежной системы; эти проэкты можно такъ или иначе оспаривать въ ихъ подробностяхъ и способахъ дѣйствія, но они были основаны на вѣрныхъ началахъ и клонились къ вѣрнымъ цѣлямъ, сознаннымъ въ обществѣ.

Одно изъ самыхъ распространенныхъ у насъ заблужденій относительно бумажной денежной системы заключается въ томъ, что причины ея разстройства,—или, лучше, замѣчаемыхъ публикой признаковъ этого разстройства,—паденія иностранныхъ вексельныхъ курсовъ (лажа на звонкую монету въ обмѣнѣ на кредитные билеты) и исчезновенія звонкой монеты изъ обращенія,—ищутъ не въ недостаткахъ самой этой системы, а въ разныхъ побочныхъ обстоятельствахъ государственнаго и народнаго хозяйства: въ неудовлетворительномъ состояніи государственныхъ финансовъ, въ

дефицитахъ, въ размножившихся иностранныхъ займахъ и заграничныхъ уплатахъ по нимъ, въ недостаточномъ промышленномъ производствѣ Россіи и его кризисахъ, и т. д. Точно также и излѣченія нашего денежнаго недуга ожидаютъ только отъ улучшенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ. О международномъ торговомъ балансѣ, который въ прежнее время составлялъ причину всѣхъ причинъ, съ нѣкоторыхъ поръ перестали говорить, такъ какъ факты стали слишкомъ сильно бить въ лицо: вексельные курсы всего сильнѣе упали въ то время, какъ этотъ балансъ сталъ всего болѣе благопріятенъ для Россіи.

Между тѣмъ разныя болѣзненныя явленія въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ, если и вліяютъ въ той или другой степени на ухудшеніе бумажнаго денежнаго обращенія, то всѣ они, въ несравненно сильнѣйшей степени, обусловлены пороками этого обращенія. Нормальное денежное обращеніе есть первое условіе всѣхъ успѣховъ и народнаго и государственнаго хозяйства. При колебаніяхъ и непрерывномъ паденіи узаконенной бумажной денежной единицы, неизбѣжны и хроническіе дефициты, и слабое, неустойчивое развитіе частнаго кредита и всѣхъ видовъ промышленности. Всѣ ненормальныя явленія въ нашемъ денежномъ обращеніи суть, *прежде, всего послѣдствія коренныхъ недостатковъ* нашей бумажной денежной системы. Точно также, безъ устраненія этихъ недостатковъ, безъ измѣненія самой *натуры* нашей бумажной денежной системы, невозможно существенное ея излѣченіе отъ какихъ бы то ни было недуговъ. Это—*специфическое* финансовое зло, которое не изцѣляется само собою, безъ специфическихъ способовъ лѣченія. Укажемъ здѣсь вкратцѣ на эти коренные недостатки, хотя они уже явствовали изъ объясненной въ предъидущемъ нашемъ изложеніи болѣзненной сущности государственныхъ бумажныхъ денегъ *съ принудительнымъ курсомъ* (т. е., денегъ не размѣниваемыхъ на звонкую монету въ кассахъ государства, выпускающаго билеты, и обязательныхъ къ пріему во всѣхъ платежахъ).

Принудительный курсъ кредитныхъ билетовъ и пріостановленіе ихъ размѣна въ 1857, до котораго они ходили наравнѣ со звонкою монетою, причинившіе всѣ ненормальныя явленія въ нашемъ денежномъ обращеніи, были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ выпуска 400 милліоновъ на расходы крымской войны; въ этихъ 400 милліонахъ не нуждалось народное денежное обращеніе и они стали предъявляться къ размѣну въ государственныя кассы, которыя не могли имѣть для того наличныхъ способовъ (отсюда и произошло пріостановленіе размѣна). Дальнѣйшій выпускъ еще 400 милліоновъ, на послѣднюю восточную войну,

еще болѣе усилилъ гибельныя дѣйствія принудительнаго курса, ибо онъ, въ несравненно большей степени, затруднилъ мѣры, необходимыя для прекращенія принудительнаго курса или для открытія размѣна и возстановленія правильнаго денежнаго обращенія. А все это, — и неизъятіе своевременно изъ обращенія излишне выпущенныхъ билетовъ, и накопленіе ихъ въ тройномъ количествѣ противъ первоначальной цифры, 35 лѣтъ тому назадъ, (300 мил. въ 1852 г.), и принудительный курсъ, затянувшійся на 30 лѣтъ и не скоро могущій прекратиться,—все это было послѣдствіемъ коренной натуры этихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Эта натура состоитъ въ томъ, что онѣ—*государственныя бумажныя деньги, а не банковые* (циркуляціонные) *билеты*, или банкноты, въ формѣ которыхъ существуютъ уже давно всѣ оборотные (безпроцентные) бумажные денежные знаки во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ.

Нѣкоторое исключеніе составляетъ только Австрія, гдѣ еще осталось нѣкоторое количество старыхъ государственныхъ бумажныхъ денегъ, обращающихся совокупно съ банковыми билетами; тѣ и другіе пользуются принудительнымъ курсомъ, но все таки въ обращеніи ихъ господствуетъ банковый механизмъ, которымъ распоряжается австрійскій національный банкъ (акціонерный). Явленія разстройства бумажнаго денежнаго обращенія въ Австріи всего болѣе приближаются къ нашимъ, хотя все таки различны. Другое исключеніе въ новѣйшее время составляли сѣверо-американскія государственныя бумажныя деньги (greenbacks), выпущенныя въ междоусобную войну; но Сѣверо-Американскіе Штаты, испытавшіе бумажно-денежный недугъ, весьма сходный съ нашимъ, только несравненно болѣе скоротечный, быстро приняли противъ него мѣры.

Въ непониманіи категорическаго различія государственныхъ бумажныхъ денегъ, которыя только и слѣдуетъ называть *бумажными деньгами*, и банковыхъ билетовъ, которые суть кредитныя бумаги, а не деньги, кроется важнѣйшая причина существующихъ у насъ недоразумѣній относительно нашего бумажнаго денежнаго обращенія, въ сравненіи съ иностраннымъ, и съ испытанными другими странами денежными кризисами. Чрезвычайныя государственныя обстоятельства, почти всегда военныя, вынуждали, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, всѣ европейскія правительства (кромѣ Пруссіи въ 1866 и 1870 гг.), дѣлать займы въ банкахъ, въ видѣ экстренныхъ выпусковъ банковыхъ билетовъ на покрытіе своихъ расходовъ, и для этого предоставлять банкамъ право на принудительный курсъ ихъ билетовъ. Такъ было

въ Англіи вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ, во Франціи въ 1848 и 1870 гг., въ Италіи въ 1866 г. Въ Австріи неоднократно выпускались и государственныя бумажныя деньги, и банковые билеты съ принудительнымъ курсомъ, и потому ея денежная система—самая запутанная.

Экономическія потрясенія, испытанныя другими странами отъ этихъ банковыхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ, который весьма приближаетъ ихъ къ государственнымъ бумажнымъ деньгамъ, сходны съ нашими потрясеніями; таковы: лажъ на звонкую монету, вздорожаніе товарныхъ цѣнъ, дефициты въ государственныхъ бюджетахъ, затрудненія въ промышленности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была и большая разница явленій, происходившихъ въ другихъ странахъ, съ тѣмъ, что происходитъ у насъ. Не говоря обо многомъ другомъ, упомянемъ только, что всѣ упомянутые болѣзненные симптомы были гораздо слабѣе въ другихъ странахъ, и что періодъ всего теченія недуга былъ тамъ гораздо короче, чѣмъ у насъ. Эту разницу хотятъ у насъ видѣть въ особенностяхъ Россіи и ея государственнаго народнаго хозяйства, тогда какъ она заключается единственно въ категорическомъ различіи натуры государственныхъ бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ.

Укажемъ бѣгло на важнѣйшія стороны этого различія.

Прежде всего, самый способъ выпуска государственныхъ бумажныхъ денегъ,—которыя проще называть ассигнаціями,—и банковыхъ билетовъ, самый характеръ появленія на свѣтъ тѣхъ и другихъ категорически различенъ, и онъ порождаетъ всѣ дальнѣйшія ихъ различія. Ассигнація выпускается въ *уплату* расхода, и если возвращается въ государственную кассу для уплаты налоговъ и другихъ взносовъ частныхъ лицъ въ казну, то непремѣнно должна быть снова выпущена въ обращеніе (какъ одинъ изъ способовъ покрытія государственныхъ расходовъ, для чего она только и выпущена). Чтобы изъять изъ обращенія ассигнацію или погасить ее, нужна со стороны правительства совсѣмъ новая финансовая операція, и совсѣмъ новый источникъ дохода. Банковый билетъ выпускается не иначе, какъ въ *ссуду*, и къ тому же краткосрочную (большею частью, подъ учетъ векселей), взамѣнъ кредитнаго обязательства, которое выдало банку лицо, получившее билетъ, и которое остается въ портфелѣ банка (банковое покрытіе билетовъ). Поэтому билетъ по необходимости возвращается въ банкъ и его изъятіе изъ обращенія, или погашеніе, *заключается органически въ самомъ процессѣ его выпуска*. Отсюда все равновѣсіе въ банковомъ билетномъ обращеніи,—не-

возможное въ ассигнаціонномъ,—помимо размѣннаго металлическаго фонда, обезпечивающаго размѣнъ билета въ кассѣ по предъявленіи (безъ этого размѣна невозможно хожденіе билетовъ наравнѣ со звонкою монетою, или alpari). Всѣ выпущенные билеты обезпечены рубль за рубль портфелемъ банка и могутъ вернуться къ нему или погаситься посредствомъ одной только уплаты должниками банка по кредитнымъ обязательствамъ, находящимся въ его портфелѣ. Это *обратное движеніе* всѣхъ выпущенныхъ билетовъ въ банкъ, происходящее, по меньшей мѣрѣ, черезъ 3 мѣсяца (въ благоустроенномъ банкѣ) и окончательно погашающее ихъ, совсѣмъ не имѣется въ виду людьми, незнакомыми съ механизмомъ банковаго денежнаго обращенія. Если уплаты по портфелю банка производятся публикою не билетами, а звонкою монетою, посредствомъ которой усиливается размѣнный фондъ, то это служитъ признакомъ того, что народное денежное обращеніе нуждается болѣе въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, чѣмъ въ звонкой монетѣ. Такимъ образомъ поддерживается равновѣсіе между потребностями народнаго денежнаго обращенія въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ и также въ звонкой монетѣ, и количествомъ ихъ въ обращеніи, или предложеніемъ. Ничего подобнаго не можетъ быть въ ассигнаціонномъ денежномъ обращеніи.

Количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, или кредитныхъ суррогатовъ монеты, нужное для народнаго обращенія, весьма измѣнчиво въ каждой странѣ не только въ разные періоды и годы, но даже въ разное время одного и того же года. Эта *измѣнчивость* чрезвычайно усилилась со всѣми новѣйшими движеніями промышленности и торговли. Этой измѣнчивости въ количествѣ нужной для страны массы знаковъ можетъ удовлетворять только банковый механизмъ. Въ банкѣ сосредоточены кредитныя операціи, свидѣтельствующія о количествѣ денежныхъ сдѣлокъ и оборотовъ въ странѣ, требующихъ орудій для своего совершенія; сообразно съ этими кредитными операціями и выпускаются банковые билеты; соотвѣтственно бо̀льшей въ нихъ нуждѣ, количество ихъ въ обращеніи возрастаетъ и, соотвѣтственно уменьшенію этой нужды, оно сокращается. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ объ операціяхъ европейскихъ банковъ мы можемъ видѣть, какимъ значительнымъ колебаніямъ подвержена была масса билетовъ, обращавшаяся въ каждой странѣ въ теченіе разныхъ лѣтъ и разныхъ мѣсяцевъ того же года.

Этой измѣнчивости нужнаго, въ каждое время, количества оборотныхъ знаковъ никоимъ образомъ не могутъ удовлетворить государственныя бумажныя деньги, которыя выпускаются на го-

сударственные расходы, отнюдь не свидѣтельствующіе о количествѣ нужныхъ для страны оборотныхъ знаковъ; даже бываетъ совсѣмъ напротивъ: когда правительство особенно нуждается въ экстренныхъ выпускахъ для чрезвычайныхъ расходовъ (напр., на войну), и когда эта масса денегъ остается въ обращеніи, нормальные промышленные и торговые обороты страны, истощенной чрезвычайными государственными расходами послѣ войны, нуждаются въ меньшемъ количествѣ денежныхъ знаковъ. Остающіяся въ обращеніи, посредствомъ принудительнаго курса, бумажныя деньги производятъ искусственное, болѣзненное оживленіе промышленнаго производства и спекуляціи, за которымъ неизбѣжно слѣдуетъ на рынкахъ реакція—сокращеніе спроса на излишне произведенные товары, замѣшательства въ промышленности и торговлѣ. Такъ было у насъ послѣ крымской и послѣдней восточныхъ войнъ. Если количество государственныхъ бумажныхъ денегъ неподвижно, что всего лучше можетъ обезпечить ихъ благонадежное обращеніе и цѣнность, то народное хозяйство, при увеличивающейся въ то или другое время потребности въ оборотныхъ знакахъ, претерпѣваетъ затрудненія отъ недостатка въ нихъ. Неподвижность массы кредитныхъ билетовъ, находившихся у насъ въ обращеніи въ періодъ 1847—1852 гг., была возможна только въ то время,—при промышленномъ и всяческомъ застоѣ этого періода.

Наконецъ, размѣнъ государственныхъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету по предъявленію чрезвычайно затруднителенъ для государственныхъ кассъ; онъ возможенъ только для банка, въ которомъ сосредоточиваются всѣ теченія металла въ странѣ, его приливы и отливы, и который, посредствомъ подвижности учетнаго процента и другихъ своихъ операцій, можетъ управлять этими теченіями. А размѣнность бумажныхъ денежныхъ знаковъ совершенно необходима, какъ для поддержанія ихъ равноцѣнности со звонкою монетою, для устраненія лажа на послѣднюю, какъ для постояннаго удовлетворенія публики въ металлѣ, такъ и для окончательной безошибочной повѣрки соотвѣтствія количества обращающихся билетовъ съ количествомъ потребности въ нихъ. Размѣнъ нашихъ кредитныхъ билетовъ въ періодѣ 1843—1856 гг. былъ возможенъ только сперва при превышеніи массы ихъ надъ потребностью (до 1847 г.), затѣмъ при неподвижности этой массы (до 1854 г.) и, наконецъ, во время *неокончательнаго* вступленія чрезвычайныхъ военныхъ выпусковъ въ народное обращеніе (до 1857 г.). Впрочемъ размѣнность нашихъ кредитныхъ билетовъ есть единственный въ свѣтѣ примѣръ размѣнности государственныхъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ *значительномъ* количествѣ.

Если такія деньги въ другихъ странахъ были размѣнны на монету, то только когда онѣ выпускались въ ничтожныхъ размѣрахъ. Исторія у насъ доказала, какія встрѣтились препятствія къ тому, чтобы эта размѣнность продолжалась даже и въ нормальные періоды мира.

Когда банковые билеты были выпускаемы въ ссуду правительствамъ въ Англіи, Франціи, Италіи, на покрытіе чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ и имъ присвоивался принудительный курсъ, который весьма приближалъ характеръ этихъ билетовъ къ государственнымъ бумажнымъ деньгамъ, то все таки первые были гораздо менѣе вредоносны, чѣмъ вторыя,—и вызывавшіяся при этомъ болѣзненныя явленія въ народномъ денежномъ обращеніи, хотя и одинаковыя съ ассигнаціонными, были гораздо легче и скоротечнѣе. Это происходило, во-первыхъ, потому, что описанный нами банковый механизмъ продолжалъ дѣйствовать относительно всей совокупности бумажнаго денежнаго обращенія и противодѣйствовалъ крайнимъ послѣдствіямъ излишнихъ выпусковъ билетовъ и ихъ принудительнаго курса. Во-вторыхъ, правительства, получавшія изъ банковъ чрезвычайныя воспособленія ихъ билетами и выдававшія банкамъ взамѣнъ ихъ долговыя обязательства, были принуждены, въ силу этихъ обязательствъ, основанныхъ на общемъ договорномъ началѣ, разсчитываться съ банками въ условленные сроки. Посредствомъ этихъ разсчетовъ, т. е. уплатъ по долговымъ обязательствамъ правительствъ передъ банками послѣдніе получали денежныя или наличныя средства къ изъятію изъ обращенія излишне выпущенныхъ билетовъ и къ возстановленію нормальнаго денежнаго обращенія безъ принудительнаго курса. Мы говоримъ здѣсь только о сущности дѣла, не касаясь особенныхъ условій каждой страны, видоизмѣнявшихъ эту самую операцію, хотя и вездѣ одинаковую въ своихъ общихъ чертахъ.

Всѣ европейскія правительства прибѣгали въ крайнихъ обстоятельствахъ, преимущественно военныхъ, къ пріобрѣтенію неизбѣжной денежной наличности посредствомъ безпроцентныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ съ принудительнымъ курсомъ. Избѣгла этого только Пруссія въ свои послѣднія войны; она имѣетъ на эти случаи чрезвычайный военный фондъ, доставляющій ей необходимую денежную наличность для начала войны. Этотъ фондъ составляетъ особенность прусскаго, а теперь германскаго, государственно-финансоваго хозяйства. Остается спорнымъ, даже и въ наукѣ вопросъ: возможно ли въ случаѣ войны обойтись безъ выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ съ принудительнымъ

курсомъ, и не менѣе ли разорительны для народа другіе источники немедленной денежной наличности,—чрезвычайные налоги, быстрые государственные займы на затруднительныхъ, критическихъ условіяхъ, спеціальный военный наличный фондъ, накапливаемый въ мирное время (на подобіе Германіи)?

Во всякомъ случаѣ, наше государство не заслуживаетъ упрека за то, что оно обращалось для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ на войны къ тому же средству,—къ бумажнымъ денежнымъ знакамъ съ принудительнымъ курсомъ,—къ которому обращались въ этомъ случаѣ и другія европейскія государства. Если экономическія послѣдствія этихъ финансовыхъ операцій оказались у насъ продолжительнѣе и злокачественнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, то виновата въ этомъ только форма, въ которой водворились въ Россіи эти денежные знаки съ конца прошедшаго столѣтія; виновата самая *натура государственныхъ бумажныхъ денегъ въ сравненіи съ банковыми билетами*, исключительно господствующими въ западной Европѣ во всемъ нынѣшнемъ столѣтіи. Виноваты также,—и весьма много,—наши общественные предразсудки, упрямо вѣрующіе въ непогрѣшимость натуры государственныхъ бумажныхъ денегъ, или ассигнацій, и противодѣйствовавшіе всѣмъ благимъ попыткамъ правительства и просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей къ исправленію этой натуры и къ реформѣ нашей бумажно-денежной системы. *Безъ коренной реформы* этой системы, которая, какъ всякая правильная государственная реформа, должна быть, конечно, исполнена, при всей энергіи, съ величайшею осторожностью, постепенностью и вниманіемъ къ личнымъ интересамъ,—немыслимо никакое исцѣленіе отдѣльныхъ пароксизмовъ нашего бумажно-денежнаго недуга. Пальятивы къ ихъ облегченію всего менѣе могутъ его излѣчить. А отъ исцѣленія этого недуга зависятъ всѣ успѣхи нашего государственнаго и народнаго хозяйства и безъ него они не могутъ быть серьезны.

Вл. Безобразовъ.

Баядера.

Луна сквозь туманы—блѣдней привидѣнья;
Едва серебрится восточная даль;
Созвѣздій дрожатъ на рѣкѣ отраженья,
Какъ жемчугъ, упавшій на тусклую сталь.

Едва серебрится восточная даль,
И думы рабыни туда улетаютъ...
Какъ жемчугъ, упавшій на тусклую сталь,
Лишь ранніе дни въ темной жизни блистаютъ!

И думы рабыни туда улетаютъ,
Гдѣ вѣчно бѣлѣетъ святой Эверестъ...
Лишь ранніе дни въ темной жизни блистаютъ:—
Тамъ снился и ей сонъ счастливыхъ невѣстъ!

Гдѣ вѣчно бѣлѣетъ святой Эверестъ,
Она расцвѣла среди бѣдности вольной;
Тамъ снился и ей сонъ счастливыхъ невѣстъ,
А смерти страшнѣй—красота для бездольной.

Она расцвѣла среди бѣдности вольной
И вянетъ средь роскоши свѣтлыхъ дворцовъ...
А смерти страшнѣй красота для бездольной!—
На рынкѣ Дельхи продается любовь.

И вянутъ средь роскоши свѣтлыхъ дворцовъ,
Что лотоса сорванный цвѣтъ, баядеры;—
На рынкѣ Дельхи продается любовь,
Какъ горсть изумрудовъ, какъ шкура пантеры!

Что̀ лотоса сорванный цвѣтъ, баядера
Въ раздумьѣ поникла прелестной главой:—
„Какъ горсть изумрудовъ!.. какъ шкура пантеры!..“
Смутился впервые лѣнивый покой.

Въ раздумьѣ поникла прелестной главой,
(У ногъ ея волны журчатъ безмятежно...)
Смутился впервые лѣнивый покой:
Ей слышится шопотъ ласкающе-нѣжный...

У ногъ ея волны журчатъ безмятежно:
„Тутъ день безъ веселья, тутъ ночь безъ пировъ!“—
Ей слышится шопотъ ласкающе-нѣжный:—
„Въ Нирванѣ исчезнутъ и стыдъ, и любовь!

„Тутъ день безъ веселья, тутъ ночь безъ пировъ,
„Тутъ мысль не томитъ, не томятъ наслажденья,—
„Въ Нирванѣ исчезнетъ и стыдъ, и любовь“...
Луна сквозь туманы—блѣднѣй привидѣнья.

Графъ П. Бутурлинъ.

ЭТИКЕТЪ.

Арабеска-рококо.

Лолы Киршнеръ *).

I.

Наше столѣтіе, по справедливости, можно назвать эпохой безвѣрія и отрицанія. Еще недавно, за ужиномъ у старой, слѣпой родоначальницы французскихъ синихъ чулковъ, Жоржъ Зандъ, одна изъ современныхъ свободныхъ мыслительницъ упрекнула въ ханжествѣ самого Вольтера, сказавъ о немъ: „A, c'est un dévot, c'est un déiste"!

Но взамѣнъ разбитыхъ идеаловъ и старыхъ боговъ у насъ остался фетишъ, котораго продолжаютъ усердно чтить добрые и злые, умные и глупые люди, готовые жертвовать ему своей жизнью, счастьемъ и даже самоуваженіемъ.—Этотъ фетишъ зовется этикетомъ. Однако и его власть значительно пошатнулась; деспотъ надъ деспотами, онъ скоро будетъ ниспровергнутъ. И какъ ему сохранить свой престижъ въ нашъ вѣкъ своеволія и каприза! Настанетъ часъ, когда какая нибудь королева, въ порывѣ юношеской шаловливости, вырветъ у него изъ рукъ волшебный жезлъ и такимъ образомъ исполнитъ то, чего не удалось достичь даже смѣлой Дю-Барри, конечно, менѣе всего заботившейся о соблюденіи свѣтскихъ приличій. Тогда, обезоруженный коронованной особой, униженный и осмѣянный, этикетъ покорно склонится къ подножію трона, которому онъ служилъ опорой.

Все это, повторяю, рано или поздно должно случиться, но пока власть этикета еще довольно тверда и значительно усиливается

---

*) Эта талантливая нѣмецкая романистка пишетъ подъ русскимъ псевдонимомъ *Осипа Шубина.*

въ торжественные моменты придворной жизни. Между прочимъ, этикетъ соблюдается съ особенной строгостью у смертнаго одра великихъ міра сего. Такъ было и въ началѣ нашей исторіи, въ первыхъ числахъ мая anno domini 1774. Людовикъ XV боролся со смертью и вмѣстѣ съ нимъ умирало многое, давно отжившее, что поддерживалось только прежними порядками. Престарѣлый монархъ, когда-то боготворимый своимъ народомъ и получившій прозваніе „Возлюбленнаго", уносилъ въ могилу всеобщую ненависть! Въ продолженіе всей своей жизни онъ боялся только смерти и загробныхъ наказаній. Малѣйшее нездоровье постоянно усиливало этотъ страхъ; король впадалъ въ безпокойство, требовалъ къ себѣ духовника и мучилъ окружающихъ. Зная мнительность государя, Дю-Барри, умѣвшая истинктивно отгадывать его слабости и пользоваться ими, уговорила Людовика XV не уѣзжать изъ веселаго миньятюрнаго Тріанона, гдѣ онъ внезапно расхворался въ ночь на 28 апрѣля.

Фаворитка чувствовала себя безопасной въ незатѣйливомъ загородномъ дворцѣ, окруженная цѣлой фалангой эгвильонистовъ, для которыхъ она служила послушнымъ орудіемъ. Здѣсь Дю-Барри была ограждена отъ нападокъ королевской фамиліи, отъ интригъ партіи, враждебной д'Эгвильону, а также и отъ непріязни придворнаго духовника, всегда старавшагося удалить ее отъ государя. Историческія познанія молодой женщины не отличались особой обширностью, однако она твердо помнила августовскія событія 1744 года, когда у постели больнаго короля въ Мецѣ произошелъ ожесточенный поединокъ между герцогиней Шатору и всесильнымъ духовенствомъ Франціи. Фаворитка хорошо понимала, что ей, Жаннѣ Бекю, состоявшей нѣкогда подъ покровительствомъ mademoiselle Фредерикъ, не удастся одолѣть противниковъ, побѣдившихъ самую прекрасную, самую гордую женщину изъ знаменитаго рода Нель.

Между тѣмъ состояніе здоровья короля быстро ухудшалось, такъ что приближенные не могли дольше скрывать его болѣзни. Смѣлый, ничѣмъ не стѣснявшійся, герцогъ д'Эгвильонъ былъ, наконецъ, вынужденъ сознаться въ этомъ. Тогда онъ посовѣтовалъ Дю-Барри какъ можно скорѣе перевезти въ Версаль своего повелителя и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнаго раба. Фаворитка немедленно согласилась, и въ тотъ же день больной переселился въ громадный неуютный дворецъ,—официальную королевскую резиденцію. Доктора тотчасъ принялись за лѣченье и сдѣлали паціенту нѣсколько обильныхъ кровопусканій, но, вмѣсто улучшенія, у Людовика XV-го обнаружились острые симптомы злокачественной оспы.

Грозный призракъ стоялъ у изголовья монарха, который не думалъ однако готовиться къ переходу въ вѣчность: страхъ загробныхъ наказаній боролся пока въ его сердцѣ съ любовью къ Жаннѣ Бекю, графинѣ Дю-Барри. Дѣйствительно, Людовикъ XV любилъ эту женщину сильнѣе всѣхъ ея предшественницъ: сильнѣе мечтательной де-Майльи, пикантной де-Вентимиль и надменной красавицы Шатору, не говоря уже о Помпадуръ, ученой, холодной Помпадуръ, извѣстной своимъ непомѣрнымъ властолюбіемъ. Когда ея гробъ выносили изъ дворца, на дворѣ стояло сильное ненастье. Провожая глазами погребальную процессію, король ограничился равнодушнымъ замѣчаніемъ: „бѣдная маркиза, какая непріятная погода для ея похоронъ“. Но къ Дю-Барри онъ относился совершенно иначе. Въ этой страстной привязанности самаго высокомѣрнаго изъ Бурбоновъ къ представительницѣ парижской черни скрывалась жестокая иронія судьбы. Можетъ быть, Людовикъ XV смутно догадывался о томъ, что Жанна Бекю, попавъ въ Версаль, проложила въ него дорогу пуассардкамъ четвертаго октября. Однако на всѣ возраженія придворныхъ король отвѣчалъ неизмѣнною фразой: „Такъ будетъ продолжаться, пока я живъ“. То были знаменательныя слова человѣка, отличавшагося безпримѣрнымъ себялюбіемъ и въ то же время необычайной прозорливостью. Онъ никогда не принималъ особенно близко къ сердцу тревожныхъ событій своего царствованія и смѣло пренебрегъ традиціями, приблизивъ любимую женщину темнаго происхожденія къ своему королевскому трону.

По его прихоти, Дю-Барри вступила въ заколдованный кругъ блестящей придворной жизни. Эта дочь народа обладала наивной беззастѣнчивостью полудикой цыганки; ненависть и любовь были ей одинаково чужды; ее не смущали ни раскаянье, ни божій страхъ и вообще никакое глубокое чувство, способное волновать человѣческія сердца. Жанна Бекю безспорно была натурой мелкой, но зато она въ совершенствѣ владѣла однимъ неоцѣнимымъ даромъ: ей всегда удавалось разсѣивать мрачныя мысли Людовика XV. Его забавляли веселыя пѣсни фаворитки, подслушанныя на парижскихъ улицахъ; забавляла рѣзвость вульгарнаго пошиба и даже простонародное произношеніе. Окруженный всю жизнь людьми, нагонявшими на него скуку, хотя сами они усердно гонялись за развлеченіями, король любилъ въ Дю-Барри единственную личность, возлѣ которой онъ оживалъ душою. Во время своей послѣдней болѣзни онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ любимой женщины. По своему легкомыслію, она не думала о грозившей опасности и съ величайшимъ самоотверженіемъ уха-

живала за больнымъ. Ея заботы о немъ раздѣляли три дочери Людовика XV, бѣдныя принцессы: Луиза, Аделаида и Викторія, одиноко доживавшія свой вѣкъ и прозванныя отцомъ, въ минуту шутливости, полупрезрительными именами: Шифъ, Кошъ и Грайль.

Тутъ между приверженцами д'Эгильона и Шуазёля или, точнѣе говоря, между представителями честолюбиваго духовенства и свѣтскаго могущества загорѣлась фанатическая борьба за спасеніе души короля. Яблокомъ раздора между противными партіями послужили св. дары. Одни изъ приближенныхъ государя требовали ихъ, другіе не допускали священника въ комнату больнаго, такъ что дароносица странствовала цѣлые дни туда и сюда по коридорамъ королевскаго дворца. „Или св. причастіе, или Дю-Барри"! Эти слова повторялись враждующими сторонами, какъ военный кликъ въ пылу сраженія. И въ эту нечестивую эпоху, полную несовмѣстимыхъ противорѣчій, у постели умирающаго разыгралась недостойная комедія: приверженцы Шуазёля, люди невѣрующіе, настаивали на томъ, чтобы король пріобщился св. таинъ, тогда какъ эгильонисты, единомышленники іезуитовъ, не хотѣли допустить къ государю духовника.

Глухое эхо этой борьбы долетало до слуха Людовика XV. Предсмертное напутствіе, или Дю-Барри?... Слишкомъ трудный выборъ! Съ одной стороны, отпущеніе грѣховъ и рай, нѣчто въ родѣ неуловимой мистеріи въ синеватыхъ облакахъ кадильнаго дыма, съ другой—обольстительный грѣхъ въ видѣ осязаемой дѣйствительности. Король колебался, разсчитывая на выздоровленіе. По примѣру Константина Великаго, Людовикъ Возлюбленный, повидимому, хотѣлъ приступить къ покаянію, только утративъ всякую возможность наслаждаться грѣхомъ.

Между тѣмъ его состояніе ухудшалось съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ: бѣдной Дю-Барри приходится плохо, а еще хуже самому королю. Мрачныя мысли грозно осаждаютъ его голову и фаворитка съ ужасомъ замѣчаетъ, что ей теперь не удается прогнать ихъ. Изнуренный болѣзнью, Людовикъ не въ силахъ больше отдѣлаться отъ пугающихъ призраковъ. Перспектива адскихъ мукъ встаетъ передъ нимъ все съ бо́льшею ясностью. Свѣтлыя стороны религіи всегда оставались для него недоступными, но зато король смирялся передъ ожидаемой карой Провидѣнія.

Четвертаго мая спорный вопросъ былъ, наконецъ, рѣшонъ. Государь самъ попросилъ фаворитку удалиться безъ всякаго шума, „во избѣжаніе прискорбныхъ сценъ, происходившихъ въ Мецѣ". Послѣ того онъ примирился съ Богомъ или, по крайней мѣрѣ, съ церковью. Дю-Барри осталась по близости, ожидая, что мо-

нархъ опять позоветъ ее къ себѣ, и не теряя безумной надежды на его выздоровленіе. Пожалуй, она одна надѣется на это,—одна во всемъ обширномъ королевствѣ, тогда какъ остальная Франція нетерпѣливо ждетъ трагической развязки. Какъ долго длится агонія! Неужели ей не будетъ конца?

Настаетъ 10-е мая 1774 года, и великій переворотъ подходитъ все ближе. Король готовъ въ далекій путь, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовы отбыть изъ Версаля дофинъ съ дофиной, которыхъ все время держали какъ можно дальше отъ заражонной комнаты больнаго. Запряженный экипажъ дожидался у крыльца, почтальоны и шталмейстеры въ длинныхъ ботфортахъ со шпорами расхаживали по двору. На дворцовой башнѣ пробило часъ. Весеннее солнце то пряталось, то выглядывало изъ-за свинцовыхъ тучъ, разгоняемыхъ вѣтромъ. Въ ту минуту, по версальскому саду прогуливался молодой человѣкъ, разсѣянно посматривая по сторонамъ. Наконецъ, онъ остановился у большаго фонтана, украшеннаго живописной группой наядъ и дріадъ. Вода съ веселымъ плескомъ била къ верху, разсыпаясь серебристыми брызгами.

Этотъ молодой человѣкъ былъ виконтъ де-Леторьеръ, прозванный „очаровательнымъ“. Въ его лицѣ выражалось презрительное высокомѣріе, въ осанкѣ—вынужденное спокойствіе, какое бываетъ у людей, старающихся замаскировать свою досаду даже передъ собою. Сегодня онъ прибылъ въ Версаль узнать о здоровьѣ государя и удалился изъ дворца, понимая, что насмѣшливые придворные, не смотря на всеобщую тревогу, найдутъ случай сказать ему колкое словцо по поводу недавней непріятности, сильно уязвившей честолюбіе де-Леторьера. Его гордости былъ дѣйствительно нанесенъ чувствительный ударъ и всѣ софизмы въ мірѣ не могли примирить съ этимъ виконта. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой провинціалъ пріѣхалъ въ Парижъ устраивать свою карьеру, ему не удалось устранить со своей дороги соціальнаго препятствія. Онъ былъ побѣжденъ неумолимымъ тираномъ-этикетомъ.

Дѣло происходило такъ: Ланселотъ-Іосифъ, сеньоръ де-Леторьеръ былъ бѣдный дворянинъ изъ Ксентонжа и принадлежалъ къ второстепенной знати. Однажды Людовикъ XV спросилъ своего совѣтника Шерена, кто такой красивый молодой человѣкъ, котораго онъ съ нѣкоторыхъ поръ постоянно встрѣчаетъ во время своихъ прогулокъ, нѣкій де Леторьеръ, никому незнакомый въ столицѣ. Шеренъ покачалъ головой и отвѣтилъ королю, что хотя пріѣзжій представилъ ему свои документы, но его едва ли можно допустить ко двору, потому что онъ очень неважнаго происхожденія.

— Ну, что за бѣда! воскликнулъ король. — Этотъ Леторьеръ очарователенъ. Я *хочу*, чтобы онъ состоялъ при дворѣ, устройте какъ нибудь это дѣло. Да, вотъ что! Самое лучшее: дать ему титулъ виконта!

Черезчуръ добросовѣстному изслѣдователю дворянской генеалогіи пришлось замолчать. Воля короля была безпрекословно исполнена. Леторьеръ попалъ ко двору. Людовикъ XV видѣлъ въ немъ красиваго, находчиваго кавалера, котораго было пріятно имѣть въ своей свитѣ и осыпать королевскими милостями, не особенно заботясь о его незнатномъ происхожденіи. Но государственные сановники: де-Роганы и Клермонъ-Тоннеры, Ла-Тремуйли и Монморанси смотрѣли на него, какъ на выскочку, на проходимца, попавшаго не на свое мѣсто, благодаря протекціи женщинъ и капризу монарха. Вся эта гордая, кичливая знать только ожидала благопріятной минуты, чтобы раздѣлаться съ ненавистнымъ балагнемъ счастья.

Красивый Леторьеръ удостоивался всевозможныхъ почестей, о которыхъ никогда не смѣли мечтать другія лица съ такими же скромными данными, и ему недоставало только офиціальнаго права входить во внутренніе покои короля и присутствовать при его одѣваньѣ поутру и при раздѣваньѣ передъ отходомъ ко сну. Никто не станетъ отрицать, безпристрастно взглянувъ на дѣло, что такое право въ обыкновенное время крайне лестно для всякаго придворнаго, но если эта завидная привилегія обязываетъ оставаться вблизи государя, заболѣвшаго черной оспой, то положеніе становится не особенно пріятнымъ. Оно, дѣйствительно, настолько стѣсняло въ данную минуту приближенныхъ Людовика XV, что многіе изъ нихъ не на шутку пріуныли.

Спальня короля стала настоящимъ очагомъ заразы. Во дворцѣ захворало уже болѣе пятидесяти человѣкъ и каждый, кто могъ, старался подъ благовиднымъ предлогомъ оставить на время свой почетный постъ. Въ этотъ моментъ придворной паники виконтъ де-Леторьеръ добровольно вызвался ухаживать за опаснымъ паціентомъ. Однако его планъ не удался. Государственные сановники испугались, что молодой человѣкъ можетъ послѣ того еще болѣе возвыситься, и съ общаго согласія, вѣжливо, но рѣшительно отклонили его предложеніе, какъ несогласное съ этикетомъ.

Конечно, король могъ поставить на своемъ, обойдя всякія формальности, но онъ ничего не зналъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его любимцу. Для Людовика XV наступалъ послѣдній часъ и его агонія продолжалась безконечно долго. Между тѣмъ юный Леторьеръ одиноко стоялъ въ версальскомъ саду, ирони-

чески улыбаясь при мысли о людской мелочности и тиранiи этикета. „Этотъ старый педантъ сыгралъ со мной плохую штуку, говорилъ онъ про себя,—но мы еще помѣримся силами и посмотримъ, кто изъ насъ восторжествуетъ“.

Виконтъ поднялъ маленькiй камешекъ и вслѣдъ затѣмъ прицѣлился прямо въ грудь одной изъ вычурныхъ дрiадъ у фонтана. „Если камешекъ попадетъ прямо въ сердце, котораго, конечно, у нея нѣтъ, то побѣда останется за мной“, прошепталъ Леторьеръ съ вызывающей улыбкой. Однако брошенный имъ голышъ пролетѣлъ мимо, даже не коснувшись статуи. Молодой человѣкъ закусилъ губы—предсказанiе было не въ его пользу.

„Неужели бездушный этикетъ восторжествуетъ?“ въ замѣшательствѣ замѣтилъ виконтъ. „Но, впрочемъ, кто подглядываетъ черезъ замочную скважину въ двери будущаго, тотъ рискуетъ увидѣть вещи въ превратномъ свѣтѣ. Все это не больше, какъ суевѣрiе“.

Леторьеръ научился гадать о своей судьбѣ бросаньемъ въ цѣль маленькихъ камешковъ, перенявъ этотъ невинный обычай у старой кузины съ Иль-де-Франса. Между тѣмъ суевѣрная примѣта пустила глубокiя корни въ его сердцѣ и, какъ нарочно, предсказанiя камешковъ почти всегда сбывались, хотя, разумѣется, здѣсь не было ничего, кромѣ случайнаго совпаденiя.

„Это высокомѣрный д'Эжонъ сыгралъ со мной гадкую штуку и вооружилъ противъ меня другихъ придворныхъ вельможъ, продолжалъ размышлять виконтъ:—нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ принадлежащiе къ Савойскому дому относятся ко мнѣ враждебно. Они не могутъ примириться съ моими удачами. Но все это пустяки! Стоитъ ли безпокоиться о придиркахъ этикета? Въ сравненiи съ моимъ счастьемъ, всѣ мелкiя невзгоды не значатъ ничего“.

Разсудительные люди точно сговорились называть „пустяками“ такiя вещи, которыхъ онѣ напрасно старались достичь цѣлые десятки лѣтъ. Еще недавно виконтъ считалъ крайне важнымъ для себя проникнуть въ королевскую спальню, а теперь онъ называлъ это завидное преимущество не стоющими вниманiя пустяками!

„Вотъ, еслибы проклятый этикетъ угрожалъ мнѣ разлукой съ Жюли, тогда другое дѣло!“ продолжалъ вполголоса молодой человѣкъ.—„Но, къ счастью, моя дорогая невѣста, моя возлюбленная не придаетъ никакой цѣны людскимъ предразсудкамъ, не такъ ли, милая?“ прибавилъ онъ съ глубокой нѣжностью и снова наклонился, чтобы поднять съ песчаной дорожки голышъ. Однако, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха, Леторьеръ только нерѣшительно повертѣлъ камешекъ въ рукахъ, но не бросилъ его. У

виконта не хватило мужества еще разъ испытать свою судьбу: проблематическій вопросъ былъ слишкомъ близокъ сердцу юноши.

На башнѣ бьетъ половина втораго... три четверти... Какъ долго не можетъ умереть король! Когда же наступитъ конецъ его агоніи? Въ длинной зеркальной галереѣ, которая ведетъ во внутреннія покои государя, стоятъ придворные, въ одиночку и группами, перешептываясь между собою. Они говорятъ объ ужасной болѣзни Людовика XV и, пожимая плечами, перечисляютъ приближенныхъ короля, сдѣлавшихся жертвой заразы. Потомъ, ободривъ себя какой нибудь шуточкой, подозрительно оглядываются черезъ плечо, опасаясь нескромныхъ свидѣтелей, и начинаютъ строить предположенія: будетъ ли помилованъ изгнанный Шуазёль послѣ смерти короля и какая участь ожидаетъ Дю-Барри... „Въ сущности она никому не причинила вреда", говорятъ о ней теперь. На противоположномъ концѣ Версальскаго дворца, дофинъ и дофина со своимъ придворнымъ штатомъ ожидаютъ развязки великаго событія. Стройная, очаровательная Марія-Антуанета даже въ эту роковую минуту не можетъ обуздать своей природной живости. Ея хорошенькое овальное личико съ тонкими чертами, которыя не успѣли еще пріобрѣсти непріятной рѣзкости, какъ въ позднѣйшій періодъ, то и дѣло озаряется веселой улыбкой. Не смущаясь приличной случаю торжественной тишиной, дофина украдкой передаетъ госпожѣ Ламбаль свои планы о томъ, какъ она намѣрена развлекаться въ скучное время придворнаго траура. Дофинъ, уже и тогда отличавшійся полнотой, дородная каррикатура легендарной красоты Бурбоновъ, хмуритъ лобъ, замѣтивъ легкомысліе супруги, и вдругъ обращается къ брату, графу Прованскому, съ вопросомъ: правда ли, что Шуазёль оплѣшивѣлъ и растолстѣлъ?

Графъ Прованскій съ иронической улыбкой подтверждаетъ этотъ слухъ; наконецъ дофинъ встаетъ, покачиваетъ бедрами, что̀ служило у него выраженіемъ волненія и нерѣшительности въ серьезные моменты жизни, и отходитъ къ окну.

Въ то же время д'Артуа,—красивый, статный послѣдній рыцарь этого угасающаго рода, но рыцарь уже сильно похожій на дэнди,—старается придать печальное выраженіе своему лицу. Онъ взглядываетъ на каминные часы, красивенькую игрушку, поднесенную принцессой Ламбаль Маріи-Антуанетѣ въ день ея свадьбы и украшенную эмблемами любви и вѣрности, въ видѣ обнаженнаго мальчика съ собакой, которую онъ учитъ служить. Д'Артуа шутливо замѣчаетъ, что здѣсь любовь лишена крыльевъ, а вѣрность очень остроумно представлена подъ видомъ искалѣченной собаки,

неспособной убѣжать отъ своего хозяина. Дофина украдкой смѣется, прижимая къ губамъ платокъ. Ея нервы такъ утомлены четырехдневнымъ напряженіемъ, что молодая женщина готова засмѣяться чему угодно, только бы стряхнуть съ себя гнетущую тоску. Дофинъ съ неудовольствіемъ пожимаетъ круглыми плечами, и Марія Антуанета спѣшитъ скрыть свою веселость подъ притворной зѣвотой. Какъ медленно двигается часовая стрѣлка... еще нѣтъ и двухъ часовъ. Между тѣмъ мученія короля все возрастаютъ. Теперь онъ обратился въ безформенную раздутую массу, покрытую струпьями, и мечется по кровати, по прежнему призывая въ предсмертномъ бреду отсутствующую Дю-Барри. Съ неугомонностью умирающихъ, которые какъ будто рвутся въ могилу, Людовикъ XV ежеминутно требуетъ, чтобы его перенесли съ постели въ кресло. Въ комнатѣ почти невозможно дышать отъ спертаго, испорченнаго воздуха.

„Будетъ-ли когда нибудь этому конецъ!“ стонетъ Версаль.

У бассейна, въ который смотрятся граціозно изогнувшіяся дріады, по прежнему стоитъ въ глубокой задумчивости Ланселотъ де-Леторьеръ, иронически улыбаясь малодушію свѣта. По темной поверхности пруда, покрытой легкою зыбью, величественно плыветъ бѣлый лебедь. Подстриженныя деревья дворцоваго сада отбрасываютъ короткія широкія тѣни на ярко-желтый гравій дорожекъ. Кусты сирени съ кистями душистыхъ блѣдно-лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ выдѣляются безъисскуственной граціей на фонѣ тисовъ, педантично подстриженныхъ въ формѣ обелисковъ и пирамидъ. Кругомъ безлюдно и тихо, торжественно тихо, какъ и слѣдуетъ быть въ такія печальныя минуты.

На башнѣ бьетъ два часа... И вдругъ... что это можетъ значить?

Во дворцѣ раздается глухой шумъ, который все возрастаетъ, переходя въ оглушительный гулъ, напоминающій ревъ водопада... Это быстрые, тревожные шаги и голоса нѣсколькихъ сотенъ людей. Теперь уже не виконтъ де-Леторьеръ, а зловѣщій, неумолимый призракъ иронически улыбается въ стѣнахъ Версаля надъ жалкимъ малодушіемъ человѣчества. У покинутаго трупа короля стоитъ смерть, провожая насмѣшливымъ взглядомъ придворныхъ, которые такъ спѣшатъ отвернуться отъ Людовика XV, чтобы привѣтствовать Людовика XVI. Король скончался, да здравствуетъ король!...

II.

Его даже не бальзамировали, какъ принято поступать съ королевскими трупами. Страхъ передъ заразой пересилилъ всѣ другія соображенія. Когда герцогъ Вилькьѣ, въ качествѣ перваго ка-

мергера, потребовалъ, чтобы лейбъ-медикъ Андулье произвелъ вскрытіе, тотъ довольно остроумно отвѣтилъ знатному вельможѣ: „я согласенъ исполнить свой долгъ, но помните, ваша свѣтлость, что вы, согласно вашему званію, обязаны поддерживать голову покойника во время операціи". Герцогъ замялся и поспѣшилъ выйти изъ комнаты, прервавъ щекотливый разговоръ.

Тогда зараженные остатки „Возлюбленнаго" наскоро уложили въ металлическій гробъ, вылили туда нѣсколько склянокъ спирту и запаяли крышку свинцомъ. Двое несчастныхъ рабочихъ и незначительные представители низшаго духовенства сторожили одинокій катафалкъ; потомъ, дня черезъ два, отвезли тѣло въ С. Дени. Точно украдкой, безъ пѣнія молитвъ и пушечныхъ салютовъ, въ сопровожденіи какой нибудь дюжины пажей и пятидесяти всадниковъ съ факелами въ рукахъ и даже не въ траурной одеждѣ, двигалась мрачная процессія въ тишинѣ майской ночи. Все это совершалось торопливо, лошади бѣжали чуть не галопомъ. Каждый спѣшилъ поскорѣе отдѣлаться отъ непріятной обузы. А по обѣимъ сторонамъ дороги, образуя шпалеру, стояли зловѣщія фигуры съ искаженными ненавистью лицами. Съ шумомъ вѣтра, звонкими ударами лошадиныхъ копытъ и скрипомъ колесъ сливались хлесткія, какъ взмахи бича, насмѣшливыя пѣсни, сложенныя про Людвика XV парижской чернью. Иронія всего общества и ненависть цѣлаго народа—такова была почетная стража, сопровождавшая нѣкогда любимаго монарха до могилы. Ночь становится мрачнѣе; вѣтеръ и дождь тушатъ факелы. Въ одиннадцать часовъ поѣздъ достигъ С. Дени. Безъ напутственнаго слова и безъ всякой церемоніи, гробъ опустили въ склепъ—все кончено. Франція вздохнула съ облегченіемъ—теперь она свободна!

Такова была тризна Людовика XV. Она дала богатый метерьялъ для размышленій Ланселоту Леторьеру, который изъ праздпаго любопытства провожалъ печальный кортежъ. „Клянусь, мнѣ никогда еще не приходилось присутствовать на погребеніи, которое напоминало бы такъ сильно позорное шествіе преступника!" сказалъ себѣ виконтъ, возвращаясь домой изъ С. Дени.

Прошло двѣ недѣли послѣ грустныхъ похоронъ короля, и Ланселотъ пересталъ строить на нихъ разные философскіе выводы. Во Франціи наступила новая эра. „Возлюбленный" былъ забытъ. Въ Версалѣ точно все вымерло. Лебеди одиноко плаваютъ по бассейнамъ, съ величавой небрежностью оправляя черными клювами свои бѣлоснѣжныя перья. Ручныя птицы напрасно ищутъ глазами миловидныхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ въ пудрѣ, въ расшитыхъ кафтанахъ, въ панталонахъ до колѣнъ и кокетливыхъ треуголкахъ.

Министръ д'Эгильонъ ниспровергнутъ, Дю-Барри сослана въ бернардинскій монастырь; а ихъ приверженцы, какъ спугнутая дичь, разсѣялись по Франціи, преслѣдуемые оскорбленіями народа. Молодая королевская чета, королевскіе принцы и весь придворный штатъ временно переселились въ замокъ Шуази, гдѣ король занимается планами широкихъ реформъ.

Новая эра дѣйствительно наступила—время Людовика XV кануло въ вѣчность. Онъ былъ дурнымъ монархомъ, допускавшимъ всякія злоупотребленія, пока съ ними было связано какое нибудь изъ его личныхъ удовольствій. Но любимцамъ короля жилось хорошо и для баловней судьбы едва ли существовала во Франціи болѣе благопріятная эпоха, чѣмъ та, когда управлялъ Вольтеръ, а на тронѣ сидѣлъ Людовикъ XV. „Теперь, пожалуй, будетъ трудно добиться чего нибудь при новомъ королѣ съ его нервно трясущимся подбородкомъ и тревожнымъ, испытующимъ взглядомъ!“

Такъ говоритъ самъ себѣ Леторьеръ, лежа, больной, на постели въ своей парижской квартирѣ и посматривая изъ-за блѣдно-желтыхъ штофныхъ занавѣсей алькова на разрисованный плафонъ, гдѣ изображена кистью Буше Венера, получающая отъ Париса спорное яблоко.

Ланселотъ по прежнему улыбается, думая о людской мелочности, но она не огорчаетъ его больше. Юноша съ увѣренностью смотритъ на будущее, забывая, что опасная рана, полученная имъ недавно на поединкѣ, надолго приковала его къ постели. Онъ родился счастливцемъ, и судьба исполняла всѣ его желанія, исключая одного: ухаживать за монархомъ, заболѣвшимъ черною оспой. „Однако это была довольно дикая фантазія“, пробормоталъ Леторьеръ, улыбаясь при мысли о своемъ тогдашнемъ самоотреченіи. „Все это пустяки, прибавилъ онъ:—досадно только, что придворный этикетъ сыгралъ со мной такую непріятную штуку„.

Въ эту минуту вошелъ слуга съ письмомъ. Виконтъ схватилъ конвертъ дрожащими руками; орѳографія записки оказалась сомнительною, почеркъ неровнымъ и дѣтскимъ, но больной былъ растроганъ до слезъ ея содержаніемъ.

„Мой ненаглядный, мое счастье!“ стояло тамъ. „Еслибы ты зналъ, какъ я тоскую по тебѣ, въ особености узнавъ о твоей болѣзни, но меня держатъ взаперти; я не могу ухаживать за тобой. Ахъ! это ужасно! Сердце трепещетъ у меня въ груди, какъ пойманная птичка въ клѣткѣ; оно рвется къ тебѣ; освободи меня, мой дорогой, мой несравненный! Я готова сказать цѣлому свѣту, что люблю тебя и любима тобой. Пусть всѣ короли и королевы цѣлаго міра услышатъ меня. Короли навѣрно разсердятся, но королевы станутъ завидовать мнѣ.

Твоя...“

Тутъ слѣдовала на половину стертая буква Т., которую можно было принять и за S, и за Z. Леторьеръ поднесъ письмо къ губамъ.

— О, Жюли, пока я увѣренъ въ тебѣ, мнѣ не страшны всѣ владыки вселенной! прошепталъ онъ. Какъ возстанетъ на меня знатное французское дворянство, узнавъ, что Ланселотъ де-Леторьеръ ищетъ руки чистокровной принцессы. Свѣтскія приличія требуютъ, чтобы люди двигались, какъ маріонетки, заглушая голосъ сердца и разсудка, но я и Жюли, мы не хотимъ знать такихъ нелѣпыхъ требованій.

Жюли, написавшая виконту нѣжное и безграмотное посланіе, была ни больше, ни меньше, какъ принцесса Савойская, Коринъянъ, и носила имя Юліи-Викторіи де-Суассонъ. Молодые люди встрѣчались на придворныхъ празднествахъ и понравились другъ другу. Наконецъ, имъ представился случай объясниться, послѣ чего молодая парочка тайно обручилась и затѣяла переписку. Леторьеръ выжидалъ удобнаго времени, чтобы официально попросить руки своей возлюбленной, но тутъ къ Жюли сталъ свататься нѣмецкій герцогъ, человѣкъ уже немолодыхъ лѣтъ.

Родные обрадовались выгодной партіи, но молодая дѣвушка ничего не хотѣла слышать объ этомъ замужствѣ, соглашаясь лучше поступить въ монастырь, чѣмъ отдать свою руку кому нибудь, кромѣ Ланселота де-Леторьеръ. Знатная родня возмутилась и принцессу отвезли въ Монмартрское аббатство, которое съ самаго своего основанія служило прибѣжищемъ для знатныхъ дѣвушекъ, желавшихъ удалиться отъ свѣта; однако переписка между молодыми людьми продолжалась и послѣ этого.

Принцы Савойскіе-Коринъянъ стали интриговать противъ виконта, стараясь устранить его съ дороги, но всесильная Дю-Барри взяла юношу подъ свою защиту.

Людовикъ XV, съ своей стороны, также не имѣлъ никакого желанія упрятать своего любимца въ Бастилію, въ угоду скучнымъ, чопорнымъ Коринянамъ. Тогда враги Леторьера прибѣгли къ другому средству погубить виконта: одинъ изъ приверженцевъ княжескаго рода, графъ д'Эжонъ, вызвалъ его на дуэль. Леторьеръ принялъ вызовъ, но тутъ было получено извѣстіе о болѣзни короля, и поединокъ, отложили. Графъ д'Эжонъ, камергеръ, дежурилъ въ Версали и не допустилъ своего противника ухаживать за больнымъ монархомъ, захлопнувъ у него передъ самымъ носомъ дверь королевской спальни.

На другой день послѣ похоронъ государя, состоялась дуэль между молодыми людьми. Однако, не смотря на образцовую лов-

кость графа, ему не удалось убить соперника; виконтъ получилъ двѣ опасныхъ раны шпагой, но остался живъ.

Теперь онъ лежитъ въ своей комнатѣ въ пріятномъ расположеніи духа, свойственномъ всѣмъ выздоравливающимъ; передъ нимъ рисуются картины прошлаго, и юноша съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ, какъ многаго онъ достигъ въ самое короткое время. Его жизнь въ Парижѣ походила на волшебную сказку, представляя собою рядъ блестящихъ успѣховъ; но изъ всѣхъ даровъ щедрой судьбы Леторьеръ ставитъ выше всего любовь Жюли де-Суассонъ; онъ любитъ ее безумно; онъ обожаетъ ее, и это чувство вполнѣ безкорыстно. Жюли для него не принцесса, а невинное, очаровательное существо, достойное поклоненія; до сихъ поръ ни одна женщина не была святыней для этого легкомысленнаго баловня счастья, а теперь его сердце переполнено безгрѣшной любовью, ради которой виконтъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Леторьеръ съ восторгомъ перечитывалъ письмо Жюли въ шестой разъ, когда дверь его спальни опять отворилась и въ комнату вошелъ безъ доклада, на правахъ стариннаго знакомаго, высокій подвижной старикъ съ проницательными черными глазами. Его одежда состояла изъ чернаго бархатнаго кафтана, расшитаго золотомъ; кружевное жабо и манжеты дополняли костюмъ; гость слегка опирался на палку съ золотымъ набалдашникомъ. Это былъ маршалъ Ришельё.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, проказникъ? Я тебѣ не мѣшаю? весело воскликнулъ онъ, — маршалъ зналъ Ланселота съ дѣтства и привыкъ говорить ему *ты*.—Гм! однако у тебя довольно страдальческій видъ, мой бѣдный мальчикъ! Графъ д'Эжонъ недурно владѣетъ шпагой. Навѣрно твоя красавица поплакала въ монастырѣ, узнавъ о вашемъ поединкѣ?

— Будемъ говорить о чемъ нибудь другомъ, любезный маршалъ, отвѣчалъ Леторьеръ, хмуря брови и стараясь подсунуть завѣтное письмецо подъ подушку.

— Ахъ, Боже мой! О чемъ же можно теперь разговаривать? Въ большомъ свѣтѣ воцарилась такая чопорность и скука, что трудно себѣ представить. Конечно, въ сравненіи съ добродѣтельнымъ препровожденіемъ времени при дворѣ въ эпоху господства Шаузёля, послѣдніе дни въ Версалѣ казались карнаваломъ; тутъ можно было, по крайней мѣрѣ, немножко побѣсить шуазелистовъ. Какую трогательную заботу о спасеніи души короля выказали эти добрые люди, бывшіе прежде отъявленными вольтерьянцами! Я, съ своей стороны, былъ заодно съ іезуитами и держусь того мнѣнія, что королю слѣдуетъ умирать не иначе, какъ при установлен-

номъ церемоніалѣ; но шуазелисты добивались только устраненія Дю-Барри. Гм! тебѣ разсказывали, какъ я принялъ стараго Бомона, парижскаго архіепископа?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Леторьеръ.

— Милостивый государь! воскликнулъ я;—ты знаешь, что я не удостоиваю ни одного епископа титуломъ „монсеньора“: теперь въ высшее духовенство затесалось столько мужиковъ, что съ ними не стоитъ церемониться;—милостивый государь, сказалъ я старику, когда тотъ явился въ Версаль: ради бога, не тревожьте больнаго, а если вамъ такъ хочется пробѣжать списокъ пикантныхъ грѣшковъ, то я готовъ исповѣдаться передъ вами. Вы услышите отъ меня преинтересныя вещи... о которыхъ, конечно, забыли, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлались архіепископомъ парижскимъ.

Маршалъ заложилъ руки въ карманы и разсмѣялся самодовольнымъ смѣхомъ.

— Ну, что же, архіепископъ согласился исповѣдать васъ? спросилъ Леторьеръ, улыбаясь изъ приличія.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, отвѣчалъ герцогъ, и прибавилъ съ задумчивымъ видомъ:—Да, со смертью короля Людовика Возлюбленнаго наступили большія перемѣны!.. Финансы истощены; народъ мретъ съ голоду. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ говорили. Но что за важность? зато мы пожили весело. А при теперешнемъ режимѣ такая скука, даже нѣтъ madame Пуассонъ, которую бы можно было побѣсить!

Герцогъ принялся потирать руки, съ гордостью вспоминая свои прежнія проказы. Онъ особенно любилъ разсказывать слѣдующую исторію: однажды маркиза де-Помпадуръ, урожденная Пуассонъ, заболѣла мигренью, и маршалъ Ришельѣ цѣлую ночь неутомимо плясалъ совершенно одинъ въ своей комнатѣ, расположенной надъ спальнею маркизы.

— И твои дѣла шли гораздо лучше при старомъ режимѣ, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Леторьеру:—Версальская гризетка была не прочь покровительствовать красивымъ юношамъ, на зло придворному этикету, тогда какъ теперешняя королева, хоть и не стѣсняется имъ сама, но требуетъ строгаго соблюденія всякихъ формальностей отъ другихъ. Дворянскіе дипломы подвергаются строгой провѣркѣ, а изъ архивовъ вытащены старинные статуты, забытые со временъ Вольтера; людямъ безъ роду и племени теперь не такъ легко добиться высокаго положенія, какъ прежде.

Леторьеръ невольно вздрогнулъ, задѣтый за живое. Не замѣ-

тивъ этого, герцогъ устремилъ на своего молодого друга испытующій взглядъ, и неожиданно спросилъ:

— Скажи мнѣ откровенно, въ какихъ ты отношеніяхъ съ Жюли?

Виконтъ нахмурилъ брови.

— Я отношусь къ ней, какъ женихъ къ невѣстѣ. Эта любовь для меня святыня.

Лицо старика выразило сострадательное недоумѣніе.

— Значитъ, люди говорятъ правду, сказалъ Ришельё, нюхая табакъ.—Все дѣло между вами ограничилось невинной любовной перепиской. Ахъ ты, несчастный! Стоило понапрасну терять время!—И герцогъ потихоньку засвисталъ.

— Это мы еще увидимъ, замѣтилъ виконтъ съ оттѣнкомъ досады.

— Гм! неужели ты думаешь, что маленькая принцесса сколько нибудь серьезно думаетъ выйти за тебя замужъ?

— Съ моей стороны было бы низко сомнѣваться въ этомъ, съ жаромъ возразилъ Ланселотъ.—Я вѣрю въ Жюли, какъ вѣрю въ истину и добро.

— Съ которыхъ поръ ты сталъ такимъ вѣрующимъ?

— Съ тѣхъ поръ какъ встрѣтилъ ангела, который научилъ меня понимать прекрасное, серьезно замѣтилъ Леторьеръ.

— „Sacre jeu“! Какая экзальтація! воскликнулъ старый кутила.—Ты говоришь, точно крестоносецъ!

— Моя любовь для меня святыня, коротко отрѣзалъ виконтъ.

Герцогъ покачалъ головой.

— Не совѣтую тебѣ увлекаться, возразилъ онъ.—Берегись. Если любовная исторія зайдетъ дальше чѣмъ слѣдуетъ, то рано или поздно она отравитъ тебѣ жизнь. Забавляйся женщинами; это интересная, азартная игра, но не дѣлай слишкомъ большихъ ставокъ. Исторія съ Суассонами можетъ кончиться для тебя плохо.

— Увидимъ! съ жаромъ воскликнулъ Ланселотъ.—Я, во что бы то ни стало, женюсь на Жюли, на зло всѣмъ Савойскимъ принцамъ и придворному этикету.

— Ну, мой милый, замѣтилъ Ришельё ироническимъ тономъ:—принцы Савойскіе, пожалуй, не такъ страшны, а этикетъ—другое дѣло. Высокомѣрныя великосвѣтскія дамы не прочь пошалить за спиною этого тирана, но чтобы возстать противъ него открыто, подвергнуться общественному презрѣнію,—никогда! Соблюденіе внѣшнихъ приличій входитъ въ плоть и кровь каждой

аристократки. Невинная переписка съ красивымъ любовникомъ, а самое бо́льшее — свиданіе наединѣ, обставленное, конечно, вполнѣ безопасно; — дальше этого не можетъ идти романическая эксцентричность твоей принцессы. Она немножко позабавится съ тобою, а потомъ, поугомонившись, выдетъ замужъ по разсчету. Еслибы король былъ на твоей сторонѣ, ты могъ бы разсчитывать на успѣхъ, но теперь... Послушайся меня, не теряй понапрасну времени, поставь своей Жюли ультиматумъ; если она не согласится, тогда прерви съ ней всякія сношенія.

— Наши мнѣнія совершенно расходятся по этому вопросу, герцогъ, Мы не понимаемъ больше одинъ другаго.

— Это правда. Ты сдѣлался неузнаваемъ, отвѣчалъ старикъ, поднимаясь съ мѣста.—Мнѣ жаль тебя. Еще недавно судьба баловала Ланселота Леторьера, а теперь неожиданно стала измѣнять ему. Видишь ли, не слѣдуетъ относиться серьезно къ двумъ вещамъ на свѣтѣ: къ счастью и къ женщинамъ. Какъ женщины, такъ и счастье всегда готовы измѣнить. Будь осторожевъ. Прощай!

Какъ только дверь затворилась за старикомъ, Леторьеръ вынулъ письмо изъ-подъ подушки, досадуя на непріятный разговоръ съ герцогомъ. Но странное дѣло:—молодой человѣкъ не могъ больше находить отрады въ словахъ любви, написанныхъ рукой принцессы. Его глаза чаще и чаще останавливались на подписи. Почему она ограничивалась только полустертой буквой, которую было трудно разобрать? Въ сердцѣ юноши явилось подозрѣніе. „Неужели эта дѣвочка только забавляется мной?“ спросилъ онъ себя, чувствуя внезапный упадокъ силъ и холодъ во всѣхъ членахъ.

III.

Монмартрское предмѣстье представляетъ собою въ настоящее время сѣть улицъ, съ болѣе или менѣе крутымъ подъемомъ; нѣкоторыя изъ нихъ узки и темноваты, какъ въ восточныхъ городахъ. На окнахъ домовъ цвѣтутъ красные гераніумы и гвоздики. Здѣсь можно встрѣтить и живописныя развалины, и просто убогія постройки, и грубую роскошь буржуазныхъ жилищъ, и обширные пустыри, покрытые обломками.

Каменщики поднимаютъ здѣсь цѣлыя облака ѣдкой пыли. Тамъ и сямъ обвалившіеся фасады обнажаютъ внутренность домовъ. Вы видите запачканные желтые и синіе обои по стѣнамъ, иногда выцвѣтшій портретъ въ овальной рамкѣ покачивается на гвоздѣ; неровный паркетъ покрытъ коричневыми пятнами, кото-

рыя могутъ быть и слѣдами убійства, и остатками оргій. Между кучами мусора и щебня растетъ густая осока въ человѣческій ростъ; тутъ проводятъ ночи мазурики и сюда же бредетъ несчастный оборванецъ, готовый покончить съ жизнью. Песочныя ямы, съ яркой зеленью дикой травы по окраинамъ, чередуются съ мощеными улицами, съ немощеными переулками, съ деревянными лѣстницами, ведущими на вершину горы; уединенные сады съ каменной оградой жмутся къ маленькимъ старинным домамъ. Здѣсь васъ обдаетъ струя свѣжаго воздуха, напоеннаго ароматомъ розъ и лавенды; здѣсь были когда-то общественныя гулянья, пріобрѣвшія дурную историческую славу. Тутъ же вы видите колоссальныя вѣтряныя мельницы, сѣрыя, расшатанныя непогодой; поросшіе травою обрывы; и вдругъ надъ крыльцомъ жалкаго домишки или на садовой стѣнѣ вашъ взглядъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ художественный барельефъ или другой остатокъ исчезнувшаго великолѣпія, котораго не успѣлъ унести бурный потокъ первой французской революціи. Таковъ современный Монмартръ со своимъ смѣшаннымъ и не особенно почтеннымъ населеніемъ. Здѣсь живутъ и художники, которымъ не повезло въ искусствѣ, и измотавшіеся мастеровые,—непремѣнно ярые революціонеры; порядочнымъ женщинамъ заходить сюда довольно рискованно. Въ 1871 году, во время коммуны, на улицахъ Манмортра стояли лужи крови; но даже и теперь нельзя пройти мимо одной изъ тамошнихъ харчевень, чтобы не услышать громкой брани или не сдѣлаться свидѣтелемъ драки, нерѣдко кончающейся ударами ножа. Этотъ гамъ нерѣдко покрывается пѣніемъ исковерканныхъ строфъ марсельезы.

Но въ ту отдаленную эпоху, когда старый режимъ еще высоко держалъ свою напудренную голову, неосторожно играя огнемъ и не вѣря въ опасности, которыми грозили правительству низшіе классы, холмы между Сен-Дени и Парижемъ имѣли совершенно другой видъ.

Никакого шума, характеризующаго столичное предмѣстье, никакого лабиринта новыхъ и старыхъ, кривыхъ и прямыхъ домовъ; здѣсь зеленѣлъ роскошный паркъ, имѣвшій нѣсколько верстъ въ окружности; подъ сѣнью его гигантскихъ деревьевъ ютились маленькія фермы и величественныя зданія. Эти земли составляли собственность самаго большаго аббатства во Франціи. Теперь отъ всѣхъ этихъ построекъ осталась только маленькая церковь св. Петра; возвышаясь на вершинѣ Монмартра, между тѣнистыми акаціями и сикоморами, она съ удивленіемъ смотритъ на новый Парижъ, разстилающійся у ея подножья. Церковь св. Петра,—древ-

нѣйшая въ столицѣ Франціи; ея основаніе было положено первыми христіанскими Меровингами. Теперь же надъ ея почернѣвшимъ отъ времени порталомъ современная республика начертала девизъ революціи: „Свобода, равенство, братство.“ Эта церковь почти также стала, какъ и сама католическая вѣра, и подвергалась, пожалуй, [illegible] меньшимъ превратностямъ, какъ и она. Однако смиренный домъ божій устоялъ, между тѣмъ какъ великолѣпные дворцы и храмы пали жертвою неукротимаго урагана первой революціи. Церковь св. Петра на Монмартрѣ была пощажена и во время прусскаго разгрома, и во время возстанія пролетаріата въ 1871 году. Теперь она стоитъ одинокая, отдѣленная отъ всего, что было ей прежде близко и дорого, какъ старушка, пережившая все свое потомство.

Когда церковнаго кистера спрашиваютъ, гдѣ найти развалины аббатства, онъ только качаетъ головой. Революція не пощадила ничего, даже могилъ; все застроено новыми зданіями.—„Но аббатство было, вѣроятно, очень красиво,“ прибавляетъ кистеръ. „Оно простиралось до нынѣшняго бульвара Клише, гдѣ въ то время, вѣроятно, зеленѣли луга.“ Собственно Монмартръ былъ жалкой деревушкой, стоявшей подъ сѣнью большаго монастыря, въ тѣ времена,—болѣе ста лѣтъ назадъ,—когда юный баловень судьбы, виконтъ де Леторьеръ, пылалъ мечтательной любовью къ принцессѣ крови, Жюли-Викторіи де-Суассонъ.

IV.

Былъ жаркій майскій день. Сиреневые кусты стояли въ полномъ цвѣту; ихъ бѣлыя и блѣднолиловыя гроздья свѣшивались черезъ стѣну аббатства и, колеблемыя вѣтромъ, какъ будто посылали привѣтъ роскошной столицѣ, утопавшей вдали въ синеватомъ туманѣ. Фіалки и ландыши пестрили зелень лужаекъ; вся природа торжествовала свое возрожденіе. Въ воздухѣ было душно. Одна изъ свѣтскихъ сестеръ милосердія занималась украшеніемъ капеллы для торжественной вечерней службы, какія совершаются въ теченіе всего мая мѣсяца во французскихъ церквяхъ, въ честь Пресвятой Богородицы. Косые лучи солнца пронизывали расписное окно. Отъ свѣжихъ букетовъ, которыми сестра украшала алтари, распространялся ароматъ, смѣшиваясь съ запахомъ остывшаго ладаннаго дыма и нѣсколько затхлой атмосферой, свойственной всѣмъ нежилымъ помѣщеніямъ. Шелестъ весеннихъ листьевъ только одинъ нарушалъ торжественную тишину.

— О, сударыня! воскликнула вдругъ сестра, замѣтивъ въ темномъ углу стройную фигуру на колѣняхъ.—Что вы дѣлаете здѣсь въ такую пору?

— Что же мнѣ дѣлать, сестра Марія-Анжелика? Я молилась, со вздохомъ отвѣчала молодая дѣвушка, проводя рукой по глазамъ. Это было восхитительное существо въ пышномъ платьѣ изъ сѣраго атласа, съ затканными гирляндами розъ и блѣдной зелени. Драгоцѣнное желтоватое кружево окаймляло воротъ вырѣзнаго лифа и короткіе рукава; букетикъ полузавядшихъ цвѣтовъ украшалъ грудь красавицы; ея шея была повязана розовой ленточкой, на которой висѣлъ миньятюрный медальонъ, осыпанный брилліантами. Черная кружевная вуаль спускалась съ напудренной головки дѣвушки на ея плечи, можетъ быть, въ знакъ печали, а, можетъ быть, и оттого, что Жюли-Викторія Суассонъ знала, какъ къ ней идетъ черный цвѣтъ.

— Да, я молилась, повторила она еще разъ, задумчиво поднимая глаза къ статуѣ Богородицы, стоявшей на пьедесталѣ изъ цвѣтнаго мрамора.

— Молились!.. замѣтила сестра, обращая блѣдное, серьезное лицо къ избалованной маленькой принцессѣ. Вы прибѣгаете къ молитвѣ отъ нечего дѣлать, сударыня! Это нехорошо. Этимъ вы можете только прогнѣвить Бога.

— Ахъ, перестань, не пугай меня! съ мольбой воскликнула Жюли.—Я ни за что не хочу прогнѣвать милосерднаго Господа, потому что мнѣ теперь особенно нужна его милость.

— Какъ будто она бываетъ когда нибудь не нужна! замѣтила сестра, покачивая головой.

— Можетъ быть, но въ счастьѣ забываешь Бога, откровенно созналась Жюли.—А теперь у меня ужасное горе. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело, продолжала принцесса, торопливо вынимая изъ краснаго бархатнаго ридикюля, подбитаго голубымъ шолкомъ, носовой платокъ—маленькій лоскутъ батиста, обшитый широкими кружевами, которымъ едва ли можно было осушить слезы истинной скорби.

— Бѣдная малютка! проговорила сестра.—Вы горюете, какъ ребенокъ, у котораго отняли любимую игрушку. Конечно, вамъ не весело, но утѣшьтесь: человѣческое сердце не разбивается отъ такихъ пустяковъ. Люди отъ этого не умираютъ.

— Конечно—нѣтъ, при такомъ здоровьѣ, какъ твое! Развѣ ты можешь мнѣ сочувствовать? проворчала принцесса, надувая губки.

Но тутъ ея надменные глаза встрѣтились со взглядомъ пожилой сестры. Какой-то благоговѣйный трепетъ наполнилъ душу

безпечной дѣвушки, и чѣмъ больше она смотрѣла въ эти большіе серьезные глаза, тѣмъ больше смущалась, какъ будто она заглянула въ одну изъ тѣхъ тихихъ и темныхъ подземныхъ часовень, гдѣ изъ года въ годъ теплится неугасимая лампада у святаго гроба. И Жюли вдругъ поняла, что въ сердцѣ сестры милосердія притаилось болѣе глубокое и тяжкое горе, чѣмъ ея собственное.

— Прости меня! воскликнула Жюли робкимъ, почти униженнымъ тономъ и поднесла грубую руку сестры къ своимъ губамъ.

— Что же мнѣ прощать вамъ! сказала Анжелика-Марія, пожимая плечами. Она почти съ материнской нѣжностью погладила разгорѣвшіяся щеки взволнованной дѣвочки и продолжала:— „Успокойтесь, дитя мое. Идите въ свою комнату и займитесь чѣмъ нибудь; а потомъ приходите къ вечернѣ и молитесь усердно, чтобы Господь послалъ вамъ душевный миръ. Это единственное истинное благо въ жизни, повѣрьте мнѣ.

Жюли-Викторія послушалась и ушла, сгорая отъ любопытства узнать романъ сестры Анжелики-Маріи, между тѣмъ какъ та спокойно продолжала разставлять въ вазы вѣтки сирени и жасминовъ, съ непроницаемымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ. Она нашла въ себѣ достаточно твердости отдаться добрымъ дѣламъ въ искупленіе за грѣхъ дорогаго умершаго, котораго не могло уже коснуться никакое земное страданіе.

V.

Прежде чѣмъ наступилъ вечеръ, Жюли узнала романъ сестры Маріи съ начала до конца. Эта исторія была коротка и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно трагична: Марія собиралась выйти замужъ за молодаго крестьянина, по имени Жана-Николя Трэнке; незадолго до свадьбы, отецъ жениха, случайно, былъ смертельно раненъ молодымъ придворнымъ во время охоты. „Извини, мой другъ!“ легкомысленно воскликнулъ нечаянный убійца, видя, что его жертва падаетъ на землю, и бросилъ ему золотую монету. Когда несчастный скончался на рукахъ сына нѣсколько часовъ спустя, Жанъ поклялся отомстить убійцѣ. Молодой человѣкъ встрѣтился съ нимъ въ лѣсу въ одинъ пасмурный октябрьскій день, когда осень успѣла уже украсить пурпуромъ древесную листву, и убилъ его топоромъ. Жана Трэнке взяли подъ стражу и приговорили къ висѣлицѣ; напрасно молилъ осужденный, чтобъ ему позволили передъ смертью повидаться съ невѣстой,—тюремщики были неу-

молимы. Тогда онъ впалъ въ мрачное озлобленіе и священнику, пришедшему исповѣдывать Жана передъ казнью, не удалось вызвать въ немъ раскаянія; онъ, напротивъ, утверждалъ, что поступилъ хорошо и совершилъ дѣло, угодное Богу.

Насталъ день исполненія приговора. Преступникъ вышелъ на площадь; его руки были связаны за спиною, голова обрита. Возлѣ него шелъ священникъ, но осужденный отворачивалъ отъ него голову и не слушалъ словъ утѣшенія; его взглядъ блуждалъ въ толпѣ любопытныхъ. Вдругъ мрачное лицо Жана просвѣтлѣло,— въ самомъ первомъ ряду зрителей стояла его невѣста, устремивъ на жениха краснорѣчивый взглядъ, полный любви и состраданія.

Она стояла здѣсь безъ страха, до тѣхъ поръ пока ея возлюбленному не затянули шеи веревкой; тутъ дѣвушка безъ памяти рухнула наземь.

На лицѣ повѣшеннаго застыла блаженная улыбка.

— Вотъ и вся исторія сестры Маріи-Анжелики. Она очень печальна и я очень люблю нашу добрую сестру.—Такъ говорила Габріэль де-Роганъ, подруга дѣтства Жюли, отосланная родителями въ монастырь по одинаковой съ ней причинѣ. Избалованныя красавицы дѣлили между собою монастырскую скуку заточенія; впрочемъ ихъ жизнь была обставлена здѣсь довольно пріятно.

Хотя въ то время въ Монмартрскомъ аббатствѣ не было той роскоши и свободы, какою отличались испанскіе монастыри въ началѣ XVI-го столѣтія до извѣстной реформы, предпринятой св. Терезіей; однако правила обители значительно уступали въ строгости теперешнему уставу. Особенными преимуществами пользовались тамъ свѣтскія дѣвушки, временно проживавшія въ аббатствѣ для излѣченія своихъ сердечныхъ ранъ; надзоръ за ними былъ самый слабый, но представительницы французской знати должны были строго соблюдать правила этикета и далеко прятать свои милые грѣшки. Лицемѣрный XVIII-ый вѣкъ крѣпко держался за приличія, какъ за внѣшнюю форму морали, которая была въ то время только пустымъ звукомъ.

Маленькая комната, гдѣ сидѣли молодыя дѣвушки, нисколько не напоминала собою тюрьмы, а еще менѣе монастырской кельи; это былъ самый восхитительный, самый кокетливый будуаръ, обставленный бездѣлушками рококо. Заключенныя сидѣли у столика и пили душистый шеколадъ изъ чашекъ севрскаго фарфора, разрисованныхъ цвѣточными медальонами и широкими каемками, цвѣта *rose Du-Barry*. Эти фарфоровыя бездѣлушки, считавшіяся тогда прелестными, цѣнятся и теперь на вѣсъ золота, хотя истинные художники давно признали ихъ нелѣпыми.

— Да, я очень люблю сестру Марію-Анжелику, продолжала Габріэль, играя чайною ложечкой.—Однако..... прибавила она и нагнулась къ своей собачкѣ, которая стояла передъ ней на заднихъ лапкахъ, выпрашивая бисквитъ.

— Однако... что ты хочешь этимъ сказать? спросила Жюли.

— Я убѣждена, что простые люди не могутъ чувствовать, какъ мы, закончила мадмуазель де Роганъ, многозначительно пожимая плечами.

— О, конечно, нѣтъ! съ жаромъ воскликнула Жюли.—Иначе какъ могла бы сестра Марія пережить такое несчастіе? Еслибы мнѣ пришлось присутствовать при смерти Ланселота, я умерла бы на мѣстѣ или зачахла съ горя.

— Неужели ты любишь его такъ страстно?.

— Я? Его?... Жюли вопросительно взглянула на подругу и въ ея глазахъ отразилась глубокая нѣжность.

— Это очень печально, потому что ты во всякомъ случаѣ не можешь выйти за него замужъ. Твое семейство ни за что не захочетъ породниться съ какимъ-то Леторьеромъ.

— Но онъ родственникъ царствующему брауншвейгскому дому! возразила принцесса суассонская, слегка надувшись.

— О, черезъ свою тетку въ третьемъ колѣнѣ, какую-то Д'Ольбрёзъ! О такомъ родствѣ лучше и не вспоминать; оно немного приноситъ чести! съ жаромъ воскликнула Габріэль.—Д'Ольбрёзъ была красивая искательница приключеній безъ роду и племени, и о ней давно бы всѣ позабыли, еслибы она не успѣла женить на себѣ выжившаго изъ ума нѣмецкаго герцога. Мнѣ очень жаль высказывать тебѣ такія непріятныя вещи, но я знаю о нихъ изъ достовѣрнаго источника. Кромѣ того, совѣтникъ Шеренъ говорилъ моему отцу, что права Леторьера на дворянство довольно сомнительны и его приглашеніе ко двору состоялось, благодаря капризу короля.

— Но король пожаловалъ его титуломъ маркиза Д'Ольбрёзъ, спорила Жюли.

— Какъ будто Леторьеръ сталъ благороднѣе оттого, что ему дали право украсить маркизской короной дверцу своего экипажа! Папа недавно сказалъ по поводу дворянской грамоты, произвольно выданной королемъ такому же выскочкѣ: „Дворянство можетъ сдѣлать своего избранника королемъ—чему въ исторіи есть немало примѣровъ—но король не можетъ сдѣлать никого дворяниномъ по своему капризу".

Разсерженная и немного смущенная Жюли замолчала, но минуту спустя подняла голову и замѣтила съ вызывающимъ видомъ:

— Не тебѣ бы смѣяться надъ происхожденіемъ Ланселота: ты сама была влюблена въ гофмейстера твоего брата, какого-то Пикарда.

Габріэль пожала плечами.

— Конечно, возразила она равнодушнымъ тономъ. Но вѣдь я не думала выходить за него замужъ.

Простодушная, любящая Жюли-Викторія, воспитанная вдали отъ свѣта, въ уединеніи маленькаго двора, широко открыла глаза.

— О, Габріэль! сказала она, и прибавила задумчивымъ тономъ:—Я слышала объ одной принцессѣ крови, которая вышла за простаго садовника.

— И я также, отвѣчала мадмуазель де-Роганъ. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что эта принцесса была безобразная старая дѣва и, кромѣ того, сумашедшая.

Жюли сдвинула хорошенькія брови, а потомъ съ гнѣвомъ и гордостью взглянула на подругу, говоря:

— Еслибы Ланселотъ Леторьеръ былъ бѣднымъ садовникомъ, я все таки протянула бы ему руку передъ цѣлымъ свѣтомъ и гордилась бы именемъ его жены передъ всѣми принцессами, а всѣ знатныя дѣвушки завидовали бы мнѣ, не исключая тебя.

Габріэль де-Роганъ сдѣлала гримаску и скептически покачала головой.

— Ну, ужь нѣтъ! Я не стала-бы завидовать такому неравному браку, со смѣхомъ возразила она.—Это хорошо только на словахъ, а не на дѣлѣ. Выкинь пустяки изъ головы и выходи замужъ за твоего стараго нѣмецкаго герцога съ замысловатой фамиліей, портретъ котораго внушаетъ тебѣ такое отвращеніе. А до свадьбы ты отлично можешь повеселиться...

— Повеселиться? Я не понимаю тебя, нерѣшительно пролепетала Жюли.

Габріэль отвѣтила громкимъ смѣхомъ.

— Ахъ ты, моя миленькая святая недотрога! Какъ ты краснѣешь, какъ притворяешься! Я хочу сказать, что ты навѣрно не лучше всѣхъ насъ. Которая изъ монахинь оказываетъ тебѣ покровительство?

— То есть какъ?... сказала Жюли, обливаясь яркимъ румянцемъ.

— Ну, которая изъ нихъ даетъ тебѣ монастырскій ключъ?

Жюли выпрямилась.

— Монастырскій ключъ? Мнѣ?... Ступайте вонъ, сударыня! И она повелительнымъ жестомъ указала подругѣ на дверь.

Габріэль сдѣлала насмѣшливый реверансъ, приподымая съ обоихъ боковъ свое пышное розовое платье. Она остановилась на порогѣ, лукаво взглянула на принцессу суассонскую черезъ плечо, и воскликнула:

— А къ тебѣ гости, моя милочка!

Послѣ этого она убѣжала по коридору, весело постукивая красными каблучками.

VI.

Гостья, пришедшая къ Жюли, была ея кормилица, пожилая крестьянка въ черномъ шолковомъ плащѣ, ниспадавшемъ прямыми длинными складками отъ самой шеи до полу, въ высокомъ бѣломъ чепцѣ, который обрамлялъ ея красивое лицо съ черными глазами.

— Ахъ, Нанонъ! Наконецъ-то ты пришла! воскликнула Жюли, обнимая кармилицу и прижимаясь къ ея груди.—Ну, видѣла ли ты Ланселота? Какъ его здоровье?

— Ему лучше. Онъ вчера всталъ съ постели, но тоскуетъ по тебѣ.

— Бѣдный!.,. со вздохомъ сказала Жюли, пряча свое покраснѣвшее личико на плечѣ старухи.—А ты принесла мнѣ отъ него письмо?

— Какъ же, какъ же, и онъ просилъ отвѣта сегодня же вечеромъ. Куда же это я дѣвала записочку? Постой, вотъ она!—И крестьянка вынула изъ-за пазухи любовное посланіе виконта.

Жюли торопливо развернула листокъ, но, прочитавъ нѣсколько строкъ, быстро измѣнилась въ лицѣ; ея щеки поблѣднѣли, губы затряслись, на глазахъ выступили слезы.

„Сударыня, — писалъ Леторьеръ, — неужели вы до сихъ поръ не хотите повидаться со мной на короткое время? Я умоляю васъ объ этомъ на колѣняхъ. Позвольте мнѣ ожидать васъ сегодня вечеромъ на мѣстѣ, которое укажетъ вамъ Нанонъ. Я хочу услышать отъ васъ самихъ, что вы остались вѣрны своимъ клятвамъ, не смотря на всѣ препятствія къ нашему браку. Если вы откажете мнѣ въ этой милости, я буду знать, что ваши чувства комнѣ были только однимъ капризомъ, что вы, принцесса крови, хотѣли только пошутить съ бѣднымъ Ланселотомъ де-Леторьеръ.

„Въ такомъ случаѣ я не буду сердиться на васъ, но прекращу отношенія, недостойныя насъ обоихъ, и удалюсь изъ Стараго свѣта съ его лживымъ блескомъ и обветшалыми нелѣпыми традиціями въ другую часть свѣта, гдѣ живетъ юный народъ, отстаивающій свою свободу, и гдѣ несчастному французскому дво-

рянину навѣрно[illegible]стся, по крайней мѣрѣ, хотя умереть славною смертью воина.

„Ожидая вашего рѣшенія, остаюсь глубоко почитающій васъ покорный слуга Ланселотъ Леторьеръ."

Какой сухой тонъ! Ланселотъ называетъ ее „сударыней", тогда какъ прежде въ своихъ письмахъ онъ осыпалъ ее одними ласкательными именами. А теперь? Неужели онъ хотя одну минуту можетъ сомнѣваться, что она любитъ его безумно, безгранично?..

Габріэль де-Роганъ сказала, что Жюли храбрится только на словахъ. Неужели Ланселотъ правъ, считая ее бездушной кокеткой, думая, что она отказываетъ ему въ свиданіи изъ трусости, изъ низкаго разсчета? Принцесса суассонская не можетъ поступать, какъ легкомысленная дѣвчонка. Но вдругъ Ланселотъ, дѣйствительно, съ отчаянія покинетъ Францію и будетъ считать свою возлюбленную надменной, безсердечной... Это было бы ужасно!... И Жюли съ тоской искала исхода изъ своихъ затрудненій. Она упала въ кресло съ прямой спинкой и тонкими ручками изъ бѣлаго дерева съ позолотою, положила локти на столикъ и сжала ладонями напудренные виски.

— Ты знаешь, чего требуетъ отъ меня Ланселотъ въ своемъ письмѣ? сказала наконецъ молодая дѣвушка, поднимая глаза на кормилицу.

— Конечно, знаю. Онъ самъ мнѣ сказалъ. Бѣдный, добрый господинъ.

— И.. и... онъ сердится на меня?

— Онъ боится, что вы его не любите.

Головка Жюли снова опустилась на руки.

— О Нанонъ, неужели Леторьеръ дѣйствительно собирается въ Америку?

— Конечно, утвердительно отвѣчала кормилица.

— Но что же мнѣ дѣлать?! воскликнула дѣвушка. Не могу же я въ полночь... Нѣтъ, объ этомъ нечего и думать!...

Она въ отчаяніи заломила руки, по ея лицу катились крупныя слезы, щеки горѣли румянцемъ стыда.

Кормилица искренно любила Жюли, но у нея лежали въ карманѣ пять червонцевъ Ланселота.

Кромѣ того, Нанонъ не видала ничего предосудительнаго въ тайномъ свиданіи влюбленныхъ. Она не первый уже разъ служила посредницей въ дѣлахъ подобнаго рода и до сихъ поръ все кончалось благополучно, въ особенности у дамъ большаго свѣта.

— Сударыня, вы слишкомъ жестоки! замѣтила старуха.

— Да, я жестока противъ самой себя, потому что добровольно

лишаюсь счастья видѣть Ланселота, съ горечью вознесла принцесса.

— Виконтъ—благородный мужчина, которому ваше высочество можете вполнѣ довѣриться.

— Что ты хочешь этимъ сказать? съ недоумѣніемъ спросила Жюли, поднимая глаза на кормилицу.

Та подмигнула съ лукавымъ видомъ и отвѣчала:

— На мѣстѣ вашего высочества я была бы добрѣе и согласилась бы на жертву, которой онъ у васъ проситъ. Если вамъ нельзя видѣться иначе, какъ тайно...

— Жертву?! перебила дѣвушка съ возрастающимъ недоумѣніемъ и покачала своей восхитительной головкой.

Ей были совершенно незнакомы уловки женскаго лицемѣрія въ дѣлахъ любви. Она не находила нужнымъ прибѣгать къ тѣмъ софизмамъ, которыми женщины стараются усыпить свою совѣсть, рѣшаясь на непозволительный шагъ. Онѣ всегда толкуютъ о жертвѣ со своей стороны, когда поддаются слабости.

— Я сама жажду этого свиданія! продолжала принцесса грустно улыбаясь. Еслибъ ты могла только представить себѣ, Нанонъ, какъ я хочу снова увидѣть моего Ланселота! Въ эти шесть недѣль моя душа изстрадалась по немъ! Однако...

— Въ чемъ-же дѣло?

— Мнѣ противно лгать и обманывать! Мы надѣялись устроить нашу свадьбу съ помощью покойнаго короля. Онъ такъ любилъ Леторьера. Но теперь все перемѣнилось. Отъ теперешняго короля намъ нечего ждать поддержки, имъ управляетъ гордая Марія Антуанетта, а самой королевой управляетъ моя кузина Ламбаль; она, конечно, не допуститъ моего брака съ бѣднякомъ!

— Потому-то вамъ и нужно дѣйствовать самимъ. Сегодня вы переговорите съ виконтомъ Леторьеромъ, разумѣется, если онъ вамъ по прежнему нравится. Этотъ молодой человѣкъ красивъ и добръ, но онъ не важная партія для принцессы Савойской-Кориньянъ!

— О, Нанонъ, неужели ты думаешь, что я гонюсь за богатствомъ и знатностью? воскликнула задѣтая за живое Жюли; она опять задумалась, потомъ съ тревогой прошептала: — Это ужасно! ужасно! если Ланселотъ подумаетъ, что я его мало уважаю. Но что же мнѣ дѣлать? я не могу просить ключа отъ монастырской ограды у привратницы.

— Я обо всемъ позаботилась заранѣе, сказала Нанонъ, перебирая складки своего коричневаго кармелитскаго платья подъ чернымъ плащемъ.—Вотъ ключъ отъ маленькой двери, она вы-

ходитъ на лѣстницу справа, возлѣ помѣщенія вашего высочества. Виконтъ будетъ ожидать васъ въ нишѣ на краю кладбища, гдѣ монастырская стѣна не высока. Могу я сказать ему, что вы придете?

Въ это время раздался громкій торжественный благовѣстъ къ вечернѣ. Жюли потеряла голову; она прошептала на ухо кормилицѣ утвердительный отвѣтъ и опустила ключъ въ ридикюль вишневаго бархата.

VII.

Вечерня отошла; замолкли чарующіе гимны. Принцесса савойская вышла изъ капеллы медленной походкой, понуривъ голову. Вдругъ она услыхала возлѣ себя шелестъ шолковаго платья и быстрые шаги.

— Ваше высочество! крикнулъ веселый голосъ Габріэли де-Роганъ,—она всегда такъ называла свою подругу послѣ ссоры.

— Что вамъ нужно? спросила Жюли съ досадой.

— О, ничего. Только... ваше высочество забыли въ капеллѣ одну вещь, и Габріэль, смѣясь, подала принцессѣ красный мѣшочекъ. Въ немъ вѣрно много золота, потому что онъ очень тяжелъ.

Жюли вздрогнула и невольно опустила руку въ ридикюль: ключъ оказался тамъ. Тогда ея глаза встрѣтились съ глазами Габріэли, блестѣвшими веселостью и лукавствомъ. Принцесса покраснѣла и ушла прочь, не говоря ни слова.

VIII.

Одиннадцать часовъ!.. Она сидитъ одна въ будуарѣ. Часы послѣ каждаго [redacted]наигрываютъ какой нибудь танецъ. Черезъ два часа Жюли [redacted]итъ Ланселота; при этой мысли невыразимое блаженство наполняетъ ея душу, но она все таки не мож[redacted] быть насмѣшливаго взгляда мадмуазель де-Роганъ, и съ [redacted]ніемъ закрываетъ холодными руками пылающее лицо.

До сихъ поръ Жюли слыла образцомъ правдивости; каждый зналъ, что ея любовь къ Леторьеру была совершенно чиста, что легкомысленный повѣса ради нея сдѣлался мечтателемъ. Гадко имѣть на душѣ неблаговидную тайну, но еще хуже быть уличенной въ обманѣ. Что если она попадется?

Принцесса содрогнулась. Можетъ быть, еще не поздно отказаться отъ безумнаго намѣренія?.. Но если Ланселотъ дѣйстви-

тельно почувствуетъ, что онъ оскорбленъ этимъ недостаткомъ довѣрія съ ея стороны? О, нѣтъ! Жюли не можетъ этого допустить!

Двѣнадцать часовъ! Часы наигрываютъ хорошенькій гавотъ, полный мечтательной прелести. Опять настаетъ тишина, и только монотонный стукъ маятника, какъ равнодушный пульсъ времени, нарушаетъ торжественное молчаніе почи. Душно въ комнатѣ! Молодая дѣвушка отворяетъ окно. Какъ одна изъ извѣстныхъ маркизъ того времени, она гордится своей независимостью, если ей удается самой запереть дверь или отворить окно безъ помощи камердинера. Свѣжій ночной воздухъ врывается въ будуаръ, чародѣйка—весна неслышно подготовляетъ за ночь опять какой нибудь неожиданный сюрпризъ къ солнечному восходу, а блѣдный печальный мѣсяцъ смотритъ на эту работу, какъ будто чувствуя себя одинокимъ посреди звѣздъ. Кустарники и деревья бросаютъ короткія, темныя тѣни на гладкую лужайку и усыпанныя пескомъ дорожки; между ихъ темной листвой сквозитъ серебристый туманъ. Вдали на темносинемъ звѣздномъ небѣ выступаютъ мощныя крылья вѣтряной мельницы, точно руки страшнаго чудовища.

Жюли облокотилась на холодный подоконникъ и стала смотрѣть внизъ. Ровно два года тому назадъ, она въ первый разъ встрѣтила Ланселота. Это было въ театрѣ въ четвергъ на страстной недѣлѣ, во время духовнаго концерта; передъ тѣмъ онъ дрался на шпагахъ съ графомъ Мелёнъ и неожиданно явился въ общество, едва оправившись отъ опасной раны. Леторьеръ былъ всѣми любимъ, и публика была въ такомъ восторгѣ отъ его выздоровленія, что принялась единодушно апплодировать. Виконтъ всталъ въ своей ложѣ, представляясь удивленнымъ и какъ будто не понимая, за что ему апплодируютъ, точно принцу крови или актеру. Его скромность нашли очаровательной, какъ находили въ немъ очаровательнымъ и все-остальное. Въ то время Ланселотъ сводилъ съ ума весь Парижъ.

Подруги Жюли, бывшія въ театрѣ, показали ей виконта.

— Вотъ знаменитой Леторьеръ, сказали онѣ:—его называютъ „le Charmant“. Онъ любимецъ короля и сводитъ съ ума всѣхъ дамъ въ Парижѣ и Версалѣ.

Жюли наклонилась къ барьеру ложи, желая разсмотрѣть красавца. На немъ былъ муаровый кафтанъ палеваго цвѣта съ зелеными отворотами, большой зеленый бархатный бантъ спускался съ плеча, пришпиленный изумруднымъ аграфомъ; другой изумрудный аграфъ блестѣлъ въ кружевномъ жабо на его груди. Пуговицы на кафтанѣ были изъ опаловъ, осыпанныхъ мелкими бриллiантиками; густые напудренные локоны Ланселота разсыпались

по плечамъ. Вдругъ черные глаза юноши встрѣтились съ глазами принцессы! Тикъ-такъ!—тикъ-такъ!.. Жюли мерещится, что маятникъ стучитъ все громче и громче, точно хочетъ крикнуть ей: пора... пора! Бьетъ часъ: молодая дѣвушка схватываетъ длинный черный плащъ. Нанонъ приготовила ей эту одежду, чтобы принцессу никто не узналъ при случайной встрѣчѣ въ стѣнахъ аббатства. Въ большомъ коридорѣ, вымощенномъ широкими каменными плитами, царилъ сѣрый сумракъ; сквозь узкія окна съ мелкими стеклами проникалъ лунный свѣтъ, рисуя бѣлесоватые узоры на полу и стѣнахъ. Какъ гулко раздаются легкіе шаги Жюли въ этой тишинѣ! Какъ громко шелеститъ ея платье подъ чернымъ плащемъ!.. Вотъ и боковая лѣсенка; ключъ щелкаетъ въ замкѣ; наконецъ, Жюли въ саду.

Весь садъ окутанъ бѣловатой дымкой; воздухъ влаженъ; все покрыто росою, даже красный песокъ на дорожкахъ. Пугливая летучая мышь шарахнулась съ одного дерева на другое, прямо надъ головою принцессы. Фасадъ аббатства,—тяжеловѣснаго зданія со множествомъ пристроекъ различнаго архитектурнаго стиля,—залитъ яркимъ свѣтомъ мѣсяца; только выступъ крыши рисуется широкой черной полосой. Почему вокругъ все такъ мрачно и печально? Почему цвѣты склоняютъ головки и точно плачутъ? Одно изъ оконъ аббатства открыто, оттуда доносится пѣніе, дикое, жалобное, похожее скорѣе на рыданіе. Жюли прислушивается и дрожитъ: это поетъ сумашедшая. Ее привезли въ монастырь тридцать лѣтъ назадъ; она потеряла разсудокъ, когда у нея убили возлюбленнаго подъ ея собственнымъ окномъ. Это сдѣлалъ родной братъ молодой дѣвушки; онъ подстерегъ ихъ свиданіе. Теперь бывшая красавица постарѣла и сдѣлалась неузнаваемой, но ужасное прошлое не забыто ею; въ лунныя лѣтнія ночи она подходитъ къ окну и поетъ все одну и ту же пѣсню, которой призывала прежде своего друга.

Жюли идетъ, затаивъ дыханіе, къ кладбищу, примыкающему съ западной стороны къ монастырскому саду, отдѣленному отъ него зеленой изгородью. Высокіе кипарисы растутъ между могилами; ихъ узкіе черные силуэты рисуются на свѣтломъ небѣ; они какъ будто сторожатъ покой мертвыхъ. Бѣлые памятники, похожіе издали на привидѣнія, увѣшаны вѣнками; нѣкоторые изъ нихъ свѣжи и душисты, другіе высохли и потемнѣли.

Жюли неожиданно наткнулась на открытую могилу, которую не успѣли засыпать; въ глубинѣ ея былъ виденъ узкій длинный гробъ, выступавшій своими краями изъ-подъ глыбы песку. Принцесса чуть не вскрикнула отъ страха, она не могла двинуться

ни впередъ, ни назадъ; ужасъ сковалъ ея члены. Вдругъ послышались легкіе шаги; къ ней спѣшилъ человѣкъ въ длинномъ плащѣ.

— Жюли! неужели это ты? Моя царица, мой ангелъ! моя дорогая возлюбленная! Я до послѣдней минуты не рѣшался вѣрить, что ты сдержишь свое слово и придешь.

Леторьеръ всталъ на колѣни передъ нею и поднесъ ея руки къ своимъ губамъ.

— Я пришла, чтобы ты не имѣлъ права сомнѣваться въ моей любви, прошептала дѣвушка; ея голосъ звучалъ такъ тихо, какъ шелестъ листьевъ, по которымъ пробѣгаетъ ночной вѣтерокъ. Черный плащъ соскользнулъ съ ея плечъ и она стояла теперь передъ Ланселотомъ въ своемъ свѣтломъ платьицѣ, въ ажурныхъ черныхъ полуперчаткахъ, откуда выступали ея бѣлые локотки и тонкіе пальчики. Напудренная обворожительная головка принцессы была опущена на грудь. Жюли дрожала отъ страха и все таки чувствовала себя безконечно счастливою.

— Какъ могъ ты принудить меня къ такому дурному поступку? съ упрекомъ пролепетала она.

Ланселоту стало жаль ея, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по его лицу скользнула торжествующая улыбка.

— Да, я поступилъ дурно, однако не раскаиваюсь въ этомъ. А ты... развѣ раскаиваешься?

Виконтъ вскочилъ съ колѣнъ и обнялъ Жюли; ея измученная головка склонилась на его плечо и всѣ сомнѣнія разлетѣлись прахомъ, потонули въ ощущеніи глубокаго блаженства, отъ котораго захватывало духъ.

Нѣтъ, Жюли не раскаивалась ни въ чемъ. Молодые люди присѣли на одну изъ могильныхъ плитъ, держа другъ друга за руки, въ двухъ шагахъ отъ незасыпанной могилы, подъ сѣнью темныхъ кипарисовъ. Яркія звѣзды смотрѣли на нихъ съ темносиняго неба; кустъ бузины въ полномъ цвѣту стоялъ возлѣ маленькой капеллы, гдѣ находилась почернѣвшая отъ времени статуя Спасителя, изнемогающаго подъ тяжестью креста. Крѣпкій, медвяный запахъ бузины смѣшивался съ ароматомъ розъ въ монастырскомъ саду.

Леторьеръ, обезоруженный невинностью принцессы, почти съ благоговѣніемъ держалъ ее за руку, не смѣя привлечь въ свои объятія.

— Я исполнила твое желаніе и пришла, а теперь отпусти меня обратно въ аббатство, сказала Жюли послѣ минутной паузы.

— Еще одну минутку, умолялъ Ланселотъ.—Намъ необходимо переговорить о будущемъ.

— Это правда. Но что мы можемъ сдѣлать?

— Если ты меня любишь и способна пренебречь мелочностью свѣта, тогда мы достигнемъ всего... въ противномъ случаѣ... насъ ждетъ неудача.

Жюли въ замѣшательствѣ опустила глаза.

— Я невполнѣ понимаю тебя.

— Согласна ты бѣжать со мною?

— Ланселотъ! съ упрекомъ вскрикнула принцесса, краснѣя больше прежняго.

Леторьеръ невольно улыбнулся и потрепалъ Жюли по горячимъ щекамъ.—Тебѣ нечего бояться, маленькая святоша! Я позабочусь о томъ, чтобы найти священника, который обвѣнчаетъ насъ, а потомъ увезу тебя въ свой старый замокъ въ Пуату, и мы будемъ счастливы съ тобой, какъ только можно себѣ представить... счастливы, конечно, до тѣхъ поръ, пока твоимъ сіятельнымъ роднымъ не удастся, наконецъ, стереть меня съ лица земли.

— Они не посмѣютъ этого сдѣлать! воскликнула Жюли, внѣ себя отъ волненія. Они знаютъ, что, погубивъ тебя, произнесутъ смертный приговоръ и надо мною.

— Будь увѣрена, что имъ пріятнѣе видѣть тебя мертвой, чѣмъ моей женой, горько замѣтилъ Ланселотъ.—Но оставимъ это. Согласна ты бѣжать со мною?

— Да, отвѣчала Жюли; ея тонкій дѣтскій голосокъ невольно задрожалъ въ эту минуту.—Но когда же Ланселотъ?.. Однако, что съ тобою?.. Ты вдругъ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ! Тебѣ не слѣдовало напрягать своихъ силъ и приходить сюда; это можетъ повредить твоему здоровью.

— Развѣ человѣкъ разсуждаетъ, когда его мучитъ желаніе повидаться съ такой милой, жестокой, глупенькой дѣвочкой, какъ ты?

Вдругъ виконтъ поднесъ руку къ груди; его блѣдность стала замѣтна даже при свѣтѣ мѣсяца. У него потемнѣло въ глазахъ.

— Моя перевязка ослабѣла и рана открылась. Прощай, дорогая Жюли! Помни обо мнѣ. Я долженъ уйти отсюда; со мной можетъ случиться обморокъ, и тогда...

Леторьеръ поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но кровь потекла быстрѣе. Онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ ней уходитъ жизнь и упалъ на землю.

— Прощай, Жюли!

Дѣвушка бросилась къ нему, покрывая поцѣлуями его лобъ, его виски. Развѣ можно оставить здѣсь Ланселота, истекающаго

кровью? Нѣтъ! Она сейчасъ побѣжитъ въ аббатство, позоветъ людей на помощь, хотя бы цѣлый свѣтъ послѣ того показывалъ на нее пальцами.

Принцесса бросилась со всѣхъ ногъ къ монастырю, но вдругъ одумалась и пошла медленнымъ, нерѣшительнымъ шагомъ. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко и въ саду было свѣтло, какъ днемъ. Безумная дѣвушка по прежнему пѣла у окна. Увидавъ Жюли, она захохотала и стала посылать воздушные поцѣлуи по направленію къ саду. Принцесса опять побѣжала, прячась въ тѣни кустарниковъ. Что дѣлать? Къ кому обратиться? Она хотѣла идти къ настоятельницѣ; но какъ потревожить игуменью въ такой поздній часъ? Нужно разбудить одну изъ сестеръ; но что сказать ей? Конечно, Жюли невинна; она не согрѣшила передъ Богомъ, а нарушила только внѣшнія формы приличія. Тутъ грозный призракъ этикета выросъ вдругъ передъ нею. Онъ зажалъ ей ротъ своей холодной рукой и прошепталъ на ухо: „Твоя невинность тутъ не причемъ; лучше бы ты дѣйствительно была виновата, но не задѣвала меня. Богъ милосердъ; съ совѣстью можно поладить, но я неумолимъ. Поэтому тебѣ слѣдуетъ покориться участи и молчать, если не хочешь, чтобы тебя навѣки заклеймили позоромъ“.

Но Жюли не можетъ, не хочетъ покориться. Ея мысли путаются въ головѣ... она готова крикнуть, и вмѣстѣ съ тѣмъ не въ силахъ открыть рта. Наконецъ, она взялась за ручку двери, выходившей въ коридоръ, и снова отскочила назадъ: бѣлая фигура показалась на порогѣ.

— Ахъ, это вы, сударыня! сказала монахиня, увидѣвъ Жюли. Что съ вами? почему вы такъ блѣдны? Кто васъ напугалъ?

Мнѣ послышались крики о помощи со стороны кладбища, прошептала дѣвушка, опуская глаза.

— Это вамъ просто приснилось, наставительно замѣтила монахиня. Ложитесь въ постель. Молоденькой принцессѣ неприлично бродить ночью по коридорамъ, какъ лунатику.

— Но, можетъ быть, вы пошлете кого нибудь туда? настаивала Жюли, заикаясь.

— Въ чемъ же дѣло? Объяснитесь хорошенько, допытывалась сестра.

Ихъ громкій разговоръ встревожилъ обитательницъ аббатства; многія двери отворились; въ коридорѣ появилось нѣсколько бѣлыхъ фигуръ. „Что случилось?“ послышалось со всѣхъ сторонъ. Но Жюли не можетъ вымолвить ни слова; она молчитъ, точно околдованная злымъ волшебникомъ, и только въ ея большихъ глазахъ отражается отчаяніе. Вдругъ она видитъ сестру мило-

сердія; у нея вырывается вздохъ облегченія; она бѣжитъ къ Маріи-Анжеликѣ, но какъ разъ въ ту минуту раздается насмѣшливый звонкій голосокъ:

— Что случилось? весело кричитъ Габріэль де-Роганъ, выбѣгая изъ своихъ дверей въ батистовомъ пеньюарѣ, обшитомъ кружевами, и въ кокетливомъ чепчикѣ на черныхъ волосахъ, съ которыхъ на половину осыпалась пудра. Ея глаза съ торжествующимъ насмѣшливымъ видомъ обратились на бѣдную Жюли; молоденькая принцесса вся похолодѣла, опустила голову и пролепетала, окончательно растерявшись: „Ничего—я такъ“...

Между тѣмъ виконтъ де Леторьеръ лежалъ на кладбищѣ, истекая кровью. Сначала онъ отъ времени до времени поднималъ голову, ожидая, что къ нему придутъ на помощь; потомъ эта надежда исчезла. Легкомысленный повѣса, смотрѣвшій на жизнь шутя, чувствуетъ, что смерть все ближе и ближе подходитъ къ нему. Баловень судьбы, которому до сихъ поръ все удавалось, видитъ, что счастье измѣнило ему и пробилъ его послѣдній часъ.

— Этикетъ оказался сильнѣе меня. Я побѣжденъ, бормочетъ про себя виконтъ. Бѣдная маленькая Жюли! Какъ она мила и прелестна! Я не хочу дѣлать ей зла. Ланселотъ оперся на правый локоть, чтобы отыскать при свѣтѣ мѣсяца низкое мѣсто въ стѣнѣ, черезъ которое онъ перескочилъ. Собравъ остатокъ силъ, юноша кое-какъ дотащился до забора, перелѣзъ черезъ него и поползъ по густой травѣ, покрытой росою, стараясь по возможности удалиться отъ аббатства. Потомъ, совершенно изнуренный, онъ положилъ голову на камень и ждалъ, не увидитъ ли его кто нибудь.

Но всѣ ожиданія были напрасны. Перевязка окончательно распустилась; кровь лила струей; силы падали; сознаніе омрачалось... Всевозможные призраки мелькаютъ передъ его глазами и снова исчезаютъ. Передъ нимъ вьется пестрый хороводъ красивыхъ женщинъ и знатныхъ кавалеровъ. Они группируются около высокаго надменнаго мужчины. Ихъ, повидимому, занимаетъ только одна мысль: повеселиться самимъ и угодить своему повелителю. Эта сцена смѣняется картиной блестящей королевской охоты. Полуобнаженные столѣтніе дубы въ лѣсу Фонтэнбло стоятъ окутанные утреннимъ туманомъ; косые лучи осенняго солнца отражаются красноватымъ отблескомъ въ лужахъ размытой дождями дороги. Въ паркѣ стонутъ деревья отъ вѣтра и умирающіе листья падаютъ на траву. Но шитые золотомъ кафтаны охотниковъ разнообразятъ монотонный осенній ландшафтъ. Громко и пронзительно трубятъ рога, собаки лаютъ; веселый смѣхъ придворныхъ дамъ примѣшивается къ треску сухихъ листьевъ.

Штатъ короля ликуетъ и веселится. Вдругъ на опушкѣ лѣса показываются двѣ исхудалыя фигуры; онѣ согнули спины и съ трудомъ несутъ убогій гробъ.

— Кого вы несете хоронить?

— Бѣднаго крестьянина.

— Отчего онъ умеръ?

— Съ голоду, ваше величество!

Король даетъ шпоры своему коню...

При этомъ воспоминаніи, виконта начинаетъ трясти лихорадка; его клонитъ ко сну. Знакомыя черты придворныхъ дамъ и кавалеровъ точно расплываются передъ нимъ въ туманѣ; онъ принужденъ мигать глазами, чтобы яснѣе видѣть. Какъ красивы, какъ граціозны эти люди большаго свѣта и какъ они веселятся, хотя вокругъ нихъ мретъ голодной смертью страна!.. Вдругъ издали до Ланселота доносится оглушительный грохотъ. Новый погребальный поѣздъ мчится прямо на блестящихъ участниковъ королевской охоты; въ этой процессіи нѣтъ ничего торжественнаго; свинцовый гробъ окруженъ конвоемъ на коняхъ и съ факелами, но провожатые даже не въ траурѣ. Кого это везутъ хоронить? Короля,—и не одного короля, а цѣлую эпоху, замѣчательную блескомъ ума и безсердечностью, очаровательнымъ легкомысліемъ и бездушнымъ эгоизмомъ. Въ эту эпоху, силы цѣлаго народа уходили на то, чтобы поддержать ослѣпительную пышность придворнаго штата, а этотъ придворный штатъ только и дѣлалъ, что развлекалъ лишь одного человѣка!...

Лунный свѣтъ давно потускнѣлъ; по направленію къ Сен-Дени, за Монмартрскимъ аббатствомъ, горизонтъ окрасился яркимъ пурпуромъ; потомъ зарево охватило все небо и разлилось по землѣ.

То была утренняя заря, но виконту мерещилось въ предсмертномъ бреду, будто бы весь XVIII-й вѣкъ съ его напудренными париками и мушками погружается въ глубокую кровавую бездну. Вдругъ изъ этого моря пламени вынырнула жалкая фигурка мальчика съ большими сѣрыми глазами. Леторьеръ спрашиваетъ себя, гдѣ онъ видѣлъ этого кобольда. Да, дѣйствительно, онъ знаетъ его. Это сынъ Летиціи Бонапарте, бѣдной корсиканки, которая была недавно въ гостяхъ у г-жи де-Марбёвъ.

Г-жа Бонапарте пришла въ большое волненіе по поводу того, что упрямый сынокъ ни за что не хотѣлъ поцѣловать руку архіепископу Парижскому. Голосъ Летиціи, перемѣшивавшей итальянскія слова съ французскими, до сихъ поръ явственно звучитъ въ ушахъ Леторьера. „Ты маленькое чудовище! Родятся же такія упрямыя дѣти!“ твердила она.

Почему именно вспоминается Ланселоту этотъ черномазый ребенокъ? Онъ не могъ дать себѣ отчета въ своихъ галлюцинаціяхъ...

Прошло еще немного времени. Умирающій приподнялся въ послѣдній разъ, чтобы взглянуть на аббатство, и потомъ закрылъ глаза. По его губамъ мелькнула ироническая усмѣшка; онъ невольно улыбнулся надъ мелочностью свѣта. „Все равно!“ шептали губы виконта, „по крайней мѣрѣ, мы пожили въ свое удовольствіе“.

Около шести часовъ утра, по дорогѣ изъ Монмартра въ Парижъ показалась карета. Это былъ расписанный цвѣтами свѣтложелтый экипажъ герцога Ришельё. Старый грѣховодникъ возвращался домой послѣ пикантныхъ ночныхъ похожденій. Вдругъ лошади стали. Задремавшій Ришельё очнулся.

— Что тамъ такое? сердито спросилъ онъ кучера.

Лакей спрыгнулъ съ козелъ и подскочилъ къ дверцѣ кареты.

— На дорогѣ лежитъ трупъ, доложилъ слуга.

— Вѣрно какого нибудь мужика?

— Нѣтъ, монсеньеръ, трупъ дворянина. Намъ показалось, будто это виконтъ де-Леторьеръ.

— Sac à papier! воскликнулъ герцогъ, выходя изъ экипажа.

Въ самомъ дѣлѣ, на краю дороги лежалъ знаменитый баловень судьбы и любимецъ короля, кумиръ прелестныхъ женщинъ, украшавшихъ дворъ Людовика XV-го. Волосы Ланселота намокли отъ росы; его платье было испачкано и разорвано. Старый герцогъ сорвалъ перчатки со своихъ костлявыхъ рукъ, наклонился надъ юношей, ощупалъ... Трупъ успѣлъ уже окоченѣть.

Зоркіе глаза старика замѣтили, что слѣды крови шли отъ самой стѣны аббатства. Онъ понялъ все.

— Бѣдный мальчикъ! Вѣдь я предсказывалъ это заранѣе, пробормоталъ вельможа. Этикетъ восторжествовалъ таки надо всѣмъ!

Подробности смерти Ланселота Леторьера никогда не вышли наружу. Про него распустили слухъ, будто бы отъ умеръ отъ черной оспы. Кровавые слѣды на монастырскомъ кладбищѣ возбудили подозрѣнія, но вліятельная родня принцессы Савойской замяла дѣло. Блестящій виконтъ былъ скоро забытъ.

Но что сталось съ маленькой любящей Жюли? Она чуть не сошла съ ума отъ горя и раскаянія; пристроила многихъ родныхъ Ланселота, выпросивъ для нихъ немало королевскихъ ми-

лостей, а потомъ вдругъ исчезла изъ Франціи, чтобы раздѣлить тронъ одного незначительнаго нѣмецкаго князька.

Узнавъ о помолвкѣ подруги, Габріэль де-Роганъ вспомнила слова Жюли: „Простыя женщины не могутъ любить, какъ мы. Я не могла бы пережить Ланселота". При этомъ воспоминаніи, хитрая Габріэль улыбнулась про себя... Вѣдь скептическій XVIII вѣкъ умѣлъ только насмѣшливо улыбаться, когда передъ нимъ разыгрывались кровавыя драмы!

Конецъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Парижъ, $\frac{22 \text{ марта.}}{4 \text{ апрѣля.}}$

Затрудненія внутренней политики.—Буланжэ и его противники; истинный характеръ буланжистскаго движенія.—Новое министерство; надежды и опасенія минуты.—Зимнія мелодіи.—Увлеченіе Россіей и русскимъ. „Revue de Paris et de St.-Pétersbourg". L'Incident Daudet-Tourguéneff. „Властъ тьмы" Л. Толстаго на парижской сценѣ.—Выставка картинъ Верещагина.

Въ декабрѣ прошлаго года, когда Карно, послѣ извѣстныхъ треволненій, былъ выбранъ президентомъ республики, Франція имѣла нѣкоторое основаніе разсчитывать, что съ новымъ главой исполнительной власти дѣла пойдутъ значительно лучше, и третья республика выдетъ, наконецъ, изъ того критическаго періода, который она переживаетъ. Съ тѣхъ поръ прошло четыре мѣсяца; но тревоги и опасенія декабрьскихъ дней продолжаютъ волновать общественное мнѣніе и до сихъ поръ; затрудненія, съ которыми борется республиканская партія, дѣлаются съ каждымъ днемъ все серьезнѣе и серьезнѣе. Начавшись,—наружно, по крайней мѣрѣ,—съ забытаго теперь дѣла Каффареля, эти затрудненія приняли затѣмъ болѣе серьезный и опасный характеръ. Прошлой осенью, общественное мнѣніе волновалось только изъ-за личности, возмущаясь безнаказанностью однихъ и несправедливымъ преслѣдованіемъ другихъ; а въ настоящее время начинается уже агитація противъ самого политическаго строя жизни, съ цѣлью замѣнить его другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ идеаламъ и стремленіямъ извѣстной части демократіи.

Новый президентъ республики сдѣлалъ капитальную ошибку, отдавшись въ руки партіи, которая совершенно скомпрометировала себя безразсудной колоніальной и узко-буржуазной экономической политикой, и поручивши ей, на первыхъ же порахъ, управленіе дѣлами—Тирару и его товарищамъ по министерству. Это министерство было составлено изъ честныхъ и искреннихъ республиканцевъ, но людей въ высшей степени блѣдныхъ по своимъ убѣжденіямъ, нерѣшительныхъ и—что всего хуже—не пользующихся ни въ странѣ, ни въ парламентѣ ни малѣйшимъ авторитетомъ. Въ другое время и при иныхъ болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ, изъ него могло бы выйти довольно сносное «дѣловое» министерство, которое не облагодѣтельствовало бы Франціи ни одной плодотворной реформой, да и не причинило бы ей вреда. Но оно было совершенно безсильно справиться съ тѣми *крупными затрудненіями*, кото-

рыя встрѣтило при своемъ появленіи у дѣлъ. Обстоятельства были такъ серьезны, общественное мнѣніе такъ взволновано предшествующими событіями, что успокоить его можно было только рядомъ энергичныхъ мѣръ и крупныхъ преобразованій въ тѣхъ сторонахъ общественной и политической жизни, которыя были затронуты скандалами прошлаго года. Министерство же могло только топтаться на одномъ мѣстѣ, не имѣя силъ предпринять что нибудь самостоятельно и не рѣшаясь въ то же время предоставить свободу дѣйствій парламентскимъ партіямъ. Хуже того. Находясь, благодаря своей безличности, подъ вліяніемъ вожаковъ своей партіи, оно, по настоянію послѣднихъ, сдѣлало крупную ошибку, придавши острый характеръ, такъ называемому, «буланжистскому вопросу» и надѣлавши въ этой исторіи цѣлый рядъ такихъ крупныхъ промаховъ, что бульварные благёры давно уже записали его членовъ въ число самыхъ ярыхъ, хотя и тайныхъ сторонниковъ опальнаго генерала.

Поведеніе этого генерала еще въ бытность его въ Клермонъ-Ферранѣ оставляло желать очень многаго. Можетъ статься, что онъ былъ дѣйствительно не причемъ въ попыткѣ Тьебо плебицистировать его имя на законодательныхъ дополнительныхъ выборахъ $^{14}/_{26}$ февраля и въ появленіи буланжистской «la Cocarde», начавшей агитацію противъ парламентскаго режима въ пользу его диктатуры; но уже одно то, что, оставаясь командиромъ корпуса, онъ позволялъ такъ злоупотреблять своимъ именемъ противникамъ существующаго общественнаго строя, бросало сильную тѣнь на чистоту его намѣреній и заставляло правительство принять противъ него довольно энергичныя мѣры, которыя мѣшали бы ему злоупотреблять своимъ положеніемъ и подрывать дисциплину въ арміи. Вопросъ ставился ясно и просто. Извѣстная политическая партія пользуется именемъ состоящаго на дѣйствительной службѣ генерала для агитаціи противъ того самаго режима, который онъ обязанъ защищать. Очевидно, онъ или долженъ категорически потребовать у своихъ непрошенныхъ сторонниковъ, чтобы они не злоупотребляли его именемъ и оставили его въ покоѣ, или же выйти въ отставку. Буланже послѣдняго не хотѣлъ, а первое если и сдѣлалъ, то въ формѣ крайне нерѣшительной. Поэтому, уважающему себя правительству слѣдовало напомнить ему объ его обязанностяхъ и предложить на выборъ: или отставку, или прекращеніе поднятой его сторонниками агитаціи. Но оно приняло третій путь и притомъ такой, который могли бы выбрать только самые ярые буланжисты. Оно окружило его цѣлой сворой шпіоновъ, слѣдило за каждымъ его шагомъ, подкупало его прислугу, а потомъ, придравшись къ тому, что онъ противъ воли министра пріѣзжалъ два раза въ Парижъ, удалило его отъ должности, не смотря на то, что такіе проступки—въ арміи дѣло обыкновенное, и что они вездѣ сходятъ съ рукъ совершенно безнаказанно. Разумѣется, оно удалило его собственно за честолюбивые происки, но обставило это удаленіе такъ неловко, такъ неумѣло, сдѣлало его подъ такимъ ничтожнымъ предлогомъ, что удаленіе приняло видъ самаго возмутительнаго преслѣдованія и, конечно, только еще больше увеличило популярность опальнаго генерала и взбудоражило его сторонниковъ. Этого мало. Удаленіе Буланже отъ должности ставило его, въ сущности, въ положеніе крайне незавидное и отдавало въ полное безконтрольное распоряженіе правительства. Онъ терялъ всѣ права офицера дѣйствительной службы, не пріобрѣтая ни одного изъ тѣхъ, какими пользуются простые граждане.

Онъ не имѣлъ права носить военнаго мундира, который такъ обаятельно дѣйствуетъ на массу, не могъ выбрать себѣ мѣстожительства безъ согласія военнаго министра, который имѣлъ полное право услать его въ самый захолустный городишка, не могъ сказать ни одного слова публично безъ разрѣшенія своего начальства, не былъ ни избирателемъ, ни избираемымъ. Казалось бы, противники Буланже, разъ они считали его дѣйствительно опаснымъ для республики, не могли желать ничего лучшаго. Онъ былъ въ ихъ рукахъ, они могли дѣлать съ нимъ все, что̀ хотѣли, тѣмъ болѣе, что онъ, чувствуя, что его диктаторскія замашки способны только оттолкнуть отъ него массу публики, готовъ былъ помириться съ своей участью. И что же вы думаете, оно удовлетворилось этимъ? Нисколько! Не смотря на просьбы и убѣжденія людей, которые съ буланжистами не имѣли ничего общаго, но только глубже понимали положеніе дѣлъ и дальше заглядывали въ будущее,—оно выгнало его въ отставку и добилось этимъ вотъ чего. Онъ живетъ теперь, гдѣ хочетъ, говоритъ на народныхъ собраніяхъ, пишетъ въ газетахъ, что̀ ему угодно. Онъ снова пріобрѣлъ право носить военный мундиръ и сдѣлался избирателемъ и избираемымъ; даже окладъ его жалованья (вѣрнѣе, пенсія) и то нѣсколько увеличился. Но, можетъ быть, замѣтите вы, эта мѣра смягчила нѣсколько въ глазахъ общественнаго мнѣнія рѣзкость мѣръ, принятыхъ противъ Буланжэ прежде? И этого нѣтъ. Напротивъ, его удаленіе въ отставку было принято всѣми за новый актъ поднятаго противъ него преслѣдованія, и,—не надѣлай онъ самъ и его сторонники непростительныхъ ошибокъ,—могло бы еще болѣе увеличить его популярность. Во всякомъ случаѣ, министерство до такой степени раздражило буланжистовъ, что они отбросили всякія стѣсненія и начали свой трескучій походъ противъ парламентскаго режима, походъ, надѣлавшій немало тревоги въ правящихъ сферахъ и, въ сущности, послужившій причиной паденія самого министерства.

Если противники Буланже, какъ нарочно, дѣлали все возможное, чтобы усилить его популярность, зато его не въ мѣру усердные сторонники употребили съ своей стороны всѣ усилія, чтобы скомпрометировать своего кумира въ глазахъ общественнаго мнѣнія и устранить отъ него переходную часть французской демократіи, помощь которой ему могла бы быть всего полезнѣе. Необходимо замѣтить, что его поддерживали, имъ увлекались всѣ, такъ или иначе недовольные существующимъ строемъ жизни. Въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, всѣмъ хорошо извѣстно, что популярность Буланже развилась и окрѣпла почти исключительно на почвѣ этого недовольства. Парижане, напримѣръ, пока онъ былъ военнымъ министромъ, кричали «vive Boulanger», потому что видѣли въ немъ способнаго и энергичнаго генерала-патріота, и только патріота; но потомъ, какъ только оппортюнисты начали свой походъ противъ него—они стали кричать «vive Boulanger», въ видѣ протеста противъ этого преслѣдованія и вообще противъ всей оппортюнистской политики, надъ которой они давно уже произнесли свой приговоръ. О цезаризмѣ и цезаристскихъ наклонностяхъ сторонниковъ Буланжэ или, по крайней мѣрѣ, той ихъ части, къ которой принадлежала городская демократія, не могло быть и рѣчи. Послѣдняя просто видѣла въ немъ человѣка, несправедливо преслѣдуемаго тѣми, кого она, à tort ou à raison, считаетъ своими злѣйшими врагами и, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, заявляла объ этомъ криками: «vive Boulanger» и «à bas Ferry». Естественно поэтому, что чѣмъ ожесточеннѣе

тановилось начатое противъ Буланжэ преслѣдованіе, чѣмъ рѣшительнѣе были принимавшіяся противъ него мѣры, тѣмъ громче выражалось это сочувствіе, и Буланжэ былъ бы теперь популярнѣйшимъ человѣкомъ во Франціи, еслибы онъ до конца съумѣлъ удержаться въ предѣлахъ строгой законности. Но ему эта популярность и эти общія симпатіи вскружили голову до такой степени, что онъ вздумалъ противопоставить свою персону самому парламентарному строю жизни, вслѣдствіе чего вся буланжистская агитація сразу приняла совершенно иной характеръ. И въ манифестѣ просуществовавшаго всего нѣсколько дней «республиканскаго комитета протеста», и въ манифестѣ къ избирателямъ Сѣвернаго департамента онъ является уже прямо претендентомъ на роль спасителя Франціи и республики отъ удручающихъ ее золъ, что̀ разумѣется, сейчасъ же охладило увлекающуюся имъ городскую демократію, которая, не смотря на все свое недовольство буржуазной республикой и несправедливыми преслѣдованіями Буланжэ, все таки терпѣть не можетъ претендентовъ на роль спасителя, изъ какого бы лагеря они не происходили. Развивавшіяся въ ней симпатіи къ Буланжэ, разумѣется, разомъ исчезнуть не могли; но, въ виду такого крутаго оборота дѣла, большинство ея какъ-то растерялось и недоумѣвающимъ взоромъ слѣдитъ теперь за развитіемъ буланжистскаго движенія въ провинціи, не принимая въ немъ никакого активнаго участія, тогда какъ болѣе энергичное и имѣющее болѣе опредѣленные взгляды меньшинство рѣшительно выступило на защиту республики противъ претендента на диктатуру, и Буланжэ приходится теперь имѣть дѣло не только съ своими старыми врагами, оппортюнистами, но и съ извѣстной частью радикаловъ, и со всей соціалистической партіей, около которой группируются наиболѣе дѣятельные элементы рабочаго населенія.

Не смотря на то, что антибуланжистское движеніе перешло, такимъ образомъ, изъ политическихъ сферъ въ массу населенія, 45 тысячъ голосовъ, полученныхъ опальнымъ генераломъ въ Энскомъ департаментѣ и выборы Піа въ Марсели явно показали правящимъ сферамъ, что недовольныхъ элементовъ въ странѣ—масса и что они могутъ послужить прекрасной почвой для поднятаго уже антипарламентарнаго движенія. Призракъ буланжистской кандидатуры возставалъ, такимъ образомъ, передъ здѣшними правящими сферами въ новомъ и тѣмъ болѣе грозномъ видѣ, что въ ихъ средѣ продолжала царить та же неурядица и нерѣшительность, то же бездѣйствіе, тогда какъ обстоятельства требовали, напротивъ, самой энергичной дѣятельности. Разъ правительство выпустило изъ своихъ рукъ Буланжэ, бороться съ нимъ можно было только однимъ путемъ,—путемъ уничтоженія существующаго въ странѣ недовольства, благодаря которому онъ только и можетъ быть опасенъ, а для этого, прежде всего, нужно было отдѣлаться отъ безсильнаго министерства Тирара.

Трудно сказать, чѣмъ бы кончилась предполагавшаяся съ этой цѣлью радикалами интерпеляція правительству по поводу его общей политики, такъ какъ оппортюнисты собирались отстаивать его горой, еслибы буланжисты и радикалы, нѣсколько неожиданно для всѣхъ, не подняли стараго вопроса о пересмотрѣ конституціи, что̀ привело къ выходу въ отставку министерство Тирара и вызвало появленіе министерства Флокэ, единственнаго человѣка, котораго здѣсь считаютъ способнымъ справиться съ затрудненіями минуты и подрѣзать въ корнѣ буланжистское движеніе. Посмотримъ, удастся ли ему добиться этого, или—вѣрнѣе—позволятъ ли ему сдѣлать

это оппортюнисты, которые и теперь уже посматриваютъ на него очень косо и будутъ всячески искать случая—провалить его и самимъ занять мѣсто. Во всякомъ случаѣ, не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что одно только появленіе министерства Флокэ нанесетъ чувствительный ударъ буланжистскому движенію и дастъ возможность одуматься сильно растерявшемуся въ послѣднее время общественному мнѣнію, а это, при настоящихъ условіяхъ, да еще наканунѣ общихъ муниципальныхъ выборовъ, уже значитъ много.

Буланжистское движеніе, процессъ Вильсона и выборы Піа, вотъ событія, которыя занимали парижанъ эту зиму, заставляя ихъ забывать обо всемъ другомъ и не давая имъ ни времени, ни возможности подумать о другихъ жгучихъ вопросахъ своей общественной жизни. Рядомъ съ этимъ, не меньшую роль играли и вопросы международной политики. Перемѣна царствованія, а вмѣстѣ съ нимъ и политики въ Германіи, тарифная война, и съ каждымъ днемъ возрастающая натянутость отношеній съ Италіей,—правительство которой, по всѣмъ видимостямъ, ищетъ всякихъ средствъ, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы обратить эту натянутость во вражду чисто національную и надолго поссорить между собою два родственные народа,—все это такія явленія, которыя не могли не захватывать собой общественнаго мнѣнія, не могли не сосредоточивать общаго вниманія. Присматриваясь къ шитымъ бѣлыми нитками инцидентамъ и столкновеніямъ на итальянской границѣ, прислушиваясь къ голосу итальянскихъ офиціозовъ, парижане не могли не видѣть, что эти инциденты составляютъ собою, въ сущности, продолженіе извѣстнаго инцидента Шнебеля; что они являются естественнымъ результатомъ возникновенія центральной «Лиги мира» и вступленія въ нее Италіи. Понятно поэтому, что въ теченіе прошлой зимы Франція съ тревогой ждала приближенія весны, опасаясь, чтобы наступленіе первыхъ красныхъ дней не было ознаменовано громомъ пушечныхъ выстрѣловъ въ горныхъ альпійскихъ долинахъ и на границѣ Эльзасъ-Лотарингіи. Эти ожиданія, отразившіяся очень сильно на всемъ ходѣ французской экономической жизни, могли только усилить симпатіи французовъ къ русскимъ, какъ къ ихъ естественнымъ союзникамъ. Увлеченіе Россіей во Франціи возникло уже давно;—но никогда еще оно не было такъ сильно и обще, никогда еще не проявлялось такъ ярко и разнообразно, какъ въ эту зиму. Русскіе и все русское вошло теперь во Франціи положительно въ моду. Было бы, однако же, несовсѣмъ справедливо сказать, что въ этомъ увлеченіи Россіей Франція руководилась только мотивами чисто политическаго свойства,—тѣмъ состояніемъ одинокости, въ которомъ она чувствуетъ себя на европейскомъ континентѣ. Нѣтъ, заинтересовавшись нашимъ отечествомъ изъ побужденій политическаго характера, Франція съ удивленіемъ узнала, что у насъ есть своя, въ высшей степени оригинальная литература, свое искусство и, разумѣется, сейчасъ же выразила желаніе познакомиться съ ними поближе. Благодаря этому, всѣ болѣе или менѣе выдающіяся произведенія русскихъ писателей, хотя и кое-какъ, на скорую руку, но переведены уже на французскій языкъ. Благодаря тому же, Франція слѣдитъ теперь за произведеніями русскихъ беллетристовъ и русскихъ художниковъ съ такимъ же интересомъ, какъ и за своими собственными. Въ Парижѣ съ этой цѣлью образовался даже, подъ предсѣдательствомъ Дюма-сына, Бонна и Гуно, спеціальный франко-русскій литературно-художественно-музыкальный кружокъ,

который ставитъ себѣ задачей знакомить французскую публику, — путемъ переводовъ, художественныхъ выставокъ и т. д.,—съ произведеніями русской литературы и русскаго искусства; подъ вліяніемъ этой же потребности, въ Парижѣ возникли уже: одинъ журналъ «Revue de Paris et de St.-Pétersbourg» и одна еженедѣльная иллюстрированная газета —«La vie franco-russe», самое названіе которыхъ указываетъ на ту задачу, которую они преслѣдуютъ. Къ сожалѣнію, и «Парижско-петербургское обозрѣніе» и «Франко-русская жизнь» составляются пока довольно неумѣло, и нисколько не удовлетворяютъ своему назначенію. Первый существуетъ уже 5 мѣсяцевъ, но до сихъ поръ не далъ ни одной не только оригинальной, но хотя бы переводной статьи о Россіи и русской жизни, ни одного переводнаго произведенія русскихъ беллетристовъ, и остается до сихъ поръ журналомъ исключительно французскимъ, и притомъ еще салоннымъ, въ которомъ толкуютъ рѣшительно «обо всемъ на свѣтѣ» и почти ни о чемъ толково и основательно. Редакція «Франко-русской жизни» преслѣдуетъ свою цѣль гораздо энергичнѣе; столбцы ея газеты наполнены статьями о Россіи и переводами мелкихъ произведеній русской беллетристики, но она имѣетъ слишкомъ бульварно-популярный характеръ и до сихъ поръ еще не завела у себя ни одного отдѣла, въ которомъ мало-мальски серьезно слѣдили бы за явленіями русской общественно-экономической жизни, такъ что спеціальнаго органа, который серьезно преслѣдовалъ бы задачу познакомить и прямѣе сблизить Францію съ Россіей, здѣсь до сихъ поръ еще не имѣется.

Подъ вліяніемъ того же увлеченія, въ Парижѣ сильнѣйшимъ образомъ были заняты и такъ называемымъ инцидентомъ Додэ-Тургенева и представленіемъ на парижской сценѣ «Власти тьмы» графа Толстаго, и концертами Чайковскаго, и, наконецъ, открывшеюся вчера выставкой картинъ Верещагина, которые служили своего рода событіями парижской жизни, и на которыхъ, поэтому, небезъинтересно остановиться. Инцидентъ Додэ-Тургенева, послѣ увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ попытки M-me Адамъ публично, такъ сказать, помирить талантливаго автора «Сафо» съ памятью покойнаго друга и нѣсколько пристыдить его за чисто южную довѣрчивость къ словамъ перваго встрѣчнаго и необыкновенную щекотливость—можно считать законченнымъ, и потому возвращаться къ нему было бы излишне, тѣмъ болѣе, что о немъ писалось уже очень много въ русскихъ газетахъ и что онъ, въ сущности, вовсе не имѣетъ того значенія, которое ему придали почему-то въ Парижѣ и въ Петербургѣ. Я не имѣю возможности останавливаться и на двухъ данныхъ въ Парижѣ концертахъ Чайковскаго, который имѣлъ здѣсь очень большой успѣхъ. Другое дѣло—первое представленіе «Власти тьмы» на парижской сценѣ и выставка картинъ Верещагина, которыя сами по себѣ представляютъ немалый интересъ для русской публики.

«Власть тьмы» увидала рампу на парижской сценѣ въ первый разъ, и потому для васъ, по всей вѣроятности, было бы интересно знать, какое впечатлѣніе произвела здѣсь эта пьеса, вызвавшая столько толковъ и споровъ, столько разнообразныхъ отзывовъ со стороны русской критики. Къ сожалѣнію, пьеса была поставлена въ такихъ условіяхъ, при такой невыгодной обстановкѣ, что судить о ея достоинствахъ и недостаткахъ по тому, что̀ намъ пришлось видѣть на сценѣ Théâtre-Libre, было бы довольно рискованно. Прежде всего, директора большихъ и второстепен-

ныхъ театровъ нашли ее слишкомъ рѣзкой, слишкомъ реалистической для своей публики. Они охотно ставятъ пьесы въ родѣ «Тоска» Сарду, гдѣ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ зрители присутствуютъ подъ рядъ—при убійствѣ, самоубійствѣ и средневѣковой пыткѣ; но «Власть тьмы» съ ея сценой убійства ребенка, съ патріархально-циничнымъ языкомъ ея героевъ казалась имъ слишкомъ грубой и рискованной. Поэтому пьеса была поставлена на сценѣ маленькаго Монпарнасскаго театра небольшимъ кружкомъ любителей драматическаго искусства, который ставитъ себѣ задачей знакомить публику съ такими драматическими произведеніями и такими подающимъ надежду артистами, которые, по тѣмъ или другимъ, независимымъ отъ искусства, обстоятельствамъ, не могутъ появиться на сценѣ большихъ театровъ. Кружокъ этотъ еще очень молодъ и не обладаетъ почти никакими средствами. Онъ обыкновенно даетъ всего одно, много два представленія каждаго произведенія и не преслѣдуетъ при этомъ никакихъ меркантильныхъ цѣлей. Его представленія даровыя, а средства составляются только изъ членскихъ взносовъ. Понятно, что, не смотря на все свое желаніе, онъ не имѣлъ физической возможности устроить для одного или двухъ представленій «Власти тьмы» обстановку русской деревенской жизни, и драма Толстаго была поставлена въ обстановкѣ французской фермы, въ которой о русской жизни напоминали только присутствіе самовара на сценѣ, образъ на стѣнѣ и какія-то невозможныя сани. Затѣмъ, небольшая труппа Антуана несомнѣнно состоитъ изъ людей очень талантливыхъ, которые относятся къ своему дѣлу съ большой любовью и стараются изучать свои роли самымъ добросовѣстнымъ образомъ: но русская крестьянская жизнь для нихъ такъ чужда, они имѣютъ такое слабое представленіе о характерѣ, нравахъ и обычаяхъ русскаго крестьянства, что влѣзть въ шкуру героевъ Толстаго для нихъ было вещью невозможною, и потому передъ французской публикой, во «Влости тьмы» фигурировали не русскіе крестьяне, а переряженные въ какіе-то полурусскіе, полуславянскіе костюмы французскіе пейзане. Поэтому же и характеры дѣйствующихъ лицъ были поняты тоже на французскій ладъ. Митричъ ломалъ изъ себя резонера-эписье; изъ матери Никиты, хитрой, пронырливой, вкрадчивой тетки Матрены вышла кулакъ-торговка. Наконецъ, переводчики хотя и старались держаться по возможности ближе къ подлиннику; но все таки они,—должно быть, изъ соображеній чисто сценическаго свойства,—совершенно обезобразили послѣдній актъ, выбросивши изъ него свадьбу и оставивши только одно публичное покаяніе Никиты, который какъ будто спеціально для этого созвалъ публику. Понятно, что впечатлѣніе отъ пьесы, поставленной въ такихъ условіяхъ, должно быть далеко не то, какъ еслибы она была поставлена на русской сценѣ, и судить о ней, на основаніи этого, было бы нѣсколько рискованно. Тѣмъ не менѣе, французская публика была заинтересована драмой такъ сильно; пьеса, еще до своего появленія, вызвала такъ много толковъ въ обществѣ, что критика не могла пройти ее молчаніемъ. Ея отзывы, не смотря на все свое разнообразіе, были въ сущности двухъ родовъ: школа молодыхъ реалистовъ пришла отъ пьесы въ необыкновенный восторгъ, тогда какъ ея противники, къ которымъ принадлежатъ почти всѣ записные критики съ вѣсомъ, преклоняясь передъ талантомъ Толстаго, отнеслись къ его драматическому произведенію болѣе чѣмъ скептически и объявили его рѣшительно невозможнымъ для

французской сцены, вслѣдствіе чего она нигдѣ и не была потомъ поставлена.

Выставка картинъ Верещагина, въ залѣ Cercle Volnay, открылась только вчера. Мнѣ удалось быть на ней всего одинъ разъ и потому я подѣлюсь съ вами только первымъ впечатлѣніемъ, которое изъ нея вынесъ.

Представьте себѣ довольно большую, продолговатую, освѣщенную сверху, всю обтянутую малиновымъ бархатомъ, залу. Войдя въ нее, вы видите налѣво три большихъ картины, занимающія всю стѣну: распятіе, казнь сипаевъ въ Индіи, и казнь въ Россіи. И по замыслу, и по размѣрамъ, и по сложности композиціи, эти три картины составляютъ самую интересную часть выставки. Мы разсмотримъ ихъ такъ, какъ онѣ поставлены.

Вотъ распятіе Христа.—На горизонтѣ надвинулась синяя туча; небо темно, какъ ночь. Налѣво—высокая кирпичная, написанная мастерской кистью, городская стѣна; направо, на возвышеніи, три креста, на которыхъ распяты Спаситель и два разбойника. Внизу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ крестовъ, на переднемъ планѣ картины, живая пестрая толпа, которая окружаетъ все возвышеніе и теряется за нимъ, и на которой было сосредоточено все вниманіе, вся мысль художника, если такъ можно выразиться. Въ этой мировой драмѣ, художникъ, когда писалъ свою картину, повидимому, интересовался, главнымъ образомъ, тѣми чувствами, которыя волновали эту толпу, тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производили на нее страданія людей, пригвожденныхъ къ крестамъ. И толпа удалась ему какъ нельзя лучше. Глядя на нее, вы чувствуете, что она живетъ, движется, что она вся поглощена страданіями мучениковъ. Но странное дѣло: чѣмъ болѣе вы вглядываетесь въ эту живую, пеструю массу людей, волнующуюся въ легкой-легкой дымкѣ пыли, поднятой топотомъ ногъ, тѣмъ болѣе васъ поражаетъ ея настроеніе. Казалось бы, видъ этихъ обливающихся кровью людей съ искаженными страданіемъ лицами, долженъ былъ производить на нее потрясающее впечатлѣніе, вырвать крикъ ужаса, вырвать, по крайней мѣрѣ, состраданіе къ участи несчастныхъ. На дѣлѣ же, въ этой многоголовой толпѣ вы видите только небольшую группу близкихъ Спасителю лицъ, которыя, очевидно, болѣютъ и мучатся его страданіемъ, тогда какъ на лицахъ всѣхъ остальныхъ написано только одно простое любопытство и ничего болѣе, какъ оно и дѣйствительно бываетъ теперь при смертныхъ казняхъ, хотя бы во Франціи.

Крайне оригиналенъ видъ самой толпы. Г. Верещагинъ недаромъ путешествовалъ по Востоку. Онъ основательно изучилъ бытъ, нравы и характеръ еврейскаго народа, и вывезъ изъ Палестины массу роскошнѣйшихъ этюдовъ—типовъ теперешняго палестинскаго еврейства, которые очевидно и послужили ему моделями при композиціи его мастерски выполненной, богатой по своему внутреннему содержанію, картины. Въ его толпѣ, передъ крестомъ Спасителя, вы найдете типичнѣйшихъ представителей всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній еврейскаго общества, начиная съ книжника и кончая семьяниномъ, пріѣхавшимъ на ослѣ на базаръ. Но особенно хороша эта громадная толпа въ ея цѣломъ. Она поражаетъ васъ своимъ разнообразіемъ типовъ и пестротой своихъ костюмовъ; она живетъ, волнуется у васъ передъ глазами. Какъ писатель массъ—Верещагинъ едва ли имѣетъ себѣ равнаго. Онъ умѣетъ придавать имъ то безконечное разнообразіе лицъ, позъ, выраженій, какое онѣ имѣютъ на дѣлѣ, умѣетъ схватывать

въ то же время ихъ общее настроеніе и заставляетъ ихъ жить, волноваться передъ вашими глазами,—а это самое главное.

Та же толпа привлекаетъ на себя вниманіе зрителя и на другой картинѣ, которую авторъ озаглавилъ: «Казнь въ Россіи».

Совершенно другаго рода третья большая картина этой, въ высшей степени интересной выставки. Толпы на ней нѣтъ совершенно, и передъ глазами зрителя только одни палачи и жертвы. Палачи—это вытянувшіеся въ струнку, около безконечнаго ряда пушекъ, англійскіе солдаты; жертвы—привязанные къ дуламъ пушекъ индійскіе сипаи, прахъ которыхъ сейчасъ будетъ разсѣянъ по громадному, ровному песчаному полю. Вдали ряды англійскихъ солдатъ съ ружьями на караулъ, а на заднемъ планѣ—зелень и какія-то постройки. И все это залито знойными лучами высоко взошедшаго индійскаго солнца. Центромъ картины служатъ, разумѣется, измученныя, изможденныя фигуры сипаевъ. Глядя на нихъ, какъ-то совершенно недоумѣваешь передъ чисто-звѣрской и притомъ совсѣмъ ненужной людской жестокостью. Вѣдь большинство этихъ людей—живые трупы, не больше. Нѣкоторые изъ нихъ осунулись, повисли на веревкахъ и потеряли, очевидно, сознаніе; другіе до того изможденны, измучены, что похожи на выходцевъ съ того свѣта. Къ чему же еще эта казнь, эта торжественная обстановка? всѣ они и безъ того дышатъ на ладанъ и скорая смерть была бы для нихъ, пожалуй, даже желательнымъ избавленіемъ отъ тяжелыхъ страданій, еслибы она не являлась передъ ними въ такомъ безсмысленно-жестокомъ и позорномъ видѣ.

Противоположная стѣна выставки занята вывезенными отчасти изъ Россіи, но главнымъ образомъ съ востока этюдами и пейзажами, среди которыхъ тамъ и сямъ попадаются просто перлы искусства по своей глубокой правдивости и виртуозности выполненія. На этой стѣнѣ находится замѣчательная, по своей техникѣ и богатству жизненныхъ типовъ, жанровая картина: «У стѣны Соломона», съ которою, какъ меня увѣряютъ, русская публика знакома уже по гравюрамъ. Тутъ же находятся и надѣлавшія такого шума въ Вѣнѣ картины изъ жизни Спасителя: «Жилище св. семейства», какимъ его себѣ представляетъ авторъ; Спаситель въ пустынѣ; Спаситель на Генисаретскомъ озерѣ; Бесѣда Спасителя съ Іоанномъ Предтечей въ пустынѣ.

Признаться, начитавшись отзывовъ о той ярости, которую вызвали эти картины среди австрійскихъ клерикаловъ, я представлялъ ихъ себѣ нѣсколько иными. Я воображалъ, что онѣ дѣйствительно могутъ шокировать религіозное чувство человѣка; но ничего этого нѣтъ. Оказалось, что въ нихъ автора интересовала всего больше та природа, среди которой возникло и развилось христіанское ученіе. Она привлекала къ себѣ главнымъ образомъ художника-мыслителя; ее, эту «колыбель ученія Спасителя», онъ и хотѣлъ собственно схватить на свои картины и, съ свойственной ему мастерской техникой, съ глубокимъ пониманіемъ природы, разумѣется, вполнѣ достигъ этого.

К. Д—чъ.

МЕДВѢЖЬЯ УСЛУГА ТАЦИТУ.

(„Сочиненія Тацита“ въ переводѣ г. **Модестова**).

Совершенно справедливо говоритъ г. Модестовъ въ своемъ предисловіи, что переводы Тацита «всегда охотно *потреблялись*», какъ онъ выражается, русской публикою, и—должно отнестись къ нему съ признательностью за то, что онъ перевелъ на русскій языкъ всѣ сполна, какія уцѣлѣли, сочиненія знаменитаго римскаго историка. До сихъ поръ въ нашей литературѣ полнаго перевода Тацита не было.

Но отдавая должную дань этой заслугѣ ученаго переводчика, нельзя, однако, по прочтеніи его труда, не почувствовать невольнаго опасенія—какъ бы «потребленіе» Тацита публикою въ Модестовскомъ переводѣ не отбило у нея охоты къ этому образцовому классику? Кажется, и самъ г. Модестовъ не чуждъ былъ этого опасенія, издавая свой трудъ.

«Во все время этой работы я,—говоритъ онъ въ предисловіи,—неуклонно стремился къ тому, чтобы вѣрно передать не только мысль Тацита, но и самые оттѣнки его выраженія, насколько это было для меня достижимо безъ видимаго ущерба для ясности и правильности русской рѣчи. Само собой разумѣется, что усилія мои *далеко не вездѣ* увѣнчались желаемымъ успѣхомъ» (Т. I, стр. IV).

И дѣйствительно, читатель долженъ безусловно согласиться съ этой оговоркой: — «далеко не вездѣ» переводъ г. Модестова удобочитаемъ и безупреченъ со стороны «ясности и правильности русской рѣчи». Мы недостаточно компетентны судить—въ какой степени онъ вѣренъ подлиннику и отвѣчаетъ требованіямъ латинской филологіи, и разбирать его въ этомъ отношеніи не будемъ. Мы предъявляемъ лишь требованія простаго читателя-«потребителя», знающаго немножко русскую грамоту и на этомъ только основаніи позволяемъ себѣ «смѣть свое сужденіе имѣть» о достоинствахъ перевода. Осмѣливаемся мы также полагать, что хорошимъ переводомъ можетъ назваться только тотъ, въ которомъ не причинено никакого «ущерба ясности и правильности русской рѣчи», гдѣ рѣчь эта не принесена въ жертву педантической «близости къ подлиннику». Въ хорошемъ переводѣ «близость» эта, какъ говорятъ люди свѣдущіе, опредѣляется удачнымъ схватываніемъ духа, характера и манеры подлинника, не говоря, конечно, о вѣрной передачѣ содержанія, не только безъ насилованія роднаго языка, а—напротивъ—такимъ способомъ, чтобы иностранный авторъ былъ вполнѣ акклиматизованъ литературно на этомъ языкѣ. Таковы именно всѣ лучшіе переводы, а какъ они были сдѣланы — это тайна таланта и вкуса, непостижимая и недостижимая для одного лишь

буквоѣдства, хотя бы и архи-ученѣйшаго. Намъ сдается, что каждый языкъ имѣетъ свою особенную конструкцію, свой характеристическій складъ и ему одному свойственные обороты, что между русскимъ и латинскимъ языками существуетъ огромная въ этихъ отношеніяхъ разница, и поэтому мы не въ состояніи раздѣлить ни удовольствія г. Модестова, когда ему удавалось быть «*дословно* близкимъ» къ Тациту, ни его печали, когда «*буквальный* переводъ дѣлался для него рѣшительно невозможнымъ» (Т. II, стр. II). Покаемся—наши чувства, при чтеніи его труда, были діаметрально обратны:—тамъ, гдѣ переводчикъ неистовствовалъ надъ русскимъ языкомъ, ломая его и коверкая съ успѣхомъ, ради «дословной близости», подъ латинскую прозу подлинника, мы испытывали смущеніе и унынie, и — наоборотъ—тамъ, гдѣ онъ съ отчаяніемъ пасовалъ передъ «рѣшительной невозможностью» оставаться рабски «буквальнымъ» и безхитростно передавалъ Тацита по русски, мы отдыхали. Къ сожалѣнію, такихъ отдыховъ на протяженіи двухъ томовъ своего труда жестокій въ своемъ педантизмѣ г. Модестовъ даетъ читателю немного. Недаромъ же гордая «мечта» перевести Тацита «достойнымъ образомъ» (т. е. образомъ, излюбленнымъ г. Модестовымъ) двадцать лѣтъ «носилась въ его душѣ»; на осуществленіе ея онъ положилъ нѣсколько лѣтъ «работы далеко не легкой, даже совсѣмъ трудной» и недаромъ побѣдоносная борьба, при этомъ, съ русской грамотой была для него «верхомъ наслажденія».

Г. Модестовъ въ своихъ двухъ предисловіяхъ (въ I-мъ и во II-мъ томахъ) нѣсколько разъ сугубо подчеркиваетъ «крайнюю медлительность» своей работы, которою онъ испытывалъ «терпѣливость» своего издателя, и даетъ понять, что переводъ сдѣланъ имъ съ чрезвычайной старательностью («съ тщательностью и любовью», какъ онъ самъ говоритъ). Поэтому, встрѣчаясь на каждой почти страницѣ его перевода съ жестокими на простой читательскій взглядъ искаженіями требованій и правилъ русской рѣчи, мы, конечно, не дерзаемъ объяснить ихъ себѣ поспѣшностью и небрежностью, тѣмъ менѣе (спаси Богъ!) малограмотностью ученаго профессора, а должны видѣть въ этомъ именно плоды счастливой борьбы съ лингвистическими препятствіями. Правда, усвоить эту точку зрѣнія простому читателю мудрено; еще труднѣе одолѣть ему самый переводъ г. Модестова—вообще, крайне тяжелый и неуклюжій, мѣстами темный и невразумительный, написанный шероховатымъ языкомъ, который вязнетъ въ зубахъ, не говоря уже о частыхъ грамматическихъ и логическихъ неправильностяхъ... Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе простаго, безхитростнаго читателя.

Подкрѣпимъ себя примѣрами. Для образца—каковъ языкъ въ переводѣ г. Модестова—беремъ, не ходя далеко, чтобы насъ не упрекнули въ преднамѣренномъ злостномъ выискиваніи подходящихъ цитатъ, — беремъ начальныя строки съ первой же страницы перваго тома. Въ пере-

водѣ г. Модестова, Тацитъ начинается жизнеописаніемъ Юлія Агриколы. Вотъ эти строки:

«*Глава I.* Передавать потомству дѣянія и нравы славныхъ мужей—дѣломъ этимъ, обычнымъ въ старину, не пренебрегалъ и нашъ, равнодушный къ современникамъ, вѣкъ, какъ только великая и находящаяся у всѣхъ на глазахъ доблесть одерживала верхъ и возвышалась надъ порокомъ, общимъ малымъ и большимъ гражданскимъ обществамъ, надъ непризнаваніемъ (въ другихъ) хорошаго и завистью».

У Тацита мысль эта изложена стройно и благозвучно,—между тѣмъ «буквальный переводъ» ея у г. Модестова не можетъ не поразить васъ въ цѣломъ своей долговязой, «протяженно-удлиненной» конструкціей, крайне натянутой и искусственной, оснащенной совсѣмъ не по русски. Оттого мысль, сама по себѣ совершенно простая, въ этомъ риторическомъ плащѣ является темной и уразумѣвается не сразу.

Не взирая, однако, на то, что фраза эта написана, очевидно, въ потѣ лица, она изобилуетъ ошибками противъ грамматики и логики. Такъ напр., въ ней говорится о «нашемъ вѣкѣ» и о «доблести» въ прошедшемъ времени («одерживала верхъ и возвышалась»), а между тѣмъ опредѣляющее эту доблесть причастіе—«находящаяся»—употреблено во времени настоящемъ:—это грубая и—увы!—чрезвычайно частая въ переводѣ г. Модестова ошибка противъ элементарныхъ правилъ согласованія *). Потомъ, «одерживала верхъ и возвышалась» есть плеоназмъ. Далѣе—что это за «порокъ, общій малымъ и большимъ гражданскимъ обществамъ»? Не говоримъ уже о неблагозвучности постановки въ одномъ предложеніи рядомъ: «общій... обществамъ». Противопоставленная пороку «доблесть»—понятіе общее для обозначенія всего поведенія, а «порокъ»—понятіе частное; пороки разные бываютъ. Правда, можно фигурально сказать, напр., «добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ», употребляя для опредѣленія всей совокупности дурнаго поведенія слово «порокъ», вмѣсто неуклюжаго—«порочность»; но г. Модестовъ отнялъ такое широкое значеніе у этого слова тѣмъ, что «порокъ» поставленъ у него рядомъ съ другими еще дурными качествами: «непризнаваніемъ хорошаго и завистью»,—значитъ, онъ тутъ самъ по себѣ, а эти качества сами по себѣ. Отсюда, читатель вправѣ спросить: что жъ это за особливый «порокъ, общій... обществамъ»? и остаться на этотъ счетъ въ недоумѣніи. Наконецъ, читатель не менѣе почувствуетъ себя озадаченнымъ передъ тѣмъ—какимъ это способомъ можно «брать

*) Считаемъ необходимымъ оговориться:—во избѣжаніе упрека, что мы пользовались-де опечатками, мы добросовѣстно исправили текстъ въ нашемъ экземплярѣ по приложеннымъ къ нему листкамъ „поправокъ“.

Авторъ.

верхъ и возвышаться... надъ непризнаваіемъ», т. е. надъ тѣмъ, чего нѣтъ, надъ порожнимъ мѣстомъ? Если это метафора, то самая неудачная и даже противоестественная. И по каковски это, да и что за семинарское словечко—*непризнаваіе*!

Если такова, по справкѣ, вступительная, такъ сказать, фронтальная фраза, которою г. Модестовъ дебютируетъ передъ нами, въ качествѣ ученаго переводчика, если мы взяли ее на удачу, безъ придирчивости, то легко, поэтому, заключить—какіе въ томъ же родѣ перлы могли бы мы выудить, покопавшись нарочно въ дальнѣйшемъ текстѣ! Говоря по совѣсти, г. Модестовъ въ этомъ отношеніи неистощимъ и, еслибы понадобилось шагъ за шагомъ прокоментировать всѣ его оплошности противъ «ясности и правильности русской рѣчи», то пришлось бы написать критику, равную по объему всему его переводу. Ограничимся бѣглымъ обзоромъ только того, что̀ на счастье подъ руку подвернется. Этого будетъ довольно для оцѣнки той «услуги отечеству», «больше которой» г. Модестовъ, по его скромному выраженію, «въ настоящее время не могъ бы оказать»...

Переворачиваемъ первую страницу того же перваго тома и сейчасъ же на ея оборотѣ бросается намъ въ глаза нижеслѣдующій перлъ.

Рѣчь идетъ о сожженіи цезарями-деспотами «*памятниковъ твореній* (т. е. слѣдовало сказать — *творчества,* потому что «творенія» и суть «памятники», а «памятники твореній», съ позволенія сказать, чепуха) знаменитыхъ талантовъ».

«Конечно,—продолжаетъ переводчикъ,—огнемъ этимъ думали уничтожить голосъ римскаго народа, свободу мнѣній сената и сознаніе рода человѣческаго, изгнавши, сверхъ того, изъ Рима наставниковъ мудрости и отправивъ въ ссылку всякое благородное искусство, чтобъ нигдѣ не встрѣчалось какой нибудь добродѣтели».

Фраза эта прелестна и въ своей совокупности, и въ подробностяхъ. Во-первыхъ, еслибы точно въ Римѣ «*думали* уничтожать» *огнемъ* такіе несгораемые и дѣйствію огня недоступные предметы, какъ «голосъ», «свобода» и, вдобавокъ, еще замысловато-неуловимое и неизъяснимое «сознаніе рода человѣческаго», то нельзя не сказать, что «думали» бы вполнѣ безсмысленно. Впрочемъ, опять таки мысль Тацита тутъ проста и понятна, но употребленная въ переводѣ для ея выраженія или, точнѣе сказать, искаженія, метафора—невозможна и абсурдна въ прямомъ логическомъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ «уничтожать» огнемъ голосъ и сознаніе — то же самое, что̀ мѣрять пространство пудами, а вѣсъ—аршинами. Во-вторыхъ, «могій вмѣстити, да вмѣститъ»— какимъ это чудомъ мыслимо отправлять «*въ ссылку* благородное искусство», да еще «всякое»? Куда «въ ссылку» и на основаніи какого уложенія о наказаніяхъ? Мы, конечно, хорошо понимаемъ, что дѣло идетъ о гоненіи искусства, но въ то же время отказываемся

понять умѣстность обозначенія этого факта «отправленіемъ въ ссылку» такъ какъ оно въ приведенномъ случаѣ противорѣчитъ и физикѣ, и здравому смыслу. Можно «отправлять въ ссылку» людей, но не ихъ дѣйствія, взятыя отдѣльно. Въ третьихъ, не менѣе изумительно и столько же неожиданно заключеніе разбираемой фразы. Читая объ изгнаніи «наставниковъ мудрости» и объ «отправленіи въ ссылку всякаго благороднаго искусства», и дойдя до «чтобъ», вы ждете объясненія цѣли этихъ гоненій тѣмъ, разумѣется, «чтобъ» въ Римѣ не стало ни мудрости, ни искусства; но вдругъ оказывается съ бухты-барахты: *чтобъ* «нигдѣ не встрѣчалось какой нибудь добродѣтели». Помимо странной, вовсе не русской постройки этого заключенія, причина въ немъ также логично вяжется со слѣдствіемъ, какъ еслибы сказать, напр., что профессоръ Модестовъ преподаетъ римскую словесность для того, чтобъ... процвѣтало повивальное искусство.

Возьмемъ теперь что нибудь изъ средины I-го тома. Раскрываемъ его наугадъ на 184-й страницѣ, гдѣ идетъ описаніе поля сраженія при Бедріакѣ, между Вителліемъ и Отономъ.

«Это было—читаемъ, между прочимъ,—отвратительное и ужасное зрѣлище. Уже былъ сороковой день, какъ произошла битва, а лежали еще растерзанные трупы, отрубленные члены, разлагающіяся формы людей и лошадей; видна была запятнанная запекшеюся кровью земля, страшная пустота, происшедшая вслѣдствіе уничтоженія деревьевъ и посѣвовъ».

Зрѣлище дѣйствительно нехорошее и, прежде всего, въ грамматическомъ отношеніи. Потрудитесь представить себѣ лежащими «растерзанные трупы и отрубленные члены», а, сверхъ того, и порознь отъ нихъ, тутъ же «разлагающіяся *формы*» тѣхъ же труповъ... Не трудитесь насиловать воображеніе—не представите! Также мудрено представить себѣ, какъ это можетъ быть *видна* «пустота»: возможно видѣть только что нибудь, а не *ничто*. Впрочемъ, переводчикъ здѣсь немножко ошибся въ выборѣ нужнаго слова:—очевидно, надо было сказать—*опустошеніе*, картину котораго произвело «уничтоженіе деревьевъ и посѣвовъ», а это совсѣмъ не синонимъ «пустоты», каковой въ описываемомъ случаѣ не было и быть не могло,—напротивъ, картина была *переполнена* «отвратительнымъ и ужаснымъ зрѣлищемъ».

Экономя мѣстомъ, оставляемъ I-й томъ и переходимъ ко II-му, которымъ г. Модестовъ особенно доволенъ, такъ какъ онъ, по его-же рекомендаціи, «въ корректурномъ отношеніи вышелъ исправнѣе» перваго, за что переводчикъ счелъ долгомъ даже поблагодарить корректора. Примемъ это къ свѣдѣнію.

Во II-мъ томѣ помѣщена «Лѣтопись» Тацита. Начинается она взглядомъ на происшествія, которыя предшествовали воцаренію въ Римѣ Августа, и начинается, послѣ вступительныхъ словъ, ужасающимъ періодомъ

въ пятнадцать строкъ (стр. 5: «Послѣ того какъ»...). Нырнувъ въ него, слабогрудый читатель рискуетъ задохнуться. Такія словоточивыя хляби у г. Модестова сплошь и рядомъ. Отъ точки до точки цѣлыя версты, да и точки нерѣдко оказываются предательскими. «Берегъ! берегъ!»—радуется читатель, съ натугой переплывъ какой нибудь чудовищный періодъ и добравшись до спасительной точки, какъ вдругъ съ ужасомъ убѣждается, что для уразумѣнія прочитаннаго надо безъ передышки плыть дальше. Послѣ точки оказываются вдругъ: *такъ какъ*, *потому что*, *или*, *но* и тому подобные союзы, которыхъ вы, зная немножко русскую грамоту, никакъ не ожидаете послѣ точекъ, въ началѣ періодовъ и предложеній. (Чтобы не быть голословными, сошлемся на страницы 6, 18, 20, 86, 105, 538 II-го тома, гдѣ можно найти эти примѣры—не всѣ, сколько ихъ есть въ книгѣ, а на выдержку). Когда у Горбунова мастеровой, обращаясь къ хозяину, начинаетъ рѣчь съ союза:—«*Потому* что съ измальства мы у вашей милости»...—вы понимаете, что это говоритъ человѣкъ неграмотный, да, можетъ быть, и онъ такъ не говоритъ, а разсказчикъ пустилъ это для смѣха; но когда вы встрѣчаете въ изобиліи подобные промахи въ серьезной книгѣ ученаго профессора, потрудившагося, въ нѣкоторомъ родѣ, для отечества,—это «нѣсколько черезчуръ», говоря языкомъ переводчика.

Особенно любитъ г. Модестовъ старозавѣтный винословный союзъ *ибо* и начинаетъ имъ не только предложенія и періоды, но цѣлыя хріи съ абзаца и даже отдѣльныя «книги» текста. Такъ начинается у него, напр., «книга одиннадцатая» (II т., стр. 297):—«*Ибо* она полагала, что Валерій Азіатикъ» и т. д. При этомъ случается нерѣдко, что назойливый союзъ втискивается у него не къ мѣсту безъ всякой логической надобности, а такъ—въ видѣ какого-то, словно бы, стилистическаго орнамента. Во второй книгѣ «Лѣтописи» глава 22-я кончается разсказомъ о томъ, какъ Германикъ завершилъ походъ противъ германцевъ, которые покорились и «получили прощеніе во всемъ». Вслѣдъ затѣмъ, глава 23-я начинается ни къ селу ни къ городу:—«*Но* такъ какъ лѣто уже было въ полной силѣ, то кесарь нѣкоторые изъ легіоновъ отпустилъ на зимнія квартиры»... *Но*—союзъ противительный, и здѣсь онъ тѣмъ неумѣстнѣе вскочилъ напередъ, что рѣшительно не имѣетъ никакой связи съ тѣмъ, что ему предшествовало, и никакого резона. Мимоходомъ, очень оригинальна также въ приведенной цитатѣ причинность отпуска «на зимнія квартиры» въ томъ, что «лѣто-де было въ полной силѣ». Безъ сомнѣнія, Тацитъ разумѣлъ окончаніе лѣта, потому что идти на зимнія квартиры, «*такъ какъ* лѣто въ полной силѣ», т. е. въ разгарѣ, столько же сообразно, какъ надѣвать шубу, «такъ какъ» на дворѣ жарко. Эта же цитата даетъ намъ случай отмѣтить еще одну своеобычность стиля г. Модестова. Столько же, какъ къ союзу «ибо», онъ пристрастенъ и къ союзу «такъ какъ». Суётъ онъ его всюду и заставляетъ кричать въ такихъ, напр., убійственныхъ

сочетаніяхъ: «но, такъ какъ», «дабы, такъ какъ», «который, такъ какъ», «онъ, такъ какъ»... Чтобы читатель могъ нагляднѣе судить о красотѣ и умѣстности такихъ сочетаній, беремъ на образецъ двѣ фразы:—«Глава 46.—Въ Римѣ, *такъ какъ* тамъ еще не знали»...—придаточное предложеніе тянется на четырехъ строкахъ. Другой примѣръ:—«Выбранъ былъ Атей, изъ бывшихъ преторовъ, *дабы*, *такъ какъ* Азіею управлялъ бывшій консулъ, не породилось соперничества между равными». (Стр. 105). Въ неменьшей мѣрѣ злоупотребляетъ переводчикъ и союзомъ *что*, часто вдоль и поперегъ унизывая имъ предложенія, и забывая, что такая роскошь жестоко вредитъ стройности и благозвучной текучести рѣчи.

Впрочемъ, г. Модестовъ не съ одними только союзами обращается прихотливо и беззаботно. Выше мы указали на безконечный періодъ на 5-й страницѣ II тома. Вотъ его начало:—«*Послѣ того* какъ *по* разбитіи Брута и Кассія, не было уже никакихъ войскъ у республики, когда Помпей» и т. д. Хотя изъ дальнѣйшаго выясняется, что̀ было «послѣ того, какъ» войска стали подъ власть Августа, но дважды употребленное въ началѣ періода нарѣчіе времени *послѣ* и *по* невозможно во всѣхъ отношеніяхъ, и этого не нужно доказывать.

Переворачиваемъ страницу и попадаемъ въ цѣлый цвѣтникъ изумительныхъ обмолвокъ. На 6-й страницѣ сказано, между прочимъ, что римская знать при Августѣ, «нашедши (*sic*!) въ новомъ порядкѣ вещей для себя выгоду, предпочитала безопасность въ настоящемъ полному опасностей прошлому». Не дѣлаетъ ей чести уже потому, что нельзя ни сравнивать, ни противопоставлять понятія разнородныя. Въ данномъ случаѣ слѣдовало одно изъ двухъ—или противопоставить *время времени* (настоящее прошлому) или *то*, *чѣмъ эти времена отличались* (настоящее—«безопасностью», прошлое— «опасностями»), а не смѣшивать одного съ другимъ.

На той же страницѣ читатель вязнетъ, какъ въ сугробѣ, въ слѣдующемъ невылазномъ періодѣ:—«Когда не стало Агриппы, когда ускоренная ли судьбою смерть, или козни мачихи ихъ Ливіи унесли Луція Кесаря на пути его къ испанскимъ войскамъ, а Гая—во время возвращенія его изъ Арменіи и страданія отъ раны, когда и изъ пасынковъ, такъ какъ (*sic!*) Друзъ умеръ раньше, Неронъ оставался одинъ, то все повернулось къ нему»...

Мы остановились на половинѣ періода, но и по цитированной его части читатель признаетъ, что это мѣсто смѣло бы можно взять въ хрестоматію образцовъ—какъ не слѣдуетъ писать по русски, еслибы такую хрестоматію взялся составить г. Галаховъ. Вникнемъ въ главныя его прелести. Начать съ того, что по первому впечатлѣнію вамъ кажется, будто Ливія—*мачиха козней*, такъ какъ, по требованіямъ логики и согласованія, мѣстоименіе *ихъ* должно относиться здѣсь къ оговоренному уже,

впереди стоящему, существительному. У г. Модестова передъ мѣстоименіемъ *ихъ* стоятъ и согласуются съ нимъ *козни*, такъ что читатель потомъ только догадывается, что Ливія была мачихою—не козней, а пасынковъ. Тацитъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что смерть Луція и Гая была ускорена судьбою ли, или кознями Ливіи. Въ переводѣ же вышло: «ускоренная ли судьбою смерть, *или* козни... унесли», т. е., что жертвы погибли не то отъ смерти, само по себѣ, не то отъ козней, само по себѣ,—одно отъ другаго независимо. Этимъ испорчено все мѣсто. Что смерть *уноситъ* людей—это понятно, но какъ *уносятъ* ихъ козни—понять мудрено, тѣмъ болѣе, что козни вовсе не отождествляются еще со смертью. Безподобно также размѣщеніе здѣсь подлежащихъ. Ихъ три. Первыя два,—«смерть» и «козни»,—стоятъ вмѣстѣ впереди, а третье—«страданія отъ раны»—словно дезертиръ, улепетнуло въ конецъ предложенія, гдѣ переводчикъ схватилъ его за чубъ, и оно такъ и болтается у него какимъ-то нелѣпымъ привѣскомъ.

Нѣсколько ниже, на страницѣ 7-й, читаемъ: — «Войны въ это время не было *никакой*, *кромѣ войны*»... (съ германцами). Это годится даже въ анекдотъ, въ родѣ того, какой разсказываютъ про одну молоденькую стыдливую даму. Спрашиваютъ ее на судѣ: — Дѣти у васъ есть? — Ахъ, нѣтъ! — Какъ же въ паспортѣ вашемъ значится ихъ двое?—Да, но они еще очень, очень маленькія.

Пойдемъ дальше въ нашей летучей экскурсіи! На страницѣ 21-й, въ описаніи бунта паннонскихъ легіоновъ, солдаты, между прочимъ, жалуются на свою суровую долю: — «И если кто изъ насъ, — говорили они, — переживетъ столько приключеній, того тащатъ еще въ далекія страны, гдѣ подъ именемъ пахотной земли мы *получаемъ сырость болотъ*»... Въ самомъ дѣлѣ, какіе несчастные: даже самихъ болотъ имъ не давали, а только одну ихъ «сырость», изъ которой, конечно, калачей не испечешь! Явился ихъ усмирять изъ Рима Друзъ, сынъ Тиберія. «При приближеніи (замѣтьте мелодичность этого *при-при*!) Друза, *легіоны*, какъ бы по обязанности, вышли на встрѣчу.... и хотя они своею грязною внѣшностью и лицомъ (?) хотѣли выразить печаль, они скорѣе выражали упрямство. Когда Друзъ вошелъ въ окопъ лагеря, они (т. е. легіоны) занимаютъ ворота караулами и разставляютъ густые отряды по опредѣленнымъ мѣстамъ лагеря: *остальные* (все тѣ же, значитъ, легіоны) обступаютъ трибуналъ, гдѣ стоялъ Друзъ, рукою требуя молчанія. Какъ только они поворачивали глаза *къ толпѣ* (къ какой и откуда она взялась порознь отъ самихъ легіоновъ?), то оглашали воздухъ дикими возгласами, но, посмотрѣвъ на кесаря, снова испытывали тревогу... Подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ движеній, они (опять таки легіоны) то сами чувствовали страхъ, то другихъ (кого?) заставляли бояться». (Стр. 26 и 27). Бурная сцена кончается усмиреніемъ легіоновъ на томъ условіи, чтобы

было «безъ отлагательства имъ *предоставлено* то, что̀ можетъ быть тотчасъ *предоставлено*, а *остальное* должно быть *оставлено*»... Хотя темное, но мудрое рѣшеніе, — зато какая сугубая какофонія!

Если въ вышеприведенномъ мѣстѣ, вслѣдствіе того, что переводчикъ страннымъ образомъ спуталъ индивидуальныя дѣйствія солдатъ (не назвавъ ихъ) съ массовыми, собирательными дѣйствіями легіоновъ, — сіи послѣдніе фигурируютъ въ рискованныхъ и непонятныхъ ситуаціяхъ, то на страницѣ 33-й съ другими возмутившимися легіонами г. Модестовъ поступаетъ еще противоестественнѣе. И то сказать — что̀ церемониться съ бунтовщиками! Рѣчь идетъ о германскихъ легіонахъ. «Услышавъ о бунтѣ *легіоновъ* (надо помнить: — не солдатъ, а легіоновъ), Германикъ поспѣшно отправился къ нимъ. Они встрѣтили его за лагеремъ, опустили глаза въ землю, какъ бы вслѣдствіе раскаянія. Но какъ только онъ вошелъ въ лагерь, стали слышаться нестройныя жалобы. *Нѣкоторые, взявъ его руку*, какъ бы для цѣлованія, *влагали пальцы его себѣ въ ротъ, чтобы онъ пощупалъ ихъ беззубыя челюсти*; другіе показывали *искривленные отъ старости члены*»... Все это дѣлали легіоны: и пальцы Германика себѣ въ ротъ влагали и искривленные члены показывали... Чудно! Такъ выходитъ по грамматической фактурѣ этого мѣста, хотя читатель, конечно, смекаетъ, что все это продѣлывали не легіоны, in plenum, а отдѣльные солдаты.

На 86-й страницѣ насъ останавливаетъ грандіозная картина бури на морѣ, въ моментъ переѣзда на судахъ войскъ Германика. «Изъ сгустившагося чернаго облака пошелъ градъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ волны, поднявшіяся въ неопредѣленномъ направленіи (?), отъ сильныхъ вѣтровъ, дувшихъ со всѣхъ сторонъ, *застилали видъ*»... Видъ чего, какой видъ — невѣдомо, да и какъ это волны могутъ «застилать видъ» — рѣшительно непостижимо! Дальше еще лучше: — «Затѣмъ все небо и все море перешли *въ вѣдѣніе* (?!) южнаго вѣтра, который»... «схватилъ и разбросалъ корабли»... Страшно, и картина вышла бы вполнѣ художественная, еслибы не это канцелярское словечко — *вѣдѣніе*: — точно южный вѣтеръ — какой-то, вступившій въ должность исправникъ, къ которому и перешли въ «вѣдомство» помянутыя стихіи.

Это неумѣстное и смѣшное «вѣдѣніе», какъ и ранѣе отмѣченныя нами подобныя же словечки — одни изъ многочисленныхъ примѣровъ погрѣшностей г. Модестова противъ русскаго языка. Онъ часто употребляетъ слова и реченія до того невпопадъ и некстати, произвольно и невѣрно, что просто дивишься — какъ можетъ русскій человѣкъ, да еще профессоръ, такъ писать и обнаруживать такое незнакомство съ силою, мѣрою и значеніемъ русскаго слова!

У г. Модестова, напр., люди, въ смыслѣ достиженія личной цѣли, «*преслѣдуютъ* свое счастье» (Т. I, 369) и «*преслѣдуютъ* свою нена-

висть» (I, 91), «проявляя» ее, притомъ, «въ увеличенномъ видѣ»; онъ у людей «*отнимаетъ* суевѣрія» (I, 363); «*между ними*» происходятъ у него «стычки, интриги, *пожары*» (I, 367), и такъ далѣе. У него «сенаторы и народъ — *существа* слабыя и безоружныя» (II, 42). У него фигурируютъ въ походѣ солдаты, «привыкшіе или къ Италіи, *или къ жарѣ*» (I. 159). Въ другомъ случаѣ, г. Модестовъ заставляетъ солдатъ во время боя «спотыкаться *отъ своей крови*» (II, 58). Германцы, напавъ на римскій лагерь, «*прильнули* къ укрѣпленіямъ» (II, 60). Армія терпѣла недостатокъ воды, «не смотря на весеннюю пору и *на столько кругомъ текущихъ* рѣкъ» (I, 163). Отонъ шелъ «съ суровымъ видомъ, не причесанный и *не соотвѣтствующій* своей репутаціи» (I. 145). Вителій «*вышелъ изъ двусмысленностей* и высказалъ полную правду» (II 321). Августъ, воцарившись, сталъ «*стягивать* къ себѣ права сената», т. е. присвоивать, что̀ вовсе не одно и то же, если только не разумѣть здѣсь вульгарнаго: «стянуть» (II, 5). «Старость подвинулась *впередъ*», въ смыслѣ ея склона и—значитъ, на самомъ дѣлѣ, попятилась назадъ (II, 8). Передъ смертью Августа «распространялись насчетъ *предстоящихъ* владыкъ разные толки», т. е. насчетъ преемниковъ престола; «предстоящіе же владыки» — церковно-славянская форма—значитъ: владыки, находящіеся на лицо, *предъ* лицомъ *стоящіе* въ данную минуту, а не тѣ, которые еще грядутъ. (II, 8). «Агриппина была *нѣсколько черезчуръ* горяча», хотя, казалось бы, что «нѣсколько»—не можетъ быть «черезчуръ» и — обратно (II, 33)...

Мы могли бы продолжить до безконечности извлеченіе изъ труда г. Модестова подобныхъ перловъ, по истинѣ удивительныхъ у автора, похваляющагося «тщательностью» перевода и претендующаго стяжать себѣ особенную признательность современниковъ и потомства. Но это не все. Его переводу, тяжелому и мертвому по слогу, неправильному въ логическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ, совсѣмъ даже не русскому по языку, сообщаютъ, мѣстами, какую-то комическую надутость ветхозавѣтныя витіевато-книжныя слова, такого, напр., сорта: «властвованіе», «свирѣпство», «дерзновенность», «воспреобладаніе», «подобать», «медлительствовать», «колебательное положеніе» (въ смыслѣ нерѣшимости), «окрестностственныя» (т. е. окрестныя), «сей послѣдній», «тѣмъ паче», «елико» и т. п. А рядомъ съ подобными накрахмаленными, вычурными словоизвитіями «высокаго стиля», страннымъ образомъ встрѣчаются у г. Модестова вульгарныя выраженія и слова уличнаго жаргона, напримѣръ:—«штаны», «поганый ротъ», «зариться», «напичкивать», «растаскивать» (государство), «тормошить поэтовъ» (т. е. критиковать), «гораздъ», «на манеръ», Агриппа Постумъ «дурацки кичился», и т. п.

Таковы-то плоды усилій г. Модестова перевести на русскій языкъ Тацита «достойнымъ его образомъ»! Нельзя не пожалѣть о тщетѣ этихъ

усилій и ихъ результатѣ. Жаль, прежде всего, самого переводчика. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ искренно хотѣлъ оказать своимъ переводомъ великую услугу отечеству, много потрудился для этого и теперь, вѣроятно, чувствуетъ себя почіющимъ на лаврахъ, а между тѣмъ услуга-то оказывается сомнительной и трудъ втунѣ потраченнымъ, потому что совершить ихъ г. Модестову, въ мѣру его добрыхъ намѣреній, просто не дано. Но не менѣе жаль и Тацита, и читателя. Образцовый латинскій прозаикъ жестоко пострадалъ въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ безъ искусства и съ убійственнымъ буквоѣдствомъ, внушеннымъ близорукимъ педантизмомъ. Отсюда и читатель, лишенный удовольствія познакомиться съ Тацитомъ въ подлинникѣ, получаетъ его искаженнымъ и испорченнымъ въ плохомъ переводѣ. Самое «потребленіе» этого неудобоваримаго перевода претитъ вкусу грамотнаго читателя *).

Ignarus.

---

*) И для чего, спрашивается, потребовалось почтенному экс-профессору „переводить“ на русскій языкъ великаго историка, когда Тацитъ давно уже былъ знакомъ русскимъ читателямъ по прежнимъ переводамъ. Еще въ 1869 году В. Классовскій издалъ „Агриколу“, „Германію“ и первую книгу Анналовъ съ объясненіями. Въ 1867 году Нейкирхъ перевелъ книгу Тацита „О положеніи, нравахъ и народахъ Германіи“. („Филологическія Записки“ представили въ томъ же году ея оцѣнку). Въ 1868 году А. Делленъ помѣстилъ въ „Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ“ переводъ „Германіи“, вышедшій потомъ и отдѣльною книгою. Въ 1870 году А. Клевановъ издалъ въ Москвѣ, въ двухъ частяхъ, переводъ первой и второй книги Лѣтописей. Г. Модестовъ, издавшій самъ въ 1864 году историко-литературное изслѣдованіе о Тацитѣ и его сочиненіяхъ, могъ назвать всѣ эти переводы неудовлетворительными, но неужели онъ до того ослѣпленъ, что находитъ свой трудъ лучше перевода К. Кронеберга: „Лѣтописи Кая Корнелія Тацита“, появившагося въ изданіи Солдатенкова еще въ 1858 году? Не говоримъ уже о такихъ сочиненіяхъ, гдѣ образъ Тацита является вполнѣ опредѣленнымъ, какъ въ изслѣдованіи П. Кудрявцева: „Римскія женщины“ по Тациту; въ книгѣ, вышедшей въ Кіевѣ въ 1869 году: „Вопросъ объ историческомъ значеніи римской имперіи и Тацита“; въ книгѣ С. К. Брюлловой (дочери Кавелина): „Тацитъ въ изложеніи В. О. Донна“ (Изданіе В. О. Василевскаго, 1876 года). Все это показываетъ, что русская публика давно и безъ г. Модестова знакома съ Тацитомъ и новые переводы его могли бы принести пользу, еслибъ были лучше старыхъ. *Ред.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Первый мѣсяцъ новаго царствованія.—Два направленія германской политики.—Бисмаркизмъ и либерализмъ.—Антагонизмъ политическій и семейный.—Первые акты Фридриха III.—Рескриптъ германскому канцлеру.—Прусскія власти, не признающія новыхъ вѣяній.—Похороны Вильгельма I.—Благодарность за сочувствіе усопшему императору, высказанная Бисмаркомъ Кореѣ и всей Европѣ—кромѣ Россіи.—Можетъ ли канцлеръ выйти въ отставку?—Продолжающаяся экономическая война съ Россіей.—Полемика рейнской и петербургско-французской газеты.—Бисмарковскій кризисъ.—Романъ экс-болгарскаго князя и трехъ Викторій.—Начало и конецъ XIX столѣтія.—Франція, готовящаяся къ новой революціи.—Безтактность правительства.—Увольненіе Буланжэ отъ службы и оправданіе Вильсона.—Манифестъ Буланжэ и паденіе кабинета Тирара.—Министерство Флокэ.—Пересмотръ конституціи и распущеніе палаты.—Будетъ ли Буланжэ диктаторомъ?—Близость революціи въ Румыніи и Сербіи.—Послѣдній актъ Кобургіады въ Болгаріи.

Новый германскій императоръ вступилъ уже во второй мѣсяцъ своего царствованія. Онъ показывается народу, ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ, засѣдаетъ въ совѣтахъ, принимаетъ депутаціи. Государственная дѣятельность его изумительна. Но, тѣмъ не менѣе, остаются въ силѣ зловѣщія предсказанія о непродолжительности новой эры для Германіи, о «междуцарствіи», за которымъ послѣдуетъ возвращеніе къ прежней, бисмарковской системѣ правленія, къ безпощадному милитаризму, къ истощенію платежныхъ силъ не только германскаго народа, но, по примѣру его, всѣхъ европейскихъ націй непомѣрными военными налогами для поддержанія мильонныхъ армій и мильярдныхъ вооруженій. Оптимисты указываютъ на несомнѣнное миролюбіе императора, высказывающееся въ его поступкахъ, манифестахъ, рескриптахъ; пессимисты напоминаютъ о неизлѣчимости его болѣзни, результатомъ которой можетъ быть болѣе или менѣе продолжительное облегченіе, но не полное исцѣленіе. Тѣ и другіе согласны только въ одномъ, что въ правительственныхъ принципахъ императора и окружающихъ его лицъ существуетъ глубокая рознь, что они далеко не сходятся между собою во взглядахъ на систему государствовѣдѣнія. Антагонизмъ между двумя противоположными теченіями, обнаружившійся не только въ управленіи, но и въ отношеніяхъ между членами царственной семьи—такъ очевиденъ, что органы общественнаго мнѣнія даже не пытаются скрыть его. Онъ высказался еще задолго до смерти Вильгельма I, и тогда уже заставляя опасаться за тревожное будущее. Между лицами, самыми близкими къ покойному императору, была партія, требовавшая, во имя спокойствія Германіи и преемственности государственныхъ идей,—отреченія отъ престола умирающаго кронпринца и передачи власти его сыну.

Партія эта дѣйствовала настойчиво и систематично: разлучила императора съ сыномъ, распространила мрачныя извѣстія о безнадежномъ положеніи кронпринца, склонила Вильгельма I назначить регентомъ своего внука. По счастью, кронпринцъ не хотѣлъ ни отречься, ни умирать, а императоръ, не упускавшій власти изъ своихъ рукъ до послѣднихъ дней своей жизни, не согласился учредить регентство и только наканунѣ смерти сдѣлалъ принца Вильгельма своимъ соправителемъ. Въ тотъ же день убѣдили умирающаго монарха подписать указъ о закрытіи рейхстага, чтобы дѣйствовать совершенно свободно, но канцлеръ не успѣлъ распустить членовъ парламента и только предъявилъ имъ, «какъ историческій документъ», указъ съ подписью умирающаго, которую едва можно разобрать,—когда новый монархъ объявилъ ужь о томъ, что принимаетъ престолъ и ѣдетъ въ Берлинъ. Въ прусской палатѣ депутатовъ министръ Путткаммеръ, креатура канцлера, извѣщая о кончинѣ Вильгельма I, *забылъ* упомянуть о вступленіи на престолъ Фридриха III, и члены палаты разошлись, не зная, кто у нихъ императоръ. Съ первыхъ часовъ новаго царствованія рознь высказалась не только въ правительственной, но и въ семейной сферѣ. Говорили о строгомъ выговорѣ, сдѣланномъ новою императрицею членамъ ея семьи, о несоблюденіи ими обычныхъ правилъ не только по отношенію къ лицамъ, которыми они были недовольны, но и къ старшимъ членамъ своего семейства. Въ то время, когда однѣ газеты высказывали полную надежду на выздоровленіе императора, органы канцлера распускали преувеличенныя извѣстія о безнадежномъ положеніи больнаго.

Общественное мнѣніе обратилось прежде всего, конечно, къ первымъ актамъ новаго царствованія. Въ манифестѣ «къ моему народу», 12 марта, Фридрихъ III говоритъ о потерѣ, понесенной Пруссіею и Германіею со смертію Вильгельма I, о заслугахъ его по упроченію національнаго германскаго объединенія. Новый императоръ обѣщаетъ продолжать это дѣло «въ томъ же духѣ, какъ оно было начато» и ставитъ себѣ цѣлью «сдѣлать Германію стражемъ мира». Только на почвѣ неразрывной связи между государемъ и народомъ основано благоденствіе страны, передъ которой монархъ даетъ обѣтъ быть правосуднымъ правителемъ. Все это были обычныя фразы и обѣщанія, но на другой же день обнародованъ рескриптъ Фридриха III къ имперскому канцлеру, заключающій въ себѣ программу новаго царствованія. Послѣ благодарности «заслуженному, первому слугѣ покойнаго императора», новый монархъ говоритъ: «конституція и правовыя постановленія имперіи и Пруссіи должны соблюдаться превыше всего, съ должнымъ уваженіемъ, дабы они срослись съ правами и обычаями народа». Поэтому слѣдуетъ избѣгать потрясеній, «вызываемыхъ частой перемѣной государственныхъ учрежденій и законовъ». Необходимо также добросовѣстно уважать конституціонныя права всѣхъ союзныхъ правительствъ, какъ и права рейхстага, но слѣдуетъ добиваться подобнаго

же уваженія къ правамъ императора. Эти обоюдныя права должны служить только «преуспѣянію народнаго благосостоянія». Залогомъ этого преуспѣянія монархъ считаетъ—неприкосновенность вооруженныхъ силъ страны. Еще разъ повторяетъ онъ, что будетъ управлять «при добросовѣстномъ исполненіи конституціи, которая должна быть уважаема, чтобы проявить свою силу и благотворное дѣйствіе», обѣщаетъ свято соблюдать принципъ религіозной терпимости. По отношенію къ экономическому преуспѣянію, монархъ не согласенъ съ тѣмъ, что «путемъ вмѣшательства государства возможно уничтожить всѣ бѣдственныя стороны общественнаго строя». Это уже совершенно противорѣчитъ ученію Бисмарка о государственномъ соціализмѣ, а уваженіе къ конституціи прямо противоположно кореннымъ убѣжденіямъ канцлера. По вопросу о воспитаніи, Фридрихъ III находитъ, что «высшее образованіе необходимо сдѣлать доступнымъ болѣе широкому кругу лицъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ принять мѣры, чтобы полуобразованіе не создавало серьезныхъ опасностей». По отношенію къ экономіи выражено желаніе, чтобы «на государственной службѣ стремились противодѣйствовать искушенію къ несоразмѣрной тратѣ денегъ». Самоуправленіе общинъ признается благотворнымъ, лишь бы не происходило несоразмѣрнаго обложенія налогами; уменьшеніе числа чиновниковъ весьма желательно. Особенное впечатлѣніе произвели послѣднія слова рескрипта: «не заботясь о блескѣ достославныхъ великихъ дѣлъ, я буду доволенъ, если со временемъ можно будетъ сказать о моемъ правленіи, что оно было благотворно для моего народа, полезно моей странѣ и принесло счастіе для имперіи». Эта несомнѣнно либеральная программа, хотя въ ней отведено мѣсто и консервативнымъ элементамъ, встрѣчена въ Германіи съ восторгомъ. Недовольны остались только—военная партія въ Берлинѣ да Австрія: въ рескриптѣ ничего не говорилось о лигахъ, о необходимости обороны, о союзѣ съ Австріей; ждали особаго манифеста къ арміи, какъ господствующему сословію въ Германіи—ожиданія не сбылись. Австрійское правительство переполошилось не на шутку, и, чтобы успокоить своихъ задушевныхъ друзей, германскій канцлеръ, не сносясь съ императоромъ, отправилъ къ Кальноки телеграмму съ увѣреніемъ, что австро-германская дружба останется незыблемой. Австрійская печать снова подняла голову, а «Neue Freie Presse», въ статьѣ о манифестѣ и рескриптѣ Фридриха III, посвятила этимъ документамъ всего шесть строкъ и затѣмъ два съ половиною столбца—оцѣнкѣ дружественныхъ увѣреній Бисмарка. Манифестомъ очень довольны и французскія газеты, даже Поль Кассаньякъ, сравнившій Фридриха III съ Маркомъ Авреліемъ. Даже Рошфоръ отозвался совершенно прилично о новомъ императорѣ. Только польскія газеты не ждутъ никакой перемѣны въ системѣ правленія, пока дѣйствительнымъ властителемъ нѣмцевъ остается Бисмаркъ. И духъ его, съ первыхъ же дней новаго царствованія, возбудилъ въ администраціи столкновенія, хотя и незначительныя, но характеризую-

щія положеніе дѣла. Фридрихъ III не захотѣлъ устанавливать официальнаго траура для народа, а предоставилъ «каждому германцу выразить свою печаль сообразно съ своимъ чувствомъ». Берлинскія газеты выразили радость, что «порвана связь съ старой бюрократической рутиной, и народъ, не нуждающійся въ предписаніяхъ, по собственной волѣ докажетъ свое уваженіе къ императорскому дому». Не смотря на это, президентъ полиціи сдѣлалъ распоряженіе къ понудительному ношенію траура, а ландраты сѣверо-восточныхъ провинцій объявили, что постановленіе императора противно существующимъ прусскимъ закопамъ. Во время пребыванія тѣла Вильгельма I въ соборѣ, члены палатъ обратились съ просьбою разрѣшить имъ входъ въ соборъ въ часы, не предназначенные для всей публики. Гофмаршалъ отвѣчалъ официально, что для депутатовъ не можетъ быть сдѣлано исключенія, такъ какъ императрица не желаетъ вызвать неудовольствія въ публикѣ, если будетъ оказано предпочтеніе однимъ лицамъ передъ другими. Не смотря на это, разрѣшенъ былъ входъ офицерскимъ женамъ въ особые часы, что̀ возбудило негодованіе женъ гражданскихъ чиновъ, не говоря уже о членахъ рейхстата.

Похороны Вильгельма I отличались необыкновенною торжественностью и глубокимъ сочувствіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, какъ высокопоставленныхъ гостей, такъ и всего народа, въ холодную снѣжную погоду провожавшаго монарха въ его послѣднее убѣжище. Три короля, восемь наслѣдныхъ принцевъ, представители всѣхъ дворовъ и династій; депутаціи всѣхъ странъ, сословій и учрежденій участвовали въ печальной процессіи. Сочувствіе всѣхъ монарховъ, всѣхъ націй, печати цѣлаго міра было такъ искренно, что Германія, отъ лица представителей своего парламента, выразила глубокую благодарность. Но имперскій канцлеръ, выслушавъ въ рейхстагѣ это заявленіе президента, отвѣчалъ: «мнѣ будетъ очень пріятно выполнить возлагаемое вами на меня порученіе—передать благодарность Германіи тѣмъ иностраннымъ правительствамъ, которыя выразили намъ свое сочувствіе. Мы должны также изъявить благодарность нѣмцамъ, проживающимъ за границею, которые со всѣхъ концовъ земли прислали цвѣты и вѣнки на гробъ почившаго императора. Такъ, получена телеграмма отъ нѣмцевъ изъ Кореи. И прежде умирали великіе историческіе дѣятели. Кончина Наполеона I, Петра Великаго, Людовика XIV производила въ свое время сильное впечатлѣніе, но никогда не получались вѣнки отъ антиподовъ. Ни одинъ монархъ не занималъ еще до сихъ поръ такого высокаго положенія, чтобы всѣ безъ исключенія народы изъявляли соболѣзнованіе по случаю его кончины. Особенно выдающіяся изъявленія сочувствія высказаны были въ странахъ, связанныхъ съ нами болѣе тѣсными узами дружбы, какъ напримѣръ: въ Австро-Венгріи, Италіи, Португаліи, Нидерландахъ, Швеціи, Бельгіи и Даніи. Отношенія къ Германіи необходимо должны были оставить горькія воспоминанія въ Даніи и, не смотря

на это, не только датское правительство, но и обѣ палаты парламента прислали изъявленія соболѣзнованія, полныя достоинства». Даже Данію, даже Корею счелъ нужнымъ назвать Бисмаркъ, забылъ только упомянуть— о Россіи и, заодно уже съ нею, о Франціи, хотя всѣ нѣмецкія газеты, не говоря уже о правительственныхъ органахъ, заявляли о глубокомъ сочувствіи всѣхъ русскихъ къ усопшему. Главный органъ канцлера «Norddeutsche Allg. Zeitung», не сказавшая ни одного слова о манифестѣ и рескриптѣ Бисмарку Фридриха III и только перепечатавшая ихъ изъ оффиціальной газеты, нашла однако, что это непостижимое умолчаніе о Россіи, когда говорилось о Кореѣ, подаетъ поводъ къ невыгоднымъ толкованіямъ о политикѣ канцлера, и сочла нужнымъ исправить его странную забывчивость. Печатая обыкновенно вполнѣ всякую рѣчь канцлера, газета на этотъ разъ привела послѣднюю рѣчь въ сокращеніи, исключивъ изъ нея всѣ перечисленныя въ рейхстагѣ государства. Насколько эта послѣдняя поправка измѣняетъ сущность дѣла—понятно всякому. Коментаріи тутъ излишни.

Этотъ «инцидентъ» съ канцлеромъ, не говоря уже о другихъ болѣе мелкихъ, но не менѣе значительныхъ симптомахъ, показываетъ, какъ измѣнились отношенія Бисмарка къ Россіи со смертью Вильгельма I, и могутъ ли наши оптимисты разсчитывать, какъ прежде, на дружественное расположеніе къ намъ всемогущаго канцлера. А вѣдь иные разсчитывали даже на его удаленіе отъ дѣлъ! Какъ ни сильна воля Фридриха III, физическія силы его все таки слабы, полное выздоровленіе невозможно, а сила вещей такова, что принуждаетъ его подчиняться необходимости—поддерживать прежнее направленіе въ политикѣ—хотя и въ менѣе рѣзкихъ формахъ. Съ каждымъ новымъ днемъ царствованія, сглаживается и правительственный, и семейный антагонизмъ. Прусскіе генералы и офицеры, сильно недовольные сухимъ упоминаніемъ объ арміи въ рескриптѣ и напрасно ожидавшіе приказа по арміи, который долженъ былъ по прусско-гогенцоллернскому обычаю появиться на другой же день воцаренія, прежде всякаго обращенія къ народу,—ожиданіе, понятное въ странѣ, гдѣ армія гораздо важнѣе народа,—всѣ эти носители всякаго рода оружія уже успокоились, увѣренные, что скоро употребятъ его въ дѣло: вѣдь «междуцарствіе» не можетъ быть продолжительно. Военная партія говорила, что не будетъ пить шампанскаго до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ провинціей, производящей это вино, а въ Бранденбургѣ, на собраніи офицеровъ, пересказывая рѣчь своего наставника—Бисмарка, она повторяла, что Богъ будетъ не только съ нѣмцами, но въ особенности съ бранденбурж-цами. Кронпринцъ страдаетъ какою-то ушною болѣзнью, отъ которой по временамъ глохнетъ на одно ухо, — но отъ этого легко вылѣчиться. Повредивъ себѣ правую руку въ молодости, вслѣдствіе паденія съ лошади, онъ не можетъ высоко поднимать ее и махать саблею, но это и не

нужно тамъ, гдѣ одно слово можетъ двинуть впередъ и разметать полки, «измять вѣнцы и міръ забрызгать кровью». А страдалецъ-императоръ не только не можетъ произнести ни одного слова, но не можетъ даже дышать иначе, какъ искусственно, черезъ трубочку, съ которою надо обращаться какъ можно осторожнѣе и малѣйшее засореніе которой чрезвычайно опасно и можетъ произвести задушеніе, что̀, по словамъ газетъ едва не случилось однажды ночью въ Сан-Ремо. Какъ добрый отецъ, Фридрихъ III ласково обращается съ сыномъ, но императрицѣ Викторіи, по словамъ «National Zeitung» приписываютъ прибавленіе къ отвѣту на поздравительную телеграмму принца со вступленіемъ на престолъ: «надѣемся, что ты будешь намъ покорнымъ сыномъ». При свиданіяхъ съ принцессами, высказывались рѣзкія выходки противъ ихъ англійск[illegible] вкусовъ и англійскаго духа, которымъ проникнуты принцессы, а принцы не могутъ терпѣть ничего англійскаго. Они вѣрятъ только въ Бисмарка и только ему поклоняются. И Бисмаркъ сдѣлался посредникомъ между членами семьи, чтобы уладить отношенія между ними. Явившись 23 марта въ совѣтъ министровъ, какъ предсѣдатель его, Фридрихъ III подписалъ вслѣдъ затѣмъ рескриптъ, которымъ «для ознакомленія кронпринца съ государственными дѣлами путемъ непосредственнаго участія въ нихъ», ему поручались «выработка и рѣшеніе тѣхъ дѣлъ, какія ему будутъ указаны императоромъ». Въ такихъ случаяхъ, наслѣднику престола дано право подписывать за императора бумаги безъ особаго полномочія на каждый разъ. Это, конечно,—замѣстительство, хотя условное и менѣе обширное, нежели то, какимъ облекалъ принца покойный Вильгельмъ I. Понятно, что этотъ политическій актъ внушенъ плохимъ состояніемъ здоровья императора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ кладетъ конецъ политическому антагонизму и кронпринцъ призывается къ участію въ управленіи, до чего Вильгельмъ I никогда не допускалъ своего наслѣдника.

Все это, однако, нисколько не улучшаетъ нашихъ отношеній къ Германіи. Берлинская биржа, руководимая Бисмаркомъ, по прежнему ведетъ противъ насъ ожесточенную экономическую войну. Хотя Блейхредеръ и поднялъ немного, въ послѣднее время, нашъ курсъ, пріобрѣтя массу русскихъ бумагъ, но онѣ были ему необходимы для того, чтобы, по биржевому выраженію, «покрыться» при заключеніи мексиканскаго займа. По минованіи надобности, бумаги эти, вновь выпущенныя на биржу въ огромномъ количествѣ, понизятъ опять нашъ злосчастный рубль. Въ то же время, органъ канцлера: «Kölnische Zeitung» представилъ такую мрачную картину положенія нашихъ финансовъ, что даже нашъ «Journal de St.-Pétersbourg» счелъ нужнымъ въ длинной статьѣ опровергнуть показанія нѣмецкой газеты, а нашъ офиціальный «Вѣстникъ Финансовъ» поспѣшилъ напечатать цифры поступленія доходовъ за прошлый годъ, обыкновенно публикуемыя только осенью. Кёльнская газета прямо утверждаетъ,

что государственные доходы Россіи не увеличиваются, а уменьшаются; новыхъ таможенныхъ пошлинъ и новыхъ податей недостаетъ даже для того, чтобы покрыть недоборы въ налогахъ; расходовъ не сокращаютъ и они напротивъ возрастаютъ безъ конца, вслѣдствіе не прекращающихся движеній войскъ. Торговля, промышленность, сельское хозяйство—въ полномъ застоѣ. Нашъ французскій офиціозъ опровергаетъ эти неопредѣленныя заявленія положительными цифрами: къ 1 марта нынѣшняго года въ казначейство поступило 96 милліоновъ сборовъ, тогда какъ въ прошломъ году къ тому же сроку—64 милліона. Что же касается до слуховъ о русскихъ вооруженіяхъ и сборахъ войскъ—эти извѣстія распространяетъ Австрія, очень хорошо зная, что они ложны. А распространяются они для того, чтобы мотивировать отправленіе въ Галичину новаго корпуса австрійскихъ войскъ. Во второй, еще болѣе обширной статьѣ, наша французская газета рядомъ подробныхъ цифръ подтвердила свои опроверженія, но, какъ говорятъ французы, хуже всѣхъ тотъ глухой, который не хочетъ слышать. Кёльнская газета продолжала увѣрять, что и она «могла бы пустить цѣлый дождь цифръ, еслибы хотѣла спутать этимъ общественное мнѣніе». Подсмѣиваясь надъ увѣреніемъ, что русскому правительству, въ половинѣ 1887 года были сдѣланы предложенія относительно займа, но оно само нашло его несвоевременнымъ, рейнская газета говоритъ, что съ этою несвоевременностью были же связаны какія нибудь особыя обстоятельства. Еще нѣсколько недѣль тому назадъ, слухи о новыхъ попыткахъ русскаго займа составляли злобу дня, но теперь совсѣмъ замолкли, такъ какъ курсъ русскаго рубля не заставляетъ всплывать подобные слухи: «Россія, въ настоящее время, находится въ очень незавидномъ положеніи, и ей никто не даетъ уже въ долгъ, даже Франція. Такимъ образомъ, не смотря на свои естественныя богатства, Россія находится теперь на краю пропасти». Такими словами заканчиваетъ «Kölnische Zeitung» свою діатрибу. Какими же аргументами будете вы опровергать газету, которая на цифры могла бы также пустить дождь цифръ, но сыплетъ только жалкими словами?... Возможна ли серьезная полемика съ такими изданіями?

Какъ будто для того, чтобы еще болѣе запутать неурядицу нынѣшняго тревожнаго положенія дѣлъ, бисмарковскія газеты вдругъ заговорили о выходѣ въ отставку германскаго канцлера. Уже и въ началѣ новаго царствованія онѣ пускали эти слухи, мотивируя ихъ слабымъ здоровьемъ Бисмарка, потрясеннымъ кончиною Вильгельма I, и крайнимъ утомленіемъ отъ бремени управленія имперіею, лежащаго на плечахъ одного человѣка. Публика и дипломатія не обращали вниманія на эти слухи, привыкнувъ къ нимъ еще въ прошлое царствованіе, когда въ затруднительныя политическія минуты канцлеръ не разъ грозилъ своею отставкою, желая поставить на своемъ, или доказать, что Германія не можетъ безъ него обойтись. Всѣ понимали, что Бисмаркъ не изъ такихъ людей, которые выходятъ въ

отставку, и что, не смотря на свою неподатливость и антипатію къ парламентаризму, онъ съумѣетъ всегда, когда нужно, сдѣлать уступку духу времени. Если ужь послѣ своей культурной борьбы съ Ватиканомъ, онъ нашелъ возможнымъ пойти въ Каноссу, то ему ничего не стоило отправиться туда и во второй разъ, чтобы не идти прямо противъ либеральныхъ тенденцій новаго царствованія. Такъ и теперь, когда газеты начали раздувать такъ называемый «бисмарковскій кризисъ», всѣ были увѣрены, что онъ кончится ничѣмъ или обоюднымъ компромиссомъ. Только австрійскія газеты повѣрили серьезности отставки канцлера и начали осыпать его бранью за то, что онъ въ этой исторіи не былъ на сторонѣ Австріи. А исторія эта была не нова: еще три года тому назадъ, во время свадебныхъ праздниковъ въ честь Беатрисы, дочери королевы Викторіи, вышедшей въ Лондонѣ за Генриха Баттенберга, королева воспылала такою родственною страстью къ брату его, болгарскому князю Александру, что, не имѣя больше дочерей, порѣшила отдать за него внучку свою, тоже Викторію, дочь германскаго кронпринца. Кронпринцесса, имѣвшая большое вліяніе на своего мужа, успѣла склонить его къ этому браку. Но къ нему такъ строго отнесся императоръ Вильгельмъ, что его отношенія къ невѣсткѣ, и безъ того не очень близкія, обострились окончательно. Канцлеръ былъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ своего монарха, и когда болгарскій авантюристъ явился въ Берлинъ, то былъ немедленно высланъ оттуда. Теперь англійская королева нашла возможнымъ осуществить давно задуманный проэктъ, и когда, 31 марта, Бисмаркъ явился съ докладомъ къ императору, тотъ объявилъ ему, что бракъ принцессы съ Александромъ Баттенбергомъ долженъ состояться. Бисмаркъ представилъ возраженія, обусловленныя требованіями внѣшней политики. Фридрихъ сообщилъ, что брака этого желаетъ императрица и представилъ ей канцлера. Она выслушала его доводы и сказала, что не находитъ ихъ убѣдительными. Тогда канцлеръ объявилъ, что онъ будетъ вынужденъ подать прошеніе объ отставкѣ. 1-го апрѣля онъ праздновалъ 73-лѣтнюю годовщину своего рожденія. Императоръ и императрица прислали ему свои портреты, осыпанные брилліантами. Кронпринцъ явился къ нему лично. На обѣдѣ былъ произнесенъ тостъ, изумившій газеты и публику. Германію сравнили съ полкомъ, идущимъ на штурмъ: командиръ полка убитъ, старшій по немъ офицеръ тяжело раненъ, и взоры 46-ти мильоновъ нѣмцевъ обращены теперь на 73-лѣтняго знаменоносца, столько лѣтъ высоко державшаго германское знамя. Въ какой степени былъ умѣстенъ этотъ отзывъ, газеты не обсуждали, но официозы начали увѣрять, что тостъ искаженъ и что въ немъ вовсе не упоминалось о раненомъ офицерѣ. Черезъ два дня канцлеръ получилъ извѣстіе, что Баттенберга ждутъ въ Берлинѣ. Тогда онъ объявилъ, что въ день прибытія принца удалится въ Варцинъ, приславъ свою отставку. Фридрихъ III отнесся къ этому пассивно: онъ предоставилъ вести

переговоры императрицѣ, не желая мѣшать счастью своей дочери, но и не желая оспаривать политическіе принципы канцлера. Императрица, повидимому, согласилась отсрочить пріѣздъ претендента, но она не изъ такихъ женщинъ, которыя отказываются отъ своихъ плановъ. Придется уступить, конечно, Бисмарку. Но и онъ не изъ такихъ лицъ, которыя отказываются отъ власти. Онъ можетъ на время удалиться отъ дѣлъ, а потомъ, когда бракъ будетъ заключенъ и спорный вопросъ уляжется самъ собою, можетъ примириться съ совершившимся уже фактомъ и снова взять въ свои руки управленіе имперіею. Короткій антрактъ междуцарствія не уменьшитъ его значенія, а нѣмцы до того привыкли видѣть въ немъ своего повелителя и хранителя ихъ объединенія, что не разстанутся съ нимъ, пока онъ живъ. Они никогда не выскажутъ неудовольствія противъ своего канцлера, хотя въ то же время осуждаютъ за многое своего императора. Либералы упрекаютъ его за пристрастіе къ Англіи и вывѣшиваютъ на деревьяхъ шарлоттенбургскаго парка надписи: Friedrich der Britte (Фридрихъ-британецъ, вмѣсто Friedrich der Dritte—Фридрихъ Третій). Консерваторы недовольны тѣмъ, что онъ далъ высшіе ордена двумъ министрамъ еврейскаго происхожденія и приклеили къ стѣнамъ Шарлоттенбурга надпись: «императоръ евреевъ, Фридрихъ Когенъ». Узнавъ объ этой продѣлкѣ, монархъ очень смѣялся надъ нею. Всего страннѣе, что военные недовольны производствомъ въ фельдмаршалы генерала Блументаля, бывшаго начальникомъ штаба кронпринца въ войнѣ 1866-го и 1870 года. Припомнили при этомъ, что въ войну съ Австріей, передъ Садовой, австрійскій отрядъ захватилъ часть штабнаго обоза и въ немъ нашли письма Блументаля, въ которыхъ онъ презрительно отзывался о стратегическихъ способностяхъ кронпринца, хотя удачная диверсія его на поляхъ Садовой доставила побѣду прусской арміи. Австрійцы обнародовали тогда письма начальника штаба и за свои отзывы генералъ Блументаль былъ удаленъ въ Кенигсбергъ, гдѣ оставался въ немилости до начала войны съ Франціей. Когда кронпринцъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса, онъ принялъ это назначеніе только подъ условіемъ, чтобы Блументаль былъ опредѣленъ къ нему начальникомъ штаба, и съ тѣхъ поръ не разставался съ генераломъ. Эта черта характера Фридриха III приноситъ ему величайшую честь, и трудно понять, почему другіе генералы недовольны почетомъ, оказаннымъ ихъ товарищу.

Недовольныхъ новымъ царствованіемъ вообще немало, и газеты продолжаютъ вспоминать о покойномъ императорѣ и обсуждать его политическую роль, полную такихъ странныхъ переворотовъ судьбы и счастья. Дѣйствительно, въ исторіи XIX столѣтія два монарха имѣли громадное вліяніе на событія въ Европѣ и ея политическое устройство: одинъ въ началѣ этого столѣтія, другой въ концѣ его. До 1815 года, судьба почти всѣхъ европейскихъ державъ зависѣла отъ императора французовъ; съ 1870

года,—отъ германскаго императора. Первый, доставивъ силою оружія преобладаніе Франціи, печально кончилъ свое политическое поприще; второй, печально начавъ его бѣгствомъ отъ возмутившагося народа, кончилъ тѣмъ, что сдѣлалъ этотъ народъ первымъ по силѣ и могуществу въ семьѣ европейскихъ державъ. Не обладая ни выдающимися дарованіями, ни дѣйствительно геніальнымъ военнымъ талантомъ Наполеона I, Вильгельмъ I, достигъ такой славы, которая затмила подвиги корсиканскаго авантюриста. И кто могъ бы предсказать въ первые 12 лѣтъ его блестящаго царствованія, чѣмъ оно кончится. До конца XIX столѣтія остается также 12 лѣтъ... Удержится ли въ это время новая имперія, возникшая въ Германіи, на той высотѣ, на которой стояла до 1812 года имперія Наполеона I?..

Франція, въ виду приближенія столѣтней годовщины своей «великой революціи 1789 года», кажется, собирается произвести новую революцію,—которую по счету? это трудно опредѣлить. Виною событій, вновь взволновавшихъ страну—какъ всегда—безтактность и непопулярность самого правительства. Всѣ представители общественнаго мнѣнія, всѣ органы печати говорятъ въ одинъ голосъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду, что съ такою палатою, какъ нынѣшняя—управлять страною невозможно, а между тѣмъ ни одно министерство не рѣшается распустить эту палату и произвести новые выборы, боясь, что въ новую палату пошлютъ еще больше монархистовъ, радикаловъ и даже буланжистовъ, которыхъ пуще всего боится нынѣшняя палата. Изъ-за этого-то генерала, желающаго во что бы то ни стало играть дѣятельную роль, и произошли послѣдніе безпорядки. Приверженцевъ у него въ народѣ и въ арміи очень много, но правительство поступило благоразумно, удаливъ его изъ Парижа въ маленькій городокъ, гдѣ находится главная квартира 13-го корпуса, командиромъ котораго Буланжэ назначенъ послѣ отставки отъ должности военнаго министра. Безпокойнаго генерала стали понемногу забывать, какъ вдругъ въ офиціальномъ журналѣ появилось донесеніе военнаго министра президенту республики. Ложеро требовалъ увольненія Буланже изъ дѣйствительной службы за неоднократныя нарушенія генераломъ правилъ военной дисциплины. Буланжэ, въ концѣ февраля и началѣ марта, три раза пріѣзжалъ въ Парижъ безъ разрѣшенія министра и не смотря на отказъ въ отпускѣ. По донесенію полиціи, два раза пріѣзжалъ онъ переодѣтый, въ синихъ очкахъ, и представляясь хромымъ. Министръ не разрѣшилъ пріѣзда потому, что въ это время генерала выбирали, хотя и незаконно, въ депутаты въ нѣсколькихъ департаментахъ, и появленіе его въ Парижѣ могло послужить поводомъ къ народнымъ манифестаціямъ. Подвергнутый еще въ октябрѣ прошлаго года строгому дисциплинарному взысканію, генералъ, обязанный самъ наблюдать за точнымъ выполненіемъ воинскаго устава, подавалъ дурной примѣръ офицерамъ ввѣреннаго ему

корпуса. Поэтому министръ требовалъ его увольненія. Президентъ въ тотъ же день подписалъ указъ объ отставкѣ Буланжэ. Это была громадная ошибка и совершенная безтактность. Уволенный отъ службы генералъ могъ тотчасъ же быть выбранъ въ депутаты и сдѣлаться явнымъ врагомъ правительства, которое, очевидно, испугалось популярности Буланжэ, но не сообразило, что, увольняя его, еще больше увеличиваетъ его популярность, дѣлаетъ его мученикомъ, героемъ, жертвою зависти и бездарности. И парижское населеніе отвѣчало на эту глупость правительства тѣмъ, что, собравшись передъ палатою депутатовъ, встрѣтило своихъ представителей криками въ честь Буланжэ. Тотчасъ же появилась новая газета «La Cocarde», прославляющая Буланжэ, рѣзко осуждающая парламентаризмъ и превозносящая цезаризмъ, основанный на плебисцитѣ. Газета прямо называетъ Карно измѣнникомъ, а членовъ палаты и сената трусами и болванами, и говоритъ, что близокъ день, когда парламентъ будетъ прогнанъ и для этого не нужно будетъ даже обнажать саблю, а можно довольствоваться ударомъ сапога. Рошфоръ въ своемъ «Intransigeant» говоритъ, что «Бисмаркъ нуждался въ утѣшеніи отъ горя, причиненнаго ему смертью хозяина, и французское правительство поспѣшило поднести ему это утѣшеніе—отставкою Буланжэ». Затѣмъ онъ называетъ Карно и министровъ изиѣнниками, разбойниками, лакеями, холопами. Умѣренныя газеты находятъ, что министерство поступило строго и необдуманно: если нельзя было доказать, что Буланжэ составляетъ заговоръ противъ республики, то не слѣдовало наказывать его за неважный проступокъ, которой совершаютъ всѣ командиры другихъ корпусовъ, поминутно пріѣзжающіе въ Парижъ по своимъ дѣламъ. И когда Буланжэ послѣ отставки пріѣхалъ въ столицу, толпа устроила ему восторженную овацію, а передъ Елисейскимъ дворцомъ кричала: «долой Карно! Буланжэ будетъ президентомъ республики!» Полиція съ трудомъ разогнала толпу.

Радикальная партія въ палатѣ не стала однако на сторону Буланжэ и издала прокламацію, въ которой протестуетъ противъ избирательныхъ манифестацій въ пользу генерала и отвергаетъ плебисцитъ, потому что онъ равносиленъ отреченію народа отъ своей свободы. «Вмѣшательство военныхъ вождей въ политику составляетъ не только угрозу свободнымъ учрежденіямъ страны, но и производитъ разладъ въ ея силахъ. Результатомъ такого вмѣшательства было всегда подавленіе народныхъ правъ, а карою его—пораженіе». Подписали эту прокламацію такіе радикалы, какъ Клемансо, Локруа, Лабордеръ, де ла-Форжъ, Пельтанъ. Только Лагерръ и Лезанъ, отъявленные буланжисты, отдѣлились отъ этой партіи. Въ палатѣ Кассаньякъ потребовалъ объясненія, почему уволенъ Буланжэ, и привелъ слова бисмарковскаго органа, приглашающаго французское правительство, послѣ этого перваго шага къ миру—идти до конца. «Какъ видите, приказаніе категорично, прибавилъ Кассаньякъ: министру-президен-

ту остается только его исполнить». Тираръ началъ кричать, что такіе слова—гнусны; но Кассаньякъ спокойно продолжалъ: «я не думаю, чтобы Буланжэ обладалъ качествами, необходимыми для произведенія государственнаго переворота, но страна ищетъ человѣка, который выручилъ бы ее изъ настоящаго невыносимаго положенія. Настоящіе претенденты въ изгнаніи, а теперь изъ среды республиканцевъ выступаетъ нелегальный претендентъ». Тираръ отвѣчалъ, что Буланжэ выступилъ въ роли судьи правительства, сказавъ: меня преслѣдуютъ, потому что на выборахъ оказались голоса въ мою пользу. Но когда онъ былъ военнымъ министромъ, то объявлялъ съ трибуны, что армія должна только повиноваться, и онъ никогда не позволитъ ей судить о распоряженіяхъ правительства. «Мы примѣняемъ теперь къ нему лишь его собственныя слова», прибавилъ министръ. Надъ дѣйствіями Буланжэ была назначена слѣдственная комисія и палата утвердила распоряженіе министерства. Это была его послѣдняя побѣда. Въ Марсели и Ліонѣ происходили частные выборы въ депутаты. Въ первомъ изъ этихъ городовъ, полиція захватила бюлетени съ именемъ Буланжэ, какъ незаконные, и тогда выбранъ былъ 78-лѣтній анархистъ, Феликсъ Піа; за нимъ большее число голосовъ получилъ кандидатъ, прямо заявившій себя роялистомъ, а меньше всѣхъ голосовъ получилъ умѣренный республиканецъ, сотрудникъ газеты «République française». Въ Ліонѣ за Буланжэ подано 45,000 голосовъ, хотя кандидатура его была взята назадъ. Слѣдственная комисія, составленная изъ генераловъ, личныхъ враговъ Буланжэ, подтвердила всѣ взведенныя на него обвиненія, и Карно уволилъ его въ отставку безъ прошенія, хотя съ чиномъ и пенсіею. Въ тотъ же день, парижскій апеляціонный судъ оправдалъ Вильсона и его сообщниковъ, приговоренныхъ въ первой инстанціи исправительнымъ судомъ къ строгому наказанію—двухлѣтнему тюремному заключенію, значительной пенѣ и лишенію гражданскихъ правъ. По французскимъ законамъ, продѣлки, въ родѣ вильсоновскихъ, дѣйствительно ненаказуемы, но развѣ правительство не могло хоть подождать съ объявленіемъ оправдательнаго приговора отъявленному негодяю и не сопоставлять Вильсона съ генераломъ, наказаннымъ слишкомъ сурово? Такое сопостановленіе не могло не возбудить еще больше общественное мнѣніе противъ безтактнаго и бездарнаго министерства и противъ безхарактернаго президента, утверждающаго всѣ нелѣпыя постановленія своего кабинета. Буланжэ счелъ однако нужнымъ вѣрнѣе подготовить свое избраніе въ палату,—отказался отъ кандидатуры Энскаго департамента и принялъ избраніе въ Сѣверномъ департаментѣ, гдѣ выбранъ большинствомъ 172,000 голосовъ. При этомъ онъ заявилъ и свою программу: не искать войны съ Германіей, но неусыпно готовиться къ ней, добиваться распущенія палаты и пересмотра конституціи.

Въ палатѣ Лагерръ потребовалъ также пересмотра конституціи и

еще неотложнаго. Пельтанъ заявилъ, что онъ и его друзья давно требовали того же, вмѣсто плебисцита, то есть прямаго обращенія къ народу. Бонапартистъ Жолибуа отъ имени своей партіи подтвердилъ, что и она всегда требовала пересмотра. Монархистъ Бодри д'Ассонъ требовалъ того же, но съ цѣлью «избавить страну отъ подлостей республиканцевъ.» Бриссонъ не одобрялъ пересмотра, потому что не слѣдуетъ давать удовлетворенія лицу, нападающему на республиканскія учрежденія и предлагающему распустить палату. Клемансо поддерживалъ безотлагательность пересмотра конституціи, являющейся отрицаніемъ демократическихъ принциповъ. Гоблэ говорилъ, что пересмотръ не улучшитъ положенія. Тираръ замѣтилъ, что не слѣдуетъ прибавлять новой причины смуты и затрудненій къ существующимъ уже причинамъ, и что если палата приметъ безотлагательность пересмотра, правительство выдетъ въ отставку. Палата большинствомъ 31-го голоса вотировала—безотлагательность, и кабинетъ удалился отъ дѣлъ. На другой же день, Флокэ принялъ на себя порученіе составить новый кабинетъ: въ него не вошло ни одного оппортюниста и ни одного врага Буланжэ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ Гоблэ. Флокэ, вмѣстѣ съ президентствомъ въ кабинетѣ, взялъ министерство внутреннихъ дѣлъ, Локруа—народнаго просвѣщенія, Фрейсинэ сдѣлался военнымъ министромъ; остальные портфели поручены невыдающимся личностямъ. Въ программѣ своей Флокэ ни одного слова не говоритъ о распущеніи палаты и, сочувствуя въ принципѣ пересмотру конституціи, требуетъ, чтобы палата предоставила правительству выбрать для этого удобное время. О внѣшней политикѣ въ программѣ упоминается вскользь, но обѣщаны внутреннія реформы въ республиканскомъ духѣ. Какъ всегда, премьеръ взываетъ къ единодушію, къ сплоченію партій. Но въ самый день вступленія въ управленіе новаго кабинета, палата доказала, до какой степени великъ въ ней антагонизмъ партій. На мѣсто Флокэ надо было выбрать президента палаты. На первой балотировкѣ голоса раздѣлились почти поровну между Бриссономъ, Клемансо и Андріё, на второй балотировкѣ большинство получилъ Клемансо, а Андріё потерялъ почти всѣ голоса, и явился четвертый кандидатъ; на третьей—еще пятый кандидатъ, Мелинъ, принадлежащій къ партіи Ферри и получившій ровно столько же голосовъ, какъ Клемансо. Но, какъ старшій лѣтами, онъ по закону былъ утвержденъ президентомъ палаты. Этотъ оппортюнистъ, благодаря за свое избраніе, откровенно призналъ непопулярность собранія, въ которомъ онъ сдѣлался предсѣдателемъ совершенно случайно, такъ какъ за него подали голоса только потому, чтобы не допустить Клемансо занять президентское кресло. Но это избраніе еще больше убѣждаетъ, что нынѣшняя палата совершенно непригодна для управленія страною и эта непригодность—прямое слѣдствіе непригодности нынѣшней конституціи, составленной въ 1875 году монархистами, какъ будто нарочно для того, чтобы доказать непрочность

республиканскихъ учрежденій. На пересмотръ конституціи ни сенатъ, ни президентъ республики добровольно не дадутъ своего согласія, потому что пересмотръ этотъ угрожаетъ ихъ власти. Но править страною съ такой палатою—очевидно нельзя. Какъ же выйти изъ этой дилеммы? Засѣданія палаты отсрочены до 19-го апрѣля, но можетъ ли Флокэ въ двѣ недѣли сформировать большинство, которое поддержало бы его кабинетъ? Это немыслимо безъ распущенія палаты, а новые выборы несомнѣнно пришлютъ еще больше буланжистовъ и сторонниковъ пересмотра конституціи. Стало быть, если не революція, то новый переворотъ неизбѣженъ во Франціи съ приближеніемъ къ роковому восемнадцатилѣтнему сроку, долѣе котораго не держалось ни одно французское правительство въ теченіе послѣдняго столѣтія.

Буланжэ не поѣхалъ самъ на выборы въ Сѣверный департаментъ, но послалъ къ избирателямъ прокламацію. Въ ней онъ говоритъ, между прочимъ: «вы призваны рѣшить вопросъ—позволено ли такому великому народу, какъ нашъ, довѣрять людямъ, имѣющимъ наивность думать, что можно уничтожить войну уничтоженіемъ оборонительныхъ средствъ. Когда я былъ министромъ, я говорилъ: еслибы я желалъ войны, то былъ бы безумцемъ, но еслибы я не подготовился къ ней, то былъ бы негодяемъ. Чувства мои съ тѣхъ поръ не измѣнились. Парламентъ испуганъ результатомъ собственнаго бездѣйствія. Каждый шагъ къ прогрессу, сдѣланный палатою, неизбѣжно тормозится сенатомъ. Они соединились только, когда поднялись противъ генерала, исполнявшаго свой долгъ, и карьеру котораго они разбили по такимъ неблаговиднымъ причинамъ, что никто не осмѣлится высказать ихъ открыто. Палата стала безусловно чуждою стремленіямъ страны. Чтобы помочь безсилію законодательнаго собранія, остается одно средство—распущеніе палаты и пересмотръ конституціи». Изъ прокламаціи этой видно, что Буланжэ считаетъ сенатъ тормозомъ всякаго прогресса. Это же мнѣніе высказывалось много разъ и другими партіями, признавшими также безполезность званія президента республики, по крайней мѣрѣ, съ его нынѣшними правами. Позорное участіе бывшаго президента въ продѣлкахъ его зятя еще болѣе подорвало уваженіе народа къ этому званію, безъ котораго обходилась первая республика. Кассаньякъ былъ правъ, говоря, что вору, обокравшему казну, возвратили его депутатское кресло, а генерала, оберегавшаго и казну, и отечество, прогнали со службы изъ боязни, чтобы онъ не прогналъ такихъ доблестныхъ гражданъ. Послѣ оправданія Вильсона, крикъ: долой Карно! дѣлается совершенно естественнымъ, такъ какъ Карно обязанъ своимъ мѣстомъ только гнусностямъ Греви. Но реабилитація Вильсона оправдываетъ и его почтеннаго тестя, которому слѣдуетъ теперь возвратить президентское званіе.

Что же за личность этотъ Буланжэ, которому несомнѣнно предстоитъ выдающаяся роль въ современной Франціи? Даровитый ли это генералъ,

дѣйствительно заботящійся о спасеніи и возрожденіи отечества, или мелкій честолюбецъ—авантюристъ, думающій только о своихъ личныхъ выгодахъ и о томъ, какъ бы захватить власть въ свои руки, чтобы отплатить всѣмъ своимъ врагамъ? А ихъ у него немало не только между гражданскими властями, но и между офицерами, утверждающими, что онъ ровно ничего не сдѣлалъ для арміи, когда былъ военнымъ министромъ. Военныхъ подвиговъ за нимъ нѣтъ никакихъ. Сочувствіе его къ народу, къ демократическимъ принципамъ,—очень сомнительно. И Луи-Наполеонъ толковалъ очень много въ 1849 году о безсиліи и козняхъ противъ него палаты депутатовъ, о попранныхъ народныхъ правахъ, непрошеннымъ защитникомъ которыхъ являлся этотъ мрачный заговорщикъ; но у него было, по крайней мѣрѣ, историческое имя, напоминавшее печальную, но все таки блестящую эпоху, тогда какъ у Буланжэ нѣтъ ничего, кромѣ тріальнаго прозвища и плебейскаго происхожденія. Золя называетъ Буланжэ фетишемъ, олицетвореніемъ поклоненія власти, присущаго всякому французу. Франція недаромъ была монархіей въ теченіе 18-ти вѣковъ. Шарики ея крови—монархистскіе и носятъ слѣды могучаго атавизма. Толпа видѣла уже своего спасителя въ Гамбеттѣ, но это была даровитая личность, тогда какъ Буланжэ не болѣе какъ идея, абстракція. Но онъ также легко можетъ достигнуть диктатуры, какъ и Луи-Наполеонъ. Во всякомъ случаѣ, президентомъ республики ему сдѣлаться нетрудно, если онъ не захочетъ быть чѣмъ нибудь больше. Но если его выдвинулъ впередъ случай, то чтобы удержаться на извѣстной высотѣ, нужно все таки умѣнье. Найдется ли оно у него—покажетъ близкое будущее. Конечно, очень печально преобладаніе военщины и диктатуры, но оно все таки лучше анархіи и власти демагоговъ.

Революція начиналась и въ Румыніи, и если не вспыхнула со всей силою, то благодаря тому, что виновники ея удалились во-время съ политической арены. Въ прошлой книгѣ нашего журнала мы представили печальную картину положенія этой страны, управляемой невозможными министрами, указавъ на подвиги этихъ достойныхъ сподвижниковъ Братіано, который долженъ былъ подать въ отставку подъ напоромъ общественнаго негодованія. Но можно ли было королю Карлу разстаться съ такимъ неоцѣненнымъ товарищемъ и сподвижникомъ? Неохотно обращался Гогенцоллернъ къ болѣе или менѣе виднымъ политическимъ дѣятелямъ для сформированія новаго кабинета, но всѣ они, видя желаніе короля оставить управленіе въ рукахъ своего стараго сообщника, отказались вступить въ министерство. Тогда Братіано очень спокойно объявилъ, что беретъ опять власть въ свои руки и выберетъ только новыхъ министровъ изъ неслишкомъ уже проворовавшихся лицъ. Такая развязка переполнила чашу терпѣнія бѣдныхъ румынъ и они порѣшили избавиться, наконецъ, отъ человѣка, болѣе 12-ти лѣтъ систематически истреблявшаго въ странѣ всѣ

народныя и конституціонныя права. Члены палаты, принадлежащіе къ оппозиціи, съ Катарджи во главѣ, отправились 26 марта къ королю просить его—не навязывать странѣ ненавистнаго всѣмъ Братіано. Депутатамъ удалось хитростью пробраться во дворецъ, оцѣпленный со всѣхъ сторонъ войсками. Но это ни къ чему не послужило. Когда они потребовали аудіенціи, король прислалъ сказать, что обѣдаетъ и не можетъ принять ихъ. Катарджи заявилъ дежурному генералъ-адьютанту, что не оставитъ дворца, пока король не выслушаетъ его. Послѣдовалъ вторичный отказъ и депутатовъ силою вытѣснили на площадь передъ дворцомъ, гдѣ народъ ждалъ результатовъ ихъ попытки. Видя, чѣмъ она кончилась, толпа пришла въ негодованіе. Поднялись крики, въ окна дворца полетѣли камни, войско ударило въ штыки и народъ побѣжалъ съ окровавленной площади, оставляя раненыхъ. Въ тотъ же вечеръ, толпы народа осадили одинъ домъ, гдѣ устраивался банкетъ въ честь Братіано, чтобы отпраздновать его вторичное вступленіе въ министерство. Полиція съ трудомъ разогнала осаждающихъ. На другой день громадныя массы народа вторглись въ палату депутатовъ, не скрывая своей цѣли—покончить съ Братіано. Но его не было въ палатѣ; въ этотъ самый часъ онъ былъ призванъ къ королю, и это спасло его. У входа въ палату произошло новое столкновеніе между войскомъ и народомъ. Съ обѣихъ сторонъ были пущены въ ходъ револьверы. Депутатъ Филипеско выстрѣлилъ въ приверженца Братіано, но попалъ въ квестора палаты и пуля убила его наповалъ. Въ палатѣ депутатовъ Карпъ едва не выбросилъ въ окно министра Стурдзу. На третій день волненіе въ Бухарестѣ было такъ сильно и приняло такое антидинастическое направленіе, что Братіано самъ счелъ за лучшее вторично и окончательно подать въ отставку. Король принужденъ былъ устранить его и назначилъ премьеромъ Розетти, который тотчасъ же пригласилъ въ кабинетъ Карпа. Болѣе всего возмутилъ страну слухъ, что король заключилъ тайный договоръ съ Австріей, отдававшій Румынію въ руки Габсбурговъ, на случай войны съ Россіею. На этотъ договоръ намекалъ Братіано за три дня до своей вторичной отставки въ рѣчи, дышащей ненавистью къ Россіи и Франціи. Такъ, онъ клеветалъ на Киселева, говоря, что этотъ сановникъ, оставляя управленіе дунайскими княжествами, долженъ былъ вознаграждать жителей округовъ за убытки, нанесенные имъ воровствомъ русскихъ чиновниковъ; упрекалъ Горчакова, что тотъ не хотѣлъ заключить съ нимъ договора о проходѣ русскихъ войскъ черезъ Румынію въ 1877 году. «А теперь,—закончилъ свою рѣчь Братіано,—всякій, кто вступитъ на нашу землю противъ нашей воли—встрѣтитъ насъ передъ собою: мы съумѣемъ защищаться и пролить свою кровь за отечество». Наглость этого политическаго проходимца равняется только наглости офиціальнаго органа австрійскаго премьера, газеты «FremdenBlatt», которая обвиняетъ Россію въ бухарестскихъ без-

порядкахъ и говоритъ даже, что движеніемъ руководилъ нашъ посланникъ. «Что дѣлалъ г. Хитрово со своими секретарями на улицѣ?—спрашиваетъ «Fremdenblatt»,—и почему онъ не былъ во время волненія при королѣ, какъ представители другихъ державъ?» Тѣ же обвиненія сыплютъ и другіе вѣнскіе офиціозы, видящіе во всемъ русскіе происки. Они совсѣмъ потеряли голову—и можно ли имъ не бранить Россію, послѣ того какъ они набросились на Бисмарка за то, что, не соглашаясь на бракъ Баттенберга, онъ приводитъ, между другими причинами невозможности этого союза, и то обстоятельство, что онъ будетъ непріятенъ для Россіи, хотя, собственно говоря, намъ нѣтъ никакого дѣла до романа сливницкаго героя съ тремя Викторіями: бабушкою, дочерью и внучкою, которыя всѣ втроемъ, пожалуй, одержатъ побѣду надъ германскимъ канцлеромъ.

Въ Сербіи еще нѣтъ революціи, но она тамъ еще неизбѣжнѣе, чѣмъ въ Румыніи, и сербамъ еще необходимѣе избавиться отъ своего Милана, чѣмъ румынамъ отъ своего Гогенцоллерна. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, предоставивъ все своему премьеру, жуируетъ, а не управляетъ, тогда какъ Миланъ непремѣнно хочетъ возвратить власть своему излюбленному Гарашанину и силится при всякомъ случаѣ высказать свою ненависть къ Россіи. Сербская скупщина открылась безъ тронной рѣчи,—чего никогда не было,—потому что Миланъ хотѣлъ ввернуть въ эту рѣчь фразу о томъ, что «Сербія находится въ очень дружественныхъ отношеніяхъ съ лигою мира и потому, въ случаѣ войны, интересы ея совершенно обезпечены». Всѣ министры наотрѣзъ отказались помѣстить въ тронную рѣчь эту фразу. Король настаивалъ, говоря, что это его личная рѣчь. Министры отвѣчали, что фраза эта—прямой вызовъ по отношенію къ Россіи, съ которой Сербія должна быть въ лучшихъ отношеніяхъ, и что они выдутъ въ отставку, но не допустятъ произнесенія такихъ фразъ. Разсерженный Миланъ сказалъ, что тогда онъ вовсе не будетъ читать никакой рѣчи. Тѣмъ дѣло пока и кончилось; но что злобный и мстительный ставленникъ Австріи прогонитъ за это своихъ министровъ,—это несомнѣнно въ близкомъ будущемъ.

Въ Болгаріи ожидаемое возвращеніе Баттенберга, съ титуломъ болгарскаго короля и зятя германскаго императора, окончательно обезкуражило бѣднаго Кобурга, который не знаетъ, что ему дѣлать и каждую минуту ждетъ, что его прогонятъ свои же офицеры или Стамбуловъ, предлагающій всѣмъ—тотчасъ же выслать изъ Болгаріи этого жалкаго «избранника народа», какъ только самому Стамбулову гарантируютъ несмѣняемость или, по крайней мѣрѣ, ненаказуемость за все прошлое. Маменька Клементина напрасно ѣздитъ по Европѣ, вымаливая вездѣ сочувствіе къ сынку и малую толику деньжонокъ, безъ которыхъ повелителю Болгаріи приходится рѣшительно положить зубы на полку. Деньги въ Болгаріи, конечно, есть—надо знать только, гдѣ ихъ найти. Стамбуловъ и нашелъ

ихъ—въ карманахъ у майора Попова, наворовавшаго столько изъ казны, что его пришлось отдать подъ судъ, на что съ величайшимъ огорченіемъ согласился его другъ и покровитель Кобургъ. А тутъ еще газеты смѣютъ писать, что «власть попала въ ужасныя, преступныя руки и всего возмутительнѣе утвержденіе правителей, что все насиліе и безобразіе совершается въ Болгаріи волею и желаніемъ народа. Побои, дубины, изгнаніе, истязанія, военное положеніе, убійство болгарскихъ гражданъ у избирательныхъ урнъ—и все это народная воля!» Конечно, за эту откровенность газета «Трновская Конституція» и ея редакторъ Словейковъ преданы суду, но старика Словейкова неловко драть въ полиціи, какъ отодрали другаго, малоизвѣстнаго редактора газеты «Народныя права», выписавъ ему эти права на спинѣ такъ усердно, что онъ обратился въ судъ. Но полиція на запросъ прокурора отвѣчала, что редакторъ самъ себя высѣкъ. И почему же не высѣчь журналиста въ странѣ, гдѣ сѣкутъ бывшихъ министровъ и настоящихъ священниковъ?..

НОВЫЯ КНИГИ.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бахтіарова.* Изданіе Ф. Павленкова. 1888.

Г. Павленковъ принадлежитъ къ числу издателей, о которыхъ нельзя не сказать добраго слова. Не смотря на многія невзгоды, постигшія его на этомъ поприщѣ, онъ не упалъ духомъ и продолжаетъ неутомимо выпускать въ свѣтъ учебныя пособія и руководства, книги для дѣтей и юношества, а также по литературѣ, публицистикѣ, законовѣдѣнію. Многія изъ его изданій пріобрѣли почетную извѣстность, какъ собраніе сочиненій Глѣба Успенскаго, «Нашъ другъ» (14 изданій) и «Итоги народнаго образованія» Н. А. Корфа, «Очерки самоуправленія», «Борьба съ земельнымъ хищничествомъ», «Вятская незабудка», «Законы о гражданскихъ договорахъ» (четыре изданія), курсы Гано (6 изд.), Тиссандье, Госпиталье (2 изд,), Ломброзо, географія Корнеля (16-ть изд.) Наглядная азбука (9 изд.), Азбука-копѣйка (7 изд.) и пр. и пр. Перечень хорошихъ книгъ, вышедшихъ подъ его редакціей, занялъ бы нѣсколько страницъ. Въ изданіяхъ его выдается особенно стремленіе къ популяризаціи научныхъ свѣдѣній. Къ тому же роду книгъ относится и «Брюхо Петербурга». Это рядъ очерковъ, изслѣдующихъ источники продовольствія нашей столицы. Къ сожалѣнію, очерки эти отрывочны, безсистемны, и сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія не полны. Такъ, описывая Сѣнной и Щукинъ

рынки, г. Бахтіаровъ пропускаетъ Андреевскій рынокъ и центры подвоза продуктовъ изъ Финляндіи. Полнѣе и подробнѣе описаны «Городскія бойни», но и тутъ статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, могли бы быть нѣсколько свѣжѣе. Такъ, у него цифры населенія и количества скота въ Донской области относятся къ 1881 году и даже число быковъ, привезенныхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, доставляющей $^3/_4$ всего скота, въ столицу, показано въ томъ же 1881 году. Торговля дичью и фруктами на Щукиномъ рынкѣ изложена довольно полно, но о хлѣбѣ на Калашниковской пристани хотѣлось бы имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, также какъ и о торговлѣ рыбою на садкахъ и сельдяномъ буянѣ. Данныя объ уловѣ лосося, миноги, трески очень скудны. Свѣдѣнія о торговлѣ черезъ Кронштадтъ и по морскому каналу также недостаточны, да и не относятся прямо къ столицѣ. Не имѣетъ также прямаго отношенія къ предмету книги и вся вторая часть ея, носящая общее заглавіе: «Слуги столичнаго брюха». Въ девяти очеркахъ, входящихъ въ составъ этого отдѣла, авторъ говоритъ о крестьянахъ, приходящихъ въ столицу на заработки, о петербургскихъ татарахъ, пригородныхъ чухнахъ, тряпичникахъ, букинистахъ, живописцахъ вывѣсокъ, уличныхъ мальчишкахъ, нищихъ и о народныхъ гуляньяхъ на Марсовомъ полѣ. Бо́льшая часть этихъ очерковъ не имѣетъ никакого отношенія къ «брюху Петербурга», а между тѣмъ нѣтъ вовсе очерковъ торговли водкой, виномъ, пивомъ, даже квасомъ; о продажѣ молока говорится вскользь, о торговлѣ мелочныхъ лавочекъ, трактировъ, закусочныхъ, булочныхъ, кухмистерскихъ—ни одного слова; даже о чаѣ ровно ничего. Вообще бросается въ глаза отсутствіе всякой системы при составленіи книги. Очевидно — это сборникъ статей, появлявшихся въ ежедневныхъ листкахъ мелкой прессы. Но не все то, что́ умѣстно въ «Петербургской Газетѣ», пригодно для изданія, претендующаго на серьезную цѣль. И однако́, не смотря на всѣ пробѣлы и недостатки книги г. Бахтіарова, интересъ ко всему, что касается жизни столицы съ милліоннымъ населеніемъ, такъ великъ, что сборникъ читается все таки съ большимъ любопытствомъ. Его оживляютъ въ особенности бесѣды автора съ представителями разныхъ слоевъ столичнаго населенія, переданныя живымъ литературнымъ языкомъ.

М. Урсинъ. **Очерки изъ психологіи славянскаго племени.** Славянофилы. 1887.

Въ Германіи, въ настоящее время, въ большомъ ходу такъ называемая «племенная психологія», имѣющая даже свой спеціальный періодическій органъ: «Zeitschrift für Völkerpsychologie», редактируемый Лацарусомъ и Штейнталемъ. Цѣль журнала, весьма важная для исторіи и литературы каждаго племени — указать и опредѣлить его выдающіяся характерныя особенности, отличающія его отъ другихъ племенъ. Такой психологической чертой славянскаго племени авторъ считаетъ — мистическій патріотизмъ,

извѣстный въ Россіи подъ названіемъ славянофильства, въ Польшѣ—мессіанизма, и заключающійся въ томъ, что національныя стремленія появились у насъ въ формѣ мистической вѣры въ особое наше призваніе: возродить погрязшій въ раціонализмѣ міръ съ помощью живаго начала—чувства, которое еще сохранилось у насъ и продолжаетъ развиваться. Отождествляя славянофильство съ мессіанизмомъ, авторъ хотя и далъ своей книгѣ подзаглавіе «Славянофилы», посвящаетъ имъ только двѣ главы, одну о Хомяковѣ, другую о Шевченко и Гоголѣ, хотя двухъ послѣднихъ трудно причислить къ славянофиламъ. Остальныя пять главъ посвящены полякамъ: Мицкевичу, Словацкому, Товянскому, Красинскому и сербу Прерадовичу. Поэтому, бо́льшая часть книги отведена мессіанизму и полякамъ, quorum pars magna fuit. Очертивъ «внутренній обликъ величайшихъ поэтовъ и мыслителей (?) славянства», авторъ приходитъ къ заключенію, что «никто изъ нихъ не умѣлъ трезво взглянуть на дѣйствительность; всѣ стали проповѣдниками безумнаго ученія. Въ польскомъ мессіанизмѣ проявились чувство и фантазія, но въ немъ слабо критическое начало. Направленіе украинскаго мессіанизма въ произведеніяхъ Шевченко и Гоголя лишено энергіи чувства и полно безнадежно унылаго отношенія къ дѣйствительности». Но, не говоря уже о несправедливомъ обвиненіи Шевченко и Гоголя въ недостаткѣ чувства, трудно понять, почему автору вздумалось причислить къ украинскимъ мессіонистамъ—Гоголя, который только родился въ Малороссіи, никогда не писалъ на ея жаргонѣ, и лучшія его произведенія («Мертвыя души», «Ревизоръ») не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Вообще, парадоксовъ и ложныхъ взглядовъ въ книгѣ множество. «Польша никогда не завоевывала сосѣднихъ народовъ». А Малороссія? А попытки поляковъ захватить Россію? «Никакая страна не пользовалась такой общественной свободой, какъ Польша». То есть, тамъ король и шляхта имѣли полную свободу—угнетать остальную массу народа. Почему представителемъ юго-славянскаго мессіанизма выбранъ хорватъ Прерадовичъ, а не Штуръ или Колляръ? Да и самое отождествленіе славянофильства съ мессіанизмомъ также парадоксально. Не одни славянскія племена вѣрятъ въ свое особое призваніе—возродить остальной міръ. Эту претензію имѣли всѣ націи, достигавшія извѣстной степени могущества. Развѣ Франція не стремилась своими «великими принципами 89-го года» обновить человѣчество? Развѣ Германія не проповѣдуетъ теперь свое призваніе подчинить весь міръ своей гегемоніи? Развѣ, наконецъ, народъ, издревле считающій себя избраннымъ и до сихъ поръ ждущій своего мессію, не убѣжденъ въ томъ, что всѣ племена міра признаютъ его владычество? Мистическій патріотизмъ сроденъ всѣмъ націямъ и нѣтъ достаточныхъ источниковъ и логическихъ основаній приписывать его однимъ славянамъ. Онъ содѣйствовалъ развитію иныхъ племенъ, хотя другимъ принесъ вредъ, и къ нему надо относиться чрезвычайно осторожно. Авторъ отдаетъ справедливость нашимъ

славянофиламъ, называетъ Хомякова однимъ изъ величайшихъ русскихъ людей; онъ безпристрастенъ даже къ Мицкевичу, находя, что въ его мысляхъ нѣтъ ни порядка, ни опредѣленности, и что никто не вѣритъ въ его идеалы. Но М. Урсинъ все таки полякъ, увлекающійся національными предубѣжденіями. Восхищаясь сумасбродными произведеніями Словацкаго, онъ посвящаетъ цѣлыя главы изложенію ученія помѣшаннаго Товянскаго, называвшаго Наполеона величайшимъ геніемъ, какого когда либо видѣлъ міръ послѣ Христа, или серьезно разбираетъ мысль, что «сеймъ былъ, по всеобщему мнѣнію, учрежденіемъ святаго духа, а избранный имъ король былъ посредникомъ между политикой и религіей, почему главнымъ качествомъ его было благочестіе». Ничего подобнаго не проповѣдывало никогда наше славянофильство, всегда различавшее земскіе соборы отъ церковныхъ. И Хомяковъ былъ совершенно правъ, говоря, что «католицизмъ, и по внѣшнему, и по внутреннему устройству, напоминаетъ не церковь—дѣло божіе, но государство—созданіе человѣческихъ усилій, ибо между людьми и Богомъ поставленъ, какъ посредникъ, папа—единственный и непогрѣшимый истолкователь заповѣдей и замысловъ божіихъ; католики—его безгласные подданные, а духовенство—чиновники, слѣпо исполняющіе повелѣнія первосвященника». Немного же, послѣ этого опредѣленія, можно найти точекъ соприкосновенія между католическимъ мессіанизмомъ и русскимъ славянофильствомъ.

Памяти А. И. Полежаева. Біографическій очеркъ по вновь собраннымъ матерьяламъ. *П. А. Ефремова.* 1888.

Пятидесятилѣтняя годовщина смерти даровитаго поэта, наступившая 16 января нынѣшняго года, сдѣлала его сочиненія общимъ достояніемъ, и нашъ извѣстный библіографъ и знатокъ русской литературы, П. А. Ефремовъ, занимается въ настоящее время редакціей полнаго собранія сочиненій рано погибшаго писателя. Какой-то московскій аферистъ поторопился уже выпустить въ свѣтъ подобное собраніе, наполненное безчисленными пропусками и промахами, но это, конечно, не помѣшаетъ исполнить въ Петербургѣ изданіе, чуждое всякихъ спекулятивныхъ цѣлей и вполнѣ достойное талантливаго поэта. Въ ожиданіи появленія этого труда, возникшій въ нынѣшнемъ году журналъ «Пантеонъ Литературы», помѣстилъ очеркъ, посвященный памяти Полежаева, вышедшій и отдѣльной брошюрой. Авторъ его имѣлъ возможность по новымъ матерьяламъ возсоздать жизнь поэта, остановленнаго въ своемъ развитіи вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, погубившихъ поэта на 33-мъ году его бурной жизни. Незаконный сынъ пензенскаго помѣщика, Полежаевъ уже по рожденію принадлежалъ къ литературному міру, такъ какъ дѣдъ его И. Струйскій писалъ стихи и разсказы и печаталъ ихъ въ своей сельской типографіи. Приписанный къ саранскому мѣщанству, Полежаевъ получилъ основательное образованіе въ лучшемъ пансіонѣ Москвы и потомъ въ университетѣ,

гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1826 году, начавъ печатать свои стихи въ 1825-мъ. На университетскихъ актахъ онъ читалъ и официальныя стихотворенія, но въ то же время написалъ поэму «Сашка», въ которой описывалъ свои похожденія и кутежи съ товарищами. Молодости свойственны увлеченія и, предаваясь имъ, она нерѣдко доходитъ до крайностей, если не въ дѣйствительности, то въ своей фантазіи. Рисуя себя въ поэмѣ, которой далъ свое имя, Полежаевъ всклепалъ на себя и своихъ товарищей такія безобразныя выходки, какихъ никогда и не было, и невольно удивляешься, какъ могъ г. Рябининъ, печатая въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 года «Сашку», повѣрить дѣйствительности всѣхъ похожденій героя и составить по немъ фантастическую біографію Полежаева. Г. Ефремовъ совершенно основательно замѣчаетъ, что «Сашка», за исключеніемъ двухъ-трехъ строфъ, рѣзкихъ въ политическомъ отношеніи, вовсе не такъ циниченъ, какъ три школьныя поэмы Лермонтова, и не проникнутъ атеизмомъ, какъ лицейская поэма Пушкина. Но, черезъ полгода послѣ 14-го декабря, поэма «Сашка» показалась страшнымъ преступленіемъ. Схваченный почью, поэтъ привезенъ былъ къ государю, находившемуся въ Москвѣ по случаю коронаціи, долженъ былъ прочесть свою поэму и былъ отданъ въ солдаты, въ бутырскій полкъ, куда принятъ, какъ кончившій курсъ студентъ—унтеръ-офицеромъ. Не вынося казарменной жизни, въ эпоху, когда со стороны начальства не допускалось никакого послабленія «политическому преступнику», Полежаевъ нѣсколько разъ просилъ помилованія, но, не получая никакого отвѣта, самовольно оставилъ полкъ и пошелъ въ Петербургъ лично просить государя. На дорогѣ онъ однако одумался, вернулся обратно и былъ разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ личнаго дворянства, безъ выслуги. Не видя никакого выхода, оставленный всѣми, Полежаевъ сталъ пить и однажды, въ пьяномъ видѣ, выругалъ фельдфебеля. Годъ просидѣлъ онъ въ кандалахъ и ему угрожали шпицрутены, но, «въ уваженіе весьма молодыхъ лѣтъ», онъ былъ прощенъ и переведенъ въ другой полкъ. Въ 1829 году начали вновь появляться въ журналахъ его стихи, и полкъ, гдѣ онъ служилъ, отправленъ на Кавказъ. Съ 1830 года поэтъ постоянно находился въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и за отличіе произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ 1833 году его полкъ вернулся въ Москву, но Полежаевъ только продолжалъ пить и писалъ мало. Брошенный родными, терпя нищету, онъ былъ гордъ и честенъ до щепетильности. Пославъ въ Петербургъ стихи «Божій судъ», онъ отказался прибавить къ нимъ просьбу о прощеніи, говоря: «я противъ царя ни въ чемъ не виноватъ; просить прощенія не въ чемъ». Здоровье его становилось все хуже, развилась чахотка, онъ поступилъ въ военный госпиталь, гдѣ и умеръ, получивъ за нѣсколько дней до смерти чинъ прапорщика. Трупъ былъ вынесенъ въ подвалъ, и когда одинъ изъ друзей поэта пришелъ просить тѣло для погребенія, оказалось, что крысы объѣли одну ногу. Похоронили его въ

офицерскомъ мундирѣ, хотѣли поставить памятникъ, но не исполнили этого, и могила поэта затерялась. Лучшая оцѣнка Полежаева сдѣлана Бѣлинскимъ, который напрасно сказалъ только, что поэтъ, «кромѣ самого себя, никого не имѣетъ права обвинять въ своей гибели». Добролюбовъ ясно доказалъ неосновательность такого вывода, и новѣйшимъ біографамъ поэта, помѣстившимъ статьи объ немъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Нивѣ», и «Звѣздѣ», не слѣдовало бы повторять несправедливаго сужденія критика, не знавшаго въ то время подробностей жизни Полежаева. Стихотворенія его выдержали семь изданій: два изъ нихъ, г. Солдатенкова (1857 и 59 г.), хороши, но далеко не полны. Послѣднее, г. Улитина, непростительно плохо, что̀ подробно доказываетъ г. Ефремовъ въ концѣ своей брошюры.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Небольшая экскурсія въ область политики.—Цѣль этой экскурсіи.—Лучъ свѣта, брошенный новымъ германскимъ императоромъ, Фридрихомъ III, на вопросъ о высшемъ образованіи.—Необходимость усиленія воспитательнаго начала въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Слухи, возникшіе по поводу недавнихъ студенческихъ безпорядковъ.—Значеніе и характеристическія особенности этихъ слуховъ. — Нелѣпость существующаго будто бы проэкта о лишеніи профессоровъ жалованья въ случаѣ закрытія университета вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ.—Нѣсколько замѣчаній по поводу этого проэкта.—Докладъ профессора А. А. Исаева о главнѣйшихъ причинахъ переживаемаго нами сельско-хозяйственнаго кризиса и мѣры къ его устраненію. — Устройство переселеній земледѣльцевъ en grand. — Невозможность осуществленія этой мѣры. — Бѣглый взглядъ на мѣры къ устраненію сельско-хозяйственнаго кризиса, предлагаемыя К. И. Масляниковымъ, въ журналѣ: „Сельскій Хозяинъ“.—Польза учрежденія хлѣбной инспекціи. — Способы ея организаціи. — Анализъ другихъ мѣропріятій къ устраненію сельско-хозяйственнаго кризиса. — Нѣсколько словъ по поводу дѣятельности высочайше учрежденной комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. Плеве.—Наши pia desideria.

Въ то время, какъ вся Европа, благодаря совершившемуся недавно историческому событію,—восшествію на германскій престолъ безнадежно-больнаго физически, но духовно-мощнаго германскаго кронпринца, подъ именемъ императора Фридриха III,—почуяла на время миръ и спокойствіе, у вашего покорнаго слуги, любезный читатель, возникла продерзостная мысль совершить маленькій захватъ у своего мирнаго сосѣда, политическаго хроникера, вторгаясь въ отведенную ему область. Въ свое оправданіе спѣшимъ однако заявить, что мы рѣшились на такой непозволительный поступокъ, какъ нарушеніе территоріальныхъ правъ своего мирнаго сосѣда, не съ тѣмъ, чтобы разсѣять нависшій на политическомъ горизонтѣ туманъ,—ибо ничуть не считаемъ себя болѣе прозорливымъ въ политическихъ вопросахъ, не-

жели нашъ сосѣдъ, да и едва ли теперь кто нибудь въ силахъ превозмочь „неопредѣленность“ и „туманность“ политическаго положенія. Наше намѣреніе — болѣе скромное и, строго говоря, ничего общаго не имѣющее съ международной политикой. Оно направлено исключительно къ тому, чтобы на этотъ разъ изъ области политическаго хаоса заимствовать случайно мелькнувшій слабый лучъ свѣта, который, хотя и показался на германскомъ небосклонѣ, но, по нашему убѣжденію, долженъ отразиться во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, не исключая и нашего отечества. Дѣло вотъ въ чемъ. Совершая на дняхъ маленькую рекогносцировку въ покрытой мракомъ территоріи нашего сосѣда, мы нечаянно наткнулись на необычайно свѣтлую точку, которая,— чѣмъ ближе и пристальнѣе всматриваешься въ нее,—тѣмъ ярче выступаетъ на темномъ фонѣ, такъ что невольно проникаешься сознаніемъ, что она не можетъ и не должна померкнуть безслѣдно не только въ той странѣ, гдѣ она впервые появилась, но и далеко за ея предѣлами. Мы говоримъ о той зрѣло-продуманной и высоко-философской мысли, которую высказалъ новый германскій императоръ, Фридрихъ Ш, въ рескриптѣ на имя „желѣзнаго канцлера“, князя Бисмарка, по вопросу о высшемъ образованіи. По этому вопросу, вездѣ и всюду за послѣднее время господствуетъ столько различныхъ мнѣній, теченій и вѣяній, что отрезвляющее слово царственной особы такихъ зрѣлыхъ лѣтъ, какъ нынѣшній германскій императоръ, не можетъ не имѣть самаго благотворнаго вліянія на разъясненіе всей этой путаницы.

Хотя наши читатели несомнѣнно хорошо запомнили текстъ вышеупомянутаго рескрипта, мы тѣмъ не менѣе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести здѣсь ту его часть, въ которой новый германскій императоръ такъ рельефно выразилъ свой взглядъ на вышеупомянутый вопросъ.

„Съ соціальными вопросами,—заявляетъ Фридрихъ Ш,—тѣсно связанными я считаю попеченія, обращенныя на воспитаніе подростающихъ поколѣній. Если, съ одной стороны, необходимо высшее образованіе сдѣлать доступнымъ все болѣе и болѣе широкому кругу лицъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ принять мѣры предосторожности, чтобы полуобразованіе не создавало серьезныхъ опасностей, чтобы *не пробуждались притязанія, которыхъ не могутъ удовлетворить экономическія силы народа*; равно слѣдуетъ избѣгать, чтобы при одностороннемъ стремленіи къ пріумноженію знаній *не оставались втунѣ задачи воспитанія юношества.* Только тогда, когда молодое поколѣніе выростетъ въ здравыхъ началахъ богобоязненности, въ простотѣ нравовъ,—оно будетъ владѣть достаточной силой сопротивленія, чтобы преодолѣть опасности, которыя возникаютъ для общества въ настоящее время быстрыхъ экономическихъ движеній, благодаря примѣрамъ высоко приподнятыхъ требованій отъ жизни отдѣльныхъ лицъ“.

Въ этой маленькой цитатѣ содержится едва ли не цѣлый философскій трактатъ, каждая фраза котораго обнаруживаетъ въ ея авторѣ свѣтлый, самостоятельный умъ мыслителя и политика. Ему общедоступность высшаго образованія не только не страшна, но,

наоборотъ, даже представляется необходимостью. Тѣмъ, которые опасаются возрастающаго числа лицъ съ высшимъ образованіемъ, новый германскій императоръ какъ бы даетъ понять, что „у страха глаза велики", и что онъ рѣшительно не раздѣляетъ ихъ опасеній. Но, съ другой стороны, Фридрихъ III категорически требуетъ, чтобы высшее образованіе было дѣйствительно *„высшимъ*, а *не полуобразованіемъ*, вполнѣ основательно выставляя на видъ, что послѣднее можетъ создавать серьезныя опасности. Далѣе, отъ него, какъ и отъ всѣхъ серьезныхъ мыслителей новѣйшей формаціи, не ускользнуло и то обстоятельство, что у лицъ съ высшимъ образованіемъ естественно возникаютъ и высшія потребности, а между тѣмъ современныя экономическія условія таковы, что притязанія лицъ съ высшимъ образованіемъ весьма трудно удовлетворяются на практикѣ; это же обстоятельство обыкновенно порождаетъ массу людей недовольныхъ, считающихъ себя, почему-то, обиженными судьбою и готовыхъ, вслѣдствіе этого, на всевозможныя предпріятія, совсѣмъ нежелательныя въ интересахъ общественнаго благосостоянія. Противъ этихъ нежелательныхъ явленій императоръ рекомендуетъ принять мѣры предосторожности, одна изъ которыхъ тутъ же имъ самимъ и указывается. Мѣра эта—развитіе *воспитательнаго* начала, которое даетъ юношеству „достаточную силу преодолѣть опасности, которыя возникаютъ для общества, благодаря примѣрамъ высоко приподнятыхъ требованій отъ жизни отдѣльныхъ лицъ". Какими средствами можетъ быть достигнуто поднятіе уровня воспитательнаго начала въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Объ этомъ въ рескриптѣ новаго германскаго императора не упоминается. Но эти средства настолько элементарны сами по себѣ, что объ нихъ и распространяться не приходится, лишь бы только тѣ, кому ввѣряется воспитаніе юношества, достаточно проникліись сознаніемъ необходимости воспитательнаго начала. Но это-то сознаніе, къ сожалѣнію, присуще только весьма немногимъ педагогамъ и лицамъ призваннымъ пещись о школѣ и ея питомцахъ. За примѣрами далеко ходить нечего, — они у насъ на глазахъ, и это-то обстоятельство собственно и заставило насъ остановить вниманіе читателей на многознаменательномъ призывѣ новаго германскаго императора.

У всѣхъ, конечно, еще свѣжи въ памяти недавно разыгравшіяся во многихъ нашихъ университетахъ, такъ называемыя, „студенческія исторіи". Мы въ свое время обошли ихъ молчаніемъ по слѣдующей причинѣ. Всякая „исторія" въ моментъ, когда она разыгрывается, весьма трудно поддается хладнокровной и безпристрастной оцѣнкѣ. Недаромъ, напримѣръ, многіе у насъ серьезно повѣрили нелѣпой выдумкѣ, что недавніе студенческіе безпорядки подготовлялись и поддерживались какою-то незримой иностранной „интригой", или, — что еще нелѣпѣе, — живущими за границей русскими эмигрантами, почему-то вновь расправляющими свои обрѣзанныя крылья. Мы всегда были того мнѣнія, что причина причинъ всѣхъ студенческихъ исторій всегда лежала въ распущенности нашихъ нравовъ вообще, въ отсутствіи правильной, *разумной дисциплины* умовъ и характеровъ, равно отстоящей и

отъ „ежевыхъ рукавицъ“, и отъ дикаго послабленія всѣмъ разнузданнымъ инстинктамъ до наклонности къ кулачной расправѣ включительно, — словомъ, въ полномъ крушеніи у насъ начала *воспитательнаго*. Не воспитываетъ семья, не воспитываютъ и общественные нравы...

Затрогивая въ настоящее время недавнія университетскія „исторіи“, которыя теперь во всякомъ случаѣ уже сошли со сцены, мы предвидимъ упрекъ въ нѣкоторой отсталости, за то, что выступаемъ на арену post festum. Но, какъ читатели сейчасъ увидятъ, наше слово и теперь еще не лишнее, такъ какъ недавнія „студенческія исторіи“, хотя теперь и сданы въ архивъ, тѣмъ не менѣе все еще, повидимому, продолжаютъ служить многимъ досужимъ людямъ благодарной канвой для вышиванія различныхъ узоровъ, въ видѣ многообѣщающихъ „прожектовъ“, слухи о которыхъ уже успѣли проникнуть даже въ нашу провинціальную печать. Всѣхъ этихъ слуховъ, по большей части, крайне нелѣпыхъ и не менѣе „вредоносныхъ“,—и не перечтешь. Но объ одномъ изъ нихъ, наиболѣе характерномъ и иллюстрирующемъ умственную расшатанность извѣстныхъ кружковъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Слухъ этотъ состоитъ вотъ въ чемъ. Существуетъ будто бы проэктъ, что въ случаѣ повторенія университетскихъ безпорядковъ, которые повлекутъ за собою закрытіе университета, производство жалованья профессорамъ будетъ прекращено на все время, пока университетъ будетъ закрытъ, а по другой версіи—даже на цѣлый семестръ. Смыслъ этого безподобнаго проэкта очевидно таковъ, что, если лишить профессоровъ жалованья въ случаѣ студенческихъ безпорядковъ, то профессора, изъ опасенія потерять его, всѣми силами будутъ стараться удерживать студентовъ отъ безпорядковъ, и тогда этимъ безпорядкамъ настанетъ вожделѣнный конецъ. Quod erat demonstrandum.

Посмотримъ однако, на чемъ собственно основываются разсчеты упомянутаго проэкта. Для того, чтобы уловить его исходную точку, не надобно, конечно, обладать особой прозорливостью. Всякій понимаетъ, что весь эффектъ проэктируемаго мѣропріятія зиждется на томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что профессора,—не смотря на предпринятую противъ нихъ въ извѣстной сферѣ кампанію, съ затаенной цѣлью умалить ихъ обаяніе,—все еще продолжаютъ пользоваться среди студентовъ нѣкоторымъ нравственнымъ авторитетомъ, воздѣйствіе котораго на помутившіеся умы неопытныхъ и пылкихъ юношей не можетъ не оказаться умиротворяющимъ до извѣстной степени. Воспользоваться этимъ факторомъ, съ цѣлью установить болѣе правильное, мирное теченіе университетской жизни, конечно, не только не предосудительно, но даже желательно. Но для этого, само собою разумѣется, необходимо выбрать и цѣлесообразное средство. Можно ли, однако, признать таковымъ вышеупомянутое мѣропріятіе? На этотъ вопросъ можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ—категорически отрицательный. Въ самомъ дѣлѣ, кто же не пойметъ, что вмѣстѣ съ установленіемъ вышесказаннаго правила и самый-то авторитетъ профессоровъ въ глазахъ студентовъ окончательно погибнетъ, ибо каждый студентъ

вправѣ будетъ думать, и даже вслухъ говорить, что профессоръ удерживаетъ его отъ безпорядковъ не потому, что ему дороги интересы науки и самихъ студентовъ, которые могутъ пострадать отъ закрытія университета, а *потому только*, что профессоръ держится за свой карманъ, боясь потерять на время казенное жалованье. Задача *воспитанія* юношества (замѣтимъ въ скобкахъ: *не* простаго, *формальнаго преподаванія* студентамъ узаконенныхъ предметовъ)—вещь въ высшей степени деликатная. Ее, во-первыхъ, нельзя втиснуть въ извѣстныя рамки *внѣшняго* благочинія (хотя и оно подразумѣвается въ данномъ случаѣ), а, во-вторыхъ, исполнителей этой задачи необходимо окружить извѣстнымъ ореоломъ возвышенной нравственности. Каковы же могутъ быть отношенія студентовъ-воспитанниковъ къ ихъ воспитателямъ-профессорамъ, если лишить послѣднихъ ихъ нравственнаго престижа и поставить въ такое положеніе, что студенты вправѣ будутъ называть ихъ не искренними, убѣжденными защитниками порядка, а наемными его охранителями и слугами? Молодежь, какъ извѣстно, способна увлекаться, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону. Теперь она еще вѣритъ, что профессоръ—представитель науки и ему, какъ таковому, охотнѣе подчиняется, слѣдуя его указаніямъ и совѣтамъ; но стоитъ только ей предположить, что профессоръ дѣйствуетъ не безъ заднихъ мыслей, изъ-за матеріальныхъ выгодъ, чтобы перейти въ другую крайность и считать каждаго профессора продажнымъ субъектомъ,—и тогда, конечно, молодежь не только не будетъ слѣдовать его совѣтамъ, но, напротивъ, еще съ бо́льшей яростью будетъ дѣйствовать наперекоръ профессорскимъ указаніямъ.

Сказаннаго, по нашему убѣжденію, совершенно достаточно, чтобы признать вышеупомянутый, якобы существующій проэктъ—по меньшей мѣрѣ непрактичнымъ, даже съ точки зрѣнія тѣхъ, кто думаетъ достигнуть этимъ путемъ прекращенія университетскихъ исторій. Но, кромѣ указанныхъ соображеній, существуютъ еще и другія, которыя говорятъ противъ проэктируемой мѣры. Такъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что, строго говоря, отношенія между профессорами-воспитателями и студентами-воспитанниками гораздо менѣе тѣсны, чѣмъ между послѣдними и ихъ родителями. Отчего же, спрашивается, не установить—ради послѣдовательности—и такого правила, что если какой нибудь университетъ, вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ, будетъ закрытъ, то родителямъ всѣхъ студентовъ закрытаго университета, состоящимъ на государственной службѣ, производство жалованья прекращать впредь до открытія университета? Вѣдь это, пожалуй, будетъ еще дѣйствительнѣе для предупрежденія студенческихъ безпорядковъ. Рекомендуемъ и эту „мѣру“ вниманію сочинителей разныхъ „прожектовъ“ въ духѣ вышеприведеннаго, хотя мы твердо думаемъ, что она имъ не придется по вкусу: не ровенъ часъ, и имъ же самимъ доведется испытать на „собственной персонѣ“ всю справедливость предлагаемой нами „мѣры“. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, эти изыскатели мѣропріятій не подумаютъ, что вѣдь не слѣдуетъ дѣлать ближнему того, чего самому себѣ

не желаешь. Наконецъ, мы просили бы этихъ диллетантовъ педагогической администраціи—подумать хоть немного и объ участи самихъ университетовъ, которые,—если допустить хоть на минуту возможность осуществленія мѣропріятія, о которомъ идетъ рѣчь,—безъ сомнѣнія, могутъ заразиться весьма дурнымъ недугомъ, которымъ страдаетъ уже наше сельское хозяйство, а именно „абсентеизмомъ". Въ самомъ дѣлѣ, ни для кого не тайна, что наши университеты далеко не могутъ похвастаться избыткомъ научныхъ силъ. Недаромъ многія каѳедры, даже въ петербургскомъ университетѣ, заняты приватъ-доцентами или просто преподавателями, а не то и совсѣмъ пустуютъ по нѣсколько лѣтъ. Вообразите же, что произойдетъ, если допустить, что вышеупомянутый проэктъ будетъ осуществленъ? Кто же изъ болѣе или менѣе солидныхъ ученыхъ рѣшится тогда занять каѳедру въ университетѣ? Вѣдь случится грѣхъ, студенты закапризничаютъ и университетъ закроется, и тогда профессорамъ, не говоря худаго слова, прекратятъ жалованье. Откуда же добывать себѣ средства къ существованію какому нибудь профессору „небесной механики", который въ механикѣ будничной жизни представляетъ самый безполезный винтъ, или профессору „римской словесности", который, при всей своей классической учености, также плохо владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ напр., злополучный профессоръ Модестовъ?

Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что проэктъ, о которомъ идетъ рѣчь, составляетъ одну изъ тѣхъ газетныхъ „утокъ", которыя обыкновенно пускаются въ ходъ разными шутниками для собственной утѣхи. Но, съ другой стороны, одна возможность возникновенія подобныхъ „утокъ" указываетъ на ту сумятицу въ понятіяхъ, которая существуетъ по вопросу о высшемъ образованіи, а потому и мы считали своимъ долгомъ отмѣтить это прискорбное явленіе, характеризующее настоящую пору всякихъ превратныхъ „вѣяній". Пускай будущее поколѣніе оцѣнитъ по достоинству заботы и попеченія объ его благѣ ретивыхъ предковъ во времена оны. Можетъ быть, оно также признаетъ, что намъ жить было легче и привольнѣе, чѣмъ ему, т. е. будущему поколѣнію,—подобно тому, какъ на дняхъ, въ одномъ изъ нашихъ ученыхъ обществъ, ярославскій профессоръ А. А. Исаевъ самымъ серьезнымъ образомъ доказывалъ, что наши предки во времена Василія Темнаго жили гораздо комфортабельнѣе и уютнѣе, чѣмъ мы съ вами, любезный читатель. Въ подтвержденіе своихъ словъ, почтенный профессоръ сослался на нѣкоторые сохранившіеся по сю пору историческіе памятники того времени, напр., боярскія избы въ Угличѣ, которыя, какъ оказывается, весьма мало отличаются отъ тогдашнихъ жилищъ простыхъ смертныхъ. Хотя, признаться сказать, мы далеко не раздѣляемъ оптимистическаго взгляда почтеннаго профессора на превосходное будто бы житье-бытье русскаго народа въ допетровскую эпоху, мы, тѣмъ не менѣе, вполнѣ согласны съ его основной мыслью,—впрочемъ, и не новою,—что мы теперь дѣйствительно живемъ свыше своихъ средствъ, а потому и страдаемъ разными недугами, въ томъ числѣ и эконо-

мическими, порождающими періодическіе кризисы, главныя причины которыхъ и старался раскрыть передъ ученымъ собраніемъ почтенный профессоръ. Удалось ли ему убѣдить своихъ слушателей въ основательности намѣченныхъ имъ гипотезъ, съ достовѣрностью сказать не можемъ, но во всякомъ случаѣ ему былъ оказанъ весьма сочувственный пріемъ въ собраніи, состоявшемъ преимущественно изъ студентовъ, которые лишній разъ доказали, какимъ обаяніемъ пользуются въ ихъ глазахъ лица, достойно носящія званіе профессора. Это обстоятельство— сознаемся—заставило и насъ, между прочимъ, упомянуть здѣсь о докладѣ, съ содержаніемъ котораго читатели, вѣроятно, знакомы по отчетамъ, появившимся въ нашей ежедневной печати. Мы сказали: „между прочимъ", потому что, помимо указаннаго обстоятельства, мы заговорили о докладѣ г. Исаева и по другой причинѣ.

Надобно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ въ печать проникъ слухъ о намѣреніи правительства учредить подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора В. К. Плеве, комисію для изысканія мѣръ къ поднятію цѣнъ на наши хлѣбные товары,—у насъ, т. е. въ Петербургѣ, вопросъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ и мѣрахъ къ его устраненію сталъ, какъ говорится, моднымъ или животрепещущимъ вопросомъ дня. Толковали, правда, и раньше объ этомъ предметѣ, но какъ-то нерѣшительно и даже съ нѣкоторой затаенной боязливостью, изъ опасенія вызвать чье-то неудовольствіе. Но вотъ само правительство признало фактъ существованія хлѣбнаго кризиса, и всѣ запѣли хоромъ о неотложности принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ къ устраненію этого кризиса, какъ будто онъ объявился только со вчерашняго дня. Но, какъ бы то ни было, нынѣ вопросъ этотъ обсуждается и въ обществѣ, и въ печати на разные лады; предлагаются всевозможные рецепты къ исцѣленію недуга, причемъ нѣкоторые рекомендуютъ даже самыя радикальныя специфическія средства, которыя, по ихъ крайнему разумѣнію, въ состояніи устранить это прискорбное явленіе,—если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на долгіе годы, притомъ же въ сравнительно короткое время и съ небольшими усиліями. На одно изъ такихъ средствъ указалъ и профессоръ Исаевъ. Задавшись вопросомъ: гдѣ лежатъ главныя причины хозяйственныхъ кризисовъ, профессоръ Исаевъ старался доказать, что онѣ лежатъ въ неравномѣрности двухъ теченій: производительности труда и распредѣленія общественнаго дохода между *рентой, прибылью* и *заработной платой.*

Поэтому, въ видахъ устраненія народныхъ бѣдствій отъ кризисовъ, задача современнаго государства состоитъ въ томъ, чтобы умножить классы населенія, получающіе ренту и прибыль. Эта задача можетъ быть выполнена двоякимъ образомъ: 1) образованіемъ артелей въ разныхъ отрасляхъ производства и 2) умноженіемъ земледѣльческихъ классовъ. Послѣднее, по мнѣнію г. Исаева, особенно легко осуществить въ Россіи, которая обладаетъ еще громаднымъ пространствомъ свободныхъ казенныхъ земель (по заявленію г. Исаева, до 150 мил. дес.),—осуществить путемъ ежегоднаго переселенія отъ 200 до 300 тысячъ семействъ земледѣльцевъ изъ

мѣстъ, гдѣ имъ тѣсно, на свободныя казенныя земли, на началахъ долгосрочной аренды. Матеріальныя затраты, которыя потребуютя со стороны государства на сказаный предметъ, по мнѣнію г. Исаева, не могутъ быть особенно велики, во всякомъ случаѣ не болѣе 100 мил. руб. въ годъ, которые окупятся съ лихвой вслѣдствіе возрастанія, съ одной стороны, благосостоянія тѣхъ, которые останутся на мѣстахъ, гдѣ имъ раньше было тѣсно жить, а съ другой стороны — вслѣдствіе расширенія, благодаря переселенцамъ, туземнаго рынка, такъ какъ нашимъ промышленникамъ и торговцамъ придется употребить всѣ усилія къ пріобрѣтенію новыхъ рынковъ за предѣлами Россіи, для сбыта своихъ произведеній.

Что же касается вопроса о томъ, какимъ образомъ государство можетъ „споспѣшествовать" образованію артелей въ разныхъ отрасляхъ производства, то профессоръ Исаевъ обошелъ его краснорѣчивымъ молчаніемъ, хотя (замѣтимъ въ скобкахъ) объ этомъ, въ высшей степени интересномъ вопросѣ надлежало бы распространиться гораздо подробнѣе. Впослѣдствіи мы, быть можетъ, еще возвратимся къ нему, теперь же займемся разсмотрѣніемъ мѣръ, предлагаемыхъ г. Исаевымъ для устраненія сельско-хозяйственныхъ кризисовъ.

По мнѣнію почтеннаго профессора, намъ, россіянамъ, унывать совершенно не къ лицу. У насъ площадь свободныхъ казенныхъ земель велика и обширна, избытокъ смѣтливаго и трудолюбиваго населенія также имѣется; дѣло, слѣдовательно, стоитъ только за тѣмъ, чтобы сроднить эти два мощные элемента, и тогда, конечно, хозяйственные кризисы должны исчезнуть или, по меньшей мѣрѣ, значительно смягчиться. Итакъ, якорь спасенія найденъ, остается только пустить его въ дѣйствіе. Но—увы!—въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ, какъ осуществить на практикѣ предложенную г. Исаевымъ мѣру. Въ самомъ дѣлѣ, кто же сомнѣвается въ томъ, что благоденствіе Россіи, какъ страны по преимуществу земледѣльческой, зависитъ главнымъ образомъ отъ благосостоянія земледѣльческаго класса, которое, въ свою очередь, обусловливается цвѣтущимъ состояніемъ сельскаго хозяйства; что уменьшеніе числа безземельныхъ или малоземельныхъ земледѣльцевъ въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ густоты населенія,—посредствомъ передвиженія части его въ страны привольныя,—можетъ увеличить доходность и благосостояніе остающихся на прежнихъ мѣстахъ, и что, наконецъ, при такихъ обстоятельствахъ, долженъ исчезнуть угрожающій характеръ хозяйственныхъ кризисовъ, отъ которыхъ мы теперь страдаемъ. Но какъ это все устроить? Шутка ли сказать: переселять ежегодно отъ 200 до 300 тысячъ семействъ изнутри Россіи въ мѣста „болѣе или менѣе отдаленныя". Вѣдь для этого, по словамъ г. Исаева, потребуется, по крайней мѣрѣ, кругленькая сумма въ 100 мил. руб. въ годъ, а откуда, позволительно спросить, взять эти 100 мил. руб., когда мы вынуждены измышлять все новые и новые налоги, для того чтобы свести концы съ концами въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, прибѣгая даже къ налогамъ на керосинъ и зажигательныя спички. Наконецъ, развѣ переселенческій вопросъ воз-

никъ у насъ только со вчерашняго дня? развѣ мало крестьянскихъ семействъ переселялось въ Уссурійскій край, даже при участіи правительственныхъ агентовъ и, въ концѣ концовъ, претерпѣвало, быть можетъ, полное фіаско. Мы говоримъ: „быть можетъ", потому что объ участи уссурійскихъ переселенцевъ почти никто ничего не знаетъ, не исключая и самихъ властей, при участіи которыхъ совершалось это переселеніе. Такъ какъ же, спрашивается, говорить послѣ этого объ устройствѣ переселеній массами, когда мы оказываемся безсильными собрать хоть какія либо точныя свѣдѣнія объ участи тѣхъ крестьянъ, которые уже переселились на новыя мѣста?

Но намъ могутъ сказать, что задача науки — указать путь къ устраненію печальныхъ экономическихъ явленій, а затѣмъ не ея вина, если на практикѣ этотъ путь преграждается „случайными" препятствіями. Но да простятъ намъ гг. ученые, если мы на это отвѣтимъ, что наука вообще, и наука о народномъ хозяйствѣ въ частности, лишь тогда получаетъ значеніе непреложности, когда она идетъ въ уровень съ практической жизнью и считается съ неизбѣжными препятствіями. Оставляя безъ вниманія эти тормозы, наука перестаетъ быть наукой, превращаясь въ простую фантасмагорію, отъ которой да сохранитъ насъ Господь Богъ, какъ отъ всякой другой бѣды, ибо такая наука порождаетъ лишь массу фантазеровъ, вносящихъ въ жизнь разныя несбыточныя мечты и старающихся всѣми силами осуществить ихъ на практикѣ. А когда послѣдняя неумолимо оборачивается къ нимъ спиною, они опускаютъ руки, твердя, что они не въ состояніи бороться съ злымъ рокомъ, совершенно забывая, что злой рокъ въ нихъ-то самихъ и кроется. И вотъ, въ результатѣ, все остается по прежнему и зло оказывается какъ будто непоправимымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности его легко было устранить,—вырвать, какъ говорится, съ корнемъ совершенно обыденными способами.

За примѣрами, къ сожалѣнію, далеко не ходить: они у насъ на лицо, и именно по тому же вопросу: о мѣрахъ къ устраненію разоряющаго насъ сельско-хозяйственнаго кризиса.

Какъ мы уже упомянули выше, сказанный вопросъ у насъ теперь стоитъ въ ряду „животрепещущихъ". Объ немъ говорятъ въ многочисленныхъ министерскихъ канцеляріяхъ, въ ученыхъ обществахъ, за „учеными обѣдами" (существуютъ у насъ и такіе обѣды)—и, наконецъ, во всѣхъ ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ органахъ печати. „Записками", „проэктамъ" и т. под. матеріаламъ, трактующимъ о мѣропріятіяхъ къ воздѣйствію на сельское хозяйство, нынѣ нѣтъ числа, благо къ намъ теперь понаѣхало множество „свѣдущихъ людей", — какъ ихъ прозвали въ недавнее многообѣщавшее время,—которые то и дѣло снуютъ повсюду со своими „представленіями", „свѣдѣніями", „ходатайствами" и проч. Распространяться обо всѣхъ этихъ разнообразныхъ „матеріалахъ" мы, конечно, не станемъ, чтобы не отнять понапрасну у читателей дорогаго времени. Но объ одной изъ циркулирующихъ нынѣ по рукамъ записокъ мы

считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ, во-первыхъ, потому что авторъ ея, очевидно, хорошо знакомъ не только съ съ практической стороной разсматриваемаго вопроса, но и съ литературой предмета; а, во-вторыхъ, потому что она обратила на себя вниманіе въ свѣдущихъ кружкахъ. Эта записка первоначально появилась на столбцахъ издаваемаго К. И. Масляниковымъ журнала: „Сельскій Хозяинъ" и прямо направлена по адресу вышеупомянутой спеціальной комисіи для изслѣдованія причинъ настоящаго сельско-хозяйственнаго кризиса и изысканія мѣръ къ его устраненію.

Останавливаясь на вопросѣ: гдѣ лежатъ главнѣйшія причины переживаемаго нами сельско-хозяйственнаго кризиса, авторъ упомянутой записки указываетъ на слѣдующія: 1) общее пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на международныхъ рынкахъ, обусловленное совершенствомъ современныхъ міровыхъ путей сообщенія, а отсюда и вытѣсненіе съ помянутыхъ рынковъ американскимъ, австралійскимъ и индійскимъ хлѣбами—русскаго хлѣба, какъ лишеннаго европейской торговой техники; 2) неустройство въ Россіи подъѣздныхъ путей, дороговизна и медленность перевозки хлѣбныхъ грузовъ, значительные размѣры накладныхъ и комисіонныхъ расходовъ, дорогое искусственное направленіе грузовъ по долгимъ путямъ посредствомъ тарифной политики желѣзныхъ дорогъ, засоренность зерна, допускаемая своекорыстными русскими экспортерами, и значительная разсыпка его при нашей примитивной перевозкѣ въ мѣшкахъ и куляхъ; 3) отсутствіе всякой организаціи и дѣйствительнаго правительственнаго контроля во внутренней и внѣшней хлѣбной торговлѣ и полная беззащитность русскихъ интересовъ на европейскихъ рынкахъ; 4) чрезмѣрная дороговизна правительственнаго и частнаго ипотечнаго кредита, далеко не соотвѣтствующая современной земельной рентѣ въ Россіи, а также отсутствіе легкаго, скораго и дешеваго кредита подъ хлѣбные запасы и грузы; 5) значительное сокращеніе оборотныхъ средствъ у сельскихъ хозяевъ и возрастающая безнадежная задолженность землевладѣнія всѣхъ классовъ; 6) сравнительная тяжесть поземельнаго обложенія; 7) вызванное охранительными пошлинами вздорожаніе привозныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ; 8) частые неурожаи и значительное уменьшеніе средней урожайности почвъ вообще, вслѣдствіе хищнической ихъ эксплуатаціи и истребленія лѣсовъ, вредно измѣнившаго климатическія условія страны частыми засухами, и 9) значительное вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости для хозяевъ и увеличеніе расходовъ производства ихъ наряду съ чрезмѣрнымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣба и общей доходности земель.

Мы не безъ намѣренія перечислили *всѣ* причины переживаемаго нынѣ тяжкаго сельско-хозяйственнаго кризиса, которыя авторъ разсматриваемой нами записки считаетъ *главнѣйшими*, въ ряду другихъ менѣе важныхъ. Мы сдѣлали это по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, потому что на нихъ постоянно указывалось и въ обществѣ, и въ печати, не исключая и насъ, причемъ всѣ требовали немедленнаго ихъ устраненія; а, во-вторыхъ, потому что въ сказанной за-

пискѣ не упомянуто объ одной изъ самыхъ существенныхъ причинъ, породившей настоящій сельско-хозяйственный кризисъ, о которой также постоянно твердятъ и въ обществѣ, и въ печати, но объ устраненіи которой какъ будто совершенно забываютъ, какъ только заходитъ рѣчь о необходимости *серьезно* взяться за упорядоченіе нашего сельскаго хозяйства. Мы говоримъ о такъ называемомъ *абсентеизмѣ*, укоренившемся въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ.

Размѣры внутренняго обозрѣнія не позволяютъ намъ останавливаться подробно на причинахъ, вызывающихъ это печальное явленіе въ дѣятельности нашихъ сельскихъ хозяевъ, но въ то же время мы глубоко убѣждены, что пока это явленіе не сдѣлается *фактическимъ* анахронизмомъ, какія бы ни придумывали мѣры къ улучшенію нашего сельскаго хозяйства, онѣ всѣ окажутся лишь полумѣрами, временными пальятивами, или, выражаясь фигурально, будутъ имѣть то же вліяніе, какое производятъ на изнеможенный организмъ подкожныя вспрыскиванія морфія. Но не будемъ, впрочемъ, забѣгать впередъ, а взглянемъ сначала на тѣ мѣры, которыя предлагаются авторомъ вышеупомянутой записки къ устраненію переживаемаго нынѣ кризиса.

Мѣры эти распадаются, по мнѣнію автора, на три категоріи: экстренныя, переходныя и постоянныя. Относительно мѣропріятій послѣднихъ двухъ категорій мы въ настоящемъ случаѣ распространяться не будемъ, такъ какъ онѣ относятся къ болѣе или менѣе отдаленному будущему. Замѣтимъ лишь, что нѣкоторыя изъ нихъ, по нашему мнѣнію, отнюдь не терпятъ отлагательства въ долгій ящикъ. Но объ нихъ мы поговоримъ ниже, такъ какъ наши указанія касательно ихъ могутъ быть вполнѣ поняты лишь въ связи съ нашими же замѣчаніями по поводу экстренныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ авторомъ. Къ этимъ мѣрамъ онъ причисляетъ слѣдующія: 1) учрежденіе на границѣ строгой и неуклонной хлѣбной инспекціи, которую необходимо осуществить уже къ концу лѣта текущаго года, т. е. къ началу наибольшаго экспортированія нашихъ зерновыхъ продуктовъ за границу; 2) чувствительное пониженіе для хлѣбовъ провозныхъ тарифовъ, хотя бы и съ небольшимъ ущербомъ въ приплатахъ по гарантіямъ, который будетъ нѣкоторой компенсаціей земледѣльческому населенію со стороны другихъ сословій, несущихъ сравнительно меньшее количество обложеній; 3) отмѣна или уменьшеніе на половину таможенныхъ пошлинъ на ввозныя, хотя бы на *американскія земледѣльческія машины и орудія* (курсивъ принадлежитъ автору цитируемой записки), съ оставленіемъ ихъ для европейскихъ, менѣе пригодныхъ намъ и полезныхъ, и, наконецъ, 4) распространеніе на всю Россію существующаго въ Привислянскомъ краѣ государственнаго кредита на обзаведеніе улучшенными машинами и орудіями сельскаго хозяйства.

Внимательно вникая въ только что перечисленныя мѣры къ устраненію остраго характера переживаемаго нами сельско-хозяйственнаго кризиса, въ связи съ вышеуказанными причинами, вызвавшими этотъ кризисъ, мы спѣшимъ признать, что первая,

третья и четвертая мѣры весьма полезны и безотлагательно необходимы; вторая же изъ нихъ, на нашъ взглядъ, требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ.

Останавливаясь на вопросахъ о необходимости и цѣлесообразности учрежденія строгой браковочной хлѣбной инспекціи, мы полагаемъ, что здѣсь двухъ различныхъ мнѣній быть не можетъ, потому что преступная порча зерновыхъ хлѣбовъ, отправляемыхъ нами за границу—фактъ настолько-же общеизвѣстный, какъ и позорный. Но весь вопросъ, по нашему мнѣнію, состоитъ здѣсь въ томъ, какъ должна быть организована эта хлѣбная инспекція, чтобы она не превратилась на дѣлѣ въ пустую формальность, а, пожалуй, и въ такое разлюбезное учрежденіе, которое не только не будетъ способствовать устраненію засоренности и порчи вывозимыхъ за границу продуктовъ, но, наоборотъ, окажетъ еще свое содѣйствіе нашимъ плутоватымъ экспортерамъ, пропуская за извѣстный „накладной расходъ“ товаръ тѣхъ отправителей, которые съ благодарностью изъявятъ согласіе нести этотъ расходъ, и прижимая строптивыхъ, которые почему либо не пожелаютъ „смазывать колесъ“ инспекціоннаго механизма. Не мѣшаетъ при этомъ вспомнить, что подобная браковочная инспекція у насъ вовсе не новость. Она, напр., долгое время дѣйствовала въ Ригѣ. Но дѣятельность браковщиковъ въ результатѣ была признана здѣсь настолько „вредоносной“, что волей-неволей пришлось упразднить институтъ офиціальныхъ браковщиковъ. Наконецъ, кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, что и въ настоящее время мы имѣемъ своего рода хлѣбную инспекцію въ одномъ изъ многочисленныхъ вѣдомствъ, а именно—въ интендантскомъ, которая, однако, далеко не можетъ похвастаться особенными симпатіями общества. Въ виду этого повторяемъ, что мы въ принципѣ вполнѣ согласны съ мнѣніемъ автора записки о безотлагательной необходимости учредить инспекцію надъ вывозимымъ за границу хлѣбомъ, но считаемъ въ то же время полезнымъ обставить ее такъ, чтобы она не превратилась въ простую фикцію, а кольми паче не могла злоупотреблять своею властью. Для достиженія этого результата, предлагаемая авторомъ организація хлѣбной инспекціи намъ кажется несовсѣмъ цѣлесообразной. „Хлѣбную инспекцію,—говоритъ онъ,—можно установить при содѣйствіи существующихъ биржевыхъ комитетовъ, причемъ *члены ея, руководимые компетентнымъ правительственнымъ должностнымъ лицомъ, могутъ быть и выборные*, вступающіе въ обязанности по принятіи спеціальной присяги и взносѣ болѣе или менѣе значительныхъ залоговъ, наличность коихъ, при современной этикѣ, будетъ способствовать и правильному ходу дѣла, и большему соблюденію инспекторами святости присяги. На вознагражденіе хлѣбной инспекціи необходимо будетъ установить сборъ съ экспортируемаго хлѣба всѣхъ видовъ, подобно тому, какъ это введено и въ Америкѣ“.

Такимъ образомъ, основная мысль автора разбираемой нами записки—та, что хлѣбная инспекція должна быть руководима *правительственнымъ чиновникомъ*, члены же ея *могутъ* быть и выборные, но могутъ быть и *не* выборные, а также чиновники. Но

такая постановка вопроса едва ли принесетъ практическую пользу. Мы уже выше видѣли, что въ дѣлѣ контроля надъ зерновыми продуктами чиновники представляютъ весьма мало гарантій, въ смыслѣ соблюденія ими правилъ строгой этики. Но, кромѣ того, мы думаемъ, что среди чиновниковъ едва ли найдется много такихъ свѣдущихъ въ сортировкѣ хлѣба людей, которые потребны для *дѣйствительной*, а не *мнимой* хлѣбной инспекціи. Наконецъ, если даже допустить, что въ этой средѣ найдутся лица, способныя исполнять трудную задачу *руководителя* хлѣбной инспекціи, то и тогда намъ кажется неудобнымъ—вводить въ это дѣло чиновный элементъ, по той причинѣ, что чиновникъ, во всякомъ случаѣ, лицо трудно смѣняемое, тогда какъ члены хлѣбной инспекціи, по нашему мнѣнію, должны исполнять свои функціи безусловно только въ теченіе *одного* сезона, и не болѣе, дабы предотвратить возможность стачекъ между плутами-экспортерами и постоянными хлѣбными инспекторами, пользующимися такъ или иначе покровительствомъ высшаго начальства.

Но затѣмъ, признавая необходимымъ, чтобы члены хлѣбной инспекціи были исключительно „выборные“ и притомъ только на одинъ сезонъ, мы должны также указать, кто долженъ выбирать членовъ этой инспекціи и изъ какой среды. Авторъ разбираемой нами записки спеціально этого вопроса не касается; онъ заявляетъ только, что хлѣбную инспекцію можно установить при содѣйствіи биржевыхъ комитетовъ, изъ чего косвенно можно заключить, что хлѣбные инспектора должны быть избираемы изъ среды хлѣбныхъ торговцевъ. Но, выражаясь его же словами, „при современной этикѣ“, это едва ли будетъ удобно, въ виду мудрой поговорки: „рука руку моетъ, и обѣ чисты бываютъ“. Мы бы, поэтому, предложили выбирать хлѣбныхъ инспекторовъ изъ среды землевладѣльцевъ, такъ какъ хлѣбная инспекція собственно и устанавливается въ ихъ же интересахъ.

Въ данномъ случаѣ, нечего опасаться отвлеченія землевладѣльцевъ отъ ихъ собственнаго дѣла, въ виду того, что срокъ исполненія ими этой обязанности, какъ мы уже выше сказали, слѣдовало бы установить весьма короткій, т. е. на время навигаціи, которая у насъ обыкновенно продолжается очень недолго. Наконецъ, для облегченія землевладѣльцевъ при исполненіи обязанности хлѣбнаго инспектора, въ смыслѣ сокращенія срока этой службы, могло бы быть установлено правило, что для каждой секціи избирается болѣе или менѣе значительное число землевладѣльцевъ, напр., 10—15 чел. даннаго района, чтобы возможны были извѣстныя смѣны. Съ установленіемъ этого правила, не представится надобности и въ особомъ вознагражденіи за исполненіе обязанности хлѣбнаго инспектора, такъ какъ каждый землевладѣлецъ несомнѣнно согласится исполнять эту обязанность безвозмездно, сознавая, что онъ этимъ ограждаетъ и свой собственный интересъ.

Затѣмъ уже не представится надобности и въ установленіи особаго сбора въ пользу хлѣбной инспекціи, т. е. не нужно будетъ увеличивать и безъ того значительные накладные расходы на вы-

возимый нами хлѣбъ. Самое же избраніе хлѣбныхъ инспекторовъ изъ среды землевладѣльцевъ мы бы полагали предоставить уѣзднымъ или губернскимъ земскимъ собраніямъ. Биржевые же комитеты, въ свою очередь, могли бы выбирать изъ среды хлѣбныхъ торговцевъ одного или двухъ делегатовъ въ помощь хлѣбнымъ инспекторамъ изъ землевладѣльцовъ. Лишь при такой организаціи хлѣбной инспекціи можно надѣяться, что мы будемъ имѣть дѣйствительно хлѣбныхъ инспекторовъ, а не инспекторовъ на „хлѣбныхъ" мѣстахъ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о необходимости отмѣны или уменьшенія таможенныхъ пошлинъ на ввозныя земледѣльческія машины и орудія, мы должны сказать, что эта мѣра въ высшей степени полезна, въ смыслѣ желательнаго уменьшенія расходовъ по сельскому хозяйству, и въ то же время совершенно безвредна съ точки зрѣнія фискальной, ибо у всѣхъ еще свѣжи въ памяти пренія, происходившія по поводу введенія этой крайне непопулярной пошлины. И тогда многіе утверждали, что она отразится гибельно на нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, которое не можетъ обойтись безъ *дешевыхъ* заграничныхъ машинъ и орудій. Но эти голоса (въ числѣ которыхъ былъ и голосъ министерства государственныхъ имуществъ), въ то время остались вопіющими въ пустынѣ, а крики незначительной горсти желѣзодѣлательныхъ заводчиковъ, благодаря разнымъ „обществамъ содѣйствія", одержали побѣду. Отмѣна пошлины будетъ только поправкою раньше сдѣланнаго промаха.

Что же касается предложеннаго авторомъ записки распространенія на всю Россію, въ видѣ экстренной мѣры, существующаго въ Привислянскомъ краѣ государственнаго кредита на обзаведеніе улучшенными машинами и орудіями сельскаго хозяйства, — то это, безъ сомнѣнія, желательно, но едва ли скоро осуществимо. Надобно замѣтить, что вопросъ о введеніи у насъ этой формы кредита возникалъ уже давно и весьма подробно обсуждался въ какой-то правительственной комисіи, но онъ такъ и остался неразрѣшеннымъ, потому ли, что основанія, на которыхъ открывались кредиты въ польскомъ банкѣ (нынѣ уже болѣе не существующемъ) *) найдены были неудобными, или потому, что въ то время возлагали большія надежды на быстрый ростъ нашего собственнаго машиностроенія,—мы навѣрное сказать не можемъ. Но во всякомъ случаѣ, вмѣсто этого кредита, была введена выдача ссудъ землевладѣльцамъ изъ государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій подъ соло-векселя, съ обезпеченіемъ первыми или вторыми залоговыми свидѣтельствами на имѣнія заемщиковъ. Мы здѣсь не можемъ останавливаться подробно на разсмотрѣніи результатовъ этой операціи, но ни для кого, конечно, не тайна, что вышеупомянутыми ссудами наши землевладѣльцы пользуются весьма неохотно по многимъ причинамъ, между ко-

*) Его замѣнила варшавская контора государственнаго банка и другія его отдѣленія въ Привислянскихъ губерніяхъ.

торыми фигурируетъ и та, что самъ государственный банкъ считаетъ эту операцію какъ бы пристегнутой къ его чисто комерческой дѣятельности и, повидимому, тяготится ею. Поэтому, едва ли удобно поставить вопросъ такъ, чтобы *существующій* въ Привислянскомъ краѣ государственный кредитъ (вѣрнѣе сказать—кредитъ изъ нынѣшней варшавской конторы государственнаго банка) на обзаведеніе улучшенными машинами и орудіями сельскаго хозяйства былъ распространенъ въ видѣ *экстренной* мѣры на всю Россію. а надобно, наоборотъ, желать, чтобы кредитъ сельскихъ хозяевъ во всѣхъ его видахъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія государственнаго банка, какъ учрежденія съ чисто комерческимъ характеромъ. Повторяемъ однако, что съ основной мыслью автора записки по обсужденному вопросу мы вполнѣ согласны, ибо не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что рекомендуемая имъ форма кредита сама по себѣ весьма удобна для сельскихъ хозяевъ.

Нѣсколько иначе мы смотримъ на предлагаемое авторомъ записки пониженіе для хлѣбовъ провозныхъ тарифовъ, хотя бы,—какъ онъ говоритъ,—и *съ небольшимъ ущербомъ въ приплатахъ по гарантіямъ*, ибо этотъ ущербъ будетъ нѣкоторой *компенсаціей* земледѣльческому населенію со стороны другихъ сословій, несущихъ сравнительно меньшее количество обложеній.

У насъ трудно сказать, кто кому долженъ доставить „компенсацію", такъ какъ всѣ сословія одинаково обременены, несоотвѣтственно ихъ достатку, уплатою разныхъ повинностей, податей и сборовъ, — слѣдовательно, трудно и установить, какое сословіе несетъ сравнительно меньшее количество обложеній. Разница можетъ быть только въ томъ, что одно сословіе платитъ больше прямыхъ налоговъ, а другое—косвенныхъ, но въ общемъ мы всѣ, кажется, не можетъ хвастать незначительнымъ участіемъ въ тягости обложенія. Всѣ же разсчеты относительно большаго или меньшаго участія въ количествѣ обложеній того или другаго сословія являются чисто гадательными, а потому основывать на нихъ какія бы то ни было требованія въ пользу *одного* сословія довольно рискованно, хотя интересы земледѣлія въ Россіи дѣйствительно требуютъ заботливой охраны. Но мы думаемъ, что ихъ достаточно охранитъ правильный пересмотръ нашихъ нелѣпыхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, даже безъ всякаго ущерба для казны.

Этимъ собственно мы и заканчиваемъ наши замѣчанія по поводу записки „Сельскаго Хозяина", насколько она касается существа дѣла.

Но затѣмъ мы считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ относительно тѣхъ мѣропріятій, о которыхъ также упоминается въ этой запискѣ, но они признаются не столь безотлагательными. Сюда относятся: а) удешевленіе правительственнаго и частнаго ипотечнаго кредита, б) перенесеніе какой либо части земскихъ обложеній съ отягощенной кредитомъ и переживающей кризисъ земли—на торгово-промышленныя и другія предпріятія и в) систематическое покровительство заграничному экспорту

хлѣбовъ въ видѣ муки, очищеннаго спирта, масла и другихъ фабрикатовъ.

Не вдаваясь въ подробный анализъ этихъ мѣръ, мы однако не можемъ не замѣтить, что первая изъ нихъ столь же безотлагательно—необходима, какъ и предъидущія, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и послѣ учрежденія хлѣбной инспекціи, а равно уменьшенія таможенныхъ пошлинъ на привозныя земледѣльческія машины и доставленія земледѣльцамъ новаго источника кредита на пріобрѣтеніе улучшенныхъ орудій,—все таки самое больное мѣсто въ ряду другихъ болячекъ, которыми страдаетъ наше сельское хозяйство, составляетъ *громадная задолженность земледѣльческаго класса* на невыносимо тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ въ настоящее время *ни одно хозяйство не можетъ давать ренты въ 6—7%*.

Мы думаемъ, что объ этомъ вопросѣ слѣдуетъ подумать *немедленно* и даже раньше, чѣмъ успѣютъ осуществиться другія мѣропріятія къ улучшенію нашего сельскаго хозяйства.

Что же касается вопроса о перенесеніи какой либо части земскихъ обложеній съ земли на торгово-промышленныя и другія предпріятія, то мы думаемъ, что, по разрѣшеніи предъидущаго вопроса, торопиться съ перенесеніемъ земскихъ обложеній на другія сословія не представится особой надобности, тѣмъ болѣе, что платежныя силы всѣхъ сословій,—какъ мы уже выше замѣтили,—напряжены до крайности. Да и то сказать надобно, что перенесеніе части земскихъ повинностей *спеціально* на торгово-промышленныя предпріятія едва ли приведетъ къ желанной цѣли—облегченію сельскихъ хозяевъ, такъ какъ извѣстно, что торговцы изъ *своего* кармана никакихъ налоговъ не платятъ, а перекладываютъ ихъ обыкновенно, съ нѣкоторой „компенсаціей“ въ *свою* пользу, на товаръ, или—что то же—на потребителей, каковыми являются и сельскіе хозяева.

Наконецъ, относительно предлагаемаго систематическаго покровительства заграничному экспорту хлѣбовъ въ видѣ муки, очищеннаго спирта и проч., нельзя не замѣтить, что самымъ лучшимъ способомъ содѣйствія такому экспорту давнымъ давно признаётся открытіе нашихъ рынковъ для такихъ заграничныхъ фабрикатовъ, которыхъ мы у себя дома не имѣемъ, а такъ какъ этотъ путь нынѣ оставленъ, то всякое другое покровительство заграничному экспорту *нашихъ* фабрикатовъ (въ видѣ, напр., возврата акциза съ вывозимыхъ продуктовъ, выдачи премій и т. д.) въ сущности послужитъ лишь къ отягощенію государственнаго бюджета, не принося никакой пользы нашему сельскому хозяйству, ибо на всякую подобную попытку съ нашей стороны мы всегда можемъ ожидать въ отвѣтъ установленія новой категоріи „боевыхъ пошлинъ“.

Во всякомъ случаѣ, мы вполнѣ согласны съ авторомъ разсмотрѣнной нами записки въ томъ, что высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ В. К. Плеве комисіи надлежало бы ограничиться изысканіемъ самыхъ безотлагательныхъ мѣръ къ поднятію цѣнъ на хлѣбныя произведенія, а не задаваться той обширной программой, о которой уже проникли слухи въ нашу еже-

дневную прессу. Желательно, чтобы дѣятельность упомянутой комисіи принесла чисто *практическіе* результаты, а не собраніе и обнародованіе многотомныхъ „матеріаловъ“ для рѣшенія неотложнаго вопроса.

Между прочимъ, мы позволили бы себѣ обратить вниманіе комисіи на одинъ чисто практическій вопросъ,—а именно на положеніе нашего „золотаго банка“, совершившаго въ прошломъ году такую сложную операцію, какъ конверсія 5% закладныхъ листовъ въ $4^1/_2$ %, на условіяхъ, которыя—по мнѣнію многихъ заемщиковъ банка—оказываются для нихъ невыгодными. Быть можетъ, комисіи сенатора Плеве удастся нѣсколько освѣтить этотъ крайне запутанный вопросъ, а это составитъ важную заслугу ея передъ русскимъ землевладѣніемъ, которому такъ тяжело переносить усиливающійся изо дня въ день гнетъ „золотаго тельца“, по милости бывшихъ его поклонниковъ въ прежнее время, а, быть можетъ, и благодаря нежеланію разстаться съ нимъ—нынѣшнихъ дѣятелей „общества взаимнаго поземельнаго кредита“. Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ „Наблюдателя“).

ЭПИТАФІЯ
Ивану Дурново,
якобы-издателю неиздающагося „Дѣла“.

Онъ Благосвѣтловымъ задумалъ притвориться,
И жаждой къ „денежкѣ“ нутро его горѣло.
Но сладкій мигъ прошелъ:—онъ долженъ сократиться
— Судебный приставъ въ дверь его стучится—
И въ „Дѣло Плѣвое“ вдругъ превратилось „Дѣло“! *).

Ефимъ Простосердовъ.

---

*) Г. Иванъ Дурново, какъ нѣкогда Иванъ Хлестаковъ, „довольно странно аттестуетъ себя“ въ своей гостинницѣ... то бишь, въ своей журнальной тавернѣ подъ фальшивой вывѣской благосвѣтловскаго „Дѣла“, съ которымъ у этой таверны нѣтъ ничего общаго. Выпустивъ за нынѣшній годъ *единственную* книжку журнала съ титуломъ: №№ 1—3 (облизнитесь, читатель, и принимайте одну треть, какъ равную цѣлому); не додавъ за прошлый годъ цѣлыхъ *шести книжекъ*, г. Дурново плачется теперь, что онъ хорошо издавалъ бы журналъ въ „дурновскомъ направленіи“, да подписныхъ денегъ не хватило (объ основномъ капиталѣ издатель даже не заикается) — и вотъ онъ отчаянно „борется съ матеріальной нуждой“, удручаемый, хотя и „гуманными“, судебными приставами. Но —

грознѣй всѣхъ приставовъ, опаснѣе кутузки

оказался для г. Дурново нашъ журналъ, *однажды* и *вскользь* отмѣтившій шарлатанскія продѣлки его съ публикой. За это неудачникъ-антрепренеръ накидывается на „врага“ съ какой-то цыплячьей яростью и выдвигаетъ противъ нашего журнала слѣдующія тяжкія обвиненія: 1) „Наблюдатель“ началъ издаваться не на подписныя деньги и безъ задержекъ, „акуратно“ выпустилъ 75 книгъ, тогда какъ „Дѣло“ опочило на 15-ой книжкѣ; 2) редакцію „Наблюдателя“ *не тревожатъ* судебные пристава по искамъ неудовлетворенныхъ кредиторовъ; 3) съ нашей редакціей „не брезгаютъ“ имѣть сношенія почтенные писатели, которые принципіально не захотятъ связываться съ дурновскимъ органомъ, и 4) редакторъ „Наблюдателя“ *несомнѣнно привлекъ къ журналу громадное многотысячное количество подписчиковъ* (ахъ, какъ слюнки-то текутъ у г. Дурново!). Ну, что жъ? Mercì, почтеннѣйшій, mercì! Мы и „оправдываться“ не станемъ: qui s'excuse, s'accuse. Мы только чествуемъ васъ этой эпитафіей.

Ред „Фонографа“

Гдѣ лучше?

Межъ пышныхъ зарослей тропическаго лѣса,
Гдѣ плещетъ свѣтлый Гангъ таинственной волной,
И солнцемъ залиты святыни Бенареса,
Стоялъ факиръ презрѣнный и худой;

Пестрѣли стаи птицъ, рѣзвились обезьяны,
Отъ тысячи цвѣтовъ весь лѣсъ благоухалъ,
А онъ, отверженный, лишь холода Нирваны
Подъ зноемъ Индіи безстрастно ожидалъ.

Въ суровой же странѣ, на Сѣверѣ далекомъ,
Гдѣ воды и лѣса морозъ оледенилъ,
Цвѣтущій юноша, томясь въ снѣгу глубокомъ,
О солнцѣ и теплѣ Вселенную молилъ:

И чудились ему святыни Бенареса
Подъ солнцемъ пламеннымъ и чудной синевой;
Межъ пышныхъ зарослей тропическаго лѣса
Шумѣлъ священный Гангъ таинственной волной;

И лотосъ, сладостно вокругъ благоухая,
Задумчиво внималъ красавицѣ-волнѣ,
Лепечущей ему про горы Гималая,
Что бѣлою стѣной сверкали въ вышинѣ.

Муза.

(Посвящается поэтамъ, воспѣвающимъ своихъ музъ).

Еслибъ чудная муза явилась ко мнѣ
Нашептать вдохновенную пѣсню свою,
Я, не слушая пѣсни, въ ночной тишинѣ
Цѣловалъ бы красавицу музу мою;

И раскрылъ бы я грудь милой музы моей,
И сорвалъ бы покровъ съ бѣломраморныхъ плечъ,
И потокомъ—грозой сладострастныхъ рѣчей
Я залилъ бы ея вдохновенную рѣчь...

И сказалъ бы я: „милая муза моя,
Въ эту ночь ты о пѣсняхъ своихъ позабудь—
Мнѣ понятнѣе пѣсенъ улыбка твоя
И милѣе рѣчей бѣлоснѣжная грудь!“

Е. Каръ.

СОДЕРЖАНІЕ № 4-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

		стр
I.	Тихія слезы. Повѣсть І. І. Ясинскаго	
II.	Въ уединеніи и въ толпѣ. Стихотвореніе Л. И. Пальмина	25
III.	Переселенческая эпопея. Я. В. Абрамова	26
IV.	Похожденія Эксцельсіора. Романъ Бретъ-Гарта	77
V.	Именинникъ. Романъ Д. Сибирякa (*Оконч.*)	158
VI.	Изъ Тардьё. Стихотвореніе А. Круглова	185
VII.	Иллюзіи доктора Фаустино. (Съ испанскаго). Романъ Жуана Валеры. (*Оконч.*)	
VIII.	Расплата. Повѣсть К. В. Назарьевой	220
IX.	Трудная обязанность. (Современная сказка). Жака Нормана	248
X.	Русская живопись въ 1888 году. В. В. Чуйко	262
XI.	Вопросы дня. В. П. Безобразова	291
XII.	Баядера. Стихотвореніе Графа П. Д. Бутурлина	301
XIII.	Этикетъ. (Арабеска-рококо). Лолы Киршнеръ	303

Современное обозрѣніе.

XIV.	Парижскія письма. К. Д-ча	1
XV.	Медвѣжья услуга Тациту. („Сочиненія Тацита“ въ переводѣ г. Модестова). Iguarus	10
XVI.	Политическая хроника	21
XVII.	Новыя книги	38
XVIII.	Наши внутреннія дѣла	43
XIX.	Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“). Стихотворенія: Ефима Простосердова и Е. Кара	60

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

въ 1888 году.

(Двадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго отзыва — отъ комисіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Карлинѣ (Чехіи).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1888-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1888 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», на углу Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1880, 1881, 1884, 1885 и 1886 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: **вмѣсто 22 р. 50 к. за пять лѣтъ по 15 руб. съ пересылкою.**

Всѣ экземпляры «Народной Школы» за текущій годъ разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**